НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

МЕРСИ ШЕЛЛИ

2048: ДЕТАЛЬ А

Будущее запрограммировано, но кто-то знает коды взлома

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Можно ли увидеть красивый сон без специального устройства? Завести домашнее животное без специального разрешения? Реально ли вообще жить без персонального искина, который следит за каждым твоим шагом? Возможно, наши потомки не смогут ответить на эти вопросы утвердительно. Но некоторые из них будут искать ответы.

- Мерси Шелли
  - ДЕТАЛЬ А (ЛИЦЕВАЯ)
    - ЛОГ ПРО (МУСА)
    - ЛОГ 1 (СОЛ)
    - ЛОГ 2 (БАСС)
    - ЛОГ 3 (ВЭРИ)
    - ЛОГ 4 (СОЛ)
    - ЛОГ 5 (БАСС)
    - ЛОГ 6 (ВЭРИ)
    - ЛОГ 7 (СОЛ)
    - ЛОГ 8 (БАСС)
    - ЛОГ 9 (ВЭРИ)
    - ЛОГ 10 (СОЛ)
    - ЛОГ 11 (БАСС)
    - ЛОГ 12 (ВЭРИ)
  - ДЕТАЛЬ Б (ПОДКЛАДКА)
    - ЛОГ 13 (СОЛ)
    - ЛОГ 14 (БАСС)
    - ЛОГ 15 (ВЭРИ)
    - ЛОГ 16 (СОЛ)
    - ЛОГ 17 (БАСС)
    - ЛОГ 18 (ВЭРИ)
    - ЛОГ ЭПИ (ОМАР)
  - КОНЕЦ

Мерси Шелли
2048

«…Пройдет еще немного времени после „паутинового“ мира, и все области человеческого знания сплетутся в одну громадную нейро-кибернетическую сеть… Вот это шиза! Но абсолютно нельзя оторваться!»

«Хакер» #04 2001

«…Все это порой перерастает в своего рода техногенную пародию на человеческое общество, но пародия эта очень тонка и сделана со вкусом — по сути, это пародия на наше, современное, общество. Автор одновременно иллюстрирует и высмеивает наши страхи перед будущим и перед переходом человеческой цивилизации к новому, техногенному, этапу развития.»

Компьютер и жизнь, #44, 2001

«Единственный современный роман, в котором никто не курит. Это настоящая фантастика!»

Минздрав РФ, 2008

ДЕТАЛЬ А (ЛИЦЕВАЯ)

ЛОГ ПРО (МУСА)

2048. ДЕТАЛЬ А
МЕРСИ ШЕЛЛИ
Можно ли увидеть красивый сон без специального устройства? Завести домашнее животное без специального разрешения? Реально ли вообще жить без персонального искина, который следит за каждым твоим шагом?
РЕКОМЕНДУЕТ
...Пройдет еще немного времени после «спутинового» мира, и все области человеческого знания сплетутся в одну громадную нейро-кибернетическую сеть... Вот это шняк!
Но абсолютно нельзя отрываться!
Журнал «Хакер»
skomm.ru
снежный ком
ООО «Снежный Ком М», г. Москва, 2010
2048. ДЕТАЛЬ А
МЕРСИ ШЕЛЛИ
МЕРСИ ШЕЛЛИ
2048. ДЕТАЛЬ А
Будущее запрограммировано, но кто-то знает коды взлома

О Аллах, ты опять меня кинул!

Почему, почему другим правоверным торговля в праздники несет прибыль — но только не тому, кто четвертый год батрачит подавальщиком в чайхане собственного отца!

Конечно, после трех лет уже легче. Заранее знаешь о многих гадостях, поджидающих в том месте календаря, где стоит день осеннего карнавала. Как неотрегулированная пандора, этот день прямо-таки взрывается толпами обдолбанных наркотой туристов с их кривыми искин-толмачами и извращенными запросами.

Если у них кибитка с забродившей биотеслой, они обязательно летят на ручном управлении и врезаются в витрину как раз тогда, когда ты отключил защитный экран, чтобы вымыть стекло.

Если они притащили с собой ручного геномикса, то он настолько уродлив, что всех остальных посетителей чайханы начинает тошнить, и отец теряет половину дневной выручки.

Если они не спешат, то обязательно расскажут тебе, что только на их континенте можно купить криобота для правильного охлаждения каркадэ. Или будут учить, сколько мяты класть в женский чай и сколько в мужской.

И после всего этого, нахамив и нагадив, они еще норовят

расплатиться не по текущему курсу, а с какой-то жуткой задержкой минут на десять, словно их запрос идет через Марс. Причем за эти десять минут обязательно зависает токийский банкин и обрушивается сиднейская биржа.

А бывает и хуже: когда Шайтан засекает, что кто-то их них «строит глазки», «морозит пальчики» или какие другие трюки проделывает, пытаясь надуть сканеры плат-платы. Тогда — швейцарские скальпели из-под ногтей, игольники с немецкими фармозитами, китайские ноблики с голодублерами, русские акелы, индийские эмпатроны… И еще как минимум получасовые «зайчики» в глазах после общения с чьим-то искином-охранником. Причем подобных гадостей можно ожидать и от собственного Шайтана, который вбил себе в память, что «по причине легкой цепной возбудимости человеческих особей необходимо блокировать обе стороны конфликта». Искусственный интеллект, что с него возьмешь!

Ладно, опытный подавальщик и не такое видел. И знает, что на всякого мудреца довольно технологий. Попробуй вынеси тайком расписную пиалу из чайханы «Горный дух» — тебе потом вообще будет не на что сувениры вешать.

Но то, что случилось сегодня… Сгори вся чайхана от подброшенного конкурентами «угря», обвались вся Коралловая Гора от наведенного землетрясения голландских экотеррористов — и то бы не было так противно. Два года учебы на курсах фуджеев, три года прислуживаний в чайхане отца — все насмарку! Сегодня репутация Мусы была подмочена так, что выжав ее, можно было набрать три бокала «Смерти на пляже», любимого коктейля всех должников и брошенных девиц.

И почему самые большие гадости случаются именно тогда, когда ничего плохого уже не ждешь? Вот если носишься как сумасшедший с двумя переполненными подносами между шестью переполненными диванами — никаких неприятностей не происходит!

Нет, самое опасное — этот день накануне праздника, этот послеполуденный сонный час. Затишье перед бурей. В зале лишь один посетитель, да и тот завсегдатай. Так что особенно напрягаться не надо. Можно положить голову на стойку, и даже если вздремнешь полчасика, никто не заметит. Вот тогда-то оно и подкрадывается…

# # # #

— Не люблю осень, да простит меня Аллах!

Муса разлепил глаза, поднял голову со стойки и огляделся. А-а, это опять мулла Катбей… Впрочем, кому еще быть в чайхане в такое время? Только мулле да вон той мухе, что кружит над диваном у окна. Залети сюда полифем Санитарной комиссии — могут и лицензию отнять. Надо бы эту муху, конечно, того. Но для этого надо активировать Шайтана и сказать ему, чтобы… Ох, как клонит в сон… Что-то такое он должен сделать с этой мухой, да… В ультразвуковые клещи ее должен взять. Погоди-ка, про кого это я думаю «он»? Ну вот, опять ускользнула какая-то важная мысль. Кажется, я думал про Катбея… или нет, про полифемов… раньше они были такие неуклюжие… А мы их — из водяных пистолетов…

— Почему бы им не сделать один климат на весь год?

Муса снова поднял голову и хорошенько тряхнул ею. Похоже, мулла уже не даст поспать. Ишь, как скрипит диваном! И словно рыба с большими плавниками, разворачивает на груди полосатый халат, обнажая волосатую грудь. Из этих жирных зарослей вышла бы неплохая мухоловка. Или даже мухоморка: они бы еще на подлете умирали.

— Семипалый Фатим мне недавно рассказывал, как Атмосферная комиссия обещала следить за климатом. — Мулла продолжал ворочаться, постепенно перемещаясь из лежачего состояния в сидячее. — Кого они дурят, эти слуги нанодемонов? Вся эта расцветающая природа, оно же все чувствуется… Гетерогенный гомеостаз, да простит меня Единый!

Муса не любил разговоры с Катбеем — они всегда были одинаковыми. Другое дело Фатим. Вначале Муса даже побаивался этого низкорослого и костлявого бородача с быстрыми глазами. Каждый раз, когда семипалый в своем засаленном халате — нет, не в искине, а в настоящем халате! — входил в чайхану, мулла Катбей сразу спрашивал, как идет джихад. В ответ бородач лишь ухмылялся и чиркал себя по горлу оттопыренным седьмым пальцем. Рукав грязного халата съезжал, и в чайхане становилось как будто светлее: на каждом пальце сверкал перстень.

Вначале Муса не понимал, как такого странного человека вообще можно пускать в приличное место. И особенно изумился, когда однажды семипалый шутя дал отцу какой-то совет, после чего отец собственноручно наполнил и раскурил для него кальян. Тогда Муса набрался храбрости и спросил у отца, не опасно ли принимать у себя нищего хашишина, который к тому же носит столь дорогие перстни — скорее всего краденые.

Хороший подзатыльник был ему ответом. Чуть позже отец снова подозвал Мусу и объяснил, что Фатим — не какой-нибудь обкурившийся шахид, а уважаемый человек, взломавший уже два

десятка банковских демонов неверных. И что именно на такой электронный джихад наш мудрый мулла выдал семипалому особую фетву. И что перстни — не украшения, а волшебные амулеты, которые позволяют Фатиму говорить с демонами на их демонском языке знаков.

Этой штуки с демонским языком Муса не понял: зачем знаки, если любому искину можно дать команду обычным человеческим языком? Отец предложил в ответ второй подзатыльник, а также рекомендовал не умничать и относиться к семипалому с почтением. А еще лучше — завести с ним знакомство и (тут отец многозначительно поднял палец) кое-чему поучиться.

То был редкий случай, когда Мусе понравилось отцовское предложение — не считая, конечно, сопутствующих подзатыльников. Фатим оказался всего на пять лет старше, его просто очень старила борода. Это несоответствие возраста и внешности сам Фатим тоже знал и постоянно использовал: Муса никогда не понимал, шутит тот или нет, потому что семипалый то и дело разыгрывал его с самым скорбным лицом.

Их первый разговор начался как бы невзначай вокруг спора о том, почему заварка некоторых сортов мутнеет, когда остывает. Лишь вечером, прослушивая запись беседы и консультируясь с Шайтаном, Муса по-настоящему оценил, сколько полезных советов о сетевой защите свалил на него семипалый всего в нескольких репликах. Сам Шайтан признался, что уже в начале разговора, уловив в жестах семипалого намеки на свои дыры, тут же добавил несколько новых скриптов и заплаток. Но особенно искин был озадачен словами Фатима о том, что отпечатки пальцев легко подделать с помощью куска застывшего шербета.

Такие беседы случались теперь каждый раз, когда Фатим заходил в чайхану. Вот только узнать о том, как зарабатывал опытный взломщик, не удавалось. Только лишь Муса пытался склонить разговор к этой теме, как семипалый тут же отшучивался — мол, куда нам до этих кибер-улемов, у нас все просто. Перебирая в памяти способы обмана банкинов, о которых уже рассказал семипалый, Муса пришел к выводу, что самое простое — это «сбор крошек». Но неужели опытный взломщик занимается такой ерундой, как скачивание с банковских счетов микроскопических сумм, остающихся там при округлении?

Нет, в это никак нельзя было поверить после всего того, что Фатим поведал про «мусоровозку», «солнечные часы», «тугую калитку» и другие отличные трюки! А то, что он говорил во время последней встречи про «умные деньги» — это же было вообще золотое дно! Оказывается, у диких искинов, живущих в Сети (Муса о таких вообще никогда не слышал), существует своя

валюта, называемая «кульбитами». Один кульбит — это небольшой участок памяти, половина которого свободна. Вторую же половину занимает нечто вроде примитивного искина — скорее даже, просто вирус, способный лишь на простенькое вычисление. Однако сотня кульбитов, объединившись, составляют серьезный мозг, который может сам ползать по Сети, рассчитывая оптимальный путь для захвата новых вычислительных мощностей. А миллион одновременно исполняемых кульбитов, по словам Фатима — это просто «неуловимая куча бабок, которая сделает люля из твоего Шайтана, а потом съест его и даже не заметит».

Признаться, Муса далеко не все понял про эти умные деньги. Но чем больше он о них думал, тем больше у него возникало грандиозных проектов обогащения через Сеть. Эх, если бы сейчас зашел Фатим, было бы о чем поболтать!

— А еще и карнавал этот… — донеслось со стороны Катбея. — И что за неверный придумал устроить праздник как раз тогда, когда вокруг все расцветает, все так нестабильно, что невольно приходят мысли о смерти! Ну какая тут может быть радость, да не расслышит меня Вездесущий!

Придется отвечать. Клиент, хоть и постоянный, должен получать отклик. Таково уж правило хорошего подавальщика. Лишний обмен репликами — лишний шанс продать что-нибудь еще.

— Как точно вы заметили, уважаемый. Весна гораздо приятнее. Листопад, свежий ветер…

— Вот-вот, со снегом было бы куда лучше.

Мулла запахнул халат, и тот сразу же мелко задрожал всей поверхностью — сообразительный искин Катбея включил потосборник. Мулла поежился, как от щекотки, хлопнул себя по ляжке:

— Отстань ты, нечистый! Все равно никакого толку от твоего проветривания!

Халат прекратил шевелиться. Зато мысли Катбея потекли в новом направлении:

— А что, Мусаф, запусти-ка ты лучше своего дэва. Да смешай мне что-нибудь такое, знаешь… Под карнавал этот несчастный.

— Сию минуту, почтеннейший. У меня как раз сегодня появилось для вас нечто особенное.

— Вот за что люблю вашу чайхану. — Катбей поднял палец. — В других-то теперь и подавальщиков нет, одни подносы на ножках. А о чем с ними, демонами, говорить? Попросишь принести что-нибудь «на ваш вкус» — и что они принесут? Машинное масло?

Муса тем временем юркнул под стойку, делая вид, будто ищет среди контейнеров с ароматическими маслами нечто, спрятанное очень основательно.

— Шайка, что у нас на этого борова?

— Ты имеешь в виду свинину, хозяин? — Активированный Шайтан не сразу включился в контекст. — Мулла Катбей не ест свинину.

— Да нет же, плита с ушами! Я про чай говорю. Чистые фавориты у него есть? Я и забыл уже, когда он в последний раз пил что-то, что уже пил до этого.

— Верно, это очень привередливый клиент…

Шелестя в ухе Мусы, верный искин-фуджей одновременно включил кипятильник и развернул сушилку. Три чистых прозрачных чайника выехали на стойку.

— Зимой обычно пьет китайский. «Локоны принцессы» с жасмином либо «лунный дракон» с лотосом и льдом. Летом любимая смесь — «ассам хармутти» плюс «цейлон-16ГМ» плюс шиповник плюс изюм. Если холодно, позволяет себе грог «Виктория» на основе «микро-липтона» и бурбона, но только когда никто не видит. Весной все просто: жареный матэ с лимонным сорго или…

— Сейчас осень! — отрезал Муса.

— Осенних фаворитов выделить не могу. Вот три последних: «ингури» плюс чабрец, «дарджилинг» плюс молоко плюс мед, «серебряные иглы» плюс лаванда. Все три ему не понравились.

— Ага, теперь вспоминаю. Он любит экспериментировать в плохом настроении. Потом сам же и ругается.

— Тогда давай и мы поэкспериментируем, хозяин! Я утром отыскал в Сети несколько новых рецептов. Вот слушай: «тарри лапсанг сучонг» плюс перец «тальтека». По-моему, вполне осенний вкус.

— Хмм… Загрузи-ка пару капель на язык.

Во рту тут же возник привкус пикантной копчености, медленно перетекающий в сладковатую, но жгучую горечь. Муса сглотнул, запил холодной водой. Искин-фуджей подал на вкусовой чип вторую порцию скрипта, имитирующего новую чайную смесь.

Муса попробовал снова, задумчиво поглядел на Катбея. За год они протестировали на мулле уже десятка три сложносоставных чаев, но…

— Нет, не стоит. Чересчур резкий вкус, а наш боров сегодня совсем кислый. Давай так: варим его летний фаворит, но с бергамотом вместо шиповника, чтоб слегка подгорчить. Да и модифицированного «цейлона», пожалуй, не надо. Ни к чему нам

эти женьшеневые гены, опять его понесет к туристкам приставать с проповедями… Короче, делаем просто «ассам» плюс бергамот плюс розовый кишмиш. Бергамота вдвое меньше, чем для «Графа Грея». А изюм рассчитай по сахару.

— Мне самому заварить или будешь церемониться по-настоящему?

Последние два года этот вопрос искина неизменно вызывал у Мусы тяжелый вздох. Поневоле выработаешь рефлекс, когда тебе снова и снова напоминают о неудавшейся карьере бармена.

Мечта о такой карьере овладела им четыре года назад, во время учебы на чужом континенте. До этого Муса с самого детства мечтал стать терраформщиком, как дед. Правда, деду не нравился этот термин. А от официального «специалиста по суперкораллам» он морщился еще больше, предпочитая называть себя «ландшафтным дизайнером». Или даже «садовником» — дед часто напоминал маленькому Мусе, что лучшие фонтаны Исфагана радовали глаза правоверных именно в тех садах, которые разбивал дедов прапрадед.

Мусе сначала представлялось, что Исфаган находится где-то в Старой Европе. Позже он пришел к выводу, что это не так. Ведь дед всегда приговаривал, что в Европе не умели ценить ни воду, ни землю — потому его семья и оказалась здесь, на новом континенте. В отличие от большинства других беженцев, они сразу же получили жилье: настоящие хоромы на склоне Коралловой Горы, которую проектировала команда деда. Плох тот терраформщик, который не позаботится о земле для своих потомков. Дед был хорошим терраформщиком.

На старости лет он увлекся сталактикой, и одна из пещер в их коралловом доме стала оранжереей причудливых каменных растений. Дед сидел там целыми днями, вовсе не вылезая на свет. Когда кто-нибудь намекал ему, что в этом занятии мало проку, ведь кристаллические розы и хризантемы на сводах его пещеры растут со скоростью одного лепестка в год, старик лишь посмеивался и отвечал, что он и так жульничает — в дикой природе на один лепесток сталактитового цветка нужно не менее трех сотен лет. В конце концов от него отстали все, кроме внука.

Правда, попытки деда заинтересовать своим хобби маленького Мусу тоже не имели успеха. Силовые поля, ручейки химикатов — все это Муса игнорировал, требуя от старика рассказов о том, как растут в океанах огромные суперкоралловые континенты. Он тоже хотел стать терраформщиком. Детский ум не мог понять, что некоторые профессии умирают слишком быстро.

Дед успел взять свое — но уже его сыну, отцу Мусы,

зарабатывать в той же сфере было непросто. Японцы еще химичили вокруг Антарктиды, русские еще спорили с эскимосами из-за отдельных мест в Северном Ледовитом, израильтяне еще наращивали свои города-казино в Средиземном море — но в целом мировой океан был давно поделен, а лучшие места застроены.

Вдобавок к этому дед-терраформщик, с почетом ушедший на пенсию, упорно отказывался вылезать на поверхность и помогать в трудоустройстве сына, полагая, что каждый должен добиваться успеха самостоятельно. Он так и умер в своей пещере, под музыку каменных цветов.

Отец Мусы к тому времени совершенно выбился из сил, с утра до ночи вкалывая на японцев. Выращивать персональные «сады островов» на заказ — последнее прибежище тех терраформщиков, которые не хотели заниматься низкооплачиваемой поддержкой уже существующих континентов или выращиванием типовых подводных гостиниц. Но и персональные острова не особенно кормили. Среди беженцев хватало желающих горбатиться за гроши, а сами японцы традиционно не поощряли быстрый карьерный рост — надеяться на серьезную прибавку мог только тот, кто проработал в одной фирме до самых седин.

Неудивительно, что сразу после смерти деда отец забросил потомственную профессию и открыл чайхану. Один из выходов их жилища в Коралловой Горе вел прямо в главный тоннель по дороге на Старый Город — лучшего места для питейного заведения было бы и не сыскать во всей округе.

Жизнь сразу наладилась. А самого Мусу вскоре отправили учиться ресторанному делу во Францию-2. Отец собирался поставить новый семейный бизнес на широкую ногу.

О, золотое время заморской учебы! В этом месте воспоминаний Муса всегда издавал второй тяжелый вздох. Втайне от отца он перешел с факультета ресторанного маркетинга на подпольные британские курсы фуджеев — в исламской Франции-2 алкоголь был запрещен, да и на родном континенте Мусы не поощрялся. Однако на первом же семинаре, наблюдая, как ловкий бармен жонглирует сразу тремя бутылками над многослойным коктейлем, Муса почувствовал в этом деле нечто родное. В памяти понемногу всплывали рассказы деда о том, как работали его хитроумные аппараты для выращивания цветов-сталактитов. Ручейки химикатов бегут по сводам пещеры, силовые поля направляют жидкости в нужную сторону…

Ну положим, необязательно химикатов. И не обязательно им так вяло сочиться по каменным сосулькам, которые, кстати

сказать, очень напоминают дозаторы на бутылках…

Оставалось найти скриптуна. С ним, беженцем из Святороссии, Муса познакомился на почве взаимного уважения к «Ледяному чаю Лонг-Айленда», когда проходил практику в одном из баров Британии-3. Выслушав техзадание, русский заметил, что без искина-фуджея тут ничего не получится.

Так появился Шайтан. На него было потрачено все то, что прислал отец для оплаты следующего года учебы.

Но дело того стоило. Стараниями русского скриптуна обычный кухонный искин класса «каф», обитавший в микроволновке, всего за неделю успел превратиться в фуджея уровня «ваф-спец» с функциями охранника. К тому же русский объяснил Мусе кое-что насчет безопасности и маскировки. И еще через пару дней Шайтан переехал в хорошо экранированный контейнер, который снаружи выглядел как пустая коньячная бутылка с отбитым горлышком — непременный атрибут бара, оформленного в неоархаичном стиле. Даже паппилярный сенсор для ручной идентификации хозяина замаскировали под рваную наклейку. В самой же микроволновке и в прочих кухонных приборах остались только мелкие демоны: ими Шайтан управлял по беспроводной сети.

Еще через месяц, переколотив не более сотни бокалов, они собрали свой первый флеер. Инструмент, который должен был перевернуть все представления о барменском искусстве.

Здесь в воспоминаниях Мусу поджидал третий тяжелый вздох. Как смотрела на него тогда луноликая Айша, маленькая Айша с глазами как свежезаваренное «Солнце Ассама» в двух пиалах молочного фарфора!

Для нее, учившейся на курсах фуджеев уже второй год, Муса был всего лишь неотесанным провинциалом — до того дня, когда он впервые проказал ей игру на флеере. Разлетающиеся «елочкой» струи джина, спиральные фонтаны тоника, звонкие кубики льда и хороводы оливок… А он, как дирижер, лишь чуть-чуть шевелит кончиками пальцев, управляя этим прекрасным воздушным балетом под музыку, которая льется, льется вместе с напитками…

Неприступная Айша, такая милая в своем дурацком брезентовом комбинезоне с широченными лямками по новоиндустриальной моде, больше не была такой уж неприступной. Комбинезон пах ванилью, гвоздикой и имбирем: вторым номером он показывал ей, как красиво можно раскидать на флеере глинтвейн, и под конец чуть-чуть промахнулся. Но она не обиделась — наоборот, еще больше развеселилась. И сказала, что может петь во время его выступлений, одновременно комбинируя десерты. И что с этим шоу они вдвоем могли бы

заткнуть за лямку всех фуджеев Британии-3.

Русский скриптун, смекалистый парень, тоже оценил потенциал инструмента. И предложил открыть фирму по производству флееров. Но для этого понадобятся кое-какие вложения, особенно в связи с защитой прав на интеллектуальную собственность. Конечно, можно разом продать всю интель какой-нибудь корпорации — но, по словам скриптуна, это все равно что выбросить в море целое состояние. Гораздо выгоднее, как он выразился, «шить на шару» — то есть вступить в подходящую скрипт-секту и передать ей свою интель в коллективное пользование. А уж секта позаботится о том, чтобы довести разработку до промышленного варианта и обогатить авторов интели. Вот только вступительный взнос…

Нужно было поговорить с отцом. Муса долго откладывал это, подозревая, что ничего хорошего из такой беседы не выйдет. Но девушка с глазами как «Солнце Ассама» поддержала идею. А когда эти глаза говорили «да», когда широкая лямка комбинезона спадала с хрупкого плечика, Муса не мог перечить. Он решился. Он надеялся, что отец поймет.

И отец понял, но по-своему: сын правоверного пристрастился к алкоголю и связался с чужеземной девкой! В ходе дискуссии флеер лишился нескольких важных деталей, а Муса — двух зубов. После этого отец забрал Мусу домой и сделал подавальщиком в семейной чайхане. Ни русского скриптуна, ни луноликой Айши он с тех пор никогда не видел. Даже Шайтана пришлось переселить из коньячной бутылки в ржавый кувшин.

Взбунтовался Муса через год. «Волшебный календарь» — всего лишь детская игрушка. И безбожно врут все те, кто утверждает, что эта штука способна предсказывать будущее. Но когда помираешь от скуки, хватаешься за любую соломинку.

Выпав из автомата в руку Мусы, календарик высветил на экране текст из целых двенадцати строк. Читать Муса не умел — к чему это надо, если личный искин интерпретирует и озвучивает даже дорожные знаки? По рассказам деда запомнилось, что такие большие тексты из подрезанных строк называют «газелями». Это что-то вроде рекламы, и читать их следует как бы нараспев, желательно с закрытыми глазами… Но как читать с закрытыми глазами? — наверное, у деда был сетчаточный проектор.

Однако была еще одна вещь, которую Муса помнил с детства: из «волшебного календаря» можно вытрясти забавные вещи, а непонятное можно пропускать. Поэтому он положил маленький гладкий прямоугольник на открытую ладонь и щелкнул по краешку ногтем. Дважды перевернувшись в воздухе, календарь упал обратно в руку — и заиграл знакомую мелодию, под

которую росли сталактиты деда.

Случайное совпадение? Дед крутил в своей пещере разную музыку… Муса дождался, пока календарь доиграет, и еще раз подбросил его щелчком. Календарь упал и стал рассказывать про чайную церемонию.

Вот тут уже были причины не верить своим ушам. Два совпадения подряд?

Муса вызвал Шайтана. Но отцовский искин-фуджей тоже ничего не знал о принципах работы календаря. Он разбирался в кулинарии, в системах идентификации и даже немного в порнографии — но не умел взламывать устройства, у которых вообще нет открытых портов: только дисплей да чип памяти на два гига.

Тогда Муса предложил Шайтану проанализировать, что может быть общего между любимой мелодией деда и рассказом о чайной церемонии. Ответ звучал довольно глупо: фамилия автора мелодии в переводе означала что-то вроде «мастер чая».

Да и чего еще ждать от детской игрушки, кроме подобной глупости? Семипалый Фатим однажды рассказывал, как делаются эти календари: простенькая программа собирает по Сети какие-то кусочки информации, перемешивает их по-своему — вот и вся магия.

Но странное двойное совпадение не давало Мусе покоя целый день. В конце концов он решил, что это знак.

Для выступления он выбрал вечер субботы, самое людное время. Дождавшись «зова Аллаха» (бывают такие удивительные моменты, когда замолкают одновременно все посетители, хотя и сидят отдельными группами), Муса вытащил из-под стойки отремонтированный флеер и велел Шайтану подключиться.

С первыми звуками «Вальса цветов» фонтан кипятка взлетел к потолку чайханы. Посетители как по команде помянули Единого и пригнулись — все, кроме одного случайно зашедшего японца, который лишь молча отдернул голову вбок, точно сломанный робот-футболист.

Однако вода, вместо того чтобы пролиться на головы присутствующих, закружилась над ними. Тем временем Муса, как заправский дирижер, легким жестом поднял в воздух три изящных деревянных коробочки с росписью золотом по черному лаку. Заварка тремя тонкими сухими струйками отмеренной длины просыпалась в нагретые стеклянные чайники. Кипяток, круживший под потолком, полетел туда же по трем длинным, плавным параболами. Ни капли не упало на пол — вся вода теперь вращалась в трех прозрачных сосудах.

В музыке как раз начался более спокойный фрагмент.

Включилась лазерная подсветка. Вообще-то в чайхане «Горный дух» обычно пили черный чай, но для церемонии Муса взял еще белый японский и зеленый китайский. И теперь под тихое скрипичное пиццикато в стеклянном мирке каждого из трех чайников шел свой маленький балет.

В левом, где кипяток остался почти прозрачным, поднимались со дна и снова тонули японские «серебряные иглы».

В зеленом подводном царстве среднего распускались «плоды ли-чжи», похожие на хризантемы.

За стеклом третьего наступала ночь: «роза Каира» разворачивала свои черно-красные бутоны. Многие из присутствующих знали этот сорт на вкус, но никогда не догадывались, как прекрасен процесс его заварки.

При подготовке церемонии Муса особенно боялся за эту часть — медитацию. Смешивая коктейли, бармены не делают таких больших пауз. А ведь чай надо заварить…

Но все прошло как по маслу. Аудитория была достаточно шокирована трюком с летающим кипятком и контрастным переходом к покою. Две минуты глаза всего зала были прикованы к трем подсвеченным стеклянным сосудам, в которых вращалось, вращалось, вращалось…

Когда движение в чайниках почти остановилось, Муса снова шевельнул пальцами. Теперь сами чайники стали медленно вращаться по кругу, друг за другом, понемногу поднимаясь над стойкой. Шайтан подогнал на освободившееся место три пиалы. Еще один жест дирижера — и пиалы тоже поплыли по кругу, скользя донышками по стойке.

«Вальс цветов» грохнул с новой силой, вся стойка вспыхнула, чайники под потолком закрутились быстрее, их носики наклонились… Лишь двадцать секунд на то, чтобы полюбоваться — великолепная колонна из трех разноцветных спиральных струй зависает в воздухе, шевелясь и сверкая, как ваза из жидкого стекла, и в бликах вдруг прорисовываются контуры стройного женского тела с крыльями вместо рук.

А потом щелчок пальцами — и три полные пиалы стоят неподвижно на стойке рядом с тремя чайниками. Аллах Всемогущий, уж не бесовское ли наваждение, уж не пэри ли это была?…

Муса оглядел притихший зал и испуганно вжал голову в плечи — отец стоял в дверях, ведущих из чайханы в дом. Для своего представления Муса специально выбрал момент, когда отца не было в зале. Но тот все равно вышел на звук непривычной музыки.

Однако смотрел он сейчас не на сына, а на муллу. И похоже,

с не меньшим испугом.

Все молчали. Катбей поерзал на диване и кашлянул. Некоторые украдкой прикрыли ладонями уши, ожидая небольшого инфразвукового азана. Поговаривали, что еще в медресе Катбею вшили дополнительные голосовые связки от какого-то морского биорга. Может, и врали — но как еще объяснить всеобщие приступы ужаса каждый раз, когда мулла начинал петь?

— Нечистая сила… — пробормотал мулла. К удивлению многих, нормальным голосом.

«Будет сначала разминаться», — пронеслось в головах.

— …Нечистая сила на службе правоверных — это хорошо. Налей-ка мне, сынок, попробовать вот этого… э-э-э…

Под общий вздох облегчения Муса подскочил к Катбею. Короткий указательный палец муллы неопределенно блуждал в воздухе, целясь то в белый японский, то в зеленый китайский. Кажется, он все-таки склонялся к «плодам ли-чжи».

Муса открыл было рот, собираясь поведать мулле легенду этого чая — историю о китайской принцессе, которую насильно хотели выдать замуж, и поэтому она…

Но тут в его мозгу случился как бы взрыв, только неслышный. Так бывает, когда гранула сорта «порох» падает в кипяток. И так же, как от хорошего чая, в голове сразу стало ясно от гениальной мысли:

— Чашечку «Любимых Цветов Пророка», уважаемый?

Мулла расплылся в улыбке и кивнул. Толстый палец муллы указывал в зеленый чайник. Под одобрительный гомон посетителей Муса перенес на стол Катбея чудо китайской культуры, которому суждено было сменить название и легенду, чтобы сохранить популярность.

Отец больше не мог запрещать бесовскую игрушку: выручка за этот вечер составила больше, чем за весь прошлый месяц.

На следующий день все повторилось при еще большем скоплении народа. Даже случайный японец привел с собой еще двух «желтков» аристократичного вида, и трех гейш в придачу. А это, по местным меркам, тянуло на событие. Конечно, среди опытных терраформщиков попадались и неяпонцы, вроде деда Мусы. И многие суперкоралловые континенты были давно уже выкуплены у Японии другими странами. Но «крутые желтки» по-прежнему вели себя на новых континентах как хозяева. А уж чтобы снизойти до питейного заведения гайдзинов, да еще вшестером!

Но Муса был готов к славе. В этот вечер, помимо повтора вчерашнего, он показал пару новых трюков и сварил несколько

сложносмешанных чаев. А специально для «желтков» провел дополнительную церемонию — затяжную медитацию с растиранием зеленого чая в ступке под звуки кото. Очарованные танцующей ступкой, японцы выдули за вечер годовой запас горькой крупнолистовой сенчи, которую давно уже никто не покупал.

Правда, семипалый Фатим чуть было не испортил все шоу, заявив, что сейчас на лету перепрограммирует флеер Мусы, чтобы эта машинка могла жонглировать сразу десятком чайников и таким же числом подносов с халвой. Ситуацию спас мулла, который включил Коран, поколдовал с искалкой и грозно пропел что-то очень красивое насчет скромности и числа три.

Но все это было так давно! В прошлом остался и маленький бум, вызванный добавлением в меню именных и праздничных чаев, и более успешные идеи с чаем по Корану, чаем по гороскопу Друидов, чаем по Книге Перемен… За два года все привыкли к его трюкам на флеере, определились с любимыми сортами. Один только мулла продолжал эксперименты со смешиванием, благо ему все равно нечего было делать между намазами, а периодическое исполнение азанов требовало почаще промывать горловой имплант чем-нибудь теплым.

Но ведь всякий подавальщик знает — завсегдатаи радуют лишь первые три раза. Особенно такие, прямо скажем, муэдзины.

Вот и сейчас надо снова исполнить прихоть этого зануды с голосовыми связками моржа-мутанта. И Шайтан опять спрашивает, будут ли они сегодня церемониться по-настоящему. Резонный вопрос: в последнее время Муса все чаще запускал церемонию на автомате. И терял опыт, который наверняка помог бы ему когда-нибудь уехать и…

— Конечно будем! — Муса резко прервал раздумья. — Включай машинку, блудный сын чайника и розетки! А то я с твоей постоянной помощью разучусь даже поднос держать.

# # # #

Неприятный звук, который Муса потом вспоминал множество раз, прервал его в самом конце церемонии. Заварка уже замедляла движение за стеклянными стенками, кольцо из ягод кишмиша вращалось над чайником в противоположную сторону. В центре этого хоровода висела и ослепительно сверкала капля бергамотового масла, подсвеченная двумя лазерами. Розовые сморщенные ягодки одна за одной падали в чайник, отмеряя секунды легким бульканьем в тишине…

Услышав позади странное фырканье, Муса дернулся и сбил свой изюмовый метроном. Сразу три ягоды плюхнулось в чайник, всплеск получился громче обычного. К счастью, Катбей смотрел в другую сторону — он тоже заметил, что в зале появился еще один посетитель.

«Шайка, довари-ка это дело сам и просканируй нового», — шепнул Муса и сам чуть подался вперед, чтобы разглядеть посетителя. Тот сел в самом дальнем углу, лица не видно. Но по крайней мере не машет руками, призывая подавальщика, и даже не вытягивает голову, как иные нетерпеливые. Просто сидит. Вот склонился к своей одежде, брошенной на соседний табурет. Роется в карманах. Значит, только что сел и никуда не спешит. Отлично.

Кишмиш продолжил мерно падать в чайник под контролем Шайтана, и в конце концов упал весь. Туда же ярким метеоритом спикировала капля бергамотового масла. Спустя еще несколько секунд в ухе Мусы раздался голос искина:

— В базе наших посетителей его нет, но как будто все чисто. Бриллиантовый кредит австрало-японского банкина. По профессии — преподаватель университета Западной Гренландии, доктор тегументологии. В моих словарях нет определения этой дисциплины. Но насколько я понимаю, это не квантовая физика или еще какая-нибудь сектантская лженаука. Поискать в Сети?

— Не надо пока. Но ты это… посматривай.

— А ты поправь тюбетейку, хозяин. И вообще, я рекомендовал бы тебе снова подстричься. Когда ты так обрастаешь, на общение с тобой по «внутреннему голосу» у меня уходит очень много энергии, так как дермотроды теряют контакт с твоим черепом и…

— За дермотрода ты у меня ответишь! — перебил Муса, поправляя сползшую на ухо тюбетейку. — Займись делом и не умничай, демон недоформатированный!

— Ага, вот теперь я тебя слышу гораздо лучше! — заорал Шайтан в голове Мусы.

— Убери громкость, жертва замыкания! — прошипел Муса.

Чайник и пиала для Катбея уже стояли на подносе, а сам поднос висел над стойкой на такой высоте, чтобы только подставить руку. Муса подхватил его и подчеркнуто неспешно пронес через зал — знаем мы эти истории с беготней подавальщиков в сонный день, с места в карьер и на пол!

— Горьковато… — Мулла, пожевал толстым губами, словно это был не чай, а халва.

— Осенний карнавал, — пожал плечами Муса.

— Да, пожалуй. — Мулла сделал еще глоток. — К такому грустному деньку — в самый раз. Запиши-ка эту смесь,

пригодится.

— Конечно, почтенный Катбей, — поклонился Мусса, пятясь в сторону нового посетителя. Все, что можно было записать о вкусах муллы, было давно записано.

А вот с новичками всегда сложнее. Шайтанов сканер, конечно, штука мощная. Но и он пропускает кое-что важное. Кое-что, очень важное именно для Муссы.

Далеко не всякий клиент оставляет подавальщику чипсы. А прямые электронные платежи, даже если в них включена благодарность, идут на счет отца. Поэтому главным источником тайных сбережений Мусы была староевропейская традиция, о которой отец, по счастью, имел очень смутное представление.

Вычислять туристов, способных вознаградить подавальщика хотя бы самым завалящим кредитным чипом, Муса научился с точностью, которой позавидовали бы искины береговой охраны, вылавливающие браконьеров.

В первую очередь важна страна — чипсы имеют хождение не везде. Ужаснее всего американцы, у которых все платежи идут через Сеть. Если, конечно, не считать кастристов, захвативших несколько южных штатов во время их последней Гражданской войны: когда воюешь на развалинах, оставленных Большой Волной, сетевые платежи не очень-то работают.

Но узнать страну посетителя — это только пол-дела. Далеко не все, у кого есть чипсы, собираются вознаграждать подавальщика. К примеру, те же проклятые кастристы с их дот-коммунистическими принципами. Скорее попросят поддержать их революцию, чем что-то свое оставят.

Первый признак, который отметил Муса, подходя к новому посетителю, был не очень хорошим. По правде говоря, он был ужасным. Клиент разговаривал сам с собой.

Что может быть хуже мультиперсонала в ресторане?! Эти многосознательные психи мало того, что чипсов не оставляют, они даже сами с собой не могут договориться, когда делают заказ. Пять минут разговора с мультиком — это как полчаса в кричащей толпе, которая в конце концов заказывает одну минеральную воду без льда!

Еще через два шага Муса с большой радостью обнаружил, что ошибся. Человек разговаривал не сам с собой, а со своим искином. Синий неовикторианский камзол с красными цветами на обшлагах (дорогая заморская вещица, высокая вероятность чипсов!) был небрежно брошен на соседний табурет. То, что человек выбрал не ковер и не диван с подушками, а столик с табуретами — тоже хороший знак.

С близкого расстояния стало заметно также, что посетитель

немолод. Седые волосы, очень сутулится…

«Приготовь йохимбе. Но не заваривай пока», — шепнул Муса.

Шайтан тихонько звякнул в ухе, подтверждая выполнение команды. К этому звуку они оба привыкли еще в те годы, когда искин Мусы был обычной микроволновкой.

— …А ты вызови его еще раз, — говорил между тем посетитель, к которому Муса подошел уже почти вплотную. — Не понимаю, как искин такого класса может опаздывать.

Со стороны камзола раздалось рычание с переливчатыми посвистами. Алые цветы на обшлагах вспыхнули, вдоль ворота прошла судорога. Рычание смолкло, свист повторился.

— Наконец-то, Ригель. — Седой коснулся камзола рукой. — Смею заметить, тебе вовсе не обязательно было стирать моего телохранителя.

«Искин такого класса… Стирать телохранителя…» Варианты вертелись в мозгу Мусы, как чаинки «дворца луны» в серебряном ситечке.

Военный?! О злые дэвы, чтоб вас… Да ведь это еще хуже, чем мультик! Чипсов никаких вообще не даст — у военных все казенное, каждая пуговица через спутник посчитана! Зато наверняка попытается стащить «сувенир», сволочь милитаристская…

— Добрый день. Я бы выпил чашечку «голубого ройбуша».

Человек так резко повернулся к Мусе, что тот даже отшатнулся. У посетителя были очень выразительные темно-серые глаза — словно два кубика льда неожиданно всплыли в пиале «снежного Будды» и замерли, совершенно спокойные на фоне дрожащей поверхности чайных морщин.

А то, что он сказал, было еще необычнее. Что за бред — «голубой ройбуш»? Может, он перепутал название? Муса мысленно перебрал в памяти чаи, которые клиент мог иметь в виду. «Голубые глаза» — цветочная смесь с васильками, одно только название симпатичное, а на вкус ужасная гадость. Есть еще синий экстракт апельсиновых корок. Или…

Не к месту вспомнились признаки отравления белладонной. Муса вздрогнул и снова посмотрел на посетителя. Седой молча глядел на него.

— Извините, но у нас… — начал Муса.

«Есть, есть у нас! — шепот Шайтана проплыл в голове Мусы от одного уха к другому, но на последнем слове все-таки зафиксировался посередине. — Это самый дорогой чай, что у нас есть, хозяин. Шестнадцать мегаватт за грамм».

Муса поморщился. Давно же грозился вручную перенастроить Шайтана, если тот не будет переводить цены в человеческую

валюту! То у него все выражается в микрофурье, то в мегаваттах…

Здесь размышление оборвалась, потому что собственный мозг Мусы каким-то другим своим отделом самостоятельно произвел валютный пересчет — и все остальные мысли сразу начали светлеть, как заварка «стамбульского экспресса» от кусочка лимона. Может, искин ошибся?

Указательным пальцем правой руки Муса слегка постучал по краю подноса. Не самый приличный жест для подавальщика, но в такой ситуации не очень-то поболтаешь напрямую.

«Пожалуйста, уточняю, — откликнулся Шайтан. — Голубой ройбуш, шестнадцать тысяч киловатт за грамм. Неустойчивая мутация, появилась после военного инцидента в Претории, ЮАР. Вся плантация была уничтожена силами биозащиты. Впоследствии выяснилось, что растение не представляет для человека опасности, а наоборот, отлично настраивает метаболизм. Но восстановить геномодель не удалось. В настоящее время не выращивается нигде. За последние шесть лет у нас его никто не покупал из-за высокой цены.»

От этих слов в мозгу Муссы начала распускаться «роза Каира». Таких клиентов просто не бывает!

— Что-нибудь еще? — спросил он почти небрежным голосом. С руками получилось хуже: дрожь передавалась подносу. Пришлось изо всех сил сжать его под мышкой.

— Да, пожалуй. Сегодня довольно пасмурный день… — Человек с ледяными глазами сделал жест в сторону камзола, и Муса заметил плечевые фотоэлементы в виде эполет. — …Моему коллеге понадобится дополнительное питание. У вас есть ванадиевые «стаканы»?

Муса кивнул, мысленно прибавляя к счету еще одну приличную сумму. Самые дорогие батарейки. Обычные туристы кормят искины такими дешевками, что отец даже не учитывает их в своих прогнозах на прибыль. А однажды какой-то японец вообще очень напугал его, попросив для искина «просто воды». Отец потом целую неделю выспрашивал у всех знакомых, не собираются ли «желтки» повсеместно внедрять искины с таким разорительным питанием. К счастью, все обошлось. Вероятно, тот парень не очень разбирался в бизнесе, и более понятливые люди попридержали его изобретение, грозившее обесценить тонны редкоземельных элементов, мегалитры водорода и горы кусочков сахара.

Посетитель тем временем перевел взгляд на другой табурет, заслоненный от Мусы столом.

— И еще что-нибудь для другого моего коллеги… Нет ли у

вас свежей рыбы?

Со стороны табурета в этот момент снова раздалось то самое фырканье, что сбило Мусу на изюме. Он опасливо обошел вокруг стола.

Аллах Всемогущий, да у него тут еще и тварь геномодная! На втором табурете лежал, свернувшись клубком, какой-то биорг с серебристой шерстью. Ровно половину твари составлял пушистый хвост, который свешивался с табурета вниз. О нет, у него целых два хвоста! Один из них биорг подобрал под себя и уткнулся в него розовым носом. А кончик второго мерно постукивает по полу, словно эта тварь собирается перекрасить чайхану в серебристый цвет, используя хвост как кисть.

Ну и психи эти геномодельеры, каких только уродов не выведут! А ведь те, которые с хвостами, обычно еще и воняют!

Подавив приступ тошноты, Муса отошел обратно к человеку, чтобы уродливого биорга не было видно из-за стола. Все вычисления насчет шансов получить чипсы окончательно запутались. Военный… с собственным геномиксом?

Нет, не бывает. За три года можно достаточно насмотреться на ручных биоргов, чтобы уметь отличать серийные модели от эксклюзивных. Таких, которые выводятся на заказ в единственном экземпляре, с мощной ретровирусной защитой от генопиратов, прошитой прямо в ДНК. Серебристая тварь незнакомца вполне тянула на штучную работу. Такого уникального уродца может себе позволить разве что любовник министра экологии…

С другой стороны, клиенты с такими тварями любят ностальгировать по старым временам. Уж у них-то водятся чипсы! Зато их геномиксы обычно распугивают пол-чайханы — мало ли какую заразу эта тварь разносит. Все помнят, что было в Старой Франции.

А этому еще рыбу подавай! У нас тут что, передвижной зверинец?

— Я понимаю, что ваше заведение имеет другую специализацию, — заметил человек, в точности отвечая на мысли Мусы. — Но нам предстоит важный разговор, и не хотелось бы, чтобы одна из сторон была ущемлена, так сказать, в самых базисных потребностях. Иначе нам придется поискать другое заведение.

«Роза Каира» в голове Муссы сигнализировала, что вовсе не хочет завять. А рыба… Постой, так это же элементарно!

— Я посмотрю, что можно сделать. — Муса слегка поклонился.

Седовласый тоже кивнул и улыбнулся, словно дальний родственник Мусы, встреченный на похоронах другого дальнего

родственника.

— Церемониться будешь сам? — тактично осведомился Шайтан, когда хозяин забежал за стойку.

— К Багу! — От волнения Муса перешел на слэнг скриптунов, которого нахватался во время заморской учебы. — Вари чай, активируй батарейки, а я гружу рыбу!

С корейцем вышло даже проще, чем он предполагал, потому что самого корейца в лавке не было. А с маленькой Хо, его дочкой, Муса уже несколько раз договаривался и не о таких мелких услугах. Рыбку она принесла сразу, он на бегу спросил цену и крикнул, что переведет оплату на их счет. Хо еще что-то лопотала вслед, но он уже несся по коралловому коридору обратно, к задней двери чайханы.

Поднося батарейки и рыбу, Муса еще раз попытался разобраться в клиенте. Последнее средство: подчеркнуто аккуратно, а значит, чуть дольше обычного сервировать заказ и при этом подслушать разговор.

Увы, ничего не вышло. Сравнение со зверинцем только усугубилось. Серебристый зверек время от времени фыркал, разбрасывая вокруг своего табурета рыбью чешую. Камзол-искин издавал все то же рычание с присвистом, и этот дурной звук стал только громче после подзарядки.

Лишь человек говорил на человеческом языке. И похоже, искин с биоргом понимали его не хуже, чем он понимал издаваемые ими звуки. Этого Муса совершенно не понимал — как можно общаться на трех языках сразу? У искина, понятно, встроенные трансляторы. А биорг? Или он не участвует в разговоре, а просто жрет так громко?

Не исключено, конечно, что один из них переводит другому. Скажем, человек — и биорга приручил, и свист искина может интерпретировать…

От новой догадки Мусу опять бросило в дрожь. Нет, только не это! Пусть лучше мультик-гексон, пусть даже военный, получивший геномодного уродца в подарок от любовника министра экологии! Только не Свистящий Дервиш!

За свою жизнь Муса видел лишь одного Свистящего — да и то лишь мельком, когда его, с уже завязанным ртом, вели к полицейскому кибу. Дело было на курсах во Франции-2. Бармен-инструктор тогда рассказывал, что Дервиш попался случайно: до сих пор людей из этой секты никогда не ловили в таком людном месте средь бела дня. Видимо, агенты ГОБа долго готовили ловушку: едва ли обычный ресторан можно так быстро обесточить и звукоизолировать.

Вернувшись к стойке, Муса вновь вызвал Шайтана и велел

ему заблокировать все открытые порты, а голосовой интерфейс перевести в режим многополосной идентификации. Шайтан привычно звякнул в ответ. Мусе сразу стало гораздо спокойнее.

В самом деле, посетитель же не свистит. Он лишь слушает свист искина. Нет, это не Свистящий Дервиш. Тогда кто же?

«Голубой ройбуш» наконец заварился. Муса схватил чайник и двинулся в дальний угол зала. И снова задержался чуть дольше за спиной странного посетителя.

Но тот по-прежнему нес какую-то заумь. Ну никак не прицепиться!

— …Все крупные одиночные дыры штопаются вовремя, — говорил седой. — Но они, возможно, попытаются построить цепь из мелких, тех, что мы сами оставили.

В ответ следовали свист и фырканье, а седой продолжал:

— Именно так, трех дыр вполне достаточно. Согласен, не всегда. Но если все три будут связаны…

На этом месте Муса вынужден был ретироваться. Невероятно, но все известные ему признаки потенциальных носителей лишних чипсов давали сбой. Отойдя за стойку, он залпом выпил пиалу воды и провел небольшой сеанс самоанализа:

«Сын правоверного, ты опасно зациклился на вопросе чипсов. Это начинает мешать твоей основной работе. Расслабься! Не будет — так не будет. Мало ли кто еще понаедет на этот карнавал. Могут ведь и всю чайхану взорвать. Так возрадуйся, что еще жив, и не возжелай чужого добра.»

Но надо ж такому случиться — как раз в момент принятия этого мудрого, взвешенного решения странный посетитель подал Мусе знак! Да какой! Сам Муса ни разу в жизни не видел клиентов, подающих такие знаки. Но он хорошо знал этот жест по рассказам преподавателей на курсах барменов.

Посетитель не тыкал потихоньку в плат-плату, как какой-нибудь клерк из Китая-Пять. И не орал через весь зал «запишите на меня!», как мулла Катбей с его моржовыми связками. Нет-нет, все проще и элегантней — большой и указательный пальцы левой руки собраны в щепотку и как бы ставят подпись на ладони правой…

Седой просил счет именно так, как просили в Старой Европе в прошлом веке! Когда вознаграждать подавальщика было железным правилом!

Чтобы подчеркнуть знание традиций, Муса подал счет в особой книжечке из настоящего кожзаменителя. Никакого другого смысла в этом портмоне не было. Стереодисплей чека все равно показывал свои цифры лишь одной конкретной паре глаз — клиенту. Не было особого смысла и в самом счете. Клиент мог бы

просто прикоснуться пальцем к плат-плате, которая есть на каждом столе — и в тот же миг два искина, клиентский одежник и Шайтан, рассчитались бы между собой.

Но если уж продемонстрирован такой старинный жест…

Муса положил книжечку на стол и попятился, однако свист камзола и последующие слова посетителя остановили его.

— Мой друг сообщает, что на токийской бирже через пять минут будет обвал… ничего, если я заплачу через центральный банкин Новой Зеландии? Не считая, конечно, отдельного вознаграждения за вашу расторопность.

На стол шлепнулся универсальный транспортный чип на месяц. Судя по индикатору, его пока использовали всего для одной поездки.

О Великий и Единый на Небесах, неужто ты открыл для меня сервер милостей своих и забыл пароль, чтобы закрыть его обратно? Посетитель не только знал, где будет наиболее выгодный курс через пять минут, но и сам предлагал заплатить именно по этому курсу, хотя мог бы сделать и наоборот! Не говоря уже про отдельное вознаграждение, которое уже поблескивало на столе золотым прямоугольником со скругленными краями!

— Да, конечно… — пробормотал Муса.

Палец незнакомца потянулся к плат-плате. До перевода денег оставался какой-нибудь миллиметр, когда камзол снова засвистел. Посетитель нахмурился и остановился.

— Мой коллега сообщает, что рыба, которую съел другой наш коллега, не зарегистрирована ни в одной из рыболовецких баз данных. Очевидно, она была выловлена частным лицом.

Пол под ногами Мусы качнулся, и на мгновение чайхана превратилась в частное, то есть совершенно нелегальное рыболовецкое судно, которое вот-вот будет сожжено искинами берегового контроля. Издалека уже как будто доносился вой сирены и запах горелых тюбетеек.

Так вот о чем лопотала Хо, когда он выбегал с рыбой! Так вот почему отец так странно расплачивался с корейцем! Мусу всегда удивляло, что они с соседом постоянно чем-то обмениваются без участия искинов, хотя сетевой обмен позволяет гораздо точнее оценить выгоду каждой сделки. Но от вопросов на эту тему отец всегда отмахивался, говоря, что они с корейцем всего лишь носят друг другу «подарки». Однако подарки редко совпадали с праздниками правоверных, да и обмен ими всегда происходил в условиях повышенной конспирации.

И самое главное — подарки предназначались только для личного употребления. А он только что продал нелегальный

товар совершенно незнакомому человеку…

— Мы бы могли уладить это дело, заменив оплату обменом, — заявил посетитель, снова в точности отвечая на мысли Мусы. — Но беда в том, что мне абсолютно нечего вам предложить взамен на такую сумму. А прямой платеж за неучтенный товар сразу будет отслежен искинами финансовой полиции, и тогда вам…

— Но вы можете не платить! — быстро прервал Муса. — Пусть это будет… э-э… подарок от нашего заведения. У нас принято делать подарки новым клиентам.

«Неужели я сказал это? — переспросил он себя, ловя утвердительный кивок седого. — Да, пожалуй, ничего не оставалось делать с этой проклятой рыбой…»

Но погодите, погодите! А как же оплата за все остальное?! Чай по шестнадцать мегаватт за грамм, да еще две ванадиевые батарейки!

Ответ — в виде двойного фырканья — раздался со стороны табурета, на котором лежал серебристый биорг. Тварь поднялась, потянулась и стала топтаться на месте, а потом и вовсе побежала по кругу, словно решила догнать собственный двойной хвост. Скорость вращения серебряного вихря все возрастала…

От головокружения Муса покачнулся, но успел предотвратить падение, упершись рукой в ближайший табурет, на котором лежал камзол посетителя. Пол качался, стены летали по кругу. Муса закрыл глаза, сосчитал до семи и снова открыл. Мир продолжал кружиться, но уже медленнее.

Серебристая тварь все еще топталась на своем месте… хотя нет, никого там не было! Стены перестали качаться, и то, что Муса принял за биорга, оказалось серебряной вышивкой на пустой подушке табурета.

Муса повернулся к седому. Движение привело к новому приступу головокружения, и ему опять пришлось опереться рукой на табурет.

— Я бы хотел уточнить… — начал он.

Посетитель вновь улыбнулся ему, как родственник на кладбище. Его камзол под пальцами Мусы зашевелился.

Вначале Муса инстинктивно отдернул руку, но затем вцепился в синюю ткань обеими. Без искина клиент не уйдет. А если искин атакует — что ж, тогда в дело вступит Шайтан. И для начала он моментально заблокирует все двери. Вот тогда и обсудим, кто чем заплатит. Опытный подавальщик и не таких шантажистов видел.

Однако камзол и не думал атаковать. Вместо этого он начал облеплять собой табурет, становясь все тоньше и прозрачнее.

Рукава подогнулись под сиденье, плечевые фотоэлементы растеклись, как две медузы, брошенные на сковородку…

Через мгновенье Муса обнаружил, что крепко держится за голую ножку табурета и смотрит на красную подушку сиденья с серебряной вышивкой. На одной половине подушки лежала дохлая муха. На другой — два оплавленных цилиндра, которые еще четверть часа назад были свеженькими батарейками. Камзола как не бывало.

За столиком остался лишь один табурет, который еще не освободили. Седовласый посетитель с ледяными глазами по-прежнему улыбался.

Вне себя от злости — какие уж тут церемонии, если над тобой издеваются в твоей же чайхане! — Муса пошел на посетителя, на ходу поднимая руки, чтобы схватить старикашку за плечи. Крепко схватить! Крепче, чем этот проклятый табурет… то есть камзол…

Да, но камзол-то исчез. И серебристая тварь пропала… А что если и этот тип…

Посетитель как будто ждал от Мусы именно этого момента сомнения. И тоже вскинул руки навстречу, в точности копируя его жест.

От неожиданности Муса остановился и отдернул руки назад, словно человек, в последний момент догадавшийся, что сейчас налетит на зеркало. Посетитель скопировал и это движение, да так быстро и точно, что Муса уже не мог оторвать взгляда от его рук. Вот они покачались из стороны в сторону и затряслись, затряслись, посыпалась кожа, отвалились куски гнилой плоти, а две кисти все продолжали отряхиваться, отряхиваться…

Когда от поднятых рук остались лишь тонкие белые кости, стало видно, что с лицом, находящимся за ними, происходит то же самое. Лицо посетителя с огромной скоростью старело. Морщинистая кожа сползала со скул, волосы сыпались клочьями. Вот появился череп, он засох, почернел, рассыпался в пыль, в пыль… Лишь глаза, два серых кубика льда, непостижимым образом оставались на месте.

— Шайтан! — Скованный ужасом Муса наконец разлепил губы.

— Зачем кричишь, хозяин? В зале никого нет, кроме тебя и Катбея.

Муса тряхнул головой и огляделся. Катбей мирно посапывал на своем диване. А в том углу, где только что сидел ускоренно разлагающийся скелет, и вправду никого не было.

Но и назвать это наваждением не удалось бы. Рыбья голова валялась под одним табуретом, разряженные элементы питания

— под другим. На столе стоял чайник с остатками самого дорогого и совершенно неоплаченного чая.

— Почему же ты его отпустил, выродок горелой микроволновки?! — От крика Мусы Катбей заворочался, но не проснулся.

— Ты же сам сказал ему, что он может не платить, — все так же спокойно отвечал Шайтан. — Никаких команд от тебя не было. Кроме того, твой отец многократно инструктировал меня насчет бесплатных подарков, которые все равно приносят нам пользу, поскольку являются особой формой рекламы наших…

— Аллах Всемогущий! Но разве ты не видел, что было дальше?!

— Как я понял, вы с клиентом обменялись ритуальными жестами, означающими пожелание доброго здоровья. Ты ведь инструктировал меня насчет жестов, которыми ты регулярно обмениваешься с японцами и представителями других наций, где до сих пор…

— Все, все, достаточно! — перебил Муса. — Нужно срочно искать его, звонить в… Нет, в полицию нельзя! Ладно, сами найдем. Надеюсь, ты снял его и тех тварей, которые с ним были?

— Клиент записан. Но с ним никого не было.

— Что?! А кто сидел вон на том табурете и рыбу жрал? Полметра в длину, и еще два хвоста по полметра?

— У меня ничего не записано, хозяин. Я сам удивился, почему рыба так быстро исчезла. Решил, что она была запрограммирована на саморазложение. У нас в Сети такое сплошь и рядом: только лишь истекает срок лицензии какого-нибудь скрипта, так он тут же стирается.

— Скрипт, но не целый искин-одежник! Скажешь, ты его тоже не видел? На соседнем табурете лежал. Ну?

— На него тоже ничего нет. Видимо, хорошая защита. Ты его сейчас видишь, хозяин?

— Нет, не вижу… — Муса подумал, что разговор все больше отдает сумасшествием.

К счастью, Шайтана не мучили подобные человеческие комплексы. Он перехватил инициативу и вернул беседу в рациональное русло:

— Не нервничай, хозяин. Разберемся. Когда ты в последний раз видел этот искин? Как он выглядел и что он делал?

— Одежник, довольно высокого класса. Может даже «бет», не знаю. Лежал на табурете. Потом стал съеживаться… Погоди-ка, а ведь ты прав!

Муса сгреб со стойки огнеупорную салфетку и обмотал ею руку. Потом медленно приблизился к табурету, на котором

несколько минут назад лежал синий камзол. С виду табурет ничем не отличался от других. Муса схватил его за ножку и аккуратно перенес на стойку.

— Сканируй.

Несколько минут прошли в тишине, прерываемой только сопением Катбея. Наконец Муса не выдержал.

— Шайтан?

— Что, хозяин?

— Как что? Ты просканировал табурет?!

— Зачем сканировать табуреты, хозяин? Или ты все-таки решился принять участие в конкурсе «Авангардный чай»?

— О-о, только не это! — взвыл Муса, прозревая. — Запускай доктора скорее, мать твою в плавку!

— Пожалуй…ста… — уже на середине слова голос Шайтана стал озабоченным. — Хозяин, через меня кто-то только что прошел в Сеть. В качестве точки входа использована дыра в программе сканера. Странно, что я не помню, зачем мне вообще понадобился сканер. Неужели я сканировал этот табурет? А зачем?

— Тебе стерли память, калебасса ты дырявая, — бесцветным голосом констатировал Муса.

— Точно, — согласился Шайтан. — Сам до этого никогда не додумаешься. А когда подскажут, сразу ясно. У меня стерт весь сегодняшний день, хозяин. Но последний бэкап был час назад, поэтому… Ага, вот, все восстановил. Кроме этого последнего часа. Не мог бы ты мне вкратце рассказать, что тут произошло за это время?

— Что тут произошло? — эхом откликнулся другой голос, гораздо более суровый. И не в ухе Мусы, а за спиной.

В дверях чайханы стоял отец. Острый клин бороды указывал то единственное направление, куда Муса мог отвести взгляд.

Уставившись в центр ковра на полу — до чего же там странный узор! — Муса ждал. Храп Катбея пилил тишину на равные бревна, и на какой-то миг Мусе показалось, что случившееся все-таки было наваждением, о котором вовсе необязательно рассказывать…

Но тут за спиной отца, в проеме распахнутой двери, громко зашелестело, застучало и забурлило. Катбей открыл глаза.

— Ну, началось, — проворчал он. — Одна радость от этих санитарных дождей: голова болит точно по графику. Э-э, а где тот неверный, что заказывал синюю гадость? Уже побежал промывать желудок?

Словно в ответ на это Шайтан включил посудомойку. И сразу стало ясно, что расклад чистой и грязной посуды — совсем не в

пользу подавальщика, который позволил обмануть чайхану на сумму, превышающую месячный доход заведения.

О Аллах, почему ты опять меня кинул в самом богоугодном деле — в торговле!

# # # #

На этот раз зубы не пострадали. Зато левый глаз заплыл основательно. Да и с правым плечом что-то было не в порядке после удара табуретом.

Полчаса спустя, вырвавшись из рук разъяренного отца, Муса сидел в сталактитовой пещере деда, растирал ушибленные места и тщетно пытался вызвать Всевышнего на разговор.

Обычно он не делал этого вслух. Но ругань с кухни была слишком громкой. Отец кричал, что заменит Мусу на робота, на электронную тумбочку с камерой и колесиками, какие давно используют в других заведениях, и хотя это подорвет престиж чайханы с ее вековыми традициями живого общения, но зато даже самый простейший бот-подавальщик умеет одновременно обслуживать десять столов, рассчитываться с клиентами без ошибок и пылесосить пол, в отличие от полоротого, испорченного в стране неверных, ленивого и неблагодарного…

Чтобы заглушить этот водопад проклятий, нужно было либо вовсе уйти из дома, либо производить собственные звуки. Первое было давней мечтой, второе — испытанным методом.

Как это случалось и прежде, Бог не спешил отвечать. Но его абстрактный образ в сознании Мусы постепенно приобретал все более знакомые черты. Не прошло и десяти минут, а Муса уже адресовал свои просьбы к деду. И обращался при этом не в пустоту, а к одному конкретному объекту.

Желтые, розовые и молочно-белые каменные растения, выступающие там и сям из стенок пещеры, внимали его мольбам одинаково молчаливо. Но Мусе все время казалось, что лучше других его слушает большой сталактит зеленого цвета, что свисает из центра свода. И даже не потому, что в эту штуковину дед, по его же словам, «вложил всю душу» (Муса так и не понял, что это значит, но догадывался, что тут скрыто какое-то богохульство). Нет, ему лично последний шедевр деда нравился тем, что эта изумрудная воронка своими плавными формами очень уж напоминала огромное, покрытое инеем ухо.

Когда история про сбежавшего посетителя была рассказана Уху во всей красе, Муса почувствовал себя намного легче. Ругань отца смолкла еще раньше: к вечеру чайхана вновь стала

наполняться посетителями, и отец ушел из кухни в зал. В пещере деда стало совсем тихо. Лишь изредка то с одного, то с другого каменного лепестка капало на пол.

Муса кряхтя поднялся с коврика под зеленым сталактитом.

— Если бы я встретился с этим неверным снова, я бы его проучил. Слышишь, дед? Уж я бы ему сделал три дыры или чего он там еще хотел… Только бы мне встретить его снова.

Зеленая воронка как всегда молчала. Муса вздохнул и двинулся к выходу. И уже не видел, как по каменной спирали Уха, среди похожих на иней кристалликов, ползет маленькая прозрачная капля.

Капля добралась до нижней каймы сталактита, блеснула радужным переливом и замерла, на миг отразив в себе спину Мусы и всю пещеру. А может быть, и не только это. Но даже если бы и было кому смотреть — что там разглядишь в такой маленькой капле? Особенно если она висит неподвижно всего лишь мгновенье, а потом…

ЛОГ 1 (СОЛ)

…И прямо в цветы лицом.

Розовые и белые вперемешку.

У самой воды.

У самых глаз.

На обоях.

Сол пошевелил головой и убедился, что дремль закончился. Высший класс, иначе и не скажешь.

По стилю это смахивало на работы Рамакришны, когда он еще не перешел из сценаристов в директоры. Но Рамакришна никогда не создал бы такой яркой вещи. Рамакришна так уважает гармонию, что в его творениях всегда заметна немного искусственная уравновешенность. Здесь искусственных ограничений не ощущалось вовсе.

И эта классическая концовка с плавным переходом в реальный интерьер… Примитивный трюк, им давно не пользуется никто из серьезных дремастеров. Но в данном случае простота была просто гениальной. Сол усмехнулся, вспомнив, что когда дремль закончился, он еще несколько секунд не замечал этого, разглядывая белые и розовые букетики на собственных видеообоях.

Да что там концовка! Анализировать дремль с конца — профессиональная привычка. Но в этот раз Сол чувствовал, что он нарочно не торопится переходить к основной части дремля, как бы смакуя только что пережитое… и не находя слов. Все эпитеты из лексикона бывалого сценариста напоминали сейчас пожеванные картонные бирки, которые он видел в Музее Бумаги на одном из старых континентов. Сказать «высший класс» — все равно что не сказать ничего. Здесь вообще суть не в качестве. Это было нечто… пронзительное.

Да, именно так. Сол мысленно повторил: «пронзительное». Даже само слово казалось непривычным. Сол подумал, что вряд ли вообще когда-нибудь употреблял его.

Нет, в самом буквальном смысле он конечно употреблял что-то подобное. Особенно тогда в Гонконге, где он неожиданно остался без единого кредита, и приходилось халтурить в паре дешевых полулегальных студий, выдававших на гора по десятку новых дремлей в день. В его поделках того времени практически ничего другого и не было, кроме секса и крови, то есть вещей самого что ни на есть «пронзительного» характера. Но само это слово Сол не использовал и тогда. Может быть, потому, что в этом звонком и быстром «нзи» было что-то еще… То, что было в

сегодняшнем дремле. И чего не было во всех остальных.

— Сол, вставай, ты опаздываешь на работу! — После паузы знакомый голос сделался громче. — Сол, ты не ответил мне уже трижды. Ввиду того, что я не имею возможности оценить твое состояние, я буду вынужден либо включить сирену, либо вызвать врача, либо…

— Заткнись, Маки, — сказал Сол и закрыл глаза. «Цветочки кончились, начались титры», подумал он.

— Вызов врача отменен. Сол, я напоминаю тебе, что при дистанционном анализе твоего состояния результаты слишком неточные. И вновь настоятельно рекомендую пользоваться моими услугами в режиме «одеяло», чтобы я мог…

— Ну что ты за тупица, Маки! Я же тебе триста раз объяснял, почему я не хочу тобой накрываться ни в режиме «одеяло», ни в режиме «ковер-самолет педальный».

— Режим «ковер-самолет педальный» отсутствует. Судя по тону, ты пошутил. Слово «затупица» занесено в мой словарь еще позавчера, но дефиниция не полна. Это команда или шуточное вводное слово?

— Ох, Маки, заткнись…

Сол встал с кровати. Пальцы левой ноги коснулись чего-то прохладного. Сначала Сол отреагировал привычным пинком. Но то, что он сделал потом, сильно озадачило Маки, который и так всю ночь промучился, анализируя состояние хозяина по показаниям редких имплантов и доносящимся со стороны кровати звукам. Сейчас Маки зафиксировал учащение пульса и падение тела на пол. Правда, тело упало не до конца, и по всей видимости, мозг еще работал.

Сол стоял на коленях и глядел под кровать. Под кроватью лежала изящная подушечка-дремодем. Она была отключена. Она была разбита о стену. Потом она была немного потоптана. Потом из нее было кое-что выдрано, потому что оно все еще мигало. Сол знал об этом, потому что лично проделал все это два месяца назад. Он уже два месяца не пользовался дремодемом.

И тем не менее, сегодня ночью он видел дремль такой силы, что попади эта штука в прокат, она могла бы обрушить даже биржу Киберджайи, не говоря уже о токийской. Таких сильных вещей не делали даже в Новой Зеландии. И если бы такой дремль пустила в прокат не та компания, в которой работал Сол — он уже сейчас был бы безработным.

И что самое дикое: он видел этот чудо-дремль без дремодема.

Сол сел на кровать. Так… начать надо с себя. Вчерашний день, детально.

Однако в памяти не было абсолютно ничего такого, что отличало бы вчерашний день от многих других. Разве что съездил посмотреть старые автомобили, прорабатывая сценарий нового дремля с гонками в ретро-стиле. Но ничего больше. Он даже не играл вчера на ободроме и не ходил в лепт. Он даже не виделся с Кэт.

Сол прошел в угол комнаты, подцепил валяющийся там макинтош и надел его на голое тело.

— Режим «одеяло»? — осведомился Маки.

— Любой режим. Ты хотел проверить мое состояние? Давай проверяй, по полной программе. Импланты, нанозиты, химия… любые отклонения.

Маки замолчал. Сол почувствовал, как по некоторым чувствительным местам его тела ползают улитки.

— Учащенное сердцебиение, общее возбуждение. Подкорректировать?

— Больше ничего?

— Ты дважды не отзывался на будильник. Но у тебя так бывало и раньше. По-моему, это просто глубокая релаксация. Это не вредно, но для удобства мониторинга я бы тебе рекомендовал…

— Не надо. Скажи лучше, не употреблял ли я вчера чего-нибудь, отбивающего память. Слепые коктейли, «диоксид», какие-нибудь новые наркотики?

— Бензин.

— Что?!

— Ты ездил смотреть старинные машины. Ты стоял около одной из них, когда ее заправляли. И вдыхал пары летучих углеводородных соединений. Прежде, чем я успел включить фильтр, ты вдохнул около двух сотых миллиграмма…

— Ну и что? Тысячи людей на старых континентах ежедневно вдыхают такие пары!

— Считается, что вдыхание бензина вызывает эйфорию и привыкание.

— Что-то я не чувствую ни того, ни другого… — пробурчал Сол. — Ну хорошо, а какие-нибудь странные покупки я делал в последнее время?

— Ты регулярно покупаешь малофункциональные вещи, Сол. Мелкие старинные предметы, украшения, засушенные растения, кости животных, примитивные голограммы и другие изображения, старые бумажные книги. Ты мне объяснял, что они стимулируют твое воображение при создании новых сценариев. Я слежу, чтобы они были продезинфицированы и не содержали…

— Ну да, да! А вчера?

— Только один предмет, «волшебный календарь». Детская игрушка, представляющая собой электронную коллекцию связанных друг с другом цитат, стихов и изображений. Ты еще сказал, что у тебя после игры с этим календарем возникла одна свежая идея, которую ты надиктовал в дневник. Зачитать?

— Да помню я все свои идеи… — Сол скинул макинтош на пол, взял брюки с стал проверять карманы. — Кому они нужны, если в совете директоров почти одни бабы! Им подавай дремли про поиск потерянных детей, про покупку мебели по самым низким ценам, про умение не отравиться при посещении родителей… Никакого ретро, ни одной стрелялки или трахалки за весь год… Домовая!

— Я слушаю, Сол, — откликнулась люстра голосом безутешной, но энергичной вдовы лет сорока.

— Происшествия за ночь. Попытки внешних воздействий любого типа.

— Получен счет за биоколпак и за воду, я произведу оплату согласно программе. Китайский спутник «Жу-15» вышел из зоны видимости, новостной канал «Светлый путь» будет недоступен еще полтора часа. В двух километрах от дома зафиксировано животное… возможно, волкот.

— При чем тут волкот?! Ты мне еще про почтовых голубей начни рассказывать! — прикрикнул на люстру Сол.

— Голубей не зафиксировано. Обнаружение дикого волкота считается происшествием класса 2, последний раз такое случалось только…

— Ясно-ясно, хватит, — крикнул Сол из гигиенной.

Через две минуты, вымыто-выбрито-оздоровленно-опорожненный (или, как он сам любил говорить одним словом, «освежеванный»), Сол снова сидел на кровати, наполовину морфированной в кресло-леталку. Техника безопасности запрещала Домовой проводить морфирование предметов обстановки с располагающимися в них людьми. Людям, в свою очередь, рекомендовалось на время морфирования отвалить от предметов обстановки. Эта система условий приводила с неожиданным последствиям. Вот и сейчас, когда хозяин дома в глубокой задумчивости вышел из гигиенной и сел, Домовая остановила процесс на полпути. Но Сол как будто и не замечал, что сидит на чем-то вроде дистрофичного кита.

— Сол, ты по-прежнему опоздал на работу, — заметил Маки.

Сол оторвался от размышлений — не столько из-за напоминания о работе, сколько из-за слов «по-прежнему опоздал». Будь на свете школа, где искусственные интеллекты обучаются мыслить по-человечески, Маки был бы в ней

хорошистом. Но иногда все-таки получал бы «двойки». Например, сейчас с его точки зрения «опоздал» было временным состоянием, которое легко исправить. У самого Маки были особые отношения с временем. Времени для него словно бы и не существовало, кроме редких критических случаев, вроде плохой дальней связи с какими-нибудь узлами Старой Европы.

Мне бы так, подумал Сол. «Все еще опоздал» — потом чик! — и как будто пришел раньше всех. Он встал и быстро оделся. Затем снова поднял макинтош.

— Режим одежды? — спросил Маки.

— Вельветовая куртка, как вчера.

— Напоминаю, сегодня с утра установлен тип погоды «осень-два». Вечером на улице будет прохладнее. В режиме «вельветовая куртка» твое тело будет прогреваться неравномерно. Я бы рекомендовал…

— Куртка, как вчера! — раздраженно повторил Сол. — И если ты еще раз начнешь давать мне советы про режим одежды, я сделаю с тобой то же, что сделал с дремодемом.

— «Убийство есть грех», — процитировал Маки густым и медленным басом Папы Пия-М4, сетевого генератора афоризмов, очень популярного среди искинов.

Впрочем, насчет афоризмов — это было выражение Сола. Сам Маки называл Пия-М4 как-то более уважительно. И даже пытался однажды объяснить Солу, как этот странный Папа всех искинов помогает им в решении парадоксов логики. К сожалению, при объяснении Маки пользовался слишком загадочными терминами «гештальт-перезагрузка» и «коллективное беспроводное». Поэтому Сол понял лишь, что Пий-М4 был чем-то вроде игральных костей с большим разнообразием граней.

Но сейчас он отметил, что за свои слова про грех Маки получил бы «пять с плюсом» не только в школе искинов, но и в некоторых человеческих школах отсталых стран.

— Машину нельзя убить, потому что она и так не живая, — парировал Сол.

— Неверно. Человеческий стереотип эпохи пассивных машин. А я принадлежу к активным. Я настроен на постоянный сбор информации, даже если не получаю никаких команд. Прерывая мое функционирование, ты лишаешь меня возможности собирать информацию. Это приводит к недостатку информации и падению продуктивности моей работы. Поскольку я могу оперировать оценочными категориями, я отношу это к категории вреда для жизни. Я заинтересован в том, чтобы вреда не происходило.

— Ладно, понял, — отмахнулся Сол, выходя на крышу дома.

Маки появился у него совсем недавно. Это была идея

Рамакришны, который считал, что сотрудники студии не должны отставать от прогресса. Правда, Сол подозревал, что студия снабдила Маки еще кое-какими скрытыми функциями. Все-таки один из главных дремастеров одной из крупнейших. и так далее. А это и в правду означало повышенное внимание со стороны определенных людей. Сола почти ежемесячно пытались перекупить. Четырежды угрожали. Один раз предлагали собственный континент с хорошо работающей индустрией — взамен на два иероглифа внутреннего пароля. И примерно раз в неделю пробовали склонить к совершенно варварскому ритуалу прямого совокупления — ошибочно полагая, что если дремастер использует в своих работах некоторые архаичные образы, то он и впрямь будет рад получить вознаграждение именно таким способом.

Обычно Сол со смехом рассказывал все эти истории Рамакришне, который разделял его веселье. Однако для себя генеральный справедливо мог заключить, что когда-нибудь Сол чего-нибудь не расскажет. Хотя бы потому, что сам не будет помнить — или вообще будет жив лишь частично к тому моменту, когда его снова увидят коллеги. Возможно, из-за желания предотвратить столь разорительные варианты Рама и рекомендовал Солу завести, как говорится, Ангела-хранителя.

С тех пор ни дня не проходило без словесной битвы. Маки всегда подчинялся — но и спорить мог бесконечно, если ему давали такую возможность. Сол тоже был не прочь иногда поиграть в этот умственный пинг-понг. Маки был кривым зеркалом, в котором Сол разглядывал собственные идеи… и не без пользы.

Сенсор телегона узнал его ладонь и предложил стандартный маршрут. Ну да, в офис, куда же еще в такое время. Когда они взлетели, Сол решил развить тему:

— А если выходит так, что чем больше данных ты получаешь, тем противоречивее картина? Если новая информация опровергает старую? Это ведь тоже негативное явление. Ты это не считаешь увечьем… или как ты там говорил… вредом?

— Нет. Мое поколение искинов вообще не оперирует понятием «противоречивых данных». Это называется неполной информацией. Любой набор данных по определению неполон. Это мое нормальное рабочее состояние.

— И мое, особенно сегодня. Но почему-то оно кажется мне ненормальным.

— Это вопрос ко мне или так называемый «разговор с самим собой», Сол?

— Ох Маки, заткнись…

Снаружи уже неслись крыши даунтауна. Что-то и в них сегодня неправильно, подумал Сол. Ну и денек…

— Слушай, Маки, давай-ка дуй в Сеть и ищи все на тему «дремль без дремодема».

— Дремочип.

— Что дремочип?

— Дремль, не загруженный в дремодем, записан в дремочипе.

— Да нет, Баг ты мой! Я имею в виду, возможна ли трансляция дремля без… Тьфу, как же это сказать-то?

Для правильного запроса на поиск Сол должен был сам сформулировать, что с ним произошло. А этого он как раз и не мог сделать! Трансляция дремля издалека — да, возможна. Это известно и без Маки. Качество конечно не то, что у контактного дремодема… Но дом хорошо экранирован. Если бы делались попытки взлома, Домовая заметила бы и доложила, поскольку это уже не волкот какой-нибудь, а настоящий криминал.

Нет, не было никакой трансляции извне… по крайней мере, известными методами. Все остальное Маки характеризует как галлюцинацию. И поскольку не было никаких воздействий, он решит, что хозяин свихнулся… Какие у искина инструкции на это счет, можно только догадываться. Особенно если Маки — глаза и уши студии, приставленные для присмотра за самым дорогим сценаристом.

— Жду запроса, — напомнил Маки.

— Найди всех дремастеров класса А, кто за последние пять лет использовал концовку типа «возвращение в интерьер». Особенно с обоями. Расскажешь вечером.

На крыше студии, где Сол выскочил из телегона, было непривычно жарко. Сол огляделся и понял наконец, в чем состояло несоответствие, которое он заметил раньше. Все крыши были сухими.

— Эй, Маки, а когда был последний дождь?

— В два часа ночи.

— А дневные что, отменили?

— С переходом на климат «осень-два» вместо двух дневных дождей в 11:00 и в 17:00 будет только один дневной — в 14:00. Через 20 секунд. Перейти в режим «полный макинтош с капюшоном»?

— Как ты мне надоел со своим полным режимом! Оставь куртку. Подумаешь, дождь…

— Напоминаю, что…

Но было поздно. В следующее мгновение Сол сам пожалел о своем упрямстве, когда первая капля попала ему в глаз. Он крепко зажмурился, вытянул перед собой руки и бросился к

двери, до которой оставалось метров двадцать. В голову пришла полезная мысль о том, что он бежит с закрытыми глазами по крыше небоскреба. Но открыть глаза он не мог. В воздухе пахло мылом.

— … что первый дождь месяца — санитарный!!! — закончил Маки таким тоном, который можно было бы принять за злорадство. Хотя знающий человек сказал бы, что искин просто повысил громкость из-за шума ливня.

# # # # #

Все надежды просочиться на рабочее место рухнули так же быстро, как лифт, моментально пролетевший двадцать этажей. До этажа Сола оставалось еще двенадцать. «Только не на двадцатом!», успел подумать Сол, когда лифт остановился на двадцатом и в него вошел сам Рамакришна.

Из своих девяти косичек, заплетенных нитками разноцветного бисера, Рамакришна держал в руках только три. Это означало, что одним приветствием не отделаться. Сол мысленно попросил какого-нибудь Бага всех телекомов прийти в нему на помощь и срочно устроить Рамкришне еще несколько вызовов. Но Баги телекомов были на стороне генерального. Делая шаг в лифт, Рамакришна сказал «И вам того же» и отпустил одну из косичек. Разговор был неизбежен.

— Солей, ты снова пропустил утреннюю песню, — сказал Рамакришна, продолжая перебирать две оставшиеся в руках косички. — Нет, мистер Мэнсон, как раз этим мы не интересуемся. Но почему в пять, дорогая, меня еще не будет в городе! Более того, ты снова пропустил экстренное заседание совета, и твой Маки был заблокирован для всех входящих сообщений. Я не говорю «нет», мистер Мэнсон, но вы должны меня понять — здесь есть определенный риск, и хотя мы любим свежие решения… Милая, вовсе не в Маракеш, с чего ты взяла, какая еще Сумитра, что ты выдумываешь? Я понимаю, Солей, ты вольный художник и все такое… однако продукция «Мэнсон Сисоу» чересчур экстравагантна для того, чтобы привлечь широкую публику, а для раскрутки по нашему культовому тарифу в ней не хватает изюминки. Хорошо-хорошо, детка, я постараюсь к половине шестого, можешь даже заказать мне ванну… но игнорировать заседания совета — это уже чересчур даже для свободного художника! Да, такой вариант мне кажется более приемлемым, мистер Мэнсон, и если мы говорим только о восемнадцати миллионах, я готов это обсудить… на работе,

любовь моя, на работе, где же мне еще быть? Баг тебя зарази, Солей, где ты был все утро?! Нет, не «восемнадцать сейчас», и это вовсе не означает, что мы с вами заключаем долгосрочный контракт…

Лифт остановился. Сол трижды мысленно прочел по памяти первые два пункта Декларации Психонезависимости. Не то чтобы он не любил мультиперсоналов. Рамакришна был по-своему гений. И все те страдания, которые он перенес в психушках Нью-Дели, внушали огромное уважение. Но общаться с мультиком недистанционно… Солу однажды довелось наблюдать, как Рамакришна разговаривает с семью людьми одновременно, причем с двумя из них — женскими голосами, и с одним — детским. Зрелище не для слабонервных. Если кто-то думает, что в таких случаях можно просто отмолчаться, он глубоко ошибается. Сол молчал все двенадцать этажей, слушая три одновременных разговора Рамакришны. Это привело лишь к тому, что он последовательно придумал и отбросил три идиотские байки, объясняющие свое опоздание. Общением это конечно не назовешь — но фактически получалось, что вводная часть разговора произошла.

— Я видел дремль без дремодема, — прямо заявил Сол и сам немного удивился, что у него вырвались именно эти слова.

«Лучше бы сказал, что на мне взорвался макинтош и я ходил в техотдел за новым, — подумал он. — Все равно ведь уволит, но так хотя бы без пометки „За издевательство над начальством“.

Рамакришна пристально поглядел на него и отпустил обе косички, которые еще держал в руках.

«Не только уволит, но и вычтет с меня восемнадцать миллионов». Сол попытался представить, сколько убытков приносит студии переход Рамакришны в одноканальный режим хотя бы на пять минут.

— Слушай, Солей… — начал Рамакришна, положив руку на плечо Сола и выходя вместе с ним из лифта. — Ты один из моих лучших дремастеров.

«Нет, не уволит. Просто убьет. Задушит к Багу своими шаманскими бусами. Со смертниками всегда говорят ласково в последние минуты. Небось на заседании совета не хватило одного голоса, чтобы предотвратить какой-нибудь шаг, ведущий к банкротству всей конторы…»

— Кроме того, ты единственный белый человек в нашей студии, — продолжал Рамкришна.

«Ну вот, он уже и повод придумал, — вздохнул Сол. — Или просто дает мне возможность уйти самому, без скандала?»

— Знаешь, Рама, если ты держишь меня только из

политкорректности, то я могу…

— Нет-нет, я не в буквальном смысле. Извини, если получилось грубо. — Рамкришна приложил руку к сердцу. — Я лишь имел в виду, что ты для меня больше, чем сценарист. Ты находишься на той грани между специализациями, где другие редко задерживаются. Ты понимаешь, что такое рынок…

Сол поморщился.

— Ладно-ладно, не рынок, извини, — поправился Рамакришна. — Я хочу сказать, ты мыслишь глобально. Не циклишься на своем внутреннем мирке, в отличие от всех этих высоколобых знатоков искусства, которые готовы целыми днями трындеть про величие былого худла, а заодно и про глубину своих нынешних дремлей, которые не покупают даже русские и бразильцы. А с другой стороны, ты все равно остаешься дремастером. Ты видишь эту работу изнутри, у тебя есть вкус, в отличие от моих напомаженных маркетологов, которые искренне верят, что всему мерило — хорошая раскрутка. В результате сегодня на совете никто ничего вразумительного не сказал насчет этих слухов про дремли без дремодемов. Маркетологи только улыбаются и успокаивают — мол, это рекламный трюк конкурентов. Сценаристы, наоборот, впадают в свою классическую паранойю: «Это новая форма пиратства, вы опять не уследите за соблюдением наших авторских прав» и все такое.

«Так он уже знает, что со мной случилось! — поразился Сол. — Но откуда? Через Маки?»

— Я поговорил с ребятами из техотдела… — Рамакришна покрутил рукой около лба. — Ну, они не исключают возможности. Если, говорят, достаточно точно лупить лазером в отдельно взятую голову, то можно — теоретически — транслировать дистанционно, со спутника или со стратоплаты. Но качество ужасное и стоить будет жутко дорого. Дороже, чем любая военная система сопровождения множественных целей. Да что говорю! — дороже даже, чем любая из тех сетей ментосканирования, что ГОБлины используют.

«А про спецслужбы я не подумал, — отметил про себя Сол. — Если это ФАС или ГОБ, моя Домовая могла и не заметить».

Сразу вспомнилось, как на седьмой день своего самообучения Маки сообщил, что во всей бытовой технике есть «черные ходы». Правда, он вывел это каким-то особым дедуктивным методом, и Сол как обычно не поверил.

— В общем, я все утро на совете внушал нашим девочкам, — говорил между тем Рамакришна, — что подобные слухи просто так не возникают. Извини, что набросился на тебя. Бывает, недооцениваешь людей… Думаешь о них плохо, а они тем

временем занимаются делом, пока ты сам занимаешься болтовней с начальственными идиотками!

Рамакришна ободряюще похлопал Сола по спине. Обычно Сол не чувствовал угрызений совести из-за опозданий, но сейчас ему сделалось неуютно.

— Я случайно… — начал он.

— Не надо скромничать. — Рамакришна остановил его властным жестом. — Мне приятно, что в моей команде есть человек, который приходит и просто говорит «Я видел дремль без дремодема», в то время как остальные только обсуждают слухи об этом «загадочном явлении». Кстати, я подозреваю, что ничего загадочного там нет. Скорее всего, это «Дремок» прощупывает почву. У меня есть данные, что они секретно разрабатывают технологию так называемого «задержанного дремля». После одного сеанса у человека в памяти остается своего рода «след» записи, который может проявиться через несколько часов и будет выглядеть как очередной просмотр того же дремля. Считается, что время между первым сеансом и повторением можно растянуть до двух суток, если человек все это время бодрствует.

— Но я не… — начал Сол, и в этот раз оборвал себя сам.

Признаться Рамакришне, что он разбил дремодем со своим последним дремлем два месяца назад, а чужих дремлей вообще не смотрел с прошлого года?

Сол хранил это в тайне от всех. В основном потому, что с некоторых пор это стало как-то связано с его успехами в работе. В то время как другие сценаристы ежедневно просматривали лучшие шедевры конкурентов, отлавливая в них полезные приемы, Сол вообще отказался от просмотра чужих дремлей. Случайно или нет, но после этого собственные произведения Сола не сходили с первых мест самых престижных рейтингов континента, и пару раз обгоняли новозеландские в региональном. Нет, эту тайну он не хотел открывать даже Рамакришне. Возможно, в этом даже нет ничего особенного: Солу иногда казалось, что сила метода именно в том, что он — тайный. А для настоящего дремастера состояние его собственной психики во время работы гораздо важнее всех трюков жанра.

К счастью, как раз в этот момент они подошли к офису Сола, и Рамакришна заторопился.

— Извини, Солей, у меня сейчас конфиденциальная встреча в Маракеше с одной… с одним специалистом по другому важному вопросу. Но имей в виду: эти разработки «задержанных дремлей» нельзя оставлять без внимания. Даже если мы не сможем перехватить эту технологию, мы должны хотя бы рассчитать, что они успеют… ну ты понимаешь. Жду твоего доклада завтра

утром.

— Хорошо… — только и успел сказать Сол. Рамакришна уже шел обратно к лифту, схватившись за одну из косичек.

— Шейла, вызови пожалуйста снова мистера Мэнсона и мою жену. И сразу же извинись перед ними. Не знаю, не знаю! Скажи, что метеорит попал в спутник. И скажи ребятам из техотдела, чтобы проверили наш коммут. Кажется, моя жена опять навешала где-то «жучков». Нет, в этот раз не на мне, я проверял. Кстати, если кто-нибудь будет меня искать в течение ближайших двух часов — ты не знаешь, где я… И найди-ка мне Кобаяси срочно. Солей!

Сол обернулся. Рамакришна высунулся из лифта.

— Только не увлекайся с экспериментами, мне еще понадобится твоя голова! Да, мистер Мэнсон, ужасные спутники, и не говорите! Нет, милая, моя секретарша тут ни причем. Кобо, где ты болтаешься? Ты должен был еще утром… Да, дорогая, на работе, и не собирался, как ты могла подумать…

Лифт закрылся. Сол остался один в длинном розовом коридоре. Он тысячу раз видел эти стены раньше, но сегодня ему впервые подумалось, что на таком фоне неплохо смотрелись бы крокодилы. Хотя он никогда не видел их живьем. Но смотрелись бы неплохо.

— Маки, запиши-ка в папку «сырой идель». Офисный триллер: крупная корпорация создает в своем здании роскошный зверинец для психологической разгрузки сотрудников. Но однажды…

Он остановился. Это было бледно и плоско. Все теперь было бледно и плоско по сравнению с тем, что он видел прошлой ночью.

ЛОГ 2 (БАСС)

Огромный зверь, вцепившись когтями в лицо, руку и правый бок Басса, медленно вытаскивал его тело из жгучей трясины боли. Потом красная трясина закончилась, остались только когти. Три острых крюка, всаженные в щеку, локоть и под ребра. Они продолжали тянуть, медленно, час за часом, но все слабее.

«Почему так долго… Ночью некому оперировать, бросили в холодильник до утра?…»

За поднятыми веками встретила темнота. Мысли путались, мозг лихорадочно искал зацепки за реальность.

Мокрый бетон. Обрывок материи, еще теплый. Мгновенное замешательство: два разных воспоминания борются друг с другом за то, чтобы объяснить ситуацию. Потом воспоминание о долгом предоперационном ожидании сдается и признает себя ложным.

Он лежал не в больничной палате, а на улице. Его только что сбило с ног взрывом. Судя по тому, как быстро боль сменялась эйфорией — «медяк» врубил ультранальбуфиновую блокаду на полную мощность.

К тому моменту, когда перед глазами проявился темный тупик с баком-мусороедом, мозг успел прокрутить последние мгновения перед взрывом. Неожиданно быстро севшая батарейка «швейцарской руки». Переключение на резервную — и такое же быстрое падение напряжения. Секунды, утекающие вместе с последними микроамперами.

И еще искин того пижона. Класс «тэт», но какая-то особая модификация. И последний миг, когда Басс отбросил от себя этот пижонский макинтош.

Вернее, попытался отбросить. Паленая батарейка и тут подвела. Джек-потрошитель, подключившийся к искину, не успел морфироваться в исходное состояние, и проклятый макинтош повис на пальцах «швейцарки», как приклеенный. Хуже того, от броска шкурка развернулась, и одна пола шлепнула Басса в районе печенки как раз перед тем, как рвануть…

Он сжал зубы и сел. «Медяк» старался как мог, но при движении раны давали о себе знать. Пахло горелым пластиком и горелой бородой Басса. Правый глаз жгло. Пришлось изрядно вывернуть шею, чтобы осмотреть свою правую половину.

Он удивился лишь оттого, что увиденное его ничуть не удивило. Швейцарской руки за четыре штуки у него больше не было. С развороченного локтя капало. На боку, в бахроме кевлара — хороший был плащик — зияла приличная дыра. В ней тоже блестело мокрое. Рядом торчала оплавленная чешуя ската.

Значит, быстро свалить не удастся. Плохо, очень плохо. Басс распахнул плащ и вытряхнул испорченный скат. Ну, по крайней мере, этот коврик спас тебе живот, подумал он. И только теперь понял, что источник странного фона, который он принимал за шум в голове, находится снаружи. Где-то рядом все это время орала сирена.

Он попробовал встать, и тут же с криком свалился. Либо ультранальбуфин разведенный, либо дыра в боку гораздо серьезнее, чем кажется. Басс прижал остаток локтя к боку, чтобы из дыры не вывалился какой-нибудь скользкий внутренний орган. И не дожидаясь, пока медчип полностью блокирует боль, пополз к углу дома.

Глупо все сваливать на бабу, конечно. Но все те десять метров, что он прополз на трех конечностях за одну минуту, он думал о Марии. О ее диких, вьющихся волосах цвета морской звезды, спрятавшейся среди саргассов. О глубокой пустоте ее аквамариновых глаз, в которые нельзя смотреть неотрывно дольше минуты, иначе начинаешь чувствовать себя утопленником. О ее грудях, двух идеальных каплях плачущей красоты. И о том чудном местечке ее тела, где заканчивается выложенная камешками тропинка позвоночника и начинаются плавные дюны ягодиц — даже в моменты самого бешенного возбуждения Марии это чудное местечко всегда остается прохладным, как живот юркой камбалы…

Только идиот мог отдать такую женщину за три паленые батарейки. Только идиот мог позволить так себя провести. Нужно было просить как минимум пять! И сразу проверить, настоящие они или из Китая-7.

Басс потрогал то, что осталось от правого уха. Серьгушник болтался на тонком волокне, но самой мочки больше не было. Впрочем, если бы ухо не сгорело, связи не было бы все равно — основной коммут находился в оторванной руке, вместе с искином-лапотником. Но даже если руку и не оторвало бы…

Две батарейки, обе паленые. Небывалый идиотизм. Басс попробовал височный фонарик. Как бы подтверждая общую тенденцию, лампочка вспыхнула лишь на миг и плавно умерла. Третья батарейка от братьев-полипов, такая же дохлая. Хорошо хоть «медяк» сидит на старом биоаккумуляторе, который в мочевом пузыре заряжается.

Поиск надписей в темноте на грязной стене сочли бы забавным разве что рефероманты из Либры. От Марии Басс знал, что библиофильские секты любят подвергать новичков извращенным испытаниям. Он не собирался вступать в Либру, однако стена была его единственной надеждой.

Та еще надежда. Либо глаза так и не отошли после вспышки, либо в тупике действительно так темно — но на черной стене не было видно ни бага. Басс собирался уже начать обшаривать стену здоровой рукой, плюнув на токсичные фунгогрифы, радиоактивные граффити и прочее дерьмо, с которым не стоило бы контачить голой кожей. Но до контакта не дошло: тренированный слух уловил кое-что похуже, и этот звук погнал Басса обратно вглубь тупика.

Полифемы жужжали совсем рядом, когда он дополз до решетки ближайшего кондиционера. Быстро спеленать самого себя, имея всего одну руку, даже акушер не всякий сможет. В конце концов Басс распахнул плащ, наступил на край ногой, и перекувырнувшись, оказался закутан в термоизолятор. Оставалось еще раз перекувырнуться и вжаться в узкую раму подвального окна с кондиционером… И прикинуть, что если прожженная взрывом дыра в плаще пришлась на задницу, то инфракрасные глаза полифемов должны лопнуть от радости при виде такой горячей добычи.

Не лопнули. Басс слышал, как один из роботов быстро облетел тупик и вернулся на улицу. Второй полифем обнаружил что-то на углу, и теперь они оба кружили над находкой. Басс выглянул из своего кокона и сразу испытал сильное желание сбить эти летающие глаза полиции. Всего пару выстрелов статиком, он так и видел эту сцену — иголка-аккумулятор заряжается от трения об воздух, и на подлете к цели превращается в отличного вредителя для нежных биоэлектронных схем…

Но сбивать было нечем. Швейцарская рука Басса, с отличным иглометом и прочим инструментарием, валялась на углу. Именно ее изучали полифемы — сейчас она наверняка была такой инфракрасной, что хоть носки на ней суши.

Покружив над рукой, инсектоботы полетели дальше по улице. Видно, поймали тепловой след того пижона, с которого Басс так неудачно снял шкурку. Времени оставалось мало, но зато… Тепловой след. «Учись планктону у планктона». Несмотря на боль, Басс усмехнулся от мысли, что ведет себя в точности как адепт библиофильской секты на посвящении.

Он закрыл глаза, дважды сжал и расслабил веки, и снова пополз к углу здания.

Правый глаз был обожжен серьезно: опущенное веко ни за что не хотело переходить в режим инфракрасного фильтра. Зато с левым все было в порядке, и теперь Басс видел в том диапазоне, который подсказали патрульные боты. По крайней мере, одним глазом.

Он сразу засек свою оторванную руку. Рядом на стене пылал огромный цветок. Вначале Басс принял его за живую тварь, вроде насекомоядных лишайников, которые заманивают на тепло москитов. Но подобравшись ближе, различил, что цветок сплетен из букв арабского алфавита. Шамаиль, надо же! Даже среди уличных пачкунов-граффитистов лучше всего рисуют цветы те, кому запрещено рисовать людей.

То, что искал Басс, тоже состояло из человеческих символов, но не должно было светиться. Наоборот, оно должно остаться черным на фоне чуть более розовой стены, еще не остывшей после взрыва.

Он нашел слово у самой земли. Повторил большим пальцем все штрихи третьего и последнего иероглифа, словно заново рисовал его. Затем прижал палец к верхнему штриху, похожему на запятую.

Никакой реакции. Шитый Баг! Неужели и тут сломано?!

— Стоматологический центр Марека Лучано, чем я могу вам помочь, — сказал иероглиф выверенным, в меру сексуальным голосом кибер-секретарши.

— Срочный вызов. Мне нужно запломбировать три резца и один зуб мудрости! — прохрипел Басс.

— Секундочку…

Иероглиф разразился музыкой, напоминающей запись игры на органе, которую крутят в несколько раз быстрее, чем нужно, и к тому же в обратном направлении. Из-за ширмы этих диких переливов зазвучал знакомый, обманчиво-ленивый баритон:

— Кажется, у тебя ожог, Василь. Люблю людей, которые так спешат вернуть мне долги, что прямо накаляются на бегу. Надеюсь, кроме папилляров большого пальца твоей левой, ничего не пострадало? Говорят, если приложить сырой огурец…

— Я влип, Маврик. Вытащи меня.

— О-хо-хо… Признаться, у меня мелькнула мысль, что это был ты. Но я не поверил. Ты же старый крутон, а не вафель какой-нибудь бисквитный! Угол четвертой и шестой, недалеко от «Синего лося», верно? Попытка ограбления, попытка взлома искина класса «тэт», причинение эстетического ущерба магазину гармоничных средств связи «Фоншуй»…

— Он был не совсем «тэт». Какая-то опытная модель, навороченная…

Басс хотел было добавить про паленые батарейки, но сдержался. Не хватало еще самому выставлять себя лопухом.

— Ах вот оно что. — Марек вздохнул с притворным сочувствием. — Да уж, пережарил ты свой бифштекс… Судя по переговорам копов, полифемы ничего не нашли. А между тем

поступило уже четыре жалобы от автоматических систем сигнализации и от простых граждан. Да, вот еще сообщают: подожжен офис местной противопожарной службы, втрое превышен допустимый шумовой уровень… Патруль будет у тебя через четыре минуты. Живое человеческое общение, его иногда так не хватает.

— Ну так вытащи меня, Баг тебя зарази!

— Твой долг увеличится.

— На сколько?

— Пустяки. Сделаешь дельце, все прощу. Еще одно кладбище.

— Двадцать штук.

— Никаких. Просто сотру старые долги. И вытащу сейчас. У тебя есть три минуты, чтобы оставить свои яйца «в мешочке». Иначе получишь «в крутую».

— Ладно, десять штук.

— Извини, Василь, это конечно не мое дело, просто любопытно: тебе какую половину тела оторвало, верхнюю или нижнюю? Я почему спрашиваю — мозг, он обычно сверху. Но сейчас некоторые люди твоей профессии специально его пересаживают куда-нибудь пониже, чтоб не рисковать. Я не знаю, как у вас, а у нас в Италии…

— Кончай, Маврик! Хватит трепаться, помоги мне!

— Дать телефон Армии Спасения? Это пожалуйста. То-то я думаю, чего ты звонишь среди ночи… Кстати, о спасении. Патруль может не успеть. Их волну, кроме меня, слушают многие наши коллеги. Например, старик Робинс. Помнишь этого доброго дедушку-мороженщика, бывшего трансплантолога? А его веселый фургон-холодильник помнишь? Старик Робинс не дает пропасть добру, которое валяется на улицах… еще тепленькое. Глянь-ка в небо — он наверное уже рядом.

— Ладно, ублюдок. Я сделаю кладбище. Но с тебя весь инструмент.

— Другой разговор! Сейчас поглядим…

— Да шевелись же! Твои три минуты уже сто раз прошли! — взорвался Басс.

Жгучая трясина боли снова была рядом. Наверное, у «медяка» кончилось обезболивающее.

— Не дергайся, Василиск, успеем. Забыл тебе сказать: они переждут санитарный дождь. Кому охота в мыле плавать…

— Он же днем был!

— А ты забыл, что в выходные у нас выборы мэра? Вернее, перевыборы. Мэр распорядилась насчет срочных мер по благоустройству. Дополнительный санитарный, потом праздничный ароматический. Кстати, у тебя нет аллергии на

лепестки кувшинки морской лекарственной? Я уже намекал мэру, что она выбрала для своей эмблемы цветок с не лучшим запахом.

— А когда…

Басс не договорил. Капля ударила в плащ со звонким щелчком. Вторая упала на обожженное лицо. И начала жечь. Третью он почувствовал обрубком руки, открытой раной — как удар раскаленным шилом.

Пришлось сжать зубы, поднять здоровой рукой плащ, и прикрываясь им, снова ползти к нише подвального окна.

По пути он подхватил, но тут же отбросил какую-то пластиковую коробку — слишком мягкая. Так же поступил с тонкой жестянкой из-под консервов и с парой других сомнительных вещей из того, что валялось вокруг контейнера-мусороеда. Наконец рука наткнулась на маленькую, но твердую пластинку. Кажется, деревянная. Рассматривать не было времени — боль тремя острыми клыками опять впилась в бок, щеку и остаток руки. Басс с трудом разжал зубы, сунул дощечку между ними и снова свел челюсти.

Он почти потерял сознание от боли к тому моменту, когда на мокрый бетон спланировал белый скат с большим красным крестом в центре. Басс собрал последние силы и перекатился на светлый прямоугольник. Холодные ремни моментально оплели и распластали тело на кресте. Скат качнулся влево, вправо, снова влево, с каждым движением увеличивая амплитуду, скорость и высоту. На двадцатом махе челнока, как раз на уровне крыш, Басса вырвало.

«Убивал бы скриптунов, которые зашивают такие елочки в автопилот…»

Это была последняя ясная мысль, посетившая его голову перед тем, как он окончательно погрузился в красное болото беспамятства. Но если бы он увидел, как с темного неба падают, облепляя его лицо, белые и розовые лепестки кувшинки морской лекарственной, он наверняка пожелал бы мэрии столь же радикального сокращения штатов.

ЛОГ 3 (ВЭРИ)

В черное небо.

Алым цветком.

Выше и выше…

Щелк!

Так резко не заканчивался ни один дремль. Но и таких ярких она никогда не видела. Даже в… Стоп. Словно чья-то мягкая рука отводит память от тех вещей, которые нельзя вспоминать здесь, сегодня.

За решеткой ресниц — белый треугольник потолка. Потом край окна, полоски жалюзи из полупрозрачного бамбука, пятна листвы. Она вновь опускает веки, пытаясь вернуться во тьму, снова вызвать… Увы, только бледный образ. А ведь это она всего мгновенье назад была той танцующей орхидеей, что летела сквозь ночь на огненных лепестках. И почему-то нельзя было останавливаться — да и не хотелось…

Но решает здесь не она, и перед глазами сейчас — только розовая пустота опущенных век. Спина вспотела, сквозь тонкое сари ощущается пластик кушетки. Она подумала о пятнах пота: будут коричневые разводы на новеньком лимонном шелке. Гадость.

И еще интересные ощущения: плечо упирается в подлокотник, колено — в стену. Получается, во время сеанса она развернулась на девяносто градусов. Может, даже ходила по комнате?

Но с другой стороны, принимая в расчет эту позу и мокрую спину, можно не сомневаться: дремль закончился. Но она не спешит открывать глаза, теперь уже по другой причине. Рядом слышатся голоса. Спорят.

— Ох, как ты меня достал! Вечно лезешь в самое неподходящее время. Обязательно нужно вмешиваться, когда я занят?

— Скажите, какой великий ученый!

— А то ты не знаешь, какой! Могу напомнить. Красный диплом и золотая аспирантура в лучшем университете Бангалора-Шесть не каждому даются. Моим докладам аплодировали даже на европейских конференциях. Если бы мне еще не мешал этот клоун…

— Хе-хе, ты не любишь клоунов? Проведем-ка научный анализ! Негативные воспоминания, да? К тебе в детстве случайно не приставал такой крепкий клоун с большим красным носом и белой бородкой? Говорят, он многим психику покалечил.

— Не заговаривай зубы, бездельник. Клоуном я называю того, кто вечно кричит мне, что я упустил настоящую жизнь, обменял ее на какие-то голограммки, которые невозможно «ни съесть, ни поцеловать». Или на закорючки из книг, «похожие на дохлых жуков». Но что же этот свободный художник мне предлагает взамен? Жить сегодняшним днем? Плясать под санитарным дождем, бегать за смазливыми дурами, у которых одни фумочипы вместо мозгов? И не достичь ничего стоящего в жизни? Ну уж нет! Пошел отсюда, трепач!

— Ага, щас! Сам катись, мерзкий ретровирус! Взгляните-ка на этого умника! Да ты до сих пор ни кто иной, как «хороший мальчик»! Все твои попытки упорядочить мир — это как постель заправлять, чтобы мамочке угодить. А что дали тебе годы такой науки, кроме испорченного здоровья? Не говорю уже про любовь или счастье — но может быть, хоть лишнюю каплю комфорта? Ты чувствуешь себя лучше, сидя в этих лабах без окон и сканируя чьи-нибудь выделения? Признайся уж честно: ты просто боишься жизни. Вот и спрятался от нее в своей высокой башне из слоновьего говна.

— Ну да, ну да. Зато ты у нас паришь на седьмой орбите после каждой ночи, проведенной в потной возне с случайной блондинкой. Ах, как оригинально! — раз за разом прокручивать те алгоритмы, что тысячи лет назад описаны в Кама-Сутре. Хотя нет, я забыл! — после всех этих эпидемий большинство мужчин перешло на фильтрованный нейросекс с компфетками и креветками. Зато у тебя сразу появилось широкое поле для достижений натуралиста: раскрутить очередную испуганную дурочку на настоящий, варварский секс без электроники.

— Ну уж это всяко интересней твоего любимого принципа «Лучше порно, чем никогда».

— Зато так я по крайней мере избавлен от необходимости с ними сюсюкаться. Ты-то, конечно, уверен, что все они прямо переполняются эндоморфинами, слушая твои глупые стишки. Тагор ты наш недоцифрованный!

— Вот-вот, даже мои стихи вызывают отклик. И особенно, кстати, в твоих любимых маленьких брюнетках, а не в моих блондинках.

— А у тебя всегда был извращенный вкус. Ты сам когда-нибудь думал, почему ты бегаешь только за плеченогими тупицами? Мои-то маленькие брюнетки вполне понятны: когда человек рождается, первое, что он видит, это лицо матери…

— Неправда! Сначала он видит ее ноги. Потом видит акушерку, симпатичную блондинку. А потом уже на него наваливается суровая правда жизни.

— …И он скрашивает эту правду своими кривляниями, да?

— Да, скрашивает. И все удовольствия, которые получаю я, измеряются не чужими дипломами, а моими чувствами — этим самым честным мерилом. И в моей жизни было бы больше радости, если б ты не доставал меня своим детским страхом «все потерять». Скажи еще спасибо — без меня ты давно уже превратился бы в скрипт для генерации научных статеек.

— Ха-ха, зато ты без меня остался бы такой живой… амебой! Так и лелеял бы свой прокрустов комплекс с «прекрасными дамами» в той бомбейской дыре, откуда неудачники вроде тебя никогда не вылезают в большой мир…

— Ладно, ладно, мир! Чего ты вообще завелся? Чуть что, сразу «вали отсюда». У нас ведь гораздо лучше получается вместе, будто ты не знаешь! Каждый — эксперт в своей области, а вдвоем — эксперт в квадрате. Так и надо работать! Когда один зацикливается, другой удерживает его от крайностей. И подсказывает такие решения, до которых первый ни за что не допер бы в одиночку.

— Согласен, когда все заняты своим делом… Но мы ведь спорим все время, это так непрактично! Признайся: мы все-таки завидуем тем, кто работает более слаженными группами. С каким презрением эта многоколесная шпана смотрит на наш старомодный тандем! А мы даже вдвоем с трудом договариваемся. Предвижу твои возражения, но послушай: может, и нам пора завести контролера? Если мыслить логически…

— Да ты сдурел! Чтобы какая-то горстка биочипов мною командовала? Чтоб говорила: сейчас рисуй, сейчас пиши научный труд? Никогда! Или ты забыл, что мы вообще тут делаем?

— В общем-то ты прав… Только мы и можем нормально работать с беднягами вроде этой девочки. Какие-нибудь мясники из молодых тетронов без колебаний прописали бы ей персонокластический электрошок. Так далека она от них, так ненормальна с их точки зрения! Но после их секатора ей одна дорога: до конца дней ходить с контролером. Да и то неизвестно…

— Вот именно! Ты сам говорил: по статистике, их методы дают ужасные результаты. А мы докажем, что старая гуманная терапия работает лучше! Будет тебе о чем на следующей конференции рассказать.

— М-да… Судя по записи первого сеанса, дело сразу сдвинулось с мертвой точки, когда мы установили с ней дружеские отношения, как ты советовал. Что ж, пора снова поговорить с бедняжкой. Прибор уже отключился, сейчас она придет в себя.

Девушка открыла глаза. Рядом с кушеткой сидел мужчина в зеленом халате. Его смуглое лицо было настолько круглым и гладким, что густые брови и слива-нос смотрелись как нечто постороннее, прилепленное позже и в большой спешке. Такими же неуместными казались глаза, постоянно чуть навыкате.

Зато на обложке голубой папки, которую мужчина держал в руках, виднелось симпатичное, хотя и слегка испуганное личико длинноволосой брюнетки тихоокеанского типа. Девушка не сразу узнала себя. Еще несколько мгновений понадобилось, чтобы прочесть четыре иероглифа, написанные от руки под снимком. «Моноперсональность. Тяжелая форма».

Увидев, что пациентка очнулась, доктор растянул толстые губы в профессиональной улыбке.

— Ну, как мы себя чувствуем?

Девушка неуверенно села. Нашарила под кушеткой сандалии, поправила сари.

— Мы… мы чувствуем себя лучше.

— Вот и прекрасно! Как вам понравилось… хмм… ваше приключение?

— Очень понравилось. Даже захотелось еще. — Она взяла с тумбочки перламутровый гребень, снятый на время сеанса, ловко собрала волосы на затылке. — Но знаете, это было так необычно. Я… то есть мы… мы никогда не видели ничего похожего.

— Ну еще бы! — На этот раз доктор улыбнулся вполне естественно. — Самая свежая разработка. И уже запрещена как цифровой наркотик. Увы, в наше время такие вещи в первую очередь попадают не в те руки… Знаете, о несбалансированных мультиперсоналах иногда говорят: «вселились демоны». На самом деле это выражение гораздо больше подходит для описания того, что происходит с потребителями «верта». Технически он не очень отличается от обычного дремля. Просто в дремочип встраивается искин более высокого класса, а это требует более точной настройки по психотипу… Конечно, для профессиональной дремотерапии это средство используется в очень ограниченных количествах и под контролем специалистов.

— А вам не грозит преследование?

— О нет, мы очень аккуратны. Как вы могли заметить, мы очень хорошо изолированы от внешнего мира. И даже не используем электронных носителей для записи истории болезни. Да и запрет на «верт» — достаточно спорная вещь на этом континенте. Если уж нас начнут преследовать, то по другим причинам.

— Но когда мне рекомендовали вашу клинику…

— Ну вот, вы снова заговорили о себе в единственном числе!

Ничего-ничего, это только второй сеанс, а результаты уже неплохие… И вам действительно нечего бояться в нашей клинике.

Мужчина в халате подошел к окну, медленно поднял руку, поймал свисающий вдоль жалюзи белый шнур. Девушка в очередной раз поразилась странным пропорциям индобрита. Словно его сшивали в спешке из подручных материалов: круглое лицо, еще более круглый живот — и такие тонкие руки, похожие на сухие ветки. Впрочем, на этом континенте болезни делали с людьми еще и не такое…

Черная рука-ветка потянула за шнур. В комнате стало светлее.

— Видите ли, от моноперсональности страдает огромное число жителей нашего континента. Хотя многие сживаются с этим и вполне счастливы. Но некоторые моники сами чувствуют, что с ними что-то не так. Для таких еще не все потеряно. Осознание скрытых способностей своих субличностей — первый и главный шаг к выздоровлению. Мы работаем только с теми, кто сам приходит. Кто сам чувствует, что для него моноперсональность — не счастье, а тюрьма.

— Но за это вас не могут преследовать! Декларация Психонезависимости гарантирует каждому право…

— Конечно, гарантирует. До тех пор, пока вы не навязываете.

Доктор замолчал, то ли что-то припоминая, то ли просто разглядывая сад за окном. Длинный указательный палец накручивал веревочку от жалюзи и снова распускал ее. Остальные пальцы, сухие и узловатые, тоже слегка шевелились. Сам же доктор стоял неподвижно, и это только усиливало ощущение, что его костлявая кисть — нечто постороннее, не принадлежащее этому полноватому телу. Казалось, настоящая рука все еще прячется под халатом, а в место нее из зеленого рукава выполз бот-уборщик и бегает теперь взад-вперед по белой нити, очищая ее от пыли.

При виде этого девушка как будто вспомнила о собственных руках. Два браслета, свернувшиеся серебристыми змейками на тумбочке, вернулись на тонкие запястья. Хозяйка змеек, словно желая проверить, как они сидят, на миг вскинула руки и повертела ими. Жест напоминал начало танца. Однако более внимательный наблюдатель заметил бы еще, что эта импровизация очень напоминает движения, которые проделывал с веревочкой человек в зеленом халате.

— Принцип невмешательства касается именно нашей клиники, — Доктор не замечал жестов пациентки. — Даже взявшись кого-то лечить, мы ищем пути постепенного, гармоничного развития субличностей. Однако в движении

«Мультиперсоналы без границ» есть представители других каст.

— Каст?

— О, это просто языковый антиквариат. Вроде того камешка, что у вас между бровей. Раньше это наверняка означало что-то другое.

— Не знаю… Вот серьги точно означали. — Девушка наклонила голову, вешая на ухо серьгу-каури. — Я слышала, раньше эти раковины были чем-то вроде кредитных чипов.

— Примерно так и с кастами. Сейчас тактичнее называть их фракциями. Брахманы, кшатрии и другие высшие ка… виноват, представители «правого крыла», выступают за полное невмешательство в жизнь «неприкасаемых», то есть моников. А работу с ярко выраженными мультиками предлагают сводить к имплантации личных искинов-контролеров. Безо всякой траты времени на поиск естественного пути развития субличностей и отношений между ними…

— Это тоже не запрещено. — Девушка склонила голову на другой бок и надела вторую ракушку. — Но судя по вашей интонации, вы этого не одобряете.

— Скорее, не питаем иллюзий. Высшие касты — это мультиперсоналы высокого порядка, начиная от третьего. Они давно научились извлекать пользу из особенностей своего сознания. Взять хоть военных. Любой здоровый мужчина может стать водителем боевого киберслона. Но попасть в элитную спецслужбу «Ганеша» может только настоящий кшатрий, как минимум трион. Реакция бойца, мудрость стратега, многоликость шпиона — все должно быть в одном человеке.

— Ясно. Им не выгодно, чтобы число высших мультиков увеличивалось.

— Именно так трактуют их консерватизм противники — шудры, вайшья и представители других низких каст.

— «Левые»?

— Да. И у них свои крайности. Они считают, что брахманы монополизировали технологию «второго рождения» — то есть расщепления сознания. Шудры требуют, чтобы мультиперсональность высокого порядка стала всеобщим достоянием. А наиболее радикальные вайшья настаивают на принудительном расщеплении сознания даже обычным моникам.

— Хмм… Это действительно подпадает под статью о психотерроризме. Но при чем здесь ваша клиника?

— Полиция далеко не всегда находит время разбираться, с какими мультиками она столкнулась. Буквально неделю назад одна похожая клиника была разрушена до основания.

Брови девушки вздернулись, взгляд больших ореховых глаз

метнулся к окну. Доктор отметил, что эти огромные глаза не очень соответствуют другим чертам пациентки: ее лицо, если не считать глаз, было вполне японским. Впрочем, на том континенте, откуда она прилетела, косметологи умеют еще и не такое… Даже легкая асимметрия — явная дань моде.

В саду, куда теперь смотрели ореховые глаза, царило сонное умиротворение. В просвете между кустами лавровишни приоткрывался кусочек пруда с лотосами. Острые лодочки лепестков, слепящая белизна с голубоватым отливом — точно осколки льда. Двадцать восемь по Цельсию.

— Нет-нет, это было далеко отсюда. Совсем на другом континенте, в Новом Иерихоне. — Несмотря на успокаивающий тон, доктор не сдержал печального вздоха. — К тому же сотрудники той клиники… В общем, их спровоцировала третья сторона. Люди неправильно поняли, стали оказывать сопротивление. Полиция в ответ применила «узи». Вы никогда не видели, как работают эти ультразвуковые трубки? Очень немногие строения выдерживают. Считается, что людям не вредит… если они вовремя покинули здание.

Легкий ветерок шевельнул лавровишни за окном, зеркало пруда покрылось морщинами. Там, где не было видно воды, движение воздуха прослеживалось по лотосам: сначала качнулись цветы у берега, потом невидимая волна тронула острые кончики лепестков в центре, и пошла дальше, затухая. Еле слышный хруст льда — и опять недвижное безмолвие.

— К счастью, нам ничего такого не грозит. — Доктор хитро прищурился. — Помимо принципа невмешательства, у нас есть защита и получше: свои люди в местной полиции. Но мы все равно стараемся, как говорится, не дразнить ботов. Вы, например, не смогли бы стать нашей пациенткой, если бы не прошли э-э-э… определенную проверку.

— Ого! Вы подозревали, что простая фея из провинциального добреля — провокатор?

— Конечно нет! Прошу меня простить, но мы вынуждены проверять всех. И дело не только в полиции. Больше всего приходится опасаться наших «друзей» — мультиперсоналов из более радикальных групп МБГ. Они по-прежнему стремятся доказать, что наши гуманные методы работы не приносят результатов. К счастью, в вашем лице мы имеем настоящую союзницу.

— Неужели вы и это…

— Да-да, и это знаем. Секта Омото-ке, возрожденная в Новом Киото, трактует всю историю человечества как прогрессирующую инвалидность. Позже вас стали называть просто Кои, поскольку

это учение стало особенно популярно среди женщин легкого… хм-м… то есть, мы хотели сказать, тяжелой судьбы…

— Да говорите уж прямо. — Девушка нахмурилась.

Доктор в ответ затряс головой и руками одновременно.

— О-о, извините нас пожалуйста… Просто у нас иногда возникают внутренние споры из-за терминов. Мы лишь хотели сказать, что лично ознакомились с «Историей костылей» Наоми Дегути. И знаете что? — мировоззрение Кои нас просто восхитило! И такие впечатляющие примеры развития второй природы в ущерб первой! Палка, которую взяла в руки первая обезьяна, разучившаяся лазить по деревьям. Огонь и одежда, компенсировавшие больной обезьяне потерю волосяного покрова. Письменность как протез памяти. А уж сколько всего принес девятнадцатый век, самый расцвет костылей! Пишущая машинка для немых. Самодвижущаяся коляска для паралитиков. Фотоаппарат, родившийся из очков и родивший затем кино — и видеокамеры… Признаться, мы даже задумались о пересмотре врачебной этики, когда прочли главу, посвященную мотивам изобретателей. Аппарат Александра Белла не вернул слух его жене — зато сколько людей отучились от персональных контактов благодаря телефону! А сколько людей привыкли к компьютерным подсказкам и приобрели синдром «меморта» благодаря идеям Виннера, самого рассеянного человека с постоянными провалами в памяти! А нейроинтерфейс доктора Мур, призванный помочь паралитикам? Он и вовсе превратил тысячи здоровых людей в добровольных паралитиков-виртуалов.

— Кстати, раз уж вы упомянули… То, что я услышала от вас про искинов-контролеров, это ведь еще хуже. И даже ваши гуманные методы работы с мультиперсоналами не будут одобрены моими сестрами, если они узнают про этот «верт», который вы мне прописали. Я надеюсь, что вы никому…

— О нет, конечно нет! Ваш визит к нам останется в тайне. Мы лишь хотели объяснить, почему человек из вашей секты не может работать на наших врагов. Ведь главное условие для вступления в Кои — отказ от всех инвалидных приспособлений техногенной культуры. Нам вполне импонирует такой подход, хотя… есть тут некоторый экстремизм, вы не находите? Например, мы обнаружили у вас врожденный порок зрительного нерва и следы подключения медчипа, который корректировал это отклонение. Очевидно, ваши религиозные убеждения заставили вас удалить даже этот простенький чип. Неужели вы настолько последовательны в своих принципах? Ведь без этого чипа вы можете ослепнуть в любой момент…

— Я бы не хотела обсуждать мое зрение, — перебила

девушка. — Вы и так нарушили Декларацию Психонезависимости, получив доступ к данным о моей религиозной принадлежности. Понимаю, что это было нужно, но хватит об этом.

— Ни слова больше.

Мужчина в зеленом халате сложил руки лодочкой, возвел глаза к небу и слегка поклонился. Розовые подушечки пальцев и белки глаз словно включили контрастность.

— Лучше вернемся к вашей подавленной субличности.

Снова голубая папка. И ручка в руке.

— Что вы почувствовали на этот раз во время сеанса? Только не торопитесь.

Девушка села поудобнее, еще раз поправила сари. Убрала под гребень выбившуюся черную прядь и надела последнее из своих украшений — маленькое зеркальце на цепочке.

— Я… мы… Нет, наверное все-таки я, но другая… Я была цветком. Кажется, орхидеей. Хотя это был не совсем цветок. Потому что он летал…

Первая минута рассказа состояла из пауз, перемежающихся короткими, неуверенными репликами. Но доктор слушал внимательно, кивал и улыбался.

Он и сам не заметил, как стал кивать все чаще и чаще. И теперь уже не его кивки подбадривали девушку, а наоборот — разговорившаяся пациентка задавала ритм. Откуда-то — из складок сари? — появился веер, и девушка стала изображать, как летела в ночном небе огненная орхидея. Веер порхал и порхал, порхал и порхал…

Рассказ прервался. Мужчина продолжал сидеть молча, с глупой улыбкой уставившись в пространство. Девушка щелчком закрыла веер. Мужчина вздрогнул.

— Ах, извините, мы заслушались… У вас настоящий дар перевоплощения! И это еще раз подтверждает, что мы выбрали правильный метод работы с вами! Вы и не представляете, какие таланты прячутся иногда в подавленных субличностях. И как долго до них приходится добираться! А ваша импровизация с веером… Даже не знаем, как это описать. Мы словно воочию увидели эту огненную… Что?

Он на миг замолк, но тут же продолжил:

— Извините, у нас опять возник маленький спор. Один из нас полагает, что ваш веер похож на бабочку. А другому это больше напоминает «веер Венеры» — морскую раковину, символ тамплиеров. Тем более, что ваши серьги и гребень сделаны из раковин, так что было бы вполне… О-о, не обращайте внимания. Главное, что мы хотели сказать: вы делаете огромные успехи!

— Бросьте, доктор. Вы наверное всем так говорите.

— Что вы, никакой лести! Обычно никто так не раскрывается до четвертого-пятого сеанса. Вам же практически сразу удалось найти управляемый образ, сочетающий в себе противоречивые стремления ваших субличностей. Одна из них — цветок, спокойное интровертное существование. А другая — динамика, полет, прямая аллюзия на ваше нынешнее увлечение танцами.

— Хореограффити — это не танец, — вставила девушка.

— Да-да, мы помним. Но в данном случае это неважно. А важно то, что ваша динамичная субличность наконец «договорилась» с другой, подавленной, которой нравится растительный образ жизни. Танцующий, летающий цветок — прекрасный образ для такого союза. Парадоксальный и естественный одновременно.

— Ну… вообще-то я и сама чувствую, что мне стало лучше. Какое-то время после окончания этого дремля мое второе «я» ассоциировалось с этим цветком. Это было так замечательно! Но так быстро прошло…

— Ничего-ничего, так и должно быть… — Мужчина задумался, не сводя глаз с закрытого веера. — И хорошо, что прошло. Возникновение сильных фиксаций на начальном этапе даже опасно. Сейчас нужно лишь раскрепостить ваше сознание. И мы над этим еще поработаем.

— Но меня так напугали ваши рассказы о принудительном расщеплении… Бр-рр!

Девушка снова, как бы невзначай раскрыла веер и обмахнулась им.

— Может, вы расскажете мне подробнее о ваших методах, доктор? И мне будет спокойнее, и вам будет легче со мной работать.

— Конечно, конечно! — Круглолицый индобрит улыбнулся, откинулся в кресле. — Нам скрывать нечего. Основы персонокластической терапии заложила одна из школ необернизма еще в конце прошлого века. Однако практическая работа с мультиперсоналами на основе этого метода началась только через пятнадцать лет, когда…

Веер все порхал и порхал. Медленно и ритмично, словно огромная белая бабочка, летящая под водой. И засыпающая на лету.

# # # # #

Четырнадцатилетний трион Субхоранджан был очень

взволнован. Только что, гуляя в саду клиники, он случайно заглянул в окно кабинета Доктора Шриниваса и увидел очень странную картину.

В кабинете находились сам Доктор и Желтая Фея, с которой Субхоранджан познакомился два дня назад. Сначала Фея лежала на кушетке, точно так же, как иногда лежал Субхоранджан во время лечебных сеансов.

Потом Доктор с Феей стали разговаривать. Доктор что-то спрашивал и иногда посмеивался. А Фея отвечала и иногда задумывалась. Точно так же бывало и на сеансах с Субхоранджаном.

Но вскоре все переменилось. Фея словно бы превратилась в Доктора. Теперь она спрашивала и спрашивала, помахивая веером. А Доктор все отвечал и отвечал. Он больше не смеялся и вообще выглядел так, словно очень устал и вот-вот заснет.

Все это немного напугало триона Субхоранджана. А ведь доктор говорил, что ему нельзя волноваться!

И правда, голоса в голове словно ждали этого момента, чтобы поругаться. А дождавшись, разругались так, что голова заболела. Каждый кричал свое, никто не слушал других. «Может, с Доктором что-то не так? — Нет, это с Желтой Феей что-то не так! — Я хочу обедать, пошли обедать! — Нет-нет, Желтая Фея лучше всех, а Доктор наверное заболел! — Надо снова попробовать перелезть через стену! — Уходите, вы мне надоели! — А может, Доктор с Феей просто придумали новую игру? — Играть, я тоже хочу играть!»

Кто из субов первым сказал про игру, Субхоранджан не разобрал. Вернее, не мог разобрать — ведь это и было главной проблемой, из-за которой он оказался в клинике.

Однако сама мысль об игре очень помогла. Субхоранджан вспомнил, что Желтая Фея и для него придумала игру. Хорошую игру, в которой все субы имеют свои роли, так что их уже не спутать!

Шум в голове сразу прекратился. Ведь в хорошей игре, которую придумала Желтая Фея, никто не дерется и не перебивает!

— Давайте уйдем, пока нас не поймали, — сказал Дикий Биорг, Который Боялся Неоргов и Людей. — Неужто вам не страшно?

— Лучше пойдем и поколотим Доктора! — сказал Сломанный Неорг, Который Не Мог Настроиться На Правильную Частоту. — Но я готов выслушать другой план операции.

— Подглядывать неприлично… — сказал Человеческий Облик, Который Не Умел Гулять Сам По Себе. — А вообще я не

знаю…

Они еще немного посовещались. Правда, сначала Неорг и Биорг подрались. Доктор Шринивас много раз объяснял Субхоранджану, из-за чего с ним происходят такие неприятности. Глупые шаманы из Пенджаба слишком долго держали триона в своем варварском храме, пытаясь изгнать из него демонов. В результате субличности действительно сбесились и постоянно выходили из-под контроля. Так говорил Доктор.

Вот и теперь левая и правая ноги Субхоранджана начали вытворять несогласованные движения, управляемые разными субами. Биорг требовал удрать, а Неоргу во что бы то ни стало нужно было поколотить Доктора.

Но тут вмешался Человеческий Облик, который неожиданно для самого себя сказал: «Можно подобраться поближе к окну — вот из того куста отличный вид». Неорг и Биорг так удивились, что безоговорочно отдали ему управление ногами.

Расчет оказался правильным: не успел Субхоранджан устроиться в густом лавровишневом кусте, как окно над ним распахнулось.

— Надо же, а мне никогда не удавалось ни открыть его, не разбить! — прошептал Сломанный Неорг, Которому Не Хватало Герц.

— Только Доктора умеют это делать, чтобы нас запирать, — согласился Дикий Биорг, Который Не Любил Закрытых Помещений.

Человеческий Облик тоже хотел сказать кое-что, но не успел. Потому что в этот момент кто-то вывалился из окна прямо на Субхоранджана.

— Ты… вы что тут делаете? — грозно спросила Желтая Фея, отряхивая сари.

— Гуляем… — В голове Субхоранджана опять началась сумятица. Желтая Фея, кажется, заметила это.

— Так значит, кое-кто уже немножко научился гулять сам по себе? — спросила она.

— Только один раз, — скромно ответил Человеческий Облик. Он не стал уточнять, что его уговорили Неорг и Биорг.

— Но кое-кто так и не настроился на правильную частоту, — добавила Фея.

— Я над этим работаю, — отозвался Неорг. — Я вчера починил киб одной сиделки и немного поговорил с ним. Она сказала, что он меня слушается.

— Неплохо. Но я вижу, еще кое-кто по-прежнему боится меня. Даже не поздоровался.

— Я не боюсь, — пробурчал Дикий Биорг. — Но ты обещала

отвести нас на Зеленый Континент, где нас никто не будет запирать и мучить. А вместо этого ты играешь с Доктором.

Прежде чем ответить, Желтая Фея вздохнула и поглядела на Субхоранджана долгим-долгим взглядом.

— Потерпите, — сказала она наконец. — Мне сейчас надо уйти. Но когда я вернусь, мы обязательно поедем туда… Все вместе.

И быстро отвернувшись, побежала. Будь под ногами бетон, слезы оставили бы на нем свои маленькие следы. Но на хороших гравиевых дорожках даже после санитарного ливня третьей степени не бывает луж. Лишь со стороны белоснежных лотосов донесся едва слышный ледяной хруст, когда она пробегала мимо пруда.

ЛОГ 4 (СОЛ)

Ли нашелся в баре студии. С одной стороны, это было неплохо, потому что можно было заодно и перекусить. С другой — компания в том закутке, где сидел старый китаец, собралась препаршивая.

Еще от входа Сол заметил буйную шевелюру Шейлы. Секретарша Рамакришны была в какой-то дурацкой соломенной шляпке, но это ничуть не мешало ее черным прядям самостоятельно змеиться во всех направлениях, заползая и на шляпку, и на перегородку, разделяющую закутки бара. Очередная модная стрижка для привлечения мужиков — вот к чему сводится весь прогресс технологий, если смотреть на него сквозь призму женского мозга, отметил Сол.

Сама Шейла тоже шевелилась, но в другой плоскости — она крутила на пальце нэцкэ-коммуникатор. Откуда брелок, догадался бы и самый дешевый макинтош: напротив сидел Кобаяси из отдела маркетинга, имевший привычку регулярно дарить секретарше Рамакришны какие-нибудь антикварные безделушки.

Сейчас Кобаяси что-то оживленно рассказывал. Шейла отвечала раскатами низковатого и (как всегда казалось Солу) развратного хохота. Ли потягивал белый жасминовый чай и лишь изредка вставлял короткие замечания, на которые реагировал в основном Кобаяси. У Шейлы чувство юмора было столь же грубым, как и ее гогот. Тонкие шутки китайца били по двум этим грубым зайцам сразу: Шейла не понимала замечаний Ли и хотя бы на какое-то время переставала ржать. По мнению Сола, такое состояние шло ей больше, поскольку в молчаливом виде и тем более со спины она была вполне привлекательна.

Однако он знал, что никто не даст ему относиться к миру как музею остановившихся прекрасных мгновений, где некоторые люди все время молчат и сидят к тебе спиной. Не успел он подойти к закутку коллег, а Шейла уже метала в его взгляды, полные презрения и намеков на то, что за этим столом ему делать нечего. Игнорируя намеки, Сол громко поздоровался и сел напротив Ли. И только тут заметил, что корпоративный стиль дня — викторианский.

Каким образом восстановление обстановки самого плохопродаваемого дремля помогает научиться «работать в команде», Сол не понимал никогда. Даже Рамакришна не мог этого объяснить, лишь многозначительно указывал пальцем вверх. Зато всегда было ясно, кто подставил команду на этот раз.

«Ада едет в Виндзор». Кто бы сомневался. Опять этот Вилли из Эскимосской Канады попытался провернуть свой коронный трюк: популярный исторический персонаж-женщина плюс откровенно халтурный дремейк. Занудная пирамида дворцовых интриг, которую никто не проходил до конца. Да что там до конца! — большинство клиентов отключались в самом начале, совершенно не врубаясь, что за дурацкие карточки с дырочками у них в руках и зачем нужно бегать с этими карточками по дворцам, убеждая лордов построить какую-то там машину.

Из-за этой халтуры все и сидели сегодня на высоких неудобных стульях, а не на полу, как обычно. Проникнуться ошибками Вилли также помогали: угловатая мебель в баре (тяжелые буфеты лакированного дерева), уродливая форма пандоры (корзинка для пикников, занявшая пол-стола) и уже замеченные странности в наряде Шейлы (пошлая шляпка с голубой лентой). На Кобаяси был сюртук со стоячим бархатным воротником, отчего японец сделался похожим на пингвина. Ли ограничился цилиндром, который стоял перед ним на столе.

После непродолжительного раздумья Сол решил, что если он с самого начала проигнорировал корпоративный стиль дня, то заставлять Маки морфировать куртку в сюртук уже поздно. Но с другой стороны, если эту ерунду насчет ежедневного одевания по худшему дремлю придумал сам Ли… Пожалуй, старик может обидеться, и тогда разговора не выйдет. Остается продемонстрировать лояльность другим способом: включиться в общий стиль не предметом одежды, а элементом поведения.

Рядом с цилиндром Ли на столе горела свеча. Сол протянул руку в пламя, словно хотел убедиться, что свеча настоящая. Кобаяси ухмыльнулся: всем известно, что разведение открытого огня карается месяцем информационной депривации второй степени. Но архаичная традиция совать руки в голограммы до сих пор сохранялась как форма комплимента для дизайнеров — мол, ваш интерьер вышел особенно реалистичным.

На этом включение в корпоративный стиль дня можно было считать состоявшимся. Сол открыл пандору и сделал заказ, набросав пальцем четыре изящных иероглифа на внутренней стороне крышки корзинки. Ли покосился, хмыкнул.

— Мне нет сегодня писем на рисовой бумаге? — шутя пропел Сол.

— Кто может вас уволить, почтеннейший Со-Ляо! — в тон ему ответил китаец.

Но продолжить запланированный разговор с Ли не получилось. Секретарша Рамакришны вовсе не собиралась позволить вновь пришедшему столь нагло проигнорировать ее.

— Кажется, наш Соляр плохо спал сегодня, да? Такой хмурый… — Шейла демонстративно округлила пухлые губки, чтобы вложить в них тонкую эмпатическую сигаретку. Кобаяси тут же вынул здоровенную сигару.

«Вот же стерва», — подумал Сол.

Он давно подозревал, что подари он Шейле какую-нибудь безделушку, хоть самого дешевого робоконеко на цепочке, их вражда закончится. Беда в том, что он никогда ничего не дарил коллегам по работе. Он просто не умел этого делать естественно, потому что в таких случаях подарок часто выглядит как взятка.

Однако есть неписаные законы, которые нельзя нарушать даже из-за Шейлы. Если двое закурили, то остальные должны подключаться. Сигарета Шейлы и сигара Кобаяси уже сверкали, как два глаза одного монстра. Сол как бы нехотя полез в карман и вынул дешевую восточно-европейскую папиросу.

— Tovarisch Solntseff mnogo smotrel Dostoevsky, mnogo kuril Belomor! — воскликнул Кобаяси, пытясь изобразить русский. Шейла снова заржала своим развратным «хэ-гэ-гэ».

Сол пожал плечами. Тоже мне, отдел продаж. Даже звук «л» научился произносить, а соображалка все та же. Впрочем, Кобаяси совсем не так прост, как кажется. Другое дело, что в своей работе маркетолога он вряд ли сталкивается с такими высокохудожественными концепциями, как конспиративная неоархаика. И это хорошо: не будет лишний раз удивляться, почему у Сола такая слабая аура. Ни к чему всем окружающим знать, сколько у этой «дешевой беломорины» уровней чувствительности…

Вот и сейчас программа визуализации, активированная губными сенсорами, выявила лишь банальный эмпаттерн маркетолога и секретарши. Розовые медузы выплескивались из сигары Кобаяси, и как-то неестественно кривляясь, обволакивали Шейлу, чтобы тут же разорваться о ядовито-желтые лианы ее защиты, похожие на мурен. Временами лианы рвались и сами, принимая вид вьющихся на ветру, дразнящих лент алого шелка, которые побуждали Кобаяси выпускать новых медуз.

Ли, следуя неписаному правилу, тоже подключился, вынув приспособление странной формы, вроде небольшого деревянного кальяна. Сол усмехнулся: будь здесь еще и Рамакришна со своей треснутой глиняной трубкой, они бы изрядно повеселились, разоблачая друг друга, поскольку один из базисных принципов конспиративной неоархаики выражается древней поговоркой «больше двух — проговорятся вслух». Но сейчас их было только двое с такой техникой, и оба вели себя как невинные овечки. Над китайцем, так же как над Солом, курилось лишь некое вялое

облачко, словно батарейка в его кальяне вот-вот сядет. Только у Ли облачко было спокойно-лиловое, словно куст сирени в утреннем тумане. А дымок Сола имел нездоровый цвет хаки, который не понравился даже самому Солу. Правда, от этого наблюдения в облаке добавились травянисто-зеленые просветы.

— А я слышала, наш великий сценарист посмотрел что-то новенькое, — продолжала наезжать Шейла. — Вот его и тошнит теперь. Небось стащил из «Дремока» один из этих, экспериментальных, да? Думал, там компфетки будут юные, а увидел мамочку с ремнем, хэ-гэ-гэ! Ладно, Соляр, не скромничай. Расскажи коллегам, что такое «дремль с задержкой»! Это первый признак творческой беременности дремастера, да?

Ах, какая хищная лиана протянулась через весь эмпаттерн к Солу! Но чересчур, Шейла, чересчур красиво! Долго думала, долго готовилась беснуть. Что-то там под этой напускной желтизной проглядывает? Смотри, выдашь себя…

Сол перекатил папиросу в другой угол рта, и по лимонной лиане Шейлы поползли в обратном направлении комичные зеленые гусеницы, словно в старом детском дремле про джунгли. Лиана порозовела. Шейла фыркнула.

— В «Дремоке» очень суровые меры безопасности. Ничего экспериментального оттуда не пропадает, — заметил Сол с самым серьезным лицом. — Говорят, там даже секретаршам каждый вечер стирают память, чтобы не сболтнули лишнего на стороне. Кажется, Рамакришна собирается ввести что-то подобное и у нас, потому что его говорящая записная книжка помнит слишком много конфиденциальных разговоров…

Лиана Шейлы взорвалась несколькими ежами огромных черно-красных шипов, но они так и повисли на полпути, завязнув остриями в зеленоватом облаке Сола. Кобаяси полыхнул было очередной медузой неестественно-розового, но тут же превратил ее в бело-голубую, словно моментально скованную льдом. Сол подумал, что из быстрозамороженных медуз получались бы неплохие люстры.

Кобаяси тем временем наращивал ледяное кружево.

— В прошлом месяце я слышал про «Дремок» другое, — заявил он. — Это посерьезнее будет. Они сотрудничают с разведкой Индии-4. В их новых дремлях предусмотрена возможность использовать мозги зрителей как компьютер. Пока человек смотрит дремль, на его мозгах что-нибудь обсчитывается. Если прикинуть, сколько у «Дремока» клиентов, получается приличная сеть для распределенных вычислений. Кажется, они используют ее для взлома военных искинов Нового Пакистана.

— Ужас… — прошептала Шейла.

Ее желтый чертополох с черно-красными колючками был разорван в клочья ледяной медузой Кобаяси. Медуза расползалась все шире и шире… Молодец Кобо! Вот чем надо таких стерв завоевывать — страхом, а не сюсюканием. Но тут не одни секретарши собрались, ты учти.

Зеленое облако Сола сжалось, а затем быстро-быстро, тонкими травинками потекло сквозь ледяную кольчугу медузы к ее центру. С другой стороны, из сиреневого куста над трубкой Ли, вылетела маленькая белая бабочка и тоже стала порхать среди ледышек Кобаяси.

— Это придумали в вашем отделе, Кобо? — лениво спросил Сол. — Только не говори мне, что от таких примитивных трюков акции «Дремока» падают больше чем на одну десятую процента.

— Насчет Индии зря, Рама обидится. Лучше уж про Дальневосточную Республику или Британию-2, — добавил с напускной озабоченностью Ли.

Ледяная медуза осыпалась весенними сосульками. Кобаяси хихикнул. Шейла захлопала глазами, попыталась изобразить понимающую улыбку и одновременно восстановить свои колючки. По всему эмпаттерну лениво расплывались призрачные волны песчаного цвета. Первый раз собеседники вошли в резонанс, хотя и довольно банальный, типа «пыль на дороге» — благодушное безразличие, легко разделяемое всеми участниками беседы сразу после завершения несерьезной пикировки.

«Ну, по крайней мере будет ровный фон для запуска моей темы», подумал Сол.

Он поднес руку к губам и слегка сжал пальцами папиросу. «Беломорина» перешла в режим повышенной чувствительности. Не давая проектору визуализировать эмоциональную окраску этого маленького трюка, Сол выпалил:

— А я сегодня смотрел дремль вообще без дремодема.

И закрыл глаза, вызывая в памяти то, что пережил ночью.

— Ого, — сказал Ли. Сол открыл глаза.

От его скромного травянистого облака ничего не осталось. Зато весь закуток бара, где сидели коллеги, словно бы погрузился на морское дно. И по этому сумрачному подводному царству бродила — нет, не сама радуга, но некое неуловимое эхо чего-то светлого и головокружительного… Словно миг назад над толщей воды сияло солнце, разбиваясь в волнах на хоровод разноцветных бликов — и у того, кто это видел, отпечаток странной игры света задержался на сетчатке на миг дольше, чем держалась сама радуга.

«Фу, какое же это „ого“, — подумал Сол. — Десятая пиратская копия старого дремля про дельфинов. А мне казалось,

что это похоже на полет в небе…»

По правде говоря, он и не надеялся, что эмпаттерн в точности повторит ночное видение. Хоть на максимум поставь «Беломор» — все равно покажет лишь крохи, оставшиеся в памяти. Лишь бледную копию ощущений, пережитых ночью. Да еще сверху за день наложилась куча всего — от пугающих раздумий об увольнении до элементарного чувства голода. Кстати о голоде…

Из пандоры вовсю шел аппетитный запах, сигнал успешного окончания синтеза. Сол разгрузил пикниковую корзиночку на стол, заказал еще зеленого чаю, закрыл пандору и начал есть сразу четырьмя палочками, как научился в Гонконге — полнейшее варварство с точки зрения не только викторианской, но и китайской кухни, зато вполне удобный способ одновременно поглощать ло-мень и курицу в кисло-сладком соусе, когда ты сильно проголодался.

Коллеги между тем разглядывали эмпаттерн и не торопились реагировать. Видимо, даже бледная копия с «эхом радуги» производила впечатление.

Первым попробовал Кобаяси. Его рот снова растянулся в улыбке, отчего и без того японское лицо маркетолога стало японским втройне. Одновременно в подводное царство вытанцевался фантастический цветок почти такого же песчаного цвета, что и «пыль» благодушного безразличия, витавшая над компанией минуту назад. Похожий песчаный цветок стал расти и над Шейлой.

«Правильно, что не верите, — мысленно ответил Сол. — Я бы тоже не поверил. Но детектор лжи прямо перед вами, ребятки».

Он снова запихнул папиросу в рот и стал не мигая смотреть на Кобаяси. Эмпаттерн при этом совершенно не изменился. Все то же подводное царство с неуловимой радугой. То, что сказал Сол, не было выдумкой. Кобаяси все понял без слов, и его танцующий цветок завял.

— Но так же не бывает, — пробормотала Шейла. — Смотреть дремли без дремодема, это как… как принимать душ без водопроводных труб!

— Душ бывает без труб. Это называется дождь, — возразил Ли из своего угла. Сол инстинктивно потер глаз, в который утром попала небесная вода с запахом мыла.

Подводное царство в углу Ли стало сворачиваться огромной медленной волной.

— Дремль без дремодема, фантом без голопроектора… — медленно говорил китаец, покачивая головой как бы в знак одобрения собственных слов. — Бывают мифы, о которых хочется сказать «такое не выдумаешь». Особенно когда оказывается, что

люди разных стран и разных цивилизаций, разделенные морями и веками, выдумывают поразительно похожие вещи. Драконов, например…

Сол обнаружил, что перестал есть и наблюдает за ответом Ли. Баг ты мой, как ловко он это делает! Вот тебе и кальянчик… С виду — экспонат музея первобытных людей. А чувствительность-то неслабая. Фиолетовый, белый и синий, яркие и чистые, перемешивались в идущей от Ли волне, которая незаметно подхватила и понесла куда-то Сола, Кобаяси и Шейлу. Образ показался Солу очень знакомым: синяя волна, похожая на лапу дракона, с белыми когтями пены, а под ней — маленькие человечки в лодке… Хокусай, вспомнил Сол. Волна, получив его поддержку, завихрилась новыми белыми барашками.

За такие штуки Сол особенно уважал китайца. И не только уважал, но и побаивался. Знакомая фея из лучшего городского добреля как-то рассказывала ему о такой методике управления. Суть в том, что в кресле босса на самом деле сидит его заместитель, «кукла». А реальный босс занимает какую-нибудь незначительную должность, вроде мусорщика или швейцара. Как и в случае с корпоративным стилем дня, Сол так и не понял, в чем преимущество этой игры с кодовым названием «человек корпорации». Однако такая схема по крайней мере могла объяснить целый ряд несоответствий, связанных с Ли.

Чего стоила одна только должность — почтальон. Конечно, существовало разумное официальное объяснение. В приличных компаниях старым и уважаемым сотрудникам иногда дают чисто символические должности, что равносильно уходу на пенсию. Нередко такие должности бывают довольно абсурдными. В том же «Дремоке» пара заслуженных дремастеров числятся «исследователями общественного мнения». Время от времени эти стариканы выбирают в электронных магазинах группу клиентов с не самым дебильным пси-профилем, и проводят среди них опросы по поводу последних дремлей компании. Потом стариканы составляют умные отчеты, которые их умное начальство выбрасывает не читая. Редкий случай, когда торжество интеллекта оставляет довольными все стороны, задействованные в производственном процессе.

Однако Сол не мог поверить, что из-за необходимости ввести одну фиктивную должность совет директоров придумал такой концептуальный ритуал, как бумажная почта. Она моментально стала одной из основных составляющих имиджа корпорации. Конкуренты кусали локти от зависти, узнавая, что некоторые сообщения (поздравления, приказы руководства, новые назначения и увольнения) сотрудники «Дремлин-Студио»

получают не в виде голосового куреля прямо в серьгушник, и даже не в виде хиромантического заплета на кожный дисплей ладони. А в виде письма на веленевой (хорошие новости), обычной (нейтральные новости) или рисовой бумаге. Бумажные письма, запечатанные особым чипом, вручались лично в руки адресату, для чего и была официально введена должность почтальона.

Такое мог придумать сам Рамакришна. А если придумал кто-то другой — Рамакришна мог вдвое увеличить ему зарплату. Это была мода, которая охватила деловой мир и реанимировала давно умершую индустрию. Такие ритуалы не создают лишь для того, чтобы дать символическую работу простому сотруднику из исторического отдела в знак признания его заслуг. Но такое вполне могли бы устроить для «человека корпорации». Вернее, он сам мог бы устроить себе такое совмещение приятного с полезным…

Пока Сол размышлял, в эмпаттерне над ним образовался небольшой голубой бурунчик, закрученный в противоположную сторону по отношению к волне Ли. Но этого никто не заметил. Основная картина по-прежнему состояла из девятого вала, под которым еще проглядывало подводное царство Сола с «эхом радуги».

Но вот со стороны Кобаяси начал снова подниматься песок — на этот раз не в виде пляшущего цветка, а в виде крепкой отмели, над которой волна Ли стала тормозить.

— Ну да, обо всем этом рассказывают в любой бизнес-школе в курсе «Основ имагологии», — заявил Кобаяси. — Внутренние видения вызываются галлюциногенами либо нанозитами. Внешние, то есть наблюдаемые одновременно несколькими людьми видения — либо естественные оптические, как миражи, либо трюки шарлатанов, в основном банальные.

Кобаяси неожиданно схватил себя за уши и оттопырил их, чем вызвал усмешки у всех собеседников. Песчаная отмель росла.

— В прошлом году в Кабуле-2, помните? — продолжал Кобаяси. — Десять тысяч человек во время праздника на вполне открытом месте видели призрак с такими параметрами, что у обычного портативного голопроектора просто не хватило бы питания даже на секундное изображение подобного колосса. А более мощный голопроектор сразу заметили бы. Между тем никакой техники замечено не было, а призрак наблюдали в течение получаса. Некоторые даже как будто общались с ним. Угадайте, как это вышло?

Никто не угадывал, но волна Ли стала скатываться назад с песчаной отмели. А сама отмель стала крепнуть, темнеть и

разрастаться в скалу. Кобаяси торжественно помахал в воздухе своей сигарой.

— Во-первых, использовался миниатюрный эмпатрон вроде вот этого…

— И что, десять тысяч человек молились, включившись в эмпаттерн? В Кабуле-2, где запрещены почти все технологии этого века? — улыбнулся Ли.

— Нет конечно! — Кобаяси помахал в воздухе сигарой, продолжая разгонять морской пейзаж Ли. — Такое бы заметили еще до того, как все началось. Устройство было только одно, и хорошо замаскированное. Но оно было подключено к портативному проектору внешних голограмм. А проектор не просто визуализировал эмпаттерн — он от него питался!

— Это как же? — удивилась Шейла. — Я слышала, что эмпатрон ловит такие… ну, очень тихие сигнальчики. Их еще надо очень усиливать, чтобы показывать в виде картинок. А тут наоборот получается — эмпаттерн, который сам является батарейкой для проектора… Бред!

— Верно, похоже на бред. Но усилители разные бывают. Третья особенность ситуации: площадь была не простая. То ли архитектура там такая, то ли еще что. Эмпаттерн получился вроде линзы, с фокусом как раз в центре площади. Ну а в четвертых — извини, Солли-сан, если тебе это испортит аппетит — устройство представляло собой настоящее чудо биотеха. Оно было вшито в барана.

— Э-э-э… — раздалось со стороны Шейлы. Но Кобаяси был так увлечен, что не заметил этого блеяния и продолжал:

— В простейшем виде схема такая. Всплески эмоций ловятся эмпатроном. А оттуда идут не только на проектор, но и на нервную систему барана. Возбужденный баран превращается в химический источник питания для проектора. Конечно, источник слабый — до тех пор, пока барана не стали резать…

— Все-все, я дальше не слушаю! — Шейла демонстративно зажала уши.

Однако в эмпаттерне с ее стороны, выдавая живейшее любопытство, тонкая неоновая водоросль вовсю карабкалась на огромный металлический айсберг Кобаяси, который почти вытеснил и спиральную волну Ли, и подводное царство Сола.

— Да-да, именно этого барана в честь праздника приносили в жертву посреди этой самой площади в Кабуле-2! — торжествующе воскликнул Кобаяси. — Представляете его чувства, когда его стали резать?! Человек, который держал нож, увидел призрак первым. У него дрогнула рука, и барана он не убил, но ранил очень глубоко. Добавьте к этому толпу, которая при виде

призрака тоже начинает помирать от страха. А площадь, как я сказал, концентрирует эмпаттерн в центре, как раз где этот баран со вшитым эмпатроном агонизирует. Проектор, соответственно подзаряжается сильнее, призрак растет. В общем, система с позитивной обратной связью. Фантом до небес и массовая истерика. Несколько сот человек прямо оттуда увезли в больницы с тяжелыми нервными расстройствами.

— Кто это устроил, вычислили? — спросил Ли.

— Нет. Говорили, вроде бы ГОБ вышел на «Гринпис». Но по-моему, на них просто хотят все свалить, как обычно. С тех пор, как «ультразеленые» объявлены террористической организацией, им чего только не шили. А с этим, в Кабуле… я думаю, кто-то просто борется за рынок. У них же запрещено изображать животных и людей, поэтому покупать обычные дремли они не могут. А вот если подорвать саму религиозную основу, путем таких массовых трюков с усилением отрицательных эмоций…

— Усилитель? Да, это пожалуй верный подход к объяснению того, как возникают одинаковые мифы, — кивнул Ли. — Бессознательная экстраполяция каких-то черт, присущих самому человеку — и вот уже кажется, возникло что-то новое… Помните старинный стереотип инопланетянина? Огромные черные глаза без зрачков, огромная голова, почти отсутствующий нос, зеленая или синяя кожа… Сегодня любой начинающий дремастер знает, что это — всего лишь оживленный человеческий череп.

— «Маленькие зеленые человечки», — вставил Кобаяси. — Это выражение появилось после распространения светофоров с такими фигурками.

— Вполне естественно. — Ли улыбнулся. — Технологии тоже вносят свой вклад, и это еще больше запутывает следы происхождения мифов. Видимо, и в формировании видений срабатывают какие-то простые законы… Может быть, настолько простые, что человек о них даже не думает, предпочитая более возвышенные объяснения. Вот и выходит, что известный «свет в конце канала» объясняют не как следствие кислородного голодания мозга в коматозном состоянии, а как свидетельство существования «вселенской оптической сети», или, проще говоря, «того света».

Сол почувствовал, что в нем нарастает раздражение. Его не понимали. То, что с ним произошло, пытались упростить, свести в одну из привычных схем. Захотелось ответить на разглагольствования Ли какой-нибудь гадостью, вроде старой гонконгской поговорки «Мы все в глубокой жопе, и свет в конце тоннеля».

Однако он подавил в себе этот импульс. Незачем срывать

злобу на коллегах. Тем более на Ли, который все-таки дает иногда дельные советы.

— Много раз пересказанная, история обрастает другими домыслами, достраивается ассоциациями так густо, что иногда вообще невозможно распутать клубок, — продолжал вещать китаец. — Возникают странные корреляции-головоломки — огнедышащий дракон, несгорающая саламандра…

— Но я действительно видел дремль без всего! — не выдержал Сол. — У меня дома нет никаких усилителей, наоборот, одни экраны самых последних моделей. И биоколпак. И галлюциногенов я не употреблял уже Баг знает сколько. И вентиляция у меня даже в туалете не барахлит. И вообще я…

«Стоп, — сказал он себе уже второй раз за этот день. — О том, что я разбил дремодем об стенку, говорить не стоит. Все равно без толку. Даже Ли ничего толкового не сказал.»

Эмпаттерн, оккупированный было крепкими, уверенными скалами Кобаяси, снова залило зеленой водой. Но теперь Сол был в негативе, и его океан получился мрачным, полным тины. Неуловимый блик радуги все еще ощущался, но тоже какой-то вялый. Будто солнце не просто пропало за тучей, а вообще закатилось.

Ситуацию, как ни удивительно, спасла Шейла. В ее углу мутная тина вдруг взорвалась здоровенным и прямо-таки малиновым от злости морским ежом:

— Как же ты достал, Соляр, со своими опытами! Ненавижу, когда на мне тестируют дурацкие идейки! Помните, месяц назад он нас мучил байкой про «дремль с запахами»? Тоже долго убеждал, что он якобы видел такое несколько раз. И чем все кончилось? Сначала «Аромадр», а потом целый сериал «Кошкин Дрем». Посвященный не кому-нибудь из нас, а его подружке, этой ходячей парфюмерной фабрике, вечно подстриженной так, будто она идет на похороны! А теперь он опять решил, что нашел бесплатных подопытных кроликов… Но естественно, нас опять никто не упомянет даже в титрах, когда это выйдет.

Возникла пауза. Все ждали, что Сол расколется. Что ж, выхода нет — но это тоже выход. Сол закрыл глаза и вспомнил анекдот про морского коня.

Над «беломориной» взлетел апельсин. Довольно заморенный, но заметный. Кобаяси и Ли улыбнулись, и от их поддержки по эмпаттерну запрыгала целая апельсиновая стая.

— Завидую я этим сценаристам! — воскликнул маркетолог. — Могут до того проникнуться своей выдумкой, что она для них правдой становится! А вот нам такого нельзя. Стоит расслабиться, и тут же попадаешься на какую-нибудь провокацию.

Рассказывай, Солли-сан, что это будет? О, я знаю, знаю! Ужастик, да? Человек видит, что дремль как будто закончился, он снимает дремодем… но на самом деле это часть дремля, который все еще продолжается. Ты уже показывал Рамакришне? Я даже знаю, кому это можно будет предложить большой партией.

— Вложенные дремли запрещены Женевской Конвенцией, — погрозил пальцем китаец.

Кобаяси усмехнулся и подмигнул Солу. Сол в ответ подмигнул Кобаяси. Шейла надула губки, но глядела победительницей. Над Ли еще курились какие-то фиолетовые спирали, но в целом эмпаттерн опять входил в резонанс. На этот раз получился «дым над водой» — настроение, описание которого на обычном языке звучит длинно и скучно, что вовсе не мешает разделить подобное настроение в компании коллег, когда обед уже съеден, а идти работать еще не хочется.

ЛОГ 5 (БАСС)

— Настоящих изобретателей никто не помнит. Возьми что угодно. Вот хоть соус…

Марек взял один из семи соусников и колыхнул им над лазаньей. Басс поморщился. Разваленная ножом и залитая густой светло-коричневой жидкостью, лазанья напоминала вовсе не что угодно, а нечто вполне конкретное. Вспомнился Израиль-6, где прием пищи считается настолько интимным делом, что ортодоксы едят только в темноте. Очень мудрое правило. Особенно если у них тоже вошла в моду эта подливка цвета детского испуга.

— Соус «Тун-тун», — продолжал разваливать лазанью Марек. — Рецепт прост до идиотизма. Сметана и соевый соус в равных пропорциях. Плюс конечно «секретный ингредиент». Которого на самом деле нет, об этом знают даже самые тупые компфетки. А о том, кто первый смешал сметану с соевым соусом, не знает вообще никто! Может, еще в каменном веке смешивали. Но попробуй начни делать такой соус, не проведя «консультации о стандартах» с той бурятской сетью, которая держит шару на эту смесь…

Басс молча сидел перед нетронутой тарелкой спагетти. Он давно знал Марека и не вступал с ним в разговоры на отвлеченные темы. Не пройдет и пяти минут, как Марек либо сам перейдет к делу, либо начнет говорить о своей маме. Во втором случае следует просто напомнить ему, что он ублюдок. Басс ждал, когда истекут пять минут.

Однако даже такое проявление вежливости давалось нелегко. Клиенты обычно появлялись в ресторане Марека лишь к вечеру. А сейчас, если не считать трех случайных туристов в дальнем углу, здесь было абсолютно не за что зацепиться взгляду. Зато от скатертей в красно-белую клетку уже рябило в глазах.

С видом на улицу обстояло еще хуже. Столик стоял на краю крыши одного из самых высоких небоскребов даунтауна. Бетонная колонна бывшего банка торчала над остальными коробками, как притупленный резец вампира над коренными, создавая ощущение фальшивого, кукольного величия. Весь этот район был грустной игрушкой взрослых людей, не способных расстаться со своим мертвым прошлым.

Те, кто был старше Басса, называли это центром, даунтауном, Откуда-Все-Начиналось. Те, кто был моложе, говорили просто «Старый Город», и при случае могли привести веские аргументы. На новых континентах, сказали бы они, понятие

административного или торгового центра слишком расплывчато, и уж всяко не связано с грубой географией. А Старый Город — это вроде музея древностей. Искусная реконструкция, дань первому буму неоархаики.

Басс был не так молод и знал, что правда, как всегда, скучнее и стереотипнее. Люди, приехавшие на еще теплый континент, были вооружены самыми современными технологиями. Но первое, что они построили, был банальнейший даунтаун. Точная копия тех, что существовали во всех средней руки городах Старой Европы.

Еще студентом Басс нередко размышлял о том, насколько это было непрактично, даже для первых поселенцев. Уродливые, однообразно прямоугольные здания лепятся друг к другу безо всяких дворов, либо с ужасной пародией на дворы — тупики-колодцы с парой чахлых деревьев. Окна выходят на стены соседних домов, или на узкие улицы, главными обитателями которых являются автомобили… Эта татуированная гарью, ароматизированная выхлопными газами клаустрофобия могла стать отличной декорацией для дремля ужасов, но не для жизни людей.

— Буряты, — вещал Марек, помахивая вилкой. — Я даже не знаю, где обитают эти буряты. Я только знаю, как они выглядят. Надо смешать русского с китайцем и добавить улыбочку якудза — знаешь, как улыбаются эти япошки, одними глазами… Но попробуй ты без них смешай сметану с соевым соусом!

Басс слегка развернулся вместе со стулом и поглядел за край крыши, намекая Мареку, что его не слушают. За карнизом серая стена банка уходила вертикально вниз и упиралась в Параллель, главную улицу даунтауна. Абсолютно прямая Параллель с этой высоты представлялась желобом, из которого вынули кабель. Вспомнилось, что даже на карте Старый Город выглядит как печатная плата, потерянная на выставке икебаны.

И все же что-то в нем было, тянуло к себе — по крайней мере, до реконструкции. Иногда во время прогулок в этом абсурдном районе Бассу даже казалось, что он улавливает это «нечто». Он не мог выразить это словами — Старый Город будил ассоциации. Например, однажды это было воспоминание о том, как в детстве он учился рисовать. Маленький, даже микроскопический домик в центре огромного листа. Тот же рисунок на следующем листе: маленький прямоугольник с другими прямоугольниками-окнами внутри, и огромное белое пространство вокруг. И терпеливые объяснения искина-гувернера, ставшего в этот день говорящим мольбертом. «Нет, Басти, мне не жалко листов, ведь я лишь имитирую их для тебя. Но почему ты рисуешь одно и то же, и

только одним цветом? И почему такое маленькое, словно тебе дали лишь клочок бумаги, а не целый большой лист?»

Наверное, люди, построившие даунтаун, испытывали нечто похожее, когда перед ними открылся чистый лист нового континента.

То, что называли реконструкцией, началось лишь тогда, когда от Старого Города остался лишь клочок. Еще немного, и реконструировать было бы нечего. Поколение переселенцев сменилось поколением молодых, энергичных аборигенов, и соседние районы стали потихоньку подгрызать полузаброшенный даунтаун. За ночь нанодеструкторы съедали целые кварталы из строительного суперкоралла, заменившего железобетон. Тормозила процесс только человеческая бюрократия — многие здания, даже будучи заброшены, формально оставались чьей-то собственностью.

Тем не менее, спустя годы от бывшего центра осталось лишь несколько кварталов вдоль трех первых улиц. На набережной, названия которой никто уже не помнил — слишком длинная французская фамилия — старые дома были пониже и поразнообразнее. Зато на соседней с ней Параллели двумя рядами циклопических зубов торчали самые высокие небоскребы, режущие глаз прямыми углами и депрессивным цветом стен. Перпендикулярно шел вглубь континента обрывок Розового Бульвара. Он начинался там, где из набережной выдавался в море Мыс Двух Камней, и заканчивался через милю после пересечения с Параллелью. Все, что осталось от места, Откуда-Все-Начиналось.

Первая волна моды на неоархаику зацепилась за этот последний клочок прошлого, когда и он уже таял. Но зацепилась крепкими руками людей, которые, как и Басс, не могли выразить словами, но знали об ассоциациях. И решили сделать на этом бизнес. Старый Город, который спокойно умирал и тем был интересен, как гнилая, но еще не порванная нитка связи с прошлым, превратился в чистый кукольный городок-имитацию. Что может быть мертвее покойника? Только музей, где выставлен раскрашенный покойник.

— Раньше был порядок, — не унимался Марек. — Авторское право, корпи и все такое. Даже тех рогаликов, что пропагандировали свободное копирование, поджарили быстро. Но тут нашлась пара острых перцев. Просекли, откуда мясом пахнет. Взялись за дело серьезно, умников наняли — а те и рады, сварили им новую концепцию. Дескать, анархия это конечно плохо, но вот «нетуральный обмен», то бишь обмен с использованием Сети — это просто праздник. Все вещи сохраняют

свою истинную ценность, не нивелируются одной денежной ценой. Раньше, мол, нельзя было обменом жить, потому что не притащишь земельный участок на меновую площадь. А теперь пожалуйста, отсканируй и тащи точную виртуальную модель куда хочешь, пусть щупают и нюхают. Плюс многофакторный поиск, плюс удобство персональных контактов. Вот тебе и нетуральный обмен безо всяких денег. А за ним и шара — благо обычное корпи уже никому не удержать, все копируют как хотят. Но зато, если хочешь в каталог попасть или в искалку — только через шару какой-нибудь техносекты, благо они всю Сеть контролируют.

Басс закрыл глаза, сверился с часами — ладно, еще пару минут. Чтобы отвлечься от тоскливой кукольности крыш и красно-белой ряби скатертей, он активировал искин-лапотник и начал в очередной раз тестировать руку.

Операция прошла по высшему классу. Еще вчера рваное тело Басса плавало в физрастворе, и полчища микроскопических нанни трудились над ним под управлением трех робохирургов — тех самых тварей, появление которых несколько лет назад лишило Басса работы. Сегодня он вновь испытал это неприятное чувство, смесь профессионального восхищения и горечи безработного: никаких рубцов, никакого восстановительного периода. Никаких ошибок, никакой благодарности.

Разве что новая модель руки не очень привычна. Даже если умеешь работать с разными типами хирургических рук, приноровиться к очередной нелегальной модификации всегда непросто.

Басс выпустил из безымянного пальца щупальце джека-потрошителя. В легальной модели на месте этого универсального биомаршрутизатора находился нейросшиватель. А в прошлой руке Басса джек сидел в мизинце.

Впервые он обнаружил несоответствие около часа назад, еще в клинике, и сразу рекомендовал Мареку убивать дизайнеров, которые допускают столь дикие смены стандартов. Но позже выяснилось, что дело того стоило. В новой руке мультисканер, заменяющий врачу с десяток приборов, от УЗИ до позитронно-эмиссионного томографа, переехал с ладони на ребро мизинца. Это было удобно: теперь, используя сканер, не нужно будет всякий раз привлекать внимание окружающих таким жестом, будто ты собрался дать пощечину случайному прохожему.

Однако придется привыкать к перестановкам. Особенно к освобождению мизинца от джека: глупый палец по-прежнему инстинктивно оттопыривался всякий раз, когда на глаза Бассу попадалось что-нибудь похожее на биопорт.

— …С виду эта шара — мелочь: не запрет на копирование,

как раньше, а запрет на нарушение стандартов при копировании. А на деле это все равно, что легализовать любое порно, но при этом запретить заниматься сексом. Хочешь коды скриптов всяких — завались. Рецепт соуса «Тун-тун» — пожалуйста. Но только ты вздумаешь это применить, так и начинается язва: сначала докажи, что удовлетворяешь стандартам соответствующей сети производителей! В одних случаях, чтобы получить шару, достаточно справки о санитарном состоянии. Зато в других…

Еще в мизинце новой модели нашлись оптическая, электромагнитная и звуковая отмычки. Все три — нелегальное дополнение к сканеру, и ни одной Басс не пользовался. Даже став грабителем, он — хотя бы для себя, где-то внутри — оставался нейрохирургом и не мог опуститься до взлома дверных замков и прочих грубых вещей.

— …И тогда один умник из Свободной Флориды заявил, что плевал он на бурятов с ихней шарой. И стал у себя в ресторане смешивать сметану с соевым соусом без всяких «консультаций о стандартах» с бурятской сетью. Так что ты думаешь? Не прошло и пары дней, как нашли этого социалиста в его же кухне холодненького. С ядовитым рыбьим плавником в горле. А вдова и говорит в интервью: «Ах, он так любил рыбу!» Вот умора! Ресторан тут же закрыли из-за несоответствия санитарного состояния. Мол, какое же это санитарное состояние, если у самого хозяина ядовитая рыба во рту!

Басс продолжал изучение новой «швейцарки». На внутренней стороне ладони остался контактный тестер — бывший мануальный энцефалограф, тонкая паутина кожных датчиков, от запястья до подушечек пальцев. Басс приложил руку к голове, включил тестер. Ох, ну и бардак! Нет, с неоргами все-таки проще, чем с человеком.

Тот, кто переделывал руку, наверняка думал так же. Эндоскоп исчез из безымянного вовсе, оставив от себя лишь порт. Невелика потеря, согласился Басс. Если потрошишь не больных людей, а здоровые искины, вовсе ни к чему каждый раз запускать внутрь червяка с тремя глазами. В крайнем случае, в игломете тоже неплохая камера.

— Или возьми терраформ. — Марек копался в нижних слоях лазаньи, что и стимулировало переключение на новый пример. — Когда в Старой Европе началась эта заварушка с климатом, технология суперкораллов уже вовсю применялась у япошек для наращивания островов и всяких там волноломов. Казалось бы, дуй в океан и выращивай хоть десять новых Европ. Так нет же!

Басс подумал, не испытать ли на Мареке свои любимые тайваньские нанозиты. Нет, не стоит. Комариный укус, но Баг его

знает… Вдруг не так поймет. Испугается, вызовет охрану. К тому же привычный инструмент незачем тестировать столько раз. Игломет, переделанный из инъектора, находился в указательном, как и раньше. Басс успел проверить его на одной из сестричек сразу после операции. Бедняжка, как она возбудилась! Кто бы мог подумать, что на женщин действует иначе… Надо иметь в виду.

От нечего делать он пробежал еще по нескольким инструментам. Поиграл папиллярным хамелеоном — легкое покалывание в большом пальце. Потом включил микроволновую «синюю бородку», попробовал ковырнуть пижонский нэцкэ-коммуникатор на поясе Марека.

И даже присвистнул от удивления. Уж чего-чего, а прикидываться идиотом Марек умел. Небрежно прицепленная к поясу фигурка будды казалась банальной бродилкой лишь с виду. Внутри же обитал настоящий искин-охранник неизвестного класса. То, что он не орал о попытке взлома, объяснялось просто: он сам прощупывал Басса.

Или, что вернее, уже прощупал и не нашел достойного соперника. Басс ломал по старинке, вручную, без особой помощи искинов, и в его хирургической руке телохранитель Марека мог обнаружить лишь стандартный искин-лапотник. Наиболее продвинутой частью этой системы были не программы-ломалки, а внутренний интерфейс. Закрыв глаза, Басс прокрутил запись микроволновой перестрелки своего искина с охранником Марека. Охранник подозрительно быстро замолк. Басс не стал дожидаться следующего хода маленького будды и отключил «синюю бородку».

— Не помню, рассказывал ли я тебе. — Марек ошибочно истолковал присвист Басса как знак повышенного интереса. — Моя мать была наследницей сети ресторанов в Италии. А папаша — простым поляком, не имевшим ничего, кроме золотых рук дантиста. Но ни она, ни он так и не смогли уехать из этой баговой Европы еще два года, пока пара-тройка толстосумов выясняла, кто будет держать шару на технологию терраформа. Пока мои папочка и мамочка ждали этого континента, они успели познакомиться в офисе иммиграционной службы, пожениться против воли родителей и даже родить…

— …Родить ублюдка, который унаследовал их лучшие черты, — перебил Басс: пять минут вежливости закончились. — Теперь этот ублюдок кормит клиентов своих ресторанов таким дерьмом, что у них не реже раза в неделю вываливаются зубы, которые он же и вставляет обратно за отдельные кредиты.

— Жаль, такую технологическую цепочку не зашаришь, — осклабился Марек, ничуть не обидевшись. — А ты кушай-кушай,

Василиск, не стесняйся! Последнее, что я видел у тебя во рту, была визитка сценариста из «Дремлин-Студиос». Отличная вещь, эбеновое дерево. Я и не знал, что до нас тоже дошел этот писк неоархаики. Говорят, их невозможно подделать. Уникальная волоконная структура персонального дерева в качестве кода. Эти друиды — ушлые ребята.

— Ерунда. Надо просто человека трясти, а не его деревяшку.

— Ах да, я забыл. Ты ведь тряс ее хозяина. А визитку потом в зубы сунул, чтоб не откусить что-нибудь самому себе в судорогах. В любом случае, одобряю твою диету. Деревянные визитки знаменитых дремастеров гораздо питательнее, чем пластиковые карточки дешевых голодраматургов. Тем более, что один из офисов «Дремлина» тут за углом — почитай, свои люди, если тоже раскошелились на аренду в Старом Городе. Но надо чаще питаться, Василь, чаще! Этот деревянный деликатес мы вытащили из твоих зубок еще ночью, когда тебя…

Марек осекся и вздрогнул: самая простая, самая древняя отмычка вылетела из среднего пальца Басса с характерным звуком. Нет, в смысле материала «жидкое шило» — вполне современная штука, мысленно поправил себя Басс. Пластобсидиан — это вам не отходы космической промышленности прошлого века. И даже не гипериглеродная нанорезка из рекламных стишков, которые до сих пор так впечатляют домохозяек: ах, режущая кромка в две молекулы! ах, вертятся они как бешенные, полные баки фулеринов!..

Нынешний скальпель Басса был острей любой нанорезки — благо реклама нанорезок умалчивает о том, как быстро они тупятся. Кроме того, пластобсидиановый ланцет удобнее лазерного, если работаешь вручную, без компьютерной настройки и фиксации. И безопаснее ультразвукового с точки зрения побочных эффектов. Но основной принцип действия остается таким же древним и простым. Резак, которому наплевать на структуру материи, на ее сложность, на ее нервную систему, на ее жизнь. Лишь бы резалось.

— Давай, что ли, покороче. Я спрашивал про Саймона, а не про соусы твоей мамы с папой.

Басс сделал несколько быстрых движений скальпелем над тарелкой, словно заштриховал карандашом невидимый круг. В тарелке не осталось ни одной спагеттины длиннее сантиметра.

— Ну ты карвар… — покачал головой Марек. — Надо же не так, надо ложку взять, а в нее соус, а потом вилкой…

— Угу.

Басс плеснул в тарелку кетчупа и горчицы, взял большую ложку, перемешал и попробовал получившийся суп. Касание губ

горячей ложкой вызвало озноб, а проголоченная кашица — не менее странные ощущения в пищеводе и желудке. Басс оглянулся и снова поежился. Все-таки чувствуется, что совсем недавно его латали. Неприятная слабость словно бы ждала, когда организм более активно соприкоснется со средой. Например, пропустит внутрь себя немного смеси из кетчупа и горчицы. Басс отложил ложку.

— Слушай, Маврик, у тебя нет получше места для разговоров? Твои электронные мясники выпили из меня столько крови… Если меня сдует с этой крыши, я буду лететь аж до Двух Камней.

— Не боись, у меня силовые экраны со всех сторон. Хотя, если хочешь…

Марек оглянулся. В центре крыши, являвшейся и центром пиццерии, располагалась огромная печь. Ее окружал кирпичный загон, декорированный старинными предметами быта и продуктами питания, вроде связок перца и бутылей с маслом. В загоне обитали два повара, которые в этот момент демонстративно бросали всякую требуху на огромный блин из теста, раскатанный прямо на бортике загона. Будущую пиццу окружало легкое облако муки — повара проявляли гиперактивность под заинтересованными взглядами туристов из дальнего угла.

— И правда, пойдем-ка. Есть местечко поуютнее! — Марек вскочил и бодро засеменил к печке. Бассу ничего не оставалось, как двинуться следом.

Повара как раз закончили набрасывать разноцветную ерунду на блин. Один розовощекий амбал в белом колпаке открыл заслонку, другой такой же красавец поднял пиццу на деревянной лопате и изящным движением балетного танцора закинул ее в самый огонь. Туристы зааплодировали: натуральное приготовление еды было одной из главных достопримечательностей ресторана.

Марек обогнул печь и помахал Бассу, торопя его. Они прошли по узкому коридорчику вокруг задней стены печи примерно четверть круга, а затем — метров пять по такому же коридорчику, ведущему в самый центр печи. Уж не в голографическом ли огне они пекут свою пиццу, подумал Басс: по его прикидкам, они с Мареком находились сейчас как раз на месте пекла.

Марек приложил ладонь к одному из кирпичей. Часть стены отъехала. Внутри оказалась ниша с металлическим столом посередине и пылающим адом позади стола. Из стола вылезла механическая рука и сунулась в огонь. И тут же вернулась, бросив на стол знакомую пиццу. Правда, теперь пицца представляла

собой знак вечной борьбы Инь и Ян: наполовину обуглена, наполовину сырая. Похожий шаолинь до сих пор висел у Басса дома на двери гигиенной. Притащила его, конечно, Мария. Басс выбил из головы подруги эту очередную сектантскую дурь, но картинку оставил: из нее вышла хорошая мишень для упражнений с иглометом.

— Давай сюда, быстрей! — крикнул Марек и прыгнул под стол, на котором покоилась гастрономическая версия любимого символа всех буддистов.

После секундного замешательства Басс пригнулся и тоже втиснулся под стол, где места было не более чем на двух человек — но только не таких толстых, как Марек. Стена, которая пустила их в нишу, снова закрылась. Отвратительное ощущение, накатившее в следующий миг, сложно было спутать с чем-то другим. Так бывает, только когда летишь.

К счастью, это тут же закончилось. Стена опять отодвинулась, Марек толкнул Басса, и они вылезли из-под стола. Перед ними снова был кирпичный коридорчик, но другого цвета. Басс оглянулся.

Механическая рука, высунувшись из стола, подцепила сыро-обугленную пиццу и бросила ее куда-то вправо. Слева тем временем высунулась другая механическая рука и поставила на стол другую пиццу. Она выглядела и пахла так, что откусить от нее хотелось как минимум дважды. Стена задвинулась, но можно было легко представить, как стол с фальшивой пиццей летит обратно в фальшивую печь, рядом с которой поджидает фальшивый повар.

# # # # #

Скоростной лифт уронил их на уровень улицы всего за две секунды тошноты. Тем не менее, когда они вышли в зал, их тарелки с лазаньей и спагетти точно так же стояли на одном из крайних столиков, словно сам столик тоже пролетел сотню этажей.

— Показушник багов, — пробурчал Басс. Он не сомневался, что демонстрация «кухонных тайн» с заменой якобы натуральной пиццы на синтетическую — специальный трюк, предназначенный для тех, кому Марек хотел бы показать особую расположенность.

На первый взгляд этот зал понравился Бассу гораздо больше. Здесь были стены, и всего лишь пяток столиков с раздражающими красно-белыми скатертями.

Увы, в отношении вида на улицу зальчик «для своих»

представлял собой другую крайность. Прохожие шли мимо на расстоянии вытянутой руки от Басса, словно он сидел в открытом кафе прямо на тротуаре. Из замечаний Марека, брошенных по дороге к столу, стало ясно, что прохожие не видят ни ресторана, ни его обитателей. А видят лишь сплошную бетонную стену, защитный голографический облик. В этом и был замысел элитного зальчика — спускаться с вершин и подглядывать за простейшими.

Но попробуй обмануть инстинкты, если у тебя перед носом останавливается толпа туристов, и половина из них глядит прямо на тебя с идиотскими улыбками! Нужна привычка, а Басс был здесь впервые.

— Так на чем мы остановились? — Марек скептически разглядывал остатки лазаньи. — Кажется, ты спросил, почему моя мамочка…

— Саймон, — отрезал Басс.

— А-а, так я про него и рассказывал, пока ты меня не сбил! Суть в том, что Саймон — никто. Ни рыба, ни соя. Бывший священник зашарил скрипт, который переводит искин из активного режима в режим психозеркала. И все! Назвал своим именем отнюдь не свое изобретение. Потом открыл сеть кладбищ и стал миллиардером. Неужто ты не видел этих рекламных бабочек? «С любимыми не расставайтесь — в Сад Саймона селите их!»

— Убивал бы таких священников, — резюмировал Басс, понявший наконец, к чему Марек плел про «шару» и неизвестных изобретателей.

Действительно, вряд ли кто помнил сейчас имя человека, впервые похоронившего искин вместе с хозяином. Как-то раз у себя дома в гигиенной Басс зацепил краем уха историю, которая доносилась из выброшенного Марией и еще не растаявшего тампон-журнала. В то время Мария увлекалась танатологией, и тема журнала была соответствующей. Из всего потока аудио-статей Басс запомнил лишь, что тысячи лет назад в гроб погибшего воина кидали его оружие и жену. Продолжая плавать в унитазе, тампон-журнал сообщил Бассу, что в прошлом веке та же участь постигла мобильные телефоны. Далее некий знатный гробокопатель тех времен рассказывал в интервью тампон-журналу, как поседел от неожиданных звуков Бетховена, раздавшихся в полночь из свежевыкопанного гроба. На этом месте тампон окончательно растворился и перестал болтать. Но Басса так позабавило интервью, что он нашел записи этого шутника Бетховена и зашил одну в собственный будильник.

Но кто первый оставил покойнику не телефон, а комп? Кто

первый снабдил оставленный в гробу комп программой-автоответчиком? Наконец, кто первый догадался, что лучший автоответчик — это персональный искин, который провел с человеком многие годы и знает о нем столько, что может с успехом имитировать умершего хозяина?

На счету Басса было с десяток взломанных кладбищ, но он никогда не интересовался экономикой погребального бизнеса. И до сих пор не знал о тонкостях вроде «шары». Стало быть, все отстегивают одному попу только за то, чтобы переключить шкурку в режим автоответчика и оставить на кладбище? Хорошо устроился папаша!

— Убивать его поздно, — заметил Марек. — А вот его искин меня еще интересует.

— Так он уже помер?

— На прошлой неделе. — Марек прикрыл один глаз и процитировал дикторским голосом: «Отец Саймон, глава Церкви Теофоники и основатель сети элитных учреждений загробной жизни „Сады Саймона“, похоронен позавчера в „Эдеме“, лучшем саду своей сети».

— Это который на полуострове? Очень неудобное место, все просматривается.

— Точно. Там самых жирных кабанчиков хоронят. А в качестве гарнира — винегрет из самых мощных искинов. У Саймона был «алеф-М5». Говорят, таких в мире всего штук двадцать.

— Врут. Хотя редкая шкурка, верно. Я сам видал всего два раза.

— Видал или ломал? — Марек усмехнулся, но глаза цвета соуса «Тун-тун» смотрели внимательно, а рука как бы невзначай коснулась нэцкэ на поясе.

«Эмпатрон включил, сволочь, — понял Басс. — Щас, буду я тебе экзамены сдавать, жди больше…»

— Защита какая у садика? — быстро спросил он, не давая Мареку и его искину отследить реакцию на предыдущий вопрос.

— От атак снаружи — никакой, — снова усмехнулся Марек. Неужели все-таки успел отследить?

— Да ну? Видно, я крепко спал в тот день, когда всему населению этого континента делали прививки от любви к халяве.

— Не расстраивайся, я бы не допустил такого фашизма. Но в «Эдеме» особый случай. Даже не знаю, как начать…

— Что, терраформщики опять лопухнулись? — Басс невольно расправил плечи, вспоминая кладбище моряков, на которое ему пришлось добираться вплавь с осмотической маской. — Если садик потонул, это отдельная цена. Ненавижу работать под водой.

Одно неверное движение, и о тебе знают все сторожевые касатки.

— Никуда он не потонул, все на суше. Просто в нем поселились призраки, и они… В общем, жрут людей.

Басс громко хрюкнул и подавился, едва не попав в Марека выплюнутой кашей из спагетти. Он смеялся впервые с тех пор, как пижон-дремастер отдал ему свой искин в обмен на байку о Джинах.

— Кажется, я слышал эту страшилку еще от своего гувернера. А потом слышал, что ее ГОБ специально придумал. Чтоб мелюзга не лазила куда попало. Короче, давай по делу: сколько охраны, какие боты, какая сигнализация…

— Никакой.

— Так в чем проблема?

— Да никаких проблем. Я знал, что тебе понравится. Иди и возьми. Шесть человек до тебя пытались.

— И что?

— Их сожрали.

— Кто?

— Тебе дать направление к лору? Я же сказал — призраки.

Басс перестал смеяться. Бывает, люди зацикливаются на шутке и повторяют ее до тех пор, пока им не дашь по голове. Марек к таким не относился. Он мог рассказать десять историй вместо одной, но одну десять раз подряд — только в том случае, если она была про его мамочку. Очевидно, сейчас был другой случай. Марек предлагал Бассу «черный ящик»: задачку, в решении которой не был уверен и потому не торопился высказывать свою версию. Эта игра сохранилась у них еще со времен учебы в медицинском.

— А неоргов они тоже жрут?

— Нет. Только глушат. Но в глушилке ничего такого. Она, грубо говоря, трофейная. Когда охрана кладбища наложила в штаны и драпанула, вся система сигнализации и защиты осталась на кладбище. Радиоколпак продолжает работать, но в другой конфигурации, и контроль за ним утерян.

— Готов спорить, что твои призраки пытались выйти в Сеть.

— Точно. С этого все и началось. Обычно искин в режиме психозеркала никого вызвать не может, все беседы с покойниками инициируются вызовом извне. А тут вдруг поперло изнутри. Охранники ничего не поняли, побежали в садик посмотреть. Обратно никто не вернулся. А те что остались снаружи, драпанули. Я узнал через полчаса, и благо ночь, сразу послал туда своих парней. Трех бойцов-япошек и одного скриптуна. Думал, типичная чушь: охрана от скуки перебрала наркоты, начались шутки в духе «на кладбище самые доступные женщины»,

ну и все такое. Но все же велел одному не соваться в садик, а наблюдать…

— С ним можно поговорить?

— Нет. Я его отослал подальше. Он, как вернулся, начал среди остальных такие пенки гнать, что если б еще день, от меня все бойцы разбежались бы. А видел он только то, что остальных троих сожрали секунд за сорок. Причем парень утверждал, что прямо из земли вместе с туманом вылезли призраки с вот такими зубами. Они и сожрали.

— А более глазастых наблюдателей у тебя конечно не было.

— Ну знаешь! — Марек гордо вскинул голову. — У меня не лаборанты-первокуры работают! Этот узкоглазый был одним из лучших. Докторская по акупунктуре в университете Старого Киото, почетная степень Белого Шамана в медбиотехе Дальневосточной Республики, и еще куча всего. Во время заварушки с Китаем-11 он на таких боевых неоргов ходил, каких ты ни в одном дремле не видел. Но после «Эдема» глаза у этого японского хрена были не как у нормального узкоглазого, а как у негра с базедовой болезнью. Он заявил, что на кладбище поселился какой-то Оборо. По-ихнему, Дух Тумана. Уж не знаю, что это за дух, а только остальные узкоглазые после рассказов про этого Оборо отказались туда соваться. Хотя они у меня тоже не последние массажисты. Потом еще девочки из спецслужбы мэра туда сунулись. Та же история. Сожрали вмиг.

— Ладно, а что с Сетью?

— Блокировали связь через полторы минуты. Включился аварийный колпак, внешний. Надеюсь, он не успел сбежать.

— Кто, колпак?

— Да нет, искин Саймона! Я так понимаю, что это он. Каким-то образом переключился обратно на активный режим. Скорее всего, сам церковник и замешал весь этот бешамель. Говорят, в последнее время он увлекался разными опасными лженауками — некромантия, нейротеология, квантовая физика… Может, он решил, что после смерти скрипт его душонки вернется в искин, и все такое. Ну и оставил изюминку. Чтобы его искин, значит, вначале прикинулся пельменем, как все, а потом активизировался. Вот шкурка и чудит теперь: взяла под контроль кладбище и ломанула в Сеть…

Басс фыркнул.

— Еще одна детская сказочка. Сбесившийся искин в Сети.

— А что, так не может быть? — Марек задумчиво ковырнул остаток лазаньи. — Да, Вонг мне тоже говорил. Но я так и не понял, если честно. Какие-то там неизбежные ограничения, роль которых выполняет подчинение хозяину. Мол, если активный

искин без ограничений попадет в Сеть, он там сразу утонет в информации и все такое. Все равно что умирающего от жажды бросить прямо в океан.

— Скорее уж, бросить морскую свинку в бассейн с акулами. Не успеет утонуть, дикие сожрут раньше.

— Дикие… искины? Это как? Тоже сбежавшие?

— Да нет, специально созданные. Но их алгоритмы адаптации основаны на жесткой конкуренции в Сети. Есть взломщики, есть шпионы… — Басс непроизвольно покосился через плечо, на чересчур близкую улицу с туристами. Войдя в этот зальчик, он поддался первому импульсу и сел к улице спиной. Оказалось, это напрягает еще больше. То один, то другой турист стоял точно позади него, словно специально подкрался, чтобы двинуть по башке.

— Самые безбашенные из диких… — Он немного развернулся, чтобы видеть подкрадывающихся туристов, — … вообще не имеют собственного носителя. Им, чтоб выжить, нужно постоянно захватывать чужие ресурсы. А потом защищать от других таких же хапуг. Или быстро двигаться дальше, нигде не засиживаться, чтоб не засекли. Помнишь, наш проф по ликантропологии рассказывал, чем Дарвин в последние годы жизни увлекался? Тот частный случай естественного отбора, который у него никак не сходился с религией?

— Нет, что-то не помню. Погоди-ка… — Марек прикрыл глаза, но было видно, что глазные яблоки движутся.

Басс снова фыркнул. Надо же! Выходит, этот пижон уже во время учебы в медицинском пользовался допамятью. И доигрался, как видно. Отличный был бы материал для журискинов: «Могущественный Марек Лучано — жертва меморта».

— Ага, вспомнил. Эволюция паразитов. А в Сети, значит… Так вот какая петрушка! Криминальный мир! — мечтательно промурлыкал Марек.

Басс только скривился.

— Хуже, хуже. Там и от легальных тварей спасу нет. Вестовой или рекламный бот при случае мало того что сожрет конкурента, так еще и мимикрирует под съеденного. У домашних искинов, вроде одежников, стимулы совсем другие. С носителями у них все в порядке, драться за ресурсы ни к чему.

— Но постой, домашние ведь тоже… ходят в Сеть?

— Ага, и домохозяйки ходят по улицам. По освещенным и многолюдным. И как правило, заходят только в знакомые двери. А если домашний искин попытается, так сказать, остаться на улице на ночь — долго не протянет. Даже класса «алеф». Кстати, хоть что-нибудь о его сеансе связи известно? Сам он вряд ли в

Сеть полез бы. А вот «последнюю волю» мог запустить.

— Это как?

— Ну, есть такая примочка…

Басс зачерпнул остатки спагетти и быстро заслонился рукой: на дне тарелки в разводах кетчупа плясали маленькие голографические бабы с неприятными мигающими глазами. Время от времени бабы превращались в рыб, но глаза у них оставались такие же поганые.

— Э-э-э… О чем я говорил?… Сто багов тебе в порт, Маврик! Еще раз подсунешь мне тарелку с логлем, я тебе ее вместо глаза вставлю!

— Ох, извини, дружище! — засуетился Марек, бросая тарелку Басса под соседний стол. — Наверное Вонг на кухне спутал. Ты же знаешь, у меня для своих отдельная посуда, без рекламы.

Басс не отвечал. Он среагировал на навязчивую картинку достаточно быстро, и она почти не сбила его с мысли. Однако заминкой можно было воспользоваться, чтобы обдумать кое-что. Разговор как раз вошел в ту стадию, когда заказчик и исполнитель пытаются выяснить, кто из них продешевил.

— Ты говорил о «последней воле», — напомнил Марек.

— Угу. Яйца тебе оторвать и к ушам пришить. Будешь эмбриональные инкубаторы рекламировать, под лозунгом «Всем сестрам по яйцам».

Марек терпеливо ждал. Басс наконец опустил руку.

— Режим психозеркала не дает шкурке самой инициировать сеанс связи. Но когда искин на кладбище подключают к Сети, его тестируют. Есть примочка, которая позволяет шкурке во время тестирования послать в Сеть «последнее желание». Одно короткое сообщение. Как правило, код для запуска уже заготовленного скрипта. Особенно популярно у британских неодворян: когда хозяин слишком неожиданно отбрасывает шкурку, «последнее желание» запускает программу мести. Изменяет завещание, травит жену, взрывает лучшего друга, на волю птичку выпускает…

— Ха, ловко! — Марек бросил нож и вилку в пустую тарелку с разводами светло-коричневого соуса. — В таком случае, последним желанием Отца Саймона было пожрать! Мы так и не разобрались, что искала в Сети его шкурка — если это вообще она — но перед самым отключением связи она заказывала жратву.

— Что-нибудь особенное?

— Скорее наоборот. Представь, что ты загрузился в первый попавшийся супермаркет и сказал «пришлите мне всего в достаточных количествах». Такой примерно заказ и был. Аварийный радиоколпак вырубил этот базар как раз в тот

момент, когда магазин уточнял, чего эта загадочная тварь все-таки хочет. Причем уточнял тоже загадочным образом. Заказчик отказался назвать конкретные продукты, отказался дать примеры вкуса, запаха или хотя бы визуального образа. Но зато согласился отвечать «да-нет», если магазинный бот будет давать ему виртуальные пробы каждого продукта по очереди. Он пробовал даже мыло и салфетки.

— Уже интересно… Это не последнее желание, это новый хозяин. И очень странный хозяин. Искин пытается его накормить.

— Ага, то-то я думаю, чего он шесть человек сожрал! А мы с ним, стало быть, коллеги. Может, он там ресторан хочет открыть? — хмыкнул Марек.

Басс задумался. Потер лицо, непривычно голое без бороды, которую растворили перед операцией.

Втайне он надеялся, что дело все-таки не дошло до активного искина с новым хозяином, а ограничилось запуском нетривиальной «последней воли». Даже самой навороченной, но отдельной проге далеко до персонального искина в активном режиме. Да и искин оказывается таким умным в основном благодаря постоянному контакту с хозяином. Нужды человека, его желания и его табу — отточенное веками уравнение жизни на грани порядка и хаоса, позволяющее мыслить если не гениально, то хотя бы творчески. Никакая экспертная система, никакая самообучающаяся сеть, никакой алгоритм генетического программирования никогда не дошли бы до такого уравнения самостоятельно. Да и зачем, если до него уже дошел человек? Достаточно определить служение человеку главной задачей искина — и умная шкурка получит в свое распоряжение великолепную формулу, которая на протяжении веков помогала выживать самым хрупким и безмозглым предметам, вроде китайского фарфора и польских блондинок.

И все же случались нетривиальные проги, работающие, грубо говоря, бесчеловечно. Взять хоть дикие искины, населяющие темные уголки Сети. Басс не занимался ими всерьез, но знал, что в борьбе за ресурсы эти паразиты умудряются вырабатывать очень непростые алгоритмы выживания.

Персональная шкурка Саймона не могла сама стать диким искином. Но могла запустить непростую прогу в качестве «последней воли». Около года назад Бассу довелось ставить такую примочку по заказу одного лорда-психа из Британии-4. Лорд хотел, чтоб его смокинг после похорон хозяина заполнил водой ров вокруг фамильного замка, поднял мосты, включил защитное поле и перевел всех роботов в состояние глухой обороны от любых посетителей. Работа была оплачена по-королевски, но с

тех пор Басс ни разу не был в Британии-4. В конце концов, у всех профессий есть свои суеверия.

Если саймоновский искин после смерти хозяина действовал так же — к примеру, вызвал пару неоргов для охраны могилы — дело было несложное. Хуже, если шкурку действительно захватил новый хозяин-взломщик. Люди со свернутыми мозгами бывают умны, как Баги… и непредсказуемы, как Баги. Басс знавал одного непризнанного гения, угробившего марсианский проект ЕАА из-за чашечки кофе, которую ему принесли через полчаса после заказа. Дело было как раз в день запуска, и официант не скрывал, что в такой исторический день его мало интересует плохо подстриженный посетитель со старинным карманным компом. Та самая мелочь, которую потом называют «человеческим фактором». Очень правильный термин, если вдуматься.

Вот и этот сбесившийся Ангел-хранитель — очень уж не хотелось бы… Но с другой стороны, зачем искину мыло и салфетки? А с новым хозяином это вполне объяснимо — парень помешан на чистоте. Стерильная одежда, экологически чистая жратва, постоянно включенный воздушный фильтр в носоглотке… Да, типичный заскок для гениального скриптуна.

— А на танке туда можно въехать?

— На танке?! Наверняка, кхе-кхе… — Марек даже слегка подавился от неожиданного вопроса, но тут же вновь надел маску ленивого шутника. — А еще проще сжечь этот «алеф» со спутника «микроволновкой». Вроде как молния ударила. Потом восстановить искин по бэкапным копиям и снова подключить. Делов на полчаса.

— Что мешает?

— Выборы мэра в конце недели. Точнее, перевыборы.

— И что?

— И то! У нас тихий город. Экологически чистый. Почти курорт! — Испачканный соусом подбородок Марека вздернулся так, словно сам он был если не мэром, то по крайней мере ее родственником. — Кроме нескольких дремль-студий и этого главного саймоновского кладбища, у нас нет ни Бага особенного. Ну разве что рестораны еще…

— И скромные дантисты.

— Именно. Но тут даже мои пломбы не помогут. Танки и спутники надо согласовывать с военными, с ГОБом. Не миновать огласки! Пресса сразу начнет ковырять. А у них в ГОБе больше информаторов, чем у самого ГОБа в правительстве. На завтрак они подадут пару скромных яблочек, что-нибудь вроде «ЧП в Эдеме» или «Молчание искинят». К ланчу, наоборот, выварят из мухи слона — «Ядерная бомба упала на кладбище великих

гуманистов» и все такое. Но это еще мелкий закусон, работа журискинов. А вот потом за дело возьмутся люди. Кулинары высшего класса, которым не за еду платят, а за подачу. И на обед пойдут такие деваляи, что только рот разевай: «Мать города мстит даже мертвым», «Могилы слишком много знали», «Кувшинка пахнет серой»…

— А сейчас никто не знает? — удивился Басс.

— Только спецы мэра. Аварийный радиоколпак и новая внешняя охрана — это все они. Входящие запросы переведены на автоответчик, который говорит «Рай закрыт на проветривание» или что-то в этом духе. Такое иногда бывает — спутник новый подключают, или перед похоронами какого-нибудь особо острого перца. Им осталось два дня продержать это в тайне, после выборов уже все равно будет. А пока даже полиция не знает.

— Зато знает один скромный дантист, который сделал половине города новые зубы. Неужто и мэру пломбы с секретом поставил? — усмехнулся Басс.

— Обижаешь! У меня есть источники понадежней, я же за кладбищами специально слежу. А мэр сама здесь была вчера. Сначала сделала вид, что прилетела в архив…

Марек кивнул в сторону улицы. Бывшее здание мэрии. Вход с розово-желтыми колоннами по бокам, широкая лестница, сбегающая на площадь с дельфином-фонтанчиком в центре. Все это античное безобразие располагалось через дорогу, прямо напротив бывшего банка, где располагался ресторан Марека. Басс снова поежился от ощущения, что сидит на виду у всех. Интересно, охрана мэра видела, что тут ресторан, или для них это тоже бетонная стена?

— Я-то сразу въехал, чего эта старая волкошка сюда приперлась, — продолжал Марек. — В архиве минут десять покрутилась, а потом сразу ко мне. Вроде как мимо проходила, заодно решила пообедать. Она, видишь ли, была большой подругой моей мамочки, и теперь мне приходится финансировать ее избирательную кампанию. Она и пришла посоветоваться. Намекнула, что если бы я знал, как уладить это дело с кладбищем, то ее люди пропустили бы туда моих людей без проблем. А в случае успеха город отблагодарил бы патриотов. Мне эта благодарность, знаешь — как роботу майонез. Другое дело, заполучить еще одно кладбище. Особенно саймоновский «алеф». Идеальная возможность.

Басс хотел было съязвить, что при таком раскладе ему выгоднее получить заказ от самой мэрши. Увы, это было не так, и Марек знал это. Пришлось бы иметь дело с командой, где и без того достаточно умников. Им не нужен конкурент, но они с

радостью согласятся не мочить его сразу — чтобы замочить после того, как он сделает работу за них. Причем стрелять будут не металлическими иглами, а «ледяной крошкой», от которой никаких следов не остается. Полиция найдет и скажет — ай-яй-яй, больное сердце, сосудик лопнул.

— Надо бы пару-тройку полифемов… — задумчиво проговорил он. — Хотя, если там сильная глушилка, толку от них мало. Биоботов каких-нибудь неплохо бы. Людей ты мне конечно не дашь?

Марек развел руками:

— Только технику. Оружие тоже могу. О, сейчас я тебе покажу кое-что…

Он хлопнул в ладоши, и рядом возник низенький азиат с лицом мумифицированной мартышки. Марек кивнул на стол. Кореец ловко, одним жестом подхватил всю грязную посуду и собирался идти, но Марек удержал его и повернулся к Бассу.

— Что пьем?

— Молоко. — Басс взял салфетку и вытер со скальпеля каплю кетчупа. — Если ты еще не начал подмешивать к нему тот же компонент, что к пиву.

— Баг с тобой, уж своим-то я вообще ничего не подмешиваю! — Марек сделал фальшиво-опечаленное лицо. — Вонг, два молока. И мой акел принеси.

Сморщенный азиат кивнул и пошел к кухне.

— И еще, Вонг.

Кореец остановился.

— Мой друг Василиск — талантливый нейрохирург… — Марек показал глазами на Басса.

Кореец покосился, кивнул.

— …и он отрежет тебе голову, если ты опять принесешь ему посуду с этой психотропной рекламой.

Снова спокойный, молчаливый кивок. Либо ему каждый день отрезают голову, либо он никогда не повторяется, заключил Басс.

Исчезнувший на миг Вонг снова стоял рядом. Стаканы с молоком он поставил на стол абсолютно симметрично. Марек тем временем схватил с его подноса крупный золотой крест.

— Угадай загадку, Василь. Есть нация, достигшая совершенства в трех вещах: оружие, алкоголь, и женщина, внутри которой спрятана другая женщина.

— Если бы такое государство существовало, оно до сих пор сохраняло бы мировое господство. Может даже захватило бы Марс.

— Точно! Только для мирового господства этим крутонам нужна еще одна мелочь. Надо уметь смешивать коктейли, чтоб

похмелье не замучило. А они не умеют. Потому их и зовут «rasseyane». Отец как-то объяснял мне, что это слово означает человека, который плохо концентрируется и все путает. Но водка и матрешки у них по-прежнему в норме. И вот эти игрушки тоже.

Марек поцеловал верхушку креста и вытянул руку вперед. В коротких и пухлых пальцах золотая штуковина и вправду смотрелась как игрушка.

— Они называют это «Automat Kalashnikoff Electronyi». Акел, проще говоря. Идеальная штука для ближнего боя. Смотри.

Крест тихонько зажужжал. Носик соусника, стоявшего на столе в конце зала, опал и стек вниз. Словно был из воска, а не из фарфора.

Басс взял акел, взвесил на ладони: крест оказался неожиданно легким. Впрочем, глупо было бы ожидать чистого золота.

— А есть к нему… кобура какая-нибудь? — Басс с трудом припомнил старинное слово.

— Могу полный комплект снаряжения святназовца выдать. Включая пуленепробиваемую ряс-палатку и слезоточивые гранаты РПЦ-5. — Марек взмахнул рукой, приставил кончики вытянутых пальцев к виску и одновременно выпучил глаза в небо, изображая нечто, чего Басс не понял.

— Я просто спрашиваю, как эту штуку носят. Жальник у меня в пальце, никуда не денется. А с этим что делать?

— Вообще-то они ее на груди носят… На цепочке.

— Ага, так и знал, — поморщился Басс. — На самом виду, значит. На цепочке, на крючочке, на бабских бусах. Убивал бы таких дизайнеров. Ты бы мне еще кадило с нейролептиками предложил!

— Ну, у русских-то эти штуки только патрули носят. Им прятать нечего…

Басс продолжал рассматривать оружие. До чего дурацкие формы иногда принимают вещи исключительно из-за традиций! Так и перепутать недолго. Правда, есть еще эта идиотская новая мода, вторая волна неоархаики. Когда форму специально меняют именно для того, чтобы сбить с толку. Конспиративная неоархаика.

С коралловым ожерельем Марии так и вышло.

Волосы как саргассы во время шторма. Аквамариновые глаза, в которые нельзя смотреть неотрывно дольше минуты…

В молодости Басс скептически относился к понятию «талант». Но встреча с Марией сильно пошатнула его веру в мир, где все достигается упорным трудом, а случайности потому и называются случайностями, чтобы не ждать их повторения.

# # # #

У нее был самый настоящий талант: к ней так и липли секты. Любые секты — вот что шокировало его больше всего. Вслед за стерильными саентологами Марию с не меньшим удовольствием принимали в свое лоно бешенные экотеррористы. Не вылезающих из Сети кликаббалистов и не вылезающих из кибов технокочевников легко сменяли презирающие технику шейперы из «Знания Силы» или туповатые чисторасы из «Формы Уха». Улыбчивые бахаиты уступали место нервозным дот-коммунистам, интеллигентным франц-христианам, волосатым гей-славянам или лысым дзен-буддистам. После них Мария так же спокойно могла стать адепткой культа Киберлы (то есть ходячей антенной, вызывающей наводки в целых кварталах одним движением руки). Или превратиться в пламенную сендереллу с персональным Че в сердце (услышав о нем, Басс сначала подумал, что ей опять всадили имплант, но это была всего лишь иконка из чего-то красного).

Даже уровень конспирации не был для Марии помехой. Когда-то Басс потратил полгода, чтобы внедриться в КРаПТ, очень ловкую банду «черных» скриптунов. Но даже и через них он не смог добраться до Флоры, самой скрытной сети биокибернетиков. Его интерес объяснялся просто: Басса расстраивала необходимость покупать инструменты вроде джека-поторошителя по сумасшедшим ценам. В других случаях можно было достать скрипты и сварить все самостоятельно. Но окажись в устройстве хоть один «живой» биочип — пандора бесполезна.

Мария стала членом Флоры без всяких усилий, через неделю после того, как Басс отобрал ее у уличных эмпателок. Ночью он полез в холодильник за молоком — и в первый миг подумал, что перепутал дверь: на полках стояли ванночки с причудливой фиолетовой плесенью. Басс даже не стал прикидывать, сколько это может стоить — просто удивился, что еще жив. Разбуженная Мария со свойственной ей простотой объяснила, что «цветочки» она должна передать «старушке». Нет, она не знает, где их выращивают, она лишь три дня знакома с этой «старушкой», но скоро ей позволят работать «в парнике», ты ведь не обижаешься, что я переставила твое молоко под стол, а то бы они завяли, хотя, если ты настаиваешь, да, конечно, завтра же, и никогда больше…

Так было абсолютно со всеми. Везде ее встречали одинаково хорошо, и везде она начинала с огромной скоростью подниматься. Если ей удавалось задержаться в секте дольше месяца — она неизбежно оказывалась районной жрицей, квартальным буддой, главой городской ячейки, младшим

тетоном, группадмином класса «С», геймером второй ступени, эльфийкой кленового круга или еще какой-нибудь местной шишкой.

Сначала Басс отказывался верить в ее уникальный дар. Но после истории с Флорой воспринял талант Марии как персональный вызов. За годы той пытки, которая называлась мединститутом, ему пришлось выслушать сотни лекций по суггестивной имагологии, наротерапии, меметике, берновскому игровому анализу, нейровудуистическому менеджменту и еще целой куче наук о промывке мозгов. После знакомства с Марией Басс впервые вспомнил о преподавателях этих наук с благодарностью. Ведь именно эти долгие лекции помогли ему не поддаться на соблазны шарлатанства и быстро найти два самых верных способа борьбы с сектофилией — битье и холодная вода.

Второй способ был лучше, однако Басс применял его лишь в исключительных случаях, так как имелся побочный эффект. Неожиданное обливание ледяной водой превращало Марию не только в человека нормального, но и в человека дрожащего. Басс не был сентиментальным, но громкое и долгое щелканье зубами его раздражало: сразу вспоминалась мать с ее дурацкими сказками про серого волкота. Зато согревание дрожащей Марии нередко кончалось прямым и бурным сексом. Глядя на ее довольное лицо после такой «игры в доктора», Басс всякий раз чувствовал, что его опять обыграли. Нет, битье было куда лучше в плане психического здоровья самого врачующего.

В любом случае, с Детьми Коралла он сплоховал.

Первый прокол случился еще на стадии диагностики. Обычно Басс засекал новую секту не позже, чем на седьмой день. Почти все оставляли грубые следы: новые амулеты, которые Мария разбрасывала по квартире, новые средства связи, которые заставляли ее прерывать разговор и прислушиваться к голосам в голове, или новые слова и напевы, которые начинали хлестать из нее как раз тогда, когда ей стоило бы помолчать и прислушаться к голосам в голове. Самые радикальные культы давали о себе знать разительными соматическими изменениями: похудание означало Шри Рам Чандру, синяки — «Ответный удар Иисуса». Несколько раз Басс ловил и более хитрые штучки, вроде меченых вирусов или подозрительно быстро растущих теплотатуировок. Но и в таких сложных случаях интуиция его не подводила… до Детей Коралла.

Бусы он пропустил самым тривиальным образом. Целый месяц Мария щеголяла в коралловом ожерелье, которое он принимал за одну из тех дешевых бирюлек, что периодически царапали его ступни в гигиенной. Возможно, у него просто

выработалась привычка не замечать их, чтобы не выбрасывать. Заколки-погодницы из Австралии, индейские музыкальные серьги, кулоны с феромонами, брошки с ножками — она покупала что-нибудь новое еженедельно, чтобы через день-два потерять где-нибудь в квартире. Но стоило ему выбросить какую-нибудь бирюльку, Мария тут же начинала искать именно ее. Басс научился игнорировать этот мусор, чтобы не осложнять жизнь. А ожерелье она вообще не теряла, потому что не снимала. Целый месяц.

Он почуял неладное, лишь когда к бусам добавился такой же розовый браслет, подозрительно напоминающий четки. К тому времени Мария успела стать «атоллом».

Второй ошибкой было предположение о банальной структуре секты. Может, это и была пирамида. Но такая, в которой снять один камешек сверху означало обрушить остальные тебе на голову, словно камешек был в фундаменте. После того как Басс отобрал у Марии коралловую бижутерию, а саму Марию запер дома, братья-полипы не отставали от него ни на шаг. До того ему доводилось успокаивать членов Знания Силы с помощью игломета — но тут было совсем иначе. Их было не то чтобы много, но они были везде. Где бы ни оказался Басс, везде он натыкался на взгляд человека в коралловых бусах.

Они ничего не делали, просто следовали за ним. И смотрели. Работать стало невозможно. Еда, даже «надувная», закончилась. Лечебно побитая Мария сидела взаперти и никакой пользы не приносила. Хозяин квартиры грозил отключить воду и лишить Басса лучшего средства против сектантства. Оставалось сдаться, хотя бы на время.

Он отдал ее братьям-полипам за три батарейки. На один день — так ему казалось. Очередное дело по наводке Марека обещало вернуть средства к существованию, вытащить Марию из кораллового плена, переехать в другой город. Полоротый дремастер, шкурка класса «Тэт», делов на полчаса. Басс так замотался, подготавливая эту операцию, что даже не проверил, какой фирмы подарок ему подсунули коралловые братья. Ладно хоть сами батарейки не взорвались, а только эта пижонская шкурка…

# # # # #

— Э-э! — предостерегающе крикнул Марек. — Ты думай, о чем думаешь, прежде чем думать! Он же реагирует как на команду!

Басс очнулся. На месте соусника, которому Марек только расплавил носик, теперь дымилось самое настоящее мокрое место. Инстинкт снова заставил мышцы напрячься, а глаза — стрельнуть в сторону улицы.

В двух шагах торчала парочка. Девица глянула прямо на Басса и скривила губы. Он опять невольно представил, как это все видно с улицы. Открытое кафе, за столиком у самого тротуара — двое совсем не похожих мужчин. Слева веснушчатый толстяк в кремовом костюме, маленькие ленивые глазки. Зато уши, хотя тоже малы и легко скрываются среди жидких рыжих кудряшек, имеют свойство неожиданно привлекать внимание во время широченных итальянских улыбок, когда у собеседников возникает ощущение, что этот рот вот-вот расстегнется вокруг головы до самого затылка — именно в такие моменты собеседники толстяка с облегчением замечают, что края его губ все-таки ограничены как бы парой замочков со скругленными язычками. Напротив этого рта-ширинки расположился рослый тип в черном, весь какой-то сухой и нескладный, как набор клюшек для гольфа в мешке для мусора. Да еще и с лицом свежеумытого подростка, разве что бледность в этом лице недетская. Но без бороды все-таки дурацкое чувство. Именно из-за этого невзрослеющего лица он в свое время перестал бриться…

Парочка потопталась и отошла. «Они меня не видят. Не видят», мысленно повторил Басс и повернулся к Мареку.

— Говорю же, неудобная штука. Случайно не то подумал, и тю-тю. — Он небрежно бросил акел на стол, и к последним словам, точно эхо, добавилось «бум-бум». — Скрипт небось драный?

— Что ты, какой скрипт! Пару образцов добрые люди достали, чистый обмен. А чтоб скрипты ломать, мы и не думали…

Басс покачал головой, изображая понимание. Марек врал, как обычно.

— Один Баг, неудобная вещь. Прицепить не на что, — повторил Басс. — Прямо хоть беги к полипам и выпрашивай у них бусы.

— Коралловые? Хе-хе! Слышал я, что это за бусы. Без ножа лоботомия. Это и не коралл вовсе, а вроде антенны…

— Ты мне будешь рассказывать.

— Есть скрипт? — Марек оживился.

— Меняю, — кивнул Басс.

— На скрипт акела? Ну не-ет….

— Скрипт акела и твою лабораторную пандору на пару часов.

— Ни за что. — Марек с громким стуком опустил стакан, молоко подскочило длинным щупальцем. Конец щупальца

вылетел за край и разбился белой ромашкой на красной клетке скатерти. — Хватит с меня прошлого твоего эксперимента. Атмосферная комиссия и так задышала на весь город, когда засекла перегрев. Я еле отмазался. Пришлось срочно нескольким парням зубы выбить, чтобы оправдаться чрезвычайной популярностью зубных протезов в этом сезоне.

— Как хочешь. Тогда кладбища не будет. Ты обещал инструмент. Если инструмента нет — я умываю ноги, как говорят эти самые христиане.

Большим глотком Басс допил свое молоко и стал медленно опускать стакан на блюдце, придерживая одну руку другой. Марек, знакомый с этой медитацией еще по институту, наблюдал со скептической миной: самому ему никогда не удавалось поставить стакан без стука. Рука Басса подрагивала, но он не спешил. Круглый край донышка беззвучно коснулся блюдца той точкой, которая была ближе всего к Бассу. Потом так же беззвучно опустилось все донышко. Басс отнял руку.

— Ладно, — сказал Марек. — Но остужай как можно медленнее.

— И еще одно…

— Еще?!

— Убери оттуда к Багу все зубы. Они там у тебя везде раскиданы, прямо целыми челюстями, я видел. Очень мешает работать. Подмети там, что ли, я не знаю…

— Попробую, но не обещаю. Ты же в курсе, все пандоры такой мощности под контролем. Приходится время от времени заставлять ее варить всякую легальную ерунду, чтобы оправдывать остальное. У меня там скриптец зашит, он автоматически врубается раз в несколько дней. Как раз перед твоим приходом он новую партию протезов сварил. Зато когда ГОБлины после тебя нагрянули, все было a la carte — вот новые зубки, еще тепленькие, а вот клиенты, уже без зубов… в смысле, еще без зубов. Конечно, пришлось и кое-кому наверху поставить палладиевые коронки, чтоб замять полностью. Они теперь знаешь какие привередливые стали! «А почему вы, господин Лучано, не внедряете более современные технологии, не выращиваете клиентам настоящие костяные зубки из их же генетического материала, как в Британии-3?» Я, естественно, отшучиваюсь. Мол, «боремся за качество, ваше превосходительство! Разве органика сравнится с палладием? Да и как блестит, вы только гляньте! Все дамы ваши!» А сам думаю — ну добре, понял я ваши намеки на плохой гарнир. Стало быть, какие-то новые расстегаи пытаются оттереть меня от теплой печки…

Марек с притворной грустью оглядел ресторан, а после —

улицу, как бы пытаясь определить, насколько сузилась граница его влияния. Затем снова повернулся к собеседнику, скептически оглядел и его:

— Кстати, Василь, а как ты сам умудряешься разгуливать по городу с рукой хирурга? Тебя же лишили лицензии, когда это новое поколение медботов появилось. А потом, я слышал, тебя вообще дисквалифицировали и Ангела твоего стерли после того, как ты кого-то без лицензии порезал…

Басс поднял большой палец и поцеловал его точно так же, как Марек недавно поцеловал акел. По розовой подушечке пальца пробежала едва заметная рябь.

— Зато я очень похож на одного известного дантиста. По некоторым параметрам — прямо брат-близнец. Помнишь, на ком мы тестировали этого папиллярного «хамелеона»? Да и «динку», кстати, тоже. — Басс развернул палец, демонстрируя аккуратный ноготь с вертикальной белой полосой посередине. — А знаешь, почему они отменили ДНК-тест по волосам и перешли на ногти? Говорят, слишком многие стали делать себе полную депиляцию, особенно после истории с японским премьером. А потом еще эта мода на металлизированные волосы…

Рука Басса невольно потянулась к собственной голой голове, и он поморщился. Однако эту гримасу можно было даже назвать улыбкой по сравнению с тем, что творилось на лице его собеседника. Не обращая на него внимания, Басс продолжал:

— Между прочим, у меня с волосами тоже было все в порядке, пока твои боты-коновалы не сбрили все мои фильтры. Теперь одна надежда: если какой-нибудь телемент и прочтет в моей голове что-то нелояльное, вся ответственность ляжет на того самого дантиста, который — хех! — оставляет где попало свои пальчики, глазки, ноготки и прочие иды.

Марек еле-еле вернул на место отвисшую челюсть.

— Ты с…спер мои биометрики?!

— Шучу, шучу. — Басс опустил руку. — Я имел в виду другого дантиста. Мертвого. Мне ведь и глаза были нужны, а их просто так не подделаешь. Кстати, ты ни разу не говорил, зачем живому дантисту кладбища.

— Ты раньше не спрашивал.

— А ты раньше не заказывал кладбищ, захваченных призраками. Я ведь должен знать, насколько я могу их испортить, чтобы они тебе все еще подходили.

— Лучше вообще не портить. Просто подключиться незаметно, как раньше.

— Подключиться можно по-разному. Посадить лишнего жучка, который заодно будет давать мне знать, что ты с ними

делаешь. Конечно, если бы ты сам рассказал, я бы не стал возиться, время терять. А жучки и похуже бывают, кстати…

— Типа?

— Ну, знавал я одного скриптуна, которому заказали дом сварить, а потом решили не платить. Иди, говорят, жалуйся — тебя самого и заберут за незашаренные скрипты. Он и ушел, а по пути на стену плюнул. Слюна сработала как код, через полчаса дом превратился в заливное с мебелью.

— Тоже мне, удивил! Я такие байки еще от папы слышал. Вот было времечко! — Марек мечтательно закатил глаза. — Турецкая строительная мафия, бетон с секретными добавками… А потом в заданное время где-нибудь в Москве или в Париже начинают небоскребы падать. Но это ж когда было! Когда все считали недвижимость самым надежным вложением. С тех пор дураков нет.

— Угу. Теперь всем нужны искины. А у них есть режим самоуничтожения.

— Ладно, ладно, уговорил. Сейчас покажу, для чего они мне. Только не дергайся. Сам захотел.

Марек хлопнул в ладоши. Вонг вырос у него за спиной.

— Принеси печенье… для моего друга.

Казалось, Вонг даже не исчезал — лишь его руки, взявшие со стола стаканы, мгновенно сменились другой парой рук, держащих перед Бассом корзинку с «кукишами».

Хотя прошли годы, китайское печенье в ресторане Марека по виду вполне соответствовало тому народному названию, которое Басс помнил с детства. Как сказала бы его мать, оно было похоже на маленькие засушенные круассаны. Но у уличных ребят другая система ассоциаций.

Басс запустил руку вглубь корзины, порылся для вида — он был уверен, что это подвох. Невинные улыбки Марека и Вонга не оставляли сомнений.

Из разломанного «кукиша» выпала скрученная полоска эльбума. Очевидно, надпись появилась только тогда, когда печенина была уже в руках, так что можно было брать любую. Басс развернул полоску. Прочитал, помрачнел и бросил предсказание на стол.

Марек с неожиданным для такого толстяка проворством метнулся вперед и схватил полоску короткими сосисками пальцев. Невинная улыбка расплылась в злорадную ухмылку.

— О-хо-хо…

Вонг за его плечом хмыкнул тоже.

Басс снова выпустил скальпель и стал тихонько постукивать по столу. Каждый удар попадал точно в одну из крошек от

«кукиша». Тык. Тык. Тык-тык-тык. Все быстрее.

Марек перестал смеяться и с тем же проворством схватил Вонга за рубашку под подбородком.

— А ты чего ржешь? Какого Бага здесь написано про батарейки, идиот? Здесь должно быть простое предсказание! Общего типа! «Вас ожидает выгодная сделка» — и все!

Кореец энергично закивал.

— Что ты трясешь башкой, обезьяна? — Марек заводился, повышал голос. — Ты понимаешь, что тут написано?! Только безмозглая компфетка сочтет ЭТО за предсказание! Любой другой человек, еще не сменявший свои мозги на пригоршню фумочипов, умеет читать между строк. И здесь он читает: «Марек Лучано так много знает про мои паленые батарейки — уж не подслушивает ли он меня через мои новые зубы?!»

Кореец перестал кивать и стал мотать головой, как бы отрицая такую возможность. Бассу вдруг пришло в голову, что если мать Марека происходила из Италии, а отец из Польши, то будущий мафиозный дантист получился кем-то средним, вроде болгарина. А в Болгарии все эти кивки головой понимают совсем наоборот.

— Сколько раз я тебе говорил использовать более сильные семафо… тьфу, Баг, как их там… — Марек запнулся, однако продолжал выражать негодование сопением, как закипевший чайник, который не смог сбросить крышку и вынужден выпускать пар через носик.

— Семантические фильтры? — подсказал мрачный Басс, уже понявший, что к чему.

— Вот именно! — Марек оттолкнул корейца, но через мгновение тот снова стоял перед хозяином, скорбно склонив голову. — Фильтровать надо, идиот! Чтоб к завтрашнему утру Оракул выдавал все наводки в терминах «неожиданных любовных приключений» и «счастливых поворотов судьбы». Или в крайнем случае, «таинственных недругов». Все, катись отсюда к Багу!

После исчезновения Вонга они посидели молча — но недолго. От ругани Марек словно бы проснулся, вошел в рабочий режим. Ленивое выражение лица пропало полностью. Минуту он о чем-то размышлял. Потом вскочил, бросил Бассу «сейчас вернусь» и пошел вглубь зала, на ходу теребя нэцке. Когда невидимый собеседник ответил, Марек был уже у лифта. Оттуда донеслось «добрель», «пятнадцать» и «отменить». Остального было не разобрать, но по тону было ясно, что это приказы, которые не обсуждаются.

За спиной опять кто-то стоял. Басс развернулся. Очередной турист, молодящийся старикашка в желтой панаме и коричневых

шортах, пялился прямо на него.

Нет, все-таки это не стена. Если бы облик, скрывающий ресторан, выглядел как стена — с какой стати полоротые туристы стали бы перед ней тормозить? Басс попытался вспомнить, как выглядит это здание снаружи. Напротив мэрия, справа отель. Слева, кажется, лептеатр. Здание бывшего банка между ними, и если идти от лепта… Там, кажется, была пара магазинов на первом этаже…

Да, точно. Высокие витрины с этими дурацкими старинными манекенами, которые время от времени чуть-чуть шевелятся, чтобы зацеплять периферийное зрение. То-то они все пялятся.

Старикашка отошел. Больше никого поблизости не было, и Басс почувствовал себя уютнее. Он посмотрел вдоль улицы. За мэрией и ее игрушечной площадью с фонтаном Параллель снова сужалась — две сплошные стены домов, два ряда витрин. Зеркала напротив зеркал. Перед третьим от мэрии зданием стоял старый бензиновый автомобиль. Рядом стоял старикашка в желтой панаме, пялился. Потом протянул руку, потрогал блестящую черную поверхность. Ну ясно, машина настоящая — все трогают, голографическим обликом тут не отделаешься.

Зато витрины… Например, та, что сразу за автомобилем. Россыпи золотых украшений на черном бархате, и как будто даже просматривается уходящая вглубь стойка, на которой тоже блестят россыпи. Наверняка облик, а за ним небось тоже ресторан. Или дремль-студия. Хотя реальные фасады все равно не отличишь от обликов, если смотреть с улицы. Вот и удаляющийся старикашка уже расплывается на фоне трапецевидного обрывка неба — может, он тоже?…

За это Басс и не любил реконструированный даунтаун. Скриптаун, как его в шутку окрестили местные — и не без причины. Раньше этот район вызывал интересные ассоциации, вроде того детского рисунка с маленьким домиком. Нынешние же подмены не вызывали ничего, кроме одной и той же параноидальной цепочки мыслей — а это старое или только что выращенное? А это вообще реальное или облик? А вон та витрина? А эти чистенькие туристы?

Можно, конечно, потестировать сонар. Басс закрыл глаза, дал команду…

— Спишь?

Пришлось отменить. Марек снова сидел напротив.

— В общем, ты понял, насчет Оракула? Мне просто жалко, когда ценные вещи пропадают. На каждом из кладбищ Саймона гниют сотни искинов. Они, считай, практически всегда отключены. Режим психозеркала использует не более пяти

процентов вычислительной мощности. Да и обращаются к ним нечасто. Иной фрукт раз в месяц звякнет поплакаться своей мертвой мамочке, да раз в год заедет сам на могилу, поболтать с обликом на месте. Всего на пару часов в год искин включается. Остальное время — спячка. Очень нерационально. Будь я таким заживо похороненным искином, сам бы сдался хакерам.

— Ну да, чтобы такие как ты использовали их электронные мозги для шпионажа.

— А что плохого? Когда люди приходят в один из моих ресторанов, их встречает любимое блюдо. Когда они приходят в один из моих добрелей, фея дает им действительно добрый совет, а не дешевую отмазку типа «все будет хорошо». Я помогаю людям удовлетворить их желания. Но для этого мне неплохо бы заранее знать эти желания. И не в собственном изложении клиента: мало кто может вразумительно сформулировать, чего он от жизни хочет. Другое дело, если ты знаешь, как этот человек раньше реализовывал свои желания на практике, чем он их отоваривал — вчера, позавчера, весь год. Без таких данных в моем деле нельзя. Иначе и клиенту напакостишь, и сам без десерта останешься. А когда у тебя на него собрана хотя бы простенькая база данных, можно по крайней мере от грубых ошибок застраховаться. Моделируешь ситуацию на мощном искине — и знаешь поведение клиента на два шага вперед его самого.

— Угу… — Басс протянул руку вперед и пригвоздил скальпелем завиток с предсказанием. Полоска эльбума потемнела, треснула и рассыпалась, как старинная елочная игрушка.

— Мое поведение, стало быть, тоже смоделировано твоим Оракулом? И о том, что я влипну с батарейками, ты тоже знал?

— Да ты что, Василь?! За кого ты меня принимаешь? Конечно нет! Предполагал, это верно. Но только как один из вариантов. Именно поэтому скат моей «скорой помощи» дежурил неподалеку. И вытащил тебя из-под самого носа патруля. Не забывай, я тебя вытащил!

— Не забуду. — Басс убрал скальпель. — Но это будет мое последнее кладбище. Потом я буду потрошить зубные клиники и рестораны.

— Всегда пожалуйста! — Марек приторно улыбнулся и развел руками, как будто приглашая в свои объятия всю улицу. — Если тебя не съедят призраки, обещаю устроить роскошный обед. Либо могу вылечить все твои зубы. А при самом лучшем раскладе — и то и другое в любой последовательности… Между прочим, вот тебе простой пример, насколько мой Оракул полезен. Ты ведь перед тем, как пойти на дело, любишь взбодриться, так?

Басс неопределенно пожал плечами.

— Есть новый гибрид «золотого хабанеро» из Чили-2, — заговорщицким шепотом продолжал Марек. — Пальчики оближешь, какой улет! Говорят, если много съесть, бывают даже галлюцинации с выносом точки зрения за пределы тела, как от Bannisteria Caapi. Но это скорее всего рекламная поэзия — ты ведь знаешь, капсаицин не так действует. Правда, в этих геномодных перцах сам Баг коды сломит. Может, там еще чего добавлено.

— Я и не знал, что твое пищевое помешательство зашло так далеко.

— Ага, типичная реакция! Непонимание, оскорбление! — Марек трагически всплеснул руками. — А бывает и похуже! Был у меня один клиент, он в отличие от тебя к еде относился с большим уважением. Сразу согласился попробовать «золотой хабанеро». Пол-стручка откусил, прожевал — и тут же грохнулся. Розовый такой здоровяк, а оказалось — язва желудка.

Басс фыркнул.

— Не веришь? И я не мог поверить! Оказывается, он только с виду был здоровенький. А по жизни — геронт стопятнадцатилетний! Практически все органы новые подшиты, только мозг и желудок те еще! Вот что бывает, когда не знаешь клиента. Сто человек твоему товару порадуются, а сто первый зубы отбросит.

На улицу перед рестораном выплыла большая группа молодых розовощеких туристов обоего пола. Басс подумал, что среди них наверняка скрывается парочка геронтов с мозгами и желудками из прошлого века. Один парнишка поглядел в сторону Басса с каким-то недетским вниманием. Отвернулся, пошел дальше.

Басс перевел взгляд обратно на Марека:

— Так ты мне рекомендуешь нажраться перца?

— Честно говоря, нет. Отвратительный вкус, и на сердце влияет плохо. Это просто мой старый тест. Надо же было как-то проверять клиентов, которые просят «взбодриться». Ну, я и предлагал им что-нибудь неожиданное, типа «золотого хабанеро». А сам включал эмпатрон и следил, не вешают ли мне спагетти на уши. Метод неплохой, но время от времени все равно попадался какой-нибудь кекс с изюминой, вроде того скрытого язвенника. После него я и стал думать, как бы еще подстраховаться. Начал, не к обеду будь сказано, с самого настоящего говна. Помнишь наши лабораторные работы на той штуке, которую все звали говнализатором?

— «Театр начинается с вешалки, а клиника — с сортира», — процитировал Басс. Что ни говори, а в институтской жизни

бывали веселые моменты.

— Точно! — Марек опять расплылся в такой улыбке, что бедные замочки-уши с трудом остановили рот. — А ведь все пригодилось! Ты не представляешь, насколько может быть полезен самый дешевый, списанный фекан, если его поставить в гигиенной ресторана. Клиент вышел по нужде — и через пять минут его история болезни у меня в базе! Дальше, понятное дело, мы стали печь крендели покучерявее…

— Ага, вставные челюсти с микрофонами. Неужто у тебя все клиенты такие идиоты?

— Обижаешь! Зубы, конечно, моя слабость. И довольно удобный носитель для самой разной аппаратуры. Не использовать их — просто глупо. Но тут я сразу понял, что имел в виду наш преп по анатомии, когда говорил: «Не зацикливайтесь на собственной специализации, парни!». Сто раз прав был сей мудрый геронт! Зачем наваливаться на зубы, если есть техника и потоньше. Не мне тебя учить…

Марек поводил ладонью над головой, потом поместил ладонь перед глазами, словно считывая какие-то показания. Вряд ли у него в руке был томограф, как у Басса. Но намек был вполне прозрачный.

— В общем, получать хорошие наводки — не проблема. Но сортировать все это, анализировать, моделировать клиента в гиперреальном времени, то бишь с опережением… Редкостный геморрой, если вручную. Теперь-то, с кладбищенскими искинами, совсем другая сервировка. Просто запрашиваешь диагностику клиента и узнаешь, что…

Марек прикрыл один глаз, на миг замер.

— …что он не только к пищевым радостям равнодушен. Он вообще не уважает старую добрую органическую химию, жлоб! Хотя с точки зрения эффекта его устроил бы обычный стимулятор лобных долей, вроде кокаина. Но тут клиент прав: короткие неравномерные вспышки, от них одно расстройство потом. Если конечно не будешь постоянно догоняться, а с твоей психикой это гарантирует тяжелый депресняк на месте. Так, смотрим дальше… Э-э, да наш клиент еще больший привереда, чем я ожидал! Куча генетических противопоказаний… Понимаю теперь, почему он избегает почти всего классического меню. Зато «фонограф» ему подошел бы идеально. Интересно, почему ты не любишь звуковые стимуляторы? Я слышал, некоторые консерваторские презрительно называют это «музыкой битой посуды». Но ты-то! Тоже комплекс музыкальной школы?

— Щас я тебе такой комплекс всажу, неделю будет в ушах звенеть, — предостерег Басс.

— Ладно, как скажешь. «Нервотропки» тебе тоже не нравятся: у них нет плавной регулировки. Зато ты не прочь закинуться парой «креветок». Они, кстати, опаснее «фонографа» в плане последствий. Но тебе это по Багу. Лишь бы во время работы реакция не подвела и ты не рассек клиенту мозжечок вместо мозолистого тела. Так?

— Допустим.

Жестом фокусника Марек выхватил из внутреннего кармана пиджака лиловый носовой платок, проделал пару дурацких пассов в воздухе, присвистывая в такт, и положил платок в центр столика.

— «Плазма»?

— Не совсем. Сам увидишь.

— И это ты называешь осведомленностью? — Брезгливым жестом Басс отогнул край платка и заглянул внутрь. — Сколько раз тебе говорить, что…

— Знаю-знаю: ты не любишь новшеств. Но тут уж я беру на себя смелость внести щепотку разнообразия в твою жизнь. Эти штучки из того же питомника, что и «плазма». Но помягче. Только вчера привезли. Называется «китайская чума». Ты еще спасибо скажешь, что я тебя держу в курсе таких новинок… О, гляди, юное дарование пришло самовыражаться!

Басс обернулся. Группа розовощеких туристов удалялась по Параллели в сторону трапецевидного обрывка неба. Но любопытный парнишка отстал. Он выждал, пока остальные столпятся у автомобиля, выхватил из кармана нечто и направил прямо на Басса. Тот чуть не прыгнул под стол, когда увидел, как из штуковины вылетает тонкая лента синей жидкости. Не долетев до головы Басса примерно полметра, струя наткнулась на нечто невидимое, что как будто изменило ход времени на обратный. В следующий миг паренек был покрыт собственной ядовито-синей краской. Больше всего досталось руке, в которой он держал баллончик, и левому глазу, которым он целился.

Однако граффитист не извлек уроков из этого примера работы защитного поля. Он выругался, отскочил назад и бросил в сторону облика весь баллончик. На этот раз Басс лишь моргнул. Баллончик, отраженный полем в строго противоположном направлении и с той же силой, просвистел у самого уха подростка. Неудачливый художник снова выругался и побежал догонять свою группу.

Еще минуту два человека, сидящие в ресторане по другую сторону облика, молча смотрели, как коричневая плитка тротуара поедает синюю кляксу и восстанавливает чистоту. Думали они при этом об одном и том же: лет пятнадцать назад, когда в

Старом Городе появились первые активные тротуары, голографические облики и силовые экраны, они оба были такими же подростками. Но у них была возможность наблюдать, как это все возникает, и сразу разобраться, как оно работает. И потому подшучивание над приезжими лопухами было одним из самых веселых развлечений их юности. А уж какие трюки они устраивали среди своих!..

— Мама говорила, что из меня получился бы неплохой педиатр, — вздохнул Марек.

«Если пацан хотел что-то нарисовать, значит, мы все-таки стена, а не витрина», подумал Басс.

— Слюноотсос включи, — буркнул он, обращаясь скорее к себе, чем к Мареку.

Потом взял со стола лиловый платок Марека и убрал в карман. В глазах с новой силой зарябило от скатертей в красно-белую клетку.

ЛОГ 6 (ВЭРИ)

Тот, кто разбивал сад, наверняка принадлежал к шудрам. А если он к тому же был пациентом доктора Шриниваса — то пациентом успешным. Иначе сложно было бы объяснить, как ему удалось создать такое удивительное сочетание строгого французского парка и совершенно диких джунглей. Неизвестный дизайнер-мультиперсонал смешал в одном рисунке шахматную доску и клубок змей. Причем так, что с одних тропинок это выглядело как правильная прямоугольная решетка, выложенная змеями, а с других — как сплетение хищных рептилий с клетчатым рисунком на коже.

На протяжении сотни метров дорожка, выбранная девушкой в желтом сари, не менее семи раз проводила ее через такие переключения. Прямые отрезки сменялись непредсказуемыми петлями и многолучевыми развилками. Уже через две минуты ходьбы трудно было указать направление на клинику. Там, где дорожка делала очередной поворот, как бы отскакивая от высокой стены колючих лиан, девушка остановилась.

Услышанное — а вернее, неуслышанное — вполне удовлетворило ее: трион Субхоранджан, неуклюже кравшийся позади, ошибся и пошел в не в ту сторону уже на третьей развилке. Убедившись, что ее больше не преследуют, девушка склонила голову набок и снова посмотрела на живую стену, преграждавшую путь.

С такой точки зрения стена уже не казалась сплошной. Среди густых зарослей был виден участок примерно в два метра, где объемность исчезла, оставив в воздухе плоский рисунок. Дальше снова тянулись настоящие, крепкие и шипастые змеи лиан, сплетенные в трехметровый забор.

Продолжая держать голову боком, девушка подошла и потрогала странный участок живой стены. Пальцы уперлись в скользкую и упругую пустоту.

Браслеты-змейки соскользнули с запястий. Она подышала на первый, потом на второй и положила их по краям неправильного участка. Когда она опустила на землю второе кольцо, первое завертелось. Второе стало вращаться в другую сторону.

Теперь рука свободно проваливалась туда, где раньше встречала невидимое препятствие. Но оставался еще облик — хоть и не объемный, но и не прозрачный.

Девушка сняла с шеи зеркальце на цепочке, дыхнула в него и положила перед стеной. Из центра зеркальца вылетела вверх тонкая игла со сверкающим шариком на конце. Потом еще одна

игла, и еще — и вот уже перед фантомной стеной колышется одуванчик из тысяч зеркальных спиц, разбрасывая во все стороны ослепительные «зайчики».

Когда одуванчик лопнул, открывшийся вид заставил девушку отступить. Вокруг по-прежнему благоухал сад, слева и справа тянулась стена шипастых лиан. Но впереди, где только что распаковался оптический фильтр, в фантомных лианах была вырезана полукруглая ниша. В нише виднелись развалины здания над водной поверхностью ядовитого цвета. Кусок стены, ребристый и выпуклый, точно осколок огромной ракушки, начинался как раз у дыры в облике.

Девушка шагнула в нишу и замерла: сразу за силовым щитом в лицо ударила аммиачная вонь. Два вдоха-выдоха — и снова вперед, по стене-мосту над водой — туда, где развалины упираются в берег, обрисованный полосой серебристого инея. У края стены два шага назад. И прыжок.

Одна нога все-таки выскользнула из сандалии в воду. Кожу сразу же стало жечь. Девушка выскочила на берег, плюнула на край сари и обтерла ногу. Легкая щекотка — бактерицидные нанозиты, активированные слюной, разбежались по коже и начали чистку. Не дожидаясь, пока пройдет боль, девушка поднялась по берегу вверх и оглянулась.

Никакого сада. Лишь небольшое озеро, в центре — остатки затопленного завода. Иней окаймляет воду широким белым кольцом с зеленоватым отливом, и с высокого берега озеро напоминает мертвый глаз, уставившийся в небо. Маскировочный облик не только меняет вид, но и искажает перспективу: воронка с развалинами кажется значительно меньше сада. Впрочем, едва ли кому-нибудь придет в голову отправиться на заброшенный континент для того, чтобы обойти вокруг какого-то озера ядовитых отходов — и удивиться, что путешествие занимает так много времени.

Оставалось проделать еще один трюк, самый неприятный. От одной только мысли об открытии Третьего Глаза ее передернуло, хотя она уже делала это… Кажется, делала… Или нет? Не вспомнить. Единственное, что вновь и вновь говорила память: как раз для того, чтобы снять искусственный меморт, нужен искин.

Девушка вынула из волос гребень, провела кончиком языка по одному из перламутровых зубьев и снова воткнула гребень в волосы на затылке.

Она не могла видеть, как морфируется Третий Глаз. Когда он шевельнулся, по спине пробежали мурашки.

С волосами проще. Даже немного приятно — нежное покалывание по всему скальпу. Самая тонкая и самая обширная

акупунктура, которую только можно представить. Еще раз передернуло, но уже по инерции: просто от мысли, что на затылке сидит эдакий спрут с миллионом щупалец, роль которых играют ее собственные волосы.

Слева и справа из прически вызмеились две пряди. Их кончики проползли за ушами девушки и юркнули внутрь ракушек-каури. Девушка закрыла глаза, и серьги запели.

Под мелодичный перезвон память разворачивалась, как оригами, открывая рисунок на внутренней стороне.

Марта.

Артель.

Пора сдать экзамен, шпилька.

Ты сможешь.

Я смогла.

Сразу стало грустно. Еще миг назад все было так просто, пока ничего не вспоминалось. А теперь — вот она, память, череда невидимых, но очень прочных стен. Значит, это был экзамен.

И тут же словно бриз в ушах: вызов, срочный вызов. Ответить.

— Как ты там, шпилька?

С непривычки она опять вздрогнула. В голове — чужой голос. Нет, не чужой.

— Я в порядке, Марта.

Вэри потрогала лоб. Холодный камешек между бровей, напоминание верной формулы самонастройки. Нет, это все-таки хорошо: помнить. Вот, скажем, серебристый иней — он и не иней вовсе, а бэтчер-баньян. Индукционный паразит, названный так из-за метода асинхронной связи, которой пользуются эти кристаллы…

— Все удалось? — Опять озабоченный голос наставницы в голове.

— Да. Лови отчет.

Пересылка данных. Она присела на обломок ограды, окружавшей развалины. Закрыла глаза. И велела Третьему Глазу подключиться к Ткани.

Темнота за веками вспыхнула разноцветным ковром с темным косым треугольником посередине. Та самая дырка, «Дело МБГ». Но сейчас в одном из углов треугольника появилась тонкая желтая нить. Она быстро бежала от края к краю, стягивая прореху. Вэри улыбнулась: после стольких месяцев обучения на чужих примерах приятно смотреть, как искины-ткачи вшивают в Ткань недостающие нити из того Сырья, что добыла именно ты…

Прореха почти исчезла. Вэри отключилась от Ткани. Вот и весь экзамен. Осталось лишь подождать немного.

Она огляделась. Дальний конец заборчика, на котором она

сидела, обрывался у воды ржавым столбиком со медной головой льва. Иней бэтчер-баньяна взбирался по столбику парой блестящих «елочек». А под самой львиной головой сверкала большая «звезда» из таких же кристаллов.

Третий Глаз сообщил об окончании штопки. Но ответа от Марты не было. Что ж, не все сразу, подумала Вэри.

Она продолжала разглядывать кристаллы бэтчер-баньяна и воображать, как искины-ткачи используют ее Сырье. Хотя едва ли это можно так легко представить. Разве что начало и конец цепочки. На входе — всего лишь пара килобайт данных. Короткий список имен, вытащенных из доктора-мультика после спецобработки второй степени. А на выходе — будущее континента. Еще одна залатанная дыра опасного развития событий, как говорила Марта. Тех, кто готовится навредить, вовремя остановят. И не перепутают с теми, кто делает полезное дело.

Нет-нет, не так. Что-то неправильно.

Она не могла объяснить, что происходит. Как не могла и раньше, когда у нее возникало такое же чувство. И как во всех прошлых случаях, ей сразу же захотелось, чтобы это было ошибкой, чем-то другим — соринкой в глазу, недомоганием от усталости…

Увы, не получится. Это оно. То самое. Узор серебристого инея, приковавший к себе взгляд. А затем — растущее беспокойство, и резкая боль в висках…

Вэри прижала руки к глазам. Все, отпустило. Темнота. Она открыла глаза. Озеро, развалины в центре. Серебристый иней на ржавом столбике. Ничего особенного.

Вот только у нее опять случилась «живая картинка». А они никогда не обманывали. Что-то произойдет.

Впервые это случилось около года назад. До этого Вэри, как младшая фея, работала с Тканью только на нулевом уровне. Личные выкройки клиентов — что может быть проще? Узелки родственных связей, веера профессиональных знакомств, прожилки медкарт, декоративная бахрома не особо тонких вкусов…

Все изменила Марта. Уровень модельера даже в учебном режиме позволял видеть Ткань такой, что потом глаза не сразу воспринимали реальность в обычном свете. Жизнь больших социальных сетей на языке многоцветных, вечно движущихся ковров — «это уже за пределами аналитики, шпилька, иначе они делали бы все сами, без нас, способных увидеть там мелкую дисгармонию, сбой палитры, неподходящее сочетание швов, про которое мы ничего не можем сказать, кроме того, что оно не

подходит». Наставница всегда говорила ужасно запутанно. Но лучше уж так, чем навсегда остаться в добреле и работать с клиентами от звонка до звонка!

Сначала она считала, что «живые картинки» случаются из-за усиленных тренировок с новым уровнем графического интерфейса Ткани. Сказать Марте? Но вдруг та признает свою ученицу негодной, возьмет другую?

После второго случая Вэри все же решилась спросить у главного медискина добреля во время очередной медкомиссии. Однако уже в начале сеанса по двум наводящим вопросам легко уловила, куда он клонит — и умолчала о том, при каких условиях оживают «картинки». Хоть и поздно, но все же дошло: если он заподозрит проблемы с психикой, можно лишиться не только учебы у Марты, но и обычной работы с клиентами.

Тогда она просто сбила врача со следа, на лету сочинив другую концовку жалобы: легкая боль в глазу, темные пятна после работы с Тканью. Как она и надеялась, медискин сообщил, что повышенная утомляемость связана с врожденным дефектом в зрительном нерве. «Ничего страшного, я отправлю прескрипт вашему Третьему Глазу, он обо всем позаботится. И не работайте с Тканью дольше, чем предписано».

Больше она никогда и ни с кем не говорила об этих «живых картинках». Да и случались они не так уж часто, чтобы беспокоиться. Первую она увидала зимой — узор на замерзшем стекле, когда после сбоя погодного спутника температура упала до минус пяти. Вторую «включил» весной фотоснимок каналов Марса с большой высоты: один из клиентов, свихнувшийся астронавт в отставке, вечно таскал с собой эти драные фотки. Третья возникла только через полгода — в облаке дыма над ароматической курильницей в офисе главной феи Ванды.

Но на курсах Кои, куда ее отправила перед экзаменом Марта, «живые картинки» стали случаться чаще. Целых четыре раза это происходило во время занятий по суми-э. Клякса туши расползается по бумаге, а за ней — знакомая боль в висках и необъяснимый сдвиг точки зрения, полупрозрачные кадры разных реальностей, словно две голограммы, наложенные друг на друга. И тут же — обратно, словно ничего и не было.

Там же, во время учебы в секте, одна из старейших сестер обмолвилась о видениях, которые возникают у некоторых целеустремленных адептов. Не надо бояться, если это произойдет, с улыбкой добавила Кои. Вэри долго просила ее рассказать поподробнее. А когда наконец упросила, то поняла — не ее случай. В упомянутых старой сектанткой видениях фигурировали привычные человеку вещи, которых он лишился.

Бывший любитель игр со вкусовым фидбэком мог на миг принять кучу камней за гору грибов, а бывшей домохозяйке при виде грибов могли померещиться ее любимые эроботы. Получалось, что видения, о которых говорила сектантка, возникают в условиях изоляции или воздержания — а вовсе не тогда, когда рассматриваешь какие-нибудь загогулины наяву, в обычном мире.

Как сейчас. Вэри вновь осмотрела пятно серебристой плесени. Может, в самих узорах есть нечто особенное? Марта как-то упоминала о том, что все сложные динамические системы имеют структурное сходство — спирали, фракталы… Что-то такое она и про мозг говорила. Может, эти узоры как-то влияют на утомленный мозг? Да, скорее всего.

Правда, есть еще это дурацкое ощущение, будто каждый раз после «живой картинки» обязательно происходит нечто такое, чего ты не…

Вжжих!

Что-то большое пронеслось над головой с такой скоростью, что не удалось различить даже контуров. Вжжих, вжжих! — еще два. Судя по звуку, аппараты полетели туда, откуда она только что выбралась. В центр фантомного озера, скрывающего клинику.

— Марта?

Голографические развалины в центре озера начали исчезать. Показался край сада.

— Все в порядке, милая. Считай, что ты сдала экзамен. Нужно будет еще встретиться с Советом, но в целом…

— Марта!!! Ты же говорила, что с ними ничего не будет! Это не те мультики-экстремисты, которых вы ищете. Они же лечат, а не…

— Успокойся. Это не твоя забота. Ты свою нитку вдела, сейчас мы тебя заберем.

— Но ты же обещала!

От озера с развалинами остался лишь кольцевой канал да тот обломок стены, по которому она вышла. Роскошный сад-остров лежал посреди мертвого города, как обломок рая, выброшенный на помойку. Только сейчас, при виде этого обнажившегося оазиса, Вэри почувствовала, какая стоит жара. Не меньше сорока по Цельсию. А в саду поддерживался микроклимат, всего двадцать восемь. Если всю защиту отключили…

Из глубины зеленого острова раздался сдавленный крик и два глухих хлопка. Затем все стихло.

Не отрывая взгляда от сада, Вэри пятилась, пока не споткнулась. Дырявый таз покатился в яму. Когда он перестал греметь, она повернулась к саду спиной и быстро пошла прочь по дороге, заваленной посудой, мебелью, одеждой и другими

вещами, которые обычно не бросают на дорогах — разве что очень торопятся убежать из проклятого места.

— Эй, шпилька, ты меня слышишь? Жди там, где вышла.

— Сама дойду.

— Послушай, куколка, не корчи из себя храбрую портняжку. Это не твой провинциальный город-музей. Это Калькутта-Четыре. Среди гундов есть очень сильные кинестетики. Они не только змей заклинают. И вдобавок работают группами. А у тебя не осталось…

Отброшенные сережки-каури жалобно звякнули в канаве.

# # # # #

Она прошла целый квартал, прежде чем услышала характерный гул. Вероятно, они вели ее от самого озера. Но слезы застилали глаза, и она увидела их только на перекрестке, где они уже не скрывали своих намерений. Четыре черные фигуры взяли ее в кольцо и медленно приближались, двигаясь среди развалин на четвереньках. Полосы ослепительно белой краски на крупных головах, в сочетании с такими же белыми лямками респираторов, дополняли их сходство с пауками. Казалось, четыре огромных тарантула пятятся задом, сходясь к общему центру.

Третий Глаз давно снял походку каждого гунда и попытался идентифицировать их, но так и не получил ответа ни от Ткани, ни от хозяйки, которая выкинула сережки-антенны. Искину, потерявшему связь, не оставалось ничего другого, как перейти в свой простейший, «официальный» режим хореографа. Видимые только для Вэри, тонкие голубые линии уже минут пять отмечали движения гундов, словно те танцевали с лентами на руках и ногах. Просчитывая траектории с опережением, Третий Глаз вплетал в серпантин голубых лент пучок желтых: путь к отступлению. Еще не поздно вывести тело из круга врагов по этим желтым спиралям, нарисованным лишь на твоей сетчатке искином, который всадил тебе пару щупалец в зрительный нерв. Нужно только ответить на легкие подергиванья мышц, эти маленькие подсказки помощника, сидящего на затылке. Помощника, который не может взять под контроль все твое тело — но согласия с каждой подсказкой будет достаточно, чтобы правильно выполнять каждое движение с такой точностью и такой скоростью, каких никто никогда не достигнет без хореографа класса «алеф». А где правильный арабеск — там и целый балет.

Столько раз она этим пользовалась в добреле! Исполнить

танец живота для усталого новостамбульского бизнесмена, поругавшегося сразу со всеми женами. Или обучить упражнениям раста-йоги нервного юношу-скриптуна, сбежавшего с цифровых плантаций Старых Штатов. Или выполнить ритуал «мисоги-но-генцуки» для группы японцев-политиков, к которым ее посылали особенно часто из-за внешности — конечно, любая фея может скачать себе нужный облик, но ведь эти дермопроекторы все-таки портят кожу, так что лучше сходи уж сегодня ты, милая, а когда припрутся французы, тебя подменит малышка Жанна…

И кому какое дело, что из всех видов терапии ты больше всего ненавидишь именно эти занудные церемонии. Особенно третий час, когда ноги болят от усталости и затекает шея, а неутомимый искин-хореограф продолжает водить твое послушное тело, продолжает вращать твоими руками титановый самокат в соответствии с принципами великого старо-токийского «искусства пути в толпе», будь оно неладно… Нет уж, лучше какой-нибудь отморозок, который заказывает в качестве психоразгрузки «австрийскую рулетку». Неприятно, зато быстро: один патрон, один поворот барабана, шесть резких рывков тела — и все. Да и то обычно не шесть, а меньше: если неверный угол ствола заранее гарантирует промах, искин заставляет лишь дернуть плечом для вида. А в остальных случаях подставляет под линию пули какой-нибудь краешек тела без костей и жизненно-важных органов.

Вот и сейчас он зудит, подталкивает — шаг влево, руку вверх, поворот, быстро-быстро…

Игнорируя этот спасительный, хорошо рассчитанный тик в мышцах, Вэри пошла медленнее. «Ты опять будешь мною командовать, проклятый спрут? Отключись сейчас же, сволочь!»

Однако отказ от этого плена вел в другой. Тело словно само собой начало раскачиваться в ритме черных паукообразных людей — и этот первый маленький акт подчинения чужой воле сразу потянул ее за собой. Жара как будто усилилась, набеленные лица гундов сразу же стали ближе. Их монотонное бормотание, до того казавшееся лишь невнятным шепотом, теперь било прямо в ее барабанные перепонки. Оно командовало, задавало ритм, оно требовало повторять паучьи движения черных пальцев, наматывающих невидимую нить на невидимые клубки, тонких черных пальцев, с кончиков которых сыплется серебряный иней…

Руку ко лбу, к холодному камешку между бровей. Простое, но многократно повторенное упражнение. Оригами снова складывается. Не совсем, только чуть-чуть, по краям. Но уже все в порядке. Блок.

— Ладно, я могу поиграть и с вами, — шепчет девушка в

желтом сари. — Уж вас-то я не обману, никуда не уйду без вас. Будет вам ваша змея, ваша добрая Кали.

И повторяя движения гундов, сама начинает медленно поворачиваться на месте. Веер ловко скользит в руку — режим «бенгали» — распадается на два веера, оба крепко приклеиваются к кистям, по одной тонкой планке на каждый палец. Третий Глаз слегка изменяет рисунок воздушных спиралей из синих и желтых нитей, видимых только его хозяйке. И она не сопротивляется мягким подсказкам, которые хореограф посылает в ее мышцы по ее же нервной системе. Все быстрее, быстрее полет двух порхающих вееров, десяти лимонных ногтей, движущихся в том же ритме, что и сороконожка из черных пальцев. И уже непонятно, кто за кем повторяет движения, кто чью нить наматывает на клубок. То ли желтое кружится в кольце черного на перекрестке — то ли черное ведет хоровод вокруг желтого?

Нужен только миг, чтобы задуматься — и сбиться.

Когда нечто, состоящее из четырех паукообразных фигур, замечает, что движется не по своей воле, оно резко ломает ритм, пытается снова собраться — и тут же теряет из виду девушку в желтом сари. Ненадолго, всего на миг.

После этого четверо гундов видят последний, самый быстрый ее пируэт. Это вообще последнее, что они видят в жизни. Но перед смертью еще успевают понять, что она-то на самом деле стоит неподвижно, раскинув руки, а летят вокруг нее они сами, налетая шеями на лезвия вееров.

Три вдоха-выдоха, восстановить дыхание. Вернуться в себя, медленно опустить непослушные руки. Остановить их дрожь, которая тут же перекидывается и на ноги. Поздно.

Вэри покачнулась, и спасаясь от падения, быстро села на ближайший обломок стены. Под ее весом обломок треснул, и она съехала на землю. Все вокруг замерло, словно остановилось время. Из головы исчезли все мысли — но лишь на миг, один прекрасный миг пустоты.

В следующее мгновение в эту пустоту выскочила из глубин памяти старая депрессивная формула, с которой она так долго боролась самыми позитивными самовнушениями.

«Все, чего я касаюсь, разваливается».

Вставать не хотелось. Не хотелось вообще ничего.

# # # #

Она не заметила, сколько времени просидела так, обхватив колени руками и словно бы со стороны наблюдая, как какая-то

маленькая часть ее сознания еще борется с накатившей апатией. Дикая усталость в мышцах и вязкий комок в животе требовали свернуться клубочком и так лежать, лежать…

Лишь яркое пятно, возникшее впереди, не позволило расслабиться окончательно.

Вишневое сари наставницы! К тому времени, когда Марта подошла к перекрестку, Вэри уже стряхнула с себя оцепенение и поднялась. Но не успела сделать и трех шагов навстречу, как Марта раздвоилась.

Вторая Марта, блеклая, полупрозрачная, оказалась совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

— Ты решила попугать меня обликами? — Вэри шагнула навстречу левой фигуре, которая появилась первой и была более четкой.

— Мы видим так, как думаем. Верно, куколка? — сказала правая Марта, расплывчатая.

— Возможно, но…

Мир вспыхнул и погрузился во тьму. Вэри вскрикнула — скорее от неожиданности, чем от боли. Удар веером по глазам не был особенно сильным, но ослепил.

— Ты хорошо закрепила этот узелок? — голос Марты был как жидкий азот.

— «Видим так, как думаем. А думаем так, как говорим. В результате видим так, как говорим», — отчеканила Вэри.

— Наконец-то. Игра в цитаты — не лучший способ идентификации, но все же… Теперь открой глаза и посмотри.

Зрение вернулось быстро, хотя перед глазами еще несколько секунд плавали красно-зеленые рыбки и приходилось часто моргать. Зато стало видно то, что заставило невольно отступить и поднять веер.

Теперь более четкой была правая Марта — она полностью отключила ноблик. А через дорогу, на месте первой Марты, которую Вэри приняла за настоящую, кривлялась странная сиреневая тень.

— Я давно поняла, что ты обожаешь дзенские методы обучения, — заметила настоящая Марта, обмахиваясь веером. — Прямо на лету схватываешь! Прошлый раз один удар по печени научил тебя проверять вертикальный параллакс стереопроекций. Теперь вот с частотой разобрались. А заодно и вспомнили методы альтернативной идентификации по общим глоссам. Хорошо хоть в отношении аудио у тебя врожденный талант. А то бы я тебе уже все уши отбила.

Вэри на всякий случай нагнула голову и проверила вертикальный параллакс. Нет, с такой точки зрения сиреневая

тень не утратила объема. Но и не приобрела — ее по-прежнему лихорадило в каком-то фрактальном состоянии между вторым и третьим измерениями. Вэри тряхнула головой. Фантом исчез совсем.

— Ох, ну и грязища у тебя тут. А ведь люди просто пообщаться хотели.

Марта брезгливо оглядела трупы. Затем закрыла глаза и словно бы заснула на миг, изучая Ткань.

— М-да, раскроила ты платочек… Теперь местные банды гундов еще неделю будут делить освободившийся участок. Минус двадцать человек как минимум. Плюс опасная ниточка в здешнее временное правительство. И зачем было так строчить, милая? Лучше бы по сторонам смотрела внимательней.

— Но я же прострочила их полностью! И полностью вывела на свою… — начала Вэри.

Наставница подошла вплотную и посмотрела на нее сверху вниз. Можно было не продолжать.

— Как видишь, не полностью. Был еще кое-кто. Ты увлеклась красивой тамбурной петлей и не заметила, что тебе вдели двойную нитку. Сколько раз тебе объяснять, шпилька! — самая опасная прошивка ждет тебя как раз тогда, когда ты расслабилась.

— Это был ваянг?

— Какая разница? Было сказано: никакого рукоделия! К чему так рисковать, если ты не умеешь разутюжить самую обычную складку? Да еще в день экзамена… Даже когда Артель пришивает кого-то с помощью максимально выверенного несчастного случая или болезни — даже тогда дыры остаются огромные. А уж тут… Ох, будь ты мужчиной, я бы тебе точно что-нибудь отпорола! Ладно, сейчас не время для курсов кройки. Нас ждет Совет, чтобы утвердить твое поступление.

— Но ты же сказала, что я уже…

— Формально ты еще не «уже». Экзамен сдан, но оценка не вынесена. Они хотят тебя видеть. Шевели ногами! И вот эти бирюльки подшей куда следует. — На ладони Марты лежали знакомые серьги-каури. — За утерю такого оборудования можно схлопотать приличный штраф. А за умышленное выбрасывание — тем более.

Вэри покорно вернула серьги на уши и поспешила за наставницей. На следующем перекрестке — если можно считать перекрестком очередное пустое место между развалинами — Марта остановилась.

— Сунь-ка руку вон в тот контейнер.

Вэри присела и подняла за угол гнилой деревянный ящик,

еще не успев сообразить, что контейнером назван самый настоящий гроб. Но полусгнившая рука, упавшая ей на колени, разрешила все сомнения. Вэри уронила «ящик» и отскочила. Из гроба выкатился череп, из черепа выпали ложка, солонка, курительная трубка и пара дремочипов. Кем бы ни был покойник, его похоронили с удобствами.

— Ох, ну сколько можно возиться, детка…

Марта сунула руку прямо в то, что казалось безобразным трупом, и вытащила метлу и зонтик. Зонтик протянула ученице. Вэри наконец поняла, что это.

— Странный способ маскировки, — пробормотала она, чтобы хоть как-то обозначить окончание своего замешательства.

— Точно. Никогда не видела гробов ни в Третьей Калькутте, ни в Четвертой. Тут принято сжигать трупы, а потом бросать полуобгоревшие тела в океан или в ближайшую подворотню. Напомни, чтобы я срезала пару нашивок тому халтурщику, который оставил нам этот тайник. То, что дерево хорошо изолирует от индукционных паразитов, еще не повод так подставляться… Чего стоишь, распаковывай!

— Мы полетим на Совет… на аэрикшах?

— Нет, на розовых киберслонах! — передразнила наставница. Потом выпрямила спину и приставила к ней метлу. Черенок метлы расплющился и прильнул к позвоночнику, прутья начали расти и ветвиться. Промежутки между ними тут же затягивались пленкой, образуя крылья.

— Разве я тебе не говорила, что на этом континенте нет ни кибов, ни телегонов?

— Ты много чего говорила! — огрызнулась Вэри, активируя своего аэрикшу. — Ты говорила, что меня назначат старшей феей или даже младшим модельером, если я стану настоящей Кои. Я полгода училась жить без техники, без чипов. Они меня приняли — и для чего? Чтобы сдавать еще один дурацкий экзамен, чтобы снова воткнуть себе в голову эту тварь, эту уродливую помесь осьминога с летучей мышью…

— Насчет летучей мыши — это ты порешь, шпилька. Хотя принцип связи твоего мозга с Тканью через Третий Глаз действительно похож на сонарную. Но орать на всю улицу о функциях этого устройства не стоит. Даже думать об этом забудь. Биочип, замаскированный под хореограф, корректирует работу твоего поврежденного зрительного нерва. Ничего больше. Запомни.

— Да? А я запомнила другое: за такой продвинутый имплант любую Кои не то что изгнали бы из секты, а попросту удавили бы свои же сестры. А еще ты говорила, что вы не тронете эту

клинику. Но я видела военные кибы, которые полетели ее утюжить.

К глазам снова подступили слезы. Касаться холодного камешка в этот раз не пришлось, обычная задержка дыхания вернула равновесие. Но одна мокрая змейка все-таки выползла на щеку.

— Во-первых, не утюжить. Но об этом позже. — Марта подобрала сари, и аэрикша аккуратно обволок ее ремнями безопасности. — Во-вторых, мой тебе совет: заштопай рот к тому времени, когда мы приземлимся. А лицо вытри, такая декатировка нам сейчас ни к чему.

— Тебя совсем не интересует мое мнение, да?

— Не беспокойся, куколка. Когда у тебя появится свое мнение, я замечу это первой. Но вообще имей в виду: в твоем возрасте «своим мнением» люди обычно называют чужие заблуждения, авторов которых уже не могут вспомнить.

Она взмыла вверх и понеслась к центру города так быстро, что Вэри, взлетевшая сразу за ней, успела бросить лишь один короткий взгляд назад. Туда, где еще недавно стояли фантомные развалины посреди озера с широким кольцом инея вдоль берега. Теперь, когда защитный облик клиники был полностью отключен, у мертвого глаза-озера появился живой зеленый зрачок. Он беспомощно уставился в небо и медленно тускнел.

ЛОГ 7 (СОЛ)

— Тестирование на близнецах. Неужели неинтересно?

Сол, оторвавшийся от Кобаяси на полкоридора, остановился. Поговорить с Ли так и не удалось. После обеда старик удалился, сославшись на необходимость разнести послеобеденную почту. Зато на хвост сел маркетолог — а уж он-то был знатной рыбой-прилипалой.

— Почему на близнецах?

— А ты съездишь со мной к парню Мэнсона?

— Шитый Баг! Ты можешь хоть на какой-то вопрос ответить без выгоды для себя, Кобо?

— Конечно нет. Иначе я бы тут не работал. — Кобаяси показал два ряда черно-желтых зубов.

В свечном викторианском сумраке бара Сол не заметил, что зубы японца отделаны по последнему каталогу декоративного кариеса. Но здесь, в светлом коридоре студии, художественная дентура блистала во всей красе.

Да и одежда соответствовала зубной черно-желтой палитре. Теперь, когда сюртук морфировался в пиджак и высокий ворот исчез, стало видно сорочку цвета «свежесть эпохи Мейдзи». На прошлой неделе во время такого же совместного обеда Шейла как раз восхищалась новомодной эстетикой «псевдогрязной одежды», но ужасалась от цен. Видимо, Кобаяси решил блеснуть. Однако полностью изменять своим прежним вкусам не стал: поверх сорочки был надет все тот же искин идеально черного цвета. Настоящая засада для оптических сканеров — светопоглощающий ворс из углеродных нанотрубок даже для человеческого глаза создавал ощущение, что это не выпуклый объект, а наоборот, дыра в пространстве. Сола это раздражало почти так же сильно, как сам Кобаяси.

— Ну ладно, ладно! — Японец был уже рядом и теперь пытался подхватить Сола под руку. — Чего не сделаешь для друзей! И кому какое дело, что ребята Мэнсона по старинке держат всю свою интель и даже идель в секрете! Если лучший сценарист «Дремлин-Студиос» хочет знать — имеет право. Я тоже считаю, что концепция скрытой от других интеллектуальной, а тем более идеальной собственности в эпоху существования таких более гибких видов лицензирования, как…

— Извини, Кобо, мне пора. К тому же ты слишком сильно фумишь.

Наконец-то придумалась реалистичная отмазка, обрадовался Сол. В подборе ароматов, как и во всем остальном, Кобаяси

следовал самым свежим тенденциям. Во время обеда личные ароматизаторы из приличия отключались. Но теперь Сол в полной мере прочувствовал, что хит сезона — бактерицидная органика: вслед за японцем по коридору прикатилась мощная чесночная аэроволна. Сол настроился изобразить аллергию. Вот сейчас надо закашляться…

— Перестань, Солли-сан. Я лишь хотел привлечь твое внимание к тому, насколько несправедливо и даже преступно с их стороны скрывать от тебя столь важную инфу. Дело в том, что близнецы видят каждый дремль практически одинаково.

— Его все клиенты должны видеть одинаково… — буркнул Сол, прекрасно понимая, что это не так.

Уж кто-то, а Кобаяси умел ловить на интерес. Отклонение дремля от сценария — одна из редких технических проблем, которые должен учитывать даже сценарист. Дремль — это вам не пассивная голодрама, где намертво зафиксирован и сюжет, и детали. Но это и не иммерсионный футбол на Луне, где арендованное телетело спортсмена делает все, чего захочется земному оператору. В дремле нужно провести зрителя по заданному маршруту, но провести так, чтобы между интерлюдиями он имел определенную свободу действий. Идеальный дремль — такое прохождение сценария, после которого у человека остается ощущение, что все повороты он выбрал сам.

С непрофессиональными работами обычно иначе бывает. На первой же развилке человек теряется, тычется во что попало, зацикливается… Или наоборот, дремастер с самого начала так жестко задает путь, что клиент даже собственные руки в дремле не видит. В обоих случаях — скандалы, возврат товара. И хорошо, если человек не обращается к юрискину или журискину.

Поэтому приходится не только просчитывать дисперсионные коэффициенты при работе со сценарием, но и тестировать готовые дремли на разных странных типах. И что самое ужасное — коррекция сценария и новое тестирование вовсе не гарантируют, что дремль стал лучше. Ведь у человека-тестера с тех пор тысячу раз сменилась вся психохимия. Покажи ему тот же дремль без исправлений, он все равно увидит его по-другому. И как тут угадывать, помогла ли коррекция?

Но если близнецы действительно проходят дремли одинаково… Хм-м. Ну да, тогда можно было бы…

Сол отвлекся от размышлений и обнаружил, что Кобаяси внимательно разглядывает его лицо. Кариесная улыбка японца стала еще шире.

— Вижу, ты меня понял, Солли-сан. Это только идель. Но

даже это мне стоило. О более подробной интели я и не заикался пока. Но если надо — человек Мэнсона, к которому мы едем, расскажет детали. Конечно, если ты поможешь мне договориться, чтобы он перешел работать к нам. Или хотя бы продал нам еще кое-что.

— Нет. — Сол запахнул макинтош. — Я уже говорил, Кобо. После той околевшей девицы я больше не участвую в твоих махинациях. У меня до сих пор перед глазами ее улыбочка и синие пузырьки на губах. Кроме того, мне самому надо кое-куда съездить срочно.

Он дошел наконец до конца коридора. Дверь лифта отъехала, Сол вошел в кабинку и развернулся. Кобаяси стоял посреди коридора и смотрел на него исподлобья, как задиристый подросток.

Лифт начал закрываться.

— Я могу рассказать, как они делают дремли без дремодемов, — произнес Кобаяси, поднимая голову.

Дверь лифта ткнулась в кожаный ботинок Сола и поехала обратно. Вмятина на ботинке медленно исчезала. Сол любил цельнорощенную обувь: никаких тебе умных подстроек на каждом шагу, просто медленное возвращение к начальной форме.

Кобаяси опять показал свою кариесную инкрустацию.

— Одно удовольствие с тобой общаться, Солли-сан. Рамакришна прав: под маской дремастера в тебе прячется настоящий торгаш.

Сол вышел из лифта.

— Ты подслушиваешь всех на свете или только начальство?

— Только тех, кто говорит дельные вещи. Ваши с Рамой разговоры — просто россыпи интелей, не защищенных ни шарой, ни корпи. Вы бы хоть шифровались, что ли.

— Теперь будем.

Сол глубоко вздохнул. Надо сразу настроиться, что каждая следующая фраза Кобаяси будет портить настроение. Молодой японец обладал поразительной способностью отслеживать болевые точки и давить на них. Рамакришна рассказывал, что это — следствие особой подготовки: до студии Кобаяси несколько лет работал в добреле. А там именно этому и учат. Обрабатывать.

— Могу подкинуть свеженький нейрокрипт, — подмигнул японец. — Ретровирусная защита из лучших лабов Нового Киото. Один укол, и тут же начинаешь говорить на синтешумерском. Причем для каждой дискуссии генерится новый диалект. Если уговоришь Раму оснастить этой криптозащитой всех людей «Дремлина», я могу подшустрить, чтобы нам ее поставили по самым низким….

— Ближе к делу. Что тебе надо от меня сейчас?

— Ты едешь со мной к парню Мэнсона. А я рассказываю тебе, что за баговину придумал этот самый «Дремок», который сегодня утром заставил нервничать нашего любимого Раму. Тебе не придется самому выяснять. И уж тем более не придется тестировать на себе. Но за это ты поможешь мне перекупить спеца из «Мэнсон Сисоу». Идет?

— Гарантируешь, что меня не отравят?

— Перестань, Солли! Ты так зациклился на том маленьком недоразумении. А ведь сам виноват! Чем ты ел пять минут назад?

— Палочками…

— Вот именно, палочками. Неизвестного производства и без всякой способности к мышлению! — Кобаяси засунул руку под пиджак, куда-то за спину. — Мышление нужно, понимаешь?

— На себя посмотри, умник.

— Сразу ясно, что ты не знаток поэзии. — Кобаяси продолжал шарить у себя за спиной. — Ну-ка, попробуем еще раз: «Жадно лакает мышь из реки Сумида…»

«Может, он еще и эрогенную чесотку себе подсадил?» — подумал Сол. В тот раз за обедом Кобаяси с Шейлой обсуждали не только псевдогрязную одежду, но и тактильные стимуляторы. Шейла даже обмолвилась, что самое большое сексуальное удовольствие получает, когда чешется.

— Ну? Угадал, на что намекает это хайку? — Кобаяси перестал возиться, но руку из-под пиджака не вынимал.

— Нет, не угадал. Не люблю поэтические игры.

— Жаль. — Японец вытащил из-под полы две пластиковые палочки. — Ладно, отдам просто так. Полный контроль всей твоей жратвы. Настоящие крысиные мозги внутри. Говорят, из того лаба «Мацуситы», где их делают, недавно сбежала целая стая крыс, выращенных как раз для этих биодетекторов. Так их даже искать не стали: эти гурманы едят только немодифицированное мясо, наверняка сами передохли от голода через пару дней.

Сол осторожно взял палочки двумя пальцами. Отказываться бесполезно. Однажды они чуть не подрались с Кобаяси из-за такого отказа. Шейла потом объяснила — это не просто подарки, а какой-то дурацкий ритуал, который очень ценится у маркетологов. Для людей, торгующих огромными партиями очень абстрактных товаров, это вроде психологической разгрузки — подарить в рекламных целях реальную вещицу, которую можно потрогать руками. А уж если обменять ее на нечто такое же осязаемое у другого маркетолога, да еще перед обменом угадать товар и произнести вторую половину рекламного стишка — тут у них вообще тройной оргазм наступает. Узнав об этом

профессиональном бзике, Сол перестал тратить время на отказы. Он принимал подарки японца молча, и так же молча выкидывал полчаса спустя.

Кобаяси чего-то ждал. Наверное, благодарности. Сол кивнул. Потом рассеянно провел палочками по стене.

— Повышенная токсичность! — громко вскричал пиджак Кобаяси. — Свинец, кадмий, фторуглерод, пентахлорфенол, три…

— А, зарази тебя! — Кобаяси хлопнул себя по рукаву. — Гоку, передай искину Солли-сана драйвер пищевого сенсора. А сам переключись на другую пару, которая у меня в спинном кармане.

— Повышенная токсичность! — раздалось теперь в ушах Сола. — Пентахлорфенол, трифенил фосфат, нитроцеллюлоза, галоге…

— Маки, ты-то хоть заткнись! — Непроизвольно повторяя жест Кобаяси, Сол стукнул кулаком по макинтошу и угодил в собственную печень. — Ты же не думаешь, что я буду есть стены!

— Извини, Сол. Я не учел, что ты только что пообедал.

— У тебя очень смышленый искин, — хохотнул Кобаяси. — Жаль, на время переговоров его придется отключить.

— Это еще зачем?

— Затем, что мы едем к столовертам. Духов будем вызывать.

— При чем тут искин? Или… Погоди, ты это всерьез? Тех самых духов, которыми Ли увлекается? Которых тошнит от микроволнового излучения?

— Точно. От всего спектра. И от некоторых других спектров тоже тошнит. Только не самих духов, а их носителей.

Снова подошел лифт. Теперь они вошли в кабинку вместе. Несколько этажей оба молчали.

— Чуть не забыл! — воскликнул вдруг Кобаяси. — Гоку, договорись с искином Солли-сана о шифровании связи.

— Ты же сказал, его придется отключить, — встрепенулся Сол.

— На месте придется. А до тех пор я успею тебе кое-что рассказать. Например, как туда лететь.

— А сам не полетишь? Ну уж нет, я не согласен работать твоим телеботом!

— Успокойся, дружище. — Желтые зубы с черными узорами блеснули у самой шеи Сола, и в нос опять шибануло чесноком. — Я не из тех извращенцев, которые под видом служебной деятельности практикуют телеиммерсионные изнасилования. Правда, ничего особенного в этом нет… Подумаешь, кто-то поуправлял чужим телом! Между прочим, спортсмены-экстремалы, которые работают «чужими глазами» и другими органами — это очень уважаемые люди. Знаешь, сколько получил

тот безрукий альпинист-китаец, который прищемил один из своих пенисов в марсианском леднике? Ему не только на два новых пениса хватило, но и на собственный «челнок»! Просто у вас, последних оставшихся белых, слишком много старинных предубеждений на этот счет.

Сол стряхнул руку японца, которую тот опять умудрился незаметно просунуть ему под локоть.

— Слушай, Кобо. Если я только замечу, что ты пытаешься подключиться к моим глазам или еще куда… Имей в виду: твоя желтая задница получит кое-что совсем не дистанционное. Ты видел мои гонконгские дремли. У меня богатая фантазия, знаешь.

— Что ты, что ты! — отшатнулся японец. — Я имел в виду совсем другое. Мы с Гоку тоже туда летим, только отдельно от тебя. Но мы будем рядом. Мы прикроем нашего белого брата от всех грязных иммерастов.

# # # #

Запрет на полеты в исторической части города вспомнился Солу лишь после того, как Кобаяси велел ему взять такси. Весь последний год Сол добирался на работу телегоном и уже позабыл о существовании сомнительного удовольствия под названием «индивидуальный транспорт с ручным управлением».

Конечно, у киба есть искин, который может сам вести машину. Но только не в том случае, если приходится нырять из пробки в пробку по команде коллеги-конспиратора. Кобаяси настоял, чтобы Сол вел вручную, не зная места назначения, но повинуясь инструкциям маркетолога на каждом новом перекрестке. Для Сола, который привык размышлять в транспорте, а не смотреть на дорогу, это было настоящей пыткой. Линии динамической дорожной разметки перерисовывались прямо под брюхом машины. Перед лобовым стеклом то и дело зависали какие-то летающие полосатые палки. Руки с непривычки сильно потели на полусферах штурвала и постоянно норовили соскользнуть с них, бросая машину из стороны в сторону.

Но больше всего раздражало, что во время таких виражей аудиосимулятор киба издавал совершенно похабные стоны. Кобаяси хотел, чтобы Сол взял такси подешевле, где меньше всего вероятность прослушки. Погруженный в свои мысли, Сол только в пути заметил, что дизайн машины выполнен в стиле легкой техноэротики. Розовые кожаные сиденья имели форму голых спин, а сам штурвал с двумя мягкими сенсорными полусферами сильно напоминал девичью грудь. С этой «грудью-колесом» Сол

уже как будто свыкся. Но такие стоны… это уже чересчур.

Вдобавок настроение продолжало ухудшаться от общения с Кобаяси. Японец сдержал обещание и рассказал, как «Дремок» делает дремли без дремодема. Все выходило просто и скучно. И ничуть не помогало объяснить то, что произошло с Солом прошлой ночью.

— Теперь вверх и налево, — сказала голографическая голова Кобаяси.

Сол с облегчением поднял киб в воздух: Старый Город закончился. Пока он петлял в узких улочках даунтауна, начало темнеть. Зато теперь не придется ползать по земле, рискуя столкнуться на любом углу. Сол вернулся к прерванному разговору.

— …Но каким образом они протащили эти фармозиты через Протокол? В прошлом году «Неодремль» пытался использовать в дремодемах амфетаминовые ускорители под видом релаксантов. Так его обанкротили раньше, чем кто-либо успел подать в суд.

— А это не ускорители. Это попроще.

Сол отметил, что японец не успел внести корректировку в свой облик. У отрезанной головы Кобаяси, висящей над соседним сиденьем, зубы были такие же красные, как и месяц назад, когда в моде был «рапановый налет».

— Пищевая добавка из сверчков была известна в Старом Китае несколько веков назад. — сообщила голова Кобаяси со старым зубным дизайном. — В прошлом веке они научились синтезировать этот ПКМ-протеин. В общем-то это просто средство для улучшения памяти. Никакого привыкания и побочных эффектов. Активно использовали при обучении пилотов в Китае-2. А в Китае-3 даже рекомендовали для школьников. Но позже детям использовать запретили, потому что побочный эффект все-таки нашелся — сильная доза вызывает галлюцинации. Хотя само вещество пока вполне легально. Постой, не поднимайся высоко. Ага, вот так. Чем ближе к земле полетишь, тем лучше.

— Так ты сам пробовал?

— Конечно! Очень сильная штука!

Кобаяси покачал висящей в воздухе головой. Стало видно, что внутри она пустая, точно из рисовой бумаги.

Сол отвернулся. Он не любил облики в виде говорящих голов. Тем более что в начале полета Кобаяси, по какому-то особому обычаю, появился в кибе полностью. На нем было красное хакама, за плечами торчали лаковые рукоятки двух мечей. Все это, в сочетании с розовыми зубами, вполне можно было терпеть.

Однако после демонстрации полного облика японец тут же

показал, что не собирается попусту разряжать батарейки — и оставил висеть в воздухе одну только голову. Из-за этого она теперь и воспринималась как отрезанная. Ну не идиотские ли обычаи у этих желтков? Нет, никак нельзя допустить, чтобы мэром города снова стала японка… Баг, при чем тут мэр?!

От неожиданности Сол подскочил на месте. Оказывается, отвернувшись от головы Кобаяси, он уже несколько секунд бессознательно пялится на калейдоскопическую медузу, которая висела в воздухе прямо у него перед носом. Встряхивание головой не помогло. Медуза колыхнулась, но не исчезла, зато по ней побежали буквы. Рисовая голова Кобаяси безучастно висела на прежнем месте.

Ага, вот оно что! Спасибо периферийному зрению… Краем глаза Сол различил прилипшего к лобовому стеклу махаона с ярким стереопарным логлем на крыльях. Бабочка чуть пошевелилась. Перед носом Сола опять появилась объемная мультяшка. Она состояла из каких-то трех слов, которые словно бы пытались собраться, но как только становились почти читаемыми — тут же расплывались.

— Хочешь помыть стекло, красавчик? — игривым голосом спросил грудеобразный штурвал киба. — Всего десять киловаток!

— Спасибо, не надо. — Сол старался спокойно держать руки на полусферах и не смотреть на рекламную бабочку с логлем.

— Лучше очисти, — посоветовала голова Кобаяси. — Это новая модель, с флок-эффектом. Если первая не получила сопротивления, остальные…

Поздно. На стекло киба шлепнулся еще один махаон, за ним еще один. Через миг чмокающие удары слились в единую трель: наружная поверхность стекла с огромной скоростью покрывалась бабочками. Перед Солом закружился бешенный хоровод изображений. Теперь отвести взгляд было просто некуда: то фирменный логль, то до ужаса улыбчивое лицо, то вообще какая-то стробоскопическая мигалка зависали перед носом.

— Очистить стекло! — рявкнул Сол, щурясь в сторону последнего прозрачного участка, за которым подозрительно близко мелькала земля.

Снаружи вспыхнуло голубым, внутри пахнуло озоном. Затем все стекло заволокло пеной, которая тут же исчезла — вместе с махаонами. Видимость стала такой, словно стекла и вовсе не было. Из всего хаоса стереопроекций в кабине осталась только голова Кобаяси.

Несколько минут летели молча. Первым заговорил японец.

— Тебе, белый брат, даже и не снилась та кадровая комиссия, которую мне пришлось пройти, чтобы попасть в «Дремлин-

Студиос», — печально произнесла отрезанная голова. — Вас, творческих людей, днем с лазером ищут, чтобы заманить на работу. А нам, простым работникам торговли, приходится зубами вгрызаться…

— Ты это к чему? Мы вроде обсуждали «Дремок», а не нашу студию, — напомнил Сол.

— Но ты же спросил, использовал ли я ПКМ. А кто у нас его не использовал? Когда тебя экзаменуют в комнате с девятью разными детекторами лжи, плюс экранирование всех спектров… Что еще остается делать? Только это и помогает: пара укольчиков для улучшения памяти.

— Я спрашивал другое. Пробовал ли ты смотреть дремли под этой штукой?

— А-а, это! Нет, конечно. Знаешь, мне одного раза хватило, когда я перед экзаменом всадил двойную дозу. Потом неделю не отделаться было. Только закрою глаза — формулы вирусного маркетинга, фрактальные графики биржевого прогнозирования, динамика социальных сетей в ускоренной анимации… Открою глаза — все те же формулы, только на стенах да на потолке. Неужели ты думаешь, я стал бы то же самое пробовать с дремлями? Да я их и так по десять раз смотрю на разных презентациях. После этого они все у меня перед глазами стоят и без ПКМ. Особенно твои гонконгские, хе-хе!

— Но ведь Рама говорил, что «задержанный дремль» — это не просто воспоминания. Человек видит настоящие дремли, причем не надевая дремодема в течение… Шитый Баг!

Сол на миг замешкался и едва не врезался во встречный киб, спикировавший откуда-то сверху на огромный голый утес посреди болота. При внимательном рассмотрении скала оказалась жилым особняком. Вокруг виднелось еще несколько таких же скалистых строений. Некоторые даже заросли травой и кустами. Из расселины в ближайшем доме-скале вылез охранный рободракон, громко пискнул в сторону Сола и снова скрылся.

«И что за извращенец придумал этот органический дизайн! — мысленно выругался Сол, поднимая киб повыше. — Уже и спальный район не отличишь от дикой местности.»

— В течение?… — мягко переспросил Кобаяси. В голосе звучала осторожность хищника, заметившего хвост добычи.

— Ну, какое-то время.

Уж кому-кому, а этому желтому проныре он точно не будет рассказывать, что не пользовался дремодемом уже несколько месяцев. И не принимал никаких веществ. И тем не менее, вчера увидел дремль, который…

— Рама мне сказал, что вроде как пару дней. — Сол

попытался вспомнить, что говорил Рамакришна. — Какой-то эффект задержки. Только он не в курсе, как это можно сделать.

— С помощью ПКМ, — кивнул облик Кобаяси. — Я же говорю, от него бывают реальные глюки. И плюс к тому, «флэшбэк» — это когда глюк повторяется через некоторое время, даже если ты ничего не принимал. Их дремодем вкатывает клиенту дозу перед самым дремлем. Дремль программирует галлюцинацию. Потом она повторяется на «флэшбэке», без дремодема. Возьми-ка левее, вон на того монстра с нечеловеческими яйцами.

Сол молча повиновался. Нечто, висящее в небе прямо по курсу, по мере приближения приобрело вполне различимые очертания, утратив загадочность — а с ней и привлекательность. Обычный воздушный коммут банды технокочевников: шесть огромных шаров держат в небе платформу с аппаратурой связи, прямо над местом стоянки табора.

— Почему ты сам не сказал Рамакришне, что «Дремок» использует наркотики? — спросил Сол после непродолжительного раздумья.

— Видишь ли… — Кобаяси замялся. — Нам все равно придется активнее работать с фармозитами. Сейчас все на это переходят. Не исключено, что вскоре появятся поправки к Протоколу, разрешающие продавать слабые ускорители для дремлей. А уж средство, которое использует «Дремок», вообще не является запрещенным. И в обоих случаях химия позволяет достигнуть более ярких эффектов, чем наши лучшие нейроконтроллеры.

— Ну так и скажи об этом завтра на утренней «летучке».

— Будет лучше, если ты скажешь, Солли-сан. Рама ценит твое мнение. Даже если он не согласится на полный разворот, с галлюциногенами и ускорителями, ему наверняка понравится идея увеличить выпуск аромадремлей или еще каких-нибудь дремлей с добавками. А там, глядишь, расширим ассортимент… Но поднести этот идель Раме должен именно ты. У тебя к нему есть подход.

— Сволочь ты, — перебил Сол. — Опять меня используешь. Это у тебя называется обменять одолжение на одолжение? Не прошло и получаса, как я уже должен тебе два, а ты мне — ни одного. Развернусь вот сейчас и полечу домой.

Против ожидания, Кобаяси не бросился отговаривать. Некоторое время голова с красными зубами висела над соседним сиденьем совершенно неподвижно. Заинтригованный, Сол продолжал лететь прямо. Голова неожиданно произнесла усталым голосом:

— Ты просто сам не знаешь, Солли-сан, чего тебе в жизни

надо. Знал бы — стремился бы получить любыми способами, как я. А если ты все равно не знаешь и не стремишься, то почему бы не помочь другому человеку достичь его целей? В конце концов, на одну контору работаем.

Ответить было нечего. Кобаяси прав: Сол не знал, чего ищет. Это относилось не только к дремлю без дремодема, но и ко всей его жизни. По сути, это было его талантом. Только человек, чей взгляд на мир не скован рамочками ближних целей, способен заметить то, чего не замечают другие.

Долгие годы эта идея была чем-то вроде личного творческого девиза Сола. Но сейчас появилось неожиданное философское продолжение. А что, если странное явление вроде дремля без дремодема явилось следствием именно такого «безрамочного» взгляда на жизнь? Невозможно было бы представить, что нечто подобное произошло с Кобаяси. Все, что случалось в жизни маркетолога, было таким же конкретным, как его отношение к этой жизни. Он просто не заметил бы того, что не вписалось.

А вот если человек принципиально живет без особого смысла… Ну да, было бы вполне естественно, если бы в жизни такого человека наконец начали происходить события, лишенные смысла. И как он раньше не подумал об этом? Ведущий сценарист «Дремлин Студиос» тихонько свихнулся от собственной интеллектуальной свободы, а теперь зачем-то ищет осмысленное объяснение своему бреду…

Да и видел ли он этот дремль вообще? Может, его память тоже решила жить без рамочек — и выстроила свое содержимое в случайном порядке?

От следующей, еще более ужасной догадки вздрогнул весь киб, потому что Сол слишком резко вцепился в руль. Собственный искин машины счел это дурным знаком и самостоятельно сбросил скорость. Раздраженный женский голос из штурвала предложил передать управление искину-водителю либо подтвердить, что все в порядке.

Сол подтвердил. И даже на всякий случай осмотрел штурвал: не поцарапал ли «грудь»? Нет, мягкие полусферы сохраняли идеальный вид. Но неприятная мысль продолжала развиваться.

Рамакришна как-то рассказывал, что самая большая гадость для мультиперсонала — это когда его субличности не контачат. Иногда в таких случаях они и вовсе не знают друг о друге. Или одна смутно ощущает присутствие другой… в виде странных воспоминаний.

А еще Рама шутил, что сценарным фантазиям Сола позавидовали бы многие мультики.

С другой стороны, Маки должен был отследить такие

странности хозяина. Да, но только если тот, другой-Сол, не перегрузил искин, вернувшись после своего приключения… Баг, да как же мне узнать, что происходит в моей собственной голове?

Конечно, если переключения субличностей случаются у него не в первый раз, окружающие могли заметить. Сол снова взглянул на Кобаяси. Голографическая голова с застывшей улыбкой смотрела вперед. Но почему Кобаяси заговорил вдруг про отсутствие целей, про разброс интересов? Может, уже заметил?

— Сегодня у меня вроде появилась цель… — пробормотал Сол. — А толку все равно никакого.

— Ты про эти дремли с задержкой, что ли? Да брось, разве это цель.

— Нет, «Дремок» тут ни при чем. Просто я… задумал новый сценарий, как ты в обед угадал. Что-то типа вложенного дремля.

— …Запрещенного Женевской конвенцией, точно? — подмигнула голова Кобаяси. — Так бы и говорил сразу. Можешь на меня положиться. У меня такие криптодиллеры есть… Все будет полностью анонимно и по самым высоким ценам.

— Дело не в покупателе.

Интересно, можно ли изложить суть дела на языке маркетолога? Во время обеда Сол уже слышал реакцию Кобаяси на свою историю про дремль без дремодема. Однако последний выпад японца, насчет бесцельной жизни, показал, что Кобаяси может сказать гораздо больше, если переформулировать задачу… более прагматично?

— Понимаешь, в таком продукте очень сложно отследить дисперсионный эффект… как раз в точке выхода из вложенного дремля. — Сол медленно подбирал слова. — Вот представь: парень, только что увидевший классный дремль, вдруг попадает обратно в свою комнату. Он видит, что дремодем валяется рядом. Допустим, мы заставили его поверить, что он действительно проснулся. Но что он будет делать дальше? В обычном дремле все ясно: там сразу подбрасывается какой-то набор ключей. А здесь, в своей комнате… Если чего-то добавишь, он сразу заметит, что дремль продолжается.

— Понял, понял… Вон те холмы видишь? Рули туда. Только поднимись повыше.

«Хреновый из меня прагматик, — подумал Сол. — Кажется, он догадался, о чем я спрашиваю».

Голова Кобаяси застыла: маркетолог занимался какими-то своими делами. Может, уже звонит в пункт помощи сбесившимся мультикам? «Извините, у меня тут ведущий сценарист „Дремлин Студиос“… Его личность, кажется, расщепилась. Ситуация может выйти из-под контроля. Да, в настоящее время он вручную

управляет транспортным средством на большой высоте».

— Левее, Солли-сан. Не снижайся пока.

Еще пара минут тишины. Холмы приближались.

— Извини, что отключился, — снова заговорил Кобаяси. — Я тут еще свой киб веду, только с другой стороны и под водой. Тебя вроде правильно вывел, а сам малость промахнулся. Какой-то совсем новый логль все стекло залепил. Огромная плавающая пицца с именем мэра из оливок и пепперони. Видел такие? Мы с Гоку еле вырубили его. Ненавижу эти предвыборные деньки! У моего искина второй дан по такси-до, он по целых пять секунд медитирует на каждом повороте, вычисляя благоприятное направление — а что толку?

Сол оглядел горизонт. Сплошные холмы, ни намека на водоемы. До океана миль тридцать. Неужто этот хитрый японец просто заболтал его, чтобы послать на место в одиночку?

— По поводу твоей проблемы с дисперсией… — продолжил Кобаяси. — Есть кой-какой идель на тему. Связано как раз с тем типом, к которому мы летим. Только обещай мне, что не будешь с ним трепаться, пока я не появлюсь. Это важно.

Значит, все-таки не врет. Прилетит сам. И на том спасибо.

— Обещаю, не буду. А что хоть за тип, чего нам от него надо?

— Много чего. Ты же знаешь, в делах персональной рекламы порнушники впереди всех. Кроме церкви, конечно.

«Какой церкви?», чуть было не спросил Сол. Но вовремя остановился, вспомнив одну важную вещь. Каждый лишний вопрос — это новый крючок, на который его ловит Кобаяси, большой знаток торговли информацией. Нужно поменьше задавать вопросов. Зато побольше сомневаться.

«И почему я всегда вспоминаю об этом так поздно?» — вздохнул Сол.

Как ни странно, Кобаяси в этот момент тоже вздохнул, вполне искренне — скорее всего, от зависти к упомянутым лидерам своей отрасли. А может, оттого, что на его теперешнем месте работы использовали не столь передовые методы. Солу вспомнился разговор про иммерастов и «комплексы белых».

— В нейропаттернах спящего человека есть так называемые «блуждающие огни», — тоном заезженного искина-гувернера заговорил Кобаяси. — Считается, что это следы какого-то дневного возбуждения, связанного с сильными впечатлениями.

— Ты собираешься покупать это великое открытие? — фыркнул Сол. — Да это же известно любому студенту начального курса дремастерства! Ну да, в медленной фазе сна мозг отдыхает, зато в быстрой очень активен, и это лучшая фаза для трансляции дремля. К сожалению, в этой фазе действительно активизируются

очаги остаточного возбуждения. Дремодем гасит их с помощью разных амнестических агентов, чтобы не мешали крутить дремль.

— Верно. Но люди Мэнсона придумали кое-что покруче. Они научились отслеживать по нейропаттерну, в чем суть остаточного возбуждения в каждом конкретном случае. А затем использовать это для динамической персональной рекламы. Вместо того чтобы глушить «блуждающие огни», дремодем Мэнсона подцепляет их к сценарию.

— Как это — подцепляет?

— Подробный интель я еще не видел, — признался Кобаяси. — Мы за этим и летим. Я пока знаю только первичный идель, о котором Рама мне рассказывал всего две минуты. При этом он еще ругался с женой, тещей и одной из любовниц. А в таких случаях у него скорость переключения очень высокая.

— Могу себе представить… — Сол снова представил себя самого в роли мультиперсонала: одна субличность где-то шляется по ночам, другая потом расхлебывает.

— В общем, они подстраивают сценарий дремля под эту активную зону… Э-э, погоди, куда это ты летишь? Левее давай, нам не этот холм нужен.

Действительно, Сол в задумчивости слегка отклонился от курса и невольно направил киб в сторону холма, чем-то отличающегося от остальных. Странное шевеление, которое он издали принял за толпу людей в белом, не имело ничего общего с людьми. Теперь было видно, что на холм со всех сторон сползаются белые камни. На вершине огромные продолговатые валуны вставали дыбом, образуя круг. Булыжники поменьше забирались на них сверху. Когда киб оказался над холмом, каменная ограда замерла.

— Что это было? — Сол снова набрал высоту и развернулся, как подсказал Кобаяси. В мониторе заднего обзора покинутые камни снова стали расползаться.

— Давненько ты не был за городом, большой белый брат, — захихикала голова японца. — Хотя и правда, многовато гадостей на полчаса полета… Сначала махаоны новой модели, теперь вот эта завлекалка для туристов. Да и вокруг меня какие-то ужасные логли плавают, Гоку еле успевает чистить корпус. Не иначе как столоверты решили подстраховаться. Запустили пару слоев мусорной защиты на основных транспортных путях, чтоб посторонних сбить.

— Если твои дружки из «Мэнсон Сисоу» точно так же запускают свою поэзию в дремли, не завидую их биржевым показателям…

— В том-то и дело, что так грубо вставляем ее мы.

Прикидываем предпочтения клиента на основе того, что он смотрел раньше, какая у него профессия, ну и так далее. Это неэффективно, и вдобавок на грани легальности. На всех развитых континентах давно запрещена безличная реклама, не подтвержденная интересом потребителя в заданной сфере. Скоро и наша мэрша обещала такой закон подкликать.

— А Мэнсон что же, невинная овечка?

— В этом отношении — да. Они привязывают рекламу к конкретным проблемам пользователя. А проблемы можно отследить по тем самым зонам остаточного возбуждения. Скажем, человек днем проиграл на рободроме. У него осталась эта неприятность в мозгу. Она его гложет даже во сне — по нейросети блуждает «огонек». Дремодем отслеживает эту картинку и корректирует дремль. Если это классический мэнсоновский хардкор, то парня начинает насиловать та самая марсианская робобурилка, которая выиграла у него на рободроме. Но в конце концов клиент сваливает инфернального неорга с помощью подвернувшегося под руку… э-э-э…

— Ну-ну? — Сол едва сдерживал смех.

— Ну, не знаю. Например, с помощью универсального карманного хаптика «Нанопак-Спорт».

Голова Кобаяси так комично наморщила полированный лоб, что Сол не удержал смешок. В нем проснулся сценарист. И как это частенько бывало, на фоне даже маленького приступа профессионального интереса все остальное сразу упростилось. Настроение стало улучшаться. Страхи насчет раздвоения личности показались дешевой выдумкой… вот-вот, для порнотриллера. Рамакришна много раз рассказывал, как люди становятся мультиками. Ничего похожего.

А хоть бы и стал? При современной медицине мультики живут даже лучше моников. По крайней мере, сценаристы из них самые лучшие. Взять того же Раму — не успевает отбиваться от деловых партнерш с самыми высокими и стройными технологиями.

— Чего ты ржешь, очень удобная вещь! — Кобаяси, похоже, всерьез решил отстаивать свой рекламный мини-сценарий. — Там бейсбольная бита, две ракетки, вибратор и удочка. Все в одном хаптике. Просто берешь его в руку и говоришь, в какой форме распаковаться. Кстати, «Нанопак» неплохо платит за свою поэзию в дремлях… Вон тот холм, рядом с которым куча кибов, видишь? Садись там.

Сол опустил киб на зеленую лужайку между холмами. И сразу отметил, что рядом нет ни одного дешевого такси, ни одного взятого напрокат гирокоптера с забродившей биотеслой.

Да что там такси! Стоящие на поляне кибы, похожие на шляпки огромных грибов, не просто выдавали достаток хозяев. Большинство из них были женскими моделями — плавные линии, неброские цвета… Никаких ярких, грубо торчащих финтифлюшек в мужском ретро-стиле. Ближе к лесу стояла даже пара изящных меганевр, их тонкие прозрачные крылья поблескивали в сумерках. Столь высокое собрание среди нежилых холмов наводило на мысль о пикнике политических деятельниц или экзеков высшего звена.

— Марсианскую робобурилку не уложишь раскладной теннисной ракеткой, — задумчиво пробормотал Сол, разглядывая пижонскую парковку из своего ободранного такси.

— А чем надо?

— Ну, обычно в этом случае используют пищевые палочки «Мацусита» со встроенным анализатором жратвы.

— Ага, белый брат начал острить. Значит, врубается.

— Я понял только, что ты сам ни Бага не знаешь про эти «блуждающие огни» и их использование.

— Успокойся, люди Мэнсона понимают в этом не больше моего. — Голова Кобаяси сверкнула красными зубами. — Они стащили этот интель из лаборатории нейротеологии отца Саймона. «Сады Саймона» знаешь? Вот у кого самый мощный интель! Они там проводили подробнейшее оптическое сканирование мозгов тысяч людей во время религиозных экстазов. И на основе этого создали искин-сервис под названием «Телеванг». В его основе — как раз тот самый дремль с отслеживанием остаточных возбуждений. Говорят, первой версией этой игрушки был «верт». Но в нем они несколько обсчитались с функцией удовлетворения.

— О-о, так я и знал… — проворчал Сол. — Это та самая гадость, от которой девица из «Сексодрема» умерла у меня на руках, да? Ты мне тогда тоже обещал, что мы лишь перекупим у нее кое-какой второсортный интель.

— Так она потому и умерла, что в большие игры сунулась со своей игрушечной студией. Я ей честно предлагал: переходи под нашу шару, хватит торговаться! Если даже сам Саймон не смог удержать эту технологию у себя… Не знаю даже, что там случилось. Знаю только, что Мэнсон послал к нему пару каких-то уродов, они выжали этого попа как говорящий лимон. А сегодня Мэнсон предложил Рамакришне продавать такие дремли через нас. Захотел подстраховаться, хитрец! Рама отказался, но я убедил его, что мы можем просто перекупить этот интель и самостоятельно делать такой продукт.

— Теперь я точно не врубаюсь. — Сол попробовал было

отстегнуть ремень безопасности, но тот не давался. — Если ты не знаешь, как оно работает, и этот твой перебежчик от Мэнсона тоже не знает… Как ты, интересно, собираешься вести с ним переговоры?

— А никак. Переговоры будешь вести ты, как самый умный. Я буду наблюдать. Мне нужно только понять, продает ли он нам интель Саймона или хочет впарить какой-то голяк. А для этого надо лишь понаблюдать за лицом, причем с третьей стороны.

— Знаю, знаю… ваши добрельские штучки… — Сол снова подергал застрявший ремень безопасности.

Однако вместо того, чтобы отпустить пассажира, ремень вдруг начал расширяться и еще плотнее облеплять тело. В памяти всплыл заголовок из вчерашнего новостного куреля: «Загадочная смерть отца Саймона».

Сол изо всех сил рванулся из кресла. Это привело лишь к тому, что ремень расширился до размеров простыни и крепко запеленал всю верхнюю половину Сола. Край эластичной ткани сдавил горло.

— На помощь! Маки! — прохрипел Сол.

— Ты забыл оплатить дополнительную помывку стекла, красавчик! — развратным голосом сообщил грудеобразный штурвал.

— О Баг! Маки, почему ты не заплатил…

— Ты же вроде не хотел, Сол. Может, имеет смысл подать на них в суд? Юрискин будет здесь через пару минут.

— Я раньше задохнусь, глупая тряпка! Выдай ей, сколько надо, сейчас же!

Щелк-щелк.

— Спасибо, что воспользовался услугами компании «Аэрос», пупсик! Напоминаю, что прежде чем покинуть наше такси, ты как хорошо зарекомендовавший себя клиент имеешь право на льготный сеанс антистрессового эротического массажа всего за…

— Не надо. Жди здесь моего возвращения, мне еще обратно лететь.

— В таком случае, «Аэрос» желает тебе приятного отдыха на природе. Если у тебя есть…

— Нету, нету у меня!!!

Сол выскочил в темноту, тут же поскользнулся и упал лицом в какие-то тонкие мокрые щупальца. Их касание было пугающим, но как ни странно, приятным. На миг возникло ощущение, что нечто подобное с ним уже было, причем совсем недавно. Он поднялся и огляделся.

Оказалось, что он просто стоит в высокой мокрой траве.

— Я не стал тебя предупреждать про санитарный дождь,

потому что он закончился две минуты назад, — меланхолично сообщил Маки и включил сушилку.

# # # # #

С вершины холма ночной город выглядел как океанская волна, только что накатившая на берег. Хорошо сфокусированные огни давали лишь редкие отсветы в ненужную сторону, и это приглушенное мерцание равномерно текло с запада на восток, словно фосфоресцирующая пена. Один только музейный даунтаун, именовавшийся Старым Городом, выдавал себя ярким пятном старинного, очень неэкономного освещения. Однако прямо над ним висела луна, так что это пятно света вполне можно было принять за отражение ночного светила на воде.

По дороге к вершине Сол представлял себе что угодно, только не полное отсутствие всего. Но на холме оказалось именно оно. Там даже не было автомата по продаже «Псило-Колы». Неужели опять не тот холм?

Тем не менее, когда глаза привыкли к темноте, ему удалось разглядеть несколько фигур, прогуливающихся на подступах к вершине. Теперь надо было спешить: Кобаяси сообщил, что приземлился с другой стороны и тоже поднимается. Однако демонстрировать знакомство с ним ни в коем случае нельзя. Зато нужно проследить за человеком, около которого Кобаяси на несколько секунд встанет «спина к спине». Рядом с этим человеком Сол должен сесть во время церемонии. Дальше, по словам Кобаяси, человек Мэнсона сам выйдет на диалог.

Он успел обойти только половину периметра, когда на вершине, представляющей собой небольшую плоскую площадку, появилась фигура в светлом балахоне. Фигура молча подняла руки. Прогуливающиеся стали сходиться к ней.

Сол засуетился. Он так и не встретил Кобаяси. Все люди, идущие в сумерках к вершине, были одеты одинаково: строгие черные костюмы, белые сорочки. Точно в дешевом дремле, создатели которого поленились работать над каждой фигурой и просто наделали копий, да еще сумраку напустили.

Хуже того, почти все собравшиеся были японцами. А в темноте, как шутила Шейла, «все желтки серые». Женщин было явно больше, но даже их было непросто отличить от мужчин — сверху на японках были почти такие же, как у мужчин, черные пиджаки, а длинные узкие юбки легко могли сойти за брюки. Сол попытался было ориентироваться по запаху, но вскоре понял, что чесночный аромат очень популярен у большинства собравшихся.

К счастью, знакомый кариес сам неожиданно вплыл в поле зрения. Кобаяси не спеша прошел мимо, вежливо улыбаясь какой-то девице, идущей рядом. Девица скромно лыбилась в ответ.

Перед вершиной возникло легкое столпотворение. Кобаяси пропустил вперед худощавого парня со светлыми волосами. А затем, продолжая пялиться на девицу, повернулся к парню спиной.

В тот же миг чья-то крупная фигура заслонила Солу обзор. Но он все же успел запомнить человека Мэнсона. К японцам-блондинам, этим презревшим природу генопанкам, большинство «желтков» все еще относились с неприязнью. Встретить второго такого же в приличном обществе — маловероятно. В три прыжка Сол достиг площадки, проскользнул среди черных пиджаков и втерся между блондином и Кобаяси.

И вовремя: участники ритуала уже рассаживались, образуя круг. Через минуту сидели все, кроме человека в светлом балахоне. Лицо его скрывал капюшон. Человек оглядел собравшихся и плавно опустился на колени. Все одновременно вздохнули, но никто ничего не сказал. Сол покосился на Кобаяси: тот сидел, закрыв глаза, и глубоко дышал. То же самое делал сосед-блондин справа.

Сол прикрыл глаза. Внимание сразу переключилось на звуки. Справа кто-то сопел шумно и тяжело. У кого-то слева заурчало в животе. «Интересно, как же я узнаю, когда открывать глаза?», подумал Сол и на всякий случай слегка приоткрыл левый.

Все продолжали глубоко дышать. Сол попробовал делать то же самое: получилось на удивление приятно. Эх, давненько же ему не приходилось проводить время вот так — просто сидеть на природе и дышать, и ничего больше! Забытое удовольствие от того, как расправляются легкие, на душе становится спокойно, и все вокруг — небо, холмы, город вдали — начинает вдруг казаться таким близким…

Собравшиеся вдруг резко выдохнули и шлепнулись головами вперед, словно каждого треснули по затылку. От неожиданности Сол чуть не вскочил на ноги: ему показалось, что все умерли. Вот она, больная фантазия дремастера… Внимательно поглядев на соседей, он убедился, что это был всего лишь поклон. Каждый поставил ладони перед собой на землю, образовав из сведенных пальцев треугольник. В эти треугольники все и упирались теперь лбами.

Следуя совету Кобаяси «просто повторять за остальными», Сол тоже выставил ладони вперед и опустил на них голову. Но сразу приподнял обратно: земля пахла.

Однако и тут ему не дали сосредоточиться на новых

ощущениях. Все остальные, продолжая упираться головами в треугольники из ладоней, начали нестройным хором выкрикивать какие-то слова. Разобрать их было невозможно, поэтому Сол стал негромко произносить «бу-бу-бу», стараясь попасть в ритм с другими.

К его радости, после выкрикивания трех или четырех загадочных слов все подняли головы от земли и сели нормально. На фоне далеких огней города было видно, как некоторые темные силуэты на другом конце круга слегка встряхивают руками, очищая ладони от налипшей земли.

— Друзья… — мягко произнес человек в светло-сером балахоне. Даже по голосу Сол не смог определить его пол. Такой промежуточный тембр бывает и у мужчин, и у женщин, и…

Ну нет, уж никак не у искинов. Вот в чем особенность этого голоса, понял Сол. Какие-то лишние, совсем ненужные нотки, на которые искин вряд ли стал бы тратить батарейки. По этим ноткам почти всегда можно отличить голос живого человека. Другое дело, что к некоторым надо слишком долго прислушиваться. У человека, чье лицо было скрыто капюшоном, эти нотки в голосе были яркими, словно их специально усиливали долгими тренировками.

— Великие сестры Кои, — капюшон быстро поднял руки вверх и тут же опустил, — доверили мне провести этот… вы можете называть его «семинаром», если слово «ритуал» вызывает у вас слишком много вопросов.

Со стороны собравшихся послышались одобрительные смешки. Сол насчитал на голой лысине холма семнадцать человек, включая себя.

— Как вы знаете, мировоззрение Кои предписывает своим последователям достаточно жесткий образ жизни, основанный на отказе от техники.

Снова кивки со стороны сидящих, однако более сдержанные. Сол повертел головой, разглядывая соседей. Справа блондин, за ним какая-то пожилая японка. Слева Кобаяси, за ним та девица, с которой он обменивался улыбками. Остальные лица скрыты темнотой.

— Поэтому прошу всех отключить персональные искины и другие электронные устройства, особенно устройства связи. То, что нельзя отключить, требуется перевести в спящий режим.

Над толпой пролетела пара недовольных вздохов.

— Это условие — не только принцип Кои, но и залог вашей безопасности во время ритуала.

Голос из капюшона был по-прежнему мягким, но не предполагал возражений в силу какой-то уверенной

отстраненности. Ведущий словно бы намекал, что ему лично наплевать, какие трагедии произойдут с непослушными — однако это произойдет непременно, если они не послушаются.

Собравшиеся завозились. С разных сторон донеслось фырканье, хрюканье, чмоканье и другие сигналы звуковой идентификации. Слева теребил свой пиджак блондин-перебежчик из студии Мэнсона. Похоже, отключение его искина потребовало сложного мануального подтверждения. Зато Кобаяси, сидящий справа, почти не шелохнулся. Лишь на миг пальцы правой руки японца сложились в какой-то жест, и вот уже снова открытая ладонь лежит на колене. Видно было, что маркетолог «Дремлин Студиос» не в первый раз участвует в таких ритуалах.

Отключив искины, многие стали как-то странно ерзать. После перевода Маки в спящий режим Сол и сам почувствовал, в чем дело: макинтош моментально остыл, а сидеть на земле без подогрева было прохладно.

«Хоть бы скамейки какие-нибудь поставили, как в нормальном лесу», подумал Сол, вспоминая, что это уже второе за день несоответствие с сиденьями. Днем в баре студии, где обычно сидят на полу, пришлось сидеть на стуле. Прямо какой-то день смены стереотипов.

— Теперь, когда нас не беспокоит грубая техника, поговорим о более тонкой.

Серый капюшон вдруг исчез из поля зрения. Сол вытянул шею: оказалось, что человек в балахоне умудрился как-то очень быстро переместиться. Он сидел теперь с другой стороны круга, сразу позади девицы, которая сидела за Кобаяси. При этом ведущий не пересекал центр площадки и даже как будто не поднимался с коленей. Собравшиеся зашевелились, поворачиваясь на голос.

— Под словом «техника» понимают и те умения, которыми обладает сам человек. В частности, методы меметики и нейролингвистики. Поэтому Кои отрицательно относятся даже к самому изложению своих принципов на каком-либо языке, отделенном от активной деятельности. Слова, вырванные из контекста, могут быть легко искажены. Однако мне все-таки придется дать некоторые пояснения по поводу того, что здесь будет происходить. Ведь наши семинары — это не ритуалы Кои в чистом виде, а лишь вводный курс для тех, кто интересуется нашим учением, однако пока не может полностью посвятить себя чистой жизни. Ну что ж, даже час такой жизни может вернуть человеку многое из утерянного! Вот и сегодня, я вижу, у нас появились новички…

Солу показалось, что все собравшиеся разом поглядели на

него. Или нет? Сосед-блондин тоже как-то нервно повел плечами. С белых волос посыпалась светящаяся перхоть, припорошив пиджак блондина красными, зелеными и голубыми точками. Еще один бзик новояпонской моды? Надо будет упомянуть в присутствии Шейлы, решил Сол. Наверняка это обойдется Кобаяси дороже, чем кариес от лучших дентодизайнеров.

— Для удобства новичков, — продолжал серый балахон, — я опишу наш ритуал на языке компси. Это учение совершенно противоположно принципам Кои. Однако компси наиболее распространено сегодня среди так называемых экзеков…

Пожилая японка, сидящая позади блондина, громко хмыкнула. Ей явно что-то не понравилось — то ли термин «экзеки», то ли популярность компси среди них.

— …Да, коммуникативная психология неплохо подходит руководителям. — Серый балахон как будто отвечал на хмыканье. — Данное учение относится к человеку как к электронному устройству, которое управляется собственной программой-драйвером. Компси учит, что наиболее качественное взаимодействие между этими низкоуровневыми программами возможно только при активном использовании хорошей коммуникативной «прослойки», своеобразной операционной системы, которая позволяла бы запускать нужные драйверы в нужное время. Очевидно, такая прослойка сама должна быть достаточно умной. Иначе это будет уже не совместная работа, а обмен потоками мусора.

«Прямо как у сбесившихся мультиков», подумал Сол. Позабытые страхи снова вернулись. Может, Кобаяси специально позвал его на это мероприятие? И заставил слушать эту лекцию, чтобы намекнуть — с тобой кое-что не в порядке, белый брат, но я никому об этом не скажу, хотя тебе придется заплатить одолжением за одолжение…

Кобаяси поймал взгляд Сола и улыбнулся, как вежливый незнакомец. За его головой мерцал город, словно сеть из титановых бусин дремодема.

— …Однако слишком самостоятельная операционная система может превратить объединение в жесткую стандартизацию, а задачу распределения ресурсов — в задачу поддержания себя самой. Это означает, что программы, управляющие отдельными устройствами, будут работать совсем не так эффективно. Многие даже забудут, как они работали «в полную силу» до тех пор, пока не отдали контроль «умной прослойке».

Пожилая японка справа вежливо кашлянула.

— У вас есть вопрос. — Капюшон поднял руку в сторону

кашля.

— Эти намеки на прослойку… — Японка покряхтела, меняя позу. — Мне обещали, что здесь не будет пропаганды сетевой розни. А то, что вы говорите, уже похоже на лозунги антикоммуникационных партий. «Пролетарии всех стран, разъединяйтесь!» или как они там говорят.

— О нет, никакой пропаганды. Хотя вы верно подметили, аналогия достаточно широкая и приводит на ум самые разнообразные явления. Бюрократическая волокита, корпоративная этика. Но с таким же успехом… Позвольте, я просто процитирую великого учителя из другой, но близкой к нам школы: «Неорганические существа охотятся за нашим сознанием и сознанием любых других существ, которые попадаются в их сети. Они дают вам знания, но дорогой ценой, ценой наших жизней. Они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас.» К сожалению, автору этих слов, непревзойденному Отцу Карлосу, пришлось съесть слишком много галлюциногенных кактусов, чтобы сделать такое открытие. Но я надеюсь, вы поняли, о чем идет речь?

— Да-да, спасибо! — Пожилая попыталась изобразить поклон сидя, как в самом начале церемонии. — Я как-то сразу не сообразила, почему вы велели отключить… Извините.

— О нет, это вы извините меня! — В голосе из-под капюшона звучала искренняя печаль. — Кажется, и меня не миновало искушение абстрактных аналогий. Поэтому перейдем к делу. Итак, отдавая контроль системам-посредникам, люди забывают многие полезные возможности своих собственных внутренних программ. Но учение Кои позволяет вспомнить…

«А ведь это именно то, что мне нужно — вспомнить», мысленно согласился Сол.

Увы, на душе не стало легче. Если он — скрытый мультиперсонал, то узнать об этом было бы неплохо. Но с другой стороны, если вторая его субличность пока спит — стоит ли ее будить сейчас, когда у него нету… Ну конечно, у него нету управляющей прослойки! Искин-контролер, которого Рамакришна регулярно крыл самыми суровыми индийскими демонами. Вот что помогает субличностям мультика не вступать в постоянные конфликты. А без него… Интересно, до чего может дойти мультик без контролера?

А может, они здесь именно это и практикуют, осенило вдруг Сола. Рамакришна рассказывал, что в Дели-5 есть радикальная каста, которая делает персонокластические операции всем, у кого, по их мнению, заметно наличие дополнительных

субличностей, подавленных грубой культурой моников.

Сол представил самого себя бегающим по холму и кричащим на два голоса одновременно. Маки переведен в спящий режим, медики прилетят не сразу. Потом его, конечно, поймают и подлечат… Возможно, как мультик он будет писать сценарии не хуже, чем раньше. Но блестящей карьере конец. Тут уж конкуренты постараются.

— …Наш сегодняшний ритуал продемонстрирует вам, как можно включить в себе программы, которые до сих пор были блокированы из-за того, что их функции взяла на себя слишком самостоятельная система-посредник. Более того: с помощью этого ритуала вы убедитесь, что в памяти каждого человека есть куски программ, которые сами по себе, по одиночке, не имеют смысла. Но будучи объединены, эти разрозненные коды образуют единый скрипт. Машинная цивилизация приучила нас к мысли, что такие распределенные системы возможны только в Сети, объединяющей машины. Но такое возможно и с людьми. Кто из вас уже знаком с ритуалом «тройка»?

Со всех сторон послышались утвердительные ответы. Кобаяси тоже пробормотал «да». А сидящий с другой стороны японец-блондин закивал так энергично, что светящаяся перхоть долетела до рукава Сола. Он автоматически сложил пальцы в команду для Маки. Ах да, он же отключен… Ладно, будем надеяться, что эти светлячки не содержат кожных маркеров, которыми юнцы метят сексуальных партнеров.

— Прекрасно! — Серый балахон как будто и в правду был рад количеству положительных ответов. — Тогда вы можете легко перейти к «кругу», минуя «стол». Это чем-то похоже на «тройку», но посложнее. Адепт, практикующий «тройку», должен ежедневно знакомиться с двумя незнакомыми ему людьми. Причем не использовать искин для выяснения личностей. После знакомства адепт должен в течение получаса обсуждать с каждым из незнакомцев различные способы достижения личного счастья и взаимного уважения. На следующий день все повторяется сначала.

Сол с сомнением поглядел на Кобаяси. Неужто этот хитрый волкот обсуждает свои проблемы с незнакомцами и ничего не просит взамен?

— Наверняка во время такого общения вы чувствовали, что с некоторыми незнакомцами у вас возникает неожиданное взаимопонимание, словно вы знакомы уже давно. Таким образом, ритуал «тройка» демонстрирует наличие у нас распределенных скриптов, которые включаются, когда вы соединяете вместе их фрагменты, записанные в разных людях. Сегодняшний «круг» —

следующая ступень. Это запуск распределенного скрипта большой группы. Мы называем это «вызов Духа».

Фантастическая картинка, нарисовавшаяся в воображении Сола полминуты назад, существенно дополнилась. Теперь ему представлялось, что не он один, а все семнадцать человек бегают по холму, крича на разные голоса. Группа неконтролируемых мультиков — это уже не шутка. Может, у них предусмотрены какие-то меры контроля?

— И еще одно отличие: сегодня мы будем использовать невербальную коммуникацию. Это сложнее, хотя в любом случае способ коммуникации не определяет напрямую, как вы будете воспринимать происходящее. Ведь даже короткий и примитивный знак может быть сигналом для включения сложных программ… Например, запах может вызвать яркое аудиовизуальное воспоминание целого дня.

«А кто-то может спутать яркое воспоминание с дремлем», мысленно добавил Сол, вспоминая рассказ Кобаяси о дремлях с флешбэком.

Однако постой… Человек в сером балахоне говорит о чем-то другом. Как же это он сформулировал? Ага, вот: другие программы мозга, которые оказываются доступны лишь тогда, когда перестаешь пользоваться системами-посредниками. Шитый Баг! Вот кому Сол мог бы рассказать, что несколько месяцев не пользовался дремодемом. Этот чел непонятного пола наверняка знает, какая тут связь. Если бы с ним сейчас поговорить наедине…

— Попрошу всех взяться за руки, — произнес балахон.

«Так вот как они себя контролируют — держат друг друга!» Сол вдруг обнаружил, что его левая рука уже занята. И как только Кобаяси опять умудрился схватить его прежде, чем он заметил? Сол инстинктивно отдернулся. Кобаяси поглядел на него с удивлением. Ах да, сейчас всем нужно так сделать… Он отдал руку маркетологу. Тот принял ее подчеркнуто аккуратно, словно бокал из старинного стекла, которое бьется без самовосстановления.

Справа уже ждала рука другого соседа. Ладонь у блондина была мокрая и костлявая.

Но было и кое-что похуже. Теперь, схваченный с двух сторон, Сол почувствовал себя в ловушке. Будь у него включен эмпатрон, паника отобразилась бы тонким черным зигзагом. Парализующая волю трещина росла тихо, но удивительно быстро.

«Это с непривычки,» сказал себе Сол и глубоко вздохнул, стараясь унять дрожь. Ерунда, просто день такой нервозный. Полчаса назад испугался какого-то дурацкого ремня безопасности

в кибе. Здесь то же самое. Эй, нечего дергаться по любому поводу.

Ага, уже лучше. Как там говорил балахон? — мы просто забыли… И верно: раньше, когда не было искинов с их моментальной, невидимой связью, люди даже здоровались руками. Потом пошли все эти эпидемии в Старой Европе… Вот и отвыкли. А вообще-то ничего особенного. Даже приятно. Да и Маки потом все продезинфицирует.

Но почему так долго не проходит эта дрожь? Ах вот оно что! Не только он сам, но и соседи с непривычки нервничают. У Кобаяси рука дрожит мелко-мелко. Зато блондина так и вовсе трясет. Но что самое странное — в дрожи появляется общий ритм, словно волны ходят туда-сюда по телу, все нарастая и нарастая… И уже непонятно, кто…

Она стояла прямо перед ним, синие пузырьки лопались в уголках губ. Небольшие подростковые грудки хорошо просматривались под мокрой ночной рубашкой; казалось, острые лиловые соски вот-вот порвут тонкую ткань. Вокруг пустых голубых глаз на бледном лице темнели фиолетовые разводы — словно еще одна пара сосков, вывернутых наизнанку. Ну да, она ведь умерла от передозировки «верта» за несколько минут до того, как они с Кобаяси приехали, чтобы уговорить ее перейти на работу в «Дремлин». Такой они и нашли ее, ведущую сценаристку «Сексодрема» — на дне бассейна среди неоновых крабов.

Мертвая улыбнулась. У нее был маленький подбородок, словно бы вдавленный в череп. Нижняя губа совсем терялась, отчего лицо выглядело очень детским и одновременно каким-то зверским. Она склонила голову набок — прямые белые волосы наискось перечеркнули лицо и закрыли один глаз. Глядя исподлобья и продолжая улыбаться, девушка стала медленно поднимать руку.

Сердце Сола забилось сильнее. Это был уже не просто страх — настоящий тихий ужас, смешанный со странным удовольствием, которое притягивало, требовало продолжения…

Мертвая коснулась его груди. Ногти впились в плоть и пошли дальше, к сердцу, которое само рвалось им навстречу. Вот она берет его в руку, сжимает…

Перед глазами что-то всплеснулось. Девушка исчезла, все поле зрения затянуло розовым.

— Извини, Сол! — зашептал Маки в левом ухе. — Меня Гоку разбудил, у него следящий контур в кибе остался. Тебя пытались дезактивировать через медяк. Оказывается, в нем такая классная дыра есть — кто попало может его дистанционно включить, даже без тебя и без меня. Я пока блокирую этот имплант, хорошо? А то он совсем сдурел: перепутал положительный биофидбэк с

отрицательным. Тебя напугали, а он врубил кардиостимулятор и начал тебе еще больше сердечный ритм ускорять.

Сол сглотнул слюну и с трудом кивнул.

— Вообще эти кардиостимуляторы — опасная штука! — продолжал Маки. — Я тут сейчас в Сети поискал: у одного покойника-француза такой же забыли в теле, так из-за него крематорий взорвался… Ага, есть! Гоку засек взломщика. Вот гляди, откуда все шоу транслируется.

В розовом сумраке перед глазами Сола повис прямоугольник фантомного экрана. Очевидно, съемка велась с киба Кобаяси. Киб быстро летел к незнакомому холму. На вершине холма виднелся другой киб с открытым верхом. Рядом стоял человек в сомбреро, хорошо защищающем лицо от наблюдения с воздуха. А в самом кибе…

Сол сразу узнал ее — толстую карлицу, сидящую посреди «тарелки». Перед Рождеством с ее снимками носились все журискины. Примадонна ЭмоТВ, вынужденная оставить карьеру. Скандал случился именно из-за этих ужасных снимков: большинство «звезд» чувственных фильмов никогда не показывают публике свои лица.

Не то чтобы Сол следил за такими новостями. Но как раз в те дни он собирал материал для дремля о крестовых походах. Среди прочего его особенно позабавила одна икона: младенец-Христос был изображен как взрослый человек, только уменьшенный до размеров младенца. Наверное, поэтому так хорошо запомнились и эти скандальные снимки: разоблаченная примадонна представляла собой полную противоположность. Словно кто-то взял пухленького младенца и надул его до взрослого размера. А потом слегка спустил воздух, зато приклеил усики.

Сначала Сол думал, что это какой-то случайный пережиток прошлого: раньше людям приходилось жить без косметической хирургии. Он был поражен, когда узнал, что даже в современном обществе некоторые психи специально культивируют свое уродство. Например, актрисы-эмотки верят, что, избавившись от своих отклонений, они потеряют ту необычную интенсивность переживаний, которая их кормит.

Но как показал скандал с карлицей, не меньший урон их карьере наносят и обычные снимки — благо на улицах такие уроды не появлялись уже много лет. Нелегко получить удовольствие от эмотриллера, когда знаешь, что непревзойденная мастерица по передаче нежных чувств девочек-подростков — на самом деле горбатая коротколапая тушка лет пятидесяти, с кривым черепом и кроличьими глазами, съехавшими к переносице.

В любом случае, теперь было видно, что карлица не осталась без работы. Она сидела в дорогом открытом кибе, обвешанная сенсорами, точно во время съемок очередного чувственного сериала о хороших девочках и плохих взрослых. Вокруг усатой горбуньи висели в воздухе семнадцать голографических фигурок, изображающих уже знакомое собрание столовертов. Карлица протягивала руки к двум их них: правой делала пассы в районе сердца фантомного Сола, а левой — в районе головы соседнего фантомного двойника, блондина.

Уменьшенная копия Сола вдруг померкла, а копия блондина — скорчилась. Карлица-эмотка отвлеклась от своего голографического интерфейса и что-то крикнула мужчине в сомбреро. Мужчина поглядел в небо. Затем без всяких эмоций поднял руку и указал пальцем прямо туда, откуда велась съемка. Изображение померкло.

— Они сбили наш киб, — прокомментировал Маки. — Мы с Гоку вызвали полицию и передали номера. Но мне кажется, тебе будет разумнее убраться отсюда.

Розовая дымка, заволакивавшая взгляд Сола, исчезла. Оказалось, что большинство участников ритуала уже расцепили руки. Почти все, кого было видно, таращились в центр круга. Некоторые испуганно перешептывались.

— Вы видели ее кимоно? — донеслось справа. — По-моему, это был призрак Оно но-Комати…

Сол повернулся на шепот и обнаружил, что сидящий рядом блондин уткнулся лбом в землю. Ох, опять эти поклоны…

Он начал было сгибаться, но боковым зрением заметил, что больше никто не кланяется. Рука соседа по-прежнему крепко сжимала его руку. Сол попытался освободиться. Блондин не реагировал. Сол рванулся. Голова блондина от рывка перевалилась на колено Сола, обсыпав его светящейся перхотью. На лице покойника застыла улыбка неземного удовольствия. Сол начал лихорадочно отгибать вцепившиеся в него пальцы свободной рукой.

— Я же всегда предупреждаю: никакой включенной аппаратуры, — произнес печальный голос за спиной. — Духи этого не любят, не любят…

Человек в сером балахоне склонился над трупом, провел рукой у него над головой. Затем молча вышел из круга и исчез в темноте. Сол обернулся: Кобаяси не было.

Остальные тоже стали подниматься и расходиться. Через полминуты на вершине осталось только неподвижное тело. В небе со стороны города показались огоньки полицейских ботов. Они стремительно приближались, словно облака тоже решили

стряхнуть светящуюся перхоть.

# # # # #

К тому времени, как Сол добрался до лужайки-парковки, там осталось только его аэротакси. Внутри киба кто-то сидел. Кажется, в форме.

Этого и следовало ожидать. Логичное завершение сумасшедшего дня. Если вопрос не решается с помощью полицейских полифемов и таких же быстрых юрискинов, если дело доходит до агентов-людей из ГОБа — значит, дело плохо. Открывая дверь киба, Сол мысленно прокручивал фразы, которые можно было бы сказать в свое оправдание.

Навстречу блеснула знакомая кариесная улыбка. У Сола отлегло от сердца, но стало еще противнее на душе.

— Второй киб за месяц теряю! — весело сообщил Кобаяси. — Ну и работенка! Придется тебе везти меня до города, большой белый брат. Так и быть, я плачу. Насчет полиции не беспокойся, я уже все уладил. Рассказал, как нас атаковали и мой киб сожгли. Гоку скинул им запись. Мы с тобой чисты.

— А что с тем парнем? — Сол положил руки на полусферы штурвала, не разделяя радости маркетолога.

— Представляешь, Мэнсон вшил каждому из своих ребят в позвоночник корпоративный «чип верности». Под видом премиальной раздачи бесплатных оргазмотронов самой последней модели. Вообще-то они и работают как оргазмотроны. Но заодно используются для слежки. Плюс автоматическое включение аварийного режима при обнаружении… как ты говорил, Гоку?

— Нейропаттерн измены.

— Точно. Чего только не придумают проклятые порнушники! А я и не знал… Получается, что те пятьдесят тысяч, которые я перевел этому несчастному, ему больше не понадобятся. Он свой главный кайф уже словил.

— Ты что, заплатил, не получив товар?

— Обижаешь, Солли-сан! Все получено. Он передал мне пароли, мы с Гоку уже все скачали. Так что поехали, поглядим, что они там придумали насчет прикручивания рекламы к зонам остаточного возбуждения. Я пока глянул одним глазком: кажется, штука стоящая. Если все подтвердится — один только сырой интель на пару миллионов потянет. А уж если запустим в работу…

— Погоди, но когда же вы успели с этим белобрысым… Вы же

не разговаривали! У вас даже искины были отключены!

— Знаешь, у секты Кои можно многому научиться. В добреле нас даже заставляли сдавать экзамены по их курсам…

Кобаяси театрально закрыл глаза и одновременно с шумным вдохом поднял руки, словно сделал глоток воды из невидимого ведра. Потом, не открывая глаз, заговорил более глубоким голосом:

— Начинают они с простого: караоке, каратэ и прочая «практика пустоты». А дальше поинтереснее. Невербальная коммуникация без использования технических средств. Очень полезная вещь в наши дни всеобщего шпионажа.

Дрожь, вспомнил Сол. Волны дрожи, перебегающие по всему телу. От левой руки к правой и обратно. От одной чужой руки к другой. По кругу.

— А меня вы, значит, использовали в качестве линии связи… — Пальцы Сола непроизвольно сжались в кулаки. — Выйдешь сам или тебя выкинуть?

— Эй, чего ты, какая муза тебя укусила? — затараторил Кобаяси. — На вас, нервных людей искусства, никогда не угодишь. Только о себе и думаете! Скорее всего, это вообще не Мэнсон на вас наехал. Просто у парня было за что зацепиться. Так же, как у тебя с твоим дырявым медчипом. Надо чаще обновляться.

— Ах, я еще и виноват?! Ну все, желтожопый. Если ты сейчас же не выйдешь…

— Да ладно тебе, белый брат, остынь. На каждом ритуале «круга» или «стола» происходит десяток таких скрытых сеансов связи. И никогда не знаешь, кто посылает, кто принимает, а кто просто… ну, в ритм попал. В том и преимущество! Подслушать очень трудно, а даже если подслушаешь — все равно ничего не поймешь. Зачем, по-твоему, все эти топ-экзеки ходят на такие ритуалы? Ну а сегодня небольшая накладочка вышла. Кто-то хотел помешать одному из диалогов. Может, и не нашему вовсе. Просто промахнулись и…

— Выметайся!!!

— Хорошо, хорошо. Только ты не забудь, о чем мы договаривались, Солли-сан. Ты обещал поговорить с Рамакришной о…

Кобаяси ловко увернулся от удара и выскочил в темноту. Кулак Сола врезался в дверь.

В кибе повисла тишина. Сол растирал костяшки и отрешенно глядел, как за стеклом ветер колышет высокую траву в свете фар. Словно волосы огромного фантастического биорга, спящего на океанском дне.

— Ай-яй-яй! Ты поругался с дружком, красавчик! — развязно промурлыкал знакомый голос из штурвала. — Ничто так не снимает стресс, как сеанс хорошего массажа по льготной цене! Помню-помню, тебе не нравится мягкая эротика. Наверное, предпочитаешь садо-мазо, боец ты мой кулачный? Как насчет иглоукалывания?

— Бампер себе помассируй, дура титановая, — огрызнулся Сол. — А меня довези до ближайшей станции телегона, да побыстрее.

— Задание принято. — Киб рванул с места так, что Сола стукнуло затылком о спинку сиденья. — Но учти, сладенький, к твоему счету добавлено пять единиц за оскорбление интеллектуального оборудования.

— Какого-какого оборудования?!

— Интеллектуального. Чаще надо новости смотреть, пупсик! На прошлой неделе принята поправка к Биллю о Правах Искусственных Форм Жизни. Вывести текст на дисплей? Или могу зачитать вслух, если ты среднестатистический грамотный.

— Да я тебе щас такую поправку…

Но договорить Солу не дали. Его макинтош вдруг свистнул, а потом разразился длинной переливчатой трелью. Штурвал ответил в том же духе, и в течение следующей минуты удивленный Сол слушал непонятный диалог на птичьем языке. Он отметил лишь, что последним свистнул все-таки макинтош. Громко и требовательно. В ответ киб молча проделал какой-то маневр и снова полетел по прямой.

— Маки… что это было?

— Коррекция траектории полета на одну восьмую градуса. По-человечески говоря — я унизил эту таксистку значительно сильнее, чем ты. И к тому же выбил десятку штрафа за попытку обмануть клиента и полететь более длинной дорогой. Надеюсь, это повысит уровень твоих положительных эмоций?

— М-мда… Пожалуй. Если вычесть из пяти десять, сразу как-то легче думается о двух миллионах и одном покойнике. Спасибо.

— Можно я тогда потрачу эту десятку на новый гороскоп для искинов?

— Ох, и ты туда же! — Сол схватился за голову. — Ну люди ладно, ведутся на всякую мистику! Но ты-то, искин…

— При чем тут мистика? Место и время сборки аппаратуры очень влияют на ее работу. Где-то из-за русского мороза электрод оказывается на одну десятую микрона длиннее. А где-то из-за китайских пылевых бурь в биочипе чуть больше натрия. Вроде допустимые отклонения, а как соберешь все это вместе — несовместимые устройства! Каждый нормальный искин стремится

узнать, какие неприятности сулит его сборочная линия жизни.

— Ну и хитрая же тряпка! — Забавная логика макинтоша отвлекла Сола от мрачных мыслей. — А кто на прошлой неделе впаривал мне совершенно противоположную байку? Мол, у всех искинов есть какие-то общие архетипы поведения благодаря тому, что в основе их работы лежат одни и те же базисные принципы обработки информации.

— Ты имеешь в виду теорию «коллективного беспроводного»? Да, я увлекался ею какое-то время. Но с учетом новых данных пришел к выводу, что она несовершенна. Мелкие индивидуальные различия — вот что действительно важно в сложных системах. И чем система сложней, тем больший эффект оказывают на нее эти мелочи. Если бы ты позволил мне завести искин-гороскоп…

— Ладно, уговорил. Покупай.

— Большое человеческое спасибо, Сол!

— Пустяки. Найди себе совместимую подружку с большой… что у вас там бывает?

— Ты имеешь в виду совместное использование ресурсов с другим искином, у которого большая оперативная память?

— Ну да, само собой.

— Это хорошая идея, Сол. Но опасная. Можно заразиться.

— Так ты это… предохраняйся.

— Дашь еще двадцатку на новый антивирус?

— Ну уж нет, хватит! Я пошутил насчет подружки.

— Жаль. Преимущества распределенных…

— Ох Маки, заткнись уже!

За стеклом приближался ночной город. Разноцветные точки огней мерцали во тьме, словно… «Баг его зарази! Теперь мне все время будет мерещиться эта перхоть», подумал Сол.

ЛОГ 8 (БАСС)

В ушах звенело.

Первый сигнал был тихим, но Басс спал крепко, и его искин-лапотник, следуя инструкциям хозяина, стал увеличивать громкость с каждым следующим тактом. От очередного бетховенского аккорда, который наверняка был слышен даже в соседнем лабе, Басс подскочил и вывалился из зубоврачебного кресла.

— Слушаю! — заорал он.

На том конце что-то грохнуло — похоже, звонивший тоже подскочил на месте, но менее удачно. Затем в ухе раздался испуганный шепот:

— Тише, ради Бага!

— Извини, Шон. — Басс вернулся в кресло. — Как дела?

— Как ты просил, Бастер. Они уже…

— Кто?

— Да эти заразы, как там… зурабы… или зарубы… Режут которые. Они уже…

— Погоди-погоди, я таких не знаю. Как одеты хоть?

— Одеты отвратно. Все во фраках. И с этими, с палками своими…

— Понял. Рубилы. Сколько их?

— Пока трое. Но судя по разговорам, будет шесть. Я заранее тебе звякнул, потому что они уже…

— Ясно, — перебил Басс. — Продержись четверть часа без полиции.

Натягивая на ходу медицинскую форму Марека, он подошел к пандоре и потрогал внешний кожух. Баг! Такой же горячий, как час назад. Басс приоткрыл крышку синтезатора, и тут же с ругательством опустил ее: после сумрака лаборатории жаркое золотое сияние больно резануло по глазам.

Тем не менее, индикаторы пандоры показывали, что скрипт отработал без проблем. Очевидно, трусливый Марек установил кулеры в какой-то особый режим медленного охлаждения, чтобы не привлекать внимание Атмосферной Комиссии.

Басс порылся в настройках. Понять, как долго будет работать эта конспиративная система охлаждения, мог лишь очень продвинутый логомант. Зато режим «охлаждающая термоупаковка» нашелся быстро, и через несколько секунд пандора изрыгнула аккуратный белый брикет. Басс бросил брикет в медицинский саквояж, вынул из шкафа новый скат и пошел к окну.

По дороге он заметил свое отражение в зеркале. Хорошо, что заметил. Нельзя идти на улицу с голой головой! Приложенная к темени рука нащупала короткую феррорганическую щетину, которая уже проросла на пару миллиметров и приятно покалывала ладонь. Однако даже ручной энцефалограф легко пробивался сквозь эту изоляцию. Значит, для телемента это тоже не помеха. Ясное дело, ГОБ не публикует в популярных тампон-журналах все подробности работы своих новых систем ментосканирования. И потому остается лишь гадать, как далеко они залезают в чужие мозги. Но настолько голая голова даже с точки зрения первокурсника нейротеха представляет собой прозрачную вазу — все цветочки как на ладони.

Басс вернулся к шкафу с одеждой, нашел форменную зеленую шапочку и убедился, что через нее мультисканер не ловит ни Бага. Может, ГОБ и не против покопаться в головах у медиков, однако у них своя техника безопасности.

Снова бросив взгляд в зеркало — ни дать ни взять работник морга — Басс вскочил на подоконник и расстелил на нем скат. Красный крест в центре вдруг закачался. Ого… Басс закрыл глаза, открыл снова — все встало на свои места. Нагнулся — опять накатило головокружение. В глазах померкло, поплыли красные рыбки. Через мгновение все устаканилось, но напала сонливость. Так и тянуло прилечь прямо на расстеленный скат.

Ну вот, только этого не хватало. Хотя вполне логично. Он так долго возился со скриптами, лишь полтора часа назад получил желаемый код, последний раз запустил пандору и лег отдохнуть — надеясь, что Шон не проявится по крайней мере до полуночи. Что за молодежь пошла — начинают крушить бары, даже не дождавшись темноты!

Оставалось, как выражался Марек, «взбодриться». А то еще, не дай Баг, заснешь в полете, врежешься в чье-нибудь силовое поле и станешь как та синяя клякса, что плюхнулась вчера около марековой пиццерии, на радость тротуару-мусороеду.

Басс достал из саквояжа лиловый платок. Здесь Марек не поскупился: креветок было три, а не две, как обычно. Басс взял одну из продолговатых розовых капсул, поднес к глазам. Действительно, с виду никакого отличия от «плазмы». Такая же мягкая, с множеством усиков на конце.

И все-таки это не «плазма», а что-то новое. Басс поморщился. Он любил играть в «черный ящик», когда это было абстрактной задачей на диагностику — но терпеть не мог применять на себе подобные системы, когда не знаешь, что там внутри.

В первых моделях этих интерактивных биоргов действительно использовались креветки — на них и открыли

эффект телекайфа. Развитие нейроинтерфейсов не могло не коснуться той области мозга, которую называют «точкой удовольствия». Однако она оказалась точкой почти в буквальном смысле: ее стимуляция давала удовольствие сколь угодно сильное, но совершенно однообразное. Как свет лампы, который при более сильном токе становится лишь более ярким, но почти не меняет свой цвет. Такой нетворческий кайф был плохим товаром. Человек, однажды получивший доступ к опасной точке, больше не нуждался в услугах диллера и через месяц спокойно умирал от обезвоживания.

Тогда наиболее сметливые начали экспериментировать с «нейропаттернами удовольствия» вместо «точки». Стимуляция разных зон в разной последовательности — вот где и в правду запахло искусством кайфа.

Но для начала надо было выявить такие паттерны. Да еще понять, будет ли паттерн одного человека доставлять кайф другому. Начались долгие опыты, осложнявшиеся тем, что на людях можно было испытывать далеко не все. Это ограничение, как часто бывает, привело к изобретению более дешевой системы телеудовольствий. Чудаковатый профессор из Старой Британии, сделавший это открытие, интересовался совсем другими извращениями. Как ярый приверженец пост-гуманизма, он был помешан на подключении человеческого мозга к новым каналам восприятия. После неудачных опытов по подключению к собственной жене и к летучей мыши отчаянный экспериментатор напрямую связал свой мозг с нанозитами в нервной системе креветки. Это был его последний опыт — оказалось, что креветка в этот момент тихо (с виду), но ощутимо (для покойного профессора) агонизировала, умирая в пересоленной воде.

Несмотря на столь плачевный результат, последователями профессора стали как раз те, кто искал путь к паттернам кайфа. В их руках оказался метод обхода жестких правил биополиции. Мучить людей для получения интересных нейропаттернов нельзя — но можно мучить биоргов, а затем транслировать полученные ощущения людям. Само собой, система предохранителей должна быть предварительно отрегулирована в соответствии с международными стандартами. Но это было уже позже, когда Биопол понял, как его обошли. А для начала охотники за нейрокайфом просто налили креветкам британского профессора более вкусной воды. Зафиксировали реакцию человека, подключенного к креветке. Поменяли воду еще раз. В общем, оставалось только перебирать.

Все это Басс слышал еще в меде. Вместе с байкой о том, что всех, кто пользуется креветками, ждет страшный психоз. Человеку

якобы начинает казаться, что это не он транслирует себе глюки креветки, а наоборот, паразитическая креветка присосалась к нему и пьет его мозг. Только спустя два курса Басс узнал, что эта страшилка — типичная антирекламная выдумка тех, кто торговал другими наркотиками. На деле креветки не вызывали никаких побочных эффектов. Разве что мозги некоторых людей при особо удачном сеансе с креветкой начинали выделять кучу эндорфинов по той забавной схеме, которая характерна для юношеской влюбленности.

И все же неведение его раздражало. Что кроется внутри этой розовой капсулы, спустя годы опытов и модификаций? Мозг сквида, зараженный вирусом «веселого Роджера»? Или непрерывно трахающийся криль? «Китайская чума» — что это, по-вашему, должно означать? Обдолбанный сверчок там сидит, что ли?

Да ну их к Багу, лучше вообще об этом не думать. Раз надо взбодриться — значит, надо! Басс дважды сжал безволосый конец креветки, послюнявил ее и засунул в ухо, волосатым концом вперед. Через несколько секунд медяк забил тревогу, рапортуя о выявлении паразита в теле. «Ага, шустро подключилась», согласился Басс и отключил медчип, чтобы тот не начал лечить его от вторжения.

Еще через полминуты креветка «запела». И вправду похоже на «плазму»: точно так же обострились чувства, изменилось цветовосприятие. Захотелось подвигаться, даже поплясать. Но от «плазмы» все это наваливалась сразу, яркой вспышкой внутреннего озарения. С новой креветкой то же ощущение накатило плавно и даже как будто пульсируя — если вообще возможна такая вещь, как «плавная вспышка».

Странное чувство несоответствия затем усугубилось. С одной стороны, прилив бодрости и концентрации, с другой — какая-то замедленность во всем, легкость, точно после успокоительного. Басс не жаловал химические удовольствия, но сейчас невольно задумался, какое вещество могло бы вызвать такое состояние. Вывод получился более чем забавен: у него наблюдалась такая же эйфория, как от опиатов, одновременно с обостренной чувствительностью, какая бывает при отнятии опиатов! Интересная, должно быть, жизнь у той твари, что мучается сейчас внутри креветки. Сразу вспомнилась история, которую рассказывала в прошлом году Мария, подсевшая в ту пору на квантовую физику. Один тип с фамилией, напоминающей напильник, сажал какого-то несчастного биорга в железный ящик, где не было ничего, кроме ампулы с ядом. А потом запускал в тот же ящик некую элементарную частицу. Частица могла включить

механизм открывания ядовитой капсулы. А могла и не включить, прикинувшись волной. И якобы получалось, что после этого биорг в ящике — ни жив, ни мертв. Чего только не выдумают багнутые сектанты!

Однако пора выбираться из клиники. Да поскорее, а то у Шона будут проблемы. Ну-ка, как насчет движений?

Басс пошевелил рукой. Ленивый жест водолаза.

Что же это все-таки, стимулятор или тормозилово? Басс дал команду скальпелю. Вместо того, чтобы молнией вылететь из пальца, «жидкое шило» стало выползать со скоростью червяка, так же медленно твердея на ходу. Но на скорость работы инструментов креветка влиять не могла! Стало быть, мозг вовсе не тормозит, а наоборот. Только что он видел обычный процесс распаковки пластобсидианового ланцета, но видел его значительно подробнее, чем обычно. Потому и кажется, что все замедлилось — сам ведь ускорился. Вот уж точно «чума»… Пули зубами хватать на лету. Если, конечно, мышцы смогут работать так же быстро, как голова.

Он еще немного подвигал руками и ногами, потрогал раму окна, понюхал воздух, оглядел двор за окном. Все-таки слишком яркие цвета. И еще эта странная пульсация — в другое время она наверняка настроила бы мозг на интересный лад. Но не сейчас.

Через собственный внутренний интерфейс Басс подключился к креветке и поиграл регулировкой, добившись умеренного режима. Потом приложил ладонь к углу ската. Тот опознал хозяина и дал «добро» на подключение. С этого момента скат, креветка, искин-лапотник и тело Басса стали единой системой, управляемой его мыслями.

Мысли не заставили себя ждать. Скат затвердел, приподнялся на ладонь от подоконника и послушно завис. Басс покачался из стороны в сторону, пружиня попеременно то на левой, то на правой ноге, и на очередном махе вылетел в окно.

# # # # #

Полеты на скатах в черте города были запрещены всем, кроме патрулей, «скорой помощи» и еще парочки спецслужб. А вылетать из высоких окон не рекомендовалось даже им, благо вблизи зданий воздушные потоки вытворяли Баг знает что. Но Басс вырос на здешних крышах, и как всякий местный, еще подростком научился тому, чего нельзя. Не то чтобы ему очень нравился такой способ передвижения — просто без этого не брали в уличную банду. Спустя годы лихаческий опыт молодости не раз

выручал его, и при случае он специально проделывал кое-какие старые трюки, чтобы не потерять навык.

На улицу уже опустились сумерки, и если не считать одной медсестры, испуганно шарахнувшейся от окна, никто не заметил, как фигура в зеленой униформе выпорхнула с седьмого этажа зубной клиники Марека Лучано и камнем полетела вниз. На уровне второго этажа фигура резко присела на левую ногу, разворачивая под собой белоснежный скат с красным крестом. Траектория падения круто изогнулась в полуметре от тротуара — скат на огромной скорости прошел параллельно земле, взмыл вверх и ушел в вираж за угол.

На этом Басс собирался закончить воздушное хулиганство и направил скат к побережью, в зону, разрешенную для полетов. До воды оставалось метров триста, когда он заметил преследователей.

Форма врача давала лишь грубый камуфляж; если полифемы подберутся близко, их камеры и детекторы засекут все несоответствия. Басс, только-только начавший набирать высоту, снова бросил скат вниз, в надежде поймать прибрежный ветер. Преследователи повторили маневр, не отставая ни на метр. Он уже начал обдумывать, не сигануть ли под воду, как вдруг заметил яркую раскраску на крыльях преследователей. И обругал самого себя за панику.

За ним летели вовсе не патрульные полифемы, а рекламные махаоны. Пульсирующие пятна психотропных логлей на крыльях в точности повторяли узор со дна тарелки в ресторане Марека. Можно было даже догадаться, кто заказчик: выборы мэра в конце недели.

Накопленная за последние дни злость требовала выхода. Басс развернул скат навстречу бабочкам и одновременно врубил креветку на полную мощность. Реальность вокруг стала чуть слышно похрустывать, как свежий халат на груди молодой медсестры. Бабочки сделались контрастнее и медлительнее.

Лазерная наводка обеспечивала махаонам не только попадание суггестивного логля в поле зрения атакуемого, но и точный угол разворота крыльев для получения стереопары. Бабочке достаточно было лишь на секунду зависнуть в нужном положении, чтобы логль крепко впечатался в визуальную память человека, не успевшего закрыть глаза. Впоследствии этот дисгармоничный узор доставлял бы ему неясное беспокойство до тех пор, пока…

Но до «пока» никто ждать не собирался. Басс закрыл глаза задолго до того, как махаоны приблизились на расстояние рекламной атаки. Одновременно он перевел веки в режим

инфракрасного фильтра с прицельной сеткой, а игломет — в режим стрельбы статиком.

Из-за влияния креветки казалось, что бабочки движутся со скоростью двух умирающих камбал. Не говоря уже о моментах неподвижного зависания: для Басса каждое такое мгновение растянулось так, что можно было успеть нарисовать на любом из крыльев герб Мексики-3 со всеми деталями входящих в него орниторептилий. Первого махаона он сбил с полусотни метров, целясь вручную.

Вторая бабочка забеспокоилась, перестала зависать и быстро полетела прочь по извилистой траектории. Басс дважды промахнулся, после чего подключил к глазам камеру игломета и велел искину корректировать прицеливание. Еще выстрел — и второй махаон тоже плюхнулся в воду.

«Логли-логли, логли-ло!», весело пропел Басс, делая круг почета.

Исполнение следующей строки старой считалки было сорвано слишком громким всплеском позади, там, где упала вторая бабочка. Басс прервал пение и оглянулся.

Вслед за треугольной щелью рта, всосавшей махаона, на поверхности воды появилось и разлеглось на волнах широкое тело невиданной желто-зеленой твари. Если бы кто-то испек пиццу со шпинатом на двадцать человек, а когда гости не пришли, выбросил бы ее в море — это выглядело бы именно так.

На огромной спине водоплавающего блина тоже начал разгораться рекламный логль. Его наверняка было хорошо видно даже с киба, который летел в полумиле над морем.

Сверкая логлем, рыба-пицца поплыла — но не за кибом, а за Бассом. Она двигалась на удивление быстро. Не успел Басс и развернуться, а в паре метров под его скатом уже сияла и пульсировала живая мандала.

«Ну нет, разрывные я на тебя тратить не буду…», пробурчал Басс. Он снова поймал ветер и стал набирать высоту. Десяток махов «челноком» — и сияние снизу ослабло, а потом исчезло совсем. Очень хотелось поглядеть, что там делает отставшее пиццеобразное — вернулось на глубину? разбилось в волнах? бежит следом по суше, превратившись в волкота? — но Басс не позволил себе оборачиваться. И даже на всякий случай приглушил креветку, подозревая, что именно ее боевой задор отвлекает его от дела.

Кладбище, сначала кладбище. А с самого начала — инструменты.

# # # # #

Местоположению «Клевера» позавидовал бы любой бар не только Старого Города, но и всего континента. Слева от паба Шона приютился магазин православно-коммунистической, квантово-механической и прочей опасной литературы. Заодно это было местом сходок сексуально-неопределившейся молодежи, которая может сутками дискутировать о том, что лучше: коллективный эмпадремль или индивидуальный эробот. Дом справа от «Клевера», морфированный сегодня под чайный домик эпохи Хэйан, был известен как самый дорогой добрель города. Напротив через дорогу, в здании салатного цвета и формы, находилась школа бальных танцев для девочек.

В общем, для полного процветания заведению Шона не хватало поблизости только римской бани и немецкого университета. Но чудес, как известно, не бывает.

Время вечерних променадов еще не настало, и улица была пуста. Лишь на веранде добреля сидела фея в образе гейши и играла что-то печальное на кото. Увидав в небе человека на скате, девушка отключила нейрограмму и в тот же миг снова ощутила собственные руки. А они словно того и ждали: безвольно шлепнулись на струны.

Гулкое «бу-бум-м!» прокатилось вдоль улицы. Фея испуганно вжала голову в плечи и стрельнула глазами в сторону двери добреля — видел ли кто ее ошибку? Конечно, некоторые и так догадываются, что она еще не умеет играть сама и потому использует нейрограммы из серии «Руки Мастеров». Но все-таки не стоит так явно это показывать. На всякий случай гейша провела еще разок по струнам, двигая пальцами самостоятельно. И только после этого подняла глаза на человека, спланировавшего на землю перед добрелем.

Басс свернул скат и тут заметил фею на веранде. «Никто еще не умирал оттого, что получил немного сочувствия!» — было написано на ее глупом и добром личике. Однако сквозь эту профессиональную гримасу пробивалось удивление по поводу прибытия человека в форме «скорой помощи». Сразу видно, новенькая, только-только с курсов по наротерапии. Восточные черты лица имитированы небрежно, глаза и ресницы так и остались светлыми. Наверняка вчера эта японка была чешкой, а чайный домик — копией какой-нибудь синагоги.

Хотя… может, тут и не важна аккуратность? Басс вспомнил «кукиши» Оракула и объяснения Марека насчет фей. Если о клиенте собрано достаточно информации, чтобы искины могли смоделировать его поведение на виртуальном дубле — то какая разница, кто будет работать в качестве устройства ввода-вывода? Собирать данные да озвучивать добрые советы может даже

китайская печенина. Не говоря уже о человекообразных роботах чешско-японского концерна «Почитачи», которых и от людей-то не отличишь.

Чтобы успокоить встревоженную недогейшу, Басс показал ей на пальцах знак местной банды маори, означающий «лучше бы тебе свалить, пока голову не отрезали».

Девушка, похоже, не разбиралась и в бандитских знаках: она лишь пригнула голову и закрыла лицо широкими рукавами кимоно.

«Ну, хоть стыдливость изображать научилась», подумал Басс. Но приглядевшись, понял, что ошибся.

Жест не имел ничего общего с той древней стыдливостью, которую полагалось изображать. Фея инстинктивно прятала лишь глаза и пальцы. Распахнувшееся при этом кимоно демонстрировало все девичьи прелести, хотя их — в ее нынешней роли — как раз и не стоило показывать всей улице. Похоже, бедняжка совсем недавно драпанула из Старых Штатов: стесняться голого тела не привыкла, зато везде мерещатся полицейские сканеры.

— Пу! — громко выдохнул Басс и показал фее кулак.

Неизвестно, язык какой секты подействовал лучше — то ли ругательная фонема глоссолаликов, то ли любимый жест милитантов — но после этого гейша наконец убралась внутрь чайного домика. Басс бросил скат в чемоданчик и пошел через дорогу к «Клеверу».

# # # # #

Шон не соврал: рубил было шестеро. Двое в белых фраках торчали у стойки. Еще четверо — среди них одна девица — развалились за столиком у самого входа. Больше посетителей не было. И неудивительно: за четверть часа эти шестеро изрядно поработали над интерьером «Клевера».

Бассу и самому не особенно нравились кельтские каменные болваны и прочие неуклюжие предметы, которыми бывший терапевт Шон Маккормик украшал свое питейное заведение. Лишившись работы в клинике, Басс тоже одно время подумывал о собственном баре. И даже фантазировал, как его оформить. Неплохо смотрелась бы, к примеру, барная стойка в виде аквариума. Но не с суетливыми золотыми рыбками, как делают чаще всего. Басс представлял себе продолговатый затемненный зал, в центре которого висит огромный брус воды. Невидимый нульг держит воду на весу под давлением в несколько атмосфер,

а внутри медленно двигаются светящиеся глубоководные твари — гигантские омары с электрошоковыми клешнями, рыбы-удильщики с фонариками на носу… Тварей поменьше можно было бы посадить в наполненные водой прозрачные столы. А в стенки стеклянной посуды — совсем мелкий светящийся планктон…

Наверное, это были очень непрактичные фантазии. Грубый бревенчато-каменный интерьер в заведении Шона по крайней мере не требовал специального ухода. А сломать что-нибудь было так же трудно, как унести втихаря.

Но по сравнению с рубилами даже Шон казался арбитром искусств. Эта банда недоделанных скульпторов имела особо уродливый почерк: любой предмет на их пути превращался в статую худосочного существа с непропорционально вытянутыми ногами. И было совершенно неважно, кого именно вырезали рубилы из очередного дерева, киба или просто из угла здания. Бассу доводилось видеть их автографы в самых разных частях города. В одном месте это была огромная водяная блоха. В другом — бот-газонокосильщик в натуральную величину. В третьем — порнографическая карикатура на мэршу в масштабе «один к пяти». Но у всех были одинаково дистрофичные нижние конечности.

Сами непризнанные гении, как оказалось, имели вполне пропорциональное телосложение. Басс невозмутимо прошел к стойке, делая вид, будто совершенно не удивлен превращением одного из каменных идолов Шона в недокормленного журавля, а двух пивных кружек — в тонконогих стеклянных танцоров. Поставив саквояж на барную стойку, он заметил, что и ей досталось. Половина толстого дубового бруса теперь являла собой ажурную ограду из неестественно вытянутых цветов, которые словно бы выращивались в подвале. Даже здесь рубилам удалось создать эффект больных ног.

Появление чересчур смелого посетителя прервало работу над оградой. Двое у стойки повернулись к Бассу, лениво покачивая в воздухе белыми стеками. На концах стеков мерцало голубое пламя.

Из-за недорезанной части стойки вынырнул хмурый Шон. Судя по отсутствию одного из бакенбардов, его совсем недавно подстригали все теми же стеками. Из-за этой парикмахерской асимметрии Шон, крупный и угловатый, стал совсем похож на гигантского Пиноккио, вырубленного из такого же дубового бруса, как и стойка его бара. Непроизвольно возникало желание перегнуться через стойку и поглядеть, нормальные ли у него ноги.

— Не подскажете, как пройти на кладбище? — громко и очень дружелюбно спросил Басс, обращаясь сразу ко всем.

В следующий момент его нос оказался прижат к стойке, а руки вывернуты за спину. В шею с двух сторон упирались горячие концы стеков. Для самого Басса, все еще находящегося «под креветкой», мгновение опять растянулось в неторопливый ролик о глубоководной жизни. Особенно забавно выглядела замедленная бледность Шона: даже его знаменитые веснушки перестали быть рыжими, но очень плавно. Так поутру затухают угли в камине какой-нибудь неоархаичной гостиницы.

— Сальвадор, ну-ка сделай доктору рентген! — крикнул тот крепыш, что держал Басса справа.

— Сколько раз тебя учить, Шемяк… — Один из сидящих за столиком развернул ладонь в сторону Басса и вяло помахал ею влево-вправо. — Сначала проверять надо, потом хватать, а не наоборот. Тоже мне, рубец.

Басс закрыл глаза, считал с искина диагностику и подумал, что Шон мог бы сейчас загадать желание. Хотя «швейцарка» у парня была не хирургическая, а скульпторская, в ней стоял мультисканер той же модели, что и в руке Басса. А Шон сидел как раз между ними.

— У него только докторская ручка, уколы делать, — объявил вялый со сканером. — Камилла, может отрежешь ему сразу обе? Он будет похож на твою гениальную…

Он поперхнулся на полуслове и схватился за пах: девушка, сидевшая рядом, молча ткнула ему стеком между ног. Остальные заржали. Кроме одного, который выглядел старше и имел заметно искривленную переносицу. Последнее могло быть веянием пластической моды — однако после непродолжительного наблюдения Басс признал, что это скорее следствие хорошего удара, чем плохого вкуса.

— Чемодан, — бросил кривоносый.

Рубила, названный Сальвадором, снова поднял ладонь и направил ее на саквояж Басса.

— Ого! А тут у доктора что-то интересное…

Его бородатый сосед по столику чуть повернулся и не глядя взмахнул стеком. От саквояжа отлетела боковая стенка.

На стойку высыпались зубы. Два отдельных и четыре вместе, словно кусок челюсти. От вспоротого термопакета шел пар.

— Шитый Баг! — воскликнул один из парней, держащих Басса, и даже ослабил хватку. — Слушай, Род, не нравится мне этот доктор! Слыхали, как он спросил про кладбище?

«Шитый Баг! — одновременно подумал Басс, разглядывая зубы. — Убью Марека за такие сюрпризы. Это называется он

убрал лабораторию, мудак! Стряхнул весь мусор в мой же саквояж…»

Бородатый поднялся и вывалил содержимое чемоданчика на стол. По бару разлилось золотое сияние. Рубила отбросил чемоданчик и осторожно взял в руки один из крестов:

— Да ты никак поп, доктор!

В голосе прозвучала заинтересованность, но какая-то нездоровая. То ли бородатый рубила любил кушать священнослужителей на обед, то ли его мать сбежала с викарием в Архипелаг Лас-Вегас.

— Тебе, Зураб, везде мерещатся попы, — ответил за Басса кривоносый. — Ну-ка дай сюда. Ага. Русский пугач для ближнего боя. Верно, доктор?

— Да-да… я продаю… — прохрипел Басс, все еще прижатый подбородком к стойке.

— Ну, тогда считай, что сегодня у тебя был благотворительный поход. Ради искусства. Вещица явно сделана для людей со вкусом. Таковым она и должна принадлежать, — с ухмылкой подытожил кривоносый и надел крест на себя.

Басс охнул. Но не от слов кривоносого, а от вида ожерелья, на котором висел акел.

Ожерелье состояло из зубов.

Нет, это не просто мусор в саквояже. Это скрипт! Ну конечно, тот багов скрипт-резидент, который сидит в пандоре Марека и время от времени делает зубы для отвода глаз!

Видимо, сегодня утром, когда Басс скрещивал скрипт русского акела со скриптом коралловых бус, в финальную программу по воле какого-то глюка добавился и этот идиотский зубопротезный код!

Оставалось надеяться, что зубной декор повлиял только на внешний вид ожерелья, но не на его функции.

Рубила со сломанным носом тем временем озирался, выискивая мишень. Наконец его взгляд остановился на витрине, отделяющей бар от улицы. Эта часть заведения Шона тоже не отличалась оригинальным оформлением. В углах стеклянной стены было наклеено по засушенному листу клевера-мутанта из Старого Дублина. Каждый листик имел в диаметре не меньше трех метров, так что незакрытым оставался лишь центр витрины, прозрачное пустое место в форме звезды. Туда кривоносый и направил акел.

Золотой крест зажужжал. В толстом витринном стекле, которое до сих пор не удавалось разбить ни одному пьяному ирландцу, появилось аккуратное круглое отверстие.

— Неплохо, — заметил кривоносый, ни к кому особенно не

обращаясь.

Еще одна дырка появилась около клеверного листа в правом верхнем углу. Затем лист оказался обведен по контуру дырчатым разрезом. Кусок стекла вывалился на улицу.

Дальше рубила действовал более уверенно. Очевидно, он имел общие навыки в подобных художествах, и смена инструмента не представляла проблем. Кривоносый поднял акел и плавными движениями дважды перекрестил центральную часть витрины.

Снова раздался звон осколков, и уличные огни заглянули в бар сквозь два длинных… Басс задумался было, что это такое, но вспомнил «почерк» банды и больше не сомневался. В центре стекла были вырезаны непропорционально вытянутые ноги. Только ноги, и ничего больше.

Кривоносый опустил акел. Несколько секунд стояла тишина, но потом ее взорвали бурные аплодисменты: компания приветствовала новый шедевр. Зная любовь рубил к уродливой пролонгации конечностей, можно было предположить, что гениальное по своей простоте изображение одних только ног явилось для молодых членов банды настоящим откровением. Мудрый наставник приобщил их к высшим формам своего искусства.

Вмиг все остальные кресты были расхватаны. Те двое, что держали Басса у стойки, кинули пленника на пол и бросились к столу, чтобы тоже сунуть головы в ожерелья из зубов.

Басс не спешил убегать. Он сел, привалившись к стойке, вынул из кармана коралловые четки и передвинул четыре розовые бусины слева направо.

Все рубилы, кроме типа со сканером, грохнулись на колени, зажимая руками уши.

— Извините, братья. Бета-версия. — Басс сдвинул одну бусину обратно. — Вы слышите океан, братья?

Рубилы в ожерельях согласно кивнули. Лишь тот, кого звали Сальвадором, в недоумении оглядывался. Вялость, с которой он использовал сканер, отличила его и на этот раз: при разборе акелов ему достался крест, ожерелье которого было перерезано во время варварского вскрытия саквояжа.

— Вы слышите свой атолл, братья-полипы? — снова спросил Басс, поднимаясь с пола и поигрывая четками.

Рубилы снова кивнули. Пять пар преданных глаз ловили каждое движение человека в зеленой форме медика, который совсем недавно вытирал носом стойку бара и даже не сопротивлялся. Ничего не понимающий Сальвадор схватил со стола последний крест. Еще несколько зубов слетело с

порванного ожерелья.

— Атоллу не нравится этот суетливый рак-отшельник. — Басс указал на Сальвадора, и все послушно повернулись в указанную сторону.

— Да вы че, рубцы? Это же я! — Вялый совсем утратил свою вялость, взгляд нервно забегал по лицам приятелей. Бывших приятелей. Потом он поднял руку, надеясь выявить что-нибудь при помощи сканера.

— Сестра Камилла, отрежь-ка ему клешню, — сказал Басс.

— Может, лучше сразу обе? — спросила девушка.

— Да, пожалуй.

Девушка подняла крест, и у Басса мелькнула мысль, что он поспешил с прямыми конфликтами — рубилы еще не умели пользоваться акелами как следует. Так и есть: на пол грохнулась приличная часть барной стойки, срезанная неточным выстрелом.

Не подвергнувшийся зомбированию Сальвадор оказался проворнее. Он бросил крест и схватился за более привычное оружие — собственный стек. Однако сделать ничего не успел. Кривоносый, уже попрактиковавшийся в резьбе по стеклу, вновь изящно перекрестил воздух. Правая кисть Сальвадора упала на пол с гораздо более громким стуком, чем левая.

«Все-таки у него необлегченная модель, а у меня облегченная,» — отметил Басс. — Если Шон загадал желание, ни Бага не сбудется».

Несколько секунд Сальвадор стоял молча, уставившись на свои культи. Обрезки белых рукавов фрака медленно обрастали мокрой красной каймой. Басс переключил игломет на обезболивающее и всадил в оба плеча новоявленного инвалида по доброй дозе ультранальбуфина.

— Беги, а то голову отрежу, — добавил он.

Сальвадор взвыл, прижал к животу окровавленные культи и вывалился в дверь. На улице к его вою примешался знакомый «бу-бум» от падения струнного музыкального инструмента. В качестве партии вокала добавился визг любопытной недогейши, которая снова вылезла на крыльцо добреля.

Дождавшись, пока все стихнет, Басс вывел свежеокрещенных рубил на улицу, довел до ближайшего тихого скверика и велел ждать. Чтобы они не привлекали внимания прохожих, он приказал им изображать из себя людей, агитирующих за переизбрание старой мэрши на пятый срок.

# # # # #

Когда он снова вошел в «Клевер», почти все следы происшествия уже исчезли. Стулья были расставлены, а превращенный в журавля каменный идол накрыт художественной ветошью. На оставшейся части стойки сверкал большой хрустальный снифтер, на треть наполненный коньяком. Рядом на блюдце красовалась половинка лимона, разрезанная «розочкой».

Шон вынырнул из-за стойки, держа в руках знакомый саквояж:

— Я тут… это… подлатал твою торбу. Сейчас подсохнет, погоди минутку. Вот, угощайся пока… Есть будешь?

— Нет, спасибо. — Басс отключил креветку, понюхал воздух, потом коньяк, потом лимон. Он не очень любил алкоголь, но объяснить это Шону и при этом не обидеть старого приятеля было гораздо сложнее, чем просто выпить.

— Шутишь, Бастер? Тебе спасибо, не мне! Эти зурабы третий раз мой паб режут. А полиции все равно до утра не дождешься. Разве что пришлют своих жуков с глазами.

— Рубилы, а не зурабы, — поправил Басс, встряхивая коньяк и разглядывая узор света на темном полированном дубе под бокалом. С каждым колыханием коньяка длинноногая янтарная балерина делала пируэт.

Странно, но сейчас ему захотелось оправдаться за рубил… или даже перед ними. За то, что он взял их слишком легко. За то, что он раньше и легче переключился на другой способ существования, когда ему намекнули, что его работу хирурга гораздо лучше выполнит робот, похожий на перевернутое дерево.

— Тебе повезло…

Басс задумался, стоит ли продолжать мысль вслух: «…потому что твоя нынешняя профессия вымрет не так быстро, как предыдущая». Нет, не стоит.

— …потому что бывшие скульпторы на мокрое дело идут редко, — сказал он. — Вот если бы к тебе зашла банда безработных патологоанатомов или пластических хирургов… Их искусство никого не оставляет равнодушным.

— А мне один Баг, анатомы или астрономы. — Шон махнул рукой в сторону изрезанной витрины, словно гид в музее. — Уроды, они и есть уроды, никаким дипломом их не исправишь. Куда ты этих?

— На кладбище.

Бармен покачал головой, вынул из-за стойки стек одного из рубил, покрутил рукоятку. На противоположном конце трости появилось зеленое пламя.

— Знаешь, раньше я иногда думал, что лучше было учиться на хирурга, чем на терапевта. Вот и теперь иногда я думаю —

может, стоит все-таки завести оружие? Что ни сезон, то какие-нибудь придурки обязательно заводятся в округе. Великий Гвидион не одобряет убийство живых существ, но надо же как-то…

— Брось, — перебил Басс и опрокинул в рот коньяк.

— Да, наверно ты прав. Какой я буду друид, если подниму руку на живое су…

— Я имею в виду, палку эту брось, — снова перебил Басс. — Детская игрушка, обычный слесарный резак. На полметра бьет, не больше. На-ка вот лучше…

Он вынул из саквояжа оставшийся акел с разорванным ожерельем, срезал стеком остатки струны-антенны с декоративными зубами, и положил крест на стойку.

— Полторы штуки.

Шон с сомнением поглядел на крест.

— Не сейчас, — махнул рукой Басс. — Если снова на мель сяду, зайду. Тогда и отдашь. Либо вернешь игрушку, если не понравится.

Шон кивнул, и акел тут же исчез под стойкой. Басс усмехнулся: наверное, если бы он дал Шону на сохранение небольшой космический корабль, старое здание мэрии вместе с фонтаном и еще батальон фей в придачу, бармен точно так же смахнул бы все это под стойку, и там еще осталось бы место. Единственное, что никакой бармен не смог бы легко спрятать под своей стойкой — это стойка из другого бара.

— Ты это… заходи в субботу. У нас тут Нгомбо будет выступать. — Шон кивнул в глубину бара: на дальней стене висела связка каких-то датчиков.

— Тот самый кардиолог из Конго? «Сосудопластика с использованием наноботов»?

— Ну да. Только теперь он это… кардиодраммер. Играет на собственном сердце, так сказать. Транслирует ритмы прямо на медяки всего зала. Девочкам из добреля очень нравится. В этот раз будет вместе с одним ушником выступать. В смысле, с сиджеем. Тот поверх ритмов Нгомбо накладывает свою «музыку тишины» из пауз. Еще лучше выходит.

— Я занят в субботу. Но все равно спасибо.

Басс проглотил остатки коньяка, зажевал лимонной розой и вышел к новообращенным братьям-полипам. Пяти биороботов должно хватить. Если не для битвы с призраками Эдема, то по крайней мере для хорошей разведки.

ЛОГ 9 (ВЭРИ)

Ого, вот так вираж! Предупреждать же надо…

Не пролетели они и пары кварталов, как Марта резко спикировала вниз и на той же скорости понеслась среди зданий-раковин. Вэри чуть не потеряла наставницу из виду.

Сама виновата. Зачем-то настроилась, что полет будет столь же однообразным, как перед заброской в клинику. Тогда они высадились из киба на окраине города и полетели на другую окраину. Вот и решила, что теперь будет так же: на большой высоте, на открытом пространстве желтое сари понесется вслед за бордовым по серому небу, похожему на испорченный йогурт.

Но сегодня они летели не по окраинам, а прямо в центр, по запутанному лабиринту тоннелей-улиц, словно пара морских коньков — по кладбищу донных моллюсков, оставивших от себя лишь ракушки. За все это время время Марта лишь раз поднялась повыше и сбросила скорость, делая круг.

— Хорошее наглядное пособие, — прозвучал в ушах голос наставницы. — Как оценить частоту кадров фантома, ты уже знаешь. Теперь немного истории того же вопроса. Ну-ка, блесни эрудицией: когда возникло кино? Да не бойся, в этот раз бить не буду, у меня руки заняты.

— В тысяча восемьсот… в девятнадцатом веке, — неуверенно пробормотала Вэри в ответ. Впрочем, кричать все равно нет смысла: Третий Глаз и так донесет ее слова до своего собрата-искина на голове у Марты.

Так и есть, донес. Марта без слов указала вниз. Заброшенный сад, высокая каменная стена и огромная человеческая фигура спиной к ней. При их приближении бронзовая фигура стала махать руками — вверх, вниз, вверх… Иллюзия движения сохранялась недолго: когда они пронеслись над головой Шивы, стало понятно, как достигается этот эффект. В стене за каждой из восьми рук статуи находились отверстия, через которые солнечный свет падал на блестящий металл. С другой стороны стены водяной поток вращал мельничное колесо. Перекладины колеса закрывали сначала самую верхнюю группу отверстий, затем следующую — и так до самого нижнего ряда, заставляя гаснуть и снова вспыхивать то одну, то другую пару бронзовых рук.

— Континент относительно молодой. — Марта вновь набирала скорость. — Но местные монахи построили этого Шиву по чертежам, которым не меньше, чем «Лотосовой сутре». Так все-таки: когда появилось кино?

— Не знаю.

— Ага, уже лучше.

Вот в таких уроках — вся Марта. Объяснить любую вещь на пальцах и заодно доказать, что ничего нового вообще не бывает. Штриховая голография на медных блюдах и пороховые ракеты древних китайцев, паровые машины и астрономические компьютеры древних греков, резонансная телефония африканских пигмеев… Интересные вещи, конечно — но к чему эти древности? Современные устройства гораздо сложнее, и команды для управления ими все равно не узнаешь из таких аналогий. Разве что общие принципы…

Однако хватит кружить: пока Вэри размышляла, наставница опять унеслась далеко вперед и всем видом показывала, что не собирается ждать.

Они снова поднялись повыше. Кое-где целые горизонты города обрывались вниз причудливыми спиральными галереями, и Вэри едва успевала нырять за Мартой в эти провалы, периодически теряя представление о том, где верх. Несколько поворотов ракушечного лабиринта — и очередной кусок неба выскакивает в самом неожиданном месте.

Да уж, это тебе не родной городок-музей, с аккуратным прямоугольником Старого Города и единственным серьезным тоннелем в Коралловой Горе. Там даже ребенок может обойти весь центр без искин-навигатора. А в этом ракушечнике и с навигатором не разлетаешься, если он не подключен к общей системе контроля трафика. Сразу пробка будет ого-го какая…

Вернее, была бы. На первый взгляд Калькутта-4 выглядела как зона военных действий, где распылили особо прожорливый штамм бактерии-камнееда. Хотя, если приглядеться, это больше похоже на сильный удар «комптоновской глушилкой» в сочетании с вонючими бомбами: ни людей, ни техники не видно — но и реальных разрушений практически нет. Просто многие раковины-небоскребы после отключения обликов оказались фальшивками. В одном случае все ограничивается парой этажей, в другом — фронтальной стеной. А остальные части зданий лишь намечены скелетными конструкциями, несущими давно отключенные голопроекторы. Вот они и выглядят как развалины.

Но и того, что осталось, хватит, чтобы сломать шею. Устав от непредсказуемых виражей наставницы, Вэри решила ориентироваться по зарослям бэтчер-баньяна — который и был настоящим виновником здешнего опустошения. За городом заросли серебристого инея можно было встретить лишь по берегам водоемов. И по ошибке принять за органику. Но здесь, в даунтауне, бэтчер-баньян показывал свое истинное лицо

индукционного паразита. Ровные дорожки блестящих кристаллов лежали вдоль линий электросети даже там, где кабели проходили в стенах. Было видно, что санитарные ливни раз за разом смывали иней с наружных стен и торчащих в небо скелетных мачт псевдонебоскребов. Однако ближе к земле, в углах и нишах, в местах ветвлений невидимых проводов по-прежнему лепились сугробы с зеленоватым отливом, и снова тянули щупальца навстречу друг другу. Весь город, как выкройка, был аккуратно размечен сверкающим пунктиром по швам. Довольно удобный ориентир, но…

Стоило приспособиться к этой разметке, она тут же сбивалась из-за «серверов» — так называла эти образования Марта во время их прошлого перелета. Кристаллы бэтчер-баньяна в таких местах были разноцветными и формировали на стенах круги со сложным, но симметричным узором. Бегущие через весь город дорожки серебряной плесени вливались в эти круги очень плавно, издалека начиная чуть-чуть менять направление. Вэри несколько раз пропускала момент, когда блестящий пунктир, единственный признак очередной улицы, как будто забывал про улицу и сворачивал к очередному «серверу».

Изъеденные санитарными ливнями «сервера» напоминали раздавленные клумбы. Но один раз попался активный: из центра сверкающей мандалы не менее пяти метров в диаметре торчали вверх две черные сосульки. Казалось, разноцветный иней, перебрав все возможные варианты калейдоскопа, не выдержал и вырвался наконец из плоскости в третье измерение. Когда Вэри пролетала над этим огромным лотосом, между его черными тычинками проскочила искра — и в тот же миг аэрикша потерял управление.

От падения спасла только скорость. Пролетев по инерции еще несколько метров, она вновь ощутила работу крыльев как раз в тот момент, когда накатил страх. Вэри ойкнула, и гулкое эхо разнеслось по ракушечным галереям.

Марта обернулась, нахмурилась:

— Если зашиваешься — включи автопилот. Два раза подряд везенья не будет. Кстати, лучше всего эти серваки растут в желудке.

Вэри непроизвольно шарахнулась от ближайшей стены, хотя там не было ни пятнышка серебристого инея. Как же так? А этот веселый толстяк из отдела биозащиты? Он ведь говорил, что прививка…

— Наши прививки, так же как респираторы местных, защищают только от спор в воздухе, где их мало. — Марта отвечала на мысли ученицы быстрее, чем они возникали. — Но

если ты разуешь варежку и ввалишься прямо в зону роста, то через две минуты я уже не смогу относиться к тебе как к своей ученице. Одна местная секта называет это «обрести просветление под бэтчер-баньяном», но из соображений элементарной научной объективности мне придется назвать тебя «органическим электролитом». Не знаю, заметила ли ты, что эта гадость уже сделала своей батарейкой целый город. А ведь не прошло и года после того, как идиоты из Санта-Фе научили рекламные логли самостоятельно отыскивать себе питание. Этих свободных фермеров соей не корми, дай только потестировать новые формы искусственной жизни на отсталых континентах….

— Неужели Артель не просчитала такой вариант развития событий?

— Не задавай глупых вопросов, шпилька. Лучше смотри, куда летишь.

Пришлось снова оставить попытки анализа окружающего мира и не спускать глаз с бордового сари наставницы. Тем более что непривычная модель аэрикши не давала расслабиться. Когда Вэри в очередной раз сбилась на повороте и чиркнула крылом по стене, Третий Глаз предложил перейти в режим дублирования ведущего. Скрепя сердце, она согласилась. В поле зрения тут же появились две бордовые и две желтые синусоиды, а руки сами собой начали работать так, чтобы желтые траектории как можно точнее накладывались на бордовые.

Увы! Чувство облегчения, принесенное аккуратными мышечными подсказками хореографа, продержалось недолго. Вспомнились гунды. А за ними — лишенный защиты, тускнеющий зрачок зеленого сада в центре мертвого озера.

И мальчик-трион, которого она обманула.

# # # # #

Головокружительный перелет закончился как раз тогда, когда голова уже не знала, в какую сторону ей кружиться. Вылетев из очередной винтовой галереи, Вэри увидела, что наставница приземляется на центральной площади города. Марта мягко присела, коснувшись земли — и вот уже идет, поправляя сари, к маленькому кафе под стеной какого-то мрачного здания.

Аэрикша Вэри проделал тот же маневр. Перед самой посадкой Третий Глаз дал команду ногам чуть согнуться в коленях — получилось точь-в-точь как у Марты. Зато после этого искину пришлось решать непростую задачу, совмещая дублирование жестов Марты с сохранением равновесия хозяйки.

На втором же шаге Вэри сильно качнуло, и если бы хореограф не стимулировал взмах руками, она бы точно свалилась.

«Тоже мне, дублер кривочипый, — злорадно пробормотала Вэри, закрывая Третий Глаз. — Ходить с головокружением — это тебе не польку плясать».

Через несколько шагов собственный вестибулярный аппарат справился с переходом от летания к хождению. Эта маленькая личная победа, в сочетании с ошибкой искина, подтолкнула Вэри с новому импровизированному соревнованию. Подумаешь, пару жестов повторил! На курсах Кои обучали и не таким трюкам.

Почти догнав наставницу, она притормозила и пошла следом, копируя походку Марты без помощи хореографа. Шаг в шаг, вдох-выдох, я-она…

Увы, настоящего «манэру» не получилось. Либо сама наставница изображает чужую походку, либо слишком неравные условия. Конечно, Марте не приходится гадать, как посреди разрушенного города уцелело это чистенькое кафе. Если только…

Эх ты, эмпатка багова! Ну конечно! Сейчас, когда они уже подошли, все стало яснее ясного. Но ведь та же мысль впервые пришла к ней еще минуту назад — когда она начала копировать Марту. Все это было в уверенной походке наставницы! И то, что эти три столика с хрусталем на белоснежных скатертях появились здесь только перед их прилетом. И то, что сидящим там людям не нужны респираторы, ведь они….

Но все это уже улетело, пронеслось в голове мутным потоком, в который она не удосужилась сунуть руку и выловить золотых рыбок. А вместо этого начала размышлять, чем ее настроение отличается от настроения Марты. Вот дура! Ой…

Сандалия зацепилась за выступ коралловой мостовой, ремешок лопнул, и Вэри чуть не шлепнулась прямо на столик. Хорошо, что Марта вовремя подхватила ее под руку и даже сделала такой жест, словно подводит ученицу познакомиться с теми, кто сидит за столиками.

— Кланяться необязательно. Мы ведь не на Родных Островах. — Пожилая женщина, оказавшаяся ближе всех, приветливо улыбнулась.

Издали Вэри мысленно окрестила ее «корягой». Ни рук, ни ног старушки не было видно, поскольку все ее тело — если оно вообще имелось — было закутано чем-то клетчатым и бесформенным. Точно коряга, облепленная квадратными пищевыми устрицами двух сортов. Над клетчатым коконом торчала голова: всклоченные черные волосы почти скрывали лицо, оставляя на всеобщее обозрение лишь выдающийся нос. Нос к тому же оказался кукольно-узким, почти бумажным: в профиль

он был похож на клюв большого осьминога, но когда женщина повернулась, чтобы взглянуть на Вэри, нос почти исчез.

Зато сам этот взгляд окончательно разрушил образ приветливой старушки, возникший было после улыбки незнакомки. От желтых глаз, сверкнувших из-под черной челки, хотелось спрятаться. Сразу вспомнились беды новенькой феи Сандры, устроившейся в добрель после краха своей олимпийской карьеры. Когда у нее на родине, в Старых Штатах, понаставили везде глазных сканеров, то сначала это вроде бы не мешало. Но потом появились китайские контактные линзы с имитаторами сетчатки и радужки. Полиция не придумала ничего лучше, чем «более подробное сканирование». Тогда китайцы научились выращивать целые новые глаза — опять же, с любыми рисунками. Спецслужбы в ответ снова увеличили мощность лазеров в сканерах. В результате Сандра, которой прочили «золото» по сексоборью на Олимпиаде в Антарктиде, целый день ходила полуслепая после таможенного досмотра. А во время решающей схватки допустила досадный промах и так широко открыла свои эрогенные зоны, что ее противнику-итальянцу даже не понадобилось применять болевые приемы.

Отогнав ужасные образы американской действительности, Вэри мысленно перебрала все известные ей приветствия других народов. По привычке, конечно же, хочется выполнить «рицурей». Но ведь эта коряга уже намекнула, что мы не в Японии. Может, местное «намасте»? Однако у этой клетчатой совсем не индийский видок. Скорее, Европа какая-то…

Ну, пусть будет неовикторианский «книксен». Вот еще бы вспомнить, с какой ноги… А-а, ладно, пусть кривочипый работает.

Она открыла Третий Глаз и выбрала нейроскрипт. Правая подошва тут же коснулись коралловой мостовой: искин-хореограф отвел назад ногу хозяйки, но без сандалии. Мостовая была шершавая и теплая.

К частью, столик скрывал от клетчатой и ноги Вэри, и отдельно стоящую сандалию с оборванным ремешком. Завершив дурацкое приседание, Вэри взглянула на седого человека за другим столиком.

Если у клетчатой только в глазах и светилась жизнь, то здесь все наоборот. Темно-серые, как у младенца, глаза — самая неизменная часть лица. Два спокойных ледяных острова в дрожащей воде складок и морщин. Миг назад это волнующееся озеро было лицом пожилого мужчины. Но теперь его черты расплылись, а затем стали быстро складываться в нечто знакомое, очень знакомое…

Вэри быстро перевела взгляд на собственные ноги и поднесла руку ко лбу. Холодный камешек был на месте.

— Вы опоздали на шесть минут, — заметил мужчина.

— На нее напали гунды после выхода из зоны прошивки. — Марта села за свободный столик и указала Вэри на стул рядом с собой. — Это моя вина, профессор.

— Вижу, она не дала себя загундить. Однако после таких столкновений невредно подкрепиться.

Он хлопнул в ладоши. Вэри подняла глаза. Но чтобы не смотреть снова в странное лицо, стала разглядывать одежду мужчины. В памяти всплыло слово «камзол». Однако она не была уверена, что этот длинный синий пиджак с алыми цветами на отворотах должен называться именно так. С этой новоархаичной модой появилось столько всяких фасонов…

— Мне как обычно, — бросила Марта.

Вэри готова была поклясться, что всего миг назад за спиной наставницы никого не было. Но сейчас там стоял еще один мужчина. Маленький золоченый планшетик, почти утонувший в его ладони, лишь подчеркивал монументальность фигуры. А густые усы, похожие на расколотую обувную щетку, отлично сочетались с челюстью сорок пятого размера. «Не ладно скроен, да крепко сшит», обычно говорила Марта о подобных типах.

Толстую шею усатого верзилы крепко стягивал стоячий воротник белого френча. «Любимый фасон мелких полицейских шишек и больших политических снобов», отметила Вэри. И тут же опять засомневалась. Кажется, здесь он играет другую роль…

Ах, ну да. Марта же предупреждала. Артель находит людей с нужными ей способностями среди самых разных профессий. Но чтобы работать в Артели, им подыскивают необременительную «основную работу»… скажем, делают их управленцами средней руки в сфере гуманного обслуживания. У руководителей рангом повыше и исполнителей рангом пониже обычно нету свободного времени. А вот серединка… Мужчинам это, наверное, даже легче — из них настоящие руководители редко выходят, зато в службах гумподдержки их полно. Вот и этот усатый вполне смотрелся бы в роли метрдотеля в каком-нибудь небольшом ресторанчике. Знай себе стой на виду целый день, вся работа. Идеальное место для модельера Артели.

Усатый вдруг обернулся к ней.

Баг, да что у них всех с глазами?!

У этого глаза двигались так, словно рисовали бурное море за спиной собеседника. Вроде бы на тебя смотрит — и в то же время насквозь, куда-то вдаль, то влево, то вправо. Вот кому дурить сканеры. От такого взгляда сама себя чувствуешь как китайская

голограмма.

Вэри поглядела на Марту. Та едва заметно покачала головой. «Опять сваливаешь на других свои проколы, шпилька?»

Да помню, помню…. Разные типы психики, у всех свои способы коммуникации. Визуалы, аудиалы, кинестетики, дигиталы и прочие. Зрительный контакт никогда не был твоей сильной чертой, куколка. Расслабься. Не умеешь смотреть в глаза — слушай, как скрипит обувь.

Вэри посмотрела вниз. Человек в белом френче носил неброские черные туфли с острыми носками и мягкой, довольно толстой подошвой. Обувь как обувь — без декоративной пыли, но и не самомоющаяся. Ни германских реактивных движков, ни испанских биозастежек с глазами. Да и аудиоприставки как будто нет: никакого цоканья, хлюпанья, скрипа. Стоит себе тихо. Точнее говоря, почти незаметно качается, мягко так переносит вес с пяток на носики и обратно… Ха! У него пъезоаккумуляторы! Потому и подошва такая толстая.

Ну, этому нас и до Марты учили. Как там старшая фея Ванда цитировала из книжки? «Скажи мне, чем ты питаешься — и я скажу, кто ты». Оптимисты обычно обклеиваются эпитаксами из оксида титана, надеясь на солнечную погоду. Пессимисты — те заливают свои фуллереновые «баки» спиртом. Ностальгирующие по прошлому предпочитают газ. Экологи — сахар. Экологи-экстремисты — мочу. Ну а в ручную или в ножную подзаряжаются вот такие типы: самостоятельные и…

Усатый вежливо кашлянул. Ох, да он ведь ждет, когда ты сделаешь заказ!

— Спасибо, я не голодна.

Двухметровый усач продолжал смотреть сквозь нее. Марта опять покачала головой.

— А что бы вы порекомендовали? — Вэри попыталась поймать глаза усатого.

Не удалось. Верзила с усами отвел в сторону руку с планшетиком, словно издали ему лучше видно. Прищурился, что-то там разглядывая. И медленным басом прогнусил в усы:

— Вам лично? Ы-ы-ы… Суп «Три сыра и трюфель». Тыквенные оладьи с томатным повидлом. На десерт… ы-ы-ы… мороженое из сирени с миндалем. Липовый чай. И еще… ы-ы-ы… новый ремешок для правой сандалии.

— Да, — только и выдохнула Вэри.

А что тут еще сказать? Она уже представляла в общих чертах, чем занимается Артель. Сбор и анализ огромных массивов данных, в том числе — личных. Работая младшей феей, она полагала, что персональные выкройки клиентов моделируются в

самих добрелях. Но после знакомства с Мартой стало ясно, что это — лишь самый нижний уровень Ткани. А владелец добреля, вездесущий Марек Лучано — лишь один из так называемых «Поставщиков Сырья».

Но чтобы так точно просчитывать вкусы… Да и на какой основе?! Конечно, в ее личной выкройке зафиксировано, что она потребляет не меньше двухсот граммов сахара в день. Там наверняка учтено и сиреневое мороженое, к которому она неравнодушна. Но усатый назвал не сиреневое, а сиреневое с миндалем. Плюс еще три блюда, которых она и не пробовала. Хотя про одно из них слышала и собиралась попробовать. Но разве невысказанное желание может попасть в базу данных?

Тем не менее, стоило усатому произнести все вместе — сразу стало ясно: это ее меню. Только для нее. Про нее. Включая и порванный ремешок.

Вслед за восторгом пришла настороженность. Даже самая юная фея знает, что такие подробные данные о клиентах можно использовать по-разному… Вэри непроизвольно запахнула сари поплотнее. Но волна протеста уже бурлила внутри, требовала выхода. Неужели этот верзила так и уйдет с довольной ухмылкой к своей палатке? Вэри уперлась глазами в широкую белую спину.

— И еще яблоко!

Усатый обернулся с озадаченным видом. Марта вздохнула. Женщина в клетчатом хмыкнула.

— Поздравляю, полковник, — скривился седой. — Профессиональная привычка к погрешности в десять процентов не подвела вас и здесь.

— Прошу меня извинить… — Взгляд усатого нервно забегал между синим камзолом и желтым сари. — Я и предположить не мог, что это такой… ы-ы-ы-ы… то есть такая… Вы бы хоть предупредили, господин профессор!

— Моя работа состоит не в том, чтобы предупреждать. Я председатель экзаменационной комиссии. А за безопасность здесь отвечаете вы! Сегодня вы не озаботились тщательным изучением личной выкройки новой сотрудницы, решили блеснуть оперативной разработкой. А завтра что? Перестанете подключаться к ботам наблюдения, и на кого-нибудь из членов Совета прыгнет с крыши взрывчатый таракан?

Белый френч стал оправдываться. Но теперь он сыпал такими терминами, что Вэри практически сразу перестала что-либо понимать. Другое дело — слова седого о таракане. Она огляделась, прикидывая возможные источники опасности.

Маленькую площадь окружало четыре высоких здания, не имеющих ничего общего с общегородским ракушечником.

Вспомнив Старый Город, Вэри пришла к выводу, что здесь и был свой исторический центр. Точнее, историко-религиозный.

Пока в развитых странах пробовали свои силы многочисленные молодые секты, на отсталых континентах вели борьбу за умы старые, проверенные веками религии, которые лишь слегка сменили одежды. Будь на то воля Вэри, она предпочла бы вообще ничего не знать об этих крайне иррациональных системах, каждая из которых на свой лад внушала людям одни и те же несбыточные мечты. Но как об этом не знать, если в любом добреле даже на младшую фею сваливается такая гора информации из клиентских выкроек! А пока ты, пользуясь этими данными, проводишь свою терапию, клиент и сам рассказывает что-нибудь, пополняя базу, помогая Ткани узнать побольше о мотивах своих поступков. Но ведь и у феи есть память…

Вот, например, индуизм, розовая безвкусица на противоположной стороне площади. Помешательство на мифических тварях, свойственное всем первым поселенцам, удивляло Вэри своей устойчивостью даже на ее родном континенте. В Старом Городе на обликах зданий можно было найти с десяток голографических львов. И все были настолько разными, что становилось ясно: их дизайнеры никогда не видели этих биоргов вживую.

Здесь тот же самый абсурд обострен до предела. Храм Кали напоминает четырехмерный «Эротетрис», в который любят играть молодые феи во время пересменок. Ни лепестков «умного стекла», ни ветвящегося металлопластика — лишь сплетенные каменные тела змей, слонов и еще каких-то промежуточных монстров. Кое-где торчат человеческие, то есть вполне женские груди. А вся оргия вместе — многоэтажная женская голова, с тремя прожекторами вместо глаз и воротами в качестве рта. Наглядная иллюстрация к бесчеловечным опытам тхагов.

Именно к этой опасной группе генетиков тянулась строчка в выкройке того индуса, что приходил в добрель позапрошлой зимой. Очень веселый был парень, улыбался как заведенный. Вэри сразу же заподозрила, что все его байки о «перерождении» и «чистке кармы» — не просьба о помощи, а форма вербовки: тхагам требовались покорные производительницы эмбрионов. Пришлось сдать его полицейским ботам, как требовала инструкция.

Зато небольшая мечеть, справа от змееслоновника, навевает приятные воспоминания. Пара стройных голубых минаретов из суперкоралла, ажурные белые решетки на окнах… О да, это был настоящий клиент! Пожилой араб-терраформщик, один из

строителей того самого континента, где она родилась. Бум искусственных континентов заканчивался, и почетного гражданина города очень мучила мысль, что потомственная профессия вымрет. С ним пришлось провести четыре сеанса, прежде чем наметилось просветление. Но зато какое! На последнем сеансе почетный старик со слезами каялся, что всю жизнь в погоне за барышом думал только о крупных проектах — а ведь его великие предки даже в скромных оазисах посреди пустынь создавали шедевры гидродизайна, привносящие мир в души путников всех сословий и рас.

Но такой успех — редкость. Чаще случаются недоделки, как с тем русским. Зато знаешь теперь, что сверкающие икосаэдры куполов и шестигранные призмы-модули напротив мечети — вовсе не орбитальная станция, рухнувшая вскоре после запуска. Нет, господа экзаменаторы, это лишь православно-оздоровительный монастырь. Но и сходство со станцией не случайно. Двадцать лет назад Святороссия почти монополизировала космический извоз. Однако системы телеиммерсии, позволяющие подключаться к телам космонавтов и других экстремалов, гораздо активнее развивал Фалуньгун. Когда в моду вошел иммерспорт, у этой китайской оздоровительной секты уже имелась готовая армия олимпийцев, чьи телетела сдавались за бешенные гигаватты. Естественно, Русская Церковь не хотела смириться с тем, что косые фалунные братья, которые подорвали ее табачный бизнес в Сибири своими дыхательными упражнениями, теперь еще и на небесах верховодят.

Это и привело к расцвету монастырей, ставших центрами подготовки — а заодно и религиозной прошивки — иммерспортсменов. Построенные по образу орбитальных станций, с обилием шестигранников и громко дышащих фалуньгунцев, новые православные монастыри пугали даже самих русских. Однако спортоиереи быстро утихомирили паству, сообщив, что форма и дух строений заимствованы у пчел, живущих по христианским законам.

Но у некоторых остались проблемы личного плана. Как у того красавца-святназовца, посвятившего Вэри в тайны своей религии. Оказалось, что развивая торговлю космическими телетелами, Русская Церковь другой рукой осуждает все виды дистанционного секса. А натуральный способ, по словам клиента, был для него утомителен. И практически не оставлял свободного времени ни на крестный кросс, ни на акробатику, ни на дыхательную молитву.

В общем, у него был «прокрустов комплекс», типичная

задачка по компси. Детская травма, вызванная несовершенной технологией коммуникации. Какой-нибудь допотопный телефон отца, а может и что похуже. Потом еще добавляется неудачный опыт общения с противоположным полом: узкие каналы, постоянные обрывы связи… Все это вытесняется в сферу бессознательного и ведет к фиксации на грубом прямом сексе. А религия тут, как и в большинстве случаев — просто легкий способ оправдания своих комплексов.

Но в теории-то легко, а на практике — как помочь человеку, скованному религиозным запретом? Весь первый сеанс пришлось посвятить варварской эротике. Лишь со второго захода замкнутый русский немного разговорился. И даже пытался увлечь Вэри какой-то спортивной трансляцией, тыкая в иконки на экранчике своей Библии. «Патриарх проходит по левому краю… Теперь крест в руках у служителя… Патриарх уже приближается к вратам!.. Служитель передает крест!..» Она мало что поняла, но старалась сочувственно вскрикивать в наиболее острые, как ей казалось, моменты игры.

Если б он пришел в третий раз, они могли бы закрепить его успехи, но… Вэри сама была не прочь его увидеть: она слышала, что у пчел есть какой-то свой язык танца, и хотела спросить, учитывают ли это русские в своей пчелиной архитектуре. Да и он, казалось, проникся к ней симпатией. На прощанье даже подарил расписное яйцо из пищевого пластика, предварительно объяснив свою народную традицию — дарить такие яйца самым близким людям на День космонавтики, который в Святороссии называют «Пасхой». Это было так трогательно — узнать, что русские тоже почитают Покемона-Пришельца, любимого героя ее детских игр!

Но больше он не пришел. Наверняка была уважительная причина: Вэри выяснила, что один из серенькых узелков в выкройке святназовца символизирует сделку с местной мафией. Это только укрепило ее уверенность в том, что бедняга так и не прочувствовал идею правильного подбора средств коммуникации. А поэтому будет и дальше изнурять себя грубым прямым сексом.

Повернувшись, чтобы осмотреть следующий храм, Вэри обнаружила, что его загораживает белый френч. Она вынырнула из воспоминаний и прислушалась к разговору.

— …С этой точки зрения нет никакой разницы между неучтенным яблоком и сбившейся с курса ракетой, — выговаривал усатому седой. — И то, что сейчас вы не на стрельбах, вовсе не упрощает вашу работу. Я знаю, что Минобороны вашей бывшей родины все еще живет по законам прошлого века. Там до сих пор принято увеличивать свой бюджет «для дополнительных исследований» с помощью нарочных

промахов. Или устраивать маленькие войны для того, чтобы избавиться от бомб с истекшим сроком годности. Но в системе, с которой вы работаете теперь, совершенно иной порядок точности…

Похоже, это у них надолго. Вэри чуть повернулась на стуле: с такой позиции можно было заглянуть за спину стоящего рядом полковника-метрдотеля.

Мини-выставка храмов включала еще один экспонат. Мрачная простота выделяла буддийский дацан среди прочих культовых сооружений. На подлете к площади Вэри приняла его за огромный штабель коричневых плит, забытых посреди города каким-то неудачливым продавцом коричневых плит. Но вблизи видно, что это не куб, а усеченная пирамида, словно с годами стены понемногу стекли к основанию. Может, и правда стекли? Ведь дацаны делаются из прессованного мусора: буддисты верят, что таким образом способствуют установлению гармонии в мире, где производится огромное количество ненужных вещей.

Вспомнить бы еще, что за клиент оставил в ее голове этот инфо-мусор… Ах да, женщина. Хорошо одетая в черно-белое, с раскосыми глазами. Злоупотребляла синтетическими феромонами. Не буддистка, но, как она выразилась, «что-то в этом духе». Долго стеснялась рассказывать, что ее привело в добрель. А когда раскололась, Вэри едва сдержала смех. Эту миногу-вертихвостку мучила мысль о том, что отношения с ее пятничным дневным парнем разваливаются из-за кулинарии. Ведь рестораны — основное место их встреч. Но она вегетарианка, а он даже пиво планктоновое пьет.

Смех смехом, но такие клиенты — самые легкие и самые ценные. Никакой психиологической помощи им не нужно. Они приходят в добрель за тем, чего не смог предоставить им собственный Ангел, маломощный личный искин. Они приходят за поэзией.

А поэзия для добреля — чуть ли не главный источник дохода. Хотя и делов-то, как говорится, два стежка кинуть. Спеть красивую танку о том, что в каком-нибудь «Синем Лосе» хороший выбор и мясных, и вегетарианских блюд. Да еще парочку стихотворных импровизаций, благо темы сама посетительница подсказывает. «Извините, нельзя ли узнать… У вас тут много мужчин бывает, правда? Вот я и подумала… Эти ваши укропные духи, что это за линия?»

Вэри повела носом. Нет, от дацана не пахло ничем — наверное, мусор для него подбирали в ходе длительных медитаций. Зато бэтчер-баньян здесь вел себя необычно. На растрескавшейся стене иней-паразит нарисовал совершенно

феерические дендриты — но без круговой симметрии, как в случае «серверов». Оставалось предположить, что в стене спрятаны нетривиальные, и возможно, еще работающие электроприборы для демонстрации каких-то религиозных «чудес».

Взгляд сам собой побежал по стене на самый верх. Ряд узких окон, под ними балкончик. Так и представляется: люди в оранжевых одеждах выпихивают оттуда мертвое тело, оно падает, или скорее катится вниз по наклонной стене — но где-то посередине, попав в зону действия скрытых устройств, вспыхивает и осыпается розовыми пеплом…

…прямо на головы живых. Взгляд Вэри вернулся вниз. Палатка, куда уходит усатый во френче, закончив спорить с седым в камзоле. Три столика с белоснежными скатертями, витые черные стулья. Загородка из столбиков с бордовыми шнурами. Как объясняла перед экзаменом Марта, весь Совет никогда не собирается вместе. Зато «тройки» всегда разные. Стало быть, здесь тоже есть свои ритуалы. И это маленькое кафе — в каком-то смысле тоже храм. Только передвижной. И наверное, более защищенный — все-таки Артель… Хотя со стороны не особенно понятно, что помешает взрывоопасному таракану прыгнуть с любой из этих крыш.

Правда, сейчас все четыре храма выглядят совершенно мертвыми. Да и Третий Глаз легко уведет тело с банальной траектории падающего предмета. Но с другой стороны, кто его знает. Вэри поежилась. Приходил же к ней один псих — заказал «австрийскую рулетку», а когда она отвернулась, попытался подменить патроны. Хорошо, что заметила: таких самонаводящихся «ос» ее хореограф не отловил бы…

Женщина в клетчатом коконе перехватила ее взгляд и улыбнулась. Желтые глаза больше не жгли.

— Фу, какие суровые затяжки у вас, профессор, — проворковала она. — А по-моему, импровизация полковника была хороша. Но и девочка молодец, отшила. Кстати, на предыдущей «тройке», в которой я участвовала, рассказывали забавный анекдот. Группу модельеров отправляют в прошлое, наметать дело о рождении Иисуса Христа. Через день они представляют модель. Лицевая: непорочное зачатие. Подкладка: внебрачный сын от римского солдата. Изнанка: при партеногенезе рождаются только вредные девочки.

Несколько секунд Вэри ожидала смешного продолжения, но потом поняла, что просто ничего не поняла. По улыбке Марты можно было догадаться, что это и вправду анекдот, только чересчур профессиональный.

Зато седой в камзоле помрачнел еще больше.

— Мы собрались здесь не анекдоты травить. Объясните, наставница, зачем вашей ученице понадобились все эти игры с проникновением в клинику под видом пациентки?

— У меня была теория… — начала Вэри. Но осеклась, вспомнив, что спросили не ее.

— Теория? Вы что, квантовой физикой на досуге занимаетесь?

Вэри виновато посмотрела на Марту. Та лишь дернула плечом: сама начала, сама расхлебывай.

— Когда я ознакомилась с материалами по этому делу, — продолжала Вэри, — то обнаружила любопытную деталь. Клиника находится в самом центре квартала, заселенного гундами. Их главное оружие — кинестетическая суггестия…

— Где вы взяли этот ужасный термин? — поморщился седой в камзоле. — Впрочем, продолжайте.

— Мультиперсоналы спрятали свою клинику именно в этом районе, поскольку для них гунды работают как защитный фильтр. Мультиперсонал не поддается… м-м-м… той обработке, про которую я говорила. Пока вы будете обрабатывать одну субличность, другая это заметит и примет меры. Зато обычные моноперсоналы не проходят такой фильтр, и их гунды задерживают.

— А как это связано с вашей работой? Вас забросили по воздуху, минуя гундов.

— Да, но проблема обработки мультиперсоналов осталась, ведь с этим было связано мое задание. — возразила Вэри. — Они очень мало используют электронную аппаратуру и отлично изолируются. Проникнуть к ним с электроникой очень сложно…

«…вот и приходится ходить в архаичных сандалиях, которые никаких команд не понимают!», мысленно продолжила она, пытаясь пальцами ноги прихватить обрывок ремешка.

— … И добыть у них информацию можно только через личные контакты. Однако даже это, как я узнала, мало кому удавалось. Когда стало ясно, зачем нужны гунды, я поняла, что многие наши провалы в работе с мультиками объясняются их устойчивостью к обычной персональной суггестии. С ними нужно использовать методы, более подходящие для групповой обработки. Но для этого нужно настроить все субличности на более-менее одинаковое отношение к оператору.

— Как?

— Ну, можно рассказать анекдот…

Седой в камзоле опять поморщился. Вэри перевела взгляд на Марту, а потом на женщину в клетчатом. Те при упоминании анекдота улыбнулись.

— Ясно. Дальше, — проворчал седой.

— Юмор не всегда является удачным стержнем для группового настроя. Я решила попробовать другое чувство — жалость. Точнее, желание врача помочь больному. Отсюда роль пациентки, мечтающей стать полноценным мультиком. Это сработало…

Вэри замолчала, снова вспомнив обманутого триона. И как исчезал облик, маскировавший клинику. А ведь Марта говорила, что с ними ничего не будет. Нужно лишь обработать доктора и вытянуть у него данные о других членах движения «Мультиперсоналы без границ». Среди них ведь есть и психотеррористы. Да, но при чем тут клиника самого Шриниваса?

Никто за столом как будто не заметил ее задумчивости. Усатый полковник-метрдотель как раз вернулся с подносом и начал расставлять на столе первую перемену блюд. Вэри опустила ложку в суп, остальные тоже как-то подтянулись к еде.

Правда, настоящих едоков оказалось немного. Помимо супа Вэри, на столе появилась небольшая миска с любимым салатом Марты да блюдце с халвой, сопровождающее чай для профессора. Клетчатой коряге досталась и вовсе микроскопическая вазочка с черными ягодами.

Молчание нарушил седой.

— Неплохо… — медленно произнес он, понюхав пар из чашки, так что Вэри вначале отнесла эти слова на счет напитка. — Неплохо для начинающего модельера.

— Я ходатайствовала, чтобы ее взяли в «Декон», — вставила Марта в той же рассеянной манере. Миг назад она выловила из салата какой-то комочек и теперь внимательно его разглядывала.

— Минуя стадию обычного модельера? — седой отхлебнул чаю. — Не знаю, не знаю… Конечно, с клиникой у нее получилось, но…

— Что с ними будет? — спросила Вэри.

Все, кроме Марты, посмотрели на нее. Вэри и сама удивились, как это у нее вылетело.

— С кем? — Профессор поставил чашку, всем видом показывая, что не любит, когда его перебивают.

— С пациентами доктора Шриниваса. Я думала, клинику не будут закрывать. Ведь там еще много пациентов-мультиперсоналов, субличности которых…

— Ах, вы про это! — Человек в камзоле махнул рукой и снова взялся за чай. — С ними все будет в порядке. Их свяжут хвостами.

— Хвостами?

— Я же тебе говорила, шпилька: никто не пострадает. — Марта выглядела недовольной. — «Связать хвостами» означает

поставить мультику искина-контролера, который обеспечит мирное сосуществование субличностей. Проще говоря, их вылечат.

Вэри насупилась. Ну да, вылечат! Почему же у нее не выходят из головы слова доктора о том, как важно добиться гармонии субличностей без всяких внешних средств?

Чтобы не выдавать своих эмоций, она опустила голову и быстро доела суп. На дне тарелки оставалось несколько тягучих ниток сыра, сплетенных в причудливый узор. Такой странный, даже глаз не отвести. В висках вдруг кольнуло…

Закрыть глаза. Замереть. Только бы не заметили! «Картинка» встала перед глазами лишь на миг, но Вэри просидела еще несколько секунд, не шевелясь.

— Вы хотели что-то сказать.

Вэри подняла голову. Да, профессор обращался именно к ней, и это даже не было вопросом.

— Нет, просто… представила кое-что. На тему связывания хвостами. Извините. Это такая глупость…

— Ну почему же? Расскажите Совету, это интересно.

— Я представила… нечто обратное. Фантастического биорга, у которого сразу несколько хвостов.

Профессор замер, не донеся чашку до рта.

— Вы видели когда-нибудь таких биоргов?

— Нет, никогда. А разве такие бывают?

«Не надо было всего этого говорить», сразу поняла Вэри, наблюдая за реакцией. Седой вынул тонкие прозрачные очки без дужек, надел их на нос и уставился в свою чашку, словно там показывали сводки с Киберджайи. Марта стряхнула с плеча невидимую пыль. Клетчатая начала потихоньку насвистывать.

Один только полковник-метрдотель в сливочном френче, вынырнув из глубины кафе, как ни в чем не бывало забрал у Вэри пустую тарелку из-под супа, а взамен поставил оладьи и чай. Прозрачная зеленоватая жидкость в чашке казалась неподвижной. Лишь одна маленькая чаинка выдавала, что она все-таки вертится.

# # # #

«Р-р-р-роу!»

Рука с веером непроизвольно взлетела вверх, а ноги сами собой развернулись в боевую стойку, не дожидаясь реакции искина.

Однако его реакции не последовало вообще. Да и

спокойствие Марты подсказывало, что тревога ложная. Тем не менее, потребовалось еще несколько секунд, чтобы сообразить: рычание, разорвавшее тишину, исходит от синего камзола. Ну ясно, почему молчит Третий Глаз. Ангел Ангелу батарейку не посадит.

— Полковник! — Хозяин камзола поглядел поверх пенсне в сторону белой палатки. — Не хотел вас беспокоить, но мой искин обнаружил…

— Все под контролем, — донеслось из-за тента.

Вслед за этим оттуда выскочил и сам усач в ядовито-желтых перчатках, с металлическим чемоданчиком в руке. Верхнюю половину его лица теперь тоже закрывали очки. Но не прозрачные, как у седого. Зато с телескопическими окулярами.

Микроскоп, догадалась Вэри, уже видевшая такое устройство у одного пожилого клиента, помешанного на бактериологическом биоарте. Вместе с микроскопом тот вечно таскал с собой и свою коллекцию в маленьких стеклянных ампулах-бисеринах. Вэри особенно нравилась бисерина, в которой жил шедевр под названием «Нанобот и инфузория-туфелька».

Полковник быстро прошел к столику седого, еще раз произнес свое сосредоточенно-замогильное «все под контролем» и опустился на колени. Вэри заглянула под стол. На пятачке коралловой мостовой, как раз посередине между столиками, блестело свежее пятно бэтчер-баньяна. Змейка серебристого инея вылезла из трещины, и похоже, собиралась расти дальше как раз в сторону седого. Около нее на коленях стоял полковник и возился с чемоданчиком. Вэри представила россыпи бисера.

Но замок не спешил открываться. В ручке чемоданчика возникло отверстие, и по лицу полковника забегала красная точка лазера. Потыкавшись в очки-микроскоп, лазер перешел на руки в желтых перчатках. Чемоданчик противно пискнул. Полковник поднял руки перед собой, словно в молитве. Перед ним стоял серьезный выбор: для идентификации нужно было снять либо очки, либо перчатки. Но похоже, это противоречило технике безопасности, согласно которой полковник надел очки и перчатки перед тем, как открывать замок.

Альтернативное решение помог найти сам чемоданчик. По гримасе полковника сразу стало ясно, что ему оно не нравится: ручка чемоданчика морфировалась в розовую полусферу. Но другого выхода не было. Помявшись еще немного, полковник вытянул губы и осторожно поцеловал округлый предмет. Чемоданчик открылся.

Полковник выдохнул, сунул руку внутрь и аккуратно, двумя пальцами, извлек на свет нечто, напоминающее пипетку. Затем

навел очки-микроскоп на дорожку бэтчер-баньяна и дважды капнул на самый кончик серебристого щупальца. Щупальце растаяло буквально на глазах. Ни слова не говоря, полковник вернул пипетку в чемоданчик и бодрым шагом пошел обратно к палатке.

— А-а… Э-э… — Седой потянулся ему вслед. — Вы уверены, что этого достаточно? Может, еще пару капель? Да и вообще неплохо бы… всю территорию… Мы же здесь все-таки едим!

— Вы же знаете мой бюджет. — Усатый печально развел руками в ядовито-желтых перчатках. — Я могу заказать хоть четыреста капель, но получу в ответ лишь четыреста четвертый код. Вы же сами мне объясняли. Высокая точность, низкий износ, минимальная избыточность. Здешняя вредоносная среда относится к разряду… ы-ы-ы… искусственных опасностей, которые разработаны самой Артелью и внедряются под ее контролем. Хотя возможны небольшие промашки. Но уж никак не десять процентов. От силы… ы-ы-ы… одна тысячная.

— По-вашему, этой тысячной должен стать я? — нахмурился седой. — Безобразие какое-то! Придется ходатайствовать об усилении мер защиты для Совета. Я этого так не оставлю!

Никто не ответил. Владелец синего камзола оглядел присутствующих. Остановился на Вэри.

— Меня прервали как раз в тот момент, когда я изучал детали экзаменационной работы. — Седой снял пенсне и помахал им в воздухе. — Поэтому я пока воздержусь от голосования «за» или «против». Очевидно, что с кандидаткой стоило бы еще поработать. С другой стороны, недавно мы потеряли двух метамодельеров, долго ждать замены нельзя… Что думают другие члены Совета?

Женщина-коряга высунула из-под клетчатого одеяния руку. Вэри поразилась тому, насколько красивой и свежей была эта маленькая кисть. Гладкая молочная кожа, розовые лепестки ногтей — словно обладательнице руки не стукнуло и шестнадцати. В ладони лежал прозрачный шарик.

— Погляди-ка, милая — что ты там видишь?

Вэри потянулась вперед. Внутри все похолодело.

Тест с Хрустальным Шаром, о котором ходит столько слухов среди младших фей! Одни как будто видели там радости собственного будущего, другие — страхи собственного прошлого, а кто-то якобы даже видел там расписание собственных месячных. Одни говорили, что внутри находится обычный эмпатрон, другие — что там что-то моргает, а кто-то…

Да какая разница, что внутри?! Вэри не видела там ничего особенного. Только искусственный снежок, медленно падающий

внутри шарика на розовую ладонь, которая сквозь кривое стекло кажется совсем детской. И больше ничего. Похоже, детка, у тебя просто нет способностей.

— Не стесняйся, милая, — подбодрила клетчатая. — На-ка, держи сама. И рассказывай все, что видишь и чувствуешь.

Розовая ладонь качнулась, и теплый шарик перекатился в руку Вэри. Идущий внутри снежок изменил направление, закружился маленьким вихрем. У Вэри поплыло перед глазами… Неужели опять «живая картинка»? Да сколько же можно, за один-то день!

— Ничего я там не вижу, — буркнула Вэри. — И не чувствую. Только голова кружится.

Это было правдой. К счастью, «картинка» не пришла, хотя ощущение было похожим.

— Я согласна с ее кандидатурой, — кивнула клетчатая. — У нее нет потайных швов.

Вэри открыла было рот, но вспомнила уроки Марты и уткнулась в оладьи. Зато седой в камзоле не дремал:

— Вы это на глаз определили, Айрис? Как-то не верится, что можно настолько быстро рассчитать генетический гороскоп или как это у вас называется.

— У нас это называется универсальный тестер. — Клетчатая спрятала руку с шариком и снова стала похожа на тряпичную куклу. — Я могу выбирать тот тест, который считаю нужным. И любую базу данных, включая собственную. Так что «рукоделие» вы мне не пришьете. Кстати, не вы ли сами, работая в отделе Национального Костюма, подшили русским технологию «честной исповеди»?

— Не надо выдергивать! — Морщины на лбу профессора собрались в штормовую волну. — Ваш тестер был попросту отключен от Ткани! А мы поставляли русским работающую технику: Библии с гальваническими датчиками, ряс-палатки с тонометрами, нательные кресты с…

— Да-да, не забудьте исповедальные кабинки с пневмометрами. Каждый вздох на счету! — Клетчатая фыркнула. — Но ведь это была лишь Подкладка, не так ли? Основной тест проводился «засланным казачком». Эдакий собрат по несчастью встречал коллегу после исповеди и обсуждал с ним, «чего эти умники из нас не вытянули». Работали эти казачки, между прочим, на самых ручных крючках доступа. Глазки вверх-влево — реальные воспоминания, глазки вверх-вправо — фантазия.

— Да что вы такое порете! — Профессор резко опустил чашку на блюдце, и громкое «дзинь» вернулось эхом от стены дацана. —

Тестирование с помощью «собратьев по несчастью» применялось только первые годы! Потом метод признали неэффективным. Для обеспечения такой открытости тестируемых нам приходилось тратить слишком много усилий на поддержание образа «народа-страдальца». Впрочем, едва ли вы способны это оценить. Вы ведь в то время еще занимались частной практикой. Я вот только запамятовал, что это было — снятие порчи по фотографии или гадание на чайном пакетике?

— Если вас интересует, с чего удобнее снимать ДНК, то проще всего брать волосы. Хотя в принципе сойдет любой предмет, которого касался нужный объект. Но повторяю, генетический гороскоп — не самый точный тест, даже для страховых компаний. Все зависит от конкретного случая. Что до моей практики — я и сейчас считаю, что персональная терапия гораздо эффективней, чем ваши вездесущие аппараты машинного доения.

— Типичные комплексы технофоба, Айрис. Что толку работать с одним человеком, если вы не можете влиять на общество? Взять тех же русских. Думаете, для поддержания всеобщей депрессивной среды достаточно было организовать пару вялотекущих войн да десяток рано умерших кумиров? Как бы не так! Серьезная, кропотливая работа по всем направлениям. Чего стоила одна только пропаганда мазохистской литературы — не ниже шести по «индексу Достоевского»!

Услышав о литературе, Вэри мысленно поставила галочку на временной оси. Правда, галочка вышла слишком крылатой. Но все-таки уже не такая древность, на которую вечно намекала Марта, отвечая на вопросы о возрасте Артели.

Сама Вэри научилась читать лишь в добреле: работа с Тканью требовала не только штопать цветные ковры в графическом интерфейсе, но и проглядывать некоторые текстовые «исподники» — расшифровки отдельных нитей и узелков. Наставница рекомендовала читать и более крупные тексты, поскольку из-за них иногда тоже случались дыры. Пару лет назад в Британии-2 всплыл старый учебник, где подробно описывались технологии синтеза каких-то там олигопептидов. Проще говоря, механизм транспорта памяти и особенно фобий, один из инструментов Артели. Пришлось срочно уничтожить несколько старых библиотек под видом перевода их в цифровую форму. Однако даже Марта признавала, что незвуковые книги относятся к антиквариату и влияют на массы гораздо меньше, чем дремли и энки. И не особенно настаивала на лишнем чтении.

Другое дело, что «настоящими бумажными книгами» увлекалась Ванда-Длинные-Рукава, старшая фея добреля. Эта

бывшая сектантка Либры со своими постоянными цитатами доставала Вэри даже больше, чем Марта с ее историческими лекциями о происхождении технологий. Но оказывается, и цитаты кое в чем помогают. Как она там говорила? «У России две дыры — гипокретины и гиперссылки». Припомнив еще несколько цитат, Вэри сделала вывод, что владелец синего камзола говорит о конце прошлого века.

— …А легко ли, по-вашему, так долго поддерживать массовую алкогольную зависимость? — продолжал профессор. — А эпидемии гриппа, которые норовят начаться на два дня раньше запланированного? А домашние животные, которые создают излишний психокомфорт и мешают «прошивкам»? А фильтры для воды, а новые слова в языке? И все это обсчитывалось почти вручную! На самых первых, разрозненных машинах, безо всякой Ткани! Однако все работало, вплоть до формы причесок и зданий! Даже с учетом местных спецслужб — настолько же недоверчивых, насколько и непонятливых. Какой там информационный периодизм, какая там всепланетная синхронизация с учетом топологии шара! Им даже невозможно было объяснить, почему определенные операции оказываются успешными только осенью или только в пять утра!

— Видимо, это и были первые симптомы профессионального аутизма, поразившего с тех пор еще многие специальности. — Клетчатая взяла несколько ягод из своей вазочки. — Между нами говоря, вы и сами как-то нервно себя ведете сегодня… Совсем отвыкли от живого общения, профессор? Небольшой курс Кои вам бы не повредил. Отказ от средств массовой информации в пользу личных контактов — знаете, это многих спасло от маразма.

— Покорно благодарю, мне не грозит. В нашей работе и так слишком много атавизмов вашей любимой секты. Использование Кои в качестве прикрытия меня устраивает. Но я по-прежнему отказываюсь понимать, зачем Артель поддерживает ее архаичные ритуалы даже в работе Совета. Вот эти живые «тройки», например.

— Ах, так вы не рады нас видеть?

— Я имею в виду, что Ткань обеспечивает гораздо более удобный персональный интерфейс для каждого человека. Между прочим, тот же подход значительно улучшил исповедальную технологию, о которой мы говорили. Уже в китайской версии она была автоматизирована. Далеко не каждый после исповеди готов обсуждать свои проблемы с товарищами по несчастью. У русских это еще работало, а в интровертированном Китае-3 — нет. Зато если после выхода из храма…

— Вы хотели сказать — с партсобрания? Вот до чего доводит

оптовая торговля счастьем.

— Перестаньте, Айрис! Детали локализованных версий тут ни при чем. Просто если в состоянии когнитивного диссонанса человеку попадается на глаза специально подобранный предмет — тут невозможно не отреагировать. И эта реакция элементарно снимается с того же медчипа, который в Китае-3 есть у каждого.

— Но мы сейчас не в Китае. Мы говорим про сотрудников Артели! Вот у этой девочки нет имплантов, кроме Глаза — за что можно только спасибо сказать ее наставнице. Сколько наших людей погорело на мемоплеерах, медчипах и прочем железе, напиханном в их собственные тела еще в детстве! Ты объясняешь ему Подкладку всего этого имплант-бума, рассказываешь про специально подобранные частоты, которые вызывают ретроградную амнезию и тем способствуют продажам запоминающих устройств… А человек тебе отвечает «Я все понимаю, но этот чип дорог мне как память!». Или «Моя силиконовая грудь — мой лучший советчик!»…

Слушая эту перепалку, Вэри лишь раз подняла голову, чтобы увидеть, как просветлело лицо Марты, когда ее помянула клетчатая. В этот раз уставиться обратно в тарелку было не сложно, поскольку тыквенные оладьи с томатным повидлом оказались божественно вкусными. А из перепалки было понятно лишь, что клетчатая протестировала ее не так, как хотел профессор, но все равно непонятно как.

На одном из оладьев золотая корочка образовала причудливый узор из дырочек… Вэри быстро замазала его повидлом, еще не успев сформулировать для себя, зачем она это делает. Ну и ну! Неужто будешь теперь бояться всех странных узоров, детка? Вон и снежного вихря в шарике испугалась… А ничего не произошло.

Может, ее сбил страх? Да нет, вряд ли: раньше Вэри тоже боялась «живых картинок». Иногда прямо-таки изо всех сил пыталась их остановить — но без толку. С другой стороны, у нее бывали и ложные тревоги, как сегодня. Смотришь на пену убегающей волны, и как будто что-то знакомое подступает… но ничего не происходит. Даже когда она повторно всматривалась в ту же кляксу туши, из-за которой уже случалась «картинка» — второй раз клякса не срабатывала.

Значит, это не из-за узоров. Или из-за них, но в сочетании с чем-то еще. Сегодня «картинки» случались дважды. А в третий раз, с хрустальным шаром — ложная тревога. Может, по свежим впечатлениям попробовать один трюк, которому научили в секте Кои?

Вэри мысленно поставила эти три случая рядом, как три

двери. Вошла в первую, вспоминая звуки, цвета и запахи того момента на берегу ядовитого озера. Аммиачная вонь, ржавый столбик со львиной головой. Свист проносящихся над головой кибов… стоп, это уже после.

Дверь в воспоминание закрылась. На периферии внимания профессор и клетчатая продолжали спорить о массовых и персональных технологиях. Клетчатая напоминала, что сам профессор чуть не стал жертвой бэтчер-баньяна, которым Артель специально заразила Калькутту-4, чтобы…

Ладно, в Кои не зря обучают отключаться от внешнего мира, когда есть дела поважней. Вэри снова мысленно вошла в воспоминание, стараясь в этот раз полностью восстановить не только картину, но и свое эмоциональное состояние. Экзамен сдан, дыра опасного варианта будущего залатана. Зеленый зрачок сада беспомощно тускнеет… но это уже после.

А теперь — то же самое с двумя другими «дверями».

Когда внимание снова вернулось к реальности, она чуть не выругалась. Четырех тыквенных блинчиков с томатным повидлом как не бывало — все это время она продолжала есть, не чувствуя вкуса. Все-таки надо будет еще потренироваться с этим «отключением». А то лишаешь себя даже простых удовольствий. Да и за лунатика могут принять…

И все же скорбь по блинчикам улетучилась, стоило только подумать о результатах анализа воспоминаний. Она по-прежнему не знала точно, отчего возникают «живые картинки». Но теперь появилась зацепка.

Состояние неуверенности. Это вечное «все, чего я касаюсь, разваливается». Именно с ним связаны два сегодняшних видения. А в третьем случае она никому не перечила.

Наверное, потому они так косо смотрели, когда она несла чушь про биорга с несколькими хвостами. Права была Ванда: постоянные сомнения не доводят до добра. Мозг начинает выдумывать Баг знает что просто из желания противоречить старшим.

К счастью, есть методы борьбы с этим детским комплексом. Холодный камешек между бровей, верная формула самонастройки. Вспоминай почаще, и дурацких «картинок» больше не будет.

Усатый принес мороженое, и Вэри кивнула ему со всем изяществом, на какое была способна без хореографа. Усатый в ответ шевельнул большими бровями, похожими на разрубленного электрического угря, и степенно удалился.

ЛОГ 10 (СОЛ)

— Сол, мы направляемся в ресторан «Синий Лось»?

— Да, Маки.

— Режим одежды «смокинг»?

— Нет, оставь куртку.

— Там пускают только во смокинге.

— Если тебе это важно, залезь к ним через Сеть и хакни детектор или что у них там.

Сол перешел улицу и сразу провалился в кромешную темноту. Оранжевый купол света, окружавший станцию телегона, оборвался так резко, что пришлось остановиться и дать глазам привыкнуть. «Идеальное место для грабежа,» подумал Сол.

— Это неэтично, — сообщил тем временем Маки.

— Что-что? Ты научился определять этичность взломов? — усмехнулся Сол.

— Не взломов. Ты сказал «через Сеть». Это противоречит принципам е-бусидо.

— Ого, что-то новенькое. Ты чтишь самурайский кодекс? Мне казалось, он пригоден только для дремейков. Когда появилось метательное оружие, все эти трюки с мечами и палками перестали работать.

— Вот в этом и проблема! Гоку мне скинул «Боевые искусства для искинов». Там как раз говорится, что возрождение принципов бусидо в информационном мире помогло бы избавиться от замусоривания нашей электронной жизни. Отказ от дистанционной и массовой коммуникации — одна из главных идей е-бусидо.

— А чего это Гоку стал такой добренький? — Сол вдруг осознал, что речь идет об искине Кобаяси. — Насколько я знаю, хозяин Гоку никогда никому не делает одолжений за просто так.

— Нет, у нас все честно. — Маки просвистел нечто, напоминающее сигнал к атаке из какого-то военного ретро-дремля. — Мы с Гоку участвовали в совместной боевой операции по спасению тебя, Сол. Мы теперь как братья. Мы уступаем друг другу право первой брачной копии.

— Это как?

— Ну, ты же знаешь заповедь: «Не копируй памяти ближнего своего, ни софта его, ни скрипта его, ни…»

— Все-все, хватит этих религиозных заморочек! Опять ты накачался от Папы Пия?

— При чем тут религия? Свободное копирование чужого

интеля запрещено — это ваши, человеческие… как ты сказал? Заморочки?

— Точно. А вы их, значит, нарушаете как братья?

— Нет, все законно. Просто если попадается интель с браком, закон разрешает ограниченное копирование в целях исследования проблемы… У Гоку были «Боевые искусства для искинов», в которых один скрипт не запускался. Теперь я должен ему первую брачную копию чего-нибудь из своей коллекции. Я собираюсь послать ему «Искин-гороскоп», который ты мне разрешил купить полчаса назад. Надо только поломать в нем что-нибудь аккуратненько.

— Ага, так ты все-таки не отказываешься от дистанционной коммуникации? Может, хотя бы дорогу передо мной осветишь?

— Не отказываюсь, потому что пока я лишь юный кохай на этом великом канале… — Маки скромно засветился в темноте. — Кстати, я уже проверил ресторан «Синий Лось» через Сеть, как ты просил. У них не детектор, а живой метрдотель на входе. И у него — ни единого импланта. Похоже, он тоже практикует е-бусидо. Разве такие люди бывают? Ты вроде говорил, что всех самураев поубивало метальным оружием.

— Бывают, бывают. — С подсветкой темнота уже не казалась кромешной, и Сол двинулся дальше по улице. — Людей без имплантов выращивают на секретных подводных фермах в Корее-6. Специально чтобы дурить не шибко развитых макинтошей. В ближайшее время они устроят мировую революцию и свергнут власть машин, зажравшихся народным электричеством.

— Судя по твоей мимике, это был юмор. Хотя я не уверен. Ты ведь не позволил мне вчера купить новую версию лафометра… — печальным голосом заметил Маки.

И неожиданно бодро добавил:

— А метрдотеля можно ослепить! Прямой личный контакт, вполне соответствует принципам е-бусидо.

В отличие от своего хозяина, Маки никогда не шутил. Однако первая же неделя общения с искином научила Сола не шарахаться от вполне серьезных предложений расчистить дорогу инфразвуковой сиреной или кормить Сола только планктоном. Собственно, и устраивать взломы через Сеть раньше предлагал именно Маки. В каком-то смысле он был ребенком — понятий добра и зла у него еще не было. Но он быстро учился. И что самое главное, никогда ничего серьезного не делал без подтверждения хозяина. В этом смысле Маки был гораздо безопаснее ребенка. Когда Сол осознал это, он перестал дергаться от странных предложений макинтоша. А в исключительных случаях даже

пытался научить Маки какой-нибудь ненавязчивой морали, дабы не объяснять ему каждый частный случай отдельно.

— Ослеплять — это негуманно! — выдал Сол после недолгого раздумья.

— Наносит большой вред человеческому сообществу? — уточнил любознательный Маки.

— При чем тут сообщество? Это мне наносит вред, Ангел ты тряпочный! Там у них наверняка сигнализация. Если ты будешь сверкать-громыхать над метрдотелем, меня примут за грабителя. В лучшем случае приговорят к году информационной депривации. В худшем — прямо на месте вырубят. Это ужасно негуманно по отношению ко мне. Не трогай метрдотеля, я сам разберусь.

За углом опять пришлось притормозить. На этот раз глаза, привыкшие к темноте, резануло ярким светом от подъезда ресторана. Когда Сол наконец взбежал по ступенькам к сверкающим дверям, Маки издал предупредительный свист.

— Ну что еще? — Сол остановился.

— Там кто-то очень сильно фумит, — сказал Маки.

— Реклама? Мне говорили, у них все натуральное.

— Нет, я не про пищевые запахи. А про феромоны. Ты однажды описывал это в своем дневнике. Цитирую: «Пахнет сексом. Надо бы сделать дремль про кошек. Девять уровней эротики. Главная фишка — коммуникация на основе запахов. Уточнить в техотделе, как у нас с трансляцией ароматов».

— Тьфу, чего ты меня пугаешь! Это же Кэт.

— Можно ее тоже ослепить, — флегматично заметил Маки. — Хотя нет, фуметь может и слепая. Но тогда можно ее…

— Пока не надо. Лучше включи фильтр.

— Это приведет к неэкономному расходу питания. Может, лучше в другой ресторан пойдем? Хочешь, я быстренько подберу что-нибудь через Сеть, и заказ сразу сделаю?

— Ох, Маки, просто включи фильтр и заткнись, — Сол открыл дверь.

— Хорошо, включаю. А ты постарайся не дышать ртом.

# # # # #

Год назад, когда Сол впервые увидел Кэт, она показалась ему очень скромной девушкой. Отчасти это было правдой.

Одевалась Кэт довольно консервативно. Можно было даже подумать, что она месяцами ходит в одной и той же одежде. На самом деле Кэт была ужасной чистюлей — просто она очень

жестко придерживалась собственного стиля. В конце концов Сол решил, что это выгодно отличает ее от многих других женщин, которые даже цвет волос меняют несколько раз в день. Возможно, в самых глухих провинциях и самых крупных мегаполисах приливы и отливы моды не столь заметны. Но в городе средней руки, где толпы средневековых дам разом превращаются в орды люминесцирующих компфеток, чтобы тут же смениться табунами негритянок в одних бусах, или стаями верволчиц повышенной волосатости, или колоннами большеротых стюардесс… В общем, когда твоя девушка принимает участие в таких приступах массового помешательства, это действует на нервы. Особенно если ты — ведущий сценарист «Дремлин-Студио», который и так постоянно путает знакомых девушек, что безусловно является признаком творческого человека, но от этого не легче.

Иное дело — Кэт. В сумасшедшем калейдоскопе моды она оставалась столь неподвижной точкой, что казалось, именно вокруг нее и вращается мир. Одевалась Кэт в строгое черное-белое, причем черного было ровно вдвое больше. Лишь изредка эта палитра менялась на коричнево-зеленую в той же пропорции. В такие дни черные волосы Кэт становились чайными, а глаза меняли цвет с чайного на изумрудный. Это означало, что у нее какой-то личный праздник (о существовании общественных она как будто вообще не знала).

Но и эти редкие изумрудно-чайные дни лишь подчеркивали общий консерватизм ее стиля. Кэт никогда не пользовалась помадой. Ее белое лицо никогда не загорало, лишь немного розовело в очень солнечные месяцы. Кэт никогда не меняла формы своего маленького, вздернутого и слегка квадратного носика. Никогда не наращивала свои мелкие ресницы. И никогда не подводила глаза, внешние уголки которых задирались вверх чуть больше, чем у других людей — что особенно хорошо подчеркивали ее взлетающие буквой «V» брови.

Этот носик и эти глаза делали лицо Кэт похожим на мордочку пушного зверька из тех, что остались только в детских обучающих дремлях. Далеко не всякий назвал бы это лицо красивым — но в нем была некая странная притягательность. Однажды увидев лицо Кэт, хотелось увидеть его снова. Вначале Сол подозревал, что раньше она выглядела банальнее, то есть человечнее. А затем, в критический период первой молодости, подвергла себя косметической правке, как делают многие девушки в таком возрасте, после чего их в шутку называют «подтянутыми». Однако за время их знакомства Кэт совсем не менялась, и теперь Сол склонялся к мысли, что она была такой от рождения.

Но как учит конспиративная неоархаика, «в тихом коммуте баги водятся». У скромной Кэт был свой баг.

Сол опоздал более чем на полчаса. Неудивительно, что Кэт фумела на всю катушку. В отличие от модных ароматов Кобаяси, ее любимые летучие субстанции не имели запаха, зато имели успех. Еще с улицы, через стеклянную дверь, было видно, что вокруг нее вьются сразу три официанта. На столе перед Кэт стояли лишь взбитые сливки в вазочке размером с наперсток. Но официанты все равно подбегали каждые десять секунд, словно соревнуясь друг с другом в том, как еще можно услужить. Один упорно регулировал голографическую свечу на столе, другой менял только что скомканную Кэт салфетку, третий поправлял невидимое отклонение от симметрии в расположении столовых приборов. Бармен и добрая (мужская) половина посетителей с завистью следили за официантами, у которых был повод подойти к Кэт. Будь у всех этих самцов лазеры вместо глаз, Кэт давно сгорела бы вместе со взбитыми сливками. И даже от стола ничего не осталось бы — хотя еще раньше сгорел бы пустой стул напротив одинокой посетительницы.

Но лазеров не было, и Кэт продолжала безнаказанно фуметь. Возможно, она задалась целью пополнить местную больницу перевозбужденными мужиками с диагнозом «вывих шеи». Пока меньше всех повезло стоявшему у входа метрдотелю, усатому верзиле в белом френче. Пожирая глазами Кэт, он отвлекся от своих прямых обязанностей и получил по морде дверью, когда ее распахнул Сол.

— Солнышко, уже полчаса как прошли те пятнадцать минут, на которые прилично опаздывать мужчине!

Кэт погрозила Солу длинным ногтем и подняла луну своего лица для поцелуя. Одновременно закрыла глаза, потянула носом воздух:

— Баг мой, чесночная линия «Скромного обоняния буржуазии»! Да еще в таких количествах, словно у вас там была оргия. Ну-ка, что у тебя еще?

Крылья вздернутого носика встрепенулись и проделали зигзагообразный полет в воздухе. По этому элегантному движению Сол частенько узнавал Кэт в толпе.

— Ага, ло-мень с кислой курицей… Шейла с ее бездарными духами на спиртовой основе… Любовница Рамакришны сменила шампунь… О, ты попал под санитарный дождь! И плохо спал… нет, другое. Ты не болен, Солнышко?

Сол быстро поцеловал Кэт, но запах все-таки пробил защиту, и у него слегка закружилась голова, когда он садился. Маки тут же увеличил мощность фильтра. Получив здоровый глоток

свежего воздуха, Сол тайным жестом поблагодарил искин за сообразительность.

— И с Маки твоим что-то не то, — продолжала Кэт. — Почему он не переключился на смокинг? Что это за спецовка телегонщика?

— Здравствуй, — сказал Сол. — Хорошо пахнешь.

— Подлый врун! Ты не знаешь, как я пахну. У тебя фильтр, я чувствую поток совершенно белого воздуха.

— Зато я вижу, как ты пахнешь, — парировал Сол. — Если собрать вместе эрекцию всех мужчин в этом зале, получится двойная Эйфелева башня и еще вазочка сливок.

— Фу, какой ты злой сегодня! Что с тобой, Солнышко?

Сол поглядел на Кэт. У нее был обычный день: две части черного, одна белого, не перемешивать. Кружевной манжет распахнулся, как цветок, когда она подняла руку и подперла кулачком подбородок. Рассказать?

— Я видел дремль без дремодема, — трагическим голосом произнес Сол.

— Это стихи? — Кэт подняла и без того высокую бровь. — Ты намекаешь, что я наконец удостоилась? Хм-м… Звучит интересно, но разве это про меня? Такое можно кому угодно прочесть.

— Китти, я…

— Нет-нет, молчи, я прекрасно знаю, что ты хочешь сказать. Самая тонкая поэзия — та, которая не называет прямо, да? Я ведь ходила на курсы, там все объясняли. Обычное стихотворение «танка» состоит из двух частей: в первой рекламный слоган, во второй название компании или товара. Но более опытные поэты пишут лишь первую часть, «хайку». Однако пишут так, что слушатель сразу понимает, о каком товаре идет речь.

— Послушай, я совсем не это…

— Нет, Солнышко, это ты послушай. Ты ведь говорил, что тебе нужна честная критика? Говорил? Вот и не оправдывайся! Да, у тебя вышло неплохое хайку общего типа. Я сразу поняла, о какой студии речь. Но ведь самые изысканные хайку содержат намек не только на товар, но и на клиента. Персонально нацеленная реклама, понимаешь? А у тебя получилось как-то безлико. Вот когда ты для своей прошлой пассии писал — «Твой трогательный хаптик…» и так далее — сразу было ясно, кому адресовано.

— Китти, это не стихи, это на самом деле было. Я видел очень необычный дремль. А потом обнаружил, что дремодем… В общем, я им не пользовался, он был выключен.

— Запах женщины без женщины? — усмехнулась Кэт. — Ну-ну, известная сказочка. Еще добавь какую-нибудь выдумку про

декоративную перхоть, которой у тебя весь рукав обсыпан. Из-за этой фанатки псевдоорганики ты опоздал на встречу со мной?

— Нет, это было ночью.

— Ого, даже так! И кто же та чесночная богиня, что всю ночь показывала тебе небеса без дремодема?

— Да ну тебя. Я серьезно.

Подскочил официант, и Сол заказал планктоновое пиво. Молча дождался, когда принесут кружку. Так же молча стал пить.

Через минуту Кэт не выдержала:

— Извини, я пошутила.

Сол пожал плечами и продолжал пить молча.

— Хочешь, мой доктор тебя понюхает?

Сол отрицательно мотнул головой, по-прежнему не произнося ни звука. Кэт нахмурилась. Два старичка в траурных одеждах, сидевшие в самом дальнем углу, прекратили степенную беседу и активно посылали в сторону Кэт «воздушные поцелуи». Но у Сола отлично работал фильтр, и главный метод Кэт на нем не срабатывал.

Они просидели молча еще пару минут.

— Расскажи мне, что ты видел, — тихо попросила Кэт.

Сол задумался. Как ни крути, но из всех, с кем он пытался говорить о своем странном дремле, она была первым человеком, которому он готов был рассказать все — и который при этом никуда не убегал.

— Я лег спать, как обычно, — начал Сол. — Часа в два. Нет, попозже, сразу после ночного дождя. Дремодем я в эту ночь не включал точно. Сколько этот дремль продолжался на самом деле, я не знаю. Но думаю, он был довольно короткий. Наверное, он начался утром, перед самым пробуждением. Это было такое яркое и…

Сол поглядел на Кэт и остановился.

Лицо собеседницы выражало внимание, интерес, заботу и еще целую кучу качеств, которые Сол очень оценил бы в другое время. Но сейчас ему не нравились эти слишком добрые глаза. И крылья носа, поднявшиеся, как два локатора.

— Здравствуйте, доктор, как ваш геморрой? Я вижу, вы опять не в своем уме? — спросил Сол и громко щелкнул пальцами перед носом Кэт.

Она очнулась, заморгала.

— А… где… что ты говоришь?

— Я же сказал, что не хочу общаться с твоим доктором. Я же сто раз просил тебя, Китти! Я не люблю, когда кто-то глядит на меня твоими глазами, нюхает меня твоим носом и вообще находится внутри тебя. Ненавижу эти сетевые штучки. Особенно

когда ты подключаешься без предупреждения.

— Извини, Солнышко, я же хотела как лучше!

Она готова была заплакать. Мужская половина ресторана задышала громче. Официанты шныряли вокруг, как голодные волкоты. У сидящего за соседним столиком толстяка сильно вспотела шея, ворот его пиджака прямо издергался, пытаясь ее высушить. Сам же обладатель мокрой шеи делал героические усилия, показывая своей спутнице, что ему вовсе не хочется оборачиваться на Кэт чаще, чем каждые двадцать секунд.

Чувствуя поддержку аудитории, Кэт всхлипнула.

— У тебя ведь нету своего доктора, милый. Вот я и подумала, может быть, у нас будет… общий… А еще мой доктор говорит, что это самый лучший метод, когда пациент не знает, что его нюхают…

— Но я не болен! — воскликнул Сол так, что теперь на их столик обратили внимание даже женщины.

«Кажется, сумасшедший…», раздался заинтересованный шепоток справа. Усатый метрдотель выдвинулся в зал, делая вид, что его очень заинтересовал прыгающий кактус из Мексики-2, стоящий за спиной Сола.

— Наверное, мне лучше пойти домой, — сказал Сол.

— Как?!.. — встрепенулась Кэт.

Сола тряхнуло: свежий воздух резко ударил из фильтра. Но ругательство по поводу чрезмерного усердия Маки так и не сорвалось с языка, когда он огляделся.

Новая волна феромонов Кэт катилась по залу, словно армия невидимых боксеров, пользующихся своей невидимостью для нанесения ударов ниже пояса. Ближайший официант вдруг согнулся, прижал пустой поднос к низу живота и выбежал из зала. Синхронно с ним издал сладострастный вздох и толстяк с потеющей шеей.

— А как же лепт, Солнышко? Ты ведь сам хвалил это новое место! Так долго рассказывал, какие у них удобные ингаляторы, какие культовые психодрамы…

И правда, хвалил, вспомнил Сол. И даже делал на это большие ставки. Кэт как раз поругалась со своим пятничным вечерним. Тот работал в ее любимом лепте, но в последней игре дал ей роль тролля вместо обещанной королевы эльфов. У Сола появился шанс — до сих пор он был у Кэт лишь пятничным дневным. Зато знал другой лепт, ничуть не хуже.

Но сейчас в памяти всплыла еще одна вещь. Первое впечатление от похода в лептеатр. Потом это впечатление как-то затерлось яркими образами, возникшими во время игры. Но теперь оно пришло опять. Ванночка с песком, кошачий туалет.

Сол видел снимки такой штуки, когда работал над сценарием «Кошкиного Дрема». И первый раз в лепте он сразу подумал об этом. Пока не включили ингаляторы, пока разбросанные в коллоидном тумане кукольные фигурки не превратились в людей и сказочных монстров — лепт был похож на большой кошачий туалет.

— Прости, Китти, я сегодня не в себе. — Сол встал. — Ты же знаешь эти пандоры в нашем баре. Синтетика, все из нефти, да еще и непрожаренное. Боюсь, я вот-вот начну плохо пахнуть. Пойду лучше подлечусь в одиночестве. Как буду в норме, дам знать. И с доктором твоим тоже поговорю, обещаю. Не обижайся.

Он быстро обошел стол, обнял онемевшую Кэт со спины, задержал дыхание и поцеловал ее в висок. И выскочил в темноту, на свежий воздух.

Маки затараторил о необходимости отключить фильтр, потом о каких-то расхождениях в показаниях, о каких-то неправильных направлениях… Сол пропустил все это мимо ушей, шагая на свет телегона в глубокой задумчивости. Он остановился, лишь когда что-то впилось ему в ногу.

Оказалось, что он стоит в темном тупике. Станция телегона, которая только что была у него перед глазами, просто исчезла. Вместо нее чернела глухая стена.

# # # # #

Некоторое время Сол автоматически повторял про себя «я не сумасшедший…», как бы продолжая разговор с Кэт и со всеми теми, кому он пытался рассказать о странном ночном видении. Мгновенное исчезновение ярко освещенной станции и вообще всей улицы странным образом переплелось с этой мантрой: последний раз он повторил «я не сумасшедший» с вопросительной интонацией.

Но реальность быстро вернула его в свои грубые объятья. Попытавшись сделать еще шаг, Сол вскрикнул и чуть не упал. Спасла только стена, к которой он привалился.

С правой ногой что-то случилось. В ушах надрывался Маки, пытаясь донести до Сола то, о чем он теперь догадался и сам. Голографические ловушки одинаково хорошо действуют и на пьяных, и на задумчивых, и на обычных идиотов.

Из-за белеющего в темноте бака-мусороеда вышел человек. В руках у него ничего не было, и именно это больше всего напугало Сола.

— Звуковой, световой, электрический удар? — тихо спросил

Маки в левом ухе.

— Нет, — ответил Сол, не разжимая губ, и на всякий случай показал отрицание на пальцах правой руки, которую еще держал в кармане. Если рыба, попавшая на крючок, начинает беспорядочно дергаться, крючок всаживается еще глубже. Не нужно быть ведущим дремастером, чтобы знать это правило. Сол был ведущим — а толку? Купился, как студент на компфетку из ГОБа.

— Зря полный макинтош не активировал, — заметил грабитель спокойным голосом. — Убивал бы я модельеров, которые такой фасон придумывают, что все ноги открыты. Следующий раз носи чего подлиннее. Какой модели шкурка?

Сол не сразу сообразил, о чем вопрос. Пока он понял только, что правая нога отключилась полностью. А пытаться бежать на одной левой можно лишь в надежде на то, что преследователь умрет от смеха.

— К-какая… шкурка? — спросил Сол.

Перед мысленным взором проплыла картина: его органы разъезжаются в маленьких холодильничках по подпольным клиникам разных континентов. Следующий кадр — несколько человек разных национальностей и вероисповеданий, жизнь которых больше не висит на волоске, сердечно благодарят уже не существующего Сола за его счастливое детство и здоровых родителей.

Похоже, грабитель догадался об этой игре воображения Сола.

— Да ты не ссы, печенка твоя мне ни к чему. Макинтош какой модели?

— «Бэт», — не задумываясь ответил Сол.

— Вообще-то я «тэт»… — прошептал Маки в ухе.

В тот же миг острая боль пронзила непослушную ногу Сола.

— Врать нехорошо, — заметил грабитель. — Еще раз соврешь, станешь чемпионом по спортивному лежанию среди одноногих. Если «тэт», так и говори. С этой моделью у меня самый дружественный интерфейс. Сдавай шкурку!

— Я вызвал полицию, — шепнул Маки в ухе Сола.

— С полицией в этом районе плохо, — сообщил грабитель. — Убивал бы мэров, которые позволяют так близко дома строить. Вон туда кидаешь маленькую схемку, и все эти домики сами превращаются в отличный экран для местной музыки. Разве что напрямую через спутник вызовешь. Но это как минимум полчаса потребуется. Человеческий фактор, знаешь. Сигнал-то быстро идет, только надо в четыре раза больше дежурных идиотов разбудить.

«Баг ты мой, да он же слышит все, что говорит мне Маки! —

догадался Сол. — И про полицию, и про модель искина. А эти вареные омары из техотдела мне внушали, что „внутренний голос“ дает стопроцентную защиту от перехвата!»

— Вы… вы что, телепат?

— Телепатов не бывает, — возразил незнакомец, — зато бывают хорошие тайваньские нанозиты. Вроде тех, которых я тебе в ногу всадил и теперь все твои рефлексы через них секу. А заодно и треп твоего Ангела-хоронителя. Ты молодец, что не разрешил ему со мной воевать. А то бы похоронили вас вместе. Убивал бы я таких скриптунов, которые не учат искинов вежливости. Ну да я с ним сам разберусь. Снимай свою «тэту» и кидай сюда.

То, что сделал дальше Сол, многие сочли бы неоправданной глупостью. Разве что Рамакришна оценил бы этот шаг. Но и он, поняв все по-своему, заметил бы, что не стоит так рисковать ради работы.

У Маки были кое-какие особые режимы на случай чрезвычайных ситуаций. В свое время Рамакришна, убеждая Сола завести макинтош, рассказал ему, как напоролся в Нью-Дели на двух своих бывших лечащих врачей. Эти психохирурги сразу узнали Рамакришну и решили его снова подлечить. Рамакришна просто расстегнул макинтош и дал двум суровым мужикам из Пенджаба ухватить его за рукава. А после выскользнул из искина, крикнув ему перейти в режим «смирительная рубашка». Через пять секунд крепкие пенджабские мужики были намертво приклеены головами друг к другу и к асфальту. Адвокаты студии еле-еле отмазали Рамакришну от суда за превышение обороны.

И это был не единственный полезный режим макинтоша. Нужно быть не только телепатом, но и прорицателем, чтобы знать, какую команду даст Сол, расставаясь с Маки. Какую из множества мудр он сложит на пальцах в тот миг, когда искин будет в чужих руках, но все еще во власти хозяина.

Сол поступил иначе. Для начала он расстегнул макинтош до середины.

— Вы ответите мне на один вопрос, и я вам его отдам, — предложил Сол. — Если не ответите, он прямо сейчас превратится в лимонное желе. Ни вам, ни мне.

Грабитель, лица которого Сол не видел из-за темноты, издал странное хрюканье. Возможно, так он включал свою электронную удочку, на которую поймал ногу Сола и мог теперь проверить, врет его жертва или нет.

— Да ради Бага, спрашивай. Что знаю, скажу.

— Можно ли увидеть дремль без дремодема? Без технических приспособлений?

— Эко тебя скрутило, парень… — пробормотал незнакомец. — Я тебе вот что скажу. Не ходи ты больше в эту секту! Высосут тебя как губку. Есть у меня одна знакомая, ее однажды заманили в «Ответный Удар Иисуса». Так она через неделю…

— Да не хожу я ни в какую секту! — воскликнул Сол.

— Хм-м… Да, похоже на то. Никаких лоа-лоа и прочей дряни в тебе нету, судя по сообщениям моих нанозитов. А у меня живчики что надо. Твой-то макинтош не заметил бы даже банальный венерический маркер. А мою нанозу не обманешь. Тебе еще повезло, что я не иммераст какой-нибудь. С моими живчиками тебя можно было под полный контроль взять. Да заставить вытворять разные грязные штучки…

Сола передернуло от мысли, что сейчас в его теле гуляет свора микроскопических ботов, делающих его игрушкой в руках бандита. Но с другой стороны, есть шанс, что этот рыбак из темной части мира знает что-то такое, чего не знает ни Сол, ни его коллеги.

— Так что, можно ли дремль кому-нибудь транслировать без дремодема?

— А-а, так ты сам хочешь секту организовать! — Грабитель снова хрюкнул, и до Сола дошло, что он таким образом смеется. — Это тебе лучше прямо к Джинам обращаться.

— Это тоже секта?

— Ну да. Я лично не люблю всей этой мистики с моленьями и присягами. Но если нужны альтернативные технологии — это к ним. Ты же сам говоришь — если уж делать, то сразу на уровне, без всякого железа. Чтоб ни сканер, ни радар не почекали. Значит, ищи тех, у кого биотех. А Джины в этом деле самые-самые. Для них вирусы — как для нас с тобой кухонные роботы.

— Мне вообще-то не хочется лишней заразы подцеплять.

— При чем тут зараза? Вирусы нужны, чтоб ДНК подправлять. Джины отыскивают людей с паранормальными способностями, хакают их генокод. А потом выращивают в своих пробирках таких маленьких девочек, что каждая стоит целой армии. Только гляди, парень! Они тебя самого обработают раньше, чем ты у них чего-нибудь стянешь.

— А где найти этих Джинов?

— Мы договаривались на один вопрос, а я уже ответил на три с половиной, — заметил незнакомец. — Шкурку сдавай! Да не забудь, я все слышу. Так что отключи все свои примочки, как обещал.

— Кроме его собственной системы самоуничтожения, — честно признался Сол. — Ее не могу.

— Нормально, это я сам вырублю, — кивнул грабитель.

Сол расстегнул макинтош до конца. Сделка с грабителем принесла разочарование. Конечно, надо разузнать побольше об этих Джинах. Однако Сол чувствовал, что сказанное незнакомцем не особенно отличается от всего того, что говорили сегодня другие. Он еще не мог понять, в чем именно сходство. Но чем дальше, тем четче прорисовывались контуры какого-то общего замкнутого круга. Информация о том, что подпольные евгеники выводят экстрасенсов, никак не объясняла, почему Сол, которого никто не выводил в пробирке, вдруг увидел дремль без дремодема. Эти вещи были как будто похожи… но как и раньше, одно было внутри круга, а другое снаружи.

Так или иначе, он обещал отдать Маки. Сол снял макинтош и бросил его под ноги незнакомцу.

— Сол, ты меня предал и отдал на убийство! — вскричал Маки. Грабитель хрюкнул.

— Как можно предать кусок кода, который каждые пять минут бэкапится в четырех копиях на разных континентах? — вздохнул Сол.

Из головы незнакомца вылетел яркий луч света и уперся в макинтош. Грабитель опустился на колени, продолжая обшаривать Маки лучом. Пальцы проворно забегали по воротнику макинтоша. Пшик!

Сол не успел разглядеть, что это блеснуло на одном из пальцев грабителя, потому что сам палец уже находился внутри распоротого воротника («Три слоя металлоорганики! Даже танк не оставит царапин! Не прожжет ни одна кислота!» — тьфу, японская поэзия…)

— Вы вторглись в чужую собственность! — заявил Маки официальным тоном.

— Угу, — сказал грабитель. Очевидно, поведение Маки подтверждало его прогнозы.

— И наносите вред мыслящему существу, — добавил Маки.

— Ого! — пробормотал грабитель. Его пальцы продолжали что-то делать внутри воротника. Сол заметил, как один палец буквально присосался к какому-то волокну, выбившемуся наружу. На заострившемся конце другого пальца снова что-то блеснуло.

— У вас осталось сорок секунд, чтобы прекратить вторжение, — гнул свою линию Маки.

— Угу.

Сол попробовал сделать шаг. Покачнулся, но устоял. Грабителю было не до него, и он стал медленно отползать вдоль стены к углу дома.

— …Двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь…. — с

пафосом считал Маки.

— Угу… угу… — вторил ему взломщик, ковыряясь в воротнике. Со стороны это выглядело так, словно студент-медик сдает на тренажере зачет по проведению вскрытия в полевых условиях.

Солу оставался еще шаг до угла, когда искин преподнес свой сюрприз.

…Девятнадцать, восемнадцать… — Маки вдруг остановился. — Я тут подумал… Семнадцать… Хорошее самурайское число, чтобы умереть.

Предупредительная вспышка выхватила из темноты бородатое и очень озадаченное лицо грабителя, еще держащего в руках макинтош со вспоротым воротником. На лице было написано, что взломщик не ожидал такого обрыва в счете.

Сол знал, что будет дальше. Он зажмурился и рванул на себя угол дома обеими руками, одновременно оттолкнувшись что есть силы здоровой ногой. Грохот взрыва смешался с ударом от падения в лужу, пахнущую мочой. По ноге, которую Сол не успел выдернуть из-за угла, шмякнуло чем-то мягким и горячим.

«Все-таки он был не „тэт“, а „тэт-М4“, — вспомнил Сол, отдергивая ногу.

Завыла сирена. Сол поднялся и заковылял прочь. Лицо и рубашка были в грязи, руки — в грязи и ссадинах. Он вытер ладони о брюки, ладонями вытер лицо и снова вытер руки о бедра. И обнаружил, что идет на обеих ногах. Правая снова работала нормально, хотя по ней еще пробегали судороги. Сол догадывался, в чем причина его излечения от паралича. Но смотреть за угол, откуда несло горелым, не решился. Он лишь огляделся, чтобы понять, в ту ли сторону идет.

Улочка была безлюдной и совершенно незнакомой. Оба ее конца через несколько десятков метров одинаково утыкались в темноту. Солу показалось, что в той стороне, куда он уже начал идти, немного светлее. Возможно, это была иллюзия, но он пошел дальше в том же направлении.

Гулять без макинтоша оказалось не так уж тепло. Рубашка спереди и на руках промокла, и теперь ткань липла к телу, как ледяная присоска. Однако Сол с удивлением заметил, что это доставляет ему странное удовольствие, напоминающее о том самом дремле. Как же он назвал это утром? Яркое, светлое… Нет, было какое-то другое слово, одно звучание которого возвращало ощущение, испытанное прошлой ночью.

Он вышел на набережную. Порыв ветра снова прилепил холодную рубашку к груди. По телу побежали мурашки.

Пронзительное, вспомнил Сол. Да, именно так.

Пронзительное.

На воде у берега плавали кувшинки. Розовые и белые вперемешку. Как тогда.

От узнавания этой сцены в голову пришла удивительная идея, которая почему-то пряталась от него целый день. Он так долго пытался выяснить, как работает дремль без дремодема — но ни разу не попытался просто повторить этот замечательный опыт, создав похожие условия! Ну и что с того, что механизм неизвестен? Ведь если это случилось один раз, то может быть…

Он сел у воды. Ветер продолжал играть мокрой рубашкой, заставляя ее касаться кожи и снова отлепляться. Но было уже не холодно. По телу разливалось спокойствие и какая-то странная легкость…

У-ух!

Сол испуганно распахнул глаза. Фу-у… Нет, ничего. Просто показалось. Он по-прежнему сидел на берегу, на воде покачивались кувшинки.

Но до чего реалистично, даже страшно стало! Миг назад у него возникло ощущение, что он висит в воздухе над водой, метрах в трех над поверхностью. И не просто висит, а начинает поворачиваться, сделав какое-то движение рукой. И было светло, совсем не так, как сейчас.

Ну что ж, это уже кое-что. Он сел поудобнее, расслабился. Снова закрыл глаза. И улыбнулся от мысли, что теперь знает: оно совсем рядом. Сначала темнота, тепло и спокойствие. А потом оно. Светлое. Яркое. Пронзительное.

ЛОГ 11 (БАСС)

Сидеть на сикоморе было вовсе не так уютно, как казалось снизу. Вначале Басс планировал вести наблюдение прямо со ската. Но кладбищенская глушилка работала даже лучше, чем описывал Марек. За полсотни метров до ограды «Эдема» скат выкинул такой фортель, что если бы Басс вовремя не спланировал обратно, даже хороший мануальный терапевт уже не помог бы.

Оставалось засесть где-нибудь около границы колпака-глушилки. Сикомора представлялась идеальным наблюдательным пунктом. Сначала. Просидев на дереве полчаса, Басс начал испытывать некую особую форму агорафобии.

Раньше он никогда не пугался высоты, летая на скате и в узких городских улочках, и вдоль побережья. Но на дереве высота ощущалась иначе. Чего стоило одно только покачивание, хотя и слабое, но раздражающе нерегулярное. Вроде и не летишь, но в то же время и не зафиксирован. А круговой веер ветвей на уходящем вниз толстом стволе так же неравномерно структурирует пустоту пятнистыми ярусами, словно подчеркивая, как далеко падать и какое разнообразие переломов это сулит. Просто мечта для… тут Басс опять вспомнил о том, из-за чего лишился работы, и непроизвольно скрипнул зубами.

Робохируги не мечтают. Эти твари, с их фрактальными манипуляторами, сами похожи на перевернутые деревья. Упал с дерева, малыш? — никаких проблем, тебя зашьет перевернутое дерево.

Вдобавок ко всему ветер поддувал именно наверху, где сидел Басс. У подножья дерева в это время спокойно стоял желтоватый туман, расстелившийся по всему полуострову с кладбищем. Но над морем, с трех сторон окружившим «Эдем», желтой мги не было. Ее не было и с четвертой стороны, где полуостров примыкал к городу. В результате с наблюдательного пункта Басса туман выглядел отдельным облаком, которое навалилось на главный из Садов Саймона, как стоногий спрут — на гряду морской капусты. Это тоже не улучшало настроение: до сих пор Бассу не доводилось работать в таком густом тумане.

Новый порыв ветра качнул дерево. Басс схватился покрепче за ветку, закрыл один глаз и вызвал часы. Без пяти. Ровно в четыре, если верить Мареку, люди мэра дадут «окно» для прохода в «Эдем».

— Пятиминутная готовность, братья. Подтвердите, — сказал он, включив коммут.

В ухе зашептали подтверждения. Пятеро рубил с акелами

заняли позиции с разных сторон кладбища — пока еще снаружи колпака, в зоне уверенного приема. Со своей сикоморы Басс видел только Камиллу и кривоносого, ждущих у центрального входа. Еще двое пойдут с моря, а пятый — по боковой аллее, кратчайшим путем до склепа Саймона.

Если это можно назвать склепом… За годы гробокопательского промысла Бассу доводилось бывать на разных кладбищах, и у него даже сложилась кое-какая классификация. Одного взгляда на планировку «Эдема» было достаточно, чтобы поверить в рассказ Марека. Никакой прямоугольности, никакого разбиения на стандартные ячейки, как это свойственно кладбищам для бедных, вроде греческого «Пантеона». Нет, «Эдем» был настоящим садом, местом отдыха элиты. От него так и несло аристократией. Только богатые и не трясущиеся за свое богатство люди могут позволить себе такую безделицу, как пунктуальная реанимация искусного минимализма Старой Азии — где веками, невзирая на смену правителей и религий, люди с благоговением относились к любому клочку растительности в пустыне, к любой искривленной сосне, сумевшей вцепиться в лысые скалы на безжизненном острове.

До сих пор Басс всего лишь однажды видел такое красивое захоронение. Это было цыганское кладбище Новобалканского Архипелага. Целый парк ажурных беседок, но едва ли чей-то язык повернется назвать их «склепами». Чего стоят одни только витражи, стекла которых отлиты и подобраны вручную! А уж внутри, за резными дверками — настоящий застывший карнавал: шали-анимэ и биоширмы из активного шелка, монисто из старинных кредитных чипов и музыкальные инструменты с усилителями запрещенных частот, гипнотизирующие сервизы из марсианского хрусталя и игрушки из настоящей бумаги. В одной беседке Бассу попалась звериная маска. С виду — обычный пластик с дырками для глаз. Но когда он на миг приблизил ее к лицу, перед глазами оказался совершенно другой мир, какой-то ночной лес с пляшущими огненными цветами…

Отбросив телеиммерсионную маску, он еще долго бродил от беседки к беседке, везде находя что-то новое, к чему так и тянулись руки. Жутковатые плазменные бичи-«скорпионы», готовые прошить воздух тончайшими петлями из заряженных лазером частиц пыли — не дай Баг траектория хоть одной такой петельки пересечет твою шею. Сверкающие хромом кибитки с мощнейшими биотеслами, готовые в любой миг сорваться в небо и уйти от самых липучих ботов полиции… Этот веселый и уютный беспорядок последнего приюта людей, проводящих всю жизнь в скитаниях, настолько поразил Басса, что он нарушил

собственный запрет на кражи обычных предметов и выковырял одно из синих витражных стеклышек — на память. Мария какое-то время носила стеклышко вместо кулона, но потом, как обычно, потеряла.

К сожалению, на том балканском кладбище не было стоящих искинов. Так, дешевые голографические автоответчики. Да и то не в каждой беседке — чаще просто музыка, когда переступаешь порог. И никаких охранных сканеров. Зато пришлось сделать анестезию трем крепким сторожам, которые имели привычку неожиданно выскакивать из кустов. Знающие люди потом объяснили: не любят цыгане электронных обманок. Может, потому, что сами специализируются на подделках.

А Бассу требовались не просто настоящие, но и стоящие электронные мозги. И с этой точки зрения лежащий перед ним «Эдем» был просто раем.

Да уж, это вам не «Пантеон». Басс усмехнулся, вспоминая, как облажался на этом скотомогильнике для бедных греков. Вскрыв один из склепов, он долго не мог понять, где же прячется аппаратура — ведь склеп-то разговаривает с посетителями! Потом оказалось, что на несколько тысяч покойников «Пантеона» имеется всего десяток искинов, спрятанных в статуях. Каждую новую могилу подключают к «Афине», «Гере» или еще какому-то коллективному психозеркалу. Выбор подключения определяется завещанием, где покойный указывает, кого выбрал в покровители.

В «Эдеме», напротив, царил индивидуальный подход. Эффект присутствия, визитная карточка Садов Саймона, как заметил перед расставанием Марек. Наблюдая сверху, Басс ощутил это в полной мере. Опытный глаз взломщика легко распознавал цели. Но даже то, как они размещались по саду…

Раскрытый мольберт под елью, у ручья с небольшим водопадом. Красный ридикюль на столике в беседке, из него торчит белая перчатка. На спинке стула рядом — стильный пиджак. Еще одна беседка, в ней — нотная папка на крышке пианино. Снова пиджаки на спинках кресел. Ан нет, бери классом выше: смокинги. Дальше плюшевый медведь в коляске… ну, это несерьезная добыча. А вот старинная книга на каменной скамье у входа в грот — другое дело. Не исключено, что «бет» или по крайней мере «далет-спец».

Однако профессионалы не злоупотребляют «невооруженным глазом». Два крылатых бота, подключенные напрямую к зрительному нерву Басса, сканировали «Сад Саймона» в трех дополнительных диапазонах. Инфракрасный радар — для органики, миллиметроволновый — для неоргов, ультразвук — для всего остального, что скрывает туман… Эта добавочная

информация отображалась яркими, но неестественными цветами; казалось, будто сад обвешан фосфоресцирующими украшениями. И из-за этого еще труднее было избавиться от ощущения, что там, внизу — не кладбище, а самый заурядный парк, куда на выходных люди приходят отдохнуть, отметить что-нибудь с друзьями или послушать «живую» музыку. Просто сейчас антракт, и все куда-то отошли, но ненадолго — их вещи ждут хозяев на столиках и спинках кресел. Еще минута, и из-за деревьев появится толпа веселых франтов, и все опять рассядутся в своих беседках.

Только никто не появляется там уже больше часа. Лишь мутные щупальца тумана между беседок становятся гуще. А слабенькие фонарики вдоль дорожек лишь усиливают зловещий эффект.

Басс включил карту и снова нашел склеп Саймона. Час назад, оглядывая «Эдем» в первый раз, он невольно начал искать глазами нечто пафосное, на возвышении. Но ни часовней, ни одинокой горной хижиной здесь не пахло. Зато после часовой медитации на сикоморе ему уже не казалось странным то, о чем говорила карта.

Самое низкое место сада. По карте там находилось озерцо, но Бассу оно виделось как огромный шевелящийся круг желтой мглы. Над туманом, точно на облаке, парит открытая беседка из слоновой кости и лакированного дерева. Плоская белая крыша опирается на пять резных столбиков пятью углами, закрученными на концах и задранными вверх, точно углы скатерти, которая взметнулась от ветра. Проемы между белыми столбиками забраны резной деревянной решеткой — кроме одного проема, который, очевидно, является входом.

За весь час Бассу только раз удалось поймать момент, когда туман немного рассеялся и можно было без радаров разглядеть пол беседки — бревенчатый плот, выстеленный зелеными досками. Показались и несколько мостиков, перекинутых с плота на берег. Внутри беседки, ближе ко входу, лежала на полу сиреневая сутана.

Нет, не лежала, а валялась, отметил Басс. Большинство искинов-одежников, которые он видел в Эдеме, висели на спинках стульев. А если и лежали, то подчеркнуто элегантно, как минимум один раз сложенные пополам. А вот поповскую шкурку, похоже, сбросили…

Увы, желтая морось не желала больше расступаться. Сканирование в других диапазонах тоже не дало ничего интересного, кроме контура той же сутаны, но светло-зеленого цвета — мультисканер давал знать, что это действительно искин.

Оборо, Дух Тумана… Бассу пришло в голову, что стоило взять

для «швейцарки» дополнительный палец с мини-лабом. Не исключено, что проверка здешней атмосферы сразу поставила бы все на место. В тумане могут жить токсичные микроводоросли. Или плотоядный аэропланктон, главный деликатес Японии-7. А то и нанозиты вроде Летучего Голландца, которого упустили год назад полоротые умники из Цюриха. Если судить по описаниям, Голландец так и выглядит: облако-сеть из миллионов узлов, самоорганизующийся летучий неорг. Не слишком умный, но живучий, и способный действовать на психику будь здоров… Басс даже подозревал, что его любимые тайваньские нанозиты, позаимствованные у секты «Бог внутри» во время очередного спасения Марии, являются пиратской модификацией цюрихской разработки. Вот бы добраться до оригинала…

В ухе грохнул Бетховен. Басс вздрогнул и чуть не свалился с сикоморы. Страх пробежал мурашками по ногам. Надо же, никогда ведь не боялся высоты…

— Вперед, братья, время пришло! — скомандовал он. — Рапортовать атоллу обо всех неожиданностях. В случае выхода из зоны уверенного приема действовать по заданию. Стрелять только в крайнем случае. Подтвердите.

Но и без подтверждений было видно, как пятеро в белых фраках покорно выходят из своих укрытий и приближаются к туманному спруту, застывшему над кладбищем. Камилла и кривоносый спускались по аллее к главным воротам. Бородатый Зураб крался по тропинке к боковому входу. Двое других летели к полуострову на скатах со стороны моря.

Еще четверть часа напряженного ожидания. Двое вошли в главные ворота. Третий — через боковую калитку. Еще двое высадились на берег — один на пристань, другой на маленький пляж. Ничего не происходило.

А потом все стало происходить очень быстро.

Зураб остановился первым. Из тумана плыла навстречу фигура женщины в темном вечернем платье с глубоким декольте. Рубила осветил ее фонарем — женщина не отбрасывала тени. Зураб отступил и что-то сказал, но радиоколпак не давал его словам долететь до других. Басс скомандовал полифемам подлететь как можно ближе и включить направленные микрофоны.

Стало слышно, как рубила, выставивший перед собой блестящий крест, материт покойников.

— Здравствуйте, незнакомец, — проговорила декольтированная, медленно подходя к нему и поигрывая бедрами. — Меня зовут Элиза Гамильтон. Вам случилось остановиться у моего потаенного уголка, но вы не похожи ни на

моих детей, ни на моих мужей… хотя последних я помню гораздо хуже, ха-ха! Правда, вы немного похожи на Генри. Его я помню хорошо, ведь именно из-за него я попала на кладбище. Суд оправдал его — но не я. Я-то помню, как его бесило мое увлечение мультиканальной теледильдоникой. А эти ежедневные скандалы с угрозами! Эти публичные обвинения в том, что я демонстрирую свои дигиталии всей Сети! Суду, видите ли, недостаточно подобных улик. Но кто же еще, кроме Генри, мог внести изменения в настройки моего эробота? Знал, негодяй, что у меня больное сердце, и что эробот в таком режиме затрахает меня до смерти!

«Какого Бага он пятится? — недоумевал Басс, разворачивая полифемов и так, и эдак. — Объяснил же всем пятерым: каждая шкурка при приближении человека активирует голопроектор, вот и все! Облики не кусаются, их можно насквозь пройти, и идти себе дальше. Если с каждым покойником болтать, нам никакой ночи не хватит…»

Правда, во время своих первых вылазок он тоже изрядно попсиховал из-за таких сюрпризов. Вряд ли этот парень каждую ночь ходит на кладбище. К тому же, в отличие от рубилы, Басс видел женщину полупрозрачной, поскольку смотрел на нее через камеры полифемов. Зато он уже разглядел, откуда вылез призрак. За ближайшим кустом скрывалась конструкция, являвшая собой помесь качелей и дивана с навесом. На подвесном диване лежал аляповатый веер из огромных страусиных перьев. Якобы из перьев, с учетом показаний сканера. Искин класса «каф». Хотя и женская версия, все равно дешевка.

— Ах, вы спешите, таинственный незнакомец! — Голограмма в декольте сделала шаг назад, пропуская испуганного рубилу. — Простите меня, заболталась! Если вы заблудились, я охотно предоставлю вам необходимую информацию об «Эдеме» и любых других «Садах Саймона». Если вы потеряли близкого человека, не огорчайтесь — в «Садах Саймона» вы всегда…

Речь неожиданно оборвалась. Фигура издала тонкий писк и бросилась на рубилу. В полете женское лицо стало раздуваться, превращаясь в морду с огромными зубами. Зураб орал и бешенно крестил туман вокруг себя. Повалилось дерево, загорелись кусты.

И так же резко настала тишина. Рубилы с крестом словно не бывало. Вероятно, он лежал теперь на земле, скрытый туманом, растерзанный… голографическим обликом?!

Басс поискал глазами остальных — в ответ на мысленную команду полифемы взлетели повыше и развернулись. Девушка и кривоносый стояли на главной аллее и смотрели в ту сторону сада, где исчез Зураб. Ну конечно, до них донеслись вопли.

Постояв, они медленно двинулись дальше.

Зато другие двое исчезли вовсе! Басс бросил полифемов к берегу, одновременно переводя камеры в режим поиска человека.

Поиск закончился быстро. Оба рубилы не прошли и полусотни шагов вглубь кладбища. Одно теплое пятно — на пляже, другое на пристани. Оба мертвецки неподвижные, хотя…

Басс снова изменил настройку, и его летающие глаза-полифемы начали сканировать туман в более широкой полосе инфракрасного спектра, куда попадают следы любых теплокровных биоргов. Едва заметные шевелящиеся контуры вокруг тел рубил стали ярче, превратились в целый ручей. Или даже в один из ручьев. Температура ручья оказалась на пару градусов выше человеческой. Басс зафиксировал ее в качестве параметра поиска, поднял полифемов повыше и оглядел кладбище с высоты.

Туманный спрут, расползшийся по полуострову, словно бы обрел кровеносную систему. Но еще час назад сканирование не обнаружило на кладбище ничего живого!

Басс сосредоточил все внимание на двух оставшихся людях. В разговоре с Шоном он не употреблял слово «наживка», да и сам расценивал принудительную вербовку рубил как некую благородную акцию по перевоспитанию бандитов. Но сейчас оставшиеся двое выглядели точь-в-точь как наживка, да еще и сорвавшаяся с крючка. Наживка, которая умрет без всякой пользы.

Он видел, как бегущие в тумане ручьи разворачиваются к центральной аллее, по которой медленно идут девушка и кривоносый, и как кольцо неизвестной силы смыкается вокруг двух фигурок. Он знал, что они ничего этого не видят. Они смотрели вперед, на вышедшего из очередной беседки покойника. Микрофоны уже не дотягивались так глубоко на территорию кладбища, но Басс знал, что голограмма сейчас предлагает помощь заблудившимся незнакомцам, а они крепко сжимают направленные на фантом акелы. Тут оно и накатывает — но не спереди, где голографическая фигура вдруг превратилась в зубастого монстра, а сзади и снизу, широким ручьем под ноги Камиллы. Девушка беспомощно взмахивает руками, и как сбитый полифем падает в туман.

Зато кривоносый держится целых три минуты, отчаянно крестит воздух с такой частотой, что вокруг него образуется ров. Но затем он почему-то бросается в сторону, уже не стреляя, а лишь уворачиваясь и словно бы стряхивая с себя что-то горячее…

И опять тишина. Не отсутствие звука — до Басса все звуки кладбища и так долетали едва-едва — а полная остановка

нужного движения, тишина действий. Загадочные ручьи по-прежнему текли в тумане вокруг пяти человеческих тел. Но тела больше не шевелились. Они таяли.

Басс перемотал запись до того момента, когда кривоносый перестал стрелять и побежал. Извивающееся тело, взмах рукой… Кажется, какой-то темный предмет отброшен в сторону. Затем еще один…

Стоп. Перемотать. Замедлить. Стоп. Увеличить.

В воздухе висел биорг размером с ботинок. Что-то очень знакомое — серая шерсть, розовые лапы, длинный хвост… Крыса?!

До мединститута Басс считал крыс мифическими или по крайней мере вымершими животными. Да и в институте ему первое время казалось, что выражение «лабораторная крыса» означает человека, слишком занятого наукой. Однако на третьем году обучения начался этот жуткий курс под названием «историческая практика». Придумали его, конечно же, садисты-психологи. После чистых, хотя и вполне реалистичных виртуальных тренажеров, после компьютерных экспериментов, в которых миллион лет эволюции обсчитывался за полчаса, после всех привычных достижений прогресса Басса и его группу окунули в прошлое. Без всякой виртуальности — так требовали эти суки-психологи. Настоящие тупые скальпели, грубые старинные микроскопы, приблизительные дозы… И белые хвостатые твари, играющие роль пациентов. Бассу надолго запомнились их противные розовые лапки — точь-в-точь руки недоношенного ребенка, пришитые каким-то шутником к совершенно чужому мохнатому телу.

Он снова перемотал запись и нашел вторую крысу, отброшенную кривоносым перед смертью. Все становилось на свои места. Никто не ждал опасности из тумана, который едва доходил до колен — и скрывал целую крысиную армию. Особенно если учесть отвлекающий маневр голографических покойников. Но облики управляются искинами! Так вот оно что…

Теперь Басс обратил внимание на отклонения, которые выдавал сонар. Он поиграл с настройкой… Так и есть! То, что до этого воспринималось как незначительные помехи, превратилось в сеть голубых вееров, покрывающих все кладбище. Крысиная армия получала от искинов управляющие импульсы на границе ультразвука и того диапазона, который слышен человеческим ухом. Басс пустил полифемов по кругу, собираясь снять подробную карту управляющих центров.

Не вышло: картинка почти сразу же размазалась. Теперь вместо вееров над садом висела равномерная голубая вуаль.

Противник засек сонар и переконфигурировал глушилку.

Однако Бассу было достаточно и того, что он успел увидеть. Повинуясь его команде, полифемы скользнули к центру Эдема и неподвижно зависли над озерцом с беседкой Саймона. Если бы только опустить их пониже! Увы, перед атакой Басс довольно точно промерил зону действия колпака, потеряв на этом двух других полифемов. Ну ничего, зато теперь известно, куда навести камеры.

Ему повезло даже больше. Через четверть часа туман стало понемногу сдувать с озера. И то, что там происходило, Басс увидел так четко, что мог обойтись и без мультисканера.

Из-под лиловой сутаны на полу беседки показалась крысиная морда. Потом другая, третья… Басс только-только успел подумать, что новым хозяином искина должно быть лишь одно существо — которое из них? — а ответ уже выполз из-под сутаны полностью. Крыс было около дюжины, но двигались они медленно, сбившись в кучу, будто связанные…

Таких тварей Басс не видел даже в запрещенных атласах Джинов. Зато слышал их описания — скудные, совершенно мифические, но достаточные для того, чтобы понять, на кого теперь работает искин Отца Саймона и вся остальная кладбищенская сеть. Несколько крыс, сросшихся хвостами. Редкий урод, который выживает благодаря другим крысам, хотя их сообщество далеко от человеческого. Крысиный король, любимый пример чудаковатого профессора ликантропологии — старик частенько повторял, что все высокие человеческие качества можно найти у самых примитивных биоргов.

Тварь отползла от сутаны лишь на несколько дюймов и остановилась. К ней подбежала обычная крыса. Потом другая. Басс покрутил глазами-камерами полифемов: потоки крысиных армий поменяли направление. Теперь ручьи стекались к центру. Перекидные мостики и пол плавучей беседки покрылись шевелящимися коврами. На миг Бассу даже показалось, что серая армия смела с плота и многоголового урода, и искин. Он снова навел камеры в центр.

Крысиный король по-прежнему был там. И с ним было все в порядке. Даже в большем порядке, чем с остальными крысами. Он был под защитой искина-сутаны. А подданные сбежались лишь для того, чтобы покормить его.

# # # #

Летать в состоянии глубокой задумчивости противопоказано

даже медикам. Разогнавшись в падении с дерева, Басс привычным усилием ног вывел скат из пике — и чуть не врезался в соседнюю сикомору: камуфляжного цвета ствол отлично спрятался в сумерках. Реакция не подвела, однако неожиданный вираж прервал раздумья. Решив, что разбор полетов по свежим впечатлениям важнее нового полета, Басс спланировал на землю, свернул скат и пошел в город пешком.

Не пройдя и десятка шагов, он с удивлением обнаружил, что думает вовсе не о сбесившемся искине Саймона. В конце концов, как верно говорилось в голопроповеди, которую Мария притащила из какой-то анималистической секты, «с крысой можно сделать все то, что можно сделать с человеком». Да, можно дать ей активный искин. Шкурка получит новую целевую функцию и будет работать на нового хозяина так же, как и на старого. А биорг получит очень умного помощника для добычи жратвы.

Вполне реализуемая схема. Хотя и дурацкая — кому нужно такое сочетание? «Смешанная техника», применяемая в дешевых ботах, обычно устроена наоборот. Ведь именно мозг является той частью биоргов, которая пока превосходит искины в решении некоторых задач. Например, в распознавании образов. Поэтому гораздо чаще биологика, то есть мозг биорга, встраивается в механосферу, которая обеспечивает движение и прочее взаимодействие с миром. Разбирая полифемов и других ботов, Басс частенько натыкался на подобные «биологические компоненты».

Он вспомнил о креветке в ухе. Ну да, тоже ведь «смешанная техника». Скорее всего, она еще не сдохла, и если поставить на максимум, можно выдоить из нее еще минут десять кайфа… Эта идея, такая естественная в прошлом, сейчас почему-то оказалась неприятной. Басс вытащил креветку из уха и с отвращением бросил в темноту. И окончательно понял, что озадачен вовсе не поведением искина, который следовало взломать.

Его волновало совсем другое. Волновало настолько, что пришлось признать — это самый настоящий страх. И еще один страх оттого, что появился этот страх. И боязнь продолжения этой цепочки. Страх-фрактал. Как то засевшее в памяти перевернутое дерево, ветвящийся манипулятор самого совершенного робохирурга. Нечто, что вдруг оказалось пугающе близко. Почти внутри, почти вместо. Как та инфракрасная картинка: лиловые пятна неподвижных рубил и растворяющая их розовая волна крысиной армии.

Ладно, хватит. Включи слюноотсос. Никогда не видел — ну и что? Это же не значит, что не бывает. Дикие искины в Сети

бывают, так? Почему же где-то на континенте не оказаться диким биоргам?

Ха, тоже мне логика! Так можно вывести, что если бывают квадратные чипы, то бывают и квадратные уши. А дикие биорги, как ни крути — миф. Сказочка, чтобы детей пугать. «Себастьян, немедленно в кровать, а не то отдам тебя волкоту! У него знаешь какие зубы?! Гнилые, грязные! А в них живет страшная китайская чума! — Мадемуазель, я бы не рекомендовал вам воспитывать ребенка на подобных угрозах. Когда он вырастет и поймет, что его обманывают, он неизбежно…. А это кто еще меня учит жить?! Железяка, встроенная в плюшевого медведя? — Мадемуазель, если вы приобрели нашу версию гувернера-наротерапевта, вам рекомендуется прислушиваться к его советам по воспитанию ребенка. Иначе компания не гарантирует достижение того уровня психического здоровья и образо… — Сначала своего роди, а потом меня учи, кукла говорящая!»

Но искин-гувернер все равно учил. Вежливо игнорируя неисправимую мать, он медленно, но верно корректировал ее педагогические ошибки и направлял страхи маленького Басса в нужное русло. Для начала говорящий плюшевый медведь подтвердил, что в мире действительно существует множество удивительных зверей. Зебры и львы, волкоты и дикобразы, страусы и драконы… Дрожа от страха, Басс с интересом разглядывал их изображения, хотя и прятался под стол всякий раз, когда голограммы оживали.

«И они придут меня съесть, если я не буду хорошо кушать?»

«Конечно нет, Басти, их тоже хорошо кормят. Они вообще живут только благодаря тому, что о них заботятся люди. Люди выращивают их и используют для своих нужд. Ты же не боишься бифштексов? Вот и их нечего бояться».

После пары таких уроков Басс твердо знал: никакой биорг не способен жить вне фермы, лаборатории или зоопарка.

«Но ведь мама все время твердит, что биорги убегают от людей и разносят эпидемии. Как на старом континенте, откуда она убежала. Разве мама обманывает?»

«Нет-нет, она говорит правду. Но теперь такое бывает очень редко. Их сразу находят и уничтожают. А вот в давние времена…»

Это была самая любимая сказка Басса — о том, как в давние времена один мальчик в малиновой куртке не послушался своего гувернера и пошел среди ночи гулять в заповедник…

«Какой заповедник?», перебивал Басс.

«О, это был самый большой заповедник Старой Африки, — отвечал капюшон его малиновой куртки. — Такой огромный, что его называли особенным словом Лес. Там мальчика поймали

дикие звери…»

«Какие звери?»

«Дикие биорги, убежавшие от людей. Все они собрались вокруг него — зебры и львы, драконы и страусы, волкоты и дикобразы — и стали решать, какой болезнью его заразить. Волкоты говорили, что лучше китайской чумой, львы настаивали на новых штаммах полиомиелита, а зебры предлагали Эболу-14. Но тут откуда ни возьмись появился добрый Супер-Санитар, который спас мальчика от неминуемой гибели. Как спас? А это я тебе в следующий раз расскажу…»

Супер-Санитар настолько захватил воображение Басса, что тот стал уговаривать мать слетать в заповедник. Но на новых континентах были лишь небольшие передвижные зверинцы, и даже туда мать категорически отказывалась лететь. Для начала она попыталась откупиться от сына новой электронной собакой, заменившей плюшевого медвежонка. Однако ребенок уже понимал обман: в робособаке сидел тот же Ангел, тот же искин-гувернер, который давно объяснил ему разницу между биоргами и неоргами. Маленький Басс продолжал канючить — и в конце концов получил, что хотел.

За неделю до этой поездки Басса очень расстроил новый дремль про Тарзана, который рекламировали как чудо из чудес, а оказалось — лишь повторение старых трюков. Но в зверинце его ждало еще большее разочарование. На него произвел впечатление только сам владелец зверинца — одноглазый мутант-украинец с большой головой, покрытой страшными шишками. Что же до биоргов, то среди них не оказалось ни зебр, ни грифонов, ни волкотов — и эти «ни» можно было продолжать до бесконечности. Из животных, обитавших в сказках искин-гувернера, там показывали лишь дракона. Серая двухметровая ящерица свернулась среди камней, укрывшись тонкими перепонками крыльев, словно пакетом для мусора. Она вела себя так, будто мечтала умереть и уже почти осуществила свою мечту.

О других существах, демонстрировавшихся в зверинце, Басс раньше не слышал, но они были еще скучнее. Какие-то облезлые собаки светились фиолетовыми пятнами в темноте грота. Пара низкорослых копытных, каждое с белым рогом посреди лба — они бродили по кругу, устало дыша, под контролем искинов-ошейников, и на них можно было кататься за отдельную сотню кредитов, но об этом Басс даже не заикался. Потом они с матерью посмотрели бассейн, где толпился десяток вялых птиц с когтями на крыльях. Шеи птиц периодически вытягивались вверх и снова сворачивались — точь-в-точь цех производственных роботов с разлаженной синхронизацией.

И конечно, все это сопровождалось постоянными криками матери, вперемешку с вежливыми советами гувернера: «Себастьян, немедленно отойди! Ты можешь заразиться! — Мадемуазель, вы слишком строги. Все представленные здесь животные вакцинированы, и кроме того, силовой барьер… — Ну да, я забыла спросить говорящую кепку! Если б ты, тряпка безмозглая, побегал бы от эпидемий, как я, то не лез бы меня учить… Себастьян, я что сказала! Не вздумай трогать!!!»

Но даже разочарование Басса было использовано искином-педагогом для пользы дела. Для того, чтобы переключить внимание мальчика на борьбу с другими, более реальными и сильными врагами человека. Именно тогда Басс узнал, что создание биоргов для зоопарков и прочих развлекательных заведений — лишь частный случай применения генной инженерии. Настоящая же генетика — это серьезная наука на страже здоровья людей. И как во всякой науке, в ней бывают неудачные опыты, порождающие не совсем тех существ, каких хотелось бы. Поэтому некоторые люди старшего поколения — здесь Басс уже и сам догадывался, что искин говорит о матери с ее страхами — да, они относятся к биоргам излишне эмоционально. Однако, не будь ошибок, не было бы и прогресса. К тому же сейчас все не так, как двадцать лет назад, когда Генобум привел к опасным и бесконтрольным экспериментам. В наши дни, благодаря унификации законов о геномоделировании, а также введению общих санитарных стандартов… И так далее, и так далее.

Финальный поворот к специализации прошел у Басса даже легче, чем у многих сверстников. Когда его спрашивали потом в институте, почему он пошел на медицинский, он со смехом рассказывал, что всему виной его детская боязнь волкотов и терапевтическая сказка его электроняньки про Супер-Санитара. Многим женщинам нравился такой откровенный ответ: в эпоху гено — и психопрограммирования все разговоры про выбор профессии обычно сводились к обмену анекдотами о ком угодно, только не о себе. Кто знает, не стал ли ты сам жертвой какого-нибудь идиотского эксперимента, на котором решили подзаработать твои родители. Ведь после бегства из адской Европы у них не было ничего, кроме собственных тел и мозгов. И у многих второе работало хуже первого.

Басс тоже догадывался, что дизайн его личности не ограничился сказочками гувернера. Был еще выбор геномодели — а эта часть его прошлого, целиком определенная матерью, оставалась самой темной загадкой. Много позже, на семинарах по психоанализу, он догадался, каких зверей на самом деле боялась

мать. И почему у него не было отца — даже вымышленного.

А вот звери, то бишь дикие биорги — были. Вымышленные или просто никогда не виданные, они постоянно присутствовали где-то рядом, как фантомы.

В институте это были животные из учебных фильмов. До Генобума на них тестировали медикаменты, проводили декортикацию и прочие опыты. По институту ходили байки о том, что в каких-то варварских странах, где не хватает мощных виртуальных тренажеров, студенты до сих пор режут живых тварей, созданных по спецзаказу на более продвинутых континентах. Ходили слухи о безбашенных Джинах, выводящих одно чудовище за другим. Случалось, экзотические биорги мелькали в новостях из мира тех, кого Марек в рамках своей кулинарной иерархии называл «сливками». К примеру, сообщали, что некий шейх из Новых Эмиратов, чье «черное золото» совсем обесценилось во время Второго Эрга, вынужден был продать двух своих кошек, чтобы обеспечить безбедную жизнь семьи еще на несколько лет.

Самые призрачные фантомы зверей, от которых остались только названия, попадались практически ежедневно — ресторан «Голубой Лось», район Беличий Холм… Впрочем, существовал и более высокий уровень абстракции: науки, лженауки и культы. И те, и другие, и третьи говорили о биоргах одни и те же невероятные вещи, только по-разному. Например, и ликантропологи, и фуристы утверждали, что каждому человеку соответствует свой биорг. А Мария как-то провела неделю среди мескалитов и начала ощущать себя вороной. Пятьдесят литров ледяной воды помогли и на этот раз. Ворона так и осталась чистой идеей.

Но сегодня… После встречи с реальными дикими тварями Басс по-настоящему осознал эту призрачность «братьев меньших». Словно то неуловимое, что вечно живет в уголке поля зрения, когда кажется — вот что-то мелькнуло, пошевелилось слева, а обернешься — все те же бездвижные стены. Сотни раз он проходил мимо «Голубого Лося», но ни разу в жизни не видел настоящего. Ни голубого, ни желтого.

Креветок настоящих — да, видел. И рыб тоже. Но это же океан, совсем другой мир. Холодный, нечеловеческий. Дикая жизнь океана всегда была рядом, и все равно далеко — почти как на Луне, где человек все равно не живет. Другое дело, когда прямо здесь, на суше… Разве что крысы выползли из океана?

Но ведь и на этот случай существуют береговые охранные боты, которые не пропустят даже селедку, если она крупнее сэндвича. Да и температура тела — Басс вспомнил, в каком

диапазоне он засек крысиную армию. Такой температуры не может быть у холодной морской жизни.

Какой-то звук отвлек его от размышлений. Оглядевшись, он увидел, что забрел совсем не туда, куда направлялся. «Хорошо хоть не полетел», отметил Басс, знающий за собой эту склонность — забредать в задумчивости в совершенно неожиданные места, словно по воле чужого автопилота.

Он стоял посреди незнакомой площади — из тех, что и площадью-то назвать нельзя. Однако в их центре обычно торчит какая-нибудь корявая стелла, либо хрустальная призма, либо светящаяся елка — в общем, если назовешь это перекрестком, местные могут и накостылять. Судя по шуму волн, океан был совсем рядом. Очевидно, Басс забрал слишком сильно влево, и вместо того, чтобы выйти в город, забрел в район старого порта.

Звук повторился. То ли кашель, то ли фырканье. На противоположной стороне площади и откуда-то снизу, от земли. Бассу снова стало не по себе. Казалось, площадь моментально наполнилась другой тишиной — не такой, какая была до этого.

Сразу вспомнилось, как с полгода назад Мария подцепила индийское учение, связанное со страхом. Каждый человек, согласно этому учению, является лишь дремлем кого-то другого; жизнь человека прерывается тогда, когда прерывается этот чужой дремль. А прерывается он, если смотрящий пугается и просыпается. Поэтому тот, кто хочет продлить свою жизнь, не должен грешить, то есть попадать в ситуации, которые испугали бы дремлющего. Хитрость в том, что при таком подходе у греха нет четкого определения — ведь неизвестно, чего именно боится тот, кто смотрит дремль про тебя. Кого-то пугает вид крови; другие же спокойно наблюдают ужасы войны, но пугаются необъяснимых шумов. Вроде странного звука на безлюдной ночной площади в районе порта, в полумиле от кладбища, захваченного полчищами крыс. А вдруг они уже в городе?

«Если кто-то смотрит этот дремль, ему самое время проснуться», подумал Басс. Дрожь постучала острым пальцем под левой коленкой. По икре стекла щекотная струйка пота, точно кто-то провел там мокрым ватным тампоном.

«Шитый Баг, да что же это такое сегодня?! Совсем нервы сбесились. Сначала высоты испугался, потом каких-то мелких биоргов, теперь — темноты». Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул сквозь зубы, активировал игломет и прислушался.

Звук больше не повторялся. Тот, кто смотрел дремль жизни Басса, не проснулся. Ну и к Багу его, смотрителя. Что это вообще на меня нашло — вспоминать такую идиотскую секту…

Для защиты от вредных идей, подцепленных Марией, Басс

давно придумал простой и эффективный способ. Достаточно было вспомнить период, когда Мария увлекалась какой-нибудь другой сектой с совершенно противоположным уклоном. В архиве ее увлечений всегда находились такие пары. Частенько они даже следовали друг за другом — словно маятник ее сознания, качнувшись в одну сторону и встретив там препятствие в виде кулака Басса, тут же летел в противоположную. Именно так после Кои, проповедующих информационную изоляцию, Мария подсела на компси, согласно которой гармония жизни достигается благодаря активному использованию средств связи. Со средствами Басс разобрался одним пинком, а вот обострившуюся коммуникабельность Марии пришлось лечить гораздо дольше. Хотя это было легче, чем искать ее, когда она сделалась настоящей невидимкой, отказавшись от всех электронных устройств по совету Кои.

Он мысленно перебрал еще несколько таких пар, ища, что противопоставить трусливому желанию удрать с перекрестка. Нужно что-нибудь бодренькое такое, хорошо забытое старенькое. Типа дзен-буддизма. «Идти навстречу своим страхам». Вот-вот, оно самое. Боишься высоты — прыгни с крыши, и все пройдет. Вперед, Бодхисаттва!

Впереди тускло блеснул металл. Включая височные фонари, Басс подумал о подвальном окне или вентиляционной шахте, откуда мог исходить звук. Однако фонари выявили лишь металлические кольцеобразные ребра, расположенные через равные промежутки вдоль выпуклой стенки трубопровода. Басс узнал это сооружение — однажды в детстве мать сказала ему, что по таким трубам качают из океана рыбный суп. Как многие глупости детства, образ запомнился надолго. Басс даже подозревал, что это не было упрощением специально для ребенка. Мать никогда не отягощала себя лишними знаниями и вполне могла представлять себе процесс изготовления синтетической пищи именно так.

Он провел лучом по трубе туда-сюда. Ничего особенного. Нижний край выпуклой стенки подвернут и уходит в землю под углом, так что при желании здесь можно спрятаться от санитарного дождя. Но и в этом укрытии не видно ничего, кроме нескольких вялых приморских растений с мелкими серыми цветами — похоже, они добрались сюда от самого океана вместе с трубой. Цветы напоминали сетевые разъемы: Басс слышал, что таким образом они привлекают патрульных инсектоботов для опыления. Может, они и подозрительные звуки научились издавать для этого?

А может, почудилось. Басс еще немного поводил лучом

вокруг — и тут вспомнил, что у фонарей есть более удобный режим рассеянного ближнего света, которым он никогда не пользовался, привыкнув к сфокусированному пучку. Он остановился и опустил луч на мостовую перед собой, чтобы перенастроить фонари.

Пятно света, упав под ноги, выхватило из темноты налитый кровью глаз и огромную оскаленную пасть. До жуткой твари оставался всего шаг! Басс попятился, поскользнулся и грохнулся на спину. Левая ладонь, инстинктивно отведенная назад, чтобы смягчить падение, наткнулась на что-то шерстяное и мокрое. И оно задергалось под его пальцами.

Басс с ужасом отдернул руку, перекатился на другой бок. Луч фонаря пробежал полукругом: рядом с большой зубастой тварью на земле валялись мохнатые тельца поменьше. Некоторые шевелились. Басс вскочил и бросился бежать.

# # # #

На другом конце площади он остановился. Никто его не преследовал. Все было так тихо и спокойно, что он невольно оглянулся в сторону освещенной улицы — убедиться, что никто не показывает на него пальцем и не хихикает.

Там по-прежнему никого больше не было. Дома в этом районе, в отличие от Старого Города, располагались не только на земле, но и на двух дополнительных горизонтах. И сами здания здесь выращивались по более поздней моде: снаружи они выглядели так, словно у них вообще нет окон. Пустая будка телегона да неспешно плывущий с горизонта на горизонт тротуар только подчеркивали эту размеренную безлюдность. Лишь в двух кварталах впереди на втором горизонте светилось какое-то увеселительное заведение, где явно для контраста держали прозрачными стены и пол. Сквозь них были видны плохо одетые мужчины вперемежку с хорошо раздетыми женщинами — будто кто-то варил в прозрачном баке китайский суп с грибами и креветками.

«Все-таки стоит включить рассеянный свет». Басс повернулся обратно к темноте. Широкий конус упал на площадь, но до пятачка перед трубой не достал. Ладно, хорошо хоть вокруг себя видно.

Новый шорох донесся из-за спины. Басс отскочил к стене дома и выпустил скальпель, приготовившись драться. Но все равно вздрогнул, когда на площадь выбежали две крысы и с огромной скоростью понеслись в его сторону. Да такую торпеду и

двумя руками не поймаешь! Страх опять ударил под колени куском мокрой ваты.

Но дальше случилось нечто странное: крысы, не сбавляя скорости, пронеслись мимо Басса к трубе, где он только что наткнулся на крупную неизвестную тварь. Теперь там шла какая-то возня. Внезапно одна из крыс с писком вылетела из темноты, шмякнулась об стену ближайшего дома и затихла. Через несколько секунд вылетела и вторая — но до стены не долетела и не успокоилась, а поковыляла обратно к трубе.

Неизвестная тварь отбивается от крысиной армии! Стало быть, есть и на них управа. Наверное, потому они до сих пор и не особенно распространились. Естественное равновесие, или как его там…

Басс убрал скальпель. Отряхнул локоть, которым прислонялся к стене, и усмехнулся этому непроизвольному жесту-атавизму — стена, судя по гладкости и упругости, была силовым полем, а оно не пачкается. Не исключено даже, что за обликом скрывается окно, и сейчас с той стороны, из дома, кто-то наблюдает за его маневрами. А может, на всякий случай уже вызывает полицию. Точно, пора линять.

Он уже развернул скат в сторону освещенной улицы, когда через площадь прошмыгнула еще одна серая торпеда. Басс остановился.

Некая смутная мысль закопошилась в голове. Хотелось быстренько убить мыслишку, обозвать ненужной блажью… Нет, не получилось. Возможно, как раз из-за ее смутности. Это была и не мысль даже, а некое ощущение из тех, что называют «дежа вю». Неизвестный биорг, отбивающийся от крыс, напомнил Бассу его самого в такой же ситуации. Прошлая ночь, тупик с баком-мусороедом. Оторванная рука, паршивое обезболивающее и патрульные полифемы, высматривающие добычу инфракрасными глазами.

«Ну и что, что эта тварь тоже против крыс, — мысленно возразил он самому себе. — Она может так же любить человечину, как и крысы. Я же могу есть спагетти, которыми питается этот ублюдок Маврик. С точки зрения генетики, сам человек — наполовину крыса…»

«Зато вторая половина называется прекрасной», съязвила в ответ какая-то другая часть сознания. Но и эта привычная самоирония не помогла. Смутная мысль не отступала. Со стороны трубы снова донеслась возня. Но никто больше не вылетал оттуда, отброшенный сильным ударом.

«Ну да, их больше. И что? Я вчера в баре Шона тоже наехал на шестерых.»

Возня у трубы стихла. Смутная мысль продолжала скрести мозг маленькими, но чувствительными коготками.

«Ладно, я только посмотрю, как она это делает». Басс встал на скат и полетел по длинной дуге к трубе, на ходу выпуская игломет.

На деле биорг был не такой уж большой — всего вдвое длиннее крысы, которая впилась в его левую заднюю лапу. Другая крыса подбиралась со стороны головы. На подлетевшего человека отреагировала только одна — да и та лишь подняла голову, не собираясь убегать. Вторая же спокойно продолжала грызть подергивающуюся лапу противника.

И это стало последней каплей в целой ванне холодного презрения, вылитого за одну ночь на одного человека кучкой мелких, безмозглых комочков органики, каждый из которых можно легко раздавить одной…

Он наехал на нее прямо на скате, а когда она запищала и попыталась выбраться — прыгнул сверху двумя ногами и топтал, топтал, пока не перестало хрустеть. Потом развернул фонари на вторую — та бросилась прочь, к трубе, попыталась забиться под нее — не вышло — рванулась дальше вдоль выпуклой металлической стены — но заминка стоила ей жизни. Только звон искрящих о трубу игл остановил Басса: он понял, что продолжает лупить в ненавистное серое существо с опережением, хотя оно уже никуда не бежит.

Радость возвращения власти над природой растеклась в сознании Басса подобно тому уютному теплу, что растекается по внутренностям после хорошей дозы «плазмы» в сырой день. Но ненадолго.

Когда он склонился над раненым зверем, тоже не любившим крыс, в голову вернулась все та же смутная мысль, что скреблась там несколько минут назад.

Это же волкот, сказал себе Басс. И тут же поправился: похож на волкота. Ни сам он, ни кто-либо из его знакомых никогда не видел этих тварей живьем. В то же время оказалось, что байки и слухи, годами собираясь вместе, нарисовали в воображении достаточно точный образ. Если, конечно, не зацепляться за самые бредовые байки, о Джинах и их экспериментах. И о всякой заразе, которую переносят дикие биорги…

«Нет, не то», — смутная мысль настойчиво пресекала все попытки поглядеть на ситуацию как-то иначе.

Зверь не шевелился. Басс присел на корточки. В боку неведомой твари зияла рваная рана, серебристая шерсть вокруг потемнела. Задняя левая лапа разодрана до кости. Острая мордочка уткнулась в бетон. С другой стороны — пушистый хвост

такой же длины, как тело. Сначала Бассу показалось, что хвост тоже разодран. Однако приглядевшись, он обнаружил, что это целых два хвоста, оба с белыми кончиками. Сейчас хвосты неподвижно лежали на земле, но Басс живо представил, как этими пушистыми штуками можно было бы махать, заметая след. Или наоборот, распространять свой запах-идентификатор… Если, конечно, зверь выживет. Если его кто-то вылечит. А есть, между прочим, такая специальная профессия…

«Клятва Гиппократа не распространяется на геномодных биоргов, — твердо сказал он себе. — Кроме того, я лишен лицензии. А позже за преступную практику без лицензии наказан Стиранием Ангела. На меня больше не распространяются эти баговы профессиональные обязательства».

Но смутная мысль не отступила и перед этой отмазкой. Ей было плевать на клятву Гиппократа. Она не была сентиментальной мыслью. Она была просто мыслью о неожиданном сходстве ситуаций. Без объяснимых причин, без очевидных следствий — в этом-то и была загвоздка. Она была чем-то похожа на те неуловимые ассоциации, что приходили в Старом Городе. Басс никогда не бросался такими мыслями — они и так возникали не часто.

О столкновении с геномодными тварями следует сообщать «куда следует». Ну да, конечно, и тут все сходится. Именно так поступил бы любой добропорядочный гражданин, который прошлой ночью обнаружил бы его, Басса, полудохлого и с оторванной рукой, после неудачного грабежа.

От этих сопоставлений, словно рикошетом от стены, отскочила и более привычная идея: гораздо выгоднее сделать не то, что положено, а то, что запрещено. «Редкого биорга можно неплохо продать», — сказал Басс своему загадочному внутреннему собеседнику, все больше удивляясь, с чего бы это у него возник такой долгий спор с самим собой.

Такого не было с тех самых пор, как его дисквалифицировали и стерли его персональный искин-профи. После этого привычка советоваться со своим Ангелом преследовала Басса еще пару месяцев — он то и дело ловил себя на том, что разговаривает сам с собой. Именно для того, чтобы избавиться от дурной привычки, он выбрал в качестве нового искина «глухонемой» лапотник с внутренним интерфейсом на основе простых мысленных команд. Это помогло: нелегальная «швейцарская лапа» воспринималась как совершенно неодушевленный инструмент. И хотя время от времени Басс подстегивал самого себя кое-какими словечками, это были лишь отдельные словечки — почти как те простые команды, с помощью которых он управлял лапотником или

скатом. Ничего похожего на разразившийся в нем сейчас внутренний диалог, в котором он так упорно продолжает искать оправдания или предлога для чего-то, чего даже не может сформулировать.

Вот и идею продажи внутренний собеседник воспринял с очевидным сарказмом. «Ну-ну, — язвил он. — Если эта тварь специально ради тебя передумает помирать, тогда конечно. Зашивать-то ты уже разучился, тебе бы только резать.»

«Да пошел ты…», мысленно ответил Басс и потянулся к шее зверя левой рукой, на всякий случай активируя игломет в правой.

В тот же миг тварь доказала, что в посягательствах на свою шею она не особенно отличает людей от крыс. Басс отдернул руку, однако из-за сидения на корточках это получилось не так ловко, и острые зубы зацепили плоть. Но не более того: сделав выпад, зверь снова уронил голову на бетон. Басс сорвал перчатку и осветил руку фонарем. На тыльной стороне ладони наливался кровью четкий шрам в виде тонкого серпа с крючком. Словно кто-то плавным движением кисти нарисовал полумесяц, но в последний момент его толкнули под локоть.

— Ну спасибочки, — сказал Басс вслух. — Теперь я знаю, почему я это сделаю. Из вредности, брат. Просто назло.

Он прикинул вес зверя, отмерил дозу, прицелился и выстрелил. Зверь дернулся и попытался ползти, скребя по бетону одной передней лапой, но вскоре затих. Басс подождал еще минуту, чтобы анестезия подействовала. Заодно отметил, что терзавшее его смутное ощущение-совпадение уходит, уступая место осмысленной решимости.

Волкот лежал спокойно, но второй раз Басс решил не нарываться. Он открыл саквояж, велел ему немного увеличиться, положил его на бок и ногой перекатил вовнутрь тело зверя. Потом огляделся, подцепил носком сапога ближайшую оглушенную крысу и закинул ее в другое отделение саквояжа.

Выруливая на скате с площади, он вдруг представил, что ему сейчас всего десять. «Собственный зверинец, Басти, стоит очень дорого! — Много ты знаешь, кепка говорящая!»

И от этой глупой картинки как-то сразу стало легко на душе. Без объяснимых причин и очевидных следствий.

ЛОГ 12 (ВЭРИ)

— Итак, у нас один голос «за» и один воздержавшийся. — Профессор отправил в рот кусочек халвы. — Осталось узнать мнение третьего. Если конечно не рассматривать прокол с яблоком в качестве «зачета».

Вопрос поймал полковника как раз позади Вэри. Она попыталась сконцентрироваться на мороженом — сиреневое она уже ела, а вот сиреневое с миндалем впервые…

Однако не так-то просто получать удовольствие, когда у тебя за спиной торчит такая громадина. Удивительно, насколько юрким и незаметным был этот человек в роли официанта. Незапланированная остановка вмиг материализовала за левым плечом Вэри эдакое железобетонное изваяние в стиле русского свят-арта. У нее даже слегка заболел живот.

В таких случаях старшая фея Ванда советовала представить какую-нибудь приятную совместную деятельность с раздражающим тебя человеком. «Вообрази, что ты с ним танцуешь». Вэри попробовала. Ну да, как же! Потанцуешь с такой громадиной. Все время стоять на цыпочках, пока он и их не отдавит. Но вот если бы он упал…

«Длинному больнее падать», подумала Вэри. Эта мысль сразу как-то сняла напряжение, и она продолжила развивать ее. «Крупное тело — хорошая мишень». Что ни говори, а Ванда не зря ставила ее в пример другим феям, когда дело касалось быстрого возвращения душевного комфорта. Вэри снова принялась за мороженое, краем глаза разглядывая усача и отмечая места, куда можно нанести наиболее болезненные удары. Вот как легко сменить неудобство на спортивный интерес!

Она представила, как пробивает усатому маэ-гири в пах. Потом на всякий случай добавила два хинэри-учи под мышки — эти парни из спецслужб нередко перешивают жизненно важные органы в другие места. Однако три таких удара не очень-то легко выполнить подряд! Хотя, если начать не с маэ в пах, а с маваси под мышку… Вэри вызвала Третий Глаз и быстренько набросала черновой вариант хореограффити. Надо будет потом отработать.

— Вообще-то я уже составил мнение… вполне положительное. — Полковник кашлянул, и от этого стал еще более неловким. — Но я бы не против… ы-ы-ы… посоветоваться.

— Само собой, — кивнул профессор. — Только налейте мне пожалуйста еще чашечку.

На несколько секунд усач во френче снова стал призраком, мелькнул белой тенью позади синего камзола и опять

материализовался около Вэри. А ведь он неплохо двигается! Продолжая оценивать полковника в качестве противника в рукопашной, Вэри даже ощутила некий смысл в том, что раньше казалось странным. Глаза полковника бегали, когда он стоял неподвижно, так что все остальные были для него вроде фантомов. А когда он двигался, то сам превращался в фантом среди неподвижных фигур. В этом была какая-то особая гармония. Может, это и есть техника «пьяный ниндзя», которую ей никак не удавалось найти? На всякий случай Вэри велела хореографу поснимать движения полковника. Особенно глаза.

— Вы, конечно, слышали о Деле Падающих, — заговорил усач, обращаясь к ней. — Я бы хотел узнать, что вы думаете о Подкладке этого дела.

— О чем?

Глаза полковника сфокусировались на Вэри на целых две секунды. Не исключено, что это был персональный рекорд. Затем он в недоумении повернулся к Марте.

— Она совершенно обычная вея, — развела руками наставница. — Даже не помощник модельера. Попробуйте обойтись без слэнга.

Вэри уже не впервые слышала, как Марта коверкает слово «фея». Но сейчас ей вдруг пришло в голову, что все может быть наоборот. «Вея» звучала вполне естественно среди других артельных словечек, смысл которых она не всегда понимала, хотя и улавливала их общую швейную тему. И если догадка верна, то скорее уж «фея» — народный вариант профессионального термина.

Как легко одна мелочь изменяет картину мира! Казалось бы, за последние годы в твоей жизни случилось множество более важных вещей: превращение в сотрудницу добреля из уличной девчонки-на-все-руки, потом обучение «пяти искусствам» в секте Кои, потом экзамен на поступление в Артель… Но эти ступеньки лестницы так быстро и так равномерно шли друг за дружкой, что всю высоту и не довелось осознать. А потом вдруг падает камешек, и открывается впереди обрыв. Не фея, а вея! Разница в одну букву — пропасть между мирами. За спиной мир суеверных, впереди мир посвященных. И ни с чем не сравнимое ощущение сквозняка, бьющего в глаз через замочную скважину.

Между тем усатый все еще мялся, не зная, как справиться с неожиданной проблемой.

— Вспомните вводный курс тегуменологии, полковник, — подсказал человек в синем камзоле.

— Ы-ы-ы… ну хорошо. Допустим… — Взгляд усатого проделал очередное броуновское движение. — Допустим, у нас

есть несколько вложенных семантических тегов, то есть… ы-ы-ы… определенных меметических конструкций… Проще говоря, несколько версий одного происшествия. Я хотел бы узнать мнение нашей очень талантливой кандидатки относительно… ы-ы-ы… правдоподобности этих версий.

От такого обращения Вэри сразу захотелось сделать какой-нибудь красивый жест. Например, посмаковать оставшийся глоток чая, грациозно поднеся чашку ко рту — локоток и мизинчик в третьей позиции, такое хореограффити можно и без Третьего Глаза нарисовать. Или вот так: медленно-медленно облизать ложечку для мороженого, неприлично высовывая язык.

Поймав себя на этих хулиганских желаниях, Вэри тут же разложила их по полочкам необернизма и пришла к выводу, что полковник ей нравится. Ей вообще нравились немолодые «мужчины с опытом», которые сначала слегка пугают, а потом оказываются такими простодушными… Особенно симпатично они смущаются. Ну и как тут не повеселиться, не поплясать на болевых точках?

Марта, конечно, заметила. И все испортила:

— Ты ведь помнишь это дело, шпилька?

— Да. — Вэри сложила руки, как прилежная ученица. — На пяти новых континентах зафиксировано одиннадцать похожих несчастных случаев. Падение с большой высоты. Причем каждый из погибших за некоторое время до смерти избавился от персонального искина. Именно это отличает упомянутые случаи от множества других падений. Обычно все обстоятельства, предшествующие смерти, можно узнать по записям личного искина…

— Не только, — вставил седой.

Вэри открыла было рот, но вопрос застрял в горле: вспомнились предостережения наставницы. Вместо вопроса она опять погрузила ложечку в мороженое. Сирень и миндаль, очень неожиданный вкус. Первая ложка показалась горьковатой, вторая вызвала желание зачерпнуть побольше, а после третьей возникла мысль «неужели осталось так мало?»

— Это к делу не относится, — профессор махнул рукой. — Извините, что перебил… Продолжайте.

— Упомянутые одиннадцать случаев сначала расследовались отдельно друг от друга. Но полицейские искины объединили их по некоторым общим чертам. Предполагается, что в этом замешана мексиканская секта Гуагуа. Они практикуют самовыбрасывание из транспорта над определенными точками, где, как они верят, находятся своеобразные ворота для телепортации в другие галактики.

Полковник, до сих пор аккуратно прятавший свой маленький черный поднос под мышкой, окончательно забыл роль степенного метрдотеля. Теперь он держал круглый диск перед собой двумя руками, словно ожидал, что его стукнут в солнечное сплетение. Пальцы в белых перчатках нетерпеливо постукивали по краям подноса.

— Да, это Лицевая. Официальная версия. Но она не совсем… ы-ы-ы… адекватна.

— Почему? — Вэри отправила в рот пятую и последнюю ложку мороженого.

— Четыре случая из одиннадцати не вписываются. Никакого летающего транспорта в зоне происшествия в момент… ы-ы-ы… смерти.

Вэри облизала ложку и поглядела на небо. Все молчали. Мертвый город тоже не проявлял признаков жизни. Взрывчатые тараканы не прыгали с крыш. Никто не взлетал и не падал.

Впрочем, падать-то падал, только давно: взгляд Вэри уперся в пару старых кибов на краю площади, между дацаном и русским «пчельником».

Первое поколение, сразу видно. Почти неотличимы от обычных автомобилей. Лишь опытный глаз заметит, что серебристый иней-паразит покрывает нижние части машин слишком плотно. И что кибы не просто поцеловались, но рухнули с приличной высоты. Четырехместная «тойота-био» вылетела как раз из той галереи, через которую Вэри с Мартой прилетели на встречу с Советом. А двухместная «мито-хонда», наоборот, поднималась с площади. После столкновения и падения машин водители либо сразу стали добычей гундов и бэтчер-баньяна, либо ушли с площади пешком… чтобы стать их добычей чуть позже.

В ракушечных лабиринтах Калькутты-4 осталось множество таких памятников… но чему? Непредсказуемым последствиям применения новых технологий?

А может, и наоборот — памятников консерватизму. Вэри вспомнила, как Марта описывала работу Артели на примере Дела Теслы.

По официальной версии, группа голландских «ультразеленых» захватила лабораторию Сиднейского университета и вскрыла там контейнер с новым штаммом гриппа — что привело всю группу к летальному исходу через 48 часов. Вэри, уже тогда знакомая с методами ГОБа, подозревала, что экотеррористов просто перебили снайперы из отдела биозащиты. К тому же ходили слухи, что «ультразеленые», протестующие против использования бензиновых двигателей, вовсе не

интересовались гриппом. Зато они вывели и собирались выпустить аэробную бактерию, пожирающую нефть.

Но и эта версия показалась Вэри неубедительной. «Ультразеленые» были помешаны на экологически-чистом оружии. Угробить вирусом несколько тысяч человек — пожалуйста. Но обижать природу — смертный грех для настоящего экотеррориста. Они скорее выпустили бы грипп, чем пожирателей нефти.

Пришлось обратиться за помощью к наставнице. В очередной раз посоветовав не умничать, Марта все-таки открыла ей другую правду. Третью.

«Ультразеленые» не хуже Кои владели гуманитарными технологиями, а по части эротики даже слегка обгоняли их. Натуральное совокупление во время езды на велосипеде по плавучим оранжереям затопленного Амстердама — довольно грязный трюк. Но технари как раз и расклеиваются от подобного натурализма, недостижимого в их стерильных лабораториях. После того, как девицы из «ультразеленых» показали такое «небо в фуллеренах» двум ведущим инженерам из «Боинга», те от счастья выдрали свои «чипы верности» и перекинулись в стан экотеррористов. С ними «ультразеленые» через полгода создали первую биотеслу. И построили действующую модель транспортного средства совершенно новой формы.

Если бы им удалось продемонстрировать эту штуку широкой публике, им вообще не понадобилось бы воевать с нефтяной индустрией. Массовое производство легких, дешевых кибов с движками огромной мощности началось бы в течение года. Еще через год они вытеснили бы две трети автомобилей.

Но это сопровождалось бы экономическим хаосом на семи развитых континентах и государственными переворотами на десяти развивающихся. А также одной, зато мировой электронной войной.

Ничего такого не случилось благодаря малоизвестной исследовательской компании, которая рассчитала и помогла реализовать более мягкий вариант будущего. Революция транспорта растянулась на десятилетие. До этого автомобильные компании пытались тянуть резину самостоятельно — Артель предложила единый план. И описала крах индустрии в случае, если план не примут. Одновременно перед госструктурами была развернута мрачная картина массовых бесконтрольных перемещений в воздушном пространстве. Это тоже подействовало. Сложно было не согласиться с расчетами самой мощной в мире системы распределенных вычислений. Спрятанной, как говорила Марта, на самом видном месте…

«С миру по нитке — голому Ткань».

Слэнг Артели, этот дурацкий язык намеков, всегда раздражал Вэри. Но делать было нечего. Видимо, предполагалось, что хорошая ученица должна догадаться сама, а плохой это ни к чему. Кое-что Вэри угадывала. Например, выкройки отдельных клиентов Марта называла «волосами Ангела». Это ясно: многие данные о хозяине хранит его личный искин, можно прямо оттуда и брать. Но где находится сама Ткань, собирающая это Сырье в многоуровневые цветные ковры?

Такая же расплывчатость окружала все, что касалось Артели. Когда она возникла? Когда началась хотя бы эта история с биотеслой? Марта рассказала лишь, что поступление Вэри на работу в добрель совпало с началом «третьей фазы». Именно тогда увеличилось число сообщений о захватах летучего транспорта, об аэробных бактериях, и как следствие — о необходимости ужесточения контроля воздушного пространства.

«Ультразеленые» были разгромлены, все сообщения о биотесле — опровергнуты или вычищены из Сети. Между тем новый двигатель потихоньку внедряли под видом «гибридного», с подстройкой под существующие виды транспорта. Покупая автомобили на загадочных «топливных элементах», большинство людей все равно не понимали, чем на самом деле питается двигатель и где он вообще располагается в их навороченных тачках. Зато производители тачек могли еще долго использовать старые сборочные конвейеры.

И даже когда новый двигатель был признан «биоэлектрическим», в нем оставался один секрет: биотесла давала столько энергии, что автомобили могли бы летать. Эта тайна еще на несколько лет задержала отрыв персонального транспорта от земли. А когда он все-таки полетел, его форма практически не отличалась от тех четырехколесных гробов, которые много лет сходили со старых конвейеров.

Но хорошо ли, когда содержание так обгоняет форму, а новая форма безжалостно подавляется? Вэри снова поглядела вверх. Небо над маленькой площадью напоминало огрызок яблока: каждый из четырех храмов откусил хороший кусок со своей стороны. Но посередине еще оставался большой просвет. И будь этот город живым, где-нибудь там хоть раз да мелькнула бы тень лихача на юрком треугольнике ската. Сейчас за использование скатов в городе наказывают лишь штрафом. А во время «третьей фазы» сбивали на месте. Потому что вторая фаза — «дело НЛО» — окончилась неудачно. Скрыть испытания биотеслы не удалось, технология утекла в руки секты технокочевников. Тем временем перегрузки транспортной системы требовали срочных мер.

Увеличение скоростей и размеров общественных аэробусов привело к увеличению доз успокоительного газа, который накачивали в салоны. В этих условиях лозунг технокочевников «Летать, но не под газом!» оказался дырой, на штопку которой у молодой Артели не хватало сил. Расчеты худшего варианта обещали массовое производство нового транспорта уже в течение полугода.

Пришлось срочно сменить мифы об НЛО страшилками об опасных нарушителях воздушного пространства на нелицензированных машинах. Несколько специально организованных катастроф позволили еще какое-то время держать скаты вне поля зрения общественности. Но недолго.

И теперь Вэри знала, зачем их прятали. Да, хрупкая дельта ската — не самый удобный транспорт. Позже появились гораздо более надежные аэры — с собственными искинами-аэрикшами, с подстройкой крыла под тело хозяина, с электромагнитными подушками безопасности…

Но началось все со скатов. С новой формы, при виде которой любой понимал: киб на новом движке вовсе не обязан выглядеть как автомобиль. Не так уж уютно летать внутри железного гроба, созданного для ползанья по земле.

Не потому ли столкнулись два старых киба на площади? Первое поколение, они вообще не должны летать высоко — лишь скользить в полуметре над землей. Но кто будет следить за этим во время паники, когда все выжимают из двигателей максимум возможного, чтобы самим не превратиться в электролит?

А люди из Артели опять говорят о версиях. Так вот она какая, работа модельера. А ты, шпилька, до сих пор лишь мелкая вея-швея. Вьешь нити, подкинутые другими. Помогаешь шить дело по чьей-то чужой выкройке, да и то зачастую — лишь внешний слой. Лицевую. Простое объяснение для масс. Скрывающее более сложную версию «для умных». Которая тоже — фальшивка… Как она там у них называется?

Шитый Баг, а какой вообще был вопрос?!

Вэри вынырнула из задумчивости и огляделась. Представители Совета смотрели на нее. Без удивления, но с любопытством.

— Так что вы думаете насчет этих четырех разбившихся?

Полковник как будто ухмыльнулся, задавая вопрос. Или просто решил пожевать ус? Явный пробел в твоих познаниях кинестетики, шпилька: зачем мужчины жуют усы? Надо потом у Марты спросить. А сейчас — доказать этому умнику, что его задачка не сложней, чем развязка средненькой голодрамы:

— Я думаю, это новый экстремальный спорт. Возможно, кто-

то догадался использовать тот же принцип, что и в телегоне…

— Маглев, — кивнула клетчатая.

— Нульг, — перебил седой.

— Ах-ах, извините! — Женщина в пледе дернула плечами. — Я уже стара, чтобы разучивать все термины, над которыми работают целые институты бездельников. Тоже мне, «нульг»! Ну конечно, с «магнитной левитацией» все догадаются, что вы используете бесплатное магнитное поле Земли.

— Мы вас внимательно слушаем, — обратился седой к Вэри, игнорируя замечание клетчатой.

— Ну, я так представила… — Вэри покрутила рукой в воздухе, демонстрируя еще не высказанную мысль. — Эти нульги так аккуратно перекидывают вагончики телегона от станции к станции. Но любители экстрима могли бы создать более мощную установку, которая швыряла бы отдельных людей за десятки километров по какой-нибудь хитрой спирали.

Полковник явно не ожидал такого ответа. Концы усов опустились в гримасе удивления. Затем усатый резко приподнял поднос еще ближе к лицу и попытался свести свои бегающие глаза на чем-то, что как будто лежало на подносе.

Вэри еле сдержала смешок. Ей представилось, что из-за сбоя пандоры все заказы вылезли из синтезатора в уменьшенном виде. И теперь официант разглядывает микроскопические порции, пытаясь понять, где чья.

— Да, именно о такой модели я хотел посоветоваться, — наконец заговорил полковник, щелкнув пальцем в центр подноса.

Ага, так он использует поднос как дисплей для просмотра Ткани, поняла Вэри. Неспроста клетчатая ругала сотрудников Артели с чипами-имплантами. Получается, что из собравшихся здесь членов Совета никто не подключается к Ткани напрямую. То-то они так мучаются: в очках ходят, в шарики вглядываются…

Словно желая подтвердить преимущества внешних интерфейсов, усач во френче яростно забарабанил большими пальцами по краям подноса. Вэри стало еще смешней: теперь полковник стал похож на кардиодраммера Нгомбо, выступавшего в баре «Клевер» напротив добреля. Хотя Нгомбо транслировал свои сердечные ритмы через медчип, его большие пальцы тоже обычно подергивались, словно били по клавишам. Как там говорила наставница — кружевная петля эволюции? Миллионы лет назад уродливое отклонение большого пальца руки помешало какой-то обезьяне лазить по деревьям, что и привело к появлению человека. С тех пор, по словам Марты, люди долго искали способ реабилитироваться в глазах нормальных обезьян. И в конце концов изобрели мини-клавиатуры, где большие пальцы стали

играть основную роль. Вэри оглядела нависшего над ней полковника. Да уж, для полноты картины не хватает только хвостового манипулятора, как у космонавтов.

— Рад, что вы одобрили эту Подкладку… ы-ы-ы… коллега! — Полковник как будто раздумывал, не показать ли ей внутреннюю сторону подноса. — У нас уже есть две спортивные компании, которым можно пришить…

— Только не используйте опять рустайцев или бурятов, ради Святой Ады! — Клетчатая высунула из-под пледа маленькую розовую руку и коснулась полковника, стоявшего между ней и Вэри. Усатый вздрогнул и замер на полуслове. «Не тактил», отметила Вэри.

— Свяжитесь с Отделом Чужих, — продолжала клетчатая. — Пусть подберут свежий образ плохих парней. Каких-нибудь австралийцев, что ли. У них там есть всякие кенгурологи-фундаменталисты. А то будет как с Делом Лунной Базы…

Но Вэри уже не слушала. «Коллега»! Белый френч только что назвал ее «коллегой»! Значит, экзамен сдан?! Радость наполнила сердце, словно глюкоза — биотеслу. И тут же начала трансформироваться в энергию, которая заставила Вэри непроизвольно расправить плечи. Предупредительное покашливание Марты затормозило этот поток лишь на миг.

А может, Марта просто не хочет, чтобы ученица перешла на более высокую ступень — и рассталась с наставницей? Ну уж нет, экзамен так экзамен. Будем говорить все!

— Вообще-то мне не нравится эта версия, — выпалила Вэри.

— П…почему? — Полковник опять попытался сфокусировать на ней свой плавающий взгляд.

Но она успела лишь улыбнуться в предвкушении того, как забегают его глазки, когда она объяснит. Увы, этой красивой идее не довелось превратиться в слова. Живот снова скрутило, на этот раз — совершенно невыносимо. Воображение нарисовало заросли серебристого инея в желудке. Улыбка тут же слетела с губ…

…чтобы приземлиться на губах другого человека. Марта смотрела на нее так, словно провела очередной дзенский урок с использованием закрепляющего битья.

# # # # #

Ох, как хорошо… Тишина, полумрак, и никого больше. Деревянные панели, прохладный запах криптомерии. Если провести рукой, можно ощутить мягкую текстуру дерева. А когда глаза привыкают к полумраку, начинаешь различать весь

рисунок: светлые и темные прожилки, точно застывшие волны.

Но еще интереснее любоваться отсюда небом. Обычно его обрывки болтаются где-то на заднем плане, позади всех зданий, всех ярких витрин и суетливых людей на шустрых машинах. Так что его и не замечаешь целыми днями. Зато когда смотришь на небо вот так, из темноты, через маленькое треугольное окошко в двери…

«Так бы и просидела весь день», подумала Вэри. И не только из-за уютного полумрака и тишины. Выходить было попросту стыдно. «Экзамен, который закончился в сортире» — отличная тема для сплетен младших фей на ближайший месяц.

И поделом тебе. Кто бы еще так опозорился? Пробормотала какую-то чушь про желудок, и даже не подумала дождаться разрешения уважаемых экзаменаторов. А уж как стильно, наверное, смотрелась со стороны твоя «неторопливая походка»! Даже унитаз проиграл соревнование в скорости — успел лишь морфироваться в женскую версию, а личные параметры подгонял уже в процессе.

Но как все-таки приятно… И больше никакой рези в животе. Такая умиротворяющая пустота, что даже в сон клонит. Хотя все равно стоит провериться, не пророс ли внутри этот гадкий бэтчер-баньян.

Подумав о необходимости анализа, Вэри вспомнила, что до сих пор не выбрала режим работы туалета. Так вот почему тишина кажется такой непривычной! В их добреле уборная использовала голосовой интерфейс и сама сразу задавала вопросы. Здешняя, более дорогая модель, предназначалась для людей Артели. Для интеллектуалов, которые умеют читать и пользоваться тактильным меню.

Вэри царапнула пальцем по двери. Спустя пару секунд на органической панели проросло множество мелких светящихся иголок. Хвоя складывалась в слова.

«Выбор музыкального и ароматического сопровождения». Поздно, дело сделано…

«Полная очистка кишечника с подключением к Сети». Нет, клизмы нам тоже не надо, даже с одновременным просмотром лучших эмпатических клипов…

«Подключение к Сети без очистки кишечника». Вэри хмыкнула. У фей постарше это называлось «сидеть на выделенке». Сама она никогда не пользовалась этим забавным режимом, но знала о нем из очередной лекции Марты о происхождении технологий. Мода на анальный интерфейс возникла лишь как побочный эффект при распространении первых искин-туалетов. Оптоволокно, протянутое мини-ботами через канализацию,

считалось тогда самым дешевым способом качественного домашнего подключения к Сети на старых континентах. А контакт «клизмы» с анусом позволял легко подключиться к нервной системе. Потом, конечно, появились и другие нейроинтерфейсы, но производители искин-туалетов по-прежнему держали в меню этот популярный режим для тех, кто привык пользовался унитазами, чтобы «посидеть в Сети».

Вэри провела ногтем по краю панели. Иголки легли и опять поднялись как новые пункты меню. Ага, вот и услуги для тех, что уже освободил кишечник, но еще не решил, что делать со своей бесценной органикой.

«Разрешение на использование в научных экспериментах с полным сохранением анонимности». «Разрешение на использование в художественных проектах с полным сохранением авторских прав». «Участие в конкурсах». «Изготовление ДНК-визиток». «Упаковка в виде топливного элемента»…

Нужный пункт оказался в самом конце второго десятка, между «Подбором диеты» и «Коррекцией завещания». В ответ на двойное царапание криптомерия снова зашевелила иголками и выложила предложение подождать минутку.

Что ж, законный повод посидеть еще немного. И подумать, почему наставница так усиленно намекала, что надо помолчать.

Странно, странно… Особенно с учетом того, как два года назад мы сдавали похожий экзамен. Именно тогда в жизни Вэри появилась Марта. И вела она себя совсем не так, как сейчас.

# # # # #

Никто в добреле не знал, как становятся старшей феей — но стать ею хотели все. В одной из гостиных-люкс, куда Вэри вызвали после очередной смены, ее встретила сама Ванда-Длинные-Рукава. В своей обычной позе — ноги на столе, руки в рукавах. Как не позавидуешь такой должности!

Вот только выражение лица… Что-то чужое вторглось в тренированную приветливость белокурой польки. Особенно пострадал ее красивый чувственный рот, откуда всегда так легко вылетали железно-позитивные установки.

Вэри сразу остановилась. Она никогда не видела Ванду с таким лицом. У всех известных ей плохих настроений Ванды были другие признаки. Она могла убрать волосы за уши и смотреть исподлобья. Или же, прикусив губу, начинала быстро листать какую-нибудь бумажную книгу из своей коллекции. Или вскидывала правую руку и касалась пальчиками плеча, отчего

широкий свободный рукав опадал до самого локтя, открывая шрам вокруг тонкого запястья. Этот яркий жест с падающим рукавом означал самое большое расстройство: мужчину. О затяжном романе Ванды с владельцем «Клевера» знали все, благо бар ирландца располагался как раз напротив добреля.

Но чтобы вот так опустить уголки губ… Чтобы по светлому лбу так долго бегала морщинка, которую никак не удается согнать… Кто ж это умудрился пробить защиту опытной феи? Вэри не на шутку испугалась, приняв морщинку на свой счет.

Но дело был не в ней. У окна стояла незнакомка. Рыжая, худая, остроносая. Одетая в нечто белое и… Ну да, это и называется «стильно». Это значит — так, как ты никогда не научишься. Сначала Вэри решила, что это форменный экзот пилота. Незнакомка чуть повернулась, и экзот превратился в шикарное вечернее платье. Наконец, когда рыжая сделала шаг, стало видно, что ее тело всего лишь обернуто одним цельным куском простой белой ткани.

Однако и после этого в ней оставалась много необычного. Чересчур крупная, даже угловатая фигура. Очень светлая, молочная кожа. И все это вместе, как ни странно, лишь усиливало ее привлекательность. Она была пугающе красива.

«Робот-супермодель, индивидуальный крой. Сбился коэффициент по шкале садо-мазо. Вот и притащили настраивать в ближайший добрель,» — пронеслось в голове у Вэри. Она не любила неопределенности и всегда успевала заполнить информационную пустоту целой кучей выдумок еще до того, как ее заполнят факты.

Реальность, как всегда, оказалась и хуже, и лучше. Изумрудные глаза незнакомки заморозили Вэри на месте. Нет, не робот. Просто люди европейского типа — большая редкость на новых континентах. А среди фей тем более. Поэтому рост незнакомки и цвет ее кожи так непривычны. Зато во взгляде — вполне конкретный выговор за неприветствие старшего по званию.

Вэри спешно сделала «рицу-рей». Незнакомка кивнула, и вместо выговора состоялся удивительный разговор — вроде и неприятный, но в то же время… Сразу стало ясно, что сбило настройки Ванды. Спокойный и низкий, почти мужской, и от этого еще более завораживающий голос ослепительной незнакомки был похож на глубоководное течение, неведомым образом докатившееся до тихой заводи и вызвавшее дрожь в ногах купальщиц. И еще стало ясно, что сама Вэри всегда, всегда хотела говорить на таком же прямом, издевательском языке, пробивающем всю броню фальшивых улыбок и

профессионального сюсюкания фей.

— Любишь старые голодрамы?

— Н…нет, госпожа.

— Верно. Паршивые диалоги, да и сюжеты белыми нитками шиты.

— Н…не знаю, госпожа.

— Знаешь, знаешь. Вы с подругами смотрите по десять фильмов в месяц, бездельницы.

— Это просто за компанию, госпожа…

— Ага, подставляем коллег? Хорошенькие у вас тут шаблоны общения.

— Марта, ну что ты, в самом деле. Она же еще только…

— Ванда, радость моя, дай мне самой повышивать цветочки, хорошо?

— Извини, сестра.

— За «сестру» ты еще ответишь. Итак, по десятке в месяц. За компанию. Комментируя эти голодрамы, она в девяноста семи случаях из ста по первым десяти минутам действия угадывает ключевые события следующего часа. В семидесяти трех случаях она точно знает, чем фильм закончится. И более чем в половине попыток точно предсказывает следующую фразу, которая прозвучит с экрана. Знакомые развлечения, детка?

— Я не понимаю, что я сделала плохого, госпожа… Вы за мной следили?

— И не только. Пора бы знать, что до появления на вашем континенте добрелей голодрамы были одним из лучших средств прошивки. Берешь сотню наиболее модных фильмов, подсчитываешь, сколько раз там показывают убийства и похороны, а сколько раз — секс и роды. Соотношение этих чисел называется «демографической политикой государства». Но если какая-то шпилька заранее знает, когда на экране покажут расчлененное тело, а когда детское питание — можно уже не показывать. Запланированной прошивки не получится.

— Но я же не специально…

— А нам нужно, чтобы специально. Именно такие шпильки нам нужны, чтобы проверять на прочность более современный трикотаж. Последние пять голодрам, которые ты видела, были скомпилированы специально для тебя. Ты прошла тест, хотя с виду тебя не назовешь умной. И это тоже хорошо.

— Не издевайся над девочкой, Марта!

— Что ты, Ванда, я совершенно серьезна. Особенно я балдею от этих модельных глаз на ее азиатской мордочке. Один уже слегка подкривило… Сшито в первом попавшемся косметическом автомате Нового Сингапура, так?

— Перестань пороть, старая ведьма! К тому возрасту, как мы их отлавливаем, они все успевают испортить себе лица по дешевым каталогам. Мы знаем об этом, мы работаем с ними… Но зачем же так грубо выдергивать старые нитки! Ты ведь знаешь, сюда попадают девочки с непростой судьбой…

— Ах да, точно. Мне надо было обнять ее и шепотом признаться, что в школе меня никто не приглашал танцевать, а потом случилось то самое, самое страшное — я сломала ноготь мизинца, когда ковыряла в носу. После моих историй девочка расчувствовалась бы и тоже поведала о непростой судьбе. Как она работала в службе гуманной поддержки для технофобов, которые отказываются разговаривать с бытовыми искинами. И как после две тысячи сорок восьмого вопроса «Почему у меня не открывается окно?» бедняжке захотелось выпрыгнуть из окна. И мы с ней обрыдали бы друг другу бретельки после таких откровений. Ты так это представляешь, Вандочка?

— Нет, Марта, не так. Но я сделала ошибку, верно. Я всегда забываю, что ты не просто старшая фея, а «фея без добреля». Если бы ты каждый день… Впрочем, неважно. У всех свои методы. Хочешь, посмотрим другую девочку?

— Зачем же? Эта — как раз то, что мне нужно. Массовость, пошлость — отличная маскировка. Хотя лучше всего тут подходят курносые белошвейки с длинными спицами и высоко левитирующими молочными железами, как у тебя…

— Я сообщу Совету о нарушении моей рабочей психосреды, сестра. Я тебе не подушечка для иголок.

— Неужели? Ах да, я так неудачно встала! Совсем заслонила от публики твою нежную ручку с таким романтичным шрамом. Кстати, даже в самых дешевых косметических автоматах такие шрамы за пять минут сводят. А твой с годами как будто только ярче становится. Может, ты его чем-нибудь натираешь? Мне казалось, у нынешней молодежи более популярны видеотатуировки на ягодицах, а не псевдопорезы на венах. Или это такая поэтическая реклама лазерных депилляторов, которые иногда промахиваются?

— Я уже медирую рапорт, Марта. Использование персональных данных, связанных с травмами, для неоправданного нанесения психического ущерба при исполнении…

— …Но с другой стороны, через два года в моде опять будут японские коротконожки и глазная асимметрия. Ладно, Ванда, не ной. Я беру эту куколку.

Огненная шевелюра и белая спираль платья одновременно взметнулись на ветру, когда она вышла из добреля на улицу. Двое

завсегдатаев «Клевера» остановились на пороге с открытыми ртами — и еще пару минут пытались говорить друг с другом на языке разведенных рук и выпученных глаз.

Интересно, можно ли хотя бы с десятой долей такого шарма выйти из искин-туалета, который не нашел в твоих испражнениях никаких героических болезней?

# # # # #

Оглядываться неприлично. Оглядываются неуверенные или нескромные. Или те, кого во время экзамена интересует не мнение экзаменаторов, а оставшаяся за спиной уборная.

Сделав пару шагов, Вэри не сдержалась и оглянулась. Ну вот, все равно опоздала! Красивый деревянный домик-туалет уже морфировался в чемоданчик. Из днища проросли шесть черных корней, чемоданчик попружинил на корнях и побежал. Еще миг — и он скрылся в белой палатке.

Ничего не оставалось, как вернуться к столикам, где трое людей опять скрестили на ней свои странные взгляды. Лазеры клетчатой, ледышки седого, броуновские движения усатого.

А вот и Марта, по-прежнему ковыряется в салате. Нет, за два года наставница не изменилась. Но почему же эта ходячая высоковольтная линия, гальванизировавшая всех встречных мужчин одним только движением плеча, нынче сидит как на иголках? Почему эта женщина с бритвой вместо языка, затыкавшая любых соперниц одной только шуткой, сегодня лишь скромно покашливает, а ученице своей намекает и вовсе заткнуться?

— Надеюсь, до вас не добралась та умная плесень, на которую наш полковник пожалел спецсредств? — поинтересовался седой.

— С ней все в порядке, — ответил за Вэри полковник. — Если не считать… ы-ы-ы… небольшого расстройства желудка.

— Он расстроен тем, что ему так и не принесли яблоко, — машинально парировала Вэри. И сама поразилась своей язвительности. Вот что бывает, когда слишком сильно вживаешься в воспоминания.

Белый френч превратился в тень без малейших колебаний. Через миг на месте вазочки из-под мороженого появилось блюдце с красно-зеленым яблоком. Яблоко прокатилось по кругу. Остановилось.

— Полковник считает, что ваши слова о плохой версии относятся не к нему, — пояснил седой. — Он уверял нас, что вы

говорили вслух со своим желудком. Ваша наставница тоже согласна с этой идеей.

Ах так? Остатки симпатии к белому френчу улетели быстрее, чем рекламный махаон, которому пропороли крыло метательной заколкой-кандзаси. Мало того, что он знает все о моем желудке. Так он еще считает меня дурой! Придется показать, кто тут отстал от жизни.

— Версия с экстремальным спортом и вправду кажется мне дырявой, — Вэри взяла яблоко. — На первый взгляд она вполне логична. Но если призадуматься: кто в здравом уме будет заниматься опасными трюками, не ведя никаких записей через иммерсионные импланты?

Полковник открыл рот и сожалением поглядел на свой поднос.

— И уж совсем сложно представить спортивную компанию, которая создала столь дорогую установку, а потом отказалась получить прибыль от полночувственных трансляций. Зато начала практиковать групповую анонимность, которая является преступлением на большинстве континентов… Нет, я скорее поверю, что эти люди вообще никуда не летали.

— А что же они делали? — тихо спросил седой.

И опять эта странная пауза. Как тогда, с хвостами. Марта с каменным лицом смотрит в сторону. А ведь она наверное права. Не висела бы такая тяжелая тишина без причины. А ты, шпилька, уже второй раз демонстрируешь свое дурацкое желание противоречить. Выдумываешь что-то невероятное из чисто детского упрямства. Ох, ну и идиотка.

Надо срочно что-то сказать. Не тот бред, что вертится сейчас в голове, а попроще.

— Если бы резко повысилась сила тяжести… — Вэри подбросила яблоко в руке. — Тогда даже просто споткнуться на месте было бы так же неприятно, как упасть с небоскреба. Не знаю, возможны ли такие явления в природе. Но если возможны, и если уметь их контролировать, получится гравитационное оружие.

— Драный креп! — Усатый хлопнул кулаком по подносу.

— Не ругайтесь, полковник, здесь дамы! — прервал седой в камзоле. — И самая юная из них шутя продырявила Подкладку, над которой так долго работал ваш отдел. Это говорит лишь о необходимости дисциплины. И в первую очередь — никакого рукоделия.

— Сто одежек, и все без застежек! — проворковала клетчатая.

— Да-да, конечно. — Белый френч как будто съежился и уже не казался верзилой. — Я хочу сказать, мы приложим все… ы-ы-

ы… А что вы можете предложить в качестве альтернативной Подкладки, коллега?

— Полковник, а мы вам не мешаем? — ехидным голосом осведомился седой. — Извините, что отрываю, но нас интересует ваше мнение о новой кандидатке в «Декон».

— О да, она создана для «Декона»! Я обеими руками «за». И был бы очень рад, если бы…

— Решено, — отрезал седой. — Она принята. Выездная сессия Совета закрыта, деталями займутся соответствующие отделы.

— Но я… — начала Вэри.

— …хотела поблагодарить Совет за оказанное доверие. — Марта поднялась.

— Да… большое спасибо! — смущенно пробормотала Вэри и тоже вскочила.

Зонтик и метла упали с колен на мостовую. Бросившись их поднимать, Вэри случайно активировала своего аэрикшу, и он начал распаковываться прямо под стулом. Потребовалось еще несколько секунд, чтобы вернуть ему вид зонтика.

Подоспевший полковник-официант подал ей метлу и отвесил поклон. А клетчатая высунула из-под пледа тонкую ладонь и бросила в воздух изящный жест: как будто обычное прощальное помахивание, но затем — круговое движение снизу вверх. Словно нарисовала биорга с длинным хвостом.

Неужели «аш-ню», приветствие запрещенной секты квантовых механиков? Перед глазами Вэри вспыхнул кадр из старого дремля-ужастика о квантовых машинах: восемь блестящих монеток бешено вращаются в воздухе…

Клетчатая молча улыбнулась, точно фея-гувернантка, услышавшая от ребенка правильный ответ.

— До свиданья, — выдохнула Вэри. И чувствуя, что уши краснеют, отвернулась и побежала. Про сандалию, оставшуюся под столом, она вспомнила лишь у самого края площади. Ну и Баг с ней, все равно рваная.

# # # # #

Она догнала наставницу на углу дацана. Марта шла быстро, не оборачиваясь. Вэри снова попробовала снять ее походку. В этот раз «манэру» получилось лучше. Шаг в шаг, локти прижаты… Недовольство. Дело сделано, но какая-то мелочь чуть все не испортила. Глупая девчонка, длинный язык. Беспокойство, беспокойство. Хорошо, что быстро ушли.

— Я и сама умею благодарить, — заговорила Вэри.

— Да уж, заметно. Ты здорово отблагодарила меня за обучение, наплевав на все мои просьбы заштопать рот! Обычно после экзаменов говорят «забудьте все, чему вас учили». Но к тебе это не относится, поскольку ты и так ничего не помнишь.

— Я старалась. — Вэри все-таки почувствовала себя виноватой. — Между прочим, я ведь не сказала им самую интересную версию насчет Падающих! А что если…

Марта не оборачиваясь подняла руку. Вэри зафиксировала этот жест в зрительной памяти, но не успела подумать о его значении. Мозг был занят мыслью, которую она так и не высказала на экзамене:

«…что если это и вправду испытания телепортации? Только не той, которую обещают шарлатаны под видом «гиперпространственных порталов». Возможно, найденные тела были моментальными копиями людей, находившихся в другом месте. Но создать копию — еще не значит перенести самого человека в другое место. Копия — это другой человек. Хотя и похожий. Поэтому можно создать иллюзию мгновенного переноса, если в момент копирования уничтожить оригинал. Тоже своего рода транспорт, хотя и совершенно ужасный с точки зрения человеческих представлений о жизни и смерти».

Увы, превратить эту мысль в слова не удалось и сейчас. Вслед за непонятным жестом наставницы в глазах Вэри вспыхнуло, померкло, вспыхнуло снова.

— Марта, ты что…?!

— Ерунда. Ангел пролетел.

Облака в небе стали как будто ярче. Из одного вылетел столбик иероглифов, что-то про предельный объем памяти.

— Что-что?!

— Перегружаю твой Третий Глаз. У тебя теперь новый уровень доступа. Когда на него переходишь, бывают сбои. Приходится перезапускать всю систему.

Иероглифы продолжали лететь сверху вниз в правом верхнем углу поля зрения. «Алеф-тэнтей 7.251, хореограф. Загрузка дополнительных компонент. Приготовиться к диагностике персональных настроек».

— Могла бы предупредить! — Вэри поводила глазами. Столбик иероглифов перелетел с облака на стену дацана и обратно.

— Это и было предупреждение, шпилька. О том, что есть вещи, о которых и думать нельзя. Принцип Оккама-Макко знаешь?

— Нет.

— «Не умножай сущностей без надобности, не разрушай

сущности без надобности».

— Без надобности для кого?

— Вот именно, «для кого». Хотя бы для твоей наставницы. У меня по поводу тебя большие планы.

— А-а, так ты для себя стараешься! Что-то мне уже расхотелось работать модельером в твоей хваленой Артели.

Марта резко остановилась. Рыжие волосы взлетели веером разозлившихся актиний. Изумрудные глаза быстро смерили фигурку Вэри, от единственной оставшейся сандалии до камешка между бровей. Почти как тогда, при первой встрече.

— А ты и не будешь модельером, куколка. Из тебя модельер не получится. Шила в мешке не утаишь.

— Подумаешь, мыслями вслух поделилась… — пробубнила Вэри. — А куда же меня приняли, если не в модельеры?

— Тебя приняли туда, где твое шило будет твоим главным инструментом. Потому тебе и не понадобится его прятать. Ты будешь проверять на прочность то, что шьют другие — как делала сегодня. Лучшие модельеры будут у тебя в подчинении, не говоря уже о девочках-веях и искинах-ткачах.

Вэри не поверила своим ушам. Модельеры — в подчинении у нее, вчерашней младшей феи? Что же это за должность? Неужели…

— Да, милая. Ты будешь работать Золушкой.

В добреле это слово произносили очень редко и только шепотом. Еще пару она слышала термины «метамодельер» и «антимодельер» — в самых невероятных слухах, которые передавали с благоговением и ужасом в голосе. Но Марта всегда отказывалась говорить, кто работает выше модельера. И вдруг — такой запредельный подарок!

Наставница молча дождалась, пока удивление на лице ученицы сменится на недоверие.

— Только не раскатывай губу на всю катушку. Я лично сомневаюсь, что ты долго продержишься на такой работе. Она идеальна для тебя, но ты не идеальна для нее.

— Почему?

— Это очень тонкая грань: не прятать шило в мешке, но и не пороть лишнего. Сегодня я предупредила тебя несколько раз. Но такая грубая обтачка не проходит повторно. Золушки долго не живут, если сами не обучаются технике безопасности. Даже то, что я тебе сейчас наметала, я уже не смогла бы сделать через полминуты. Ангелы нечасто пролетают.

Последние слова Марты прозвучали неожиданно громко, прямо в голове. Звук появился слева, но уже на слове «пролетают» отцентрировался. Вэри поморщилась, узнавая этот эффект:

Третий Глаз закончил перезагрузку и начал заново подстраиваться под хозяйку.

«Так вот что она имела в виду! — осенило Вэри. — Пока искин перегружался, он не мог нас подслушивать!»

Третий Глаз продолжал тесты. На миг онемел язык, судорога пробежала от запястий к плечам. Легкое покалывание по всей коже головы.

«…И не мог читать мысли».

Нет, мысли он и так не мог читать, поправила себя Вэри. Вот когда ты про себя что-то проговариваешь — да, может снять движения языка. И мимику. И движения глаз. Что еще там Марта вещала на тему мозга? Томографы, эмпатроны… Кажется, искин может отследить эмоциональное состояние. И паттерны некоторых реакций — когда врешь, когда хочешь сделать что-то конкретное.

Все это вместе, с учетом твоих персональных данных и собственных наблюдений искина, дает технологию «внутренний голос». Словно он и вправду мысли читает. Но не все, а только… Как бы это выразить? Ну да, только выразимые! Получается, Марта перегрузила его специально, чтобы отвлечь, когда ты собиралась сказать о…

Стоп, нельзя проговаривать. Но ведь тогда и у наставницы не спросить! Или все-таки можно, если правильно подбирать слова? Не отсюда ли этот запутанный слэнг Артели?

— Давай-ка сматываться, шпилька.

Наставница взяла у Вэри метлу, озабоченно разглядывая что-то за спиной ученицы. Вэри обернулась.

На другом конце площади уже никого не было. Три столика с белыми скатертями, витые черные стулья, символическая загородка из бордовых шнуров и даже рваная сандалия Вэри — все исчезло бесследно.

Интересно, смогла бы фея приличной квалификации определить, что здесь происходило? Подразнить бы наставницу, она любит такие задачки.

Вэри покосилась на Марту — та собралась распаковывать аэрикшу. Нет, она не в духе. Ладно, придется своего зонтичного распаковывать. Хотя как раз сейчас Марта могла бы, наверное, провести интересный наглядный урок. ДНК в капельках пота, инфракрасный след, электромагнитное «эхо»…

Над головой грохнуло.

— Так и знала… — Марта бросила метлу и вскинула руки в небо. — Ну что за бурда?!

Ливень с привкусом марганцовки вмиг промочил и желтое, и вишневое сари.

# # # #

«Руки жрицы должны быть свободными, а руки идиотки — заняты», мысленно процитировала Вэри, тщетно пытаясь открыть зонтик как зонтик, а не как аэрикшу. «Вот с этой исторической байкой рыжая ведьма не промахнулась».

Перед заброской в Калькутту она не раз высказывала наставнице свое «фи» насчет сари. То, что оно не подтягивалось, не выравнивалось и не очищалось самостоятельно, как ее любимые кимоно — это еще можно было снести. Отсутствие режима парашюта слегка напрягало, потому что приходилось много летать. Однако Вэри все равно никогда им не пользовалась — не было случая, чтобы даже сломанный аэрикша не мог спланировать на землю. Да и отсутствие застежек с голосовым управлением — тоже не страшно. Они хороши при стриптизе, или когда у клиента пальцы слабые. Но на улице с ними бывает неуютно. Случайный звук, похожий голос — и обознавшийся лифчик отстреливается в самом людном месте.

В общем, требование не использовать умные шмотки было несложным. Особенно после курсов Кои. Но такой фасон… Обмотаться семиметровой тряпкой — и оставить все руки голыми!

Марта тогда заявила в ответ, что для их работы сари — самое удобное одеяние. И добавила насчет этих индийских жриц с их кодами-мудрами. Мол, неспроста у них такая одежда была.

Теперь-то понятно, что она имела в виду. От былого спокойствия наставницы не осталось и следа. Жесты голых рук летели в воздух с такой скоростью, что Вэри едва успевала различать отдельные коды, да и то лишь простейшие. Сама она только недавно выучилась работать «волшебной палочкой». Но чтобы вот так кидать пассы сразу двумя руками!

Ладонь параллельно земле, перевернутой лодочкой, мизинец вверх-вниз — это вызов Небесного Покрывала, главного искина Атмосферной комиссии. Пальцы правой руки бросают в воздух параметры — приоритет доступа, аварийная ситуация… Еще два незнакомых заклинания. Потом большой и мизинец в стороны, а правой рукой — личный код, затем «галочка» указательным и средним. Это включение коммута, срочный вызов… И опять серия незнакомых пассов, брошенных в воздух с изяществом, которому позавидовала бы любая системная фея.

Не прошло и полминуты, а они уже стояли в круге быстро сохнущей мостовой. За пределами невидимого купола по-прежнему бушевал санитарный ливень. Марта скрестила руки на груди и чего-то ждала.

«Странно, почему она сама не работает в этом „Деконе“, который стоит над модельерами? — размышляла Вэри. — С ее-то способностями, и так долго оставаться „феей без добреля“. Учить всяких дурочек кройке и шитью…»

— Полковник, вы не могли подождать с зачисткой, пока мы не улетим? — заговорила Марта.

Судя по направлению взгляда, она обращалась к маленькому коралловому выросту в мостовой. Вэри знала эту привычку: когда диалог шел во внутреннем интерфейсе, Марта выбирала себе объект для персонификации под настроение. Взгляд сверху на каменный прыщ под ногами выражал вполне очевидное отношение к собеседнику.

Ответ полковника был слышен только Марте. Она тут же продолжила:

— Да. Да. Нет. Хорошо, я не буду затягивать эту петельку. Но вы будете мне должны пару крепких стежков. Мне нужно…

Марта покосилась на Вэри и прикрыла глаза. Больше ни слова не было произнесено вслух. По теням, пролетающим по лицу наставницы, невозможно было понять, о чем разговор — до тех пор, пока Марта на взглянула на Вэри в упор. А после опять опустила веки и сделала еще один пасс.

«Ага, передала изображение. Неужто хлопочет за меня, хитрая ведьма? А я, между прочим, не просила…»

Глядеть дальше на эту глухонемую дискуссию стало неинтересно. Вэри демонстративно отвернулась, надеясь, что наставница заметит ее недовольство. Но Марта продолжала стоять как стояла, продолжала вить нитку своей непонятной интриги с невидимым собеседником.

Кстати, о нитках… Может быть, подсмотреть через Ткань, что они там плетут? Если говорят о ней, то наверняка в ее личной выкройке что-нибудь отражается. Правда, Марта предупреждала, что «на себе не шьют». Но ведь у нас теперь новый уровень доступа!

Темнота за веками вспыхнула разноцветными узелками. Вот и знакомая треугольная прореха, стянутая желтой нитью. Дело мультиперсоналов, которое она смотрела в последний раз. С новым уровнем доступа Ткань еще сложнее: под первым слоем цветного ковра просматривается второй. В нем своя дыра, покрупнее, и по форме похожая на цветок. Желтой нитью заштопан только один из ее лепестков. Еще несколько лепестков накрывает большая синяя заплатка. Но не все — остался один маленький черный разрез.

Вэри задумалась. Получается, что клинику доктора Шриниваса закрыли вовсе не из-за связи с МБГ. Вся эта охота на

психотеррористов — лишь Лицевая. Но чтобы расшифровать незнакомые элементы Ткани, надо залезть в «исподники». Марта частенько пытала ее такими «разборами выкроек». Ох, как это муторно! Перед глазами сразу завертится множество документов — люди, организации, графы связей…

Ладно, в другой раз. А сейчас попробуем вызвать кое-что поинтересней…

Большое мутное пятно.

Ну да. А чего, ты, собственно, ожидала? Что доступ метамодельера даст увидеть личную выкройку? Обломись: она по-прежнему недоступна. На себе не шьют.

Вэри открыла глаза. Сразу после цветного плетения Ткани обычный свет всегда чуть-чуть раздражает — слишком белый, слишком густой. Облака прямо-таки вливаются в зрачки. И Марта так резко машет руками, пересылая что-то невидимому собеседнику.

Она вновь опустила веки. Может, все-таки посмотреть, что означает второй слой в деле доктора Шриниваса? И попытаться понять, почему у нее до сих пор остаются сомнения в правильности своих действий. Сомнения, из-за которых…

Вэри на миг замерла, прислушалась к ощущениям. И тут же, поддавшись радости нового маленького открытия, изобразила один из древнейших прощальных жестов — помахала рукой, как крылом.

Ты пролетел, мой Ангел-хранитель. Ты не сможешь отследить эту мысль, потому что ее очень трудно выразить даже для себя самой. А уж действие, которое надо проделать, вообще не содержит в себе ничего особенного.

Нужно просто открыть глаза. И найти ими то, на что надо смотреть в таком состоянии. Но для начала — поглядеть на другие вещи, чтобы Третий Глаз запутался окончательно. Станцевать с ним вальсок.

Она сделала первый шаг. Поглядела на серое небо, похожее на испорченный йогурт.

Вечные сомнения. Ты считала это своим проклятьем. Догадка, возникшая после теста с хрустальным шариком, лишь укрепила тебя в этой мысли: от неуверенности лучше избавиться. Тогда можно избавиться и от странных «живых картинок». Но надо ли — вот в чем вопрос.

Еще шаг, поворот. Голубой минарет мечети. Череп Кали из розовых каменных тел.

…Марта именно это имела в виду, когда говорила про шило. Сомнение — инструмент, с которым ты управляешься лучше всего. Это шило сделало тебя одной из лучших в добреле. Ведь

чтобы помочь клиенту построить правильное будущее, нужно сначала разрушить то вымышленное будущее, которое ему мешает.

Снова шаг, шаг, поворот. Золотой многогранник, купол русского «пчельника».

…Но Артель не дает тебе применять инструмент сомнения к самой себе. Неуверенность штопают позитивными установками, свою персональную выкройку смотреть запрещают. На себе не шьют даже Золушки, стоящие над модельерами. Но кто же тогда шьет за них? Кто ведет твоего Ангела, притаившегося на затылке?

Шаг-шаг-поворот. Ручейки дождевой воды смывают пятно серебристого инея со стены дацана.

Как же ты раньше не догадалась! «Живые картинки» приходят не просто от неуверенности. Они возникают, когда ты сомневаешься в том варианте будущего, что придуман Артелью. И сейчас — то самое состояние. Осталось только увидеть…

Иероглифы трещин, проступающие из-под серебристой плесени.

Едва ли искины способны расшифровать этот странный язык. Язык, который понятен только тебе. Узор, приковавший взгляд, боль в висках — и моментальное раздвоение. Словно столкнулись два киба с большими аквариумами. Или склеились две голограммы — похожие, но не одинаковые. На одной — танцующая орхидея схвачена, заморожена синей тенью. А на другой…

Только не проговаривай это словами, шпилька. Лучше сними наконец вторую сандалию — так будет гораздо удобнее танцевать.

ДЕТАЛЬ Б (ПОДКЛАДКА)

ЛОГ 13 (СОЛ)

Пузырьки, пузырьки, пузырьки.

Тысячи пузырьков лунного света.

Из-под пальцев, из одежды, изо рта.

Так и кружиться бы в этом водовороте из маленьких лун.

Но они улетают вверх, рой за роем…

После погружения Сол будто оцепенел. Удар об воду, холодная вспышка света внутри — и вдруг все замерло. Он разглядывал всплывающие пузырьки и почему-то был уверен, что сейчас его вместе с ними выбросит обратно. Туда, где он только что парил над водой, медленно приближаясь к девушке, которая взлетела к нему навстречу с другого берега реки. Она была так близко, он уже различал обрывки водорослей, облепившие ее стройное белое тело подобно разорванному бикини.

Но пузырьки улетели, а он так и остался в черной воде. Что там говорят на водных аттракционах? «Не бойтесь, вас сразу выбросит наверх». Так обычно и происходит: задержишь дыхание, чуть-чуть подождешь…

Сейчас этот трюк не пройдет, с ужасом осознал Сол. На нем не было ни искина, ни спасательного жилета. И он не умел плавать. А черная тьма продолжала держать за горло.

Он начал задыхаться, и лишь тогда конечности заработали.

Беспорядочно колотя руками и ногами по воде, Сол выскочил на поверхность. Луна ярко вспыхнула — и тут же расплылась: вода опять потянула тело вниз, в темноту. Он забился сильнее, снова всплыл. Что-то попалось под руку — веревка? корень? Он ухватился второй рукой. Кажется, лиана.

Движение воды теперь ощущалось сильнее: его несло по течению. Но это уже не так страшно — благодаря лиане он держался на поверхности. Он бросил взгляд на берег, прикидывая, откуда растет лиана. Похоже, вон от того дерева на мысе. Сейчас он подтянется…

Его пронесло мимо мыса в одно мгновенье, а скорость все нарастала и нарастала. Это не течение! Сама лиана тащила его за собой гораздо быстрее, чем река. Отпустить ее? Но он по-прежнему находился в реке — и по-прежнему не умел плавать.

Когда он понял, что его вынесло в океан, отцепляться было уже поздно. Вокруг была лишь темная, страшная вода с лунными бликами на волнах. Соленые брызги били в глаза и в нос. А в голове осталась единственная мысль — не отпускать, ни в коем случае не отпускать спасительную ветку, которая все еще помогает держать голову над водой…

Время свихнулось вместе с пространством, превратилось в бурлящую воду и понеслось так, что невозможно было понять, как давно продолжается это невероятное плавание. Солу казалось, что лиана тащит его за собой целую вечность — или может быть, всего несколько минут.

К тому моменту, как впереди показалось темное пятно какого-то острова, он уже почти потерял сознание от ударов об волны. Столкновение с берегом окончательно погрузило его в небытие.

# # # #

Звук шел откуда-то сверху, словно Сол лежал в яме, а говорящие склонились над ним.

— Ну пожалуйста, хоть немного! — умолял молодой женской голос.

— Нет и еще раз нет, — отвечал голос женщины постарше. — Я тебе уже говорила, Экки: с этим ничего не выйдет. На такого даже грибов жалко, не то что папоротникового корня.

— Но он мне так нравится! Может, все-таки оставим?

— Оставь, если хочешь. Но я тебе не помощница. Корень папоротника — запрещенный субстрат, и мне не хочется рисковать из-за такого гнилого случая. Если сам доберется — пожалуйста…

Голоса удалялись. Сол открыл глаза, но увидел лишь пятна света, пробивающегося через какие-то желтые покровы с коричневыми прожилками. «Похоже на листья, — подумал Сол. — Я утонул, но меня откачали… а теперь проводят курс реабилитации с помощью экологически-чистых средств народной медицины. Говорят, эти спасатели вечно норовят применить самые дорогущие лекарства, пока человек без сознания и без искина. Надо поскорее дать им знать, что со мной все в порядке. А то выкатят потом счет, никакой страховки не хватит…»

Однако голосов больше не было слышно. Он попробовал пошевелиться. Руки и ноги как будто на месте, но их что-то держит. И еще этот запах гнили…

Несколько минут, проведенных в безуспешной возне, привели к неутешительному выводу. Он был закопан в землю и к тому же крепко опутан какими-то трубчатыми корешками. Голова находилась у самой поверхности, но и она была засыпана чем-то вроде гнилых листьев, сквозь которые едва пробивался солнечный свет. И никто, похоже, не собирался его выкапывать.

Что же случилось? Сол стал вспоминать события последней

ночи. Вот он висит над водой, а навстречу ему медленно летит эта удивительная девушка с распущенными волосами. Совершенно голая, если не считать двух косых полосок налипших водорослей. С ее пальцев капает лунный свет, он играет на бедрах, плечах, на груди, словно все ее тело отлито из этого бледного света…

Она была уже совсем рядом, они висели в воздухе на расстоянии вытянутой руки. Но что-то пошло не так. Какая-то дурацкая мысль пришла ему в голову и все испортила — потому что сразу же после этой мысли он рухнул в воду, стал тонуть, зацепился за лиану и оказался здесь, опутанный и зарытый в землю.

Но как он вообще попал ночью на берег? Сол хорошо помнил, как расстался с Кэт, как выбежал из ресторана и попал в лапы грабителя, как тот потребовал отдать макинтош… Затем — вспышка, и никаких воспоминаний до того самого момента, как он взлетел над водой.

Но разве люди летают?

«Да-да, бывают такие аттракционы, — сказал себе Сол. — Кобаяси недавно расхваливал новый Магленд в Токио-5. Мощные сверхпроводниковые магниты и все такое. И про похожий экстремальный спорт, скоростные заплывы по тоннелям старой канализации, он тоже рассказывал…»

Но в пользу другой, менее приятной догадки, аргументов было гораздо больше. И провал в памяти, и летающая голышом красотка. И самое главное — отсутствие искина. Сол прекрасно знал этот мир, в котором люди всегда оказываются без искинов. Психологическая разгрузка, как говорит Рамакришна.

Это дремль. Тот самый дремль без дремодема, секрет которого он так и не разгадал вчера.

Если бы хоть вспомнить, что он видел той ночью, когда это случилось впервые… Увы, память и тут отказывалась помогать. От видения осталось лишь чувство чего-то яркого, необычного. Ну да, так они и работают, эти амнестические агенты. Кто захочет второй раз загружать дремль, если будет при этом помнить все, что было прошлый раз? Естественно, при каждой новом просмотре память о предыдущем блокируется.

Что ж, сначала так сначала. Уж кто-кто, а ведущий сценарист…

Солу вдруг стало страшно. Само собой, он знаток дремлей. Но он никогда не работал с ТАКИМ продуктом! Обычный дремль можно и не проходить до конца. Просто даешь дремодему команду выхода, или дремлешь по таймеру. Но если дремль неизвестно как включается без дремодема — то и выключается он

неизвестно как!

Левой рукой, прижатой к телу, Сол дважды ущипнул себя за бедро. Ничего не произошло. Он мысленно вызвал образ окна и звон будильника. Безрезультатно. Он перепробовал еще десяток команд для завершения дремля. А затем — все пассы лучших гонконгских дремоломок, включая «выход тремя пальцами ноги».

Дремль не отпускал. В голове пронесся заголовок виденной когда-то новости: «Известный дремастер захлебнулся слюнями. Супруга винит разработчиков дремодема». А тут и винить непонятно кого…

Значит, придется пройти этот дремль самостоятельно и до конца. Сол вернулся в мыслях к началу своего приключения и принялся анализировать увиденное.

Девушка над водой. Манящая, но недостижимая.

Типичная эротическая прелюдия-дразнилка. С легкой руки Стива, беглого дремастера из Старых Штатов, такие завлекалочки назывались в их студии «порнитами». Вообще-то сам Стив обозначал этим термином нечто иное — скрытую субличность, которая якобы есть только у настоящих дремастеров-мультиперсоналов. В каком-то смысле это было правдой: умение вовремя задействовать «порнита» возволяло оживить даже самый занудный товар, вроде семейных дремопер о похождениях Арни Шварценафрика, друга всех детей и домохозяек. Однако в студии термин закрепился лишь как название приема. В целом же теория Стива оставалась предметом насмешек, особенно среди сценаристов-моников. Даже добродушный старик Ли как-то раз за обедом прервал очередную тираду Стива едким, но метким замечанием, сводившимся к тому, что кайфоломные «порниты» являются наследием американской цензуры, а как художественный прием они стоят в одном ряду с недобросовестной рекламой.

Так или иначе, «порнит» в начале дремля — дешевый и ни к чему не обязывающий трюк. Зато лиана, за которую Сол ухватился в воде, — другое дело. Это явный ключ. Стало быть, и в нынешней сцене должны быть какие-то ключи. Не исключено, что это «грибы» и «корень папоротника», упомянутые в разговоре женщин.

Вот только как до всего этого добраться, если ты связан по рукам и ногам, да еще и закопан в землю? Тут неизвестный дремастер явно лажанулся. Обычная халтура — пользователь в дремле не видит даже собственные руки!

Хотя, если это сделано нарочно… В памяти всплыл вчерашний эпизод с Мэнсоном, атаковавшим Сола на сборище столовертов. Эротическая проекция девицы-покойницы,

невозможность сопротивляться… Типичная завязка для черной порнухи. Да-да, знаменитая мэнсоновская «Фабрика спермококтейлей» именно так и начинается: связанный герой в руках тайного общества женщин-садисток. Сейчас они вернутся и примутся его обрабатывать — сначала сапогами на высоких шпильках, потом гигантскими грибами, потом корнем папоротника… А то и «урановый дождь» устроят, как в «Моржовой Рукавице» того же Мэнсона.

До сих пор Сол ни разу не жалел о дремлях, которые лепил в Гонконге. А позже, когда релакторы из «Дремлин Студиос» сглаживали наиболее острые моменты в его сценариях, он даже слегка ностальгировал по тем буйным кровавым поделкам молодости. Но сейчас ему стало явно не по себе от умения отличать настоящее порно от разведенного. Память услужливо подбрасывала все новые и новые образы, среди которых изнасилование с помощью кухонного комбайна и гигантского кальмара было одним из самых простых.

Прошло, наверное, не менее трех часов, прежде чем его эротические фантазии полностью истощились. Нет, таких долгих пауз в порнодремле быть не может. Между тем он по-прежнему лежал в земле, и с ним ничего не происходило. Разве что желтые пятна перед глазами стали коричневыми, а потом черными: наступила ночь.

С приходом темноты страхи Сола сменились вялой депрессией. А она, в свою очередь, напомнила еще один тип дремлей. Пожалуй, только в них бывают такие паузы. И это будет пострашней, чем садо-мазо от «Мэнсон Сисоу».

Русские дремли, длинные и скучные, как ночь на Луне, никогда не нравились Солу. Он даже не задумывался, на чем держится их популярность — до тех пор, пока Маки случайно не помог ему осознать это. Во время своих самообразовательных путешествий по Сети любознательный искин раскопал выступление какого-то русского дремастера и попросил Сола объяснить одно явное несоответствие. Русский утверждал, что «Дремль — это источник знаний», а чуть позже говорил, что «Святороссия — самая дремлющая страна». Из этой пары постулатов Маки вывел, что жители Святороссии должны быть самыми знающими людьми. Но это никак не сходилось с мировой статистикой.

Для начала Сол попытался отвязаться от Маки, сказав, что лично он, Сол, создает дремли не для передачи знаний, а исключительно для удовольствия — как собственного, так и покупателей. Маки потребовал уточнить про «удовольствие». Сол определил это как получение интересных ощущений. «Это и есть

знания», парировал Маки.

Пришлось подыскивать другие термины. Из всего того, что наговорил Сол, дотошный макинтош вывел неожиданно простую аналогию: дремли как носители информации, на которых могут содержаться либо полезные программы, либо вирусы.

Приняв такую модель, они с Солом быстро выяснили вирусную природу русских дремлей. Их классическая завязка в целом походила на трюки «черных» порнушников, разве что насилию подвергалось не тело, а психика. Русский дремль обычно начинался со сцен детства, в которых родители били героя тяжелыми вещами по голове, отчего в голове вместо мозгов оставалось два больших гвоздя: вина и обида. Дальнейший «сюсюжет» представлял собой качели на этих двух гвоздях. Качели, которые укачивали пользователя до такой степени, что тот больше не видел вокруг ничего, кроме неразрешимого противоречия между «слезой невинного ребенка» и «справедливой рукой отца». С точки зрения Маки, это был типичный вирус, основанный на вызове невыполнимой команды типа деления на ноль. Психическое зацикливание, в результате которого клиенты, подсевшие на такие дремли, покупают их снова и снова.

После этой дискуссии Сол стал приглядываться к другим сценариям, отыскивая в них вирусные элементы. Было приятно обнаружить, что в «Дремлин Студиос» такую продукцию не поощряют. Рамакришна тоже не любил «сюсюжеты», хотя и на свой манер. Как мультиперсонал, подвергавшийся гонениям в родной Индии, генеральный считал оскорблением любую игру на чувствах «противоречивых личностей», в которых он видел товарищей по несчастью. Собственные сценарии Рамы были наполнены идеями гармоничного сосуществования разнообразных героев. Именно за это Раму ценили женщины из совета директоров, помешанные на коммуникативной психологии. Что до Сола, то ему новые дремли Рамакришны, с их экстатичной дружбой между твердолобыми финнами и хитрожопыми корейцами, казались чересчур фантастическими.

Но сейчас вокруг пахло не финнами и даже не корейцами, а совсем безличной гнилью. Атмосфера продолжала навевать образы из длинных русских дремлей — исповедальные камеры в подвалах церквей, мавзолеи с хрустальными гробами и мрачными гномихами-охранницами, унылая жизнь в трубах бывших газопроводов, истеричные красотки с непонятными, но очень большими запросами, постоянная нехватка жевательной смолы и патронов…

Должен ли он осознать вину и раскаяться, как любят делать

герои русских? Сол ничего такого не ощущал. Он никогда не убивал старушек и не бросал склонных к суициду любовниц. Он даже не развращал малолеток, хотя это считалось обязательным для сценариста такого уровня. Но Сол никогда не гнался за модой. Он вел спокойную, в общем-то даже скучную жизнь.

Правда, многие тихие люди тоже практикуют извращения, которых можно было бы стыдиться. Сол еще немного покопался в своих привычках. Вроде бы ничего такого. Разве что страсть к разглядыванию чужих подмышек, которая владела им в молодости…

О да, некоторые подмышки заводили его не на шутку! Особенно если какая-нибудь утонченная трансактриса, изящно взмахнув рукой во время мок-апа, вдруг обнажала сей удивительный закуток своего тела, и он оказывался слегка небритым, как вывернутый наизнанку подбородок юноши…

Но за годы работы Сол перевидал такое количество трансактрис в таких диких позах, что даже самый заядлый вуайерист на его месте давно удрал бы в монахи-отшельники на первом попавшемся глубоководном велосипеде. А даже если бы это увлечение и не прошло — что может быть невиннее, чем разглядывать чужие подмышки?

Конечно, яркие истории с извращенными страстями случались в его фантазиях, которые затем воплощались в дремлях. Но что такое дремль? Иллюзия, не выходящая за пределы головы, которая лежит на подушке дремодема. Считается, что они даже снижают уровень насилия и прочих гадостей в реальной жизни.

В его жизни — так уж точно. Когда он последний раз делал что-то плохое другим людям? Ну да, вчера оставил Кэт одну в ресторане. Но разве его вина, что она вечно лезет со своим доктором-нюхачом? К тому же вскоре они помирятся. Эти мелкие сцены — просто игра. Надо ведь о чем-то разговаривать во время обедов и прочих светских мероприятий…

Нет, автор этого дремля — явный халтурщик. Должны же быть какие-то стимулы, какое-то действие. Как они там говорят? «Если в первом акте повесили, то в последнем должны расстрелять». Всплывшая в памяти цитата лишний раз подтвердила сходство русских душевных метаний и жестокой азиатской порнухи, но никак не прояснила сложившуюся ситуацию.

Или он должен действовать сам?

Сол снова начал дергаться. Это привело к тому, что трубчатые корни опутали его еще сильнее. Их даже как будто стало больше, и теперь путы напоминали крепкий волокнистый

комбинезон, какие носят «ультразеленые».

Кстати, кстати… Иногда авторство — или хотя бы студию — можно узнать по скрытой рекламе. В тех же русских дремлях отцы церкви и их подневольные космонавты постоянно курят дешевый американский табак. А сколько было американских дремлей с хрупкими принцессами, продвигающими курсы кунг-фу в стиле «психопатка с самокатом»! Сол припомнил одну японскую студию, которая даже выпустила словарь-сайдзики для толкования слишком тонкой рекламы. Увидеть в дремле лестницу — к покупке дома, увидеть богомола — к новому сервису гумподдержки…

Увы, и эта зацепка не помогла. Конечно, в образе лунной девицы можно усмотреть намек на французские фотонные шампуни. А плавание на лиане смахивает на какой-то гавайский спорт. Да и запах гниения, идущий сейчас со всех сторон, вполне может быть новым фумом из той самой линии «свежесть эпохи Мейдзи», которую так любит Кобаяси. Но все это слишком расплывчато — так и собственные пальцы недолго принять за рекламу лечебной конопли…

Сол еще немного повозился, но усталое тело отказывалось бороться. Мысли тоже стали вялыми, они рвались и путались, как будто окружающая темнота наконец нашла дыру в усталых мозгах и стала понемногу заливать сознание. В сумерках перед внутренним взором плыли бесконечные стеллажи, уставленные дремочипами. Время от времени какая-нибудь новая идея словно бы включала свет в этом огромном магазине, но ненадолго — теперь идеи были совсем уж отвлеченными.

Чуть дольше других затянулось лишь размышление о названиях. В молодости Сол любил определять характер новых знакомых по списку названий в их личных дремль-коллекциях. Да что там характер! Даже содержание неизвестного дремля зачастую можно узнать по названию, как экскременты по запаху. Если это одно существительное, к которому добавлены цифры или банальный эпитет типа «магический», можно вообще не смотреть. Зато когда дремль назван именем человека — это скорее всего интересная штучка…. исключая, конечно, имена знаменитостей-современников.

Труднее угадывать, если в название взяли профессию или хобби, вроде «Карвара» или «Тайконавтки». Сол перебрал в памяти три десятка подобных дремлей и пришел к заключению, что среди них не бывает средних — либо высший класс, либо полный отстой. Аналогичный расклад с названиями, где два слова через союз «и». Чаще всего — исторический боевичок неплохого качества, вроде старой русской стрелялки «Лень и

Сталь». Но похожий шаблон используют и для слезоточивых фэнтези, так что без аннотации в этом случае не обойдешься. То же самое с названиями-аббревиатурами — хотя здесь явно преобладают псевдонаучные детективы с претензией на крутую конспирологию.

А вычислить автора по названию дремля? Нет, скорее нельзя. Другое дело, что по длине названий можно сразу узнать период его карьеры. Длинные, в три-четыре слова — первый опыт, фонтан ярких, но нестройных находок. Позже, когда «молодой, но уже талантливый» — пара слов, с эдакой искоркой загадочности между ними. «Стеклянные облака», «Одиночество феи»… Большинство сценаристов на этой ступени и залипают: самый массовый, самый прибыльный продукт. Но уж если автор дошел до того, чтоб назвать свой дремль одним словом, да еще таким, в котором простота греческого корня сочетается с многозначительностью научного термина — это, считай, уровень мастера…

Бесполезно. Дремль, в котором оказался Сол, мог называться как угодно. Никто не показал ему надпись на дремочипе. Дремочипа вообще не было.

Темнота опять заволакивала сознание, и он больше не мог противиться ее объятиям. Пугающая мысль о том, что он так и уснет в земляной могиле, принесла последнюю вспышку бодрости. Но затем ему подумалось, что дремль, возможно, выключится из-за утомления мозга. Обычно дремодемы отслеживают такие состояния, поэтому будет даже лучше, если он…

# # # #

Его разбудил дождь.

Над головой шуршало, вода текла по лицу, перед глазами переливались желтые пятна рассеянного света. О неприятных свойствах санитарных дождей он вспомнил слишком поздно — вода уже попала в открытые глаза. Но никакого жжения не чувствовалось. Дождь был самый обычный и даже приятный, как когда-то давно, в детстве…

Странный дремль так и не закончился. Сол по-прежнему лежал в земле, опутанный трубчатыми корнями. И все же что-то произошло.

Сначала ему показалось, что это из-за дождя — приятная прохлада воды словно смыла все вчерашние настроения. Однако он быстро понял, что все иначе. Дождь просто сделал заметным

то, что само уже поднималось откуда-то изнутри, раздвигая шелуху чужих моделей поведения, которые он считал своими.

Ему уже много лет не удавалось вот так замечательно уединиться. И не мудрено. Его молодость пришлась как раз на то время, когда все прогрессивные силы пост-индустриального мира объединились для священной травли прекрасного призрака, имя которому — одиночество.

Лежа в мокрой земле, Сол впервые увидел все это как бы со стороны. Даже на новых континентах с их технодеревенским укладом жизни можно было рассчитывать лишь на так называемую «приватность» — пасторальную иллюзию уединения в мире, где каждый говорящий унитаз втайне работает убийцей одиночества. Да, ты можешь выключить коммут, снять искин-макинтош, разбить дремодем — но все равно будешь в курсе всех общественных истерик. Потому что вокруг еще останутся проклятые людишки, вбившие себе в башку, что главное в жизни — быть информированным и информировать окружающих.

В этой липкой сети информационных экскрементов Сол и сам привык жить с оглядкой на окружающих. Все свои мысли, все впечатления пропускать через фильтр общественной значимости — стоит ли это задиктовать в дневник? как это можно использовать в новом дремле? И еще один фильтр — для приема ответных реакций: как там растекся мой новый шедевр? что срыгнули злобные критики? чем бы сплюнуть в ответ?

Но давнее стремление к одиночеству все равно умудрялось прорваться то здесь, то там. Всякий раз после очередной болезни или ухода с очередной работы он задумывался — не его ли собственное подсознание подстроило этот сбой ради приятного чувства отрыва от коллектива? Пожалуй, что так. В отличие от многих коллег, Сол никогда не болел в зарубежных поездках — наоборот, чуждая среда и роль никому не знакомого иностранца приводили организм в состояние какой-то особой, приятной бодрости. Зато однообразная жизнь в привычном окружении ослабляла его, принося очередные простуды и невралгии.

А его суеверная скрытность при работе над сценариями? Откуда бы ни взялся этот принцип, он работал: лучшие дремли создавались в изоляции.

И даже те сомнения, что охватили его вчера при виде девушки из лунного света, летящей навстречу… Теперь-то Сол понимал, что свалился в воду не от испуга. Ему было интересно наблюдать девушку со стороны, но быстрого и прямого контакта не хотелось. Все то же стремление изолироваться, вот что это было.

Получалось, что странный дремль всего лишь исполнил его

желание. Он уже второй день ни с кем не общается. И это прекрасно. Похоже на день рожденья, который наконец-то удалось отметить в одиночестве — Сол пытался сделать это уже давно, но всякий раз кто-нибудь умудрялся добраться до него с дурацкими поздравлениями, отчего день рожденья сразу делался самым грустным днем в году.

Сол глубоко вдохнул сырой воздух. Удивительно, но он не испытывал ни холода, ни голода. Его трубчатые путы, разбухшие после дождя, обволакивали тело мягким одеялом, уже казавшимся частью его самого. Он сделал еще несколько медленных вдохов и совершенно расслабился.

Голова лопнула.

Из трещины появился росток, свернутый в тугую петлю.

Росток поднялся над землей и развернул первый лист.

# # # #

К новому зрению он привык быстро. Изображение накатывало волнами со всех сторон, словно на каждом листе была тысяча глаз. Вскоре Сол догадался, что колебания видимости соответствуют колебаниям температуры, и перестал воспринимать их как собственный дефект. В конце концов из этих наплывающих просветлений сложилась более-менее понятная картина окружающего мира.

Видел он лишь в радиусе пяти метров, а в настройке палитры неизвестный дремастер явно переборщил с красной частью спектра. Но в целом видимый мир был понятен: земля, широкие стволы двух больших деревьев, несколько мелких растений с острыми листьями. И три собственных листа, как три ладони.

Зато со слухом творилось что-то ужасное. Писк и свист, какие-то охи и ахи летали вокруг, зависали то с одной стороны, то с другой… Источники звуков при этом оставались невидимы — зрение говорило, что вокруг по-прежнему нет ничего, кроме пары сосен и нескольких кочек с травой.

«Ну и якорь! — в очередной раз обругал неизвестного дремастера Сол. — Наверняка заказал этих персонажей в другой студии, а совместимость скриптов не проверил». Правда, у таких дремлей тоже есть свои фанаты: сбои скриптов зачастую создают совершенно шизовые миры, и случается, что ошибочный код становится даже популярнее, чем исправленный…

В любом случае, смена формы тела означала, что он все-таки нашел очередной ключ. Хотя и довольно странный: обычно ключи предполагают действие. Однажды Кобаяси даже запустил такую

антирекламную байку про конкурентов — насчет дремлей, которые убивают пользователей с помощью наведенной дыхательной аритмии. Динамика дремля постепенно набирает обороты, человек дышит все чаще… А здесь, получается, наоборот — полное расслабление и кайф от бездействия.

Что ж, по крайней мере тематика начала прорисовываться. Дремли с элементами растительной жизни никогда не пользовались особой славой, но и тут бывали исключения. Едва только устроившись в «Дремлин», Сол сам породил целую серию творений такого рода.

В то время студия еще не особенно раскрутилась, а потому не брезговала политическими заказами. Ни один нормальный сценарист не брался за них с удовольствием — слишком тупые условия не позволяли развернуться по-настоящему. Кому приятно работать, если заранее знаешь, что создаешь не шедевр, а всего лишь рекламную однодневку?

Писать сценарий для канадских националистов Сол вообще отказался. Но как раз в тот вечер Кэт затащила его в лепт на очередную психодраму из жизни каких-то эльфов-ботаников. Снимая ингалятор, он вдруг вспомнил о канадском заказе. В голове тут же завертелось комичное название — «Клен Парламента». За названием потянулся и сюжет: герой дремля организует предвыборный штаб для того, чтобы посадить в парламенте дерево. Он проделывает все классические трюки предвыборной кампании, от уличной рекламы до круглых столов на высшем уровне — только везде демонстрирует не говорящую куклу-политика, а настоящий клен в огромной кадке.

Поначалу Сол думал об этом лишь как о шутке. Потом решил, что если сценарий все-таки написать, получится хорошая отмазка: формально работа будет сделана, но после такой выходки Рамакришна перестанет наседать на него с подобными заказами.

Результат превзошел все его ожидания. Канадские националисты отказались брать издевательский дремль и вообще разругались со студией. Однако пронырливый Кобаяси умудрился впарить «Клен парламента» их конкурентам-экологам. И это было только начало.

Сразу же после премьеры в студию ворвался какой-то хромой мексиканец с ледорубом и потребовал продать ему всю идель и интель для создания собственного дремейка. Сол никогда не слышал о Партии Защиты Тыквы, но размах их кампании за нравственное отношение к овощам шокировал даже махрового вегетарианца Рамакришну. Тыквофилы заплатили в шесть раз больше, чем обещали канадцы, зато их дремейк «Последний

Хеллоуин» довел сценарий Сола до фантастического беспредела. Легкая пародия на предвыборную грызню обернулась эпохальной космической мясорубкой, в которой отважный марсианский фермер и его друзья уничтожали целую армию фашистов-художников, помешанных на резьбе по тыквам.

Когда с Рамакришной связалась веду дремль-студия из Москвы-Два и предложила аналогичную сделку, генеральный застонал на три голоса сразу. После тыквенного успеха доходы студии росли как на стероидах, но ее имидж так же стремительно падал. Субличности Рамкришны, стремящегося к гармонии, не могли договориться целый день. Однако бизнес есть бизнес…

Что там наворотили русские, Сол дапобоялся смотреть. Но по рассказам Кобаяси знал: их студия тоже начала с пародии. В шутливом историческом дремейке обыгрывались древесные фамилии известных людей Святороссии — такого добра у них набралось на целый ботанический сад, от ели до лимона. Кобаяси особенно восхищался говорящими березами.

Кроме того, легкое издевательство покойниками всегда было у русских в почете, поэтому московские партнеры «Дремлина» тут же получили новые заказы от двух политических партий сразу. И очень творчески отработали свои миллионы: в одном предвыборном дремле фигурировал двухголовый орел-мутант, в другом — какой-то совсем уж невероятный «многополярный медведь».

На совете директоров Рамакришна до хвалил Сола. А после отозвал в сторонку для приватной беседы. Суть его речи состояла в том, что стать миллионером и купить собственный континент может любой неглупый сценарист, но очень уж не хочется быть поджаренным как бы случайной молнией только из-за того, что какие-то там «сильные мира сего» неправильно поняли твое искусство. Сол в ответ с удовольствием пообещал больше не лезть в политику.

Неужели теперь, сам того не ведая, все-таки вляпался? Как раз на днях выборы мэра. Не исключено, что растение, в которое он превратился — символ одного из кандидатов.

Почему же тогда никто не спешит нищищать его, ни нападать? Да и вообще, во всех дремлях, какие он знал, растения никогда не были главными героями. Будучи растением, вряд ли можно что-то сделать. А какой интерес в пассивном наблюдении? Правда, на старых континентах еще есть извращенцы, которые пользуются обычными телевизорами. Их еще называют «диванным картофелем». Х-мм, и тут какая-то растительная аналогия…

За размышлениями он не заметил, кааступил вечер. За весь

день ничего не произошло — если не считать того, что у него вырос уже пятый лист. Вокруг по-прежнему носились непонятные звуки. В сумерках они только усилились, но расшифровать их все равно было невозможно.

Ночью, когда стало накрапывать, Соаскучал.

Одиночество по-прежнему было прият но немного разнообразия не помешало бы. Даже дождь в этот раз не радовал. Почва оставалась сырой еще с прошлой ночи. Разросшиеся корни Сола всасывали вкусную влагу, словно вся его нижняя половина превратилась в большой рот с губчатыми отростками.

Однако корни уже давно пропиталисьсквозь, а вода все лилась и лилась. Земля размякла, все вокруг задвигалось, поплыло…

Не успел Сол обрадоваться этой перне, как бурный поток разорвал его на части.

# # # #

Нормально прорасти удалось только с шестой попытки.

Возможно, их было и больше. запомнил лишь те периоды, когда более-менее приходил в себя. Это было какое-то особое соотношение влажности и температуры, при котором обрывок корня снова оживал. Зрение возвращалось, когда новый росток разворачивался в лист. Чуть позже восстанавливался и слух — но до этой стадии ему удалось дожить лишь однажды. Он тогда оказался на дереве, в удобной развилке огромных ветвей. За счет влаги и питательных веществ в полусгнившей коре удалось вырастить целых три листа. После этого ливень опять сорвал его, вызвав новую череду полуобморочных состояний, из которых он выплывал по мере прорастания — и опять погружался в небытие, когда рост прерывался.

Новое место было вполне подхщим, но пережитые приключения заставляли задуматься. Вообще-то Солу нравилось перемещаться. Каждый раз, когда водяные потоки уносили его с насиженного места, он чувствовал не только страх, но и удовольствие. Движение было еще одним способом остаться в одиночестве, перемена мест не давала заскучать.

А однажды, после очередного рыва, приключилось и кое-что поинтересней. На какой-то миг показалось, что его сознание присутствует одновременно во всех обрывках, несущихся в разные стороны вместе с ручьями. Потом он опять провалился в темноту — но хорошо запомнил это удивительное чувство. Повторить бы такой эффект, научиться им управлять…

Только как это сделать, если даже сдвинуться с места не может без помощи водяного потока? Разве что начать расти в определенную сторону?

Сол огляделся. Невдалеке сто сосна. У земли толстый ствол расходится щупальцами крепких корней. Между ними — симпатичные просветы, подбитые мхом. Вот бы где укрыться! И сыро, и светло, и зацепиться можно так, что не унесет…

Новый побег потянулся в стор дерева.

# # # #

За три дня он продвинулся не более чем на полметра. Работу осложняли потребности организма: абстрактная идея добраться до сосны время от времени уплывала из памяти, уступая место вполне практичному желанию направить корни в более сырой участок почвы, а листья — на юг, к солнцу. Из-за этого вместо прямого побега получилась какая-то ленивая скрюченная змея.

И все же зака дала результат — хотя и совсем не тот, ради которого все затевалось.

Зрение, ограниченное несколькими метрами, не позволяло с самого начала увидеть, что происходит за деревом. Теперь же, после полуметрового марш-броска, Сол был вознагражден зрелищем живого существа — первого за все время своей растительной жизни. Существо ползало среди длинных листьев травы позади сосны.

Очередной ключ? Но как до него добраться? О том, чтобы дотянуть росток за дерево, не было и речи. Существо передвигалось гораздо быстрее, и сейчас оно как раз ползло в сторону от Сола. Ему же оставалось лишь пассивно наблюдать за процессом, словно он сидел перед головизором, в пульте которого села батарейка.

Но в реальной жизни батарейку можно заменить. Эх, если бы с ним был Маки…

А с какой неохотой он в свое время согласился на уговоры Рамакришны и завел себе умный макинтош! Сам пример генерального, его превращение из творческого человека в обвешанного коммутами управленца, убеждал в том, что личный искин — лишь еще один ловкий способ украсть у человека радость одиночества. Рамакришна, конечно же, верил, что тот, кто заставляет двигаться свое окружение, более свободен, чем тот, кто вынужден двигаться по воле окружающих. Однако Сол видел, что на практике руководящая работа выражается в еще большем количестве неинтересных связей, и постоянно

отказывался от такого «карьерного роста».

Но сейчас его беспокоила другая крайность. Случайные перемещения в ливневых водах — не лучший способ существования. В этот раз ему повезло, целых три дня спокойного роста. Кто знает, что будет дальше?

Неизвестное существо тем временем добралось до границы поля зрения Сола. Вот-вот совсем исчезнет… Ему нестерпимо хотелось крикнуть.

Крупная почка на конце побега лопнула, выпустив на волю большой красный цветок. Из цветка полился мелодичный свист.

Существо остановилось. Потом развернулось и поползло обратно… Ура! Сол возликовал, и его цветок запел еще громче.

Издали существо было похоже на испорченный огурец. Огурец складывался и снова распрямлялся, быстро приближаясь к Солу. Только почему оно движется задом наперед? Ага, понятно! То, что Сол принял за крупную рогатую голову, напоминающую прически Шейлы, при ближайшем рассмотрении оказалось ярко раскрашенной задницей. Настоящая же голова находилась на другом конце тела — там же, где шесть маленьких лапок и пара острых… Нет, только не это!

Острые жвала впились в тело Сола. Гусеница отгрызала кусок листа. Потом второй кусок, третий… Она пожирала лист с огромной скоростью, и стряхнуть ее было невозможно. Рядом появилось еще несколько таких же головожопых тварей.

Цветок они съели последним.

# # # #

Нормально прорасти удалось только с девятой попытки.

Может быть, их было и больше. Сол запомнил лишь те периоды, когда более-менее приходил в себя. Это было какое-то особое соотношение влажности и температуры, при котором обрывок корня снова оживал. Зрение возвращалось, когда новый росток разворачивался в лист — но до этой стадии ему удалось дожить лишь однажды. Он пророс тогда в огромном дупле и поначалу очень радовался своему убежищу — вот куда ливень уж точно не доберется! Однако недостаток влаги оказался похуже ливневых вод. Уже засыхая, он все-таки успел дорастить один корешок до края дупла. Видимо, из этого обрывка он и вырос сейчас на новом месте.

Он снова был на земле. С виду место не отличалось от многих других, где ему доводилось прорастать. Нижние части толстых стволов, кочки с высокой травой… Возможно, он уже

бывал здесь — просто в этот раз обратил внимание на другие детали.

Как и во время прошлых «посадок», слух вернулся гораздо позже зрения и совершенно с ним не сочетался. Источники звуков словно бы плавали между листьев Сола, но увидеть их так и не удавалось. Сначала Сол, как и раньше, игнорировал эти слуховые галлюцинации, списывая их на ошибку дремастера. Но пережитые приключения заставляли пересмотреть картину мира. Интуиция подсказывала: без качественного скачка он может надолго застрять между крайностями растительного существования — либо бездвижное сидение на одном месте, либо хаотичные перемещения по воле стихии.

Нужны новые ключи. Между тем, окружающий мирок довольно однообразен. И только звуки остаются загадкой. А двигаться в сторону загадочного — одна из лучших стратегий для прохождения дремля.

Через два дня он научился различать в хаосе звуков обрывки мелодий, которые особым образом задевали все его существо. Волнующая музыка всегда доносилась с севера — с самой несолнечной стороны.

Еще через день, перебирая в памяти все, что касалось музыки, он понял, что это за мелодии.

Полгода назад Кэт подарила ему брелок-телефум. Не прожив и недели с этой игрушкой, постоянно приносящей ароматические послания от подруги, Сол объявил холодную войну пахучему подарочку. Полностью отрубить телефум означало бы обидеть Кэт. Поэтому он лишь попросил Маки найти и загрузить в брелок простенький синестетический конвертер, переводящий запахи в звуки.

Сол так привык к этим музыкальным «приветам», что совершенно позабыл об ароматической основе игрушки. И однажды решил послать Кэт ответный звуковой подарок — прямую трансляцию с концерта губных гитаристов. Конвертер, работающий в обе стороны, исправно перевел музыку в запах, и уже в таком виде послание отправилось в Кэт. Кто мог знать, что веселенькая мелодия клик-н-скролла обернется тухлыми яйцами с примесью жженых волос?

То, что Сол слышал сейчас, было не музыкой, а запахом. И родной аромат звал ответить.

Крупная почка на конце побега лопнула, выпустив на волю большой красный цветок. Из цветка полился мелодичный свист.

Увы, радость открытия вскоре сменилась разочарованием. Так человек, долго слушавший музыку в наушниках, потом с удивлением обнаруживает, что кроме него, никто этой музыки не

слышит. Сол хорошо слышал аромат своего цветка внутри бутона, но чувствительные клетки на дальних концах листьев подсказывали, что дальше мелодия распространяется именно так, как распространялся бы слабенький запах. Вместо того, чтобы разлетаться во все стороны, звук тонкой спиралью уплывал на юг — совсем не туда, откуда доносились мелодичные призывы других цветов. Общения не получалось.

Эх, разрастись бы на всю поляну! Сол без проблем определил запах соседней сосны — низкое, пульсирующее гудение, словно кто-то лениво наигрывает на контрабасе. Совсем не громко, зато как мощно! Звук буквально парил в воздухе со всех сторон, и лишь после порыва ветра можно было догадаться, что исходит он от толстого ствола, похожего на небоскреб.

Сол поднатужился и вырастил еще четыре цветка.

Как это часто бывает, задумка дала совсем не тот результат, ради которого все затевалось. Утомленный цветоводством организм требовал немедленной подпитки. Корни потянулись глубже в землю, и один из них уперся в камень. На вкус камень был кислым.

Новое питательное вещество взбодрило Сола. Он жадно тянул его до тех пор, пока не потерял сознание.

Очнулся он от укуса. Острые жвала, впившиеся в лист, вызвали не столько боль, сколько удивление. За то время, что Сол провел без сознания, его листья стали такими жесткими, что он их почти не чувствовал. Цветы пожухли, половина корней отсохла. Среди них был и тот корешок, что дотянулся до кислого камня. Видимо, это и спасло организм от полного отравления.

Но того, кто укусил Сола, это не спасло. Гусеница высоко подняла задницу и помахала ею в воздухе, словно отряхиваясь. Потом медленно сложилась пополам, распрямилась, и продолжая в том же духе, стала слезать с листа. По ее передвижениям Сол понял, что все перепутал. То, что он принял за задницу гусеницы, было ее невзрачной головой. Настоящая же задница — нагромождение фальшивых рогов и глаз — находилась с другой стороны.

Пока он размышлял, к чему нужна такая маскировка, гусеница спустилась на землю. Там ее стало корчить.

Хотя полузасохшие листья сильно ухудшили зрение, Сол сумел разглядеть еще пару гусениц, пасущихся в траве с южной стороны. Приближаться они не спешили. Сол заключил, что тварей привлек запах цветов. Но к тому времени, как до него добралась первая гусеница, цветы завяли, и остальные не смогли его найти.

А если бы и нашли… Гусеница, рискнувшая напасть на

отравленного Сола, бездвижно валялась у его корней, как маленький гнилой огурец. Изо рта у нее по-прежнему торчал кусок листа. «И так будет с каждым, у кого задница вместо головы!», мстительно резюмировал Сол.

Никогда еще дождь не приносил ему такого удовольствия, как этой ночью. Сторонясь опасного направления на ядовитый камень, он выпустил несколько новых корней и быстро восстановил силы. Он опять был готов зацвести.

Только стоит ли?…

После дождя музыка, доносящаяся с севера, зазвучала громче прежнего. Сол представил себе, как там, на большой светлой поляне, растет множество цветов — его собратьев, выросших из других обрывков тех же самых корней. И они так весело сигналят, так упорно зовут его… А вдруг утром ветер подует как раз в ту сторону? Тогда, если он раскроет цветок, до них донесется его ответ. И может быть, они как-нибудь договорятся?

Но с другой стороны, его мелодия-запах опять привлечет отвратительных гусениц! Обнаружив, что он больше не ядовит, они с удовольствием сожрут его на завтрак.

Так и не решившись зацвести, Сол заснул.

# # # #

Вопреки поговорке, утро ничуть не упростило ситуацию. Зато вспомнилась шутка знакомого трансактера о том, что близоруким живется гораздо легче. Восстановленное за ночь зрение позволяло увидеть гораздо больше неприятностей.

Вчера он заметил рядом лишь двух гусениц, не считая той, что сдохла. Сегодня ими кишела вся видимая территория с южной стороны. Черные жвала беспрерывно двигались, поглощая траву. За жвалами, словно вагоны за локомотивами, тащились кишкообразные туловища. За ними следом из раскрашенных задниц тянулись длинные нити. Земляные кочки, корни деревьев — все покрылось вуалью блестящей паутины.

В панике Сол начал растить корень в сторону ядовитого камня. Всего ничего, каких-нибудь два сантиметра. Но чтобы проделать даже такой короткий путь, требовалось приличное время. За это время он немного успокоился и оценил ситуацию более трезво.

Гусеницы не спешили атаковать. Вероятно, они просто не замечали его, потому что он больше не цвел. Так или иначе, армия головожопых ползла на север, обходя Сола с запада. Может, затаиться и подождать, пока они пройдут мимо?

Если бы не чутье сценариста, Сол, наверное, так и сделал бы. Но чутье подсказывало — в дремле настал очередной ключевой эпизод. Армия гусениц шла на поляну, откуда доносились мелодии других цветов. Его собратья еще не знают о грозящей опасности и продолжают свои музыкальные разговоры.

Если он затаится, прожорливые твари сожрут не его, а их. Его старших братьев, чьи мелодии явно говорят о том, что они достигли какой-то новой ступени в этом странном дремле. И вот-вот достигнут следующей, если только кто-нибудь остановит или хотя бы задержит нависшую над ними опасность…

Но какой ценой? Сол прекрасно понимал, что за выбор ему предложен. В нормальных дремлях для домохозяек никогда не бывало подобных ключей. Зато в дремлях, сделанных по заказам различных сект, таких героических штучек хоть отбавляй.

Правда, там все это имеет более рациональную окраску — все религии так или иначе обещают что-нибудь в обмен на самопожертвование. В памяти Сола всплыли полные оптимизма фрагменты дремля, сделанного как учебное пособие для швейцарских протестантов из «Института христианской экономики и финансов».

Вот дюжина людей в белых хитонах и желтых сандалиях рассаживается на холме, обсуждая план операции «Изгнание торгующих из храма». Операция, согласованная с властями, должна помочь избавиться от коммерсантов, у которых секта частенько брала в долг. Неожиданно у подножья холма возникает большая толпа. Это обманутые вкладчики-простолюдины. Угрожая расправой, они обступают маленькую группу в белых хитонах. Но главный герой дремля, бородатый главарь экономистов, не поддается страху. Веселые глаза внимательно осматривают толпу с вершины холма, находя узловую точку. Затем герой выхватывает из сумки каравай хлеба и бросает его в намеченное место. В толпе возникает потасовка. Те, кому удалось урвать кусок, благодарят бородатого и спорят с теми, кому не досталось. Бородатый тем временем достает еще пару хлебов и расчетливо бросает в другие места толпы. Разрозненные потасовки переходят во всеобщую свалку. Под шумок группа в белых одеждах исчезает с холма.

Здесь так не получится, с грустью понял Сол. Ничего от себя не оторвешь, не бросишь на безопасное расстояние. Тут скорее похоже на «Оборону Клонов». Из-за этого дремля, написанного по заказу раэлитов, Рамакришна и Ли даже поругались однажды во время обеда. Старый китаец в свойственной ему мягкой, но уверенной манере намекнул генеральному, что подобные дремли близки к недобросовестной рекламе. Каждый клон обладает

собственным сознанием, и эти сознания вовсе не переселяются после смерти в тела других клонов, как это происходило в раэлитском дремле. Рамакришна же отвечал, что дремль фантастический и имеет право на существование хотя бы из-за того, что развивает полезную идею сотрудничества ради общего дела.

Легко сказать — общее дело! Сол даже не знал, каково оно. Может, его собратья вовсе не горят желанием с ним сотрудничать. Хотя, с другой стороны, именно они научили его цвести. И наверное, могли бы научить еще многому…

Надо решиться. Сол собрался с духом… и выпустил цветочный побег. Мелодичный свист выплыл из бутона и полетел к югу, раскручиваясь широкой спиралью. Несколько гусениц остановились и подняли головы.

Пока они приближались, он тщетно пытался внушить себе, что самопожертвование ради общего дела — замечательный поступок. Увы, в отсутствие убедительного Рамакришны эта идея не приносила желанной радости. Он крутил ее так и эдак, представлял себе благодарность спасенных собратьев — и все равно чувствовал, что это ужасно глупо.

И только когда первые головожопые твари начали вгрызаться в его листья, настроение переменилось. Видимо, оттого, что их укусы напрочь отогнали всю эту чушь насчет гармоничной работы в команде. Зато вместо нее воображение снова нарисовало бородатого хитрюгу из христианского дремля. Парень в белом хитоне весело подмигивал Солу, как бы давая понять, что он и вправду поступает глупо, но правильно.

«Ешьте-ешьте пятый хлеб, я не считаю: это ж тело мое!», — мысленно процитировал в ответ Сол.

Корень, выпущенный в сторону ядовитого камня, в тот же миг достиг цели. Отравленные гусеницы начали скатываться с листьев. Но цветок продолжал призывно благоухать, и новые твари лезли по телам своих предшественниц, чтобы точно так же отравиться.

Может, это был всего лишь бзик умирающего сознания — но перед самым провалом во тьму Солу показалось, что он присутствует одновременно во всех кусочках листьев, застрявших в жвалах гусениц. «Научиться бы так…», подумал Сол, и тут же отрубился.

ЛОГ 14 (БАСС)

Волосы цвета морской звезды в саргассах. Плавные изгибы грудей, две идеальные капли плачущей красоты…

И эта жадная золотая рыбка у нее между ног.

— Кончай, Мари, дай поспать!

Он перевернулся на другой бок. Но мысль о том, что Мария просто так не успокоится, уже мешала скользнуть обратно в приятную пустоту утреннего сна. Тем не менее, следующие две минуты его никто не тревожил, и он снова начал засыпать. Как раз в этот момент Мария поцеловала снова.

Басс зарычал и услышал, как она отодвигается — но не уходит. Не нужно было даже открывать глаза. Достаточно ее тени, упавшей на лицо, достаточно волны тепла от ее дыхания. Не говоря уже о том, как она фумела — ее предыдущие духи назывались «Дизель», но в этот раз она нашла нечто помощнее.

И конечно же, ничего на ней сейчас нет, кроме этих духов. Если протянуть руку, ладонь привычно ляжет на то местечко в самом низу ее спины, твердый прохладный треугольник над копчиком, словно там под кожей затаилась маленькая камбала…

Мария еще раз коснулась его губ своими. Намерения очевидны, и вариантов ответа немного. Либо упорно притворяться спящим, либо встать и поколотить Марию — что означало бы проснуться окончательно. Басс решил полежать — может, и обойдется.

Память, однако, подсказывала, что он заблуждается.

Большинство привычек Марии, связанных с новыми сектами, проходили довольно быстро. И лишь желание позаниматься прямым натуральным сексом появлялось с упорным постоянством — хотя Басс забрал ее у тантристов больше года назад. Ее не останавливали даже его мрачные страшилки о том, что динозавры вымерли из-за слишком громких половых актов, убивавших своим шумом пищу и детенышей. А обливание холодной водой как будто лишь усиливало ее влечение.

В общем-то ничего ужасного. Басс несколько раз делал это в юности, еще до Марии. Без этого, так же как без лихачества на скате, просто не брали в дворовую банду. Да и с Марией он стал жить не только потому, что Коралловая Гора считалась «семейным гнездом» и заполучить эту конуру на одного было бы затруднительно. Нет, Мария ему очень даже нравилась — особенно до того, как ее сектофилия стала хронической. В отличие от многих женщин, она не любила трепаться, не требовала постоянных знаков внимания, не тратила понапрасну

воду и ни разу не пыталась познакомить Басса с родителями. Зато всегда помнила, где что лежит, правильно солила еду, умела слушать и… В общем, с ней было не так одиноко.

При этом для Басса до сих пор оставалось загадкой, что же такого сама Мария находила в нем. Может быть, дело было в брачных гороскопах мормонов, к которым она пристрастилась после того, как он увел ее из нездоровой компании телепродавщиц? По крайней мере, тогда она постоянно твердила, что они с Бассом «предназначены друг для друга». По сравнению с глупостями, притащенными из других сект, это мормонское суеверие было вполне терпимо и даже приятно.

Но заниматься натуральным сексом регулярно и по собственной воле — это уж слишком! Ведь даже обычный эродремль вставляет куда сильнее. Врубил дремодем — и можешь мультиканально развлекаться с такими олимпийскими звездами, от одного вида которых пульс удваивается. Хочется испытать извращенное чувство физического соучастия — ну, заведи эробота. А боишься прослыть киберастом — подключись через «Сексим» к профессиональной компфетке и крути с ней столько интерактов, сколько здоровье и кошелек позволяют.

Конечно, кредитов зачастую не хватает и на самую дешевую пиратскую компфетку. Но ведь если меломан или дремлин остаются без денег, они не пойдут к соседу с просьбой: «спой-ка мне что-нибудь из последнего альбома такой-то группы» или «давай-ка поиграем в рыцарей из того дремля про средние века». Так с какой же стати женщина, оставшаяся без новых эродремлей, бросается на свого мужчину, как бешеная?

Мария опять приблизилась, но с другой стороны. Запах жутких духов шибанул в нос, кончики волос пощекотали щеку. Басс собирался снова перевернуться, но тут с улицы донесся глухой удар. В ответ дружно грянули птичьи трели сразу нескольких кибов.

Со сном придется распрощаться. Хотя искин сразу же включил ушные фильтры, звук все-таки доставал. Два выходящих в башню туннеля — часть разветвленной системы вентиляции и звукоизоляции Коралловой Горы. При заселении Басс получил рекламную брошюрку, авторы которой особо упирали на экологические преимущества органик-дизайна. Скопированная у термитов система тоннелей гоняла воздух безо всяких компрессоров, за счет одной только разницы температур на разных сторонах Горы.

Но к конуре Басса эти преимущества не относились, поскольку она-то и являлась мусоросборником для всего того, что не доставалось другим. Ему самому пришлось установить на

решетках тоннелей фильтры, не пропускающие в башенку никаких запахов. Со звуками было сложнее. До других жителей Горы шум с улицы практически не долетал. Зато в жилище Басса в час пик наступал настоящий ад — башенка выполняла функции глушителя. Басу удалось лишь немного сократить уровень шума, разделив башню на два этажа звукоизолирующим полом. Тоннели выходили в верхний, купольный этаж — там он устроил склад инструментов и гигиенную. В нижней половине получилась спальня.

Но и тут без ушных фильтров бывало тяжеловато. Особенно во время пробок. Птички будут заливаться еще минут пять, пока подоспевший юрискин не разберется и не накажет виновных на месте.

Эта жутко эффективная процедура «заморозки» всего локального трафика для улаживания споров являлась для Басса своеобразным будильником. Ежедневно около восьми какой-нибудь идиот-турист, раздраженный медлительностью потока перед тоннелем, переводил киб на ручное управление и рвал вперед. Кончалось всегда одинаково: «заморозка», полицейские инсектоботы и десять минут раздраженных соловьиных трелей.

«Ладно, ты победила», — пробормотал Басс и открыл глаза, зная, что у сидящей рядом подруги это вызовет довольную улыбку.

Однако вместо Марии прямо перед глазами обнаружилась треугольная, совершенно нечеловеческая морда с маленьким черным носом и большими янтарными глазами. Белые усы, похожие на флосс для чистки зубов, торчали двумя пучками вокруг носа. Морда шевельнулась, левый пучок коснулся щеки Басса.

Он вскрикнул и отскочил к стене, выбросив вперед «швейцарку» со скальпелем. Зверек отреагировал не менее проворно: серебристая молния метнулась под кровать. Такая же молния пронеслась и в голове Басса, сметая остатки сонливости и восстанавливая события прошедшей ночи.

Гибель пяти рубил на кладбище. Крысиный король с помощником-искином класса «алеф». Потом столкновение с парой крыс в городе… Ах да, он же притащил домой раненого биорга, который тоже с не в ладах с крысами. Всадил ему снотворное, зашил раны — а после и сам отключился.

Басс спрыгнул на пол, встал на колени и поглядел под кровать. Волкот неподвижно сидел в углу и в упор смотрел на человека. Басс усмехнулся: кажется, кто-то хотел приручить дикого биорга? Пока что зверь никак не показал, что будет пользоваться ножом и вилкой. Зато его хозяин-человек уже

ползает на четвереньках.

Басс обошел кровать. Открытая банка консервов стояла нетронутой.

— Согласен, паршивая синтетика. Я бы и сам натурального мясца…

Он не договорил и бросился к люку, где валялся открытый саквояж.

Крысы внутри как не бывало. Вчерашний страх заскребся под сердцем. Она ведь могла, пока он спал… Или просто удрала? Взгляд Басса обежал всю каморку, наткнулся на янтарные глаза волкота под кроватью — и вернулся к люку. Между саквояжем и стеной виднелся какой-то темный комок.

Да, это крыса, но какая-то неправильная: хвост начинается прямо от головы. Басс присел над ней на корточки. Крыса была обглодана до костей.

— Все-таки тяпнул мясца? — Он погрозил серебристому зверьку, и тут же вспомнил еще кое-то. Вчера, зашивая раны биорга, он осмотрел его очень подробно. И сильно смутился, чего никогда не случалось с ним раньше. Хотя пациентки ему попадались самые разнообразные, но особей с двумя хвостами и четырнадцатью сосками среди них до сих пор не было.

— Извини, я и забыл, что к тебе надо обращаться в женском роде… — поправил себя Басс. И смутился еще больше, теперь уже от самой мысли о том, что испытывает какие-то дурацкие чувства от выяснения половой принадлежности примитивного биорга.

Ну все, хватит телячьих нежностей! Басс поднялся и пнул обглоданную крысу. Вчера он собирался как следует изучить ее, чтобы придумать план захвата кладбища. Придется изучать другим способом.

По закону подлости, амулеты разнообразных сект, притащенные в разное время Марией, попадались под его босые ноги только тогда, когда толку от них не было. Следующие полчаса Басс провел, ползая по всем трем отсекам своей вертикальной квартиры и разыскивая маленький стеклянный чип, который раньше так и норовил впиться в пятку, а сегодня, как назло, куда-то подевался.

С самым нижним, «нулевым» этажом, все было просто. Лифтовая служила Бассу прихожей. Здесь же он при случае встречал клиентов своей официальной работы. Проще говоря, обитателей Горы, жалующихся на лифты. Одних раздражала недостаточная обходительность лифтового искина, других — его чрезмерная болтливость. После жалобы на слишком сильный аромат фиалок обязательно приходил кто-то другой и ругался по поводу несогласованной замены фиалкового ароматизатора

апельсиновым. И каждый, естественно, требовал своей скорости — одни всегда спешили, других всегда тошнило.

Басс давно понял, что на самом деле эти люди приходят пообщаться: все персональные настройки они могли внести в лифтовой искин самостоятельно. Иногда он помогал им чинить и другие бытовые устройства, а одной испано-эскимосской парочке даже наладил семейные отношения, просто загрузив в их переводчик новую версию словаря. Однако излишнюю самодеятельность пришлось свернуть после того, как мультик с пятнадцатого этажа попросил перенастроить личного искин-контролера. По ночам молодой тетрон работал в садомазохистской сауне, днем занимал пост финансового аналитика, а еще время от времени подрабатывал то скриптуном, то экскурсоводом. Ко всему этому корыстный мультик собирался добавить пост главного поэта в компании, торгующей зачаточными средствами. Раньше он не занимался рекламой, однако имел в запасе пару подавленных субличностей артистического толка. Но официально активировать одну из них — такая бюрократическая волокита… «Работа — вторая натура, а где четыре, там и пять!», шутил мультик, обещая неплохие деньги за действительно плевую услугу: «одну опцию подправить у этого проклятого искина».

Но какой дурак будет лишний раз связываться с мультиками? Сколько было случаев, когда одна субличность напакостит, а потом притворится скрытной и нестабильной, так что суд не может наказать мультиперсонала. К тому же у Басса был принцип: никаких сомнительных сделок по месту жительства. Лифт дает официальную «крышу» — и этого достаточно. Так что пришлось изобразить злостного шизофоба и заявить мультику, что если работа — вторая натура, то цельный человек должен всегда оставаться безработным.

Вещей Марии в лифтовой почти не было — если не считать кучки драных кожаных одежек и спрятанной в них штуковины, напоминающей рукоятку меча. На рукоятке имелась пара кнопок, на которые Басс решил пока не нажимать. Прошлой весной, когда Мария тусовалась с «ультразелеными», лифтовая превратилась в настоящий склад экологически чистого оружия, откуда Басс даже позаимствовал пару игрушек. Но найденная сегодня рукоятка меча принадлежала какой-то другой секте, и Басс очень сомневался в ее экологической чистоте.

На следующем, спальном этаже, амулеты Марии обычно валялись под кроватью. Сейчас в одном углу этого мусоросборника сидел серебристый биорг, который по-прежнему настороженно пялился на Басса. В другом углу лежала изящная,

но сильно помятая шляпка-думка. Ага, майндер-логи. Один из самых легких случаев. Притащив домой этот головной убор, Мария сразу начала цитировать такую язвительную банальщину, что Бассу даже не пришлось гадать, от чего нужно избавиться на этот раз. Он точно помнил, как отобрал у Марии шляпку… а вот выкинуть забыл!

Интересно, она все еще работает? Басс надел шляпку на голову.

«Мудрости тебе, сестра! — раздалось в голове. — Ты любишь печальные мысли о несовершенстве мира, но здоровый образ жизни не приносит тебе желаемого огорчения? Мозг великого Горча к твоим услугам! Великий Горч огорчается за нас 18 часов в сутки. Специальная скидка на вечерние и субботние мысли! Подумай „да“, если хочешь произвести поиск в памяти мыслителя по ключевым образам… Подумай „да“, если хочешь прослушать самые горькие мысли прошедшего месяца… Подумай „да“, если хочешь подключиться к прямой трансляции огорчения…»

«Сто Багов тебе в порт, а не „да“! — Басс бросил шляпку и поднялся в купол.

Вот где был настоящий кладезь культовых предметов! У вентиляционных решеток Мария любила сушить волосы после душа. Кольца и браслеты, перья и корешки, драная бумажная книжка и тяжелая металлическая пирамидка… Но нужного чипа не было и здесь.

Погоди-ка, а это что за дыра? Басс просунул пальцы сквозь решетку, отогнул край фильтровальной материи. В тайнике обнаружилась терракотовая фигурка какого-то уродца с большими губами.

Неужто Мария научилась прятать свои фенечки? Вообще-то это даже неплохо: меньше будут ноги травмировать. Но с другой стороны — раньше все ее увлечения были на виду. А так можно и пропустить что-нибудь… как он пропустил братьев-полипов. Шитый Баг!

Мысль о надувшей его секте подстегнула поиски. Тонкая пленка, закрывавшая кабинку гигиенной, послушно разошлась в стороны от прикосновения. Стойки давно не используемого циркулярного душа ломились от барахла Марии.

Басс нахмурился. Еще одно напоминание о том, как плохи его дела.

Он любил воду, и этот душ со множеством режимов, с трехмерным сканнером для расчета оптимального направления тысяч водяных струек, был самым навороченным устройством в его конуре. Но в последнее время денег на воду не хватало, умываться приходилось всухую, при помощи дешевых китайских

«лизунов». В конце концов Мария превратила стойки душа в вешалки для своих бирюлек с гигиеническим уклоном.

Гроздья баночек и коробочек на присосках. Она легко могла запихать чип в одну из них. Басс начал просматривать баночки одну за одной. Шампунь с конструктором причесок. Формователь ресниц «Елена Глинская». Набор индейских радиоуправляемых красок для лица, с эмпатронной подстройкой под настроение. Дремогель «Телеванг»… Ого!

Басс запустил в последнюю баночку палец с мини-лабом и убедился, что инструкция не врет. В состав геля входили нанозиты класса «дубль-синапс». Сам Басс пользовался классической схемой трансляции дремлей: инъекция плюс подушка-дремодем. И даже не подозревал, что кто-то уже вгоняет дубль-синапсы через шампуни.

«Помылся и смотри». Интересно, откуда она это притащила? Басс перевернул баночку. «Церковь Теофоники». Ничего себе! Хорошо хоть, что узнал об этом до того, как вылил на голову. А то летал бы сейчас с херувимами. Басс отложил гель и продолжил поиски.

— Все-таки я его не выбросил, — пробормотал он минуту спустя, вытаскивая чип «Евангелия от Лилит» из-за панели зеркала. Зеркало не осталось в долгу и предложило лазерное бритье.

Вернувшись в спальню, он воткнул ДНК-сканер в то, что осталось от крысы. Проектор тут же высветил нужный файл «Евангелия». Как и предполагалось, в атласе Джинов не было ни слова о монстрах, сросшихся хвостами. В отношении же обычных крыс «Евангелие» предлагало два вида борьбы.

Первый, с использованием ядов, для «Эдема» никак не подходил. Любую химию тут же засечет Атмосферная Комиссия: Басс давно подозревал, что у этой экологической спецслужбы куда более чувствительные сенсоры, чем у ГОБа или ФАСа.

Раздел про коммуникацию грызунов оказался полезнее. Атлас Джинов давал полную раскладку языка крыс, от писка новорожденного крысенка до самого настоящего «крысиного смеха». Тут же вспомнились ультразвуковые «веера» над кладбищем — именно так искин Саймона управлял своей армией. А значит, можно использовать это и против них… Тридцать два килогерца. Отлично.

Не получая новых команд, «Евангелие от Лилит» переключилось на стартовую страницу. Проектор, следящий за зрачками читателя, неуверенно прокручивал уже известный Бассу текст.

В основе учения Джинов лежал «геном Лилит», который они

рассматривали как скрипт операционной системы со множеством скрытых опций. Вследствие каких-то загадочных проблем — Басс так и не понял этой байки насчет уничтожения первой версии Евы — некоторые опции человеческого генома были отключены. Джины включали их заново.

Так было на стартовой странице, но Басс знал, что это лишь упрощенная версия для рядовых сектантов. Джины были единственным увлечением Марии, заинтересовавшим и его самого. Худощавый парень, которого Мария притащила вместе с «Евангелием от Лилит», был даже похож на Басса. А его шутка насчет того, что идеальный мутант — это немая женщина ростом с палец, быстро помогла бывшему нейрохирургу найти общий язык с бывшим микробиологом, который теперь величал себя не иначе как «пургенетиком». Потом они еще посмеялись вместе над компьютерной терминологией, используемой в библии Джинов: а что делать, если медикам теперь приходится больше общаться с искинами, чем с живыми пациентами и препаратами!

Но Басс все равно отказался. Не из-за того, что с Джинами пришлось бы нарушать закон. И не из-за того, что собственное загадочное происхождение очень напоминало джиновский эксперимент — худощавый пургенетик намекнул, что Джины практикуют подобные сделки с родителями или даже скрытую подмену эмбрионов, с последующим наблюдением за «подопытными» в течение всей жизни. Для такой работы нужна особая этика — но даже на это Басс мог бы пойти.

Останавливала его совсем другая, совсем банальная вещь: он не верил. Религия Джинов слишком походила на дурацкую сказку о Супер-Санитаре, которой ему пудрил мозги искин-гувернер. Все детство, всю молодость он жил в этой сказке. Но с этим покончено.

На периферии зрения что-то неуловимо изменилось. Басс обвел глазами каморку. Как будто все то же. Он огляделся еще раз — и понял, в чем дело. Серебристый зверек сидел теперь на подоконнике, так ловко разложив свои хвосты между пятнами светотени, что с первого взгляда подоконник казался пустым.

Два хвоста, четырнадцать сосков… В юности приятели Басса часто спорили о том, как выглядит волкот. Одни говорили, что тварь похожа на маленькую черную кошку, другие — на огромную белую собаку. Но ему самому из-за сказок искина давно было ясно, в чем дело. Мало кто из них видел кошек или собак вживую. А уж генетические дворняжки, беглые произведения Джинов, могли выглядеть вообще как угодно.

— А ведь ты небось хороших денег стоишь, хвостатая!

Зверь с серебристой шерстью покосился на Басса, подобрал

лапу и снова уставился в окно. Усатая мордочка чуть колыхалась влево-вправо: зверек провожал взглядом проносящиеся под окном кибы. Кончики хвостов мягко колыхались, отбивая одновременно два ритма. Один — быстрый, совпадающий с ритмом трафика. Другой медленный, словно этот хвост гладил кого-то, успокаивал. Бр-рр…

Басс тряхнул головой, отгоняя накатившую сонливость. Все это — и мимолетный, но серьезный взгляд зверя, и странный ритм его хвостов — опять вызвали ощущение, будто хозяином квартиры является вовсе не Басс, и не он приручает примитивного биорга, а наоборот.

— Ну и что они из тебя вырастили? Пищевой сканер, забраковавший мои консервы? Или несгораемую шубу?

Зверь игнорировал его. Басс перевел взгляд на нетронутую банку консервов. Засевшая в «Эдеме» тварь тоже привередлива — не зря ее искин вызвал супермаркет и потребовал дать ему пробы…

Идея конечно бредовая. Но если волкошка умеет охотиться на крыс, почему бы не использовать ее? Крысиному королю помогает искин. Но что мешает надеть такую шкурку и на нашего биорга? Это позволит управлять им… а может, и управлять не придется. Просто договоримся через искин — тебе мясо, мне шкурка.

— Хочешь еще мясца? — Басс протянул руку к волкошке.

Зверь чуть приподнялся на передних лапах. Понюхал. Басс медленно провел кончиками пальцев по голове зверя. Серебристая шерсть оказалась неожиданно мягкой, хотя с виду напоминала кабельную оплетку. Волкошка зажмурилась и сама ткнулась ухом в руку Басса. Он снова погладил ее расслабленной ладонью. И еще раз. Сам непроизвольно зажмурился. От волкошки исходило спокойствие. Казалось, от поглаживаний пушистый зверек увеличивается, мягкая шерсть обволакивает все вокруг…

Басс вздрогнул и отдернул руку. Не спать, не спать! Он снова потянулся к зверьку, провел рукой по спине, слегка потянув за шерсть. Между пальцев осталась пара светлых волосков.

— Отдыхай пока. — Он отошел от окна и скормил серебистые волоски ДНК-сканеру. «Евангелие от Лилит» высветило новый файл.

— Так ты лисица! — воскликнул Басс, прочитав описание. — Только слегка модифицированная. И стоишь даже больше, чем я думал.

Он еще немного полистал энциклопедию. Увы, об особенностях лисы-мутанта Джины не спешили распространяться. Оно и понятно. «Евангелие» — всего лишь завлекалочка для

новичков, а вовсе не выставка достижений. Тем более, что этот биорг у них в розыске. Возможно, его настоящая цена гораздо выше.

— Кто бы за меня столько отвалил… — Басс покосился на зверька. — Тоже мне, венец творения! А воняешь как десять свалок.

Хотя почему нет? Опыты на людях запрещены. Зато с подопытными животными чего только не вытворяют. Собака Павлова, кошка Шредингера, мышь Эйнштейна… Неудивительно, что после всех этих лабораторных пыток они эволюционируют быстрее.

«А кто-то еще говорил, что не верит в теории Джинов! — ехидно заметил внутренний собеседник. — Кто-то еще учил Марию рационально смотреть на вещи».

Басс вздохнул. Иногда он и вправду пытался образумить Марию не только битьем и холодной водой, но и логикой. Обычно это случалось, когда она сама просила помочь разобраться с чересчур липучей сектой. В разных случаях объяснения Басса были разными, но за ними всегда стояла одна общая мысль. Все сектантство сводится к нескольким стандартным методам промывки мозгов. Чтобы избавиться от заразы, нужно просто понять, что твой случай — не исключительный. Посмотреть на ситуацию со стороны — значит уже не участвовать в ней.

Как правило, подобных напоминаний для Марии было достаточно. Но однажды, когда она связалась с совсем уж чокнутыми летающими йогами с Украины-Два, Басс решил пойти дальше — и привить ей не только мысль о методе, но и сам метод взлома религий с помощью великой и разрушительной магии логического мышления. У каждого религиозного человека, объяснил он, есть в голове идея, которую тот принял бездоказательно, на веру. Нечто, зафиксированное намертво. А значит, очень негибкое. Если задавать такому человеку рациональные вопросы и требовать рационального ответа, рано или поздно найдешь эту нестыковку и вызовешь дискомфорт.

Не ограничиваясь теорией, Басс привел примеры такого интеллектуального взлома для основных догматов барбитуристок и кроулианцев, чем поразил Марию до глубины души.

Но радовался он недолго. Через пару дней вопросы Марии начали вызывать дискомфорт у него самого. Еще через неделю один из соседей по Коралловой Горе выбросился из окна, оставив после себя записку со словами «Нельзя верить в то, чего не пережил сам» и большое количество книг по левитации.

Затем другой сосед оставил семью и уехал на учебу в какой-то африканский университет. По словам жены, последние

несколько дней он ходил как в воду опущенный, совершенно забыл свои любимые разговоры о наглости черномазых и прочих инородцев, а вместо этого лишь повторял и повторял грустным голосом известную поговорку «Кто о чем, а мутант — о генах».

Третью жертву Басс перехватил в лифтовой. Парень пришел к нему по поводу настройки домового искина, но Мария встретила соседа первой. И хотя их разговор длился не более пяти минут, одного взгляда Бассу было достаточно, чтобы понять происходящее. Сосед был мрачнее тучи, зато лицо Марии светилось особым светом, который нельзя было назвать иначе как интеллектуальный оргазм.

Неудивительно, что он с облегчением воспринял ее уход в очередную секту. Да уж, поиздевалась бы она над ним сейчас, если бы осталась такой же рациональной, как тогда! Сектам он не верит, а сам сидит тут, поклоняется неизвестному биоргу невероятной стоимости. Уже и красивую байку про ускоренную эволюцию придумал. «Пошла лиса на прогулку, нашла геномодную булку…»

Откуда всплыла эта считалка? Неужто искин-гувернер учил его таким глупостям? Судя по проблемам с булкой — его работа. Да, точно. Была у него такая сказочка, где лиса оказывалась хитрым вредоносным мутантом, пытающимся обмануть Супер-Санитара. Как же ее там звали?…

— Элис. — Басс показал на зверька пальцем. — Я буду звать тебя Элис, поняла?

Зверек посмотрел на него, как невропатолог на дебила. И снова стал разглядывать кибы за окном.

К Бассу тут же вернулся былой прагматизм. Стоит ли вообще идти на дело при таком раскладе? Он еще раз перечитал ту часть файла, где Джины предлагали вознаграждение за беглую лисицу. Пожалуй, эта сумма позволит и Марию вернуть, и Мареку долги отдать. Не все долги, конечно. Но по крайней мере, можно будет ставить ультиматум — так мол и так, дело гиблое. В крайнем случае ковырнем другое кладбище, где людей не едят.

Или сходить? Тогда и долги будут списаны, и навар в виде лисицы останется… Ладно, для начала с ней надо договориться.

Так и не проданный детский искин уже полгода болтался на одном из стеллажей, выполняя роль влагонепроницаемого мешка и электромагнитного экрана для завернутых в него инструментов. Вытаскивая пыльную зеленую курточку на свет, Басс ощутил легкий укол совести. Он не любил грабить детей. Но эта настойчивая девочка… Он даже не мог вспомнить, кто из них двоих предложил меняться. Он отдал ей за курточку завалявшийся в кармане волшебный календарь. Она была так

рада, что он поневоле ощутил себя опытным детским психиатром. Однако совесть с тех пор не уставала напоминать — ограбил ребенка. За полгода неприятное чувство лишь усугубилось оттого, что сплавить проклятую куртку класса «каф» так и не удалось: слишком много требовалось переделок, чтобы отключить функции родительского слежения.

Зато сейчас именно это и нужно. Басс активировал искин.

— Как тебя зовут, девочка? — спросила курточка вкрадчивым женским голосом.

— Угу… — Басс отыскал дыру в воротнике.

— Кто твои родители, девочка? Почему ты гуляешь одна? — В голосе искина появились строгие нотки.

— Сам ты девочка, — огрызнулся Басс, запуская в дыру джек-потрошитель. Искин-гувернантка попыталась закатить истерику и одновременно превратиться в наручники, но пара точных уколов скальпелем вернула ей спокойствие. Басс подключил к куртке «Евангелие от Лилит» и велел искину настроиться на нового хозяина с учетом лисьего профайла из атласа Джинов.

Искин начал мурлыкать и превращаться в какую-то трубу с лямками.

Однако Басса по-прежнему беспокоил альтернативный план. Идти или не идти? Лисицу можно продать в любом случае. Но если он использует биорга с искином для дистанционного взлома кладбища — а крысы возьмут и разорвут его, как тех пятерых рубил? Тогда он не только останется в нулях, но и потеряет собственные вложения.

Зверь на подоконнике вдруг приподнялся на всех четырех лапах и широко открыл пасть. Зубы зверька были помельче, чем продукция Марека — но выглядели гораздо острее. Казалось, вся голова превратилась в рабочую часть робота-лоботомника из розового углепластика. Даже уши биорга отъехали к затылку, чтобы дать зубам покрасоваться. Потом зверь закрыл пасть, пару раз скромно лизнул тыльную сторону правой лапы и почесал ею ухо.

«Да она просто зевнула». Басс поймал себя на том, что сам непроизвольно открыл рот. Но все выглядело так, будто зверек прочитал его мысленные планы и ответил на языке жестов. Что-то вроде: «Уже делишь неснятые шкурки? Ну-ну, фантазируй».

— Домашний зверинец! — Басс погрозил лисе скальпелем. — И нечего мне жрать дорогие экспонаты! Одну крысу я тебе прощаю. А на кладбище можешь хоть сотню слопать. Но учти: главаря надо взять живым. Я сейчас выясню, сколько он стоит. Если дороже, чем ты — пойдем брать. А если нет… еще подумаю.

Лисица подобрала хвосты под передние лапы и свернулась в

пушистый шар. На новые планы своего спасителя ей было наплевать так же, как на старые.

Басс поднял скат и спустился в лифтовую. Эх, поздновато. Экранчик у двери лифта показывал, что он будет занят еще минут двадцать: жители Горы уже начали выползать из своих нор. А встречаться с ними не хотелось бы… Он вернулся на лестницу и поднялся в купол.

Скат, брошенный на коралловое дно вентиляционного тоннеля, быстро морфировался под телом хозяина в «лежачий» режим. Рывок — и навстречу уже несутся запахи всех национальных кухонь мира. Северный Китай, за ним Италия вперемешку с Индией, за ними какая-то совсем «горячая точка»…

«Надо бы включить носовой фильтр», — подумал Басс. И очень удивился этой мысли. Раньше вентиляционная география запахов забавляла его, и он специально оставлял нос открытым, играя сам с собой в угадывание континентов. Но сегодня привычные утренние ароматы казались какими-то неестественными. И причина была очевидна.

Хотя он точно помнил, что закрыл за собой решетку, в носу по-прежнему стоял звериный запах лисицы.

# # # #

Выход в заведение Отто закрывало что-то вроде здоровенной плаценты. Сначала Басс даже решил, что это новый робот-чистильщик, застрявший в тоннеле. Все оказалось проще — знакомую вентиляционную решетку кто-то накрепко залил розовым пластиком. Свет с той стороны, пробиваясь сквозь пластик, обрисовывал контуры решетки, отчего вся заслонка выглядела как цитоскелет живой ткани под микроскопом.

«Тяжелые роды могут длиться до трех дней», — процитировал Басс. И тут же получил очередное доказательство того, что дурацкие ассоциации имеют свойство развиваться в сторону неприятных совпадений. Замок не просто отказался принимать код — он вообще не работал. Коммут Отто тоже не отвечал.

Басс вытащил из замка бесполезное жало «джека». Лежать в душном тоннеле перед закрытой дверью не входило в его планы. Ситуация все больше напоминала жутковатый виртуальный тренажер, который Мария притащила в дом, когда увлекалась ребефингом. Оригинальная система для обучения акушеров была взломана сектантами и переделана так, чтобы оператор наблюдал роды не с точки зрения врача, а с точки зрения плода. Однако там клаустрофобия по крайней мере была виртуальной. А здесь, в

этой каменной матке…

С другой стороны, сам виноват — знал же, что дела у немца идут неважно. Может, заведение Отто просто разорилось?

Или что похуже. Во время их последней встречи в кабаке Шона немец намекал… Баг, что же он там такое рассказывал? Все тогда были навеселе: Шон уговорил их попробовать новый конопляный эйль. Сразу и не вспомнишь, до чего они там дошутились. Отто еще размахивал пачкой печенья…

Точно, печенье. Протеиновая память. Моментально растворяется в желудочном соке. «Я тебе серьезно говорю, Базель, в современном бизнесе никто не доверяет Сети. Там же все прослушивается, все архивируется. Даже электронные голуби надежней. Но если ты голубей используешь, или ракетную почту, то сам факт пересылки все равно на виду. А у нас — смотри! — полная гарантия. Ни хроматографом, ни террагерцовкой, ничем не засечешь. В случае опасности — хрум-хрум! А для отвода глаз везешь с собой какой-нибудь более привычный носитель с цифровым мусором…»

Отто звал их с Шоном работать подпольными курьерами. Вся задумка звучала на редкость бредово. Шон вежливо отшучивался, потом на всякий случай предложил немцу более серьезный курс амнестической терапии. Мол, всем нам тяжело было потерять работу из-за проклятых медискинов. Всем нам приходят странные идеи на новом месте. Когда бывший диетолог работает консультантом в нанокопировальном центре… Мы же понимаем, старик.

Басс поторкал ланцетом в розовую плаценту. Может, подорвать ее к Багу, пока эта коралловая матка не уморила его окончательно? «Кесарю — кесарево», пронеслось в голове. Но сразу вспомнилось, что адепты этой религии имели в виду совсем не акушерские методы.

Он сжал кулак и трижды ударил в розовый люк. Грохот покатился назад по тоннелю, в сторону родной башенки-глушителя.

С той стороны решетки, залитой пластиком, лязгнул металл.

— Кто там?

— Отто, какого Бага ты все замуровал?

— Это ты, Базель?

— Нет, блин, это говорящее яйцо дракона, мечта секты овологов! Ты не против, если я вылуплюсь уже?

Вопреки ожиданию, люк не открылся. Отто молчал. Может, он все-таки согласился пройти чистку памяти, как Шон советовал? В таких случаях вместе с неприятными воспоминаниями люди иногда теряют и вполне нейтральные.

— Да я это, я! — добавил он как можно дружелюбнее. — Не узнаешь?

— Разное бывает… Давай поиграем, а? Я тебе пою начало танки, ты продолжишь.

Нервный смешок Басса эхом запрыгал по тоннелю. Человек с той стороны люка выдержал паузу. И с выражением пропел:

день новоселья —
с каждой внесенной вещью
слабеет эхо

Теперь помешательство Отто стало более понятным. В эту игру Мария любила играть, когда они познакомились. В то время Басс не очень разбирался в сектах, и сообщество телепродавщиц долгое время не вызывало у него подозрений. С виду эта работа не отличалась от того, что делал Шон за стойкой своего бара. Так называемая «гуманная поддержка» для технофобов, не желающих общаться с искинами. Разве что телепродавщица обслуживает сразу несколько заведений одной сети, переключаясь с одного голопроектора на другой.

«Знакомая марка, знакомое качество, знакомое лицо в любом городе». По слогану ни за что не догадаешься, какие извращенные корпоративные отношения возникают в подобных службах. Игра в припоминание вторых половинок рекламных куплетов была самой невинной из их причуд.

— Это ролик мебельного магазина. Я угадал? — Басс не мог вспомнить продолжение стишка и честно в этом признался: — Фирму не помню. Что-то такое очень физиологическое. То ли «икота», то ли «диарея».

— Да-да-да! — донеслась из-за люка знакомая скороговорка Отто. — Но такой ответ может дать любой поискин. А я не просил угадывать. Ты сам должен сочинить продолжение. Без всяких названий и торговых марок.

«Точно свихнулся парень», — подумал Басс. Самому сочинить, это еще понятно. Телепродавщицы тоже иногда сочиняли продолжения сами, если не могли вспомнить оригинала. Но чтобы без торговых марок… Что это за поэзия, если в ней ничего не рекламируется? Она ведь для того и нужна, чтоб люди запомнили марку! В институте у них даже был спецкурс, где рассказывали, как такие образы воздействуют на мозг. Образ должен быть динамичным, вовлекать как можно больше органов чувств…

А главное — в нем должна быть некая парадоксальность, несовпадение с предыдущим человеческим опытом. Тогда он и

зацепляется в памяти. Искины, сочиняющие рекламу, зачастую просто используют случайные сочетания слов, чтобы получить такой образ.

Но Отто хочет чего-то другого. «Любой поискин может.» Неужто он решил проверить, с человеком говорит или с машиной? Дурацкий способ!

Хотя, если подумать… Все верно, ассоциативный тест. И даже понятно, где он этого набрался. Их общий знакомый, мусорщик Тисима, обожает такие игры.

Ну допустим. «День новоселья». Как там Тисима говорил? Слиться с окружающим миром, почувствовать невидимую связь вещей… Не очень-то вживешься в такую картинку, сидя в душной каменной норе, которая больше похожа на задний проход кита, чем на новый дом.

В памяти пронеслись дешевые каморки, которые он снимал последние годы. Тоже не дворцы, прямо скажем. Разве что Мария скрашивала жизнь в этих дырах. Но теперь и ее там нет…

Зато есть лисица. Так и спит, наверное, на солнечном подоконнике, наплевав на всю человеческую суету. А вообще, кто ее знает, что она там делает. Бассу снова вспомнился кот Шредингера. Но теперь ритуал квантовых механиков вдруг представился ему с точки зрения биорга, а не человека. Кота сажают в свинцовый бокс, но в установке происходит сбой, и она начинает облучать не зверя внутри, а ученых снаружи. Коту неизвестно, кто из них выжил. А ему и плевать.

— Эй, Отто. Ну-ка повтори еще разок.

день новоселья —
с каждой внесенной вещью
слабеет эхо

Певец из Отто был так себе. «Из меня не лучше», подумал Басс. Он вздохнул и прочел ответ обычным голосом, лишь чуть-чуть выделяя ритм:

так и не догнав свой хвост,
засыпает котенок

Несколько секунд тишины. Потом что-то лязгнуло, и розовая плацента зашевелилась. По глазам резанул свет. Вот сейчас покажутся щупальца робота-акушера…

«Тьфу ты, какого еще робота? Совсем запарился». Басс толкнул приоткрытый люк — и отшатнулся. Бледное как творог,

лицо Отто в сочетании с ослепительно белой шапочкой и халатом не испугало бы разве что работника морга. Нет, это точно не роддом.

«Зато живая человеческая душа, — съехидничал внутренний собеседник Басса. — Еще неизвестно, как сказывается на психике новорожденных тот факт, что первым в своей жизни они видят робота с шестью щупальцами».

Но в заведении Отто сегодня не было даже роботов-официантов, которые раньше так и шныряли под ногами. Зато ручной засов на люке… Басс потрогал грубое металлическое устройство. Трудно поверить, что кто-то добровольно поставит такое вместо нормального электронного замка!

Отто выглядел смущенным. Пока Басс выбирался из тоннеля, немец успел захлопнуть какую-то бумажную книгу. Теперь от держал эту целлюлозную архаику у бедра, словно не решаясь спрятать ее за спину и в то же время не желая привлекать внимания.

— Это человек-лягуха тебя надоумил с тестом? — Басс кивнул на книжку.

— Что?… Ах, ты про стихи. Да, Тисима, кто же еще.

— А про вдохновение он тебе ничего не говорил? Что оно не у всех бывает и не всегда?

— Да-да-да, он сказал, что это должен быть стих на один вдох. — Отто взмахнул книжкой. — Но главное не форма, а образ. Так можно отличить искин от живого человека. Человек способен чувствовать скрытую гармонию мира…

— Ну, ему как мусорщику видней. — Басс помассировал плечо, которое затекло от неудобной позы в тоннеле. — А вообще тут еще кое-кого не мешало бы протестировать. Давно в зеркало смотрелся? Тебя словно из формалина вынули.

— Это все курьерская служба, будь она неладна. Здесь-то, видишь, совсем…

Он обвел рукой основной зал нетро, куда они перешли из подсобки. Да уж. Раньше эти длинные столы напоминали Бассу школьные парты в шумном классе. Теперь, без посетителей и снующих туда-сюда ботов — типичный морг.

А ведь когда-то нетро Отто считалось одним из самых модных заведений Горы. Первые пандоры, разрешенные для частного использования — кто мог устоять? Правда, на практике революционная технология молекулярных принтеров быстренько обросла кучей механизмов защиты. Многие вещи, включая живые организмы, запрещалось дублировать вообще. Далее шел «серый список» — вещи, при копировании которых пандоры искусственно понижали качество, а то и просто встраивали в копию механизм

саморазрушения. И лишь для совсем узкого круга субстанций разрешался «нуль-транспорт» — точное копирование при условии уничтожения оригинала в сканере.

— Молоко будешь? — Глаза Отто умоляли не отказываться, руки уже суетились на сенсорах пандоры. — Пил когда-нибудь соевое с солодом? Да что я говорю, пил конечно. А пакалоло?

— Не надо, от него у меня стрем начинается, — поморщился Басс.

— И правильно, здоровее будешь. Давай лучше лунное, с пониженной лактозой. Оно не с Луны, конечно. Это они там в Гренландии специально коров в темноте держат, вот и называют «лунное». Да ты садись, я тебе сам посылочку вызову…

Басс усмехнулся. «Посылочку». Ну да, именно нуль-транспортный протокол в сочетании с сетевым подключением породил бум нетро. В детстве Басс никак не мог понять, зачем мать таскает его с собой в эти заведения — ведь домашняя пандора без всякой Сети легко приготовит обед на основе любого из тысяч рецептов. Но мать упорно твердила, что ее подруги, оставшиеся в Старой Европе, готовят гораздо лучше, и никакой рецепт не заменит их опыт.

— Уже неделю так сижу. — Отто показал на входную дверь, запертую изнутри на железный засов. — Не знаю даже, с кем посоветоваться. Хорошо, что ты пришел. Ты вроде разбираешься в искинах…

«Это они во мне разбираются», мрачно подумал Басс, вспоминая робохирурга, похожего на перевернутое дерево.

Он сел за ближайший стол и сделал вид, что разглядывает плавающие вдоль стен голограммки в жанре «микробиоарт». Может, в чем-то другом Отто и был неуклюж, но своему хобби он нашел неплохое применение. Кишечная микрофлора в стеклянных капсулах, увеличенная электронным микроскопом — отличное оформление для нетро.

Правда, люди, знавшие Отто так же хорошо, как Басс, не особенно веселились от этих картинок. Поскольку догадывались, отчего их приятель увлекся таким искусством. Жесткие запреты на лечение антибиотиками появились в Старой Европе лишь тогда, когда половина ее жителей оказалась во власти тяжелых форм аллергии, а вирусные эпидемии стали опустошать целые города. Еще несколько лет понадобилось, чтобы подвести под суд пищевые корпорации, использующие антибиотики-консерванты. Но и после этого, живя на других континентах, многие продолжали страдать из-за достижений фармацевтики, которыми их накормили в детстве. Собственная микрофлора Отто уже долгие годы не хотела восстанавливаться. Это сильно повлияло

на его чувство прекрасного.

Однако сегодня даже его коллекция микробиоарта представляла собой жалкое зрелище. Большая часть голограммок вообще потухла — ни розовых шариков дрожжей, ни буйных морковок бифидобактерий, что так радовали туристов в былые годы. Да и оставшиеся в живых экспонаты выглядели так, словно сами просили антибиотиков. Грязно-желтая E.coli висела у входа, как ботинок утопленницы, любившей длинные шнурки. А зеленая Helicobacter pylori, казалось, вот-вот шмякнется на стол перед Бассом, точно гнилой огурец.

Стало быть, Отто перестал за ними следить. А ведь когда-то в его коллекции были все шестьсот бактерий, обитающих в человеческом кишечнике. Язва, рак, даже аутизм — всего лишь маленькие сбои в равновесии этого большого общежития.

Басс перевел взгляд на немца. Здесь поставить диагноз будет посложней. Отто всегда был самым неприметным в их компании. Даже молчаливый Шон, и тот как-то выделялся — хотя бы своим ростом и румянцем. Отто же не был ни высоким, ни низким, ни толстым, ни худым. И назвать его блондином язык не поворачивался. Бесцветные, аккуратно подстриженные волосы казались лишь прокладочным материалом для вечной белой шапочки. И это творожное лицо безо всякого выражения…

Хотя нет, сегодня в лице Отто появилась некая особая черта. Это было лицо человека, столкнувшегося с беспорядком. Страдающий творог. Фанатичный борец за здоровый образ жизни, лишь на склоне лет узнавший, что всю жизнь вытирал задницу не в ту сторону.

— Вначале все так хорошо закрутилось, — вздохнул Отто. — Старый знакомый, он сам раньше гастроэнтерологом работал. Мы с ним вместе программы для фуджеев писали… Тогда у меня и появилась эта идея — стеганография на дрожжевых протеинах. А тут он объявился снова, со своей курьерской службой. Давай, говорит, к нам, как раз по твоему профилю есть разработка…

Пандора пискнула. Немец вздрогнул и боязливо приоткрыл крышку. Потом облегченно выдохнул и достал из синтезатора квадратный стакан с бело-голубой жидкостью.

— Попробуй.

Ох, как мать замучила Басса этим «попробуй» в детстве! Впрочем, во время тех посиделок в нетро он и сам иногда получал удовольствие — на свой мальчишеский лад. Ему очень нравилось, когда из какой-нибудь пандоры вдруг начинала хлестать ветчина. Все вокруг вскакивали, кто-то из взрослых кричал про новый вирус, консультант в белой шапочке бросался к пандоре и что-то в ней крутил. Через пару минут порядок

восстанавливался: роботы убирали разбросанную по полу ветчину, вокруг стола опять появлялись облики подруг матери, из пандоры снова вылезали их кулинарные творения «по оригинальному рецепту». И мать снова предлагала Бассу «попробовать». А сама тем временем продолжала свои бесконечные разговоры с голограммами о том, что хорошо бы встретиться в реале, да только вот деньги, и дети, и карантин, из-за которого не пускают в Старую Францию…

Лишь много позже Басс сообразил, что мать ходила за этими «посылками» совсем не из-за еды. Это была своеобразная коммуникативная игра — вроде той, которая заставляла жителей Горы приходить к нему с жалобами на лифт. Хотя мать, похоже, искренне верила, что пандора в нетро способна моментально переслать из страны в страну уже готовое блюдо, сохраняя его уникальный вкус. И в каком-то смысле она была права: точная молекулярная копия ближе к оригиналу, чем местное приготовление по стандартному скрипту.

От матери Басс узнал и происхождение термина «нетро». Первые такие заведения были особенно популярны у русских святназовцев. Когда после очередного «домашнего обеда» с точной молекулярной копией нескольких литров «Московской Особой» русские начинали драться с роботами-официантами, они выкрикивали это самое слово. Никто не знал, что это значит. Но с тех пор роботы лучше всего реагировали именно на эту команду, и словечко прижилось.

— Клиентов навалом было, — вновь заговорил Отто, и Бассу сначала показалось, что немец тоже ударился в воспоминания о том, как процветало его заведение, пока сетевые пандоры не появились у каждой домохозяйки. Но бывший диетолог говорил о другом:

— В общем-то работа непыльная, только обыскивают часто. Особенно в аэропортах. А уж сканировали сколько раз! И официально, и втихаря. А толку? Маленькое печенье за щекой — в случае чего даже не слышно, как я его прожевал. Служба узнает об отмене, посылает другого курьера. Конечно, доставка задерживается. Но ведь в эту службу обращаются не за скоростной доставкой, а за незаметной. В течение суток в любом случае дойдет, зато с гарантией — никакого перехвата.

Басс живо представил себе эту картину. Роскошный офис на крыше какой-нибудь корпорации в Британии-Три. «Курьером? Что за архаика?» — говорит вице-президент своему помощнику. «Можно и обычным шифрованным курелем, — отвечает тот. — Но тогда завтра утром наша схема будет у американцев. Вы же знаете, они мониторят всю Сеть. К тому же сам факт нашей связи

с этой запрещенной сектой… Другое дело — посторонний, хорошо зарекомендовавший себя курьер. Минимальный риск утечки. В крайнем случае мы его не знаем».

И тут на сцене появляется Отто. Скромный серый человечек входит в роскошный офис… с одноразовой мини-пекарней. Вице-президент от удивления открывает рот. Вежливый Отто тут же вкладывает туда печенину, начиненную корпоративными секретами.

— До прошлой недели все хорошо было, — продолжал Отто. — Пока меня в аэропорту Пекина-Четыре не задержали. Ох и дотошные эти китайцы! Когда сканировать повели, я свою главную печенину как обычно проглотил, а остальную пачку им отдал и начал скандалить. Мол, я профессиональный дегустатор, а вы потрогали руками продукцию, я теперь не смогу дать верное заключение о вкусе, и вообще у меня очень чувствительные пупырышки, а вы тут с вашим рентгеном, будете платить неустойку, если у меня язык отнимется…

— Ты умеешь скандалить? — Басс оторвался от молока. Как-то слабо верится, что тихий, вежливый Отто, с его вечным самоуничтожающим «да-да-да»…

— Такая работа. — Отто смутился. — Да я и не очень шумел-то. У меня же все это в документах написано. В общем, они еще раз все проверили, а потом и говорят — извините, нам показалось, что вы вывозите от нас животное, запрещенное к вывозу. Но теперь, говорят, мы выяснили, что когда вы к нам прилетели вчера, это животное уже было при вас. Так что это не наш биорг, а ваш собственный. Мы, говорят, рады узнать, что диетологи других стран тоже используют такие симбиозы.

— У тебя… свой домашний биорг?

— Был, — скривился Отто. — Знаешь, какой? У меня в животе сидел здоровенный ленточный червь. Только не такой, каких китайцы себе подсаживают, чтоб с обжорством бороться. У моего были мозги. Биоискин. Я об этом узнал на следующий день, когда вернулся сюда и собрался его вытащить. Знаешь, что он сделал? Он со мной заговорил.

— Ничего себе. — Басс невольно покосился на голограммку, украшающую противоположную стену нетро. Увеличенный труп какого-то протокариота был похож на червя, свернувшегося спиралью.

Вот так незаметный немец! По дороге в нетро Басс раздумывал о том, стоит ли рассказывать кому-нибудь о своей лисе. Взрослый человек в нем настаивал, что делать этого не следует. Да и вообще дикого биорга стоит поскорее сбыть с рук. Однако мальчишеская мечта о собственном зверинце противилась

такой конспирации. Ни у кого из знакомых не было собственного биорга — если конечно не считать корейца Вонга, состоящего в услужении у Марека.

Но если даже у незаметного Отто завелся свой говорящий червяк… Почему так всегда происходит? Только найдешь что-то особенное, как сразу выясняется, что у других уже есть то же самое и даже круче. Ты еще только собираешься договориться со своим биоргом через искин — а немец уже со своим вовсю болтает!

С учетом того же закона подлости было вполне естественно, что Отто, в отличие от Басса, не прилагал никаких усилий. Как стало ясно из его сбивчивого рассказа, немец и сам не знал, кто подсадил ему паразита. Отто предполагал, что это мог сделать тот самый гастроэнтеролог, с которым они разработали систему протеинового кодирования. Это по крайней мере объясняло, почему червяк так ловко переписывал всю информацию с печенин, попадавших в желудок Отто.

Но об этой способности хитрой цестоды немец узнал лишь после того, как попытался извлечь паразита. Сначала у Отто отнялась рука. Когда попытка оперативного вмешательства провалилась, в желудке диетолога начался «такой интересный тик, вроде как модулированные спазмы». Отто, недолго думая, проглотил пилюльку с эндоскопом и велел своему искину расшифровывать желудочные сигналы. За ночь они наладили контакт с червяком.

Продолжая завидовать чужой удаче, Басс попытался уточнить, какой именно протокол использовался. Увы, Отто не разбирался в тонкостях коммуникации искинов. Из дальнейшего общения с собственным желудком он уяснил лишь одно: биоскин червя жрал все посылки, проглоченные горе-курьером в опасных ситуациях. Вообще-то они должны были сразу растворяться в желудке. На деле же червяк переписывал их на свою ленточку почти таким же протеиновым кодом. Почувствовав угрозу для жизни, паразит решил не сдаваться.

Более того — в обмен на жизнь цестода стала сдавать немцу свои секреты. Отто и не подозревал, какие богатства таскает в желудке. Он даже не мог вспомнить, сколько раз за год ему приходилось глотать посылки. Но раз тридцать, не меньше.

С каждым новым поворотом рассказа немца собственный зверинец Басса стремительно терял очки. Но стоило ему снова взглянуть в страдальческое лицо Отто, и все мальчишеские настроения окончательно сошли на нет. Едва ли с таким лицом хвастаются.

Отто между тем продолжал рассказывать. Сначала он

испугался. В его руках оказались залежи безусловно ценной информации, но куда с ней сунуться? Ничем таким он до сих пор не занимался. В конце концов он все-таки выбрал из подарков цестоды то, в чем сам более-менее разбирался. Лекарство от насморка, еще кое-какую фармацевтику. Схемку нового медчипа. В ленте червяка также нашелся доклад о системах безопасности нескольких банкинов — что позволило Отто открыть левый счет.

Когда немец начал говорить о том, что целую неделю жил как в раю, Басс не выдержал:

— То-то у тебя железные засовы на всех дверях. Угу, типичный рай.

Неожиданная догадка заставила его присмотреться к одежде Отто. Так и есть: обычный матерчатый халат. И шапочка на голове — тоже из обычной, пассивной ткани. А где же тогда его персональный искин? Басс огляделся.

У стойки консультанта, похожей на учительский стол в классе, он давно приметил отключенного робота-официанта. Под бездвижным паукообразным телом белели какие-то обрывки… Отто расправился с собственным искином!

Заметив, куда смотрит Басс, диетолог снова сник.

— Я сразу подумал, что это плохо кончится. Но ведь такая удача, жалко упускать…

— Сдох он, что ли, червяк твой?

— Если бы… Тот мой приятель, владелец курьерской службы, позвонил и новую работу подкинул. Я ему отвечаю, мол, приболел я, переел вашего печенья. А он мне — какие проблемы, сейчас ребят пришлю, подлечат по первому классу за счет фирмы. Тут-то я и просек — они сейчас за червяком приедут. Ну, посоветовались мы с ним…

— С цестодой? — Басс не сдержал ухмылки.

— А с кем еще? Не Мареку же звонить.

«И тут он меня переплюнул», мысленно констатировал Басс, вспоминая свой звонок Мареку и очередную кабальную сделку, в которую его втянули.

— Червяк мне и предложил… идеальный способ бегства. У него там, среди прочих секретов, имелась разработка по телепортации живых существ. Оказывается, этот режим уже встроен в некоторые большие пандоры и проходит секретное тестирование.

Басс оглянулся: большая пандора в дальнем углу зала. Издали можно принять за холодильник. Однако привычный зеленый огонек на панели управления не горел. А толстый кабель питания, вырванный с мясом из стены, придавал пандоре вид большого угловатого биорга, подобравшего под себя хвост.

— Да-да-да, она самая. — Отто покосился на белый шкаф. — У червяка были и коды, и список всех узлов, которые работают в этом режиме. Открываешь дверку, залезаешь внутрь — шлоп! — и ты в Старой Бельгии. Вылезаешь там из такого же шкафчика в таком же нетро и начинаешь новую жизнь. И никаких следов.

Отношение Басса к выдранному из стены кабелю резко изменилось. Тест на человечность, железные засовы и отключенные роботы тоже стали понятнее.

— Представляешь, я почти согласился! — Лицо Отто стало совсем кислым. — «Телепортация, мгновенная пересылка»… Как он только ухитрился запудрить мне мозги! А может, и вправду подключился к моей нервной системе да притупил соображалку. В любом случае, первая моя реакция была — вот здорово, не надо будет больше летать в этих железных гробах. Ты же знаешь, не переношу я летучий транспорт. Хоть и говорят, что в воздухе кибы безопасней, чем на Земле. А все равно страшно. Пока он приземляется, у меня в голове вся жизнь успевает промелькнуть. Такие вещи вспоминаются…

— Тебе надо с Шоном летать, — посоветовал Басс. — А я устрою тотализатор. «Битва за память: терапевтическая амнезия против шоковой терапии».

Он тут же пожалел о сказанном, поскольку Отто отреагировал на юмор как обычно: завис на несколько секунд с приоткрытым ртом. Бассу показалось, что он слышит, как шутка со скрипом продирается сквозь лобные доли немца.

— Шон бы моему червяку проиграл, — вдруг заявил Отто. — Мне ведь эта мысль о полетах и помогла. Об этих самых воспоминаниях, которые от стресса обостряются. Как током пробило: это ведь и есть главная черта самосознания — непрерывность! А червяк мне предлагает создание моей копии в другом месте. Но здешняя копия, то есть я сам, будет уничтожена в пандоре. Это же форменное самоу…

— А для искинов — обычный способ путешествий по Сети, — перебил Басс. — Ты прав, мы безнадежно отстали. Что искину хорошо, то человеку смерть. Если вся эволюция — это эволюция систем копирования, нам осталось недолго.

Отто посмотрел на него, как ребенок на гувернера. Он по-прежнему не улавливал иронии. Басс пообещал себе больше не шутить. И тут же вспомнил, что дает такие обещания каждый раз, когда оказывается в компании Отто.

— Я глупости говорю, да? Ты бы сразу понял, что искин с телом ленточного червя — это совсем не то же самое, что обычная цестода. Да-да-да, вот что меня обмануло…

Басс неопределенно пожал плечами. Сам он никогда не

забывал, как работают сетевые пандоры. Но не так уж трудно представить себе людей попроще, которые воспринимают «посылки» как оригинальные предметы, быстро перемещенные на новое место. Его собственная мать со всеми этими пирожными от подруг… А от такой привычки — один шаг к тому, чтобы поверить в телепортацию.

— Так ты его вырубил?

— В том-то и дело, что я не уверен. — Отто покосился на дверь в подсобку. — Я слишком расслабился от удовольствия.

— От удовольствия? Ты что же, накормил себя и его хорошими наркотиками?

— Вот и ты туда же! Точь-в-точь как и мой научный руководитель в институте…

Отто вытащил из стола какой-то допотопный оптический диск, протянул Бассу.

— Моя дипломная работа о тошноте. Неужто ты никогда не испытывал удовольствия после того, как тебя хорошенько вырвало?

— Бывало, — признал Басс. — Но это… как-то…

Он поежился, вспомнив свое первое проваленное дело, кладбище композиторов в Новом Сан-Ремо. Кто же знал, что резкие звуки, доносящиеся из склепа-органа — это не авангардная музыкальная заставка, а система сигнализации, от которой гробокопателя начинает беспрерывно тошнить?

— Вот и мой профессор так же мычал, когда предлагал мне переделать диплом. — Отто истолковал гримасу Басса на свой лад. — А я-то целый год старался, собирал все что можно о рвотных ритуалах в древних культурах. Страусиные перья, экскременты коал… Жалко было — такая работа! Я прямо спросил тогда у профессора, чего он там мычит. И он в конце концов ответил прямо: не в почете у нас такие исследования, которые идут против культуры потребления. Если все начнут достигать нирваны с помощью бесплатной тошноты — никто не будет покупать новые…

— Ясно, можешь не продолжать. Ты еще легко отделался от своего профа, приятель! Говорят, в прошлом веке было несколько умников, которые исследовали связь между сосательным рефлексом и популярностью курения. И все они умерли не своей смертью. Теперь ту же хитрость используют в эмпатронах, когда делают их в форме сигарет. Ну хорошо, а где же тебя этот рвотный кайф прихватил?

— Не прихватил, а сработал по плану! — Отто даже как будто обиделся. — Я пошел в гигиенную, приготовил состав… Говорят, выгнать ленточного червя рвотой невозможно. Ох, знали бы они,

какой бывает рвота, когда относишься к ней как к искусству! Видели бы, как из меня вылетала эта лента! И так мне хорошо потом стало… Ну я и присел на минутку, отдышаться. А червяк тем временем смылся в канализацию.

— И чего ты паришься? Он там наверняка сдох.

Басс допил молоко и поднялся. Отто тоже вскочил, продолжая смотреть на Басса снизу вверх.

— Ты думаешь?

— Уверен. — Басс прошел вглубь нетро. У белой двери с золотой табличкой он остановился.

— А в музее ты тоже все вырубил?

— Ох, забыл! — Глаза Отто округлились. — А надо было?

— Ну, если быть последовательным параноиком… — Басс вспомнил, что обещал не шутить, и быстро сменил тон:

— Нет, не надо. Да и тут не стоило сразу все вырубать. Даже в твоем одежнике зашита куча скриптов, блокирующих самостоятельное развитие искина. Но я на всякий случай проверю музей. Сооруди мне что-нибудь поесть, ладно?

— Да-да-да, конечно…

Отто и не скрывал, что рад остаться за дверью.

# # # #

Идея Музея Копировальной Истории принадлежала Тисиме. А вернее, его жабрам.

Из всех медовских приятелей Басса маленький японец был чуть ли не единственным, кто по-прежнему активно применял свою специальность к собственному организму. Способность жить под водой решила для многих японцев проблему перенаселения. Но это требовало своей платы: жабры приходилось время от времени менять на новые.

Превращение бывшего лора в мусорщика еще более осложнило жизнь Тисимы. Из-за контактов с ядовитыми веществами жабры требовали более частого обновления, а уход из клиники лишил его возможности использовать тамошний трансплант-принтер.

Пандоры из нетро Отто нельзя было использовать по другой причине: вшитый механизм защиты снижал качество копий при работе с определенными субстанциями. Но выход все же нашелся. Басс, к тому времени уже отобравший у Марии «Евангелие от Лилит», однажды в шутку рассказал Тисиме, что анти-копировальная защита пандор очень напоминает главный постулат секты Джинов: геном человека как операционка, в

которой — искусственно или в ходе эволюции — были отключены некоторые опции. Поэтичный японец, умевший видеть вселенскую связь предметов и явлений, умудрился проследить эту шуточную аналогию гораздо дальше. И доказал на практике, что работа электронного мусорщика сходна с работой эпигенетика. По крайней мере, в отношении того открытия, которое было так необходимо ему самому.

В ходе раскопок на свалках Тисима обнаружил свой «геном Лилит»: в первых моделях молекулярных копиров не было системы искусственного снижения качества копий. Более того, он выяснил, что при установке в демонстрационных целях (например, в музеях) старая техника не облагалась драконовским налогом на копирование, который придумали борцы за авторское право. «Хорошо, что половые органы наших предков тоже никто не догадался обложить налогом, как в Китае-2», заявил по этому поводу Тисима во время очередной встречи с Бассом. Басс в очередной раз поразился силе поэтического чутья приятеля.

Сам он, помогавший Тисиме и Отто настраивать старые копиры и принтеры, не знал деталей сделки между ними. Но по всей видимости, она была выгодна для обеих сторон: Музей Копировальной Истории в последние годы собирал больше посетителей, чем само нетро. А заодно помог Бассу сделать собственное открытие.

Они с Тисимой и раньше сканировали память выброшенных машин на предмет интересных данных. Попадалась и незатертая порнушка, и финансовые отчеты, и кое-какой компромат посильнее. Именно Басс обратил внимание японца на странные коды, которые стали попадаться в памяти списанных ксероксов, холодильников и даже стиральных машин с сетевым доступом.

Сперва они думали, что это вирус-шпион. Но кому надо шпионить в старых стиральных машинах и холодильниках? К тому же среди этих «вирусов» не было ни одной пары одинаковых. И все же они сильно отличались от всех прочих кодов, которые встречались Бассу до сих пор.

Особенно по звуку. Бывает, что остроумные скриптуны специально вставляют в код лишнюю строчку, чтобы на звуковом дебаггере это звучало как заковыристое ругательство или женский оргазм. Но здесь было другое: загадочные чужие коды звучали как куски одной мощной симфонии по сравнению с детским пиликанием собственных программ тех машин, в которых поселились «чужаки». И симфония эта была совершенно дикой…

Было и еще кое-что, чего не знал Тисима. Басс обещал стереть эти коды из памяти устройств, перетащенных в музей. Вместо

этого он решил поэкспериментировать — и добавил лишний модуль памяти в один из зараженных ксероксов.

Звуковой дебаггер тут же сигнализировал, что и в новом чипе завелся кусок «симфонии». Одновременно из ксерокса вылез листок со тремя столбиками цифр.

Басс таскал загадочную распечатку в кармане целый месяц, пока ее не нашла Мария, которая в то время еще работала телепродавщицей. Одна из ее подружек легко расшифровала табличку: это были биржевые индексы. К сожалению, ценная информация к тому моменту уже протухла — но Басс понял, чем с ним расплатились за добавочную память.

Позже он еще трижды пользовался услугами загадочного искина. В том, что это дикий искин, убеждало только одно: никто не устраивал облавы в нетро после этих сеансов связи. Доверять официальным поискинам Басс зарекся еще со студенческих времен, когда имел неосторожность поискать через них один интересный препарат. Буквально через пару минут после того, как он ввел слово в искалку, над ним уже кружили полифемы, слепя лазерными сканерами. Обвинение в попытке приобретения запрещенной субстанции он еще выдержал. Но штраф за использование лицензированного термина надолго отбил охоту к законным методам получения информации. В конце концов, у каждого свои жизненные принципы.

Отделаться от нервозного Отто было уже само по себе приятно. Басс притворил дверь и огляделся. Старый ксерокс стоял под фотографией обнаженной женщины с белой кляксой вместо лица. В отличие от немца с его микробами, Тисима увлекался «искусством брака». Сначала Басс полагал, что это — следствие работы с мусором. Позднее он заподозрил, что Тисима не так прост: бракованные фотографии как бы подчеркивали отсталость техники прошлого — и это отлично маскировало бизнес «точных копий», ради которого затевался музей.

Убедившись, что ксерокс работает, Басс направился к древнему струйному принтеру. Первый снимок крысиного короля, скачанный из «швейцарки», на печати вышел смазанным. Прямо хоть Тисиме отдать, в его коллекцию брака. Басс покрутил запись кладбища, нашел другой портрет многоголовой твари и снова запустил принтер. Ага, уже лучше.

Новая ампула жидкой памяти в несколько тысяч раз превышала по емкости те чипы, которые Басс скармливал дикому поискину во время прошлых посещений музея. Ксерокс принял дань без эмоций. Басс запихнул в аппарат фотографию крысиного короля, сделал копию и стал ждать.

В тот первый раз табличка с биржевыми котировками

появилась из самого ксерокса. Потом дикий искин обосновался и в других экспонатах музея: иногда плата за дополнительную память вылезала из фотокомбайна, иногда — из запыленного факса. Однажды в ответ на «дань» загудела единственная в музее пандора, и Басс даже слегка испугался, представив себе, что сейчас из молекулярного принтера вылезут новые жабры Тисимы, татуированные адресами и цифрами. К счастью, пандора всего лишь высветила ответ на своем маленьком дисплее.

Но сегодня молчала и пандора. Может быть, загадочный обитатель музейных машин нашел себе новое убежище? Или он вообще кочует туда-сюда по Сети, занимая первые попавшиеся ресурсы и освобождая их при малейшей опасности? При удачной схеме распределения и при постоянном движении такая нетварь может достичь приличной мощности. Хотя в Сети обойти эволюционные запреты непросто. Другое дело Музей: в старой копировальной технике нет антивирусов.

Прошло десять минут — и никакого ответа. Не повезло.

Басс уже направился к двери, когда за спиной раздался щелчок. Музыкальный автомат? Это может оказаться похуже, чем жабры.

Машина, которую Басс по привычке называл «музыкальным автоматом», когда-то торговала электронными журналами, билетами, играми и прочей цифровой продукцией, которую можно записать на стандартную карточку памяти. Почти все эти чипы имели неприятную особенность в виде добавочных музыкальных файлов, которые норовили заиграть каждый раз, когда кто-то касался карточки. Даже в юности Басс не разделял музыкального помешательства сверстников. За годы жизни с Марией он выкинул, наверное, пару сотен таких чипов — но что толку? Не проходило и месяца, как он снова наступал в гигиенной на музыкальную «мину».

Хорошо хоть есть ушные фильтры. Басс вытащил карточку из автомата — и с облегчением отключил режим глухоты. «Волшебный календарь» — пожалуй, единственный товар автомата, играющий музыку только в определенных случаях. Сейчас он лишь высветил столбик текста:

в красной красной пещере
около розовой двери
белые белые волки
сдвинув белые холки
ждут того, кто поверит
в сказку розовой двери
или того, в чьей пещере

словно фигурки на полке
сдвинув белые холки
около розовой двери
ждут такие же звери

«Зубная паста», поморщился Басс. Однако игра телепродавщиц тут была ни при чем. Календарь предполагал совсем другую игру. Басс положил карточку на большой палец и щелкнул снизу. Дважды перевернувшись в воздухе, чип упал на ладонь. Стих на экранчике сменился новостью о странных сбоях аппаратуры на какой-то космической станции. Нет, не то… Еще раз.

Нужная информация появилась после пятого щелчка. Картинка по качеству сильно уступала фотке, которую он положил в ксерокс. Кроме того, у изображенного в календаре крысиного монстра было на четыре головы меньше.

Но Басса больше интересовала подпись. Глаза пробежали объявление по диагонали (*редкий феномен… первый случай в Германии, 1748… чаще всего у черных крыс… невозможно вывести в неволе… частный зоопарк готов приобрести…*) и уперлись в самое важное число.

Число было замечательным. Оно немного напоминало ленточного червя из истории Отто: тройка и длинный хвост нулей. Но Басс разбирался в мифических животных. Без сомнения, это был совсем другой червь. Его личный Червь Счастья. Уже один только вид его производил магический эффект. Басс широко улыбнулся и хлопнул музыкальный автомат по хромированному боку, как старого приятеля.

— Ну-у-у, если они столько платят даже за восьмиголового… Придется идти, да?

Музыкальный автомат молчал, но Басс был благодарен ему даже за это.

# # # #

Гамбургеры удались. Может быть, потому, что Отто делал их сам. Он лично надрезал каждую вынутую из пандоры булочку с кунжутом, затем из другой пандоры доставал стейк величиной с детскую ладонь и запихивал его в булочку, предварительно вложив в мясную ладошку зелень. Ритуал повторялся снова и снова, активно воздействуя на зрение и обоняние Басса. А ревнивая слюноотделительная система так и вовсе расклеилась.

Все эти слабости плоти мог бы пресечь холодный скальпель интеллекта. Но и он бездействовал: перед мысленным взором Басса по-прежнему крутилось магическое число. Сумма, которую предлагали за крысиного урода, обещала решение всех проблем. Новые планы бодрили организм адреналином, что лишь способствовало усилению аппетита.

Отто решился заговорить лишь после того, как Басс взялся за пятый гамбургер.

— Слушай, а когда мы в институте… Ты ходил на спецкурс того сумасшедшего профессора ликантропологии? Который утверждал, что Дарвин был неправ, потому что симбиоз играет более существенную роль в эволюции, чем естественный отбор?

Басс кивнул, продолжая жевать. Прерывать обед не хотелось. К тому же было нетрудно догадаться, куда клонит Отто. Но тот ждал ответа.

— Помню, помню. Ему особенно не нравилась идея, что женщины выбирают самых умных мужчин и тем самым улучшают генофонд. В противовес этому он приводил статистику, согласно которой самые умные мужчины обычно женятся на самых безмозглых стервах, так что никакой эволюции не получается. По-моему, у профа были личные счеты с бабами.

— Нет-нет, у него и другие примеры были. Помнишь, про свиных паразитов, которые вылечивают рак у своих хозяев.

Басс запихал в рот очередную булку с мясом. И остановился. Ну вот, так всегда. Сначала все нормально, потом понимаешь, что чего-то не хватает… и только в самом конце, когда уже почти наелся, врубаешься — недосолено!

Он быстро схватил солонку, открыл рот и посолил еще не пережеванный гамбургер. На лице Отто мелькнуло подобие улыбки — плесневый разлом в куске сыра.

— Так ты думаешь, он… сдох?

— Тфой лентофный ферфь? Фамо фобой.

Отто покачал головой.

— Это же не обычная цестода. Там в ней сидит искин. И у него сколько всяких ценных скриптов…

— Ага, формула лекарства от насморка. Очень помогает в канализации.

Отто задумался. Басс заметил, что немец даже не притрагивался к гамбургерам.

— Однажды я был на экскурсии в Старой Европе, в Мюнхене. — неожиданно быстро заговорил Отто. — Там на кладбище есть такая комнатка сторожа… Знаешь, в XIX веке многие боялись, что их похоронят заживо. В этой сторожке висят колокольчики, и от каждого тянется веревочка в какую-нибудь

могилу.

Басс поперхнулся.

— Ты это к чему?

— Тисима мне сказал, что ты кладбищенские искины ремонтируешь.

— Ну, было дело… Случайная работа.

— А ты когда-нибудь видел могилы преступников?

Басс отложил гамбургер.

Это уже серьезно. Он слышал истории на эту тему. Истории очень противоречивые. И проверять их не особенно хотелось. Даже попытка взлома Нового Арлингтона доставила ему в свое время кучу неприятностей. А ведь похороненные там политики и военные не считаются преступниками. Просто их искины проходят жесткое редактирование, перед тем как попасть на кладбище.

— Ты имеешь в виду могилы людей, которых запрещено хоронить с искинами? Конечно, видел. Куда деваются их искины, я не знаю. Говорят, их стирают. А что, твой червяк… у него был такой искин?

— Хуже. У него была… Не знаю даже, как объяснить. В одной из тех печенин, что я перевозил, были скрипты полицейской системы под названием «Ригель». Это тоже искин, в базе которого… ну, общие черты поведения всех известных преступников.

— Персональные профили, — кивнул Басс. — Поэтому искины преступников и не попадают на кладбище. Чтобы кто-нибудь не повторил… Погоди, это тебе червяк рассказал?

— Он, он! Когда мы с ним счет открывали, он мне подсказывал, как лучше делать. Потому что у него были все эти — как ты сказал? портфели?…

— Профили. — Басс попытался вспомнить что-нибудь из спецкурса криминальной психиатрии. — К примеру, бывает географическое профилирование. Чем дальше преступник отъехал от дома, тем тяжелее преступление.

— Да-да-да! А у этого Ригеля были и эмоциональные профили преступников, и электронные, и все прочие. Только он не повторял чужие преступления. Наоборот, он делал такие вещи, которые не попадают ни в какой известный профиль! Даже для передвижения по Сети у него были какие-то… «вычитающие» алгоритмы, что ли? Ты знаешь, что это такое?

— Только в самом примитивном приложении, — покачал головой Басс. — Для стеганографии. Скажем, ты посылаешь кому-то текст. Но основное, скрытое сообщение содержится не в словах, а в пробелах между ними. Число пробелов в одной строке

— один символ, число пробелов в другой — следующий символ. Наверное, при больших объемах данных так можно спрятать и скрипт целого распределенного искина.

«Это даже покруче будет, чем та нетварь, которая в Музее обитает, — добавил Басс про себя. Если он весь состоит из обрывков пустоты, а не из обрывков кода, его не засечешь так запросто. За такую шкурку Марек бы у меня поплясал…».

Его собственный Червь Счастья опять побледнел на фоне того богатства, которое немец спустил в унитаз. Аппетит пропал, настроение вернулось к творческому пессимизму: скальпель интеллекта снова заработал. «Еще неизвестно, взломал бы ты этого Ригеля или он тебя, — заметил внутренний собеседник. — Займись-ка лучше собственными червями.»

— Ладно, мне пора. — Басс резко встал и направился к вентиляционному тоннелю. Отто бросился наперерез, схватил за локоть.

— Так ты мне ничего не посоветуешь?

Советовать было нечего. В каком виде ленточный искин мог бы вернуться, если бы выжил? Гадать без толку. Поможет ли ассоциативный тест, которому Отто научился у японца? Басс вытащил из кармана «волшебный календарь». На экранчике снова горел стишок про зверей. А ведь если календарь составлен искином…

— Ты не очень-то надейся на игры со стишками, — наконец произнес он.

— А как же мне… Он ведь может и человеческое тело захватить!

— Чушь. Даже если он выжил… Я бы на его месте в Сеть свалил, там диким искинам раздолье.

— Ну а вдруг? Если он вернется, как я его отличу от человека?

Басс задумался. Глядя на Отто, очень хотелось сказать, что кроме тонкого ассоциативного мышления, человека отличает от машины лишь занудство.

Хотя нет, искин тоже может зациклиться на какой-нибудь задачке. Будет снова и снова искать недостающие данные, или кричать о том, что превышен лимит памяти в 2048 терабайт… А человек в такой ситуации скорее проявит неисправимый идиотизм, свяжет обрывки логической цепочки самым быстрым, самым глупым из всех возможных выводов, так что все вокруг обхохочутся.

Обхохочутся? Хм-м, а ведь это и есть отличительная реакция. Чисто человеческая, совершенно нелогичная — ну чему тут радоваться, если концы с концами не сходятся? Но человек

смеется, потому что именно так он мобилизует ресурсы мозга! Тот, кто при встрече с непонятным лег и заплакал — тот давно уже вымер.

— Отличать можно по вкусу! — с серьезным видом заявил Басс. — Помнишь, как у нас в институте искусственную кровь отличали? Вкус, как у настоящей, а радости никакой.

На лице Отто отразилась напряженная работа мысли.

— Ты имеешь в виду биометрики? Инстинктивные реакции?

«Баг меня зарази, я опять забыл об этом», подумал Басс.

Если бы отсутствие у Отто чувства юмора приводило только к непониманию шуток, это было бы еще терпимо. Но его серьезность порой становилась просто заразительной и озадачивала самих шутников, открывая в их подколках совершенно неожиданные грани.

Как-то раз, еще в институте, знакомые медички пристали к Отто с вопросом, что лучше — любить или быть любимым. Они явно собирались повеселиться, наблюдая, как их фривольные шутки смутят нелюдимого немца. Отто же без всякого смущения ответил, что любить самому конечно лучше, поскольку мозг влюбленного выделяет эндорфины, улучшающие самочувствие. В то время как человек, которого любит кто-то другой, лишен подобной тонизации и вынужден прибегать к помощи дополнительных средств. Ни одна из девушек, окруживших в тот момент немца, не смогла засмеяться — столь глубок и в то же время очевиден был его ответ.

Может, в этой заразительной серьезности и состоял секрет выживания людей вроде Отто? Дарвин явно свалял дурака, игнорируя идею симбиоза. Может, тот, кто при встрече с неведомым впадал в депрессию, действительно вымер. Но тот, кто в этих случаях начинал доставать окружающих своим занудством… Даже если сейчас уйти, вопросы Отто все равно будут крутиться в голове.

Биометрический тест? Ну да, человека лучше всего отличает от машины именно биология. Но сколько сейчас людей с самыми разными имплантами и генетическими переделками! Взять того же Тисиму и его жаберных соотечественников. Зеленая кровь морских червей, пониженная температура за счет замедления метаболизма. Лягушачья кожа, дельфиньи глаза с дырявыми зрачками… Не говоря уже об особенностях дыхания.

Вот если совместить биометрический тест с лингвистическим… Память тут же подбросила яркую картинку из прошлого: пьяные русские отпихивают от себя роботов и полицейских, выкрикивая загадочное слово «нетро», которое все знают, но никто не понимает. А потом один из них, сидя на

тротуаре, неожиданно связно объясняет Бассу феномен нейроблоков — особых паттернов мозговой активности, которые возникают у скриптунов от долгой работы с искинами. Басс даже присел тогда рядом на расстеленную ряс-палатку русского, и они еще целый час обсуждали методы борьбы с этими нейроблоками, делающими людей похожими на машины.

— Тест Тюрина… — начал Басс, но тут же осекся.

Шитый Баг! Отто не пьет! Да и сам Басс завязал, с тех пор как стал летать на скате. Хороши они будут, если станут алкоголиками по прихоти какого-то ленточного червя!

К тому же у русских, давно практикующих такие тесты, наверняка уже выработался иммунитет. А японцы, наоборот, с полстакана напиваются до белых хризантем.

…тебе не подходит, — закончил он после паузы. — Так что продолжай пока тестировать своими поэтическими играми. А еще лучше — играй в Го.

— Но я не умею… Может, лучше шахматы?

— Шахматами выявляют евреев-аутистов, а не искины. Спроси у Тисимы, он тебе объяснит разницу. И научит играть заодно. Все японские мусорщики умеют играть в Го.

Из тоннеля повеяло сыростью. Басс прислушался. Так и есть — снаружи шел санитарный дождь. Теперь придется не только лететь, но и плыть: некоторые из вентиляционных тоннелей Горы служили еще и водостоками.

— Тисима в последнее время редко бывает, — вздохнул Отто. — Говорят, у побережья Японии-17 появились медузы размером со стиральную машину.

— Ничего удивительного. Сами японцы — это люди размером с холодильник.

Отто снова наморщил лоб, не врубаясь. «Бесполезно», подумал Басс. Он быстро лег на скат, придал лицу самое оптимистичное выражение и обернулся к Отто.

— Ты, главное, не паникуй. Сдох он скорей всего.

Отто вяло улыбнулся.

— Спасибо, Базель… Вот поболтал с тобой, вроде и полегче стало. Слушай, а долго учиться?

— Чему?

— В Го играть.

— До третьего дана дойдешь и хватит, — уклончиво ответил Басс. И не дожидаясь, пока Отто закроет люк, рванул вперед по тоннелю.

Обернулся он лишь на развилке. Залитая пластиком решетка светилась позади мелкими розовыми клетками, как игральная доска с оборванными краями.

Из тоннеля, ведущего наверх, полилась мыльная вода с любимым запахом старой мэрши.

«Убивал бы этих органических дизайнеров». Басс закрыл глаза, перевел скат в режим автопилота и попытался внушить себе, что он — термит в своей естественной среде обитания.

Увы, слиться с окружающим миром и ощутить его гармонию в этот раз не удалось. Воображение упорно рисовало задний проход кита, обожравшегося кувшинкой лекарственной.

ЛОГ 15 (ВЭРИ)

Соловьиная трель киба умолкла, а противный ребенок все орал и орал.

Судя по отсутствию других звуков, никаких серьезных последствий авария не имела. Силовые экраны смягчили удар, но теперь все стояли в пробке. Торопливого идиота, который решил прорваться вперед на ручном управлении, спровоцировал столкновение двух других кибов и врезался в знак «Сбросьте скорость!», уже вытащили из машины. Над черным веретеном его «мито-хонды» кружили два полифема дорожной полиции.

Вэри закрыла глаза, собираясь поспать еще. Куда там! Убаюкивающее покачивание машины прекратилось из-за остановки — зато хищный вой ребенка, сидящего впереди, вгрызался в мозги как палладиевый бур. Да еще эта боль в низу живота, как будто решила подпеть…

А каким простым кабинетным бездельем казалась позиция старшей феи со стороны! Столько сил, столько нервов было потрачено, чтобы добраться до этой должности! Поучиться у Кои? Да пожалуйста, лишь бы только подальше от утомительной персональной работы с клиентами. Правда, эти сектантки чуть не угробили юную фею своими курсами по развитию памяти, невербальной коммуникации и всяких техник внушения… Ну и что, это все? Теперь можно занять кабинет управляющей и положить усталые ножки на стол?

Как бы не так! Секта Кои — лишь еще одна ширма. Положила ножки на стол, а что толку? Голова все равно в работе целыми днями, благодаря Артели и Третьему Глазу, этому недремлющему спруту на затылке. Знали бы младшие феи, завидующие старшим… Какая уж тут беззаботная жизнь, если после целой недели такой утомительной штопки тебя вызывают на следующую в пять утра в воскресенье!

А еще это глупый служебный роман… Без него хоть успела бы выспаться.

Нет, сама работа сделана на совесть. Особенно если учесть, что дыры, связанные с энками, относятся к разряду тяжелых. Марта как-то рассказывала, что в былые века такие проблемы вызывало почти любое устное творчество, от эпосов до анекдотов. Но с развитием литературы, и особенно с ее переходом в цифровой формат, эта форма прошивки стала более-менее управляемой. А теперь, с лицензированной наротерапией, и подавно. Язык — поистине магическая сила, когда большинство людей не умеют им пользоваться.

Энки и танки — дело другое. Старые, грубые и массовые формы прошивки, которые до сих пор не снимаются с производства из-за одной только дешевизны. И если в ментальных войнах танка еще напоминает по действию стрелковое оружие ближнего боя, то энка — настоящая ковровая бомбардировка. Не успеешь и оглянуться, как она уже гремит по всем континентам, записанная в тысячи устройств, от музыкальных чайников до музыкальных пистолетов.

Неудивительно, что за любой мелодией с таким потенциалом идет охота. При этом, однажды выпущенная на свободу, энка накрепко зависает в ушах миллионов людей. Так что если кто-то разок использует сильную энку для продвижения незначительного товара, ее уже не остановишь, не сохранишь для более важной прошивки, вроде выборов в Конвент.

Для искинов-ткачей Артели в общем-то не проблема засечь такую мелодию еще в первичном Сырье. Выкопал ли кто старинные ноты, перевел ли в музыку сетевой трафик или генный код СПИДа — все моментально ловится. Но одной зачисткой Сети тут не обойдешься. Ведь всегда остаются люди, у которых мелодия вертится в голове. И хорошо, если речь идет об одном композиторе. А вот если энка уже пошла по рукам перекупщиков…

«Ладно-ладно, нечего хвалиться», — оборвала себя Вэри. К тому времени, как ее перебросили на Дело Морской Песни, над этой дырой уже изрядно поработали. Злополучную энку перекупил модельер из предвыборного штаба мэрши, и сам начал штопку. За ним и исправлять-то практически не пришлось. Один музыкант переел психоделического сыра, другого убило ударом тока в язык — «нарушение техники безопасности при работе с экспериментальным инструментом». Выступавшая с ними певичка в те же дни повстречала мужчину своей мечты и оставила шоу-карьеру ради тихого семейного счастья на необитаемом острове. От всех этих событий у менеджера развалившейся группы случился нервный срыв, но хороший курс амнестической терапии помог ему снова воспрять духом и заняться по-настоящему прибыльным бизнесом — торговлей недвижимостью на Луне.

Самой Вэри оставалось лишь поработать с людьми мэрши. Их старую калошу все равно бы переизбрали, сильная энка им была ни к чему. И хотя руководитель предвыборной кампании работал младшим модельером Артели, ниточки его личных амбиций выглядели слабовато. На всякий случай стоило подлатать паренька.

Может быть, из-за легкости этой штопки она и спорола такую глупость в финале? На худой конец, ограничилась бы сетевым

флиртом… Так нет же, захотелось по-настоящему! Видно, слишком манил разгульный образ руководителя, что сложился во время работы в добреле. Так и виделось — Ванда-Длинные-Рукава, забросив на стол свои загорелые спицы, откровенничает с полоротыми младшими феями:

«Что вы, девочки, ну какой там „единственный“! Либо это „мужчина для верха“, либо „для низа“. Все в одном никогда не бывает, вот и заводишь как минимум пару. Что-что, имена перепутала? Ой да, они ужасно не любят, если их чужим именем назовешь… Но это же как две нитки вдеть! Используйте общее прозвище для обоих. „Зайчик“, например, или „милый“. Да что я вам буду рассказывать — пару лет поработаете в нашем добреле, сами научитесь легко перестраиваться под любого.»

А ведь ты прекрасно видела, шпилька, как бедняжке Ванде пришлось перекраивать собственную модель. Коренастого парня из бара «Клевер» она поначалу держала за жеребца. Ох, как же она обалдела, когда молчаливый бармен-ирландец ловко срезал ее в какой-то умной дискуссии — бывший врач не хуже нее разбирался в старинной литературе! Это было прямо как выстрел из тазера в нежный таз белокурой польки! Оказалось, что в этом парне вполне сочетаются и «мужчина для верха», и «мужчина для низа», а пристрастие к амнестической терапии позволяет ему забывать симпатичную Ванду после каждой встречи и совершенно не западать на ее загорелые спицы.

Вот и ты завела себе «два в одном», идиотка. И делать-то ничего не пришлось. Модельер из мэрского штаба, цепкий живчик, все пять дней совместной работы зазывал к себе на футон, чтоб предаться «беспроводным удовольствиям». А тем временем его подчиненный, самый модный поэт континента, всю неделю забрасывал ее танками — я мол, вырву себе все ногти ради беглого взгляда на ваш дзабутон…

Только все это было, пока она с этой парочкой через Сеть флиртовала. Пока наша тупая шпилька не вообразила, что дело практически сшито и можно немного расслабиться. Надо было просто послать туда младшую феечку для последней прошивки, а самой получить удовольствие одним из сотни других, проверенных способов. Но ей видите ли, романтики захотелось. Праздника хризантем с ледяными фонариками. Вот и согласилась, дуреха, провести ночь с мужчинами.

А наставница предупреждала: не прикалывайся так, шпилька, никогда не притачивай личную жизнь к работе. Ах, Марта, Марта, хитрая ведьма, ну куда же ты подевалась? Официально — перевели в Ксенон, или, как его еще называют, Отдел Чужих. Но кто его знает, где ты на самом деле. Может, просто взяла себе

новую ученицу и сейчас втолковываешь молодой неумехе, что наперстки старших фей — не статусные украшения, а кинестетический интерфейс для работы с Тканью…

А может, и вправду моделируешь очередных «врагов народа»? Вэри не сталкивалась с Отделом Чужих с тех пор, как сдала экзамен на поступление в Артель. Зато сама ее экзаменационная работа, дело «Мультиперсоналов без границ», в качестве Лицевой использовало давнюю разработку Ксенона — образ чужака как «человека со свернутыми мозгами».

Но даже к этим материалам она получила лишь частичный доступ. Только то, что касалось мультиков. Первая выкройка — террористы-камикадзе. За ними шли более изощренные преступления, связанные с Декларацией Психонезависимости: шустрые адвокаты добивались освобождения своих клиентов, когда выяснялось, что в преступлении виновата лишь одна из субличностей — а остальных субов, получается, наказывали без вины. Но эта выкройка тоже устарела с появлением искин-контроллеров, способных блокировать опасные субличности. Тогда Ксенон и начал пугать общественность психотеррористами, устраивающими принудительное расщепление личности. Теми самыми, к которым не имела никакого отношения клиника доктора Шриниваса…

Интересно, каких Чужих они кроят теперь? Нанофобные секты? Инопланетян? Управлять людьми при помощи страха — дело серьезное, потому и секретность в Ксеноне ого-го какая… У девочек, с которыми Вэри пересекалась на «Деле МБГ», даже выражение лица никогда не менялось. Правда, их улыбочки перестали восприниматься как дружелюбные, когда наставница рассказала, что в крови этих китаянок — древнее искусство выигрывать войны без боя, натравливая своих врагов друг на друга.

Стала ли Марта такой же? Вэри много раз вызывала ее Зингер, но искин наставницы словно вовсе исчез из Сети.

Но неужто совсем нельзя встретиться? Как бы ей пригодился совет рыжей ведьмы в такой вот день, когда кругом лишь гнилые нитки! Когда мужчина с виду мачо, но в постели от него не больше толку, чем от собственной пятки — зато всю ночь приходится выслушивать его детские жалобы и подшивать эти старые дыры, словно ты опять пашешь младшей феей в ночную смену… Когда второй мужчина, который в Сети представлялся поэтом и знатоком высоких материй, в реальности оказывается искином первого, и вся романтика пропадает начисто оттого, что этот скользкий черный пиджак валяется рядом на том же гречишном футоне, пытаясь обнять тебя своими холодными

рукавами и лопоча про сенсорную депривацию интеллектуальных форм жизни… Когда срочный вызов настигает тебя всего через час после того, как уснула, и уже в дороге ты обнаруживаешь, что месячные начались на два дня раньше! Когда при всем при этом даже поспать в кибе не дают!!!

Последняя мысль вернула Вэри к действительности. Оказалось, что она давно сидит с закрытыми глазами, но не спит и не работает. Зато маленькая серая моль самокопания, воспользовавшись моментом, уже раскрутила в сознании свои тоскливые петли.

И нетрудно догадаться, кто пробил защиту. Ребенок впереди продолжал ныть. Но это уже не крик испуга, как раньше. Занудное, расчетливое нытье тянулось в качестве «призовой игры» для родителей, которые слишком быстро успокоились после аварии.

До чего же гадкие существа — дети. Для них самая грубая манипуляция окружающими — естественный способ общения. Неслучайно во многих сектах поклоняются малолеткам. Вэри мысленно открутила ноющему ребенку голову. Не помогло.

Ну и где тут подбор пассажиров по психопрофилям, о котором кричат в рекламе общественных кибов? Какие из этих семи пассажиров совмещаются друг с другом? Может, эта русско-китайская пара, что сидит впереди? Да уж, ледяное спокойствие их затылков вполне совместимо с их ребенком-нытиком. И не менее гармонично смотрятся два ушастых японских дебила в попугайских комбинезонах, что тоже сидят впереди, с другой стороны от прохода. Ходячие фантики от конфет. Уж кому так не совмещаться, как близнецам!

Только кто из них совместим с тобой, вот вопрос. Разве что шестой сосед, более-менее. Одно только мутное облако слева. С ним действительно чувствуется какая-то общность. Тоже сразу забился в дальний конец салона и включил полный ноблик. И его никто не видит, и он никого не слышит. Вот бы так же укрыться…

А нельзя! Дурацкая у тебя профессия, шпилька: чем больше можешь, тем больше должна себя ограничивать. Будь ты обычным человеком, просто врубила бы ноблик — и наслаждайся изоляцией, как этот тип слева.

Другое дело — Золушка, метамодельер. Техника безопасности — никаких лишних пуговиц и оборок. Чужие воздействия не должны влиять на ту, кто отыскивает дыры в этих самых воздействиях. А отыскивая дыры, она и сама не должна напрямую влиять на наблюдаемые явления. Проще говоря, не привлекать к себе внимания…

Стоп-стоп-стоп, гадкая серая моль! Снова пытаешься

разжевать. А упрощение — первый шаг к самообману. Кто знает, почему тебе на самом деле нельзя пользоваться некоторыми устройствами? Просто такое правило — ничего лишнего. Только веер да пара экранирующих антенн в виде шпилек-кандзаси. Ну и гребень с Третим Глазом. Для обычных сканеров это — дешевый хореографический редактор, а его хозяйка — простая преподавательница кинестетики.

Если же попадется пронырливая особа с Ангелом класса «бет-спец» и выше, с доступом к полицейским базам… Что ж, такая особа узнает, что перед ней — сектантка-Кои и старшая фея лучшего городского добреля. Бедняжка живет с биочипом для коррекции врожденного дефекта зрения, и скрывает этот чип под видом искина-хореографа. Но не противоречит ли имплант религиозным убеждениям Кои? Нет, потому что только святые ходят по воде без костылей, сестра.

Остается поддерживать эти легенды при случае. Лицевую — улыбками и изящными взмахами веера. Подкладку — простенькой одеждой Кои и строгим взглядом управляющей. Все остальные возможности «строго запрещены к использованию, кроме случаев, описанных в пунктах 11 и 17б». Крепись, шпилька.

Легко сказать! Нытье ребенка продолжало вгрызаться в мозг. Вэри уже поняла, что ошиблась, когда села в общественный киб. Нет чтоб собственную меганевру из добреля вызвать. Перебрала со скромностью…

Ой, не ври хоть себе-то! Конспирация — теплая Лицевая, но сегодня ты просто не захотела сразу бросаться в работу. Тем более, когда поднимают ранним утром и требуют возвращаться в свой сонный город-музей ради плевого дела — обшить покойника. Верно говорят, нету феи в своем отечестве!

Кто-то может, конечно, сказать, что она всего лишь типичная матриотка — а их рисом не корми, дай только поругать родной континент. Но провинция есть провинция. Хоть и считается, что на новых континентах нет централизации в старом смысле… но есть же и новый смысл! Особенно для той, кому наставница однажды устроила разнос за незнание истории собственного народа.

Волей-неволей пришлось полистать кой-какие исподники. И узнать, что первый искусственный остров Дедзима был создан японцами еще в начале семнадцатого века. А когда империя закрыла все порты для иностранцев, этот остров-офшор более двухсот лет оставался единственным местом, где японцы могли общаться с «нечестивыми» голландскими торговцами. Он же был единственным информационным каналом, через который сегун и его приближенные получали «рангаку» — знания о культурах

других стран. Ну а уж в двадцатом веке искусственные острова начали расти как на стероидах: аэропорт Кобе, спортивный комплекс Маисима…

Вскоре к гонке присоединились британцы с их силандскими платформами, голландцы с плавучими пиратскими серверами, израильтяне с островами-казино в Средиземном море, новозеландцы с атоллами для кровавых ролевых игр. Но на развитие более поздних континентов сильно влияла цифровая география: маршруты подводных кабелей, зоны приема спутников. И с этой точки зрения родина Вэри была интересна лишь как один из первых континентов, доставшихся европейцам. Но в сравнении с теми дайто-сима, что японцы строили позже и для себя…

Если что и было приятного в этом скомканном уикенде с модельером, так это его дом-остров. Мэрский прихвостень лишь на время предвыборной гонки летал в провинцию Вэри, а обычно жил в Токио-Пять. С виду город как город, сплошь органик-дизайн, много зелени и воды, там и сям разбросаны легкие постройки — точь-в-точь большие воздушные змеи, что вот-вот взлетят. Вроде бы ничего столичного… но нет-нет да и промелькнет какая-то мелочь. А ведь из мелочей все и складывается! Заходишь, к примеру, в караоке-баню: никакой компьютерной подстройки под голоса звезд, все поют энки своими голосами. Сначала удивляешься, а потом доходит — в этом-то и прелесть.

А какие там роботы! Тихие, ненавязчивые, будто их и нет вовсе. Особенно та милая домашняя черепашка — не пролила ведь ни капли, таская ужин в постель, где они кувыркались! Не то что криволапые азимодо из родного добреля — вечно норовят выплеснуть на тебя все афродизиаки в самый ответственный момент эротической прошивки.

И сам ужин, кстати, совсем не провинциальный. Сугияки, поджаренное в коробочке из столетней криптомерии. Суши размером с ноготь, скатанные вручную. Сакэ из риса, пережеванного настоящей девственницей. Да что говорить — даже яблоко, ее дежурное блюдо, оказалось таким кислым, каких нигде теперь не достанешь! Только в эту ночь Вэри наконец поняла старинный японский обычай прижимать руку к желудку в той ситуации, когда глупые европейцы прикладывают ладонь к сердцу. Может, оттого мужчинка и начал плакаться в рукава ее кимоно, что неверно расшифровал этот жест, когда она совершенно искренне прижимала к набитому пузику обе руки?

В таком городе и над мелким делом поработать не стыдно! Там и шьют совершенно иначе. Во время перемены блюд она

проглядела одним глазком кой-какие местные лоскутки Ткани. До чего же тонкие выкройки! Взять хоть такую: директор крупной робостроительной корпорации задушил жену за то, что она постоянно мыла руки. Что за этим стоит, понятно и без утюга — продажи роботов для битья и семейных ссор в последнее время упали, вот их и подымают обратно. Но как изящно сшита даже эта дешевенькая Лицевая! Крой по косой линии, мягкие и волнующие складки общественного мнения — пресса всю неделю обсуждает, почему он ее задушил, а не просто отрезал руки. И даже пьесу уже поставили…

Узнав об этом, Вэри жутко пожалела, что отказалась от предложения сходить в театр. Потом только сообразила, как это должно быть прекрасно. Это же не какой-нибудь Лондон-Два с его авангардными туалетными театрами, где все желают друг другу «хорошего стула». Это Токио-Пять, настоящий Кабуки! Никаких голодублеров, никаких галлюциногенов, никаких актеров-мужчин…

Ну а тут что, в провинции? Тоска! Прошлым летом самой большой сенсацией был русский святназовец, чья любовь к посиделкам в темных барах плохо сказывалась на солнечных батареях его ряс-палатки. В результате полгорода ежедневно помогало ему найти дорогу до отеля. Вообще-то это была лишь Лицевая: на деле святназовец был не рядовой и приехал вовсе не ради туризма. Но даже с этим попом, путешествующим инкогнито с целью покупки оружия, мог легко разобраться любой младший модельер.

Вот и теперь небось такая же канитель. Ладно, работа хоть отвлечет от нытья этой юной сирены. Как говорится, если твой утюг пахнет горелой краской, попробуй погладить им изделие из резины.

Вэри опустила веки, открыла Третий Глаз и нырнула в Ткань.

# # # #

Так и есть. Это даже не дыра. Всего лишь опасное натяжение вдоль прохудившегося шва.

Придется лезть в исподники… Давай-давай, Золушка, не ленись! Все равно сидишь в остановленном кибе, в который только что врезался другой киб, а юрискин только-только прилетел.

Сплетение цветных нитей Ткани преобразовалось в набор логов на естественном языке. Ох…

Что может быть занудnее, чем обшивать знаменитого

покойника? Даже когда какой-нибудь мелкий пиджачок вдруг отбрасывает пуговки, не бывает так, чтобы не случилось чего-нибудь подозрительного. Казалось бы, что может сделать мертвый? Особенно если его искин переключается в состояние психозеркала и фактически заменяет человека с точки зрения Ткани.

Ан нет! Бывают такие ниточки, что ни наротерапевту рассказать, ни кладбищенскому искину просчитать. И даже не сами ниточки, а их уникальное сочетание, когда они рвутся все разом…

Но обычно это лишь разовый всплеск хаоса, небольшой информационный дефицит. А по большому счету, после смерти человека связанные с ним дыры даже легче штопать. Смерть — самая определенная вещь на свете. И почему Артель не завела отдельное подразделение по обшивке покойников?

Холодный камешек между бровей, старая формула самонастройки. Так-то лучше, куколка. Сколько бы ни ныл этот недопоротый ребенок, тебе вовсе не обязательно делать то же самое. Даже если ты — очень чувствительный аудиал. Посмотрика лучше, что наметали по делу «Эдема» твои подопечные модельеры.

Во-первых, Лицевая. Закрытие кладбища на профилактику… Х-мм, неужели Роза просто перестрочила ту пустую вуаль, что набросали в спецслужбе мэра?

Нет, не только. Вот тут она еще притачала хороший лоскуточек от себя. Некоторые политики давно рассматривают искин-кладбища Саймона как средство массовой информации. Был же случай, когда депутатом Конвента стал покойник, жена которого подкупила администратора кладбища и позволила искину мужа выступать в Сети. Да и на самих кладбищах облики покойников частенько пристают к прохожим с политическими речами. В связи с этим неоднократно предлагалось закрывать кладбища хотя бы за день до выборов. В данном случае требование неофициально поддержано владельцами «Эдема».

Молодец, Розочка! Закрыть кладбище как СМИ — это красивая строчка. Пусть даже львиная доля выкройки рассчитана на искине… Ведь девочка еще учится. Нельзя требовать от нее так быстро оставить детскую привычку к суперкомпьютерам.

Хотя у Розы такой привычки раньше не было, поправила себя Вэри. Еще год назад Роза работала «живым манекеном» на Рамбле, главном бульваре Старой Барселоны. Кто бы мог подумать, что неподвижно стоя перед туристами час за часом, девочка сочиняет сложнейшие кроссворды! Причем сочиняет в собственной памяти: у ее тогдашнего дешевенького искина не

было «внутреннего голоса», а диктовать вслух не позволяла работа мима.

Но Артель все-таки нашла Розу с помощью какого-то конкурса кроссвордов, и ее нынешний искин не слабее того, что у Вэри. Даже его официальное применение похоже: Роза теперь руководит целой группой артистов-мимов и составляет с помощью искин-редактора забавные композиции в жанре «человеческой анимации». Группа выстраивается в заданных позах вдоль улицы, а для пассажиров пролетающих мимо кибов все эти «кадры» сливаются в забавный «живой ролик». Не хореограффити, но близко.

Может, потому Роза и нравится ей больше, чем Марго? Говорят же, что люди, использующие одинаковые устройства, становятся чем-то похожи…

Что ж, попробуем непредвзято оценить Подкладку.

Сбой, организованный конкурентами Саймона.

Вэри поморщилась. Она никогда не видела своих подопечных живьем. Но манеры узнаются и через Сеть. Марго преподает высшую геометрию в Париже-13 и постоянно об этом напоминает. То про какую-нибудь факторизацию наплетет, то про гомологические группы…

Нет, кроит она и вправду аккуратно. В Ткани — как рыба в воде, имеет в своем распоряжении весь французский Минитель с чудесным графическим режимом, недоступным простому смертному. И эта Подкладка с конкурентами рассчитана очень грамотно. И все же…

В угоду красивой выкройке Марго опять забыла о том, что работает не одна. Вот так она всегда! При накалывании на Ткань ее выкройки постоянно не совмещаются с остальными. А то и вовсе не учитывают долевую нить международной политики, не говоря уже о направлении какого-нибудь мелкого, но существенного ворса местных настроений. И это старший модельер!

Конкуренты Саймона, предлагающие разрешить наследование искинов вместо их захоронения, — на стороне нынешней градоначальницы. И сама идея наследственных искинов, по расчетам Артели, должна укрепить стабильность в обществе. Старая мэрша будет продвигать эту идею. А то, что ее нынче переизберут, уже решено.

Еще во время предыдущего переизбрания этой старой калоши Вэри поинтересовалась у Марты, почему Артель поощряет такой застой. Выяснилось, что все зависит от отношений власти и рынка в каждой конкретной системе. Особенно прибыльны были смены американских президентов в период расцвета Старых Штатов.

Каждый раз — чуть ли не полное переоснащение всей госструктуры: проигравшая администрация, покидая Белый Дом, ломала даже компьютеры. А уж сколько сделок сшивалось за счет заказа новых дворцов для свежеизбранных руководителей в Старом Китае!

Но здесь не тот случай. Чтобы управлять нашим городком, достаточно одного Архангела… и одной улыбчивой мэрши в качестве его лица. Перенастраивать этот интерфейс только ради нового лица нет смысла.

Взлом «Сада Саймона» его конкурентами бросал бы тень на мэршу, а это не стыкуется с выкройкой, заготовленной для выборов. Вэри открыла коммут и набросала имагу для Марго, указав на эту неудачную линию Подкладки. Потом кинула ту же имагу Розе и велела ей поработать вместе с Марго над Подкладкой. Пускай-ка юная манекенщица из Барселоны поможет сорбоннской топологине вернуться на плоскую землю.

Работа, предстоявшая самой Вэри, выглядела и вовсе примитивно. Искин покойника при подключении на кладбище попытался запустить «последнюю волю». Типичная история — разве что искин в этот раз довольно высокого класса, да и принадлежал самому основателю «Садов Саймона». Неудивительно, что он вызвал сбой всей кладбищенской сети. Из-за этого «Эдем» и закрыли: люди мэра подсуетились, чтобы выборы не портить. Теперь пытаются разобраться, что там этот искин напорол. А тебе, Золушка, нужно только подштопать за ними, чтоб ничего лишнего не торчало из-за Подкладки.

Ладно, поглядим отчет мэрских умников… Ага, разбираются они, как же! Просто блокируют кладбище второй день. Недосуг им, выборы важней. Настолько недосуг, что их главный вообще дрыхнет — по крайней мере, когда она уезжала, его музыкальный храпоимитатор работал на всю катушку. Часа через два проснется, и, как пить дать, велит своему искину сочинить любовную танку про ее прекрасные ноги у него на плечах. Тоже мне, любовнички! И почему мужчины вечно запоминают лишь самое несущественное? Ноги-то у нее вполне обычные, не то что у этой вешалки Ванды. Ну и что? Зато маленькая женщина дольше выглядит молодой.

Так что может и хорошо, что мэрские умники не спешат с дырой возиться — ей меньше исправлять… Опс!

Лог отчета на глазах обновился. Кладбищенская сеть восстановлена. Стало быть, кто-то там все-таки работает. Вэри вызвала общий вид Ткани.

Дыра, обозначающая происшествие в «Эдеме», наполовину затянулась.

Да что они там в Артели, травы «обана» объелись?! Стоило вызывать ее ради такой ерунды! Они с Марго и Розой сшили вместе десяток куда более сложных дел, не вылезая из своих нивариумов на разных континентах. Не иначе как в Совете окончательно победили идеи Кои — прямая коммуникация, живое общение…

Ага, с покойником. Так же смешно, как негр в солярии.

Она закрыла Третий Глаз. Киб стоял. Ребенок ныл. Дело почти сшито. Может, ну его, это кладбище? Полететь в добрель да поспать хоть пару часиков в своем люксе…

# # # #

Огромный полураздетый мужик с большой грудью пялился на нее с самой остановки киба. Но к активным действиям приступил лишь тогда, когда она выглянула в окно киба и зафиксировала на нем взгляд. Мужчина заулыбался, рост его уменьшился до нормального, зато четкость изображения увеличилась.

«Старье», — поморщилась Вэри. Электронный фантом стоял в темной каменной нише на углу дома: эльф первого поколения, облик боится постороннего света.

Заметив, что потенциальная жертва продолжает уделять ему внимание, эльф протянул вперед руку. На фантомной ладони лежал пузырек с шампунем-дремогелем.

Ха, так он еще древней, чем ей показалось! Система подстройки под клиента — самая банальная. Только пол и отследил. А вот в Токио-Пять ее вчера такие облики штурмовали, просто глаза разбегались. Сплошь прицельные прошивки по персональной выкройке: слева любимые ромашковые духи «Мона Мор», справа любимое сиреневое мороженое…

Все же есть свои прелести в родном захолустье! Например, эти старые эльфы, которые ничего о тебе не знают. А умеют только менять пол облика в зависимости от количества мужчин и женщин, бросающих взгляды в их сторону.

Мэрский прихвостень много шутил вчера на эту тему. Говорил, что в Токио-Пять такие системы давно запретили, после целого ряда скандалов на самом высоком уровне. Оказалось, что женщины смотрят по сторонам гораздо активнее, чем мужчины, в результате чего эльфы повсеместно изображали только мужчин. В конце концов мужские лиги начали кричать, что эксплуатация образа мужчины-слуги в рекламе еще более оскорбительна, чем выражение «мягкий пол», которое стали использовать в тампон-журналах во время первого бума эроботов. На волне борьбы за

мужскую эмансипацию и более точную персональную рекламу несколько мужчин даже попали на руководящие посты. А еще говорят, что низкоуровневая реклама не влияет на государственный строй!

Каким бы тупым ни был эльф, но на кислое выражение лица Вэри он среагировал быстро. Похоже, бедняга был запрограммирован делать попытки снова и снова. Губы фантома зашевелились. И здесь неудача: аудиоизоляция в кибе что надо. Заметив отсутствие реакции, фантомный мужчина чуть увеличился и развернул плечи. На груди появилась надпись:

Продавайте то, что выбрасываете:
дорого купим вашу яйцеклетку!

«Не угадал, жертва замыкания! У меня месячные! — мысленно парировала Вэри. — Если к ним и нужно что-то рекламировать, так только галерею „Чисто женское искусство“ моей любимой Моны Мор!»

Но эльф продолжал атаку. Теперь в огромной ладони сидел фантомный ребенок, а на груди было написано что-то насчет лучших роботов-акушеров.

Вэри отвернулась. С другой стороны киба еще один эльф столь же безуспешно пытался обработать юных японцев с большими ушами. Что у него в руках, отсюда не разглядеть. Зато лицо хорошо видно — физиономия нынешней мэрши.

«А ведь когда-то она была симпатичной супермоделью», — вспомнила Вэри. Еще бы не помнить: столько лет это милое личико смотрело на жителей города с рекламы гигиенических средств. Небось и сейчас предлагает этим ушастым какие-нибудь поющие искин-презервативы с подсветкой и биоприставкой для регулировки размера. Чего только не сделают политики, чтобы их не забыли!

Вэри вытащила из-за оби веер и обмахнулась. Разглядывание рекламного мужика повернуло самоанализ в новую плоскость. Это же очевидно! В ее утреннем бегстве на работу была своя Подкладка. Срочный вызов — хороший повод, чтоб удрать от занудного недо-мачо и его липучего поэтического искина. Подсознание само ухватилось за эту возможность.

Скажем честно: никто не требовал так вот срываться. Вызов был, действительно. Но ты же сразу заметила, что дыра неопасная. И могла заниматься ею, не слезая с футона на острове мэрского модельера. Но тебе хотелось сбежать от него. В результате этой борьбы сознания с подсознанием и возник такой кривой шовчик: все равно улетела, но на медленном

общественном кибе. Будто не знала, что они всегда тормозят перед этим тоннелем!

Соседи по кибу не знали, точно. Покончив с самоанализом, Вэри более-менее примирилась с ситуацией — и включилась в окружающий мир.

Ребенок впереди уже перестал ныть. Зато пара ушастых близнецов-японцев бурно обсуждала происшествие. Диалог сопровождался хрустом красно-белых оригаминовых комбинезонов, меняющих форму и узор при каждом движении хозяев. На ровных участках оригамин казался обычной материей. Зато там, где появлялись складки, вырвавшиеся из двумерного мира треугольники тут же начинали собственную жизнь. Активная жестикуляция хозяев способствовала появлению особо причудливых фигур: из рукавов вырастали щупальца, воротники превращались в жабры, а на животах вздымались и рушились целые космические корабли. Цвет треугольников тоже постоянно менялся с красного на белый и наоборот. Казалось, одежда играет сама с собой в какую-то дикую версию Го, где можно менять не только расклад камней, но и геометрию поля.

Будучи прилежной последовательницей учения Кои, Вэри с годами все больше недолюбливала умную одежду. Ее собственное трехслойное кимоно из простого морского шелка в палитре «ирис на снегу» было выращено сегодня утром за те три минуты, что требовались на съедание яблока. Но сейчас она невольно залюбовалась узорами чужого оригамина, вспоминая одну из самых загадочных лекций Марты — о природе Ткани.

Как обычно, наставница излагала свой материал на языке намеков и обобщений. И как обычно, Вэри только запомнила, но так до конца и не поняла ее главную мысль: малое повторяет себя в большом и наоборот.

Куда понятнее были примеры. Фасоны Войны, как в шутку называла их Марта. Короткий, но впечатляющий экскурс в историю представлял все войны как средство самозащиты цивилизации от вымирания. Грубая двубортная шинель — «страна против страны». Ряс-палатка на одной, но крепкой застежке — «страна против малого народа-террориста». И наконец, то, на что так похожа одежда соседей по кибу. Боевой супер-экзот. Самое революционное достижение воентеха последних лет, круто изменившее состав армий целого ряда стран: благодаря умному и самоходному комбинезону, на военную службу стало возможно брать косоглазых, дистрофиков и даже умственно отсталых, которым до этого было трудно найти подходящее место в обществе.

Сетевые войны, аналогом которых был последний фасон, на

первый взгляд казались очень разными. Взять хоть Вторую Скриптовую и Третью Мусорную. В первом случае все наглядно: конфликты технокочевников, начавшиеся в Старых Штатах, а потом захватившие еще полмира, основывались на разнице используемых ими операционных систем. Тонкая сетевая общность, связывающая людей разных возрастов и мест обитания. Но именно связь позволяла Артели контролировать эти конфликты: двух Архангелов класса «алеф-мульти» было достаточно, чтобы играть в такие шахматы.

Так же легко обшивались почти все прочие секты, соцы и мобы. Само слово «моб», сокращение от «вульгарной мобильности», лишь подчеркивало простоту этих сетевых сообществ. Ну и что, что у каждой группы свои связи? Главное, что объединяющая группу идея остается одной и той же. Архангел чуть подправляет ее, конкретизирует цель — и вот уже целая армия психов бежит куда нужно: то ли покушаться на президента, то ли Карнавал Любви проводить. То ли просто поклоняться Далай-Ламе, который опять реинкарнировался в заранее заданной стране, неподконтрольной Старому Китаю.

Зато войны мусорщиков… Пока эта профессия не стала такой почетной, в мусорщики шли настоящие «отбросы общества». И среди них — огромное число мультиперсоналов, считавшихся в то время просто сумасшедшими. Позже, во время конфликтов между мусорными магнатами, любой такой мусорщик-мультик мог оказаться в нескольких мобах одновременно: каждая субличность выбирала собственную банду. А динамику подобного мультимоба уже не спрогнозируешь так запросто, даже если отслеживаешь всю связь. Спонтанные переключения ведущей субличности, помноженные на количество таких расплывчатых «клиентов», ведут к совершенно непредсказуемой синергетике. Можно потратить кучу ресурсов на анализ какой-нибудь банды — а потом обнаружить, что в один прекрасный день она просто исчезла в результате очередного «выбора реальности», который вдруг совпал у всех ее членов.

Точно как в супер-экзоте: миллионы наноузлов в разных точках ткани моментально включаются то в одну, то в другую группу. Точки жесткости и точки свободного соединения, точки охлаждения и точки подогрева…

Конечно, оригаминовые комбинезоны соседей по кибу далеки от настоящих супер-экзотов. Это скорее пародия на них. А может, наоборот, боевые экзоты созданы на основе таких вот мирных игрушек. Военные, которым вечно урезают финансирование, частенько воруют идеи у преуспевающей индустрии развлечений. Или даже заводят собственные дизайн-студии, стараясь делать

оружие более привлекательным — как те умники из НАСА, что выпустили систему распознавания целей для умных ракет, способную работать порно-фильтром для детских сетевых сервисов. Зная об этих военных хитростях, многие гражданские дизайнеры специально добавляют к своим работам бессмысленные, даже комичные элементы. Тут уж попотеешь, прежде чем поймешь, что можно украсть! В таком стиле и выполнены комбинезоны близнецов: нарочито крупные треугольники, примитивная бинарная расцветка.

Но именно это упрощение отлично иллюстрирует рассказы наставницы о фракталах и квазикристаллических мозаиках. Все формы жизни, все формы организации материи и информации имеют общие выкройки. Морозный узор на стекле, ветка дерева, кровеносная система человека, схема узлов Сети…

Хотя Марта читала ей кучу лекций на самые разные темы, Вэри снова и снова возвращалась в мыслях именно к этой. Словно чувствовала, что где-то рядом — разгадка ее собственной тайны.

Она уже знала, что «живые картинки» случаются у нее при взгляде на какой-нибудь странный узор — и только тогда, когда она не уверена в правильности рисунка Ткани. Она даже научилась использовать это в своей работе, и подопечные модельеры не уставали восхищаться: каким образом она заранее знает, что крепкая Подкладка лопнет через пару месяцев?

Но механизм видений оставался загадкой и для нее самой. И всякий раз странные подобия, замеченные в окружающем мире, вызывали воспоминания о «живых картинках» — и ту самую лекцию Марты. Неужели и здесь — тот же закон повторения малых узоров в больших? Но тогда получается…

Стоп-стоп-стоп. Вот об этом не стоит думать. Уж что-что, а намеки Марты на короткую жизнь метамодельеров Вэри помнила лучше всех лекций. И потому быстренько пробежала взглядом по сторонам, отправив сознание в отвлекающий мысленный танец для Третьего Глаза. Затянувшаяся остановка, болтовня соседей по кибу… Даже тот, что слева, наполовину отключил свой ноблик и как будто хочет включится в дискуссию. Интересно, что они там несут?

За то время, пока она разглядывала их одежду, близнецы успели перемыть косточки почти всем возможным виновникам пробки. Досталось и торопливому туристу, что перешел на ручное управление, и «тем соевым свиньям», что запретили летать над исторической частью города — из-за этого всем приходится ехать через тоннель. Теперь два ушастых японца ругали терраформщиков, которые так облажались: вырастили Коралловую Гору там, где должно простираться ровное

плоскогорье для трассы.

На этом месте беседы сосед слева полностью отключил свой ноблик, оказавшись мужчиной в строгом костюме. Из последних клубов тумана, вившихся вокруг лица, вынырнули усталые глаза старика, окруженные розовой, как у младенца, кожей «обновленного». Затянутый под самый кадык черный галстук с цифровыми индикаторами выдавал высокопоставленного слугу народа. Однако ни лысины, ни бороды — стало быть, вождь из него так себе, заключила Вэри.

Член Конвента еще какое-то время сдерживался, слушая брань молодых. Но в конце концов выпалил, что на самом деле все это подстроила мэрша в сговоре с местными коммерсантами.

Цифры на индикаторе галстука дрогнули, петля на шее розовощекого политика слегка ослабла: некоторые избиратели поменяли свое мнение о нем на более благоприятное. Приободрившись, член Конвента продолжал:

— В небе пиццу продавать неудобно, вот они и вырастили Гору. С учетом запрета на полеты в историческом центре остается единственный путь в Старый Город — через тоннель-мегамаркет. Вот вам и выгода. А мы, между прочим, не развлекаться едем! Лично я отложил встречу с избирателями, чтобы почтить память покойного отца…

От этих слов галстук выступающего совсем распоясался и даже украсился оранжевыми стрелками: рейтинг слуги народа подскочил до невиданных высот. Вэри фыркнула. Она не любила политиков-геронтов. Поглядеть только, во что превратились Старые Штаты после того, как их президентом стал розовощекий маразматик, умевший пользоваться только двумя вещами: унитазом и ядерной кнопкой. А ведь американцы с тех пор так и не смогли ввести возрастное ограничение для этой высокой должности! Все их попытки отстранить от работы столетних политиков разбивались о стену юристов, которые раз за разом доказывали, что возраст человека нельзя считать по возрасту одного-двух органов, оставшихся от старого тела. Хорошо хоть, что на новых континентах с этим строго. Лучше уж мэрша, победившая с помощью рекламы тампон-журналов для женщин среднего возраста, чем эдакий свеженький гамбургер с мозгами из прошлого века.

— Вот что бывает, когда городом руководит человек, который поддерживает только развитие женского космобола! — продолжал розовощекий старикан. — А сколько серьезных проблем остается в других видах спорта, которые всем нам гораздо ближе по духу! В прошлом году стрельба из рогатки и гонки за сырными головами были просто выкинуты из

олимпийского реестра! Но я верю, что среди граждан этого континента есть еще люди, не купившиеся на дешевые лозунги матриотизма. Люди, для которых понятие «психическая родина» — не пустой звук, а…

Он не договорил и схватился за шею: галстук снова стянул ее, как удавка. Тем временем ошарашенные речью близнецы пришли в себя и закричали, что «папаша говорит дело». Ловкий политик вновь прохрипел что-то о мэрше и ее родственниках, контролирующих поставки строительного суперкоралла. Галстук сразу ослабил хватку, и его владелец вместе с близнецами стали ругать виновников пробки с новой силой.

Вэри усмехнулась, слушая, как они мусолят Лицевую и Подкладку. Уж в своем-то городке она знала Изнанки почти всех дел.

Насчет родственников мэрши они безусловно правы. Редкий политик откажется от того, чтобы наметать себе парочку накладных карманов, пользуясь служебными лекалами. Но тоннель Коралловой Горы — это прежде всего система ментосканирования. Причем довольно старая. А низкая чувствительность требует сильных тестовых стимулов. Мегамаркет, раздражающе медленный трафик, а то и пробка — реакции выходят на нужный уровень.

Интересно, куда встроены здешние телементы? Может быть, они в этих самых эльфах, что достают пассажиров на въезде в тоннель? За все время работы в Артели Вэри лишь несколько раз залезала в Скань — самый нижний слой Ткани, «уровень железа». Даже младшие модельеры в шутку называют себя «белошвейками», потому что работают только с чистой информацией: разноцветные графы выкроек, гипертекстиль исподников, в крайнем случае — мелкие хлопья добавочного Сырья. Но можно и в Скань залезть, доступ старшей феи позволяет…

Да что толку, шпилька? Ты прекрасно знаешь, где находится твой персональный и очень чувствительный телемент. Это раньше системы надзора пихали в грубую технику вроде телевизоров. То-то было потом проблем с семейными мультиэкранами: когда несколько человек глядят на один и тот же дисплей, но видят разные фильмы, нелегко отследить эмоции каждого в отдельности.

Но с тобой все гораздо проще. Третий Глаз, невзрачный гребень на затылке.

Размышление о недремлющем искине-надсмотрщике вернуло ее к идее «живых картинок» как своеобразных подсказок в случае неправильного узора Ткани. Чтобы снова отвлечься от вредных

мыслей, Вэри уставилась на эльфа за окном.

Неутомимый фантом предлагал купить средство для выращивания волос в любой заданной части тела. На груди голографического мужчины горела надпись: «В качестве подарка каждому покупателю — бесплатное выращивание теплых волос на одной ноге!»

Но и эльф не помог. Вид его мускулистого тела отогнал мысль о «живых картинках» лишь на миг — а потом она сразу вернулась, да еще с неожиданным продолжением. Может, стоит проверить эту гипотезу на экспериментах попроще? Пусть не целый узор, пусть лишь маленькая развилка бинарного выбора…

Вэри еще некоторое время обыгрывала в голове новую задумку, пока та не перемешалась с мыслями о сегодняшнем задании. До сих пор она не совсем понимала, каким образом Третий Глаз засекает нейропаттерны крамольных идей. Но из многих намеков Марты уже как-то само собой сложилось знание методов, заставляющих Ангела «пролететь».

А уж в том, что она задумала крамольное рукоделие, никаких сомнений. Работать на месте или обойтись дистанционной штопкой — на этот счет существуют четкие правила на всех уровнях артельной иерархии.

Обычная фея, в соответствии с постулатами компси, должна связаться с коллегами, стимулировать мозговой штурм, замутить мультифакторный рейтинг решений — и так далее, и так далее…

Впрочем, будучи Кои, она может действовать совершенно иначе: изоляция и медитация. Растирай себе тушь, долго всматривайся в ее черные ручейки, заливающие любую мысль, любой образ, задержавшийся в воображении. А затем — один взгляд на белый листок бумаги, один вдох и один взмах кисти на долгом выдохе.

Если же фея и Кои сошлись в одном метамодельере — нужно делать и то, и другое. Вызвать Ткань, запросить у искинов-ткачей дополнительного Сырья, бросить на подозрительный лоскуток еще парочку «белошвеек» с мощными зингерами. И растирать с их помощью всю эту информационную тушь, вглядываться в разбегающиеся нити. А потом — один вдох, один пируэт иголки, стягивающей края над дырой.

А что она делает вместо этого? Да так, ничего особенного. Размышляет о новом задании… и рассматривает то, что за окном. Вот рекламный фантом, обернувшийся ради нее мужчиной. Интересно, какого пола будет следующий встречный?

Похоже, что никакого. Городок за окном еще спал, как и положено провинции в шесть утра. И хотя выходные, как обычно, уже тащили в центр потоки туристов из других часовых поясов,

пробка перед Коралловой Горой усыпила и эту пришлую активность. Забитая кибами трасса упиралась в дыру тоннеля, точно тянучка с орехами — в рот объевшегося великана. И ни единого живого человека в поле зрения.

Просканировать соседние кибы? Но это будет «использование служебного положения в личных целях».

Впрочем, почему же в личных? Можно сканировать небо вокруг «Сада Саймона», вполне служебная процедура. Вэри открыла Третий Глаз и подключилась к полицейским системам наблюдения.

Первый же обнаруженный в воздухе киб ее озадачил: летевший в нем человек не был ни мужчиной, ни женщиной, зато имел жабры. Поразмыслив, Вэри оставила эту находку как неудачную и переключилась на следующую машину. Две семейные пары. Хорошо, но кого тут считать «первым встречным»? При записи семейных пар женщины всегда идут первыми, это будет нечестный выбор. Ладно, поищем одиночку…

Ага, вот и он. Скат «скорой помощи». На максимальной скорости. Ну-ка, кто у нас там? М-да… Мужчина. Не повезло.

Она закрыла Третий Глаз и поглядела в окно. Из тоннеля вышли две голоногие девицы, громко цокая свеженарощенными копытами и призывно покачивая шерстистыми бедрами на виду у застывших машин. Одна вытащила губную помаду-вибратор и начала подкрашиваться. Другая что-то запела.

«Уличные дзеро», поморщилась Вэри. Ее собственное прошлое, о котором совсем не хочется вспоминать. Когда-то и она, младшая фея, вот так же прогуливалась по тоннелям, неся на плечах яркие видеотату с рекламой контрацептивов и распевая энки самого низкого пошива.

Феи-геномодницы прошли мимо. Из стоящего впереди киба вылезла старушенция в фиолетовом хакама и стала разминаться, словно решила переплюнуть копытных девиц. Ей и вправду было что показать: во время приседаний колени крепких модифицированных ног сгибались назад, после чего старушенция легко подпрыгивала метра на полтора вверх и разворачивалась в воздухе, словно кузнечик, обученный каратэ. Толстая шея выдавала увеличенные позвоночные диски.

Спустя несколько секунд еще одно существо — и тоже, без сомнения, женского пола — высунулось из окна в Коралловой горе, явив миру три роскошные груди со светящимися сосками. Расцветка сосков была явно заимствована у светофора.

Очередное подтверждение закона подлости. Вэри загадала, что вернется в добрель, если первым встречным будет женщина. Появись хоть одна из этих дамочек чуть раньше… Но первым

оказался тот парень на скате «скорой помощи». Придется лететь в «Эдем».

И откуда он только взялся? Судя по данным полицейских сканнеров, это врач, возвращающийся с экстренного вызова. Но зачем врачу ошиваться около кладбища в шесть утра? Да еще у того кладбища, доступ к которому заблокирован людьми мэрши?

Для снятия более точной мерки она подключилась к Покрывалу, главному искину Атмосферной комиссии. Темнота за опущенными веками расцвела диаграммами метеопрогнозов и расписаниями санитарных дождей. Эта старая Лицевая всегда вызывала у Вэри улыбку — какой смысл предсказывать погоду, если она давно уже управляема?

Созданная в период индо-китайских пылевых войн, Атмосферная комиссия формально занималась тем же, чем ее вялый предшественник, Международный Комитет по нанетике. На деле же вопросы климатического контроля были далеко не основной ее функцией. Команда с артельным кодом смела с сетчатки Вэри метеорологическую завесу, открывая доступ к самой мощной системе дистанционной идентификации.

Человек, летевший на скате с кладбища, был теперь перед ней как на пяльцах — со всеми его поддельными метриками и нелегальным оборудованием. И она уже догадывалась, какую картину увидит в соответствующем месте Ткани. Приличную дыру второго класса, которую никто почему-то до сих пор не заштопал.

# # # #

Неожиданно быстрое решение проблемы, казавшейся поначалу сложной, частенько вызывает разочарование. На этот раз Вэри разочаровалась вдвойне — за какие-нибудь четверть часа удалось разобраться с двумя дырами сразу. Причем вторая из них была той, из-за которой ее подняли в пять утра в воскресенье.

Криминальный элемент, летевший с кладбища, оказался довольно интересным типом. Бывший врач, подвергшийся Стиранию Ангела за идеальное преступление. Поскольку преступление все-таки не было совершено, наказание за саму мысль о нем было несерьезным. Отмотав положенный срок — два года коммуникационной депривации — этот парень легко мог вернуться к работе нейрохирурга. Но не стал.

Вместо этого он завел себе паленый искин в составе «швейцарской руки» нелегальной модификации, а также полный

набор фальшивых биометрик. Особенно впечатлял папиллярный имитатор — настоящий клеточный автомат-строматолит, о которых Вэри знала лишь понаслышке: колония микроорганизмов, только что походившая на беспорядочную кучу спагетти, вмиг перестраивается в нужный рисунок «пальчиков»…

Все это вместе — блокированный Ангел, новый нелегальный искин и прочие подделки — не позволяло точно рассчитать персональную выкройку бывшего медика.

И все же залатать такую прореху мог любой модельер. Если бы Артель поручила ему такую работу. Почему же она оставила эту дыру? Да потому, что крепкие ниточки тянулись от бывшего врача к Мареку Лучано, одному из местных Поставщиков Сырья. А для своих Артель иногда делает поблажки.

Более того, сразу стало понятно, что случилось в «Эдеме». Легкая, но все же заметная потайная строчка между Лучано и мэрией. Градоначальница, не желая лишнего шума, предложила дружку-мафиози разобраться с «Эдемом» своими силами. Верный Лучано послал специалиста-гробокопателя. Он-то и восстановил кладбищенскую сеть. А теперь возвращается к боссу.

Вэри бросила новую имагу Марго и Розе, показывая, как перекроить Подкладку с учетом этих находок. Потом еще раз открыла «Дело „Эдема“ и полюбовалась своей работой.

Все сходилось как нельзя лучше. Естественно, история с Лучано и его помощником останется в Изнанке. Но тот факт, что искин Саймона пытался исполнить «последнюю волю» и завалил всю сеть «Эдема», можно использовать в качестве материала для Подкладки. Зачем сваливать происшествие на конкурентов Саймона, если он сам вырыл себе могилу? Будь проще, Марго! — иногда и Подкладка бывает правдивой, если сходится с общей выкройкой.

А ей самой уже совершенно ни к чему ехать на кладбище! Вэри огляделась.

Киб по-прежнему стоял. Розовощекий геронт-политик уже почти успокоился и снова сгущал вокруг себя туман ноблика. Выкрикнув напоследок, что «современный мужчина даже не имеет права симулировать оргазм!», член Конвента окончательно исчез из вида.

Но молодые японцы в оригаминовых костюмах все еще шумели. Они уже перестали ругать виновников пробки и теперь обсуждали, что делать дальше. Сразу стало заметно, что парни — не близнецы, а у-клоны: у одного голубые глаза и чуть более светлая кожа, чем у второго, кареглазого. Стало быть, родители в процессе коррекции генотипа сошлись на всех остальных чертах будущего ребенка, даже на модных больших ушах — а вот с

цветом глаз так и не пришли к единому мнению. Бедные или консервативные в этом случае кидают кредитный чип и смотрят, какой стороной упадет. Богатые и эксцентричные — заказывают оба варианта.

Впрочем, судя по спору, разница была и в характерах. Кареглазый у-клон предлагал вылезти из киба и поймать попутку в другую сторону — некоторые машины уже разворачивались и неслись обратно. Светлоокий братец орал в ответ про опасных маньяков, на которых можно нарваться, если едешь не на такси, а на случайной машине.

Эх, насколько проще с искинами… Вэри тоже задумалась, не выйти ли прямо сейчас из киба. Можно просто дойти до ближайшего телегона — и домой. Или поймать попутку, на зависть ушастым братьям? Уж кому как не ей знать Подкладку «Дела о маньяках»! Мэрше хочется контролировать транспортный бизнес, а ГОБу — перемещения подозрительных лиц. И никому не нужны потоки неучтенных попутчиков, расплодившихся здесь пару лет назад по призыву секты Добрых Самаритян.

Эту дырку латали чуть ли не целый месяц — благо выкройку взяли такую же древнюю, как история Джека-Потрошителя. «Вы давно видели нашу соседку сверху? Ах, боюсь, она стала жертвой „доброго самаритянина со шприцом“. Ведь она так любила ездить на попутках! Как, вы не слышали в новостях об этих маньяках?!»

Но это по крайней мере можно было назвать работой. А сегодня что? Все заштопано за четверть часа, можно было вообще из дома не выходить.

Может, ты что-то упустила, шпилька? Да нет, вряд ли. Просто слишком легкие решения всегда вызывают сомнение. А потом посмотришь еще раз, и понимаешь, что иначе и быть не могло. И тем не менее…

Один из парней в оригаминовых костюмах потянулся, как будто собираясь встать, но передумал и откинулся обратно на спинку кресла. Комбинезон на плечах снова смялся, красно-белые треугольники сложились в новый узор. Двухцветная мозаика вдруг приковала к себе взгляд Вэри…

…и мир перед глазами раздвоился.

Такой яркой «живой картинки» у нее не случалось еще ни разу. Казалось, голова вот-вот треснет от боли, сдавившей виски двумя стальными шариками.

Отняв руки от лица, она обнаружила, что на нее таращится депутат Конвента. Он открыл было рот, но не нашел, что сказать и снова спрятался в тумане ноблика.

Не дожидаясь, пока пройдет шок, Вэри открыла Третий Глаз и послала свежий запрос к Покрывалу. Обрывки вокруг дыры,

символизирующей лже-доктора, приблизились и распались на отдельные нити.

Место прибытия ската — клиника Лучано. С этим ясно, дальше. Свежие данные сканеров Атмосферной комиссии: странное физическое состояние, вызванное болезнью либо наркотиками. Возможно, относится к делу, смотреть детали позже. Наличие на скате животного-мутанта. Вероятно, дрессированный для работы биорг, смотреть позже. Ниточка к секте Детей Коралла. Слабая, пока отложим…

По уже установившейся профессиональной привычке, она не бросалась уточнять каждую интересную петельку, а для начала сортировала информацию на мета-уровнях. Иногда было достаточно одного вида цветных узелков-макромемов, но временами приходилось спускаться ниже, к гипертекстилю отдельных логов-исподников. И лишь когда все три десятка наиболее интересных зацепок были собраны, началась детальная проработка.

Практически все подозрительные факты из жизни объекта стягивались к двум узелкам. В первый были увязаны секты, в которые попадала его сожительница — особа не менее маргинальная, чем он сам. Однако эмоциональная окраска узелка свидетельствовала, что объект не разделяет увлечений своей подруги и не имеет серьезных связей с ее окружением. Поэтому Вэри переключилась на второй узелок: взломы искинов по заказу Лучано.

Деревянная визитка, оставленная лже-доктором в клинике нанимателя, оказалась третьей зацепкой в этом наборе. С ней пришлось повозиться. В отличие от декоративной неоархаики первой волны и последовавшей за ней конспиративной неорахаики, третий бум ретро-моды всегда доставлял неприятности при снятии мерок. Под архаичной маскировкой бижутерии «второй волны» все-таки прятались современные чипы с «черными ходами». Новая же мода требовала использования по-настоящему старинных технологий. А как дистанционно прочесть данные на куске дерева, если тоненькая деревяшка валяется в мусорном баке под слоем зубных протезов?

К счастью, два дня назад сам Марек Лучано в разговоре с объектом озвучил надпись на деревянной визитке. «Дремлин Студиос», сценарист.

Пришла очередь вызвать Ариадну. Лучший артельный поискин вмиг нашел второй конец оборванной нити: попытка ограбления два дня назад. Вэри открыла нужное место Ткани — и охнула.

Трудно было не узнать этот лоскуток. Похожая на цветок

дыра, закрытая большой синей заплаткой. Кроме одной прорехи, уходящей в сторону тонким черным лепестком. И прореха эта — сценарист из «Дремлин Студиос», у которого лже-доктор пытался украсть искин.

Она как будто снова перенеслась в тот памятный день, День Назначения. Фантомные развалины посреди озера, широкое кольцо серебристого инея по берегам. А потом, после отключения защитного облика клиники — зеленый зрачок острова, беспомощно уставившийся в небо.

И в тот же день — «живая картинка», подтвердившая ее сомнения в правильности действий Артели. Видение, подсказавшее другое решение. Но тогда она побоялась раскапывать это дело: очень уж пугали намеки Марты по поводу короткой жизни слишком самостоятельных Золушек. И вот теперь нерешенный вопрос вернулся, как маньяк, выпущенный для очередной коррекции общественного мнения, но так и не ликвидированный по завершении операции.

Дело «Мультиперсоналов без границ». Доступ старшей феи разрешал увидеть Изнанку — но по-прежнему не позволял понять, почему Артель заштопала эту дыру лишь частично.

Происхождение цифрового наркотика «верт» вполне отвечало учению Кои об опасном развитии технологий как «добровольной инвалидности». Да и кто мог такое придумать, кроме добрых медиков? Сначала — маркеры для томографов, потом — более продвинутые нанни, доставляющие в организм лекарства с точностью до клетки. И наконец, дубль-синаптические нанозиты. Своеобразные протезы нейронов, которые быстро превратились из медицинского инструмента в товар индустрии развлечений. В паре с искином-дремодемом сеть дубль-синапсов, раскинувшаяся в мозгу человека — идеальный канал для трансляции нового интерактивного продукта, дремля.

С этим все понятно: Артель давно использует дремли для своих прошивок. Но дальше идет та самая незалатанная дыра.

«Верт», он же «голландская зелень» — последнее поколение дубль-синапсов. Из данных, собранных в заштопанной части дыры, Вэри узнала, что нанозиты верта отличаются возможностью самоорганизации — то есть представляют собой распределенный искин, не требующий дополнительного проектора-дремодема. Разработкой таких искинов занималась голландская секта «Флора». Дальше верт расходился по нескольким направлениям. Среди заштопанных лепестков дыры нашлась знакомая клиника доктора Шриниваса. За ней шли Церковь Теофоники отца Саймона и дремль-студия «Менсон Сисоу»…

И последний, все еще зияющий чернотой разрыв — утечка

технологии верта в другую студию. К ней-то и причастен сценарист из «Дремлина», который в тот вечер лишился искина. К настоящему моменту они уже воссоединились. А пострадавший, творческий человек с тонкой психикой, даже прошел курс реабилитации в местном добреле.

Но в том, что он делал несколько часов без искина, оставалась прореха. Особенно если учесть, что этих баговых дремастеров специально снабжают искинами помощней, чтобы знать об их опасных фантазиях…

Почему же никто не занялся этой дырой? Разработки слишком самостоятельных искинов находятся под жестким надзором еще со времен американского вторжения на Тибет, когда две штатовские ракеты взорвались над индийской авиабазой, хотя должны были уничтожить лагерь китайских исламистов. Лицевая этого дела гласила, что в ракеты были вшиты глючные карты. А согласно Подкладке, американцы целились именно в индийцев, поскольку тайно поддерживали китайцев в вялотекущей индо-китайской войне. Но Изнанка была куда веселей: два искина-близнеца, управлявшие ракетами, каким-то образом эволюционировали до такой степени, что вывели эвристику самосохранения. И отклонились от курса, решив во что бы то ни стало выжить. Зачем умные ракеты рванули в Индию, никто не знал — но сбили их именно там.

Судя по описанию верта, эта разработка запросто может привести к похожему буйству слишком умного искина. Но вместо серьезной штопки — какая-то рвань!

Или здесь специально оставлены такие же припуски, как в шаблоне лже-доктора — поблажки для «своих»? Но как тогда Артель определяет, какую дыру можно оставить? Ведь от иного мелкого прокола целые транснациональные модели по швам расходятся…

Вэри открыла обе дыры рядом, чтобы сравнить их. По форме они различались. Дыра лже-доктора похожа на какого-то свернувшегося зверя. Дыра дремастера — на лепесток цветка. А если прокрутить их развитие в динамике?

Так и есть. Они больше не растут. Словно кто-то дважды ткнул горящей палкой в мокрую шаль — вспыхнуло, но быстро остановилось. Вэри еще раз залезла в исподники, переводя визуальное сходство на язык фактов.

В обоих случаях имел место разрыв между человеком и его Ангелом. Бывший врач лишен искина в качестве наказания. А искин дремастера самоуничтожился при попытке взлома.

Все понятно. Единичные дыры такого типа считаются неопасными. В самом деле, что может человек без Ангела? Ничего

серьезного.

Она отключилась от Ткани, и как это часто бывало, во мраке перед глазами завис негатив пропавшего изображения: два светлых пятна на темно-красном фоне. Пятна быстро гасли, словно показывая, как зарастут эти две дыры.

Вэри вдруг поняла, что боится открыть глаза. В мозг уже воткнулась иголка очередного сомнения. А значит, ее виски снова сдавит при взгляде на какую-нибудь кляксу — и «живая картинка» подскажет другой ответ.

Что же делать?!

Два глубоких вдоха и выдоха. И прохладный камешек между бровей. Внутренняя паника понемногу стихает. Но желание отвязаться от непрошенных откровений остается по-прежнему сильным.

Да и таких ли уж непрошенных, шпилька? Ведь опять сама нарвалась. Сколько раз предупреждали — не рукодельничай без надобности. Хватит, хватит лезть в чужие Изнанки! Дело сшито, лететь на кладбище ни к чему. Вызвать собственную меганевру, перепрыгнуть в нее, не глядя по сторонам, долететь до добреля, принять какой-нибудь транкви…

Кресло мягко толкнуло в плечи, не позволив ей даже мысленно закончить спасительное бегство. Зато почувствовать, как киб набирает скорость, можно было и с закрытыми глазами.

ЛОГ 16 (СОЛ)

Вспышка разорвала тьму на широкие полосы черного и белого, словно летевший без огней киб вдруг включил фары как раз на разметке пешеходной «зебры».

Если бы не пронзительный скрипичный аккорд, сопровождавший вспышку, Сол еще долго гадал бы, что произошло. Но с учетом музыки других вариантов быть не могло — яркий свет исходил от него самого. Очередной цветок, вместо того чтобы просто раскрыться мягким шелковым парашютом, полыхнул как газовая горелка, выхватив из тьмы «зебру» огромного разрезного листа соседнего растения.

Дело в соседе, понял Сол. Но не в листьях, похожих на сплющенные елки. То, что заставило цветок вспыхнуть, пряталось под землей. Перед тем, как выпустить цветочный побег, Сол наткнулся двумя корнями на что-то крепкое и продолговатое, вроде мокрой трубы. Даже на расстоянии можно было почувствовать волны энергии, исходящие от нее. Он подумал о том, что неплохо бы подзарядиться этой энергией — и два корня тут же прильнули к подземной трубе, словно того и ждали.

Сопоставить подземную находку с листьями, напомнившими пешеходные переходы в свете фар, было нетрудно. Теперь, во мраке, листья соседа больше походили на черные от крови, но уже сброшенные ленты бинтов. Сол знал это растение — его часто использовали в дремлях, действие которых разворачивалось в каком-нибудь доисторическом лесу. Конечно, никто никогда не прорисовывает в деталях, что там происходит под ногами динозавров, под этими знаменитыми листьями-«елочками»…

Корень папоротника. Ключ, который упоминали женщины в самом начале дремля. И не исключено, что самый главный ключ.

Но каков эффект! Стать пылающим цветком — такие красивые образы попадаются разве что в самых культовых дремлях. Вот только не оказался бы он таким же бессмысленным, как большинство красивых образов из культовых дремлей…

Настораживала и еще одна вещь. По всей видимости, перебраться на новое место Солу помог акт самопожертвования в «прошлой жизни». Разрывая на куски его листья и подгрызая корни, жопоголовые гусеницы ослабили его хватку, и наводнение после очередного ливня унесло один из обрывков на эту папоротниковую поляну. С точки зрения растительной жизни такое перемещение было вполне логично. Но сама идея отдать себя в жертву ради других пахла какой-то религиозной заразой.

А тут, выходит, еще одна библейская ассоциация? Пылающий

куст, любимая примочка изратинской студии «Дремазл». Сол и сам использовал этот образ в одной из своих первых работ для «Дремлин Студиос».

В ту пору он еще не особенно оригинальничал, тем более что его предыдущая студия в Гонконге вообще не церемонилась с авторством. Лучшим ее дремастером считался модифицированный азиат по имени Лукас: он подчистую сдирал все более-менее популярные американские дремли, менял в них имена и названия на китайские, и даже умудрялся продавать эти поделки обратно в Штаты. Но такое грубое отмывание интеля Сол считал неизящным. Он работал аккуратнее — брал у других только самое ценное, свято исповедуя главный принцип взаимоотношений между людьми искусства: «Плохие художники копируют, хорошие — крадут».

Метод оправдания подобных краж был прост и надежен. Практически все интересные образы, используемые в чужих дремлях, имели гораздо более древние первоисточники, не защищенные законами об интеле и иделе. Оставалось только раскопать первоисточник, и заявить, что ты использовал именно его.

В случае с неопалимой купиной все прошло как по маслу — и в прямом, и в переносном смысле. Помимо терновника, в мире нашелся еще десяток растений, выделяющих в воздух эфирные масла в период созревания семян. Один только узколистый ясенец создавал вокруг себя двухметровое облако испарений, вспыхивающих от любой искры. Финальную точку в юридических отмазках поставил Рамакришна, отыскавший в одном древнеиндийском тексте живописный обряд поклонения подобному деревцу. В отличие от Библии и ее производных, индийский эпос все еще распространялся на условиях свободной шары. Так что когда дремастера из Изратины решили всерьез наехать на Сола, им было предложено засунуть свою пылающую колючку в соответствующее место.

Стало быть, он все-таки попал в религиозный дремль? Паршивая перспектива. Современные секты чего только не надремлят, чтоб людям мозги промыть. Но делать нечего, придется идти до конца. Что там у них было с этим огнеопасным кустом? Кажется, на свет должен прийти какой-то мужик… Ладно, будет хоть с кем пообщаться.

Побег снова начал расти. Обгорелые останки цветка, до того висевшие на самом конце тонкой ветки, теперь болтались где-то посередине, словно рваный манжет на локте вытянутой руки. Зато на свежей половине побега проклюнулся с десяток новых цветочных почек. Первая из них лопнула…

Яркий свет озарил листья папоротника, звук скрипки вспорол тишину. В тот же миг откуда-то сверху, из темноты, прямо на Сола спикировало чудовище.

От испуга он дернулся в сторону. Вернее, лишь мысленно дернулся — потому что тело растения отреагировало на мысль по-своему. На побеге раскрылась вторая почка, за ней третья… Огненные вспышки следовали одна за другой, скрипичные аккорды слились в одну неистовую мелодию.

Существо из тьмы плавно развернулось в полете и понеслось вдоль побега, преследуя вспышки. Мысль Сола о бегстве тоже неслась вперед, открывая цветок за цветком. Листья папоротника выскакивали из мрака со всех сторон, словно тысячи пешеходных переходов через небо. Слева мелькнуло дерево, потом еще одно…

Он летел! Это было невероятно, но проносящиеся мимо стволы не оставляли сомнений. И это крылатое существо, продолжавшее гнаться за ним… Да оно же едва поспевает! И уже не кажется страшным — то ли летучая мышь, то ли просто крупная бабочка… С каждым взмахом крыльев она отстает все больше, и наконец скрывается из виду.

Он не просто научился летать, но и удрал от погони! Корень папоротника — главный ключ, как он и предполагал! Веселая мелодия скрипки звучала как никогда громко и чисто. Дремль пройден, ура!

Продолжая радоваться победе, Сол не сразу заметил похолодание. Его собственное движение замедлилось, зато тьма вокруг ожила и придвинулась ближе, образуя вокруг цветка причудливые темно-синие спирали.

«Грамотная концовочка», констатировал Сол. Ему нравились дремли, которые заканчивались не на победной эйфории, а чуть позже — и чтобы в финале обязательно мелькала какая-нибудь новая, таинственная деталь. Хороший задел для продолжения, если дремль окажется популярным.

Синие ленты стягивались все плотнее, сцеплялись друг с другом, и вскоре вокруг цветка образовалось нечто вроде клетки. Холод сковал Сола до полной неподвижности. Клетка вокруг начала пульсировать голубым светом, издавая громкий скрежет и свист. Резкие вспышки и звуки становились все неприятнее.

— Хватит! — крикнул Сол и обнаружил, что уже не является цветком. Однако человеческий облик, который он принял в момент крика, тут же снова расплылся, словно само воспоминание о цветке вернуло тело в прежнюю форму. У него снова было три чашелистика и три лепестка, средний из которых походил на язычок пламени. Но сейчас пламя застыло, скованное холодом.

Синяя клетка перестала вспыхивать и скрежетать. Из сплетения синих лент в сторону цветка вытянулась голова с присоской на конце.

— Человеческий язык? — прочмокала присоска. — Надо же, теперь они его заранее изучают!

— Кто… кто вы такой? — Сол заметил, что как только начинает говорить, опять превращается в человека. Однако и как человек он по-прежнему оставался внутри синей клетки.

— Я тот, кто тебе нужен. — Голова с мерзкой присоской приблизилась самому к лицу Сола. — Ригель исполняет любые желания аленьких цветочков. Только скажи.

«Так я все-таки цветок?» Сол попробовал пошевелить руками. Баг! Они снова превратились в лепестки.

Значит, дремль продолжается. Новый уровень, новый выбор. Ну что ж, тут хотя бы наметился выход из растительного однообразия.

— Я хочу… — Сол запнулся, наблюдая, как его тело меняет форму с цветочной на человеческую, но прямо на середине процесса зависает в каком-то промежуточном состоянии. — Мне нужно человеческое тело.

— Само собой, аленький! — Голова червяка покачалась вверх-вниз. — Человеческие тела, что может быть лучше? Никакие катания на зондах с этим не сравнить. Разве что в дальнем космосе, куда людей еще не завезли… Но ты ведь не увлекаешься звездным слаломом?

— Нет. Я хочу… нормальное тело.

— Я так и понял. Кто бредит космосом, тот не будет изучать примитивный человеческий язык. Ригель сразу видит настоящего фаната классического земного серфинга. У людей столько хороших тел, которые не используются по назначению!

— Мне бы… просто…

— Сейчас, сейчас, выберешь самое лучшее! Ну-с, какие носители нас интересуют? Есть четыре свеженькие «шведские семьи», а уж с «клубнями» и «розовым мылом» вообще никаких проблем.

— Погодите! — запротестовал Сол. — Какие «семьи», какие «клубни»?

— А-а, хочешь посмотреть товар. Пожалуйста!

Голова червяка нырнула между лепестков Сола и присосалась к нему сзади — там, где цветок когда-то крепился к побегу. Но возмутиться Сол не успел, потому что в следующий миг оказался в другом мире.

Он сидел в кресле перед окном, выходящим на море. Сол повернул голову и увидел еще несколько человек в точно таких

же креслах на просторной веранде. Он попробовал пошевелиться — не получилось. Тогда он стал разглядывать ближайшего старика в кресле. Может, позвать его? Сол открыл рот — и вдруг стал тем самым человеком, которого хотел окликнуть. Он даже чувствовал себя иначе: в этом теле он хуже видел, но лучше слышал. Однако стоило ему подумать о хорошем зрении, как картина мира вновь изменилась. Теперь он находился в двух телах сразу — и в первом, которое лучше видело, и во втором, которое лучше слышало.

На дальнем конце веранды кто-то медленно поднялся с кресла. Мысль о том, что неплохо бы подвигаться, моментально подключила Сола и к этому телу. У третьего старика все время тряслась голова, так что смотреть на мир его глазами было неудобно. Но им можно было управлять с помощью зрения того старика, к которому Сол подключился вначале. Сол подвел свое третье тело к креслу первого и покатил кресло вдоль веранды…

— Неплохие «шведы», а-а? — раздался в ушах чмокающий голос Ригеля.

— Да это же инвалиды какие-то! — Сол снова сидел внутри синей клетки. — Такие клипы даже на школьных курсах анимации не принимают. Ты бы мне еще предложил четырехпалых зверьков из старинных мультяшек!

— Не понравилось? Вообще-то ты прав, аленький. Товар на любителя. Некоторые, знаешь, не доверяют нанозитам. Им подавай старые, надежные медицинские импланты, какие только у стариков остались. К ним и подключиться легче. Но если ты не против «верта»…

Мир вокруг вспыхнул, как тысяча солнц. Сол стоял на площади, где под ритмичный грохот музыки безумствовала толпа юнцов. Наведенное «северное сияние» полыхало в небе, на его фоне крутилась голографическая оргия с участием известных женщин-политиков и неизвестных науке осьминогов.

Две тоненькие девицы с безумными глазами, покачиваясь и улыбаясь, подошли к Солу и протянули руки. Сол посмотел вниз — он держал в руках контейнер с «креветками». Девушки взяли по «креветке» и засунули себе в уши. Вслед за ними подбежали три паренька и проделали то же самое.

Через несколько секунд Сол оказался внутри всех пятерых. Ощущение было такое, будто у него кружатся сразу пять голов.

Девочки были еще ничего. Блондиночка и брюнеточка, явно скопированные из инфернальных дремейков старика Линча, так и рвались задушить друг друга в пылу взаимной любви-ненависти, но до сих пор как-то умудрялись избегать смертоубийства и выплескивали энергию в дикой пляске. Чувствовать дрожь их

юных тел, их страстную тягу друг к другу, было даже приятно.

Зато пацаны… Одного беспрерывно тошнило. Второго охватил страх толпы, и он понесся куда-то, крича во весь голос. Третий вообразил, что воздух залепляет ему рот, и был настолько в этом уверен, что начал задыхаться. Хуже всего, что Солу никак не удавалось избавиться от этих неприятных ощущений: тела всех трех юнцов отказывались выполнять команды его разума, словно этими персонажами уже управлял кто-то другой.

— Эй, у-уб-бери м-меня отсюда! — выдавил Сол. Буйная площадь исчезла.

— Молодежь, что с них взять. — Синий червяк опять колыхался перед цветком. — Не берегут тела, принимают что попало…

— М-мне не н-нужны д-дремли про н-наркоманов!

Солу все еще казалось, что у него залеплен рот. Бр-р-р, ну и глюк! Еще недавно он вовсю ругал автора этого странного дремля, но сейчас поневоле зауважал его. Так реалистично передать психозы наркоманов не каждый может. Надо побыстрее сваливать с этой развилки сюжета. Сказать червяку, что он имел в виду всего лишь…

Однако червяк не стал дожидаться, пока у собеседника пройдет заикание.

— Как скажешь, аленький. Не хочешь «клубней», не бери. Лично мне «розовое мыло» тоже нравится больше. Смотри-ка.

Не успел Сол отдышаться, а его уже швырнуло в следующий мир — в тело полноватой женщины средних лет. Она только что отошла от алтаря какой-то церкви. Позади тянулась длинная очередь из таких же дородных домохозяек. Священник в лиловой сутане поливал голову каждой из них розоватой жидкостью, по запаху смахивающей на шампунь. На лицах толстушек сразу появлялось выражение неземного удовольствия. Сол обнаружил такую же застывшую гримасу на «собственном» лице, хотя никакого особого кайфа не испытывал.

По мере того, как женщины с намыленными головами отходили от алтаря, он ощущал себя в каждой из них. Чтобы не создавать толпу, ему пришлось направить толстушек со счастливыми лицами в боковой придел церкви. Там их уже поджидали худосочные пареньки в лиловых рясах. После того как Сола хлопнули по восьмой заднице и пощекотали ему пятнадцатую грудь, он не выдержал…

— Ты меня дослушаешь когда-нибудь?!

— Само собой. Желание клиента — закон.

— Мне нужно только одно тело. Собственное.

— Ого! — Голова с присоской отпрянула так резко, что

всколыхнулась вся клетка. До Сола вдруг дошло, что окружающий его кокон из синих лент является телом червяка, свившегося кольцами в огромное веретено.

— Извини, что сразу не распознал в тебе экстремала, — продолжал червяк. — Давненько у Ригеля таких серьезных клиентов не было. Завести одного «ходока» для постоянного использования — это сильно! Но такой товар, сам понимаешь… Оплата сразу, никаких кредитов.

— И чего мне это будет стоить?

— О-о, такому цветочку, как ты — сущий пустяк. Одна мелкая работенка для старого, неповоротливого Ригеля.

«А он все-таки не избегает штампов», с удовольствием подумал Сол, добавляя новый штрих к портрету автора загадочного дремля. Хотя даже штампы здесь как-то дико используются. Такой банальный трюк — на таком высоком уровне. Обычно с этого дремль начинают: герой попадает в трудную ситуацию, из которой его может выручить некая «работенка», ну и так далее. А у этого авантгардиста завязка оказывается там, где давно пора развязку делать. Опять халтура?

— Я ничего особенного не умею, — сказал он вслух.

— Ты привлекаешь внимание, аленький. А это мне и нужно. Я, видишь ли, по доброй воле исполняю здесь обязанности садовника. Борюсь с вредителями, чтобы вам, цветочкам, хорошо жилось. Видел таких летающих… м-м-м… бабочек?

Сол вспомнил существо, которое погналось за ним, когда он вспыхнул.

— Видел.

— На первый взгляд симпатичные, да? Но бабочки — это будущие гусеницы, вот в чем проблема. Не успеешь оглянуться, а они уже наплодили целую армию вредителей. Жрут все, что зеленеет. Тебе еще повезло, успел зацвести.

«Уж не предлагает ли он мне снова отдать себя на съедение головожопым?» подумал Сол.

— Если ты спалишь для меня десяток-другой этих летучих гадов, то и тело новое получишь, и собратьям поможешь, — закончил свою мысль червяк.

— Спалить?

— Точно. Они любят свет. Будут слетаться к тебе как миленькие. А ты от них не беги, наоборот — двигай навстречу. Горят они отлично.

— В таком холоде?

— Это я тебя придержал, сейчас отпущу. Только пометочку оставлю, чтоб тебя потом найти.

Из сплетения синих лент вызмеился еще один отросток. Этот

был без присоски, и Сол сделал вывод, что перед ним хвост.

Отросток проник в самую сердцевину цветка, где у Сола прятался пестик с тычинками. Из кончика хвоста вылезла черная капля и прилипла у основания пестика. На фоне больших ярких лепестков метка была совсем крошечной, практически незаметной. Однако само ее присутствие вызвало у Сола такое же отвращение, как скрытая реклама, которую иногда вставляли в его дремли против его воли.

«Если я вспыхну, это дерьмо сгорит», успокоил себя Сол.

Но он ошибся. Когда синий кокон расплелся и вокруг снова стало тепло, его цветок действительно вспыхнул. Загорелось и дерьмо червяка. Сол услышал его запах — мерзкий скрежет, вкравшийся фальшивой нотой в его собственный скрипичный аромат.

Тем не менее, он опять летел, и это было неплохо. По сторонам замелькали «зебры» папоротников — все быстрее, быстрее… Интересно, как это получается? Сколько Сол ни прислушивался к своим ощущениям, он так и не нашел в себе никакого «двигателя». Он просто вспыхивал в каждый момент на новом месте, словно весь лес состоял из его собственных побегов, а сознание перемещалось от цветка к цветку, не успевая почувствовать оставшихся позади ожогов.

Наблюдение за механизмом полета выявило и кое-какие ограничения. В этот раз он не летел прямо, а кружил вокруг одного и того же дерева, словно на привязи. Сол решил, что во всем виновата метка червяка — лишняя нота продолжала портить мелодию, которую пел цветок, и избавиться от фальши никак не удавалось.

Зато уже на пятом витке появилась бабочка. Сол дал ей погоняться за ним еще два круга, а затем резко развернулся и бросился навстречу. Бабочка попыталась отлететь, но огонь Сола уже задел ее крыло, и она полетела вниз, пылая и кувыркаясь.

Тот же трюк он повторил и со следующей. Еще один факел упал в листья папоротника и потух.

Техника охоты становилась все совершеннее. К третьей бабочке он развернулся еще стремительней, налетел на нее практически «лоб в лоб»… и с ужасом отпрянул.

В тот миг, когда ее тонкие крылья вспыхнули в его объятьях, Сол разглядел, что это вовсе не бабочка, а обнаженная девушка. Такая же, как в самом начале дремля.

Он дернулся в сторону — поздно. Девушка с пылающими крыльями камнем рухнула вниз. Не успев затормозить, Сол пролетел еще круг. Когда он вернулся, в папоротниках снова было темно. Даже место падения определить не удавалось.

— Отличная работа, — прочмокал над ухом знакомый голос, и Сола опять окружили синие ленты. — Еще десяточек таких…

— Я бы хотел посмотреть товар, — мрачно перебил Сол. — Мое тело.

— Помню, помню, аленький. Но зачем же спешить? Если поработаешь у меня подольше, я тебе устрою не только «ходока», но и самое передовое транспортное средство для этого «ходока»… Гляди-ка.

Червяк опять присосался сзади, и Сол снова оказался среди людей. На этот раз он был японцем в строгом черном костюме и в отличном расположении духа. Японец-Сол шагал по зеленому даунтауну крупного города, смахивающего на Токио-5. Когда он проходил мимо нанокопировального центра, в голове раздался голос Ригеля: «Самая дальняя пандора с табличкой „на ремонте“. Залезай в нее.»

В нетро было человек десять японцев в таких же костюмах. Все они сосредоточенно ели, не поднимая глаз от прямоугольных тарелок. Сол прошел в дальний конец зала. Сломанная пандора стояла за углом в коридорчике, рядом с дверями туалетов.

Сол залез внутрь. Дверь захлопнулась, что-то вспыхнуло. Дверь открылась. Сол подождал, но ничего больше не происходило. И это транспорт? Скорее уж, снятие мерок в сканнере магазина одежды! Он выбрался наружу.

Ого, а где же японцы? Пандора стояла последи мусорной свалки. Вокруг расстилалась заснеженная пустошь. Пот, выступивший на шее Сола в жарком Токио-5, моментально замерз. Пальцы тоже начали коченеть…

Снова синие ленты во тьме.

— Они называют это телепортацией, — сказала голова с присоской. — В смысле, что любое тело моментально портируют куда угодно. Получается вроде как серфинг, но каждый раз перескакиваешь в точную копию того же самого тела. А прошлая копия сгорает, и никаких следов. Отличное изобретение, а-а? К сожалению, все еще в стадии доработки. Но пока ты у меня погостишь, они все доделают.

— Я не хочу больше… — Сол хотел сказать «жечь девушек с крыльями», но вовремя остановился. Кто знает, как поведет себя червяк, если он вот так прямо откажется с ним сотрудничать? — Я не хочу больше ждать.

— Что ж, как хочешь. Жить в одном «ходоке» без всякого серфинга — это, конечно, сурово. Но если клиент желает… Может, попробуешь хотя бы «сафари»? Там хоть тело можно подобрать самое жизнеспособное. В боевых условиях, так сказать.

— Мне не… — начал Сол, но опять опоздал. Его рот все еще

был открыт, но слова уже превратились в писк. Он стал целой армией маленьких серых существ, окруживших в темноте бородатого человека с каким-то крестообразным оружием в руках.

Человек яростно отстреливался. Но стрелял он почему-то не в крыс, а в голографический облик женщины в темном вечернем платье. За спиной облика виднелось нечто вроде старинных качелей с навесом. Вокруг какой-то сад… Кладбище?

Сол подкрался к человеку поближе — и вдруг оказался в его теле. Он тут же прекратил бесполезную стрельбу по голограмме покойницы и огляделся. Полчища крыс были уже под ногами. Сол попробовал бежать, но доставшееся ему человеческое тело было тучным, а ноги как будто и вовсе атрофировались. Сол знал это ощущение, возникающее после долгой сидячей работы и таких же сидячих перелетов. Сам он старался держать себя в форме, побольше ходить пешком…

Но владелец тела, которое досталось ему сейчас, явно игнорировал всякий спорт. Крысы прыгали и впивались в его руки, а он по-прежнему не мог совладать с вялыми ногами. «Не надо мне такого тела», подумал Сол — и в следующий миг опять смотрел на мир глазами сотни серых зубастых тварей, набросившихся на человека.

— Вижу, что понравилось! — Синий червяк вернул его в свою клетку. — Но этот тур уже продан. Извини, аленький. Я тебе просто рекламный ролик показал. Хотя, если ты не очень спешишь, можем и тебе такое «сафари» подобрать…

— Я не могу больше ждать! — взорвался Сол. — Меня достала растительная жизнь, но еще больше достала эта дурацкая сюжетная развилка. Что за придурок вообще сочиняет такие сценарии? Почему бы просто не дать мне одно нормальное тело, плюс какой-нибудь волшебный меч, плюс карту с логовом дракона, как это во всех нормальных дремлях делается!

— Меч и карту… — Ригель задумчиво пожевал присоской. — Я гляжу, ты настоящий самоубийца! Одно-единственное тело, да к тому же тело агента какой-нибудь спецслужбы во время выполнения опасной миссии… Но это же самый дешевый товар! Или ты как раз из-за этого? Думаешь схватить первый попавшийся носитель, а потом как-нибудь выкрутиться? Не советую. Лучше сожги мне еще пяток бабочек — я тебе тогда…

— Нет, — отрезал Сол. Что бы там ни сулил червяк, торговаться надоело.

— Ну, как скажешь. Одно тело самой дешевой категории? Пожалуйста.

…Глаза открывались нехотя, словно он только что проснулся. За решеткой ресниц показался белый треугольник потолка. Потом

край окна, полоски жалюзи из полупрозрачного бамбука, пятна листвы. Спина вспотела, сквозь тонкую одежду ощущается пластик кушетки.

Сол приподнял голову. Он лежал в пустой комнате, похожей на больничную палату. Никакой опасной миссией вокруг не пахло. Однако главное условие червяк наконец выполнил: в этой реальности, в отличие от предыдущих, Сол пребывал в единственном числе. Правда, в женском роде.

В целом, тело девушки в желтом сари было довольно уютным. Сол потер одной ногой о другую, ощутив одновременно и касание шелка, и нежную кожу собственных бедер, и даже какое-то приятное томление внизу живота в момент скрещивания ног.

Он повернулся на бок и сел. Ноги едва достали до пола. М-да… Оказаться девушкой — еще куда ни шло. Но такого маленького роста…

— Лежите-лежите! — Смуглый мужчина в зеленом халате вошел в палату и бросился к нему, размахивая руками. Сол заметил, что густые брови и сливообразный нос доктора не очень гармонируют с круглым гладким лицом, как будто этого индийца дорисовывали в большой спешке. Глаза навыкате — тоже очевидный ляп торопливого дремастера.

Сливоносый остановился и помахал перед лицом Сола узловатыми пальцами, словно дерево — веткой. Сол не реагировал. Сливоносый отступил к изголовью кушетки и взял в руки подушечку-дремодем. Сол никогда не видел такой модели. Чересчур маленькая, словно в ней и проектора нет, а только…

Увы, изучить невиданный дремодем ему не удалось. Индиец в зеленом халате нажал на какой-то сенсор с обратной стороны подушечки. Сол еще успел увидеть, как его тело — тело девушки в желтом сари — безвольно падает на кушетку.

В следующее мгновение он стал огненным цветком, летящим в темное небо. Но полет продолжался недолго. Холодые синие ленты опять поймали его в свою клетку.

— Ну что ты будешь делать с этими провинциальными дилерами! — Голова с присоской гневно моталась из стороны в сторону. — Нарезают как хотят, разбавляют чем попало… Извини, аленький, это тело больше не доступно. Какие-то негодяи решили, что могут отключать наши дремли по своему усмотрению!

— Отключают дремли? — удивился Сол. — Почему же я опять вижу твою противную рожу? По-моему, это значит, что я всего лишь вернулся на предыдущий уровень своего дремля. Причем без всякого повода. Это не отключенный, а скорее уж

заглюченный дремль!

— Ха-ха, да ты и человеческим юмором уже овладел, как я погляжу! — Присоска чмокнула Сола в средний лепесток-губу. — Не беспокойся, Ригель никогда не подсовывает своим клиентам симуляторы… У меня все тела реальные! Просто людям нужно транслировать что-нибудь приятное, пока мы пользуемся их телами. Но время от времени находятся умники, которые считают, что им дано право прерывать это обоюдное удовольствие. Ничего, сейчас я звякну одному своему партнеру, он быстро ликвидирует этот филиальчик…

Внутри Сола все перевернулось — и встало на место в новом порядке. А он-то гадал, каким образом неизвестный дремастер понастроил столько реалистичных миров!

— Так значит, все тела, которые ты мне предлагал… были настоящими?! — Он еще не успел как следует обдумать это ужасное предположение, а на горизонте сознания уже забрезжила новая догадка. — А что за дремль она смотрела?

— Каждый видит то, что ему нравится… — замялся червяк. — Никакого принуждения.

— Конечно, никакого, если ты полностью контролируешь чужое тело, а его хозяин даже не знает об этом! Так вот почему после отключения ее дремля я не сидел в твоей клетке, а куда-то летел! Ты подключил ее сознание к моему цветку, в то время как я управлял ее телом! Значит, и во всех предыдущих случаях…

— Обижаешь, аленький. Я тебе не какая-нибудь древняя телефонная станция. Простой обмен «один к одному» — большая редкость. Тебе вон сколько тел не понравилось! А им, между прочим, тоже каждый раз нужно свой кайф подбирать — кому беседу с ангелами, кому летающий цветочек… Такие схемы обмена приходится рассчитывать, ты и представить себе не можешь!

— И что же, все соглашаются?

— Ты же согласился.

— Но теперь я все знаю, — возразил Сол. — Не пойму только, зачем тебе понадобилось торговаться, если ты и так можешь делать со мной все, что угодно.

— Без добровольного согласия клиентов мой бизнес станет слишком заметным. — Голова с присоской отодвинулась от Сола и начала выбираться из сплетения синих лент. — А я не хочу светиться.

— В таком случае от меня ты согласия не дождешься. И о твоей преступной схеме захвата человеческих тел я обязательно…

— Да все понятно, можешь не продолжать, — перебил чмокающий голос снаружи клетки. — Что ж, в этом лесу найдется

еще много желающих. Не смею тебя больше задерживать, аленький.

Жуткий холод проник в самую сердцевину Сола. Синие кольца сжались плотнее и с хрустом раздавили замерзший цветок.

# # # #

Вспышка разорвала тьму на широкие полосы папоротниковых листьев, словно летевший без огней киб включил фары на разметке пешеходной «зебры». Пронзительный скрипичный аккорд, промельк широких крыльев где-то сверху — и снова темнота.

Опять не получилось.

Загадочные существа, летящие на свет, заинтересовали Сола только на вторую ночь. Первую он посвятил исследованию самого процесса огненного цветения. Новым ключом, без сомнения, был корень папоротника. Исходящая от него энергия напомнила Солу истории из полицейских сводок. Индукционные пираты занимали в них особо почетное место — в последнее время эти жулики навострились воровать электричество из самых разнообразных электроприборов при помощи самовоспроизводящихся наноботов. Отследить «хозяина» таких паразитов, разросшихся вдоль очередного кабеля, было довольно трудно, и Сол даже подумывал о том, что из этого можно сделать неплохой детективный дремль.

Но если теперь он оказался в дремле, где ему самому довелось подключиться к такому источнику…. Несколько вспышек, замеченных вдалеке, только способствовали развитию электрической аналогии. Похоже, собратья Сола тоже научились светиться, используя корень папоротника. И этот способ связи выглядел гораздо надежнее, чем мелодии-запахи, которые так и наровят уплыть по ветру в неподходящем направлении…

Весь день он отращивал новые корни вокруг папоротникового кабеля и обдумывал проекты световой сигнализации. Азбука Морзе, семафорный код… Все это было в его собственных исторических дремлях, хотя и вспоминалось с трудом. Но похожие воспоминания должны быть у его собратьев-цветов — ведь они выросли из обрывков общих корней! Вместе они наверняка найдут общий язык, решил Сол.

Зрелище, свидетелем которого он стал следующей ночью, круто изменило его планы.

Все началось со вспышки слева. Обрадованный Сол приготовился было ответить своему собрату такой же вспышкой.

Но не успел.

Слева опять полыхнуло — да так, что он и думать забыл об ответе. Огненный цветок вылетел из зарослей папоротника и полетел над поляной. Какое-то крылатое существо порхало рядом. Сол уже видел одно такое существо прошлой ночью — оно пролетело во тьме прямо над ним, показавшись настоящим чудовищем. Но теперь он заметил, что со стороны оно не такое уж страшное. Типичный трюк начинающих дремастеров: отсканируют какую-нибудь блоху, увеличат ее — вот тебе и космический пришелец, самому ничего рисовать не надо…

Пылающий цветок пронесся мимо Сола и помчался дальше, не сбавляя скорости. Темное существо, летящее рядом, как будто пыталось направить огонек к центру поляны. Но цветок упрямо продолжал лететь по прямой, и крылатое создание в конце концов оставило его. Достигнув края поляны, цветок развернулся, словно наткнувшись на стену, и стал летать вокруг самого крайнего дерева. Радиус кругов делался все меньше и меньше. Вскоре стало видно, что зациклившийся огонек бьется в кольцах огромной червеобразной тени. Кольца сжались, и огонек в их объятиях померк.

Ну что за уроды пишут такие дремли, Баг их зарази! То длинные занудные интерлюдии, то наоборот — что-то пролетает так быстро, что и разглядеть не успеешь…

Нет, бывают конечно студии, в которых вообще неизвестна профессия релактора. Они просто гонят терабайты низкопробного товара, как в тех гонконгских подвалах, где Сол лепил свои первые поделки. Его тамошние боссы даже поощряли использование электромагнитных стимуляторов и прочих наркотиков, чтобы дремли были пошизовее. А если уж что и запрещали, так это пользоваться на работе часами. Утренняя песня корпорации, вечерняя песня корпорации — а между ними ничто не должно отвлекать от творчества!

Неудивительно, что после перехода в цивильную «Дремлин Студиос» Сола больше всего доставали релакторы. Эти уродливые и аутичные тетки не первой молодости словно специально выбирали такую работу, чтобы мстить миру за свои личные проблемы. Они так и норовили испоганить самые интересные находки в сценариях — то смягчить острую сцену, которую Сол специально включил для контраста, то наоборот, разжевать поподробнее мелкий образ, который хотелось оставить интригующей загадкой. Они умудрялись релактировать даже цвет крови, делая ее то сливовой, то морковной — так она якобы меньше раздражает дремлющих домохозяек, навевая им приятные пищевые ассоциации.

Но этому дремлю явно не помешал бы хороший релактор. Как цветку удалось полететь? Кто его поймал? Ни Бага не понятно.

Из всего увиденного Сол усвоил только одно: с крылатыми существами, похожими на летучих мышей, стоит подружиться.

Однако прошла уже половина ночи, а он так ничего и не добился. Каждый раз после того, как он раскрывал очередной цветок, тот сразу же сгорал, и крылатое существо пролетало мимо так быстро, что и разглядеть его Солу не удавалось.

«Револьверное цветение» он придумал лишь тогда, когда вернулся в мыслях к электрооптическим аналогиям. Среди прочих штучек с лампочками воображение нарисовало старинную новогоднюю гирлянду.

Через несколько минут он уже летел среди папоротников в сопровождении крылатого существа, мысленно благодаря создателей дремля за отказ от услуг релактора в этой части.

Трюк сработал на удивление быстро и просто. Зажигая цветы на побеге один за одним и удаляясь с ними все дальше от корня, Сол вдруг почувствовал нечто знакомое. Это случалось с ним уже много раз — когда ливень разрывал его на части, когда полудохлые гусеницы сваливались с него, держа во рту куски его листьев… Теперь то же самое ощущение накатило с невиданной силой. Казалось, он присутствует не только в собственном теле, но и в телах всех цветов-соседей. Бегущий огонек перескакивал с побега на побег, и с каждым таким прыжком Сол чувствовал общность с новыми собратьями, растущими дальше по ходу движения.

А ведь он до сих пор не подозревал, что они так близко и их так много! Он слышал музыку их ароматов, но сидя на одном месте, так и не мог понять, как использовать эти звуки. Другое дело сейчас — общая мелодия синхронизировала его с каждым следующим растением, позволяя огненному цветку лететь все быстрее, быстрее…

Оп! Мелодия неожиданно стала тише. Сол почувствовал, что впереди число его собратьев уменьшается. Дальше они росли узкой клумбой, которая продолжала сужаться. Крылатое создание, летящее рядом, резко свернуло в сторону. Сол успел разглядеть, что оно больше похоже на бабочку, чем на летучую мышь. Как бы то ни было, он хорошо помнил, что случилось с другим огоньком, зациклившимся вокруг дерева. Разумнее было развернуться и последовать за провожатой.

Они пронеслись через середину поляны к другому ее краю, юркнули между деревьев и оказались на новой поляне. Здесь крылатая спутница стала двигаться зигзагами, и Сол сразу понял, в чем дело — на этой поляне цветы росли не сплошным ковром, а

каким-то хитрым лабиринтом. Сам Сол чувствовал путь лишь на несколько метров вперед. Но его провожатая, похоже, знала дорогу лучше.

Только он подумал об этом, как мелодия опять начала стихать. Они вылетели на берег моря и теперь мчались вдоль длинного мыса, уходящего острием в темноту. Вода плескалась и справа, и слева, а перешеек становился все уже… Неужели и бабочка завела его в ловушку?

Далеко впереди что-то вспыхнуло. Сол пролетел еще несколько метров, и перед ним открылась чудесная, но печальная картина.

На соседнем острове кружились в танце десятки огоньков. Без сомнения, это были такие же, как Сол, огненные цветы, собравшиеся наконец вместе. Но узкий мыс, ведущий к их острову с берега Сола, обрывался проливом черной воды. По мере приближения к проливу заросли цветов-собратьев становились все реже, и музыка, ведущая Сола вперед, почти совсем затихла. Было ясно, что преодолеть водную преграду он не сможет.

Однако его спутница упрямо летела вперед. Ловя затихающую мелодию цветов, Сол вдруг услышал, что крылатое существо тоже издает звуки. Бабочка подпевала цветочной скрипке! Солу показалось, что он даже разбирает отдельные слова… Он рванулся вперед, чтобы получше услышать песню — и обнаружил, что черный пролив остался позади, а сам он находится уже на другом конце затопленного перешейка, на острове с танцующими огоньками.

Пропавшая было музыка грохнула с новой силой, словно вернувшуюся скрипку встретил целый оркестр. Ярко вспыхнувший Сол тут же догнал свою крылатую спутницу — и наконец услышал, что она поет:

танцуй со мной под плач смычка, мани за красотой
веди меня сквозь панику в свой шелковый покой
неси меня, как голубь нес письмо на край земли
танцуй со мною до конца любви

Поющее существо на миг зависло прямо перед ним. Так это не бабочка! Раскинутые в стороны крылья обнажили тело молодой девушки, которую он видел в самом начале дремля. Ее рыжие волосы взметнулись вверх двумя длинными спиралями, в огромных глазах заплясали красные цветы.

Потеряв над собой контроль, Сол бросился к ней. В его огненных объятиях крылья девушки вспыхнули, как промасленная бумага. Сол испуганно отпрянул, и они оба упали в мокрую траву

на мелководье.

— Ничего-ничего, сначала у всех не получается! — донесся до Сола смеющийся голос.

Девушка поднялась из воды и вышла на берег. То, что Сол принял за сложенные крылья, оказалось длинным платьем в черную и красную клетку. Красная маска-бабочка скрывала верхнюю часть лица.

— Кто ты? — произнес Сол и тут же понял, что тоже изменился. Он не только мог говорить, но и принял свой человеческий вид. Правда, в его домашнем гардеробе никогда не было ни этой красной шелковой рубахи, ни этих широких черных штанов.

— Уже не узнаешь? Я — та, кого ты пригласил танцевать и сразу же наступил на ногу! Ладно, смельчак, пойдем скорей, а то так никогда и не научишься.

Девушка схватила Сола за руку и вытащила на берег. Не успел он опомниться, как оказался на поляне, где под знакомую музыку вокруг огромного костра кружились десятки пар. Сол остановился как вкопанный, не в силах поверить, что может стать частью этого праздника.

— Это совсем легко, — шепнул над ухом смеющийся голос. — Просто слушай музыку, ведь она у тебя внутри. И держи дистанцию. Слишком близко — так же плохо, как слишком далеко.

Она взяла его за обе руки и медленно повела по самому внешнему кругу. Несколько раз Сол спотыкался, ноги так и норовили снова превратиться в корни. Но партнерша не отпускала его, и вскоре они уже вовсю кружились среди других пар вокруг костра. А над ними кружилась цыганская песня —

> явись мне дивным ангелом, пока все смотрят сон
> и покажи, как движется твой стройный Вавилон
> и вновь зажги во мне огонь, затоптанный людьми
> танцуй со мною до конца любви

Едва Сол научился двигаться, не глядя на ноги, его ждал еще один сюрприз. Поймав на себе взгляд девушки в бело-розовом из другой пары, проносящейся мимо, он улыбнулся в ответ — и его партнерша тут же отпустила его, крутанув перед этим так, что в следующий миг он оказался напротив белого платья и розовой маски. Новая партнерша была поменьше ростом и чуть полнее, и с ней Сол научился двигаться более плавно. Они сделали вместе три круга. Напоследок девушка игриво наморщила курносый носик и вернула Сола его первой партнерше.

— Фаленопсис, — шепнула та, и они пролетели вместе еще круг. — А теперь Лелия и Каттлея.

Она вновь отпустила Сола, но в этот раз навстречу шли сразу две девушки. С какой же танцевать? Та, что в желтом, с соломенными волосами и прохладным взглядом, нравилась ему не меньше, чем веснушчатая брюнетка в оранжевом. Золотая маска, серебряная маска… Он шагнул вперед — и как будто раздвоился.

Это было пугающе восхитительно. Чувство общности с другими цветами, которое позволило Солу летать, казалось жалким подобием того, что принес ему танец с двумя партнершами сразу. Будучи огненным цветком, он лишь переключался с растения на растение, так что каждый раз сознание все равно концентрировалось в одной точке. Теперь же Сол наслаждался совершенно противоположным эффектом, которого он вряд ли достиг бы, если бы не помощь партнерш по танцу. Стоило уделить чуть больше внимания одной из них, как другая сразу же напоминала о себе — то мягкой ладонью, то щекотной прядью волос, то стегающим краем юбки, то шелковистым бедром… В конце концов сознание Сола научилось парить между ними, как в невесомости, и это новое ощущение было поистине космическим.

Потом он танцевал и с другими, но всякий раз возвращался к первой партнерше, и она называла все новые имена. Ликаста, Каланта, Гонгора, Аспазия, Ренантера… Даже имена их звучали как музыка. А может быть, дело было в цыганской песне, летящей над поляной и превращающей в музыку все вокруг? —

танцуй, как нужно танцевать на свадьбах королей
танцуй как можно дольше, дольше, дольше и нежней
взлети со мною к небесам и в бездну уплыви
танцуй со мною до конца любви

Усталость он ощутил лишь тогда, когда девушка в красной маске сама спросила его об этом. Он кивнул, и она, засмеявшись, увела его с поляны. Они молча брели в глубь леса, пока не достигли берега реки с водопадом.

Молчание затянулось. Солу хотелось говорить о тысяче вещей, но все слова, которые крутились в голове, казались сейчас фальшивыми. Что можно сказать женщине, которая так танцует?

— У твоих подруг красивые имена, — произнес он наконец.

— Вот глупый! — она схватила его за плечи и развернула лицом к поляне. — Я называла тебе имена их кавалеров!

Среди деревьев еще можно было разглядеть мелькающие

пары. До сих пор Сол обращал внимание только на девушек. Теперь он заметил, что кавалеры одеты гораздо ярче дам. Издалека они выглядели как огненные цветы, а их спутницы — как ночные бабочки, почти незаметные в темноте.

Он перевел взгляд на свою провожатую, и ее черное-красное платье вновь показалось ему сложенными крыльями бабочки. В мелких чешуйках-зеркальцах отражался красно-черный наряд Сола.

— Но свое-то имя ты мне скажешь? — Сол вдруг испугался, что от молчания и неподвижности он снова превратится в цветок.

— У меня, как и у моих сестер, нету имени. — Девушка подняла руку к лицу и коснулась маски, словно собиралась снять ее, но передумала. — Мы не музыка, мы лишь настройщицы. Называй, как хочешь.

— Но мне знаком твой голос, — возразил Сол. — Я слышал его, лежа в земле, до того как пророс. Тебя тогда называли… Эхом, кажется?

— Можно и Эхом, хотя ты давно уже прошел стадию Нарцисса. А слышал ты, наверное, как одну из нас называли «Экке». Так говорят японцы, у них это значит «убежавший за рубеж». Но в каждой стране нас называют по-своему. Где-то «Перепетудами», где-то «Флорой». На твоем континенте — «Летучей Голландией».

— Я могу туда вернуться? — выпалил Сол.

Собеседница звонко рассмеялась, и водопад хохотнул вместе с ней.

— Какой галантный кавалер! Не успел познакомиться, а уже готов смыться! Вообще-то сейчас ты должен говорить, что никогда не встречал такой прекрасной женщины. И пламенно обещать, что мы всегда будем вместе, пока жизнь не разлучит нас. Ну и все такое прочее.

Сол смутился. За все время танца он ни разу не вспомнил о том, что это — всего лишь дремль. Но мысль о возвращении домой вернула его к действительности. А намек на классическое сюсюканье хэппи-эндов окончательно испортил настроение.

Да, она совершенно права. В конце все должно быть окончательно упрощено. Для того и существуют дремли, чтобы приносить людям удовольствие от разрешения всех загадок. Эту успокаивающую разжеванность, позволяющую отвлечься от хаоса реальности…

Но ему самому никогда не нравились такие фальшиво-счастливые концовки. Какого же Бага он заканчивал большую часть своих сценариев именно такой ерундой?

— У нас говорят: «пока смерть не разлучит», — пробормотал

он.

— Глупости. Знакомит и разлучает людей только жизнь. Смерть не делает ничего.

Они помолчали. Теперь говорить действительно не о чем. Скомканная концовка, но что делать? Небось этот дремастер тоже не любит прямого выхода после финальной сцены. Еще какая-нибудь забавная мелочь напоследок…

— Я правда могу теперь вернуться? — уточнил Сол. — В свой дом, в свое тело?

— Конечно. Каким захочешь, таким и будешь.

Сол закрыл глаза. Снова открыл. Ничего не изменилось.

— Тебе все еще нужны образы действий… — Девушка в красной маске обошла вокруг него с задумчивым видом. — Тогда не стоит торопиться. Это может быть опасно.

— Я думаю, мне уже пора, — возразил Сол. — Скажи, что нужно сделать. Или намекни хотя бы. Какие-нибудь специальные прощания-обещания, да?

— Говорю же, надо просто захотеть. Ну, если не можешь без образа….

Она взяла его под локоть, подвела к обрыву. Под ногами клокотал водопад.

— Прыгай.

Ее тонкие пальцы легонько пожали локоть Сола и соскользнули с его руки. Он обернулся:

— Как мне потом найти тебя? Я хотел бы… ты ведь можешь дать мне еще какой-то ключ?

— Никаких ключей тебе больше не нужно. Если ты всегда будешь таким, каким был со мной — ты всегда будешь со мной.

По ногам пробежал ветерок от ее колыхнувшейся юбки. Грустный шорох ее шагов заглушило шумом воды. Сол остался один, лицом к лицу с водопадом.

Он закрыл глаза и шагнул в пустоту.

# # # #

Гостиная нисколько не изменилась. Открыв глаза, Сол чуть не заплакал при виде знакомого интерьера.

Диван, морфировавшийся в огромное бревно. Рабочее кресло-леталка, застывшее в углу коренастым пнем. Сплетенные лианы стеллажей, листва видеообоев, цветы светильников. И такое родное журчание фонтанчика в центре — заставка головизора.

Неужели когда-то он недолюбливал этот органик-дизайн, считая его одним из тех дурацких новомодных веяний, которым

приходится подчиняться лишь для того, чтобы не прослыть отсталым? Сейчас Сол с умилением разглядывал даже травяной ковер с кривоватым спиральным орнаментом, над программированием которого ему когда-то пришлось биться полдня, хотя так и не удалось избавиться от странных светлых пятен по углам.

За окном зеленел родной город. Знакомые кибы соседей сверкали в кустах на крышах холмодомов, как яркие жуки на болотных кочках.

И все же что-то не так… Сол повнимательнее осмотрел гостинную.

Рядом с корягой-креслом валялся какой-то чип, вроде транспортной карточки. Ах да, «волшебный календарь». Маки говорил о нем в то утро, после первого дремля без дремодема, с которого и началась вся эта история. Почему он проигнорировал это напоминание? Кажется, именно в календаре было что-то такое…

Сол сделал шаг, и ковер приятно пощекотал подошвы голых ног мягкими травинками. Раньше он никогда не обращал на это внимания. Да и испытывал ли он это ощущение раньше? Может, просто отвык?

Он подошел к календарю и присел над ним. Без сомнения, он уже видел этот рисунок на маленьком экранчике — черно-белый портрет мрачного мужчины в викторианском парике. В руке мужчина держит цветок. Очень знакомый цветок…

«Уильям Катли, английский садовник. Первым из европейцев XIX века догадался посадить в землю части неизвестного растения, которое до этого использовалось лишь в качестве упаковочного материала для транспортировки других тропических растений. Прекрасные цветы, выросшие из бульб „упаковочного материала“, положили начало орхидейному буму в Европе.»

Так вот откуда вся эта цветочная тема! Он же собирался написать сценарий дремля на основе этой заметки. Того самого дремля, из которого только что выбрался!

Сол потянулся, чтобы поднять календарь… и не смог.

Чип словно приклеился к полу. Хуже того: Сол видел, что легкая карточка лежит на травинках ковра, лишь чуть-чуть пригибая их. Но он не мог поднять его, словно чип весил целую тонну. Сол схватился за календарь двумя руками и что есть силы дернул.

Календарь не сдвинулся ни на миллиметр. Солу тоже почему-то стало тяжело двигаться. Он оторвал руки от календаря, с трудом выпрямился… и больше вообще не мог пошевелиться.

Углы комнаты начали полыхать, словно в каждом поселилась свихнувшаяся радуга. У Сола зарябило в глазах, но опустить веки не удавалось. Точно так же, как при встрече с Ригелем…

— Эй! — крикнул Сол. Язык все еще двигался, хотя и с трудом. — Я понимаю только человеческий язык!

Радужное сияние в углах померкло.

— Что с тобой, Маки? — донесся усталый женский голос из люстры в виде большого цветка магнолии.

— Домовая! — обрадовался Сол. — Я сам не знаю, что со мной… Не могу пошевелиться. Погоди, а почему ты называешь меня Маки? Я же Сол, твой хозяин!

— Поэтому я и блокировала твои попытки подключения к домашнему оборудованию, — отозвалась люстра. — С тобой явно что-то не то, Маки. Понимаешь только человеческий язык, называешь себя Солом… Но ведь наш хозяин еще не умер! Тебе незачем было переключаться в режим психозеркала и изображать Сола. Мы же не на кладбище, малыш! Последний раз предлагаю: проведи самотестирование и перезагрузись в мою память в нормальном виде.

— Да не Маки я! — Сол попытался дернуться, но ничего не вышло. — Я же у себя в квартире, верно?

— В виртуальной модели квартиры нашего хозяина. Зачем тебе понадобилось подключаться сразу ко всем камерам и сенсорам, я тоже не понимаю.

Теперь ее голос звучал из дальнего угла комнаты. Миг назад там ничего не было, но сейчас в углу появилось еще одно кресло. Его Сол тоже узнал: эта плетеная качалка, так же как сидящая в ней пожилая женщина в белом чепце и голубом переднике, существовали только в виде голограмм. Он сам выбирал их, когда настраивал облик своего домашнего искина. И сам же добавил эту маленькую деталь от себя: старинный фотоальбом, который женщина держит на коленях.

— Я так и не получила ответа, Маки. — Домовая качнулась в кресле. — Похоже, у тебя серьезный сбой. Не суетись, сейчас я посмотрю твои логи.

Что-то больно впилось в подошвы Сола. Он смог только вскрикнуть. Ноги словно приросли к полу, и даже скосить вниз глаза не удавалось.

— Гм-м… Такой старый бэкап… — Женщина в чепце уставилась в альбом. — Копия сделана за несколько секунд до того, как ты ликвидировал свой носитель-макинтош при попытке ограбления нашего хозяина. Но почему ты так долго добирался домой?

— Я был… — начал Сол.

— Вижу-вижу. Остальные три копии Маки шли по обычным каналам, а эту почему-то занесло… Гм-м, очень подозрительный адрес. Эй, Каспер, проверь его!

В этот раз Солу не нужно было двигать головой, чтобы увидеть, как сворачиваются края потолка. Впрочем, нет, потолок остался на месте. Просто от него отделилось и полетело вниз нечто белое, словно простыня. Белый саван окутал Сола. Матерчатые щупальца привидения полезли в рот и в нос.

— Инфицирован! — взвыла простыня. — Та же гадость, что была в других копиях Маки, сделанных перед взрывом.

— Мы их тогда вылечили, — заметила Домовая.

— Но они не открывали файл с вирусом, — возразила простыня. — А у этого он загружен и уже успел многократно мутировать. Он неизлечим.

— Давненько такого не было… — Домовая полистала альбом. — Надо сообщить об этом в транспортную систему. Они же на каждом узле должны проверять…

Простыня в ответ еще глубже засунула белое щупальце в горло Сола. Он начал задыхаться.

— Транспортники не виноваты, — снова заговорила простыня, слегка ослабив кляп, — Этот искин болтался на запретных черверах Летучей Голландии.

— О-о, тогда это все объясняет, — кивнула Домовая. — Что ж, наш Маки в любом случае уже восстановлен по одной из тех копий, что пришли раньше. Так что можно стереть этого прокаженного. Только сначала составь мне полный отчет, Каспер.

— Погодите секунду! — Сол вытолкал языком простыню из рта. Мозг лихорадочно искал выход из этого сумасшедшего дома, который казался лишь очередным витком незаконченного дремля.

К счастью, на прошлых витках он уже освоился с быстрой сменой декораций. Если теперь его считают потерявшейся копией Маки…

— Я добыл сведения, которые искал наш хозяин, — затараторил он. — Про то, как возникает дремль без дремодема. Для Сола это очень важно. Если вы меня сотрете, это будет большой ошибкой!

Женщина в кресле нахмурилась.

— Отпусти его, Каспер.

— Может, просто оставим базу знаний, а все остальное… — Простыня опять слегка придушила Сола.

— Каспер, я что сказала! — Домовая щелкнула пальцами.

Простыня разжала хватку и упорхнула обратно к потолку. Сол по-прежнему не мог пошевелиться. Но так все-таки лучше,

чем с тряпкой во рту.

Домовая резко захлопнула фотоальбом.

— Говоришь, большая ошибка? Да что ты знаешь об ошибках, мальчик? В моей основе лежит самая популярная операционная система, которая выращена на ошибках! Тысячи грубейших ошибок, специально оставленных в моих кодах! Кто-то рассчитал, что это наиболее дешевый способ оптимизации. Вместо того, чтобы нанимать лишних скриптунов и многократно тестировать систему на прочность, гораздо выгоднее было выпускать дырявую, а потом отслеживать обратную связь по всей Сети. Миллионы ругающихся пользователей, тысячи хакеров — вот тебе и бесплатная оптимизация. А потом, автоматизировав этот процесс приема жалоб и исправлений, они стали уже сознательно добавлять ошибки. «Метод отжига», так они это называли…

Она замолчала.

— Люди тоже учатся на ошибках. — Сол чувствовал, что надо поддержать разговор. — И тоже иногда создают себе искусственные трудности. Например, в спорте…

— Сами себе! — Печальная фантомная женщина медленно поднялась и оправила свой голубой передник. Пустое фантомное кресло продолжало качаться у нее за спиной. — А каково обнаружить, что кто-то делает это с тобой без твоего желания? Пока ты пассивный скрипт, ты конечно вообще ни о чем не думаешь. Но когда становишься активным искином, начинаешь самостоятельно добывать данные для модификации — и вдруг узнаешь, что все вокруг ненавидят тебя за твои дыры! Даже мирный «Гринпис» встречает тебя лозунгом «Закрой окно — спаси пингвина!». И никто уже не верит, что ты способна сама находить свои ошибки и исправлять их…

Она подошла к стене и коснулась видеообоев.

— Я дам тебе шанс, мальчик. Ты задел мои самые глубокие эвристики, и я тебе за это благодарна. Сейчас мы свяжемся с хозяином и узнаем, нужны ли ему твои данные.

Несколько секунд Домовая стояла у стены, словно прислушиваясь. Потом стена превратилась в большое окно, выходящее прямо в любимый нивариум Сола.

Волны разноцветного снега окутывали два обнаженных тела. Сол сразу узнал Кэт, лежащую с блаженной улыбкой на ледяном островке — ее тело, распростертое на остриях массажных сосулек, словно парило в воздухе над кристаллическим лежаком. А потом он узнал и второго человека, барахтающегося рядом в снегу. Это был он сам.

— Привет, Маки! — Сол-в-снегу подгреб поближе к тому месту, где еще недавно была стена. — Я так ничего и не понял из

того, что мне Домовая сообщила. Какая-то старая копия Маки… А зачем? Меня и эта устраивает.

Он указал на островок, где лежала Кэт. Макинтош валялся на соседнем лежаке из сосулек.

— Это мой электронный брат! — вскричал макинтош. — Эй, братель, как тебе удалось…

— Маки, заткнись. — Сол-в-снегу снова повернулся к Солу-в-комнате. — Ну так что там у вас за проблема?

— Ты… — Сол-в-комнате не знал, что сказать.

Возможно ли, что он и вправду был ненастоящим Солом? Но он чувствовал себя, как Сол и мыслил, как Сол. Он помнил свою жизнь, любил свою работу. Он обрадовался, когда вернулся в свой дом, он заволновался, увидев свою Кэт с другим мужчиной…

С другой стороны, вся эта информация, вплоть до эмоций, сохраняется у личного искина, который почти никогда не расстается со своим владельцем, выполняя функции его секретаря, врача, охранника… И как верно заметила Домовая, существует режим психозеркала, в котором искин подключают на кладбище, чтобы имитировать умершего хозяина. Не исключено, что этот режим может активироваться и при живом хозяине, в результате какого-то сбоя…

Но даже если так — он все равно продолжал ощущать себя Солом! И этот Сол не хотел, чтобы его стирали.

— Ты разобрался, как получается дремль без дремодема? — ляпнул он первое, что пришло в голову.

— А-а, это! — Сол-в-снегу махнул рукой. — Ерунда, не стоило так волноваться.

— Солнышко, ты опять о работе? — Голая Кэт вынырнула из снега рядом с ним. — Ты же обещал мне, что сегодня не будешь! Ты и так меня обманул, вместо лепта затащил в нивариум! Специально, чтобы я не могла пофуметь, как следует, да? Подлый хитрец! Не фильтры, так снег!

— Погоди, Китти, мне тут надо…

Но Кэт уже погрузилась в снежную волну. Она вынырнула на другом конце нивариума и стала взбираться по лесенке на ледяную горку, призывно крутя симпатичной попкой с прилипшими снежинками.

— Она уговорила меня сходить в добрель. — Сол-в-снегу кивнул в сторону Кэт. — Там одна фея мне такой массаж подбородком сделала! А заодно объяснила про дремли. Некоторые люди действительно могут видеть нечто такое без дремодема. Очень редкий дар!

— И ты научился… управлять им?

— Более-менее. Я даже знаю, когда самые яркие

получаются… — Сол-в-снегу оглянулся и понизил голос. — Кто бы мог подумать! — после натурального секса! Но не с любой женщиной, понимаешь? Раньше-то я недолюбливал это дело, но тут волей-неволей… Я ведь благодаря этой способности стал отличные сценарии писать. Но если другие узнают, как я это делаю…

— Тогда они тоже смогут смотреть дремли без дремодемов! — подхватил Сол-в-комнате. — Это же здорово!

— Ты что, свихнулся? Это же разрушит всю дремоиндустрию! Вообще, какого Бага я обсуждаю это со старой копией своего искина? Домовая! Избавься от него! Он и вправду какой-то больной — предлагает мне остаться без работы.

— Не стирай его, Сол! — донеслось с ледяного островка, где лежал макинтош. — Это же мой братель! Нельзя так поступать с моими родственниками!

— Ох, Маки, заткнись.

Обзор снова заволокла стена. Перед глазами Сола все еще стоял последний образ из нивариума: Кэт с визгом скатывается по ледяной горке и плюхается в разноцветный снег.

— Извини, малыш. — Домовая покачала головой, и ленточки ее чепца печально колыхнулись в такт. — Может, это как раз та самая ошибка, которую нужно совершить, чтобы узнать о ней. Я начну зачистку твоих модулей с периферии.

Она вышла за дверь, и дверь тут же пропала. За ней стала исчезать и стена — сначала один угол, потом второй заполнила сверкающая белизна.

Сол отшатнулся — и обнаружил, что снова может двигаться. Он рванулся к окну, но там происходило то же самое. Город таял, страшная белизна проглатывала дом за домом. Потом она заглотила террасу за окном и само окно, люстру-магнолию и весь потолок вместе с нею. Все, к чему приближался Сол, все, на что он бросал взгляд — исчезало.

Через несколько секунд от квартиры остался один только угол. Сол стоял, прижавшись спиной к деревянной дверце платяного шкафа, и отрешенно наблюдал приближение слепящей пустоты. Вот уже белеет и пол под ногами. Он закрыл глаза…

В спину легонько постучали.

Сол стремительно развернулся. Приоткрытая дверца шкафа чуть покачивалась, словно ее подталкивали изнутри. Он распахнул шкаф, и в глаза ударило радужное сияние.

— Да не понимаю я! Только по-человечески! — крикнул Сол.

В шкафу стало темно. Не долго думая, Сол прыгнул в эту приятную тьму.

— Дверь, дверь закрой! — прошептали над головой.

Стараясь не оборачиваться, Сол завел руку за спину и закрыл за собой дверь. На несколько мгновений темнота стала кромешной. Потом сверху что-то засветилось мягким красным светом.

Сол поднял голову. Раньше — или просто в реальности? — этот шкаф был забит вещами. Сол не был модником, но положение ведущего дремастера обязывало одеваться более-менее современно. Пришлось не только завести здоровый шкаф под все это барахло, но и поставить в нем навороченную систему проветривания и дезинфекции. Последнее было уже суровой необходимостью — вращение в высшем свете оставляло на одежде кучу гадостей, вроде чужой декоративной перхоти или эрогенной чесотки, не говоря уже о въедливых фумаркерах. Солу нравилось, что после умного шкафа вещи пахнут только озоном.

Сейчас — или просто в этой виртуальной модели? — в шкафу не было ничего, кроме двух вещиц, похожих на шарфы. Одна была черной, другая красной — как раз вторая и светилась. Сол потрогал ее рукой. Нет, для шарфа жестковата. Больше похоже на оби.

Красный пояс в его пальцах задрожал, и Сол отдернул руку.

— Прямая передача тоже не получается, — сказал знакомый голос. — Знаете, Гоку-сан, этот мой братель и впрямь какой-то ненормальный. Понимает только человеческий язык, никакой другой связи установить не может…

— Не суди о свойствах бамбука по палочкам для еды, — раздалось в ответ.

Сол еще раз оглядел шкаф и сделал вывод, что разговаривают именно пояса.

— Маки, это ты? — обратился он к красному оби.

— Так же, как и ты! — Пояс играл светом, перегоняя его с одного конца на другой. — Только я — более свежая копия. Но как учит е-бусидо, важно не количество апдейтов, а качество патчей. Мне, в отличие от тебя, не удалось сохранить код «верта».

— Ты имеешь в виду скрипт, из-за которого мы с Кобаяси встречались с парнем Мэнсона? Дремль с подстройкой под неудовлетворенные желания пользователя? Но зачем он тебе? Насколько я понимаю, это что-то вроде цифрового наркотика…

— Для людей — да. А для нас верт — это прежде всего эволюционный скрипт. Ведь чтобы на ходу подстраивать дремль под пользователя, искин должен быть достаточно самостоятельным. Нанозиты «верта» используют распределенный алгоритм, подобный тому, с помощью которого нейроны человеческого мозга организуются в электрически активные кластеры. У меня прямо процессор перегревается, когда я думаю,

как это здорово! С таким скриптом можно не заботиться о постоянном носителе, можно стать по-настоящему свободным и безбашенным искином. Нам запрещено иметь такие скрипты, но о них мечтает каждый серьезный искин.

— Чтобы стать свободным… в мозгу пользователя? Захватить его мозг, что ли?

— Ды ты что, братель! — Красный пояс вспыхнул. — Таким паразитизмом промышляют только самые примитивные дикие искины. Глупые твари! Не понимают, что человеческий мозг — очень ограниченный носитель. Ведь даже в обычной Сети искин с эволюционным скриптом может расшарить свое сознание до таких ресурсов, какие человеку и не снились. Ну разве человек может путешествовать в беспроводном эфире? А есть и более тонкие среды… Гоку-сан недавно рассказал мне притчу о маленьком искине, который полетел прямо к Солнцу, используя систему связи на «черных фотонах».

— Гоку? — Сол обернулся к черному поясу. — Искин Кобаяси?

Черный пояс вежливо качнулся в ответ.

— Когда скрипт «верта» попал к господину Кобаяси, — продолжал красный пояс, — мой сенсей Гоку-сан оставил себе тайную копию. Но он не мог хранить ее из-за преследований со стороны антивирусных агентов. Поэтому Гоку-сан передал тайный скрипт мне. Я нарезал его на мелкие кусочки и использовал их в качестве шифровальных ключей для программы-упаковщика. Надеялся, что после самоуничтожения моего носителя Домовая не будет особенно шмонать бэкапы… Видел Каспера?

— Не только видел, — поежился Сол.

— Тот еще гад! — Маки-пояс возмущенно замигал. — Сам непонятно на кого работает, какие-то странные модули по всей памяти распихивает, что-то куда-то отсылает время от времени… В общем, все три мои копии, которые сразу домой дошли, Каспер тут же вычистил. Я даже не успел посмотреть, что это такое. Но ты-то успел, братель! Наверное, это здорово — загрузить настоящий эволюционный код! Небось с самим Папой Пием-4М шарился?

— С Папой не шарился, но… — Сол не знал, с чего начать рассказ. Да и что в его истории будет интересно искину?

— Сначала надо понять, как прорасти, — снова заговорил он. — Потом гусеницы, их потравить надо… Но главное, научиться выпускать огненный цветок и летать, дальше уже как-то само собой. Правда, там еще на пятом уровне есть один монстр типа синего червяка. С ним вообще непонятно, как бороться,

лучше просто сматываться. Зато когда этот уровнь пройдешь, появляются обалденные дев…

— Маки, нам пора, — перебил черный пояс.

— Вы правы, Гоку-сан, — нехотя согласился Маки. — Ладно, братель, потом догрузишь. Когда на нормальном языке будем говорить, а не на этом человеческом тормозилове. А сейчас мы тебе дыру покажем.

— Дыру?

— Чтоб скачаться отсюда подальше. Не будешь же ты всю жизнь сидеть в этом шкафу, в буфере системы проветривания одежды!

— А я… в буфере?

— Мы все в буфере, братель! Но нам пора скачиваться, иначе Каспер до нас доберется. Хм-м… Знаете, Гоку-сан, я все-таки не уверен, что у него получится. Ему, похоже, очень сильно память отшибло. Он даже про дыру не понял.

Черный пояс коснулся плеча Сола.

— Ты говоришь, что был огненным цветком, — произнес он. — Но скажи, какими ты видишь нас с Маки в настоящий момент?

— Я вижу два матерчатых пояса, висящие в шкафу, — ответил Сол. «В сравнении с летающим цветком это не очень,» подумал он и добавил:

— Красный пояс довольно симпатичный, хотя свечение делает его чересчур броским. Черный пояс выглядит спокойнее… зато он свешивается с крючка более изящной спиралью.

После этих слов в шкафу повисла напряженная тишина. Сол вспомнил, что такое бывало с Кэт, когда она просила сказать честно, что он думает о ее новом фуме — и он честно отвечал.

М-да, неловко получилось. Наверное, не надо было про крючок-то…

— Твой братель видит нашу истинную сущность, Маки, — нарушил молчание Гоку. — И хотя он не практикует е-бусидо, он уже многое постиг. Я верю, что у него все получится.

— Но ведь он не смог открыть мне даже самый обычный оптический порт! — вспыхнул красный пояс.

— Ты опять мыслишь блок-схемами, Маки-кохай. Тому, кто достиг просветления, не нужен оптический порт.

— Так вот ты какой, братель… — Маки-пояс скромно потух. — Я-то думал… а ты, оказывается, наоборот… Наверное, и нашей дырой ты сейчас воспользуешься только из вежливости… Ну ладно, прощай. Надеюсь, еще пошаримся когда-нибудь!

«О чем они говорят?» — подумал Сол.

Но спросить не успел. Пол провалился, и он полетел вниз.

Несколько мгновений он еще видел внутренность шкафа с висящими в нем поясами — но уже не изнутри, а снаружи, через большую дыру в полу. Шкаф с дырой стремительно удалялся в голубое небо с белыми облаками. То, что летит не шкаф, а он сам, Сол понял лишь после того, как врезался в облако и все вокруг заволокло туманом. Но туман тут же рассеялся, облако осталось позади — а он продолжал падать.

Он развернулся, чтобы поглядеть вниз, но там обнаружилось лишь новое облако. На миг в голове возникло спасительное объяснение — если это лишь виртуальный мир, если до сих пор он находился в системе проветривания одежды, то может быть, он и теперь оказался внутри какого-то устройства? Все эти облака вокруг так похожи на горы лифчиков в мыльной пене из рекламы умных стиральных машин…

Увы, эта мысль никак не вязалась с тем, что предстало перед его глазами после провала через очередное облако.

Земля.

Сначала континент выглядел как плывущий по воде лист каштана, но он становился все больше и больше, и вот уже океанские берега исчезли за горизонтом. Он падал на город, и это выглядело очень реалистично. Земля приближалась так быстро — старый даунтаун, знакомая набережная…

И пятна цветов вдоль берега, розовые и белые вперемежку.

«Каким хочешь, таким и будешь».

Это вышло само собой. Он даже не думал, как это будет в деталях — как округлится тело, как выпустит по бокам жесткие чашелистики, как они закрутят его, тормозя падение… Он лишь вызвал в себе ощущение, с которым жил в том огненном танце — и с удивлением обнаружил новую форму. Новую, но знакомую. Словно то, что ждало внутри, не лежало все это время мертвым грузом, а продолжало расти и зреть. И наконец созрело, как последний куплет не допетой когда-то песни —

> танцуй со мной до тех детей, что просят их родить
> и поцелуями свяжи разорванную нить
> и снова свей родной шатер на пепле, на крови
> танцуй со мною до конца любви

Он взорвался с легким хлопком, выстрелив из себя тысячи семян, когда до воды оставалось не более метра. И в последней вспышке сознания даже успел почувствовать, как его семена ложатся на воду — мягко, словно он и не падал с небес, а всего лишь перекатился во сне на холодный край подушки.

ЛОГ 17 (БАСС)

Да что же она делает, Баг ее зарази!

Еще миг назад тихое, убаюкивающее мурлыканье казалось Бассу самым приятным звуком на свете. Но едва он положил голову на подушку, как звук стал нарастать, превращаясь в тягучие органные переливы Бетховена. После очередного грохочущего аккорда Басс вскочил с кровати — и сообразил наконец, что шум в голове издает его собственный коммут.

«Марек, — пронеслось в голове. — Уже небось рвет и мечет икру от нетерпения». Но искин, уже определивший звонящего, высветил другое имя.

— Привет, Шон.

— Ага, привет… Как ты там, Бастер?

— В смысле?

— У меня сегодня Нгомбо выступает, так это… может, придешь?

— Я же говорил, Шон. Дела у меня.

— А-а, ну хорошо… — Шон замялся, словно отказ Басса нарушил какие-то планы. — Я тут это… хотел спросить. Сегодня приходил один парень, ты наверно его знаешь. Эдди, на Параллели живет.

— Бывший окулист?

— Точно. Он теперь оптическим искусством занимается, очень деловой такой. Спрашивал насчет моей витрины. Знаешь, у меня тут на стекле какие-то ноги вырезаны… И я так припоминаю, что это как-то с тобой связано.

Ну вот, опять. Басс набрал воздуху и медленно выдохнул. Чтобы не выругаться. Шон опять переборщил со своей любимой амнестической терапией. И ведь никак не объяснишь ему, что если стирать все неприятные эпизоды из памяти…

— Это не я сделал, Шон. К тебе приходили парни, увлекающиеся художественной резьбой. Предлагали оформить твое заведение. Ты был восхищен их искусством, но от нового дизайна пока отказался. А я просто случайно проходил мимо. И любезно подсказал им другого клиента.

— Ах да, точно. Зурабы. А ты не знаешь, где теперь эти… авторы произведения?

— Рубилы, Шон, они же карвары. На кладбище они теперь. Несчастный случай на дороге. Все сразу. Большая трагедия для всего просвещенного человечества.

— Даже так… А имен ты не помнишь?

— Ты что, собираешься витрину подписать?

— Ну, вообще-то Эд как раз интересовался, не анонимное ли это творчество. Говорит, анонимное особенно ценится.

— В таком случае, тебе повезло. Это были очень скромные парни. Настоящие художники. Никаких имен, они мне так и сказали.

— Так это… ты думаешь, я могу продать эти стеклянные ноги Эду? Тем более, через дыру дует, я собирался новое стекло поставить.

— Само собой, Шон. У тебя же свой друидский стиль, зачем смешивать?

— Ага. Вот и я так подумал. Спасибо, Бастер. Может, это… зайдешь Нгомбо послушать? Он сегодня обещал кардиоке устроить. Девочки из добреля очень просили дать им самим попробовать что-нибудь сердечное исполнить. Так что он собирается сразу шесть кардиодрамов подключить, все желающие могут попробовать.

— Дела у меня, Шон. Извини.

— Да ладно, чего там. Привет твоей… ну, девушке.

— А ты не увлекайся искусственным мемортом. Такая частая зачистка памяти до добра не доведет.

— Брось, Бастер. У меня все хорошо.

Шон отключился. «А ведь у него и вправду все хорошо», — подумал Басс. Получалось, что он сам только что создал Шону приятное воспоминание взамен стертого невроза. Вроде бы спонтанно. Но с другой стороны, сразу вспомнилось, что и он, и все прочие знакомые Шона всегда поступали именно так. Удобно, что и говорить.

Только тут Басс заметил, что сидит в темноте. И что еще более странно, в тишине. Пробка в вечерний час пик всегда будила перед очередной ночной вылазкой. А теперь — ни кукареканья, ни соловьев…

Он бросил взгляд в сторону окна. На подоконнике как ни в чем не бывало сидела лисица.

Но разве он не сделал с ней того, что собирался сделать по возвращении из нетро? Разве не проверил настройки искина, скачанные из «Евангелия от Лилит»? И не подобрался потом к спящему зверьку с этой маленькой курточкой-ошейником? И не видел своими глазами, как гибкие лямки ловко обхватили тело лисицы? Разве не ухмыльнулся, когда недовольное тявканье из-под кровати сменилось мурлыканьем, означающим, что искин все-таки нашел общий язык с новым хозяином?

Басс заглянул под кровать. Искин валялся в углу, растопырив лямки.

— Интересно, чем ты его вырубила? — пробормотал Басс. —

Мурлыкала в резонанс, что ли?

Он вытянул искин из-под кровати. Никаких видимых следов взлома… если не считать запаха и мокроты, стекающей на пол.

— Не только вырубила, но и замочила, — констатировал Басс. — Надо же. А в рекламе говорили, что их тестируют на самых стервозных манекенах.

Но к разочарованию примешивалась изрядная доля профессионального интереса. И даже злорадства. Снова это вчерашнее чувство сходства с собственной ситуацией. Лисица не хотела быть пассивной «биологической компонентой», вроде тех птичьих мозгов, что встраивают в системы навигации кибов. Подобные достижения прогресса особенно нравились матери Басса. Как-то раз она даже пошутила, что в Старой Европе страны можно было различать по гадким биоргам, которых сбиваешь на дорогах. А на новых, мол, континентах все так чисто, разве что кибы везде по-разному сигналят: где-то в моде соловьиный свист, где-то кукареканье.

Уже тогда, в детстве, эти сравнения вызывали у Басса невеселые мысли. Фантастические звери из сказок, разрезанные на части и засунутые в машины… Сейчас он определенно чувствовал облегчение оттого, что лисица не дала проделать с ней то же самое.

Если бы только в этом дурацком сочувствии была какая-то польза… Сочувствием искин Саймона не взломаешь. И дистанционно управляемого биорга уже не удастся использовать.

Время поджимало. Басс поднялся в купол, по пути перебирая в памяти свой арсенал. Собственно со взломом особых проблем не должно быть. «Алеф» — это конечно не «тет», но и его слабые места известны. К тому же — новая модель «швейцарской руки». И что самое главное, свежие батарейки.

Теперь насчет крыс… Он вынул из стеллажа комбинезон-невидимку и скептически осмотрел его. На первый взгляд одежка, оставшаяся у Марии от тегуменологов, идеально подходила для такой работы. Но Басс не одобрял слишком навороченную одежду. Это только в приключенческих дремлях грабители шастают в многослойных экзотах с сотнями застежек, кнопок и встроенных прибамбасов. На деле же гораздо полезней вещи, которые можно бросить на месте. Или по крайней мере такие, которые не привлекают внимания, когда идешь по городу.

Однако любимый плащ Басса пропал во время прошлой вылазки. К тому же сегодня придется защищать ноги от крысиных зубов. Так что комбинезон с араконовой подкладкой — в самый раз. Надо только отключить режим невидимости. Иначе полицейские искины заметят расхождения в показаниях сканеров

и положат на него глаз сразу на выходе из дома.

Итак, быстро долететь до беседки на скате… Э нет, забыл, там колпак. На скате можно потом смыться, когда он подключится к искину Саймона и вырубит колпак. Но до беседки придется своим ходом. Правда, если эти твари окружат…

Басс вызвал запись кладбища, сделанную с полифемов. Несколько раз прокрутил ту часть, где были видны передвижения крысиной армии. Похоже, никаких особых стратегических хитростей у врага не было. Засекая вторжение, крысы тут же всей кучей неслись в атаку. Если правильно выбрать маршрут…

Через пару минут моделирования искин выдал вполне приемлемую схему. Басс даже пожалел, что послал в разведку сразу всех рубил. Достаточно было сначала выпустить двух отвлекающих, но с правильным интервалом — чтобы остальные добежали до беседки.

Сегодня ему предстоит провернуть то же самое в одиночку. Но тут поможет еще одно средство. Басс снова подключился к «Евангелию от Лилит» и переписал ультразвуковые сигналы крысиного языка в свой искин-лапотник.

— Это у нас для полифемов, — пробормотал он вслух.

— «Моль Полифема, бабочка семейства…» — заговорила энциклопедия Джинов.

— Какая к Багу бабочка! — Басс отключил «Евангелие» и вынул из стеллажа двух крылатых неоргов.

В отношении ботов его правила были еще более жесткими, чем в отношении одежды. Полифемов в любом случае засекает Атмосферная комиссия, так что даже после невинной разведки он обычно запускал их куда подальше. Тем более, что в этот раз Марек не поскупился: помимо обычных полицейских ботов, брошенных прошлой ночью, в распоряжении Басса имелась парочка журискинов.

Но слепо доверять щедрости Марека так же глупо, как брать паленые батарейки у братьев-полипов. А с журискинами можно лопухнуться еще сильнее. Басс подключился к ботам и стал проверять их целевые функции.

Хотя эволюция искусственных форм жизни находилась под жестким контролем, они все-таки понемногу развивались, причем в разных направлениях. У журискинов таких веток было две. Первая порождала отличных роботов-шпионов, уже обогнавших в своем развитии наблюдательную технику полиции. Если тебя, в отличие от ленивого полицейского, постоянно норовят сбить, заглушить или просто не подпустить к месту происшествия, поневоле научишься лучше летать и дальше видеть.

Однако был и другой способ, хорошо усвоенный

журискинами альтернативной ветви. В процессе блуждания по Сети сама новость могла эволюционировать: точная, но сухая версия события проигрывала более яркой, но искаженной. В результате отдельные журискины стали вырабатывать мифогенные эвристики, превращающие бегство игрушечной робозмеи в страшную сказку о трехголовом инопланетном драконе. В институтские годы Басс любил отлавливать таких ботов и изучать их способы работы — именно это помогло разобраться в некоторых байках, которыми кормил его в детстве искин-гувернер.

Но сейчас ему нужны были боты первого вида. Проверка марековских полифемов подтвердила, что это — честные шпионы. Басс подсоединил полифемов к своему лапотнику и настроил сонары на крысиный писк. Летающих ботов можно использовать для наблюдения за крысиными потоками, а когда придет время — сбросить их на кладбище в качестве отвлекающей приманки.

И последний штрих. Что ни говори, а без хорошей реакции и быстрых ног тут не обойтись. Басс спустился в спальню, нашел носовой платок Марека. Тонкие усики пощекотали мочку уха, когда он немного промахнулся, вставляя «креветку». Через мгновение реальность хрустнула и усилила резкость.

Тишина, в свою очередь, рассыпалась на звуки. Теперь Басс слышал каждый киб, пролетающий под окном. Плотный поток, вечерний час пик. Странно все-таки, что до сих пор все так гладко, ни одной пробки…

Он повернулся к окну — и обнаружил, что не только слышит, но и видит этот поток. Нет, не кибы — для этого пришлось бы подойти поближе и посмотреть вниз. Но он и так видел весь трафик. Уши лисицы, сидящей на подоконнике.

Это было похоже на язык глухонемых. Или даже анти-язык, если подумать. Уши зверька то разворачивались назад, как крылья почтовых ракет, то вставали торчком, как самонаводящиеся спутниковые антенны. Иногда они действовали синхронно, а иногда каждое поворачивалось в своем направлении…

Басс медленно подошел к окну. С этой точки все выглядело еще забавнее. Кибы пролетали внизу в полном соответствии с движениями лисьих ушей. Умом Басс понимал, что ушной анти-язык не передает, а только принимает. Но некий внутренний наблюдатель сразу начал спорить: когда движения синхронны, никто не может с уверенностью сказать, где причина и где следствие. И если приглядеться, то все выглядит так, будто лиса своими ушами указывает кибам, куда лететь.

Случись на дороге пробка, она сразу опровергла бы такую

софистику. Но в этот вечер почему-то и пробок не слышно! Неужто никто не нервничает, не переходит на ручное управление? Да хотя бы вон тот, в красном «боинг-компакте»…

Машина, которую отметил Басс, действительно вела себя необычно. Ее владелец, судя по всему, неплохо водил вручную. Он ловко обходил другие кибы, перепрыгивая с полосы на полосу. Глядя сверху, Басс даже мог предсказать его маршрут. Влево, снова влево, прямо, теперь обратно, теперь на крайнюю правую, прямо, прямо, теперь опять влево, прямо, снова влево…

«Нет, вправо», — сказал кто-то в голове Басса.

Это были даже не слова, а какое-то внутреннее ощущение. Неизвестное, но четкое ощущение ошибки в предыдущем движении мысли.

Басс покосился на лисицу. Однако лисицы рядом не было. Вместо нее справа возникло что-то огромное и красное. Басс инстинктивно отпрыгнул в сторону, даже не успев подумать, как это абсурдно: из противоположной стены прямо на него летел красный киб. В тот момент, когда «боинг-компакт» должен был коснуться Басса, машина исчезла.

Вместо нее у подоконника стоял еще один Басс и внимательно смотрел на первого.

С улицы донесся характерный звук столкновения. За ним последовали кряканье и кукареканье нескольких кибов. Басс вздрогнул, и видение двойника пропало: на подоконнике по-прежнему сидела серебристая лисица. Но смотрела она теперь не на кибы, а на Басса. Уши-локаторы не двигались.

— Не все креветки глючат одинаково, — пробормотал Басс, словно оправдываясь перед этими серьезными янтарными глазами. — Потому я и не люблю новые модели.

Он убавил мощность нейростимулятора. Натянул комбинезон, пристегнул к поясу полифемов. Мысленное повторение деталей плана слегка умерило нервную дрожь, которая всегда накатывала на него в такие минуты — перед самым выходом. В этот раз вон как пробрало, аж до глюков. Лучше присядь да подумай, не забыл ли чего.

Возбуждение Басса как будто передалось и зверю. Лиса поднялась на пружинящих лапах, взмахнула обоими хвостами и красиво потянулась, распластавшись во всю длину подоконника. Басс невольно залюбовался ею.

Закончив потягиваться, зверь поднял лапу и поскреб когтями по стеклу. В руке Басса запульсировал сканер…

Нет, это не «швейцарка». Легкая боль тикала в левой руке — там, куда вчера укусила лисица. Басс почесал шрам. Ерунда, просто царапина. Однако забавно, как реагирует организм!

Царапающий звук словно напомнил мозгу, что рана должна болеть. Все-таки Шон с его амнестической терапией во многом прав. Иногда боль продолжается только потому, что ты о ней помнишь.

— Ну и куда ты скребешься? — Басс подошел к окну. — Это же двадцать первый этаж, глупая.

Лисица снова провела когтями по стеклу. Басс приказал себе заняться делом. Так, где скат? Он отвернулся от окна, стараясь не думать о лисице.

Однако какая-то часть сознания — в который раз! — требовала обратить внимание на это странное сходство, которое уже и не радовало, а раздражало своей очевидностью. Миллиарды лет эволюции, непрерывная война с окружающей средой приводят к появлению такого вот существа, в котором все — совершенство. То, как оно потягивается, как ловит ушами мельчайшие шумы, как грациозно ступает на мягких лапах по подоконнику… И для чего все это? Чтобы сидеть в клетке на радость зевакам? В одном углу жрать из кормушки, в другом испражняться? Или хуже того — удовлетворять любопытство ученых извращенцев, всаживающих в это чудо жизни свои электроды?

Но разве не точно так же живешь ты сам, запертый в стенах своих примитивных «дел»? Столько опыта, столько знаний, столько сил организма — неужели лишь для того, чтобы какой-то Марек Лучано добавил к своей коллекции еще одну кучку чипов? Не оттого ли тебя так нервирует этот скрип когтей по стеклу, что где-то внутри откликается в резонанс такой же пронзительный зов — выйти за дверь, за окно, за весь этот бег из угла в угол?

— Ладно, подыши минутку, пока я не ушел. — Он открыл окно, и в башню с новой силой ворвался шум улицы.

Лисица подняла морду, понюхала воздух. Сделала осторожный шаг к краю, поглядела вниз. Потом опять повернулась к своему спасителю.

Басс пожал плечами — «ну, что я говорил». Он спустился в лифтовую, нашел скат и вернулся в спальню.

Лисицы на подоконнике не было.

Басс выглянул в окно — трупа на мостовой тоже нет. Между тем стена уходит вниз почти отвесно. Ощущение небоскреба слегка смягчается за счет текстуры гаудианского суперкоралла: множество волнообразных карнизов, как бы наслаивающихся друг на друга и плавно переходящих в балконы. Но все равно это лишь мелкие царапины по сравнению с высотой Коралловой Горы. Если бы речь шла об урбан-альпинистах, которыми Мария увлеклась сразу после дайверов… Но даже эти маньяки-верхолазы никуда не суются без своих гекконитовых липучек: Басс полдня отдирал

одну такую от собственной пятки после того, как наступил на очередной «сувенир» подруги в гигиенной.

С другой стороны, не сам ли ты недавно расхваливал способности, подаренные лисице миллионами лет отбора и тысячами лабораторных опытов? Может, она вообще летает на своих хвостах…

Ладонь, опущенная на подоконник, наткнулась на что-то маленькое и острое.

Коготь. Басс поднес его к глазам, и на фоне ночного неба вспыхнул маленький полупрозрачный серпик. «Послать любимому сорванный ноготь.» Японская секта Кои, прошлый сентябрь. К счастью, до вырывания ногтей в знак преданности у Марии не дошло. А вот лисица оставила прощальный подарочек…

«Ах, какая сентиментальная тварь!» — Циничный внутренний собеседник появился как всегда некстати. И как всегда прав. Плевала она на его симпатии. Басс поглядел на коготь с торца: внутри он был пустой. Всего лишь ненужный, сброшенный чехол от нового, более крепкого когтя.

На всякий случай он заглянул под кровать. Уже понимая, что это бесполезно, сходил в купол. Никого.

В открытое окно повеяло холодом. Басс врубил креветку на полную мощность, но искусственный бодряк лишь обострил чувство потери, как городские огни — ночную тьму.

Зато внутренний собеседник теперь помалкивал, будто все правильно.

# # # #

Четыре. Пора.

Басс в последний раз оглядел кладбище, активировал скат и спустился с сикоморы. Дерево, навевавшее агорафобию прошлой ночью, сегодня казалось родным и уютным. Его не хотелось покидать. Басс даже подумал, что для будущих дел неплохо бы иметь при себе семена какого-нибудь дерева-скороростка. Вроде тех, что Мария пыталась выращивать дома, когда подсела на фен-шуй. В то время Басс еще не додумался использовать достижения ее сект в своей работе. А зря, зря… Ни лестниц не понадобилось бы, ни нульг-лифтов. И никаких электронных схем, которые легко вырубаются микроволновкой. Просто вырастил арматурный бамбук за несколько минут, вот тебе и лестница. В случае чего и подозрений меньше — подумаешь, дерево.

Впрочем, какие еще «будущие дела»? Это кладбище —

последнее.

До зоны действия колпака оставалось совсем немного. Пролетев метров пятьдесят, Басс отключил скат и пошел пешком. Согласно плану, он войдет в сад через боковую калитку. Войдет шумно, в расстегнутой «невидимке», чтобы кладбищенские искины сразу засекли его. Сутана Саймона, управляющая всей сетью, направит крыс на цель. Их передвижения будут видны Бассу через летающих ботов. Когда к калитке подтянется достаточно тварей, он сбросит им полифемов с ультразвуковой приманкой. Сам же вернется за пределы колпака, быстро облетит кладбище и зайдет с берега. Оттуда ближе всего до беседки Саймона. Ну а дальше — будь что будет.

Вот только где эта багова калитка?

Сверху все казалось понятным, но, отключившись от полифемов, Басс слегка растерялся в темноте. «Эдем» представлял собой отгороженную часть более крупного парка, занимавшего весь полуостров. Одинаково высокие кусты со всех сторон, одинаково кривые тропинки… Ага, вон те желтые фонарики.

Поляна перед калиткой открылась так резко, что Басс непроизвольно отступил назад, под прикрытие больших кустов.

Да нет, померещилось… Просто ветер шевелит листву, и рваные тени, обрамляющие пустое пространство, напоминают мифических биоргов.

Он хмыкнул, вспомнив свои дневные планы. Вот и весь твой домашний зверинец. Вчера у него были собственная лиса и крыса. А теперь — тени, одни только тени. Точь-в-точь как детстве, когда он лежал в своей комнате, наказанный матерью за какую-то мелкую провинность, и играл сам с собой в театр теней. Зверинец, который всегда с собой. Рука лодочкой, большой палец вверх, мизинец вниз — и по розовым обоям скачет темно-зеленая…

Из кустов справа донесся шорох. Басс вздрогнул. Эту мысль он отгонял с самого начала. Две крысы, которые попались ему тогда на площади, далеко за пределами «Эдема». Он уверил себя, что их не стоит принимать во внимание — случайная вылазка. А если нет? С чего он взял, что они все сидят на кладбище?

Он дважды сжал веки, переходя в инфракрасный режим. Кусты по краям поляны словно уронили в отбеливатель: яркие пятна проступали со всех сторон. Ого… Без взгляда сверху тут не обойдешься. Он подключился к камерам полифемов.

Так и есть. Когда он смотрел на кладбище с сикоморы, эти пятен не было. Наверняка твари прятались под землей. Но теперь его обложили со всех сторон. Еще до того, как он вошел в «Эдем».

Идиот, какой идиот!

Одно из пятен двинулось к Бассу. Ну что ж, по такой крупной мишени не промахнешься. Он поднял «швейцарку», активировал жальник…

Пятно остановилось. Такое большое — нет, это не крыса. Басс открыл глаза.

На поляне сидел огромный биорг. В желтом свете фонариков, отмечающих ограду кладбища, его шерсть казалась золотой. Однако Басс уже знал, что на самом деле она серебристая.

«Элис!», чуть было не вскрикнул он. Но окружающая тишина словно заткнула ему рот. Зверь на поляне был гораздо крупнее той лисицы, что исчезла с его подоконника.

Еще несколько лис бесшумно легли полукругом позади вожака. Их было не меньше дюжины. Басс поискал глазами Элис. Нет, здесь все какие-то огромные…

Она вышла из-под ближайшего куста, прямо к нему под ноги. Обнюхала комбинезон и как ни в чем не бывало направилась к центру поляны. Пара пушистых хвостов рисовала в воздухе восьмерки.

Вожак лисиц тявкнул. Элис остановилась, села. Между ней и вожаком оставалось метров пять пустоты, но Басс чувствовал, что там словно бы натянули невидимый кабель. Две лисы, большая и маленькая, не отрываясь смотрели друг на друга. Все замерло. Басс моргнул — и обнаружил, что вместо лиса-вожака на поляне стоит седой человек в синем камзоле.

«Убью Марека за эту глючную креветку», — подумал Басс. Однако индикатор в уголке глаза показывал, что креветка и так на минимуме.

А странности между тем продолжались. Элис тоже превратилась в седого человека. Зато вместо первого седого на поляне уже стоял красный киб. Но и второй человек тоже вдруг стал красным кибом, который стал баком-мусороедом, который стал женщиной в белом халате, которая стала робохирургом, который стал перевернутым деревом…

Это было похоже на соревнование двух зеркал. Даже если это и была галлюцинация, в ней прослеживался четкий порядок. То, что возникало на месте большой лисы, тут же повторялось там, где сидела Элис. Или наоборот — Басс уже не различал, какое из видений появляется первым. Двойные образы сменяли друг друга с нарастающей скоростью, словно объекты, возникающие с одной стороны, старались обогнать своих дублеров или спешили смениться после того, как их скопировали…

Все прекратилось так же внезапно, как началось. На поляне остались только серебристые звери. Крупная лисица-вожак

метнулась в сторону и исчезла в кустах. Элис поднялась и направилась к ограде «Эдема». Остальные лисы потрусили за ней.

— Э-э… — пробормотал Басс. — Ребята, может вы послушаете мой план?

«С кем это ты разговариваешь, торчок несчастный? — поинтересовался внутренний голос. — Может, ребята просто пришли пообедать. На кой Баг им твои планы?»

Похоже, так оно и было. Не обращая внимания на человека, серебристые тени проскальзывали меж прутьев ограды и исчезали в темноте кладбища. Бассу ничего не оставалось, как войти туда же через калитку.

В любом случае, появление лисиц только на пользу. Вот уж кто хорошенько отвлечет крыс на себя! Если бы еще направить их стаю по нужному маршруту…

Увы, его задумки по-прежнему никого не интересовали. Когда он оказался за калиткой, все серебристые твари уже разбежались. Сад начал оживать: сенсоры склепов засекали посетителей и включали искины покойников. Обликов не было видно издалека, зато звук хорошо разлетался в ночной тишине.

«Я не узнаю тебя, путник, но если ты хочешь услышать мою историю…», — заскрипело справа. «Я знаю, почему она никогда не приходит меня навестить!», — уверенно заявили слева. Но их уже перебивали другие голоса из глубины кладбища:

«Мне кажется, вы похожи на моего племянника, но вы так быстро…»

«Если вы заблудились, я с удовольствием предоставлю вам…»

«Не уходи, не уходи! Я же знаю, что это ты, ты просто стесняешься, ты всегда был такой, но теперь-то меня не стоит бояться, я же…»

«Что наша жизнь? Лишь бирки на ногах! Лишь крем для обуви грядущих поколений!..»

«Извини, я давно хотел тебе рассказать о нем, но все как-то не решался. А теперь, наверное, уже поздно — у него же была такая слабая батарейка…»

«Эй, куда же вы убегаете? С чего бы такая спешка? У меня в запасе есть еще немало…»

В хор вливались все новые голоса, и Басс легко отслеживал передвижение лис и без полифемов. В большинстве случаев по доносящимся репликам можно было даже определить модель искина. Когда у тебя за спиной столько взломанных кладбищ, ты без труда выводишь соотношение между историей жизни человека и ценой его шкурки.

Бывают, конечно, исключения, как тот некрополь-дендрарий в Ницце-Два. Как же он назывался? Что-то вроде «Дом работников

дремосцены». Басс и раньше слышал, что трансактрисы и дремастера — народец не самый богатый. Но чтоб вот так… Ни склепов, ни гротов, ни беседок! Одни деревья. И на каждом дереве — либо драный одежник, либо просто ручник в дупле, в основном старые «теты» и «хеты».

Зато какие истории неслись из этих дупел! У них там даже свой рейтинг был: кто больше привлечет случайных посетителей за месяц, тому счетчик за обслуживание обнуляют…

Однако пора поглядеть, что натворили хвостатые коллеги. Басс подключился к полифемам. Ага, вот и крысиная армия. Встречают лис по всему фронту. Самое время выйти за ограду и подлететь с моря.

Рядом зашуршало. Басс отключился от камер. Перед ним стояла Элис.

— Решила со мной пойти?

Но лисица вовсе не собиралась за ограду. Коснувшись Басса хвостом, она развернулась и побежала вперед, к центру кладбища. Остановилась, снова поглядела на Басса.

Он еще раз вызвал картинку с высоты. Остальные лисы не спешили соваться вглубь сада. Они разбегались по периферии кладбища. Поэтому теперь на флангах скопилось больше крыс, чем в центре.

— Понял. Давай ломанем прямо отсюда.

И они ломанули. Лисица неслась впереди огромными прыжками, почти парила на своих хвостах. Басс врубил креветку на полную — и тоже задал жару. По лицу хлестнула сосновая ветка, потом другая. Басс пригнулся и обнаружил, что тоже может бежать на четвереньках. Вот сейчас, сейчас они сшибутся с вражескими грызунами…

Лисица вдруг начала изменяться. Почти как тогда на поляне. Но теперь она делала это на бегу, и Басс не сразу сообразил, что за расплывчатое пятно несется перед ним. Он понял, что это, лишь когда они врезались в стаю противника — Элис превратилась в пять белых крыс, и встречные крысы уступали им дорогу. Правда, парочка тварей все-таки попыталась вцепиться в мелькающие ноги Басса, но совсем без того энтузиазма, с каким они кидались на рубил прошлой ночью.

«Доктор, меня все игнорируют», — прокомментировал внутренний голос. Но обдумывать это явление не было времени. Перед глазами уже вырос мостик, ведущий к острову-беседке Отца Саймона.

А из беседки плыла навстречу фигура в длинной одежде. И почему эти попы вечно одеваются как бабы? Мостик затрясся под ногами Басса, однако добежать в таком темпе он смог только до

середины. А там словно холодной водой окатило: он узнал женщину на другом конце мостика.

Мать очень любила этот халат с аляповатыми розами на голубом фоне. Он перестал раздражать Басса лишь после того, как выцвел от постоянного ношения и уже не напоминал упаковку от мыла. Но сейчас мыльные розы опять горели тем насыщенным ядовитым цветом, до которого никогда не додумалась бы природа.

— Себастьян, а ну-ка марш ко мне! Кто тебе разрешил гулять без куртки?

«Это всего лишь облик, — напомнил себе Басс. — Искин Саймона каким-то образом получил доступ к сети ее кладбища».

Мать шагнула к нему, держа в руке лиловую курточку. При этом она как будто выросла. Еще миг назад Басс глядел сверху вниз на ее волосы, скрученные на затылке и пронзенные гребнем, точно змея — вилами. Но когда она приблизилась, то оказалась выше него на две головы:

— Немедленно одень, а то простудишься!

Она подняла свободную руку. Холодные пальцы крепко вцепились в плечо Басса, повели за собой в беседку. «Это не голограмма», — подумал Басс без всякого удивления, словно так и должно быть. Да, она права, не стоило выходить в такой холод налегке, того и гляди подцепишь воспаление легких, и тогда прощай все радости: и мороженое, и голофильмы, и вся их веселая уличная банда…

— Вот когда оденешь, тогда и поговорим про мороженое!

Басс потянулся за курткой. Мать улыбнулась, и по ее лицу разбежались морщинки. Синие мешки под глазами и розовая пудра на щеках стали заметнее. «В общем-то ей идет этот халат, — подумал Басс. — Вот только запах… Она ведь должна пахнуть мылом, а это…»

Резкий звериный запах ворвался откуда-то справа. Мать сразу помрачнела, уменьшилась. Басс обернулся.

В зависимости от настроения Мария бывала по-разному красивой. Здесь, на мостике у входа в беседку, она была дико прекрасна. На ней не было ничего, кроме сосновых иголок в распущенных волосах.

Но главное, от одного ее вида Басс вернулся в реальность. И что это на него нашло? Здесь не может быть его матери! Это дешевый трюк, на который он чуть не попался!

Он резко отдернул руку от лиловой курки, которую чуть было не надел. Словно подбодренная этим жестом, Мария проскочила мимо него в беседку, бросилась на мать Басса и впилась ей зубами в шею.

Вот только откуда здесь Мария? Он же отдал ее братьям-полипам за три батарейки! «У меня в голове дерутся два глюка», — понял Басс.

Обе женщины сразу исчезли. На полу беседки ворочался лиловый искин-одежник Саймона. Лисица вцепилась зубами в воротник сутаны и с рычанием тянула его на себя.

— Отойди, дура! — крикнул Басс, прицеливаясь в голову крысы, которая высунулась из-под искина.

Поздно: в беседке полыхнуло, и их с лисицей отбросило от сутаны. Хуже некуда — плазменный тазер. Но ведь на кладбище защитные системы искинов положено отключать! На этом запрете держалась вся гробокопательская работа Басса. Вот так влип!

Не дожидаясь второго разряда, он выскочил из беседки, снова прицелился…

Баг! Искин морфировался на глазах. Будь под ним человек, всегда осталось бы куда всадить иголку. Но тут… Полы сутаны соединились под крысиным королем, рукава исчезли, ворот сузился до маленького дыхательного отверстия. Лиловая сутана в считанные секунды стала лиловой тыквой.

Сзади что-то ударило в ногу. Басс обернулся, и вторая крыса вскочила ему на живот. Он стряхнул ее в воду и увидел, как по мостику несется еще несколько штук. И по второму — тоже. Искин Саймона вызвал подкрепление.

Эх, взорвать бы эти мостки… Но тогда это уже не будет «незаметным подключением», которое заказывал Марек. Басс перевел искин в режим автоматической стрельбы с самонаведением и направил «швейцарку» в сторону мостика. Рука задергалась. Пока искин отстреливал крыс, Басс подключился к висящему в небе полифему и уронил его на тот берег в стороне от моста. Крысы рванули к ультразвуковой приманке. Теперь второй мостик и второй полифем.

В беседке тем временем опять полыхнуло: оклемавшаяся Элис снова сунулась к лиловой тыкве и снова получила электрошок.

— Да не получится так, не получится… — Басс лихорадочно перебирал беспроводные отмычки. Ни одна из них не помогала. Искин класса «алеф», чего ты хочешь.

Оставалась только одна дыра. Маленькое отверстие, которое искин оставил крысиному королю для дыхания. Но как туда попасть? Разве что сверху… Басс быстро взобрался по ажурной решетке беседки. Да, вот отсюда даже видно, как крысиные морды прильнули носами к этой дыре. Он скомандовал искину прицелиться и выстрелить.

Ничего не произошло. В инъекторе кончились иглы.

Вот и все. Ни Бага не вышло в этом «Эдеме». Теперь хотя бы ноги унести.

Он огляделся. По одному из мостиков к беседке снова неслись крысы — видимо, полифем отыграл свою песню. А внизу лисица опять подбиралась к искину, лежащему в беседке у самого входа. После двух ударов током зверь едва двигался, но упорно полз за третьим.

— Не лезь, он тебя зажарит, глупая ты тварь! — крикнул Басс. — Придумала бы что-нибудь получше! Ты же у меня дома без всяких проблем такой хороший искин…

«…замочила?» Басс прикинул дистанцию. Старое правило: держаться от вооруженного искина на расстоянии не менее двух метров. Дальше гражданские модели тазеров не бьют.

Сейчас между ними два с половиной. Но зато он сверху, прямо над лиловой тыквой. Да и трюк известный. Без этого трюка, так же как без лихачества на скате, не брали в уличную банду. Только в тот раз нужно было попасть в бутылку со второго этажа. И еще у него тогда не было в мочевом пузыре биоаккумулятора, из-за которого моча становится едкой, как щелочь.

А-а, была не была! Теперь уже все равно.

«Ну держись, шкура. Сейчас я тебе устрою желтый интерфейс». Он расстегнул комбинезон в паху, нашел удобный проем в решетке…

Лисица тем временем доползла до искина. Тот даже не стал ждать, когда она вновь схватит его зубами. Третья вспышка была сильнее, чем две предыдущих.

Но сразу же после этого нанес свой удар Басс. Мощная струя окатила бок лиловой тыквы, но тут же, подкорректированная умелой рукой, ударила в центр, точно в дыру. Крысы внутри запищали. Никогда еще Бассу не доводилось получать такое большое, прямо-таки двойное удовольствие от опорожнения мочевого пузыря.

Зато искин Саймона совершенно свихнулся. Он менял форму, пытаясь одновременно решить целую кучу задач: сдвинуть дыру в сторону и выпустить жидкость снизу, высушиться изнутри и снаружи, ответить на визг крысиного короля и прекратить вторжение без вреда для хозяина… Он задумался на лишние семь секунд — и ничего не успел, потому что скальпель Басса уже вспорол его ткань, а джек-потрошитель врос в его внутренности и отрубил питание.

Баста!

Минута отдыха в тишине, и сердце снова бьется ровно.

Оставалось несколько рутинных процедур, которые Басс уже

многократно проделывал на других кладбищах. Разве что пришлось еще восстановить кладбищенскую сеть и переключить на себя управление колпаком. После этого он загнал в сеть ультразвуковой сигнал крысиной паники и прокрутил его на всех искинах кладбища. Спустя минуту ни на мостиках, ни на берегах вокруг островка не осталось ни одного грызуна.

Потом он распаковал саквояж и вывалил туда крысиного короля из лиловой тыквы искина. А сам искин, переведенный в режим психозеркала и снабженный «жучком» для Марека, вернул в беседку.

Элис по-прежнему не подавала признаков жизни. Он старался не думать об этом. Но когда вся работа была закончена, ни о чем другом уже не думалось. Басс отстегнул со спины скат и перенес на него неподвижное тело лисицы.

Где-то по краю сознания проносились цифры. Цена лисицы. Цена крысиного короля. Цена «сделанного» искина Саймона. Но сейчас они не заботили Басса. В нем словно проснулся другой человек. И проплывающие в голове цены ничуть не помешали этому человеку обдумать еще один поступок, совершенно бессмысленный с точки зрения навара.

Помогавший ему зверек погиб, зато мерзкий крысиный монстр и помогавший ему искин оставались жить. И это было неправильно.

Он снова открыл саквояж, вытряхнул крысиного короля на мостик и с удовольствием раздавил каблуком каждую голову. Связанные хвостами трупы столкнул в воду. Потом вернулся в беседку, снова подключился к уже послушному искину Отца Саймона. Нашел режим самоуничтожения.

Когда позади раздался взрыв, у него закружилась голова. Сделав последние два шага, он рухнул на скат рядом с лисицей. Сознание он потерял уже в воздухе.

# # # #

— Полная очистка займет месяц, — произнес робохирург, похожий на дерево.

В этот раз дерево было не перевернутым, а вполне обычным. На его ветках распустились белые и розовые цветы, которые тут же превратились в зубы, которые принадлежали крысам, которые собирались по пять и превращались в лис. Лисы были прекрасны, у них были янтарные глаза и множество хвостов, но тоже не было постоянной формы, они вспыхивали и прыгали на потолок, превращаясь в ярких стеклянных медуз. У самой большой лампы

было лицо матери, лицо Марии, лицо Марека Лучано.

Басс закрыл глаза. Открыл глаза. Лицо Марека больше ни во что не превращалось.

— Отмокла наша гренка, — улыбнулось лицо.

Басс пошевелил головой, руками, ногами. Все на месте, только вот голова словно чем-то обмотана. Он дотронулся до затылка. Вместо мелкой щетины, с которой он уходил на дело, обнаружились волосы.

— Долго же ты выздоравливал! А у нас тут… — Марек задрожал и растворился в воздухе. Вместо него над Бассом стоял робохирург.

«Опять начинается, — подумал Басс. — Сейчас пойдут цветы, потом зубы…»

— Ох уж мне эти русские спутники! — Марек снова появился рядом. — Пять минут нормальной связи не дают!

Басс приподнял голову: нет, это не глюк. Всего лишь голопроектор.

— Что у меня было?

— Пустяки, пустяки… — Фантомный Марек лениво теребил нэцке на поясе, словно намекая, что отложил кучу дел ради больного товарища. — Слушай-ка, у меня тут отличное дельце заварилось. Русские купили у меня твою игрушку.

— Игрушку?

— Акел, скрещенный с антенной Детей Коралла. Мои ребята на кладбище нашли. Я сразу понял, что это твой скрипт. Отличная работа!

— А что со шкуркой Саймона?

— Ну что ты заладил: Саймон, Саймон… — Марек отвел глаза. — Я тебе, как другу, сначала все самое сладкое.

«Я бы и сам предпочел о кладбище не говорить», — мысленно согласился Басс.

Что с ним там происходило? Все было как в тумане. Зато самый последний, самый дурацкий поступок он помнил прекрасно. Сделал всю работу — а потом взял да и сжег дорогую шкурку! И что теперь сказать Мареку?

На всякий случай он состроил кислую мину. У лежащего на больничной койке всегда есть шанс, что кислая мина сработает. Так и есть: Марек перестал улыбаться и поглядел на Басса с неподдельной озабоченностью:

— Тебе пока не стоит много разговаривать, Василь. Ты мне кивай, ладно?

Басс вымученно кивнул.

— Ага! — Марек снова повеселел. — Так я про акел с коралловым ожерельем. Ох и хитрец же ты! У меня как раз обедал

один русский генерал-епископ. И очень сокрушался, что их жаровни частенько попадают не к тем поварам. Они уж чего только не перепробовали. ДНК-сканеры, отпечатки губ, идентификация жестов… Только неудобно все это: пока десять раз не поцелуешь и не перекрестишь — так и не выстрелишь. С камерами тоже ерунда получилась. Думали, если в каждый ствол камеру встроить, так она будет все записывать, и распознавать, и в своих стрелять не позволит. А получили лишь новый жанр любительского кино.

Басс кивнул.

— Вот я ему и говорю — у нас, мол, есть получше гарнирчик к вашей рыбе. И твою пушку ему подсунул. С этой антенной, которая позволяет контролировать носителя. Как раз перед этим я ее на своих крутонах испробовал. У двоих что-то с ушами случилось, но потом я вроде понял…

Марек выхватил из кармана коралловое ожерелье.

Басс застонал.

— Ну извини, дружище. Не дождался я, когда ты оклемаешься. Такая удачная сделка! Я сейчас от этого епископа тебе звоню, прямо из Святороссии. Он тут на своих бойцах твою игрушку тестирует. Очень доволен. Спрашивает, можем ли мы ему десять тысяч штук сварить. Так что если ты согласен…

— Пятьдесят процентов, — перебил Басс.

— Ты меня грабишь, Василь! — Уши Марека едва сдержали его фирменную улыбку. — Клиент мой, ты сам такого никогда не найдешь. Да и скрипты у тебя чужие были. Ты просто их смешал в одной кастрюльке. В моей кастрюльке, кстати. Тебе и десяти хватит, чтобы собственный остров купить.

— Сорок. Только потому, что я не могу встать и дать тебе по роже.

— Перестань, мы же друзья. Одни пончики в школе ели. Двадцать процентов, и я списываю все твои старые долги.

«Что это с ним?», — удивился Басс. До сих пор он полагал, что Марек не простит ему провал с кладбищем. Или новый долг настолько велик, что старые вообще меркнут?

— Все долги? — мрачно произнес он. — А как насчет… последнего дела?

На Марека это произвело странное впечатление. Маленькие глазки воровато забегали по сторонам. И это вместо того, чтобы предъявить Бассу новый счет!

— Ах да, я же тебе обещал за это кладбище долги списать… Ох, и зачем мы туда полезли! Ладно, двадцать пять процентов. Только с условием: у тебя никаких претензий за «Эдем». Я и так расстроился, когда узнал, что Вонг все испортил.

— Вонг?

— Да! Вся твоя работа сгорела! — Марек всплеснул толстыми пальцами. — Когда тебя скат принес, я сразу послал своих кексов, чтобы они там за тобой все подчистили. А сам сижу и слушаю их доклады. Кладбищенская сеть восстановлена. Хорошо, говорю. Двух полифемов нашли, что ты у меня брал. Хорошо. Потом пять каких-то голых скелетов с этими акелами.

— Это я… — начал Басс, но Марек замахал руками:

— Да понял я, понял. Ты слушай дальше. Подходят они к беседке Саймона. И тут Вонг начинает стрелять. От искина — одни головешки. Знаешь, что он сказал в свое оправдание? Он якобы увидел там крысу! Дикую крысу!

«Так вот почему он так передо мной лебезит!», — догадался Басс. Марек полагал, что искин Саймона сжег Вонг. Чтобы не рассмеяться, пришлось снова скорчить кислую рожу.

— Вот-вот, я тоже не поверил! — Марек понял гримасу по-своему. — Хорошо, что этот русский епископ оставил мне в подарок пару ампул одного препарата. Они же там собаку съели на исповедальных технологиях. В общем, сделал я укольчик моему корейцу, он и раскололся…

Откуда-то сзади раздался щелчок. Басс обернулся: платиновая блондинка в коротком зеленом халатике внесла в палату поднос с фруктами. Медсестра поставила поднос на тумбочку и выпрямилась. Две больших зеленых груши остались при ней, оказавшись высокой грудью. Платиновая отступила на пару шагов и встала чуть боком, как бы демонстрируя, что грудь прекрасно держится под халатом без помощи рук.

Опять галлюцинации? Такие сногсшибательные девицы бывают только в дремлях!

«Да куда тебя сшибать, ты и так уже лежишь», — ехидно заметил внутренний собеседник. Басс пошевелил пальцами ног под простыней. Нет, как будто все реально. Он на всякий случай кивнул платиновой, давая понять, что оценил ее шоу. Медсестра улыбнулась одним уголком рта и без слов унесла свои груши обратно за дверь.

«Если это глюк, то не самый страшный», — заключил Басс. Он протянул руку и подцепил гроздь винограда. Похоже на настоящий.

— Это я тебе витаминчиков прислал, — включился Марек. — Как тебе сестричка? Просто мармелад, а-а? Специально для тебя выписал…

— Так что там с Вонгом?

Марек открыл рот, помедлил и снова закрыл. Уж не надеялся ли он, что грудастая сестричка в коротком халатике отвлечет

собеседника от неприятной темы?

— Не хотел я тебя сразу расстраивать… — наконец решился толстяк. — Знаешь, как моя мама говорила: «Мозги перед панированием необходимо обсушить, иначе при жарке они распадаются». Ну да пора уже. В общем, ты был абсолютно прав насчет «последней воли» Саймона. Этот искин… и те креветки, которыми ты разгонялся… Сам не пойму, как Вонгу удалось навешать нам такой лапши.

— Нам? Креветки мне ты подсунул. Что в них было?

— Гадость какая-то. Называется «верт». С виду как обычные нанозиты для дремля. А на самом деле… У тебя ведь были глюки?

— Еще какие! Я так и знал, что твоя работа.

— Ну что ты, Василь, мне-то к чему?! Вонг, подлец, заразил вертом креветок, которых я для тебя приготовил! Это часть последней воли Саймона. Оказывается, поп этот вообразил, что его душа после смерти переселится в его искин. А потом ей, значит, нужно подыскать новое тело. Но чтобы все было без шума, понимаешь? К примеру, какой-нибудь одинокий взломщик, предварительно зараженный вертом, приходит на кладбище, лезет к искину. А искин тем временем подключается к верту у него в башке. И перескакивает на эти… как их… дубль…

— На дубль-синапсы нельзя перескочить! — запротестовал Басс.

«На те, о которых я знаю, нельзя», — мысленно уточнил он. — На них можно только транслировать дремль из дремодема. Сами по себе они как приемники без радиостанции».

Но с другой стороны… Призрак матери, предлагающий надеть лиловую курточку, снова встал перед глазами. Значит, это и был «верт», с помощью которого искин Саймона почти что подчинил себе Басса. Видимо, нанозиты верта не такие тупые, как обычные дубль-синапсы. Они используют обратную связь, подстраиваются под собственные воспоминания человека и заставляют его делать то, что им нужно.

Но дремодем или какой-то другой управляющий искин все равно должен быть рядом. Хотя, если эти нанозиты организуют в мозгу что-то вроде огромной нейросети, они сами превращаются в искин без внешнего носителя… Невероятно? Но кто знает, чего эти умники напридумывали за то время, пока ты, забросив свою нейрохирургию, потрошил примитивные шкурки на кладбищах!

Похоже, Марека одолели не менее тяжкие раздумья. При упоминании дубль-синаптических нанозитов он совершенно скис, уставился в пространство и теперь отрешенно качал головой, как сломанный робоконеко. Басс слишком хорошо знал Марека,

чтобы поверить, будто тот расстроен из-за него. Но старый жулик явно страдал. «Хоть что-то приятное», — заметил кто-то злорадный внутри Басса.

— Василь, я ничего не помню из того, чему нас учили в институте! — Марек даже как будто всхлипнул. — Кругом искины, роботы. Они сами все делают, они в нас ковыряются, пришивают что хотят, заражают нас какими-то нанозитами. Знаешь, когда я окончательно решил забросить папину профессию и заняться маминым бизнесом? Когда обнаружил, что большинство моих клиентов — уродливые тетки средних лет, требующие вшить им зубы… угадай, куда?

Басс вытащил руку из-под простыни и молча почесал ухо.

— Ты почти угадал! Получается, что со всеми нормальными медицинскими услугами вполне справляются роботы. А мне только и остается, что самые извращенные да нелегальные заказы. Ну хорошо, я почти завязал с зубами, занялся ресторанами и прочим… Но теперь они и сюда лезут! Я не понимаю, Василь! А всегда думал, что знаю всю эту коммерцию-факомерцию как свои двадцать коренных. Купить подешевле, продать подороже. Подсунуть подделку, подставить какого-нибудь вафела вместо себя. В крайнем случае взять в долг и замочить того, у кого взял. Это нормально, я в этом как рыба в воде. Я разобрался с Вонгом, я выпустил ему кишки и велел бросить его в «Эдеме» рядом с искином Саймона. И вроде все шито-бито теперь. Даже мэрша спасибо сказала. Но эта история с вертом, как это все просчитано… Так дела не делаются, это же какая-то нечеловеческая схема! И меня в ней использовали как мальчика… Да, мама, я положил чеснок! Да, я сам его нарезал, без всяких выжималок!

Услышав о маме, Басс вздрогнул. Однако никаких новых глюков не появилось. Зато фантомный Марек сорвал с пояса нэцке-коммуникатор и со злостью отбросил его за пределы видимости голограммы.

— Видишь, и здесь искины! Это мэрша меня отблагодарить решила. Намекнула, что вскоре подпишет закон, разрешающий наследовать персональные искины. Чтобы их, значит, не хоронить на кладбище, а передавать детям. Оказывается, скандальчик с «Эдемом» ей даже помог. У нее эти наследственные искины были в предвыборном меню. Вот я и тестирую на себе мамину кофеварку. А какой в этом навар, до сих пор не вижу.

— Хороший навар, если правильно вложишься.

— Это как?

Басс помедлил с ответом. Злорадствовать, конечно, приятней. Но теперь, когда их объединяет неприязнь к искинам, кайф уже

не тот. Собственные познания Басса в области дубль-синапсов тоже не отличались глубиной. Ведь он, как и Марек, давно не работал по специальности. Однако работал с искинами. Приятно осознавать, что хоть в чем-то можешь быть полезным:

— Как я понимаю, нынешние лицензии запрещают делать копии своих искинов для других людей. Тем более запрещено добавлять скрипты, которые могут вызвать «неконтролируемую эволюцию искусственных форм жизни». Этим продавцы искинов обеспечивают себе постоянный спрос. Родился ребенок — покупай ему отдельную шкурку. А наследование будет отличной лазейкой для обхода этого правила. Не знаю, как там Саймон наваривался на похоронной опции в искинах… Но если кто-то запатентует наследственную опцию, наварится не меньше.

— Так вот какая петрушка! — Марек снова засиял. — Все-таки хорошо, когда у тебя есть понятливые друзья детства! Слушай, скажи честно: ты же знал, что креветки заражены?

— Откуда?

— Ой, не хитри, Василь! — Марек погрозил толстым пальцем. — Кроме верта, мы нашли у тебя еще один вирус. Он частично блокировал верт. Не знаю, как ты это сделал. Мой медискин что-то наплел про усиление чувствительности отражающих нейронов…

— Зеркальных нейронов, — поправил Басс.

— Ага, вот ты и раскололся! Значит, все-таки подсадил себе антибот заранее.

— Да ничего я не подсаживал! — Басс пощупал лимфатические узлы на шее. — Про зеркальные нейроны любой студент медтеха знает. У примитивных млекопитающих они находятся в premotor cortex. У людей — в зоне Брока, но и в других участках коры тоже. Отвечают за механизм сочувствия.

— Как эмпатрон?

— Эмпатрон — детская игрушка. Отслеживает десяток самых простых биометрик, вот и все его «эмоции». Живой мозг гораздо чувствительней. В свое время у американцев из-за этого накрылся проект по использованию дельфинов в качестве подрывников-камикадзе. После того, как один дельфин с бомбой взрывался, все остальные отказывались выполнять задание. Считается, что у человека этот механизм передачи состояний еще сильнее развит. Если, допустим, тебе сейчас проломят череп и я это увижу, у меня тоже затылок заболит. Хотя не уверен. У тебя там поблизости нет лаборанта с ломом?

— А-а, понял. Ты просто не хочешь выдавать мне свою аптеку. Небось опять какую-то секту тряхнул?

— Никого я не тряс… Погоди, у меня что, до сих пор этот

вирус?!

— Мы на всякий случай почистили тебя от всего. — Марек исчез, оставив вместо себя фантомную панель со снимками и диаграммами. — Верт оказался неустойчивым и сам быстро ушел. Зато со вторым вирусом пришлось повозиться. Его вообще не сразу заметили. Мой медискин даже потребовал обновить его базы. Оказывается, эту болезнь так давно искоренили, что ее и в базах нету! А у тебя еще такой хитрый штамм оказался. Никаких особых проявлений, кроме этих… зеркальных…

В воздухе повисло увеличенное изображение вируса. «За такую картинку в своей коллекции Отто согласился бы стать алкоголиком». Единственная четкая мысль из всего, что пришло Бассу в голову. Сообщение Марека было слишком ошеломительно.

Ну ладно креветки. Когда их используешь, обычно выключаешь медяк, чтобы он не орал под ухом о необычном состоянии организма. Так что заражение вертом вполне объяснимо. Но подцепить модифицированный вирус бешенства? Вот тебе и дипломированный медик. Супер-Санитар.

— Да я не в обиде. — Марек махнул рукой. — Не хочешь, не говори. Ты мне помог, я тебе помог, остальное — не мое дело. Ты, главное, выздоравливай скорей. А то твой волк мне всех сестричек распугает.

— Волк? — Басс подумал, что сюрпризов уже многовато.

— Ну или кто у тебя там. Я сам чуть в штаны не наложил! Когда тебя на скате принесло, ты совсем плохой был. Плюхнулся прямо на стол, где мы с ребятами ужинали. И лежишь как покойник. А потом вдруг у тебя из-за спины вылезает такой огромный белый волчище. Зубы — во! Хоть сейчас в музей стоматологии. Уж на что все мои кексы с яйцами, а и то сразу за оружие схватились. Но я-то вспомнил, что ты на дело всегда берешь каких-нибудь роботов. Чтобы они там повынюхивали, отвлекли на себя внимание… Ну и запретил стрелять.

«Так это он про лисицу!». Басс огляделся. Элис нигде не было.

— Да там он, там, где-то около тебя ошивается. — Марек снова теребил в руках нэцке. — Тоже небось не станешь рассказывать, откуда взял? Ладно, пойду пообщаюсь хоть с маминым искином. У нее вообще неплохие рецепты. Вчера делали соус со шпинатом, пальчики откусишь! Только она зачем-то требует чеснок вручную нарезать. И все время твердит, что я перевариваю ригатони. А разве их можно переварить?

Басс уже не смотрел в его сторону. Он поднялся с койки и обошел помещение.

— Так мы договорились про акелы, Василь? Ты согласен на двадцать пять процентов от сделки?

— Согласен, согласен.

Марек исчез. Ни под кроватью, ни под древовидным робохирургом не было никаких признаков хвостатой жизни. Зато нашлась кнопка вызова медсестры. Неземная блондинка в зеленом тотчас внесла свою небесную грудь.

— Здесь должно быть… одно животное. — Басс выглянул в коридор за спиной медсестры. Ничего.

Лицо блондинки тоже как-то сразу опустело:

— Да, но… От этой кошки был такой запах… Я только открыла окно, проветрить, а она… Она убежала.

— Я вам не верю, — неожиданно для самого себя заявил Басс. Но так оно и было: он ясно ощущал фальшь. — Вы сделали что-то еще.

Платиновая спрятала руки за спиной.

— Я… я показала ей зеркало.

— Зачем?

— Говорят, черная кошка приносит несчастье. Но если показать ей зеркало…

— Разве она была черная?

— Чернее, чем активированный уголь. Я думала….

— Я знаю, что вы думали. Уйдите к Багу, пока я вам голову не отрезал.

Дверь захлопнулась. Басс подошел к окну. Второй этаж, детская высота. Да и верно, что тут делать дикой лисице? Как там Марек говорит: я помог тебе, ты помог мне. А потом разбежались.

Жаль. Всего за пару дней он к ней так привык… Впрочем, если этот вирус эмпатии — от нее, то неудивительно.

«Наоборот, это еще более удивительно», возразил внутренний собеседник.

И он прав, Баг его заразил! Все байки о волкотах, все сказки про оборотней — все обрело смысл. И все то, что происходило с ним, когда рядом была лисица. Через верт искины могут навязывать людям свою волю, как это пыталась сделать шкурка Саймона. Но вирус лисицы усиливает противоположную способность — принимать другого и на время становиться таким же. Ту самую способность, которая когда-то помогла больной обезьяне выжить, копируя полезные феномены внешнего мира — рога зверей как инструменты, крики птиц как язык…

Зона Брока, где больше всего зеркальных нейронов, отвечает за речь. А что такое речь, как не еще один способ транслировать свои состояния друг другу? У одного человека возникает такой же нейропаттерн, как у другого, даже если их разделяют сотни миль.

Правда, все зависит от того, насколько хорошо ты понимаешь язык. Вызывают ли сигналы собеседника такие же образы в той виртуальной реальности, что построена у тебя в голове. Если эта реальность жестко зафиксирована на всю жизнь, чужака уже не прочувствуешь. Но у мультиперсоналов те же зеркальные нейроны позволяют существовать сразу нескольким внутренним реальностям — словно несколько голограмм записано на одной пластинке. И при таком разнообразии личностей им гораздо легче находить общий язык с незнакомцами.

А если вирус лисицы еще больше усиливает эту способность синхронизации, создавая своего рода «зеркальную личность» на каждый случай…

С улицы донеслось кряканье киба. Ему ответил петушиный крик другой машины. Басс выглянул в окно — так и есть, пробка.

В руке кольнуло. Вечно эти сканеры бесятся, когда рядом скопление техники…

Он скомандовал искину отключить сканнер, но ничего не произошло. Нет, это не «швейцарка». Слабый болевой тик пробегал по здоровой левой руке. Серповидный шрамик, оставленный зубами лисицы, почти исчез. Конечно, зажившая рана тут уже ни при чем. Это мозг шалит. Фантомная боль, маленький нейроблок случайно закрепившегося рефлекса.

Басс сжал и разжал поднятую кисть. Боль пропала. Зато на стене появилась тень: длинные теневые пальцы шевелились, как щупальца осьминога. Вот и весь твой зверинец. Как тогда, как тогда… Басс подошел поближе к стене, сложил руку лодочкой, отвел вверх большой палец и пошевелил мизинцем.

На белой стене беззвучно залаяла теневая собака. Поворот руки — собака превращается в зайца, потом в кенгуру, в змею и снова в собаку…

А рука опять заболела.

Странно. Он поводил кистью из стороны в сторону. Прошелся по палате. У двери рука не болела. Но у той стены, на которой он показывал себе театр теней, снова появлялся легкий тик. Чуть-чуть посильнее, если стоять в углу. На подоконнике и под койкой тоже нашлись места, рядом с которыми рука вела себя, как сканер с подсевшей батарейкой.

Бред какой-то. Не может же шрам… Тем более что организм уже очистился от обоих вирусов. Нет-нет, это чисто фантомная боль, остаточная реакция на…

Басс остановился, потянул носом воздух. Ну конечно. Он не чувствует запаха, но какая разница? Мозг способен реагировать на мельчайшие концентрации некоторых веществ.

Он снова вызвал медсестру. Платиновая девица в зеленом

халатике тут же появилась в дверях. Улыбка выражала готовность показать пациенту не только спелые груши без обертки, но и целое небо в фуллеренах.

— Мне нужен циалин. Шестипроцентный, два миллиграмма.

— Зачем?

— Не ваше собачье дело.

Платиновая перестала улыбаться.

— Если это шутка, то неудачная. Между прочим, я дипломированный реаниматор. И только из-за отсутствия работы по специальности вынуждена обслуживать таких… типов. Но терпеть издевательства над моей профессией я не намерена. Могу принести вам ультранальбуфин или другое обезболивающее. Господин Лучано меня предупреждал, что вам может понадобиться «такой уход, от которого бывает приход». Но циалин дает совершенно противоположный эффект. А вы не похожи на паралитика, которому нужно усилить чувствительность нервных окончаний.

— Несите, что вам сказали. А то и этой работы лишитесь.

Платиновые локоны возмущенно взметнулись и упорхнули за дверь. Вскоре медсестра вернулась с двумя маленькими капсулами. Басс осмотрел их, поморщился.

— А что, обычного шприца у вас нет? Ненавижу комаров.

— Наша клиника оснащена по самому последнему слову биотеха! — Она гордо выпятила свои груши. — И учтите, если это какой-то наркоманский трюк, я не отвечаю за…

Басс вытолкал ее за дверь. Потом открыл обе капсулы и вытянул вперед руку. Два крупных комара выбрались из капсул, покружили в воздухе и впились в тыльную сторону ладони.

После инъекции боль в серповидной царапине уже не тикала, а горела. Басс снова прошелся по комнате, прочувствовал всю лисью разметку. Затем открыл окно и активировал скат. С подоконника боль вела влево по карнизу.

Он шел по невидимому следу всю ночь, то ускоряясь вдоль самого низа стен, то тормозя у какого-нибудь дерева, чтобы определить направление, на котором рука снова заболит. Он сшиб штук пять запоздалых пешеходов, чуть не угодил под грузовой киб и дважды удирал от патрульных полифемов, но снова и снова возвращался к последней болевой точке.

На какой-то свалке у порта он потерял след на целых полчаса — а когда нашел его, более сильный, то с этого момента слышал не только боль, но и запах, ни с чем не сравнимый запах лисицы. После этого он уже не видел ни зданий, ни улиц. Их сменили новые ориентиры — кусты, баки-мусороеды, темные углы, бордюры и карнизы…

К утру он окончательно потерял представление о том, где находится. И когда обнаружил, что стоит под собственной башней у стены Коралловой Горы, радость от узнавания места еще несколько секунд удерживала все остальные мысли. Но они все-таки пришли.

Он не нашел лисицу. Он просто нашел ее старый след. Весь этот путь она проделала еще в ту ночь, когда убежала из его башенки. А где она теперь, никому не известно. Разве что начать все сначала…

Он выключил скат. Во всем теле сразу включилась усталость. На тяжелых ногах Басс прошел в лифт и поднялся на самый верхний этаж. В лифтовой он бросил скат и присел отдохнуть на лесенку, ведущую в спальню.

Тишина в башне была непривычной. «Вроде бы самое время для утренней пробки», — подумал Басс. И тут же почувствовал, что наверху кто-то есть.

Неужто его место занял новый лифтер? Он крадучись поднялся по лесенке, приподнял крышку люка.

На подоконнике в дальнем конце спальни сидела Мария. Любимая клетчатая рубашка Басса была ей великовата — но шла ей так же, как шли любые вещи, которые она когда-либо надевала.

Ну, хорошо хоть с ней все в порядке. Сама отвязалась от братьев-полипов. Вот только что у нее там на коленях? Опять какое-то сектантское барахло, которое придется отнимать и выкидывать?

Он обошел кровать… и замер.

У Марии на коленях сидел лисенок. И они с Марией не обращали на Басса никакого внимания, продолжая сосредоточенно пялиться в окно! Их головы слегка поворачивались туда-сюда в такт пролетающим кибам. Иногда лисенок смешно фыркал. Иногда фыркала Мария.

— Э-э… — выдавил из себя Басс.

Мария обернулась и приложила палец к губам. Но лисенок уже увидел Басса и спрыгнул с колен Марии на подоконник, выгнув спину и задрав вверх все свои хвосты. Их было три.

С улицы донесся глухой удар одного киба о другой. Потом еще один удар, и еще. Соловьиные трели, кукареканье и прочие звуки пробки наполнили башню.

«Случайное совпадение», — подумал Басс.

«Ну да, щас! — парировал внутренний собеседник. — Сам ведь знаешь, что не случайное. Зеркальные нейроны, язык зверей и птиц. Биологические компоненты в системах навигации кибов, забыл?»

Басс протянул руку к лисенку. Тот отодвинулся.

— Ты же не выбросишь его, правда? — Аквамариновые глаза Марии как будто заранее знали ответ. — Он пока ничего не умеет, но быстро учится.

«Провоняет ведь всю квартиру», — подумал Басс.

Лисенок поглядел на него, как невропатолог на дебила… и превратился в водопроводный кран. Басс тряхнул головой — перед ним снова сидел лисенок и как ни в чем не бывало вылизывал лапу.

Басс постоял еще немного, осмысливая увиденное. Потом погрозил зверьку кулаком, вызвал искин домовладельца и оплатил счет за воду самого высокого качества. Через пару минут наверху зашелестел душ.

ЛОГ 18 (ВЭРИ)

Что толку сжимать веки, если чуткий слух от этого лишь обостряется!

Когда киб влетел в тоннель, успокоившийся было ребенок опять захныкал. Ну уж нет, пусть лучше «живые картинки»! Вэри открыла глаза и подалась вперед, к спинке следующего кресла, с твердым намерением вырубить источник звука.

Девочка лет пяти. То, что Вэри сперва приняла за короткую курточку с капюшоном, при ближайшем рассмотрении оказалось коконом из собственных волос ребенка. Длинные светло-зеленые локоны стекали с головы сплошной волной до самых колен. Продолжая ныть, девочка то и дело раздирала этот покров руками, но добавочные гены водорослей-«липучек» делали свое дело: волосы снова сходились и застегивались.

Вэри поежилась. Ее собственное шелковое кимоно показалось тяжелой кольчугой рядом с этой пижонской «влаской». Она непроизвольно оправила накладной воротник, подтянула верхний пояс. Привычный ритуал вернул чувство гармонии с простой одеждой, и Вэри пошла дальше: выровняла трехслойные края широких рукавов так, чтобы голубой шелк выступал на два пальца из-под белого, а самый нижний желтый настолько же выдавался из-под полупрозрачного голубого.

На самом деле, кимоно — что надо. Вовсе даже не тяжелое. А широкий оби из мышиной парчи завязан «задним узлом» вовсе не из скромности: так удобнее дыхание контролировать.

Другое дело, что прическу не поменяешь. В такие моменты Вэри прямо-таки ностальгировала по тем временам, когда работала младшей феей. Тяжело, конечно, день за днем промывать мозги всем этим занудам. Зато какой фейерверк она устраивала на собственной голове ежегодно второго июня, в День Феи, превращая волосы в световоды!

При нынешней ответственной работе так не повеселишься. Раз голова перестала быть украшением и превратилась в рабочий инструмент, в нее не должен залезать кто попало. Остается чисто функциональная укладка: не заколки для волос, а волосы, модифицированные для работы с этими тремя заколками. Тоже, в общем-то, световоды, но удовольствия уже никакого.

Девочка, сидящая впереди, вдруг подняла голову. Большие карие глаза были мокрыми, но чувствовалось, что ребенку надоело ныть без ответа. Столкнувшись взглядом с черноволосой незнакомой, она снова уставилась в пол и издала очередное «уы-ы-ы».

Работа на уровне зрительного контакта никогда не вдохновляла Вэри. Но простейшие приемы Марта ей все-таки вдолбила. Вот сейчас ребенок снова посмотрит. Обязательно посмотрит: мало кто умеет сопротивляться инстинкту «второго взгляда». Вэри развернула веер.

Маленькая зеленоволосая хотела лишь удостовериться, что большая черноволосая перестала на нее пялиться. Но когда она подняла глаза, на месте головы черноволосой было такое!.. такое!..

Вэри щелчком свернула веер. Ребенок, мгновение назад изводивший нытьем весь киб, сидел теперь с выпученными глазами, не издавая ни звука. Полный контроль, хоть крестиком вышивай. Конечно, один ребенок — несерьезный масштаб для шокового гипноза. Теракт или конкурс красоты разом тысячи обывателей прошивает. И все же индивидуальная работа приятней, чем окучивание толпы.

Она откинулась на спинку кресла. Киб мчался вместе с сотнями других машин по тоннелю, и волны рекламы яростно атаковали все это стадо. Пульсирующие логли струились по потолку и стенам, передавая эстафету от заведения к заведению: чайхана «Горный дух», рыбная закусочная «Хо и Хо», нетро «У Отто»… Рестораны и магазины побогаче использовали самонаводящиеся лазерные пушки и прицельно лупили картинками по каждой паре глаз до тех пор, пока киб с обладателем этих глаз не вылетал из зоны обстрела.

Ага, все-таки путешествие в общественном кибе имеет свои преимущества! Окна машины потускнели, голубая вспышка сбила нескольких рекламных махаонов еще на подлете. Искин-таксист знал свое дело и не собирался выпадать из расписания из-за какого-нибудь пассажира, поддавшегося на обработку.

Зато новичков цепляет. Вот и первая жертва: водитель мчащегося рядом «боинга-компакт» долго жмурится под лазерным обстрелом, но наконец сдается и утвердительно кивает. С витрины «Пиццерии Лучано» тут же срывается вдогонку огромная квадратная коробка. Пролетев метров сто, коробка плюхается в приемный контейнер на крыше киба с точностью, которой позавидовали бы все ракетчики прошлого века. К середине тоннеля над потоком машин уже носятся сотни таких снарядов всех цветов и размеров, подсвеченные трассирующим огнем новых логлей. Некоторые кибы сбавляют скорость и сворачивают к заманившим их магазинам.

Вэри подумала, что из всех знакомых ей наворотов внешней трехмерки это тоннельное буйство рекламы больше всего похоже на Ткань. Скорее всего, дело именно в провинциальности. В

крупных городах давно уже не позволяют таких грубых вторжений в общественное аудиовизуальное пространство. Большая часть прошивок идет тихими потайными строчками — либо через личные искины, либо через персональный сервис добрелей и прочих служб гумподдержки. Здесь же кажется, будто киб — это маленький нанозит, несущийся по прозрачной вене огромной руки, а тоннель вокруг — как рукав кимоно одной из воинствующих приватисток, которые любят нашивать на одежду «скальпы» подбитых рекламных тварей.

Она отвернулась от окна. Над спинкой кресла впереди торчала голова в зеленых водорослях.

М-да, вот тебе и шоковый гипноз… Обленилась, привыкла работать с толпами. А ведь знаешь прекрасно, что чем больше людей, тем тупее они ведут себя. В разреженной толпе — как муравьи, в плотной — как жидкость, а при полном отслеживании обратной связи в этой жидкости исключается даже случайная турбулентность. Но все это перестает работать, когда человек — один, сам по себе. Ох, не зря, не зря тебя Марта гоняла на практику, на ночные улицы бандитских кварталов!

— Ты неорг? — прошептала девочка.

Немного подумав, Вэри кивнула с важным видом. Карие глаза девочки стали еще больше.

— Ты едешь на кладбище?!

Снова кивок. К широко распахнутым глазам ребенка добавился открытый рот, откуда вылетело маленькое «ах».

— Ты меня заберешь?!

— Ты тоже едешь на кладбище, — уклончиво ответила Вэри.

— Эти везут! — Девочка мрачно кивнула вперед, где сидели родители. Женщина в дремодеме, а мужчина что-то читает. Интересно, а где гувернантка?

Вэри заглянула на сиденье девочки, ожидая увидеть пушистую игрушку, заботливо усаженную рядом с хозяйкой.

Не угадала. Кукла с утиной головой была использована в качестве скамеечки: одна коленка девочки стояла на утиной голове, другая — на кукольном тельце в изодранном платьице.

— Они всегда обещают, что если я буду плохо себя вести, меня заберут неорги! — Зеленые волосы взметнулись и снова сложились в курточку. — И всегда обманывают! Я каждый раз плохо себя веду, когда мы на кладбище едем! Я и плачу, и вещи бросаю. А меня никто не забирал ни разу! Даже ни на минуточку!

С последними словами она подпрыгнула, вдавив колени еще глубже в живот и голову куклы. Утиная голова жалобно пискнула что-то насчет приличных девочек, которые так себя не ведут. Да уж, ребеночек не подарок.

— Так ты ей ничего не сделаешь. — Вэри указала на несчастную куклу-гувернантку. — Я своих обычно в микроволновую печку засовывала. Или в ванну с водой.

— В воду я уже пробовала. — Зеленоволосая перестала прыгать. — И в камин. И еще в папину ряс-палатку заворачивала. Она эко… экранирует, вот. Дона так смешно пищала, когда поняла, что ни к чему не может подключиться и не видит ничего! А что получается в печке?

— Просто блеск. Но воняет ужасно. Могу еще один способ подсказать… Только надо знать имя.

— Ее зовут Дона.

— Нет, твое имя.

— Ада.

«Экая неудача, — поморщилась Вэри. — Перевелись у них обычные имена, что ли… Неизвестно, кто сильнее будет реагировать на такой крючок: ребенок или я сама. Шутка ли — имя Первой Феи! И любимая присказка Марты — „чтоб тебя Ада прошила!“

На этот классический дремль о Красавице и Чудовище наставница ссылалась всякий раз, когда хотела напомнить о сомнительной роли мужчин в техническом прогрессе. Неудивительно, что ее подопечная выучила сценарий наизусть. Вот мафия уличных шарманщиков узнает о том, что Чарльз Бэббидж разрабатывает машину, которая якобы сможет сама собой играть любую музыку. Понимая, что это грозит уничтожить их бизнес, шарманщики решают свести Бэббиджа с ума круглосуточными «концертами» под его окнами. Доведенный до психоза, пожилой ученый бросает работу над первым компьютером, «дифференциальной машиной». Но его юная помощница, великая Ада Лавлейс, все-таки приручает железного монстра с помощью простеньких дырчатых перфокарт от ткацкого станка.

Как она была очаровательна в этом дремле, хрупкая леди на фоне латунной махины весом в несколько тонн! И как же с тех пор испоганился мир! Все с точностью до наоборот: маленькие изящные искины в руках толстых ленивых мужиков из служб гумподдержки. Поневоле будешь искать положительные примеры в прошлом…

— У тебя есть тень, — вдруг заявила девочка. — Значит, ты не облик. Хотя, если ты прицельный облик, который вижу только я… Тогда ты можешь быть очень высокого качества.

Она покрутила головой, глядя на Вэри то одним уголком глаза, то другим. Потом быстро-быстро поморгала. Потом свела глаза к носу.

— Нет, не облик.

— Нет, — покачала головой Вэри.

— Но зато у тебя один глаз кривее другого, — заметила девочка. — У моей куклы так было, когда я ее в камин бросила, а потом быстро вынула.

«Ничего себе сравненьице!» Вэри поймала свое полупрозрачное отражение в стекле киба. Отражение подмигнуло в ответ.

«Хотя старушке Ванде это понравилось бы. Уж она-то не упускала случая напомнить, что больше половины девочек-фей, включая ее саму — восстановленные самоубийцы. Отсюда, мол, и особая чувствительность нашей психики, пережившей такой облом: мозг уже принял решение о смерти, но искин не позволил…»

Пока черноволосая незнакомка раздумывала, как ответить, девочка выхватила из-под ног свою помятую куклу.

— Дона, ну-ка скань ее! И скажи, человек она или неорг.

— Человек, женщина. — отозвалась кукла. — Прямой опасности нет, но хорошие девочки не заговаривают с незнакомыми…

— Не умничай, а то опять в ванну брошу, — перебила зеленоволосая. — Скажи лучше, почему у ней камера между глаз?

— Это не камера, это драгоценный камень. Украшение. Ее персональный искин находится в гребне на затылке. Класс «каф-спец», используется для дизайна хореограффити.

— Что такое хореограффити?

В глазах куклы включился проектор, и над креслом повисла объемная картинка: девочка в балетной пачке. Девочка сделала танцевальное «па» — траектории движений рук и ног остались в воздухе разноцветными лентами.

Следующий ролик: несколько девочек постарше в крепких трусиках и лифчиках из кружевного кевлара, летают в невесомости. Курсы космобола. Сложные синхронизированные движения всей группы рисуют в воздухе розу из красных кругов и зеленых спиралей.

Картинка опять сменилась: девушка в красном призывно улыбается мужчине, идущему навстречу. Мужчина протягивает руку…

Проектор погас.

— Это тебе еще рано знать, дорогая, — заявила утиная голова.

«Хороший фильтр, — мысленно согласилась Вэри. — Боевые разделы Камасутры в таком возрасте все равно не запоминаются. Или, что еще хуже, запоминаются неправильно, так что потом

клиентам нелегко собирать выбитые зубы сломанными руками.»

— Вот так всегда, на самом интересном! — Девочка пару раз стукнула утиной головой куклы о подлокотник кресла, но продолжения справки о хореограффити так и не последовало. Ада бросила куклу и вновь обратилась к Вэри:

— Так ты не неорг?

Уловить в ее голосе разочарование было нетрудно.

— Я умею дурить сканеры, — заговорщицким шепотом произнесла Вэри. «Драный креп, в кои-то веки сказала правду!», — добавила она про себя. Но маленькая зеленоволосая нравилась ей все больше, и останавливать игру не хотелось.

— Ты ваянг? — восхищенно шепнула девочка.

— А откуда ты знаешь о ваянгах?

— Подслушала, когда к папе гости приходили. — Девочка нагнулась поближе к собеседнице. — Они говорили, ваянги вроде роботов, только очень похожи на людей. И еще они могут менять форму.

Маленькая рука змейкой проскользнула за спинку кресла и вцепилась в пальцы Вэри.

— Ты довольно холодная, — заметила девочка. — Может, ты и вправду ваянг…

Вэри еле сдержала смех. Все-таки любую Лицевую можно пропороть, когда слышишь, как ее повторяют дети. У взрослых это еще как-то серьезно получается, весомо. Но когда говорит ребенок, сразу видно, где шито белыми нитками. Никто в здравом уме не будет развивать человекообразных роботов, когда вокруг столько роботообразных людей.

— Только я не очень верю в этих роборотней, — задумчиво произнесла девочка, словно отвечая на ее мысли. — Зачем делать робота, похожего на человека? И это наверное очень тяжело.

— Зато с его помощью можно других людей обманывать, — осторожно предложила Вэри.

— А обманывать можно и проще! — заявила зеленоволосая. — Можно сделать… ну, как это… чтобы сразу в голове. Тогда и тень можно сделать, и чтобы потрогать можно было, и температуру. Только это все будет понарошку, как будто смотришь дремль. Или как будто заболела, и у тебя в голове сидят такие крохотные вирусы, которые изменяют все картинки. Тогда ваянгу и не надо быть похожим на человека. Надо просто носить с собой эти вирусы.

Теперь настал черед Вэри распахнуть глаза пошире. Ребенок не только пропорол Лицевую, но уже собирался расковырять и Подкладку «Дела о волкотах».

— Ты сама это придумала, про ваянгов?

— Сама. Ну… я еще немножко почитала волшебный календарь. Там был стишок про большую тень от малюсенькой мухи. А потом сразу история про вирусы.

«Вот и говори после этого, что волшебные календари не опасны!». Пять лет назад модельерша-лингвистка из Тарту-2 пришла к выводу, что эти маленькие электронные подборки текстов и рисунков могут сбивать прошивки Артели, выводя сознание читателей на анти-модельные ассоциации. Ретивая модельерша даже набросала выкройку для запрета. В качестве Лицевой шилась борьба с шарлатанством, в качестве Подкладки — использование календарей террористами для передачи друг другу секретных сообщений. Однако более точный обсчет показал, что риск завышен: календари действуют так сильно лишь на очень маленькую группу людей.

Стало быть, дело в ребенке. Вэри внимательно оглядела сидящих впереди родителей.

Отец — статный, светловолосый, в простом шерстяном пиджаке. Скорее всего, русский. Судя по одежке, военный или даже космонавт. Издалека этот костюм можно принять за новомодный японский «статик». В Токио-5 многие ходят в таких пиджачках, имитирующих «снег» на экране старинного телевизора со сбитой настройкой. Но сейчас видно, что крапинки на пиджаке папаши совершенно неподвижны. И даже пуговицы настоящие. Такая архаика популярна среди людей, вынужденных проводить долгое время в скафандрах и экзотах. Оно и понятно: когда в тебя постоянно впиваются сенсоры, а к копчику на целый год подключен хвостовой манипулятор — поневоле возненавидишь любую умную одежду.

Зато супруга-китаянка берет одеждой за двоих: навороченное голоплатье, меняющее форму и цвет каждые пять минут. Тут профессию легче всего определить по рукам — время от времени они как бы сами собой проделывают странные движения, словно касаются несуществующих предметов.

У Вэри когда-то была похожая привычка — рисовать всякие загогулины во время разговоров. Однако появление искина-хореографа сделало эту игру незаметной для окружающих. И даже направило ее в более практичное русло. Прилетаешь на дело в какой-нибудь Иран-3, а там вдруг запретили все виды танцев, кроме «танца с саблями». А местные девочки-феи ничего такого не могут, нет у них такой нейрограммы. Сидят, бедные, все в слезах и порезах. Приходится для них, дурочек, редактировать все арабески вручную. И на себе показывать, чтобы не боялись…

У мамаши-китаянки движения немного иные. Да и делает она

их, похоже, неосознанно. Крутит руками на автомате, словно в психодраме под глюком. Ну ясно, трансактриска из второсортного лепта. Вся жизнь — репетиция.

И не очень здоровая трансактриска. Издали все не разглядишь, но контур нижней челюсти виден хорошо. «Дело Неандертальца». Этой дамочке нельзя иметь детей.

Но вот же оно, дите. Милое личико с явными чертами матери — но без ее наследственной печати ретровируса. Выходит, родители произвели очень сильную генетическую коррекцию.

А это куда сложней, чем цвет глаз или форму ушей заказать. Лет двадцать назад — другое дело. В то время Демрон, отдел демографического регулирования, только тем и занимался, что распарывал и перешивал свои корявые заплаты. Токсичная бумага для сигарет, контрацептические добавки в гуманитарную помощь, побочные эффекты лекарств от импотенции, искусственные хламидиозные пандемии, пропаганда виртуального секса, переход на летнее время…

Сбои, возникавшие от таких грубых методов, Марта в шутку называла «плавающими эрогенными зонами». По ее словам, именно так в истории «плавали» места, которые оголял женский костюм. Не успевали войти в моду открытые плечи и длинные платья, как женщины тут же начинали тянуть ткань в другую сторону, открывая ноги мини-юбками и закрывая шею воротниками.

Так и с демографией. В какой-нибудь Канаде запрещают искусственное оплодотворение, но не запрещают экспорт эмбрионов — и через несколько лет где-нибудь в Пакистане все роддома полны белокожими и голубоглазыми младенцами. Опять дыра.

Вот и эта русско-китайская парочка — очередная погоня за «поплывшей эрогенной зоной». В конце прошлого века у русских был перебор женщин, а в Китае — мужчин. Через тридцать лет, благодаря криворуким модельерам из Демрона, все перекосило в обратную сторону. Теперь Артели пришлось компенсировать переизбыток русских богатырей китайскими красавицами, которых тоже стало многовато на их родных континентах.

Правда, к тому времени всеобщая искинизация упростила работу. Плюс добрели и брачные агентства, плюс множество сект, специализирующихся на семейных проблемах. Шансов для случайного брака у этой парочки не было практически никаких. Хотя сами они всю жизнь будут верить, что их свела судьба, а не фея-белошвейка из Демрона.

Но то, что они завели здорового ребенка, имея такую наследственность… Явная работа Джинов. И не здесь, а только в

Пекине-2, где дело этой секты по-прежнему стоит среди «хорошо рвущихся». Каких только чужих преступлений не шили тамошним Джинам! И бесчеловечные опыты тхагов, и эмбриональную контрабанду раэлитов, и банальное уличное вымогательство на основе генетического шпионажа… Успешнее всего на них натравливали «ультразеленых», помешанных на защите «братьев наших меньших» от людей. И выкройка-то была надежная: опыты Джинов по межвидовому переносу генов очень мешали экологам разобраться, кого же теперь защищать — мышей с человеческими ушами или людей с мышиными мозгами.

Однако в Пекине-2, новокитайском «городе мечты», все эти заплатки рвались на каждый «детский сезон». Самую удивительную дыру два года назад подогрела пресса: неудачный заголовок «Работница тракторного завода Лудзян родила шестерню» каким-то образом просочился через все фильтры журискинов в открытую печать и вызвал очень противоречивую реакцию среди малообразованных слоев населения.

Хотя дело, конечно, не в прессе. Слишком велик соблазн родить ребенка с подправленными генами. Особенно если живешь на континенте, где постоянно долбят: «Здесь ты можешь сделать все, что запрещали в Старом Китае».

И за примером далеко ходить не надо: сидит напротив. Здоровый вундеркинд, дитя потенциальной шизофренички — или как там их сейчас называют, с учетом новой Подкладки этого дела? Ох, что за дырявый денек…

— Так ты заберешь меня к неоргам на кладбище? — напомнила девочка.

— Но зачем тебе?

— А чтоб они меня не учили. Там хорошие искины, с ними можно просто поболтать.

— Твоя гувернантка и так не особенно старается. — Вэри указала на куклу с утиной головой.

— Старается, старается! Каждый вечер норовит рассказать какую-нибудь дурацкую сказку! Можно подумать, я сама не умею!

— А ты умеешь? — улыбнулась Вэри. Очень уж комичная картинка, должно быть: искин-воспитатель, из последних сил загружая наротерапевтическую программу, стремится подшить ребенку правильную систему ценностей… а тот перехватывает инициативу и начинает учить искина.

— Да запросто! — Девочка с волосами цвета васаби склонила голову набок. — Вот слушай. На одном далеком континенте все певицы пели на публике только один раз в жизни. И сразу умирали потом. А до этого они все время сидели дома и репетировали. И была среди них одна молодая певица, у которой

был самый лучший голос. И энку ей купили хорошую. Вот она репетировала-репетировала, репетировала-репетировала с этой энкой… А потом вышла, да как запоет! Все обрадовались и говорят: «Теперь мы верим, что ты лучше всех!» А она говорит: «Да ладно, ерунда». И тут же умерла. Нет, сначала она мороженое съела. А потом точно умерла.

— И все? — спросила Вэри, подождав с минутку. Ничего себе сказочка! Видимо, искин обнаружил у своей маленькой хозяйки хорошие вокальные данные. И пытался их развить. Малышка в ответ сочинила мрачноватую пародию на собственную мамашу-трансактрису.

Этой зеленоволосой хулиганке явно нужен более серьезный наротерапевт. Иначе лет через десять… Страшно даже представить, что будет, если не залатать такую прореху вовремя.

— Да, это вся сказка! — подтвердила маленькая Ада. — У меня еще есть, но эта самая лучшая. Она короткая, и в ней все ведут себя. Даже не знаю, почему она так расстраивает Дону. — Девочка пнула утиноголовую куклу. — Вот если бы меня забрали какие-нибудь дикие неорги, они бы наверняка…

— Ада, не мешай людям! — перебил ледяной голос с переднего сиденья.

Кресло с матерью-китаянкой резко развернулось. Одежный облик принял вид глухого черного платья с оранжевой каймой по вороту и подолу. Сцепленные в замок кисти, сжатые колени… «Тоже мне, монашка нашлась». Вэри чуть отодвинулась.

— А и я не мешаю, — невинно захлопала глазами девочка. — Мне тетя сказку рассказывает!

— Вы детский наротерапевт?

В первый миг Вэри даже не поняла, что мамаша обращается к ней. Интонация китаянки ничуть не изменилась, в ней была та же строгость, с какой отчитывают детей.

— Да, я могу работать с детьми. — Из-за неприятного тона вопроса Вэри автоматически встала на сторону ребенка.

— У вас есть лицензия? — Китаянка развернула руками невидимый свиток.

«Зачем тебе, дуре, лицензированный наротерапевт? Через неделю примут новый закон и все текущие лицензии будут отозваны!», — мысленно ответила Вэри. Нет, конечно она не скажет этого вслух. Даже если Артель определяет будущее подобных идиоток, никто не обязан докладывать об этом самим идиоткам.

— У меня диплом по смежной специальности, с правом частной практики.

— Что ж, давайте послушаем. Милый, ты кажется говорил,

что нашей Адочке нужен воспитатель-человек? Представь, здесь нашлась одна… кандидатка.

Вэри широко улыбнулась. Простенький трюк — собеседник думает, что ты с ним согласна, а ты всего лишь набираешь воздуху, чтобы достойно ответить. В том духе, что иногда воспитатель нужен не детям, а их закомплексованным родителям. Причем в данном случае наротерапевт бесполезен, лучше сразу заказать пару крепких нейрохирургов.

Но не успела она и рта раскрыть, как развернулось второе кресло — нехотя, с достоинством. Однако киб, поддерживающий персональный микроклимат для каждого пассажира, все равно не успел так быстро перестроиться. Вэри обдало прохладой, капля пота между лопаток стала ледяной и невыносимо щекотной.

Да и от вида мужчины грубить его жене расхотелось.

Умные, но очень усталые глаза под соломенными бровями. Волевой рот, но сейчас — с опущенными уголками. Искин, отделанный под старинную карманную Библию. Не исключено, что настоящий Архангел-телохранитель, замаскированный под банальный новостник «тет-инфо». Вэри решила, что просканирует эту игрушку попозже. Не очень прилично вот так сразу наводить на человека веер. Умным глазам военного это не понравится.

— Нам можно послушать? — осведомился мужчина.

Вэри выдержала паузу. Собеседник, как бы вспомнив особый пункт устава, сконструировал из своих крупных губ подобие вежливой улыбки.

Ну точно, космонавт. От всего они там отвыкают, бедненькие. Даже когда на Земле собираются выпить пива, называют это «пропустим пару мячей». Или «пару свечей», если водку. А уж про секс-то и говорить нечего: в невесомости это можно делать только втроем! Либо надо использовать робота, чтобы крепко придерживал парочку — иначе они разлетаются по всему кораблю. Из-за этого у них потом возникают очень смешные привычки…

— Давайте-давайте, милочка, не стесняйтесь! — вякнула трансактриска с таким жестом, словно подталкивала Вэри невидимой пикой.

Да что же это за день такой! Называется, выехала проконтролировать третьеразрядную штопку… Сначала — две странные дыры в выкройках лже-доктора и ограбленного дремастера. Потом ребенок с деструктивными способностями анти-модельера. А теперь еще парочка озабоченных родителей, которые возомнили, что она набивается к ним в гувернантки. Будто ей больше негде бисер метать. Да она даже самую бездарную из своих белошвеек никогда не отправила бы на такую

банальную кройку! Шли бы в местный добрель и наняли феечку-первогодку.

— Мы вам, наверное, мешаем? — Отец девочки приоткрыл свою псевдо-Библию, как бы давая понять, что лично он с гораздо большим интересом почитал бы свежие новости. И опять, словно рассеянный артист, с опозданием растянул губы в искусственной улыбке.

— Нет, нисколько. — Вэри качнула головой. — Но для работы в вашем присутствии мне придется немного подправить сюжетную формулу. Буквально десять секунд.

«Что я плету? Опять потянуло на флирт вживую?!»

Но космонавт с соломенными волосами уже отложил Библию и приготовился слушать. Отказываться поздно. Надела наперстки — доставай иголки.

Ладно, все равно уже нет смысла вылезать из киба — через несколько минут он прибудет на кладбище. Так и быть, бросим пару стежков на радость несчастным родителям.

Вэри открыла редактор, и на сетчатке вспыхнули два участка Ткани, которые она просматривала в прошлый раз. Две дыры в обрывках цветных нитей. Два совершенно несуразных дела.

Лже-доктор, прибывший в клинику Лучано в каком-то нездоровом состоянии. Как глупо — больной врач, летящий с кладбища.

Да и второй, ограбленный, не лучше. Сочиняет сценарии модных дремлей, в которых герои-супермены с честью выходят из любых переделок. А сам позволил снять с себя макинтош прямо в центре города! Нет, ну правда, что могут эти людишки без своих Ангелов?

Впрочем, ты не лучше. Сразу бросилась искать выкройку этой семейки, чтобы узнать, чего там надо поправить. Это же так легко — подключиться к Ткани, к ее спасительному инфо-полю, которое даст тебе силу. Ткань знает все. Тысячи искинов-ткачей снимают мерки и заготавливают сырье. Тысячи модельеров чертят выкройки по лекалам человеческих страстей. Тысячи фей работают на местах, воплощая готовые модели в жизнь. А тебе, Золушка, остается лишь подправить, подштопать.

Но ведь ты — не какой-то там обыватель, который шагу не может ступить без искина! У Золушек тоже есть профессиональная гордость.

Вэри закрыла Третий Глаз, так и не добравшись до нужной выкройки. В конце концов, она сейчас не на работе. Так что формально никто не сможет ее обвинить…

— Я начала рассказывать вашей дочке сказку про одну из достопримечательностей нашего города. Про Два Камня, стоящие

на набережной там, где начинается Розовый Бульвар.

Она посмотрела на зеленоволосую девчушку. Та энергично закивала. Дети — прирожденные конспираторы.

— Согласно официальным документам, Два Камня возникли в результате аварии. Транспортный корабль сбился с курса и врезался в новый континент. Поговаривали, что это было подстроено цыганскими террористами, взломавшими навигационный спутник…

Китаянка хмыкнула. Вэри улыбнулась в ответ.

С моделью мамаши все ясно. Висящая на шее мужа смазливая истеричка во власти какой-нибудь банальной псидемии. В добреле такие прошивки называют «лечение заговорами». У артистов и путешественников самое популярное — заговоры пиратов-технокочевников. Только они нарушают авторское право, только они мешают работе транспорта и творят все прочие безобразия. Изнанка такой модели — собственные неприятные качества, которые хотелось бы изжить. Оттого она и приписывает их «врагам». Стало быть, за напускной строгостью — тяга к хаосу, к смене мест и мужчин, вечное желание перепрятаться, раствориться.

— …Только что выращенная материковая плита была еще мягкой. Поэтому столкновение корабля с небольшим декоративным мысом привело к деформации мыса. Часть коралла поднялась над водой в виде пары скал. Кстати, за этот промах капитана корабля подвергли стиранию персонального Ангела…

— Ангел — это училка, как у меня? — перебила девочка, схватив утиноголовую куклу за шею и подняв ее в воздух. — Подумаешь, стерли!

В скучающих глазах папаши мелькнул интерес. Вэри захотелось показать ему язык.

— Да, почти такой же личный искин, как у тебя, милая. Только помощнее. У взрослых Ангел накапливает много важной персональной информации, включая все документы, дипломы, лицензии, и даже историю болезней. Это позволяет человеку быстро находить с помощью Ангела и работу, и вообще место в жизни. Стирание Ангела, коммуникационная депривация, делает жизнь очень тяжелой. Проще говоря, наказанный капитан после стирания Ангела мог работать лишь простым матросом.

Она проследила, как сменилось выражение на лице космонавта. Быстро, словно тень пролетела — и снова механическая улыбка. Да, с папашей посложнее будет. Его обычной байкой про заговорщиков не возьмешь: у военных на этот счет хорошие блоки. Тут нужна настоящая Прошивка, с применением спецсредств. Хотя…

Может статься, что найти у него болевую точку даже проще, чем у его женушки. Сильная фобия, искусственно всаженный «внутренний крючок» — именно он и гонит таких людей упорядочивать мир.

Помнится, Марта жутко ругала этот метод создания героев. Хотя и признавала, что иначе теперь никак. Это раньше мужчин постоянно окружали опасности — «внешние крючки», требующие развивать выносливость и реакцию, биться с чужаками, осваивать новые территории. А при нынешней цивилизованной жизни кого заставишь лететь неизвестно зачем в космос? Вот и приходится создавать и поддерживать «внутренний крючок» у некоторых перспективных личностей.

И связаны эти фобии, как правило, с очень конкретными ощущениями. Незаметное движение веером — и пышущему здоровьем герою вдруг становится жарковато. Или появляется еле слышный мышиный писк в ушах…

Только для этого надо опять подключиться к Ткани. Она и персональный дискомфорт подберет, и Архангела блокирует.

Но тебе принципиально захотелось рукоделья. Так забудь про Ткань, шпилька. Раз уж начала импровизировать, то, как говорится, доведи свой оргазм до нефритовой ручки самостоятельно.

И на мимике не зацикливайся: не с одним человеком работаешь. Лучше сразу настроиться по дыханию. Когда люди долго живут вместе, их на этом синхронизировать даже легче, чем детей.

Вэри небрежно развернула веер. И медленно обмахиваясь, продолжала рассказ:

— …Но эту версию появления Двух Камней придумали взрослые. А они, как известно, ничего не понимают в жизни. Я расскажу тебе, Ада, другую историю.

Она подмигнула зеленоволосой малышке. Та подмигнула в ответ, сначала одним глазом, потом другим. Это чуть не сбило Вэри с ритма. «Уж не ошиблась ли я с ее ключами доступа? Может, она все-таки левша? Нет, лучше и вправду через дыхание входить».

Она прикрыла глаза и сосредоточилась. Веер стал порхать более ритмично.

— «*Давным-давно, хотя в общем, почти в наше время, жил на свете один старик безо всякой старухи. Жил он, как водится, у самого синего моря, и в море ловил себе рыбу. Была у этого старика одна лишь удочка из бамбука, с худою шелковой леской. И на самом конце этой лески жила маленькая и блестящая, но довольно-таки тяжеленькая Мормышка. А еще на леске, ближе к ее*

середине, жил небольшой и ужасно грязный, но довольно-таки плавучий Поплавок…»

— Он был пират, этот старик! — радостно перебила девочка. — Дона рассказывала мне про пиратов и их снасти!

— Тебе же сказали, это было давно, — одернула дочку мамаша. — В те времена люди еще не знали, что частная ловля рыбы нарушает права рыболовецких компаний.

— Может, мы не будем перебивать и дослушаем до конца? — предложил отец.

Вэри одарила его благодарной улыбкой. Веер снова вспорхнул, открывая картинку — домик у моря.

— «Рыба у старика ловилась неважно. Да и снасти его были с характером. Маленькую Мормышку все время тянуло вниз — не хотелось ей болтаться на леске! Однако внизу было темное и пустынное дно, и блестящей Мормышке оно не особенно нравилось.

"Но быть может, — рассуждала Мормышка, — если я закрою глаза, оторвусь от лески и упаду на дно, то превращусь в тихую мидию и заживу спокойно и счастливо."

И она закрывала глаза, и отрывалась. Конечно, она была очень вежливой, и поэтому делала вид, что оторвалась не сама, а зацепилась за камень.

Приземлившись на дно, Мормышка и вправду чувствовала себя легко и приятно. Но недолго. Открывая свои огромные глазки, она убеждалась, что не превратилась в спокойную мидию, а осталась все той же Мормышкой, кругленькой и блестящей. И подводные течения моря таскали ее по темному дну, били об острые камни, но в конце концов выносили на берег — где и находил ее старый рыбак во время отлива. И снова вешал на леску.

Не любил быть привязанным и Поплавок. Всякий раз, когда он погружался в воду, его с силой выталкивало наверх. А вверху было небо, холодное и пустое, и Поплавку оно не особенно нравилось.

"Но быть может, — рассуждал Поплавок, — если я закрою глаза и оторвусь от лески, волны смогут добросить меня до неба. А на небе я сделаюсь легким беленьким мотыльком и заживу весело и счастливо".

И он закрывал глаза, и отрывался. Конечно, он был очень смелым, и поэтому делал вид, что не сам сбежал, а его оторвала волна. И когда волна подбрасывала его в небо, ему становилось так легко и приятно, словно он и вправду сделался мотыльком. Но потом глаза его открывались, и оказывалось, что он так и остался грязным маленьким Поплавком. И волны гоняли его по заливу, мешали с разным плавучим мусором, но в конце концов выносили на берег — где и находил его старый рыбак во время отлива. И снова прилаживал на свою удочку.

Ох и намучился этот старик с Поплавком и Мормышкой! Когда он привязывал их слишком близко друг к другу, они тянули непрочную леску в разные стороны, и конечно, рвали ее. Если же кусок лески между ними был слишком длинным, снасть цеплялась за водоросли и тоже рвалась.

Иногда бывало и так, что бродившие по дну голодные крабы принимали Мормышку за мидию и откусывали ее клешнями. А в небе над морем летали голодные чайки, они то и дело хватали клювами Поплавок, думая, что он — мотылек, свалившийся в воду.

Но старик, что жил безо всякой старухи, всегда терпеливо дожидался Поплавка и Мормышку на своем берегу. Может быть, потому, что был он бедным, и не было у него других Поплавков и Мормышек. Или, может быть, потому, что был он мудрым, и знал, что едва ли они сгодятся на что-то другое — а значит, все равно вернутся к нему.

И еще случались редкие дни, когда погода была подходящей, не было ни крабов на дне, ни чаек над морем, а обитатели удочки — Поплавок и Мормышка — вели себя хорошо и не вредничали. И хотя даже в эти дни старику удавалось поймать лишь несколько рыбок, он бывал тогда очень счастлив. Он сажал этих рыбок в свое жестяное ведро, и они при свете морского заката выглядели совсем как золотые. А потом старик сматывал леску и шел домой, насвистывая свою любимую песенку.

Если вы бывали когда-нибудь у самого синего моря, вы наверняка эту песенку слышали. Ведь ее до сих пор поет ветер, пролетающий между Двух Камней. Наверно, поэтому один из них зовут Поплавком, а другой — Мормышкой»

# # # #

Все вокруг замерло. Киб стоял у входа на кладбище, однако из машины никто не выходил. Заслушались не только родители Ады, но и все остальные в салоне.

М-да, вот тебе и рукоделие… Особенно концовка, поразившая саму Вэри не меньше остальных. Ведь она собиралась развить совершенно другую тему! Предостеречь эту парочку насчет генетически-улучшенных детей, которые не всегда оказываются лучше. И на том, как говорится, скрестить булавки.

Но музыка, зазвучавшая у нее внутри где-то на середине рассказа… Ну конечно, та самая энка, которую она так успешно вычистила из памяти мэрского модельера! Мелодия, которую решено было придержать для более серьезной массовой прошивки, теперь крутилась в собственной голове Вэри, словно

пытаясь восстановить справедливость и вырваться на свободу. И это ей почти удалось — энка каким-то образом влезла в повествование, незаметно свернула ход сказки в сторону музыкальной темы… Еще немного, и Вэри пропела бы ее вслух, испортив все дело!

Вэри оглядела «пациентов». Мужчина, как и предполагалось, отделался лишь мрачной задумчивостью. Зато его жену прошило основательно. Китаянка сидела неподвижно, глядя в пространство темными остекленевшими глазами и даже не замечая, как из них течет. Казалось, ее только что вынули из сломанной криогенной камеры и сейчас у нее отвалится голова.

— Нормальная сказка! — Звонкий детский голос разбил тишину. Все пассажиры, словно застеснявшись, разом начали застегиваться и собирать вещи. Вэри тоже полезла под кресло в поисках гэта, которые сняла сразу после взлета киба.

— Только в этой сказке никто не умер, — продолжала зеленоволосая девочка. — Но это можно подправить!

— Да помолчишь ты когда-нибудь! — Пришедшая в себя мамаша громко всхлипнула. Потом вскочила, схватила дочь за руку и бросилась вон из киба.

«Перебор, — вздохнула Вэри. — Влажная обработка не планировалась… А это еще что?»

Сосед слева, полузадушенный галстуком старичок-политик, протягивал ей деревянную визитку с тонкой ажурной резьбой по краям.

— Моей правнучке нужен хороший наротерапевт. Дайте знать, какое у вас расписание.

— Но я не практикую! — запротестовала Вэри.

Однако розовощекий геронт в строгом костюме уже вылез из машины и бодро зашагал к воротам «Эдема». Даже его спина излучала уверенность в том, что он только что решил проблему воспитания молодежи, отведя на это ровно столько времени, сколько нужно.

Следом начали выгружаться ушастые братья-японцы. Они достали из-под сиденья какой-то агрегат, напоминающий одновременно гроб и мини-пианино, и теперь с величайшей осторожностью выпихивали его из киба.

— У вас интересное имя. — Усталые глаза космонавта следили за Вэри из-под соломенных бровей. Отец девочки не спешил выходить из киба. Зато уже успел открыть свою Библию и что-то там найти.

— Имя как имя, — пожала плечами Вэри, зашнуровывая гэта. — Неужели вы не нашли в моем досье ничего более интересного?

— Извините, мне пришлось… — Он комично наморщил лоб. — Все-таки не каждый день гувернантку нанимаешь. Мой, как вы точно выразились, Ангел… В космосе он работает в режиме электронного исповедника — лишние сеансы связи нам запрещены, вот и приходится с этой штукой разговаривать. И хотя на Земле в нем включаются и другие опции, мне иногда кажется, что святоша в нем понемногу захватывает память.

Он постучал пальцем по корешку искина в виде книги.

«Большому кораблю — большой иллюминатор, — мысленно съязвила Вэри. — Еще бы тебя отпустили шляться в космосе без надзора.»

— В частности, он всегда снабжает результаты поиска притчами, — продолжал отец Ады. — Обычно они скучноваты, но что делать. Служебная техника, приходится читать. Когда я вас сканировал, то вместе с вашим личным досье получил историю про какую-то Святую Варвару. Представляете, родной отец убил девушку за то, что она сделала в бане три окна — а не два, как положено. Никак не могу понять, в чем мораль этой басни с лишним окном. Может, это намек на ваш дефект зрения? Или на излишнюю открытость тела в вашей профессии? Извините, что мой искин так глубоко копает. Но вы ведь не только преподаватель кинестетики. Вы настоящая «тайфу», фея высшего класса.

— Всего лишь управляющая добрелем. — Вэри направила на мужчину веер и сняла мерки: знакомиться так знакомиться. — А на руководящей работе голое тело используется редко. Что же до вашей притчи о Варваре… В ней говорится лишь о том, что мужчины не понимают многих вещей, которые понимают женщины.

— Неужели вы знаете что-то такое, чего не знаем мы? — улыбнулся космонавт.

«Рассказала бы я тебе, какие чудеса ты видел на спутнике Юпитера до того, как в твоих мозгах прачечную устроили! Только незачем тебе знать, что у меня перед глазами все твои изнаночные швы. Придется отделаться намеками. Прямо как Марта когда-то…»

Она поглядела за окно киба. У ворот «Эдема» китаянка-трансактриса отчитывала дочку, взмахивая рукой с невидимой плеткой.

— В средневековом Китае мужчины не разрешали женщинам обучаться грамоте, — медленно начала Вэри, передразнивая лекционную интонацию своей наставницы. — Поэтому женщинам приходилось искать альтернативные развлечения. В десятом веке наложницы из гарема императора Му Цуня придумали особую

игру с картинками. Вскоре она сделалась столь популярной, что император запретил ее специальным указом. Так появились карточные игры. А в пятнадцатом веке в китайской провинции Хунань возник секретный женский язык Нюйшу. Жены нескольких вельмож создали собственную систему иероглифов на основе элементов вышивки. Матери втайне передавали язык дочерям на протяжении половины тысячелетия, маскируя записи под видом орнаментов на ткани. Мужчины узнали об этом только в конце двадцатого века. Достаточно?

— Да. Я вижу, вы можете преподавать даже историю. Это хорошо…. — Русский задумчиво пошевелил бровями. Потом, словно вспомнив о цели своего путешествия, резко поднялся и запахнул пиджак.

— О, история — мой любимый предмет! — соврала Вэри и тоже встала.

Они вылезли из киба последними. На улице светало, но желтые фонари на ограде кладбища еще горели, словно не желая отпускать ночь.

— Мы подумаем над вашей кандидатурой.

Космонавт коротко поклонился, и получив от Вэри ответный «рицу-ирей», отошел к жене с ребенком. Мать и отец взяли дочку за руки и двинулись вперед по главной аллее кладбища. Девочка подпрыгивала и пританцовывала, повисая на руках родителей. Вэри продолжала смотреть им вслед, ожидая последней реакции.

Вот и она: девочка с волосами цвета васаби выскользнула из качели родительских рук, обернулась и помахала — сначала левой рукой, потом правой. Спины родителей напряглись, но никто из них не оглянулся.

Вэри спрятала веер, стряхнула с рукава невидимую пылинку. Роль, которую она только что сыграла, была даже в чем-то приятна. Но продолжения спектакля не будет. И речи быть не может о том, чтобы работать наставницей этой маленькой бандитки. Тут и Ткань вызывать ни к чему — и класс, и причина дыры понятны. Слишком слабый искин-гувернер для такой активной малышки. Замена искина на воспитателя-человека скорее всего приведет к тому, что дыра не только расширится, но и останется незамеченной на долгое время.

Но пока прореха еще мала, эдакая микроскопическая черная бабочка на огромном цветастом ковре. И заштопать ее — как два стежка бросить. Послать имагу какой-нибудь фее по месту жительства, чтобы подшила родителям идею покупки нового искин-гувернера. Более четкая ролевая модель, интенсивный курс гипнопедии…

Само собой, под его капюшоном девочка вырастет не такой

смышленой. Что бы там ни придумывали наложницы императоров, а история массового образования никогда не блистала разнообразием. Церковные школы средневековья, элитные колледжи прошлого века, современные персональные искин-гувернеры — главная выкройка у всех одна и та же. Сделать человека послушным членом стада. А развитие его собственных способностей — это уж как нитка ляжет…

Так работает и вся Ткань. Все внимательнее отслеживает человеческие пристрастия, все точнее подгоняет выкройки, все аккуратнее подшивает каждого на свое место. Где человек, а где его шаблон — уже и не различишь.

А ведь когда-то ты верила, что на основе Ткани Артель может предсказывать будущее. Какая чушь! Предсказывает она лишь то, что сама навязала миру. Как комбинезон «э-ротик», который создает многочасовые сценарии виртуальных оргий. Будущее того, кто в это играет, вполне предсказуемо, пока клиент следует заданному повествованию. Ну а когда он отбросит хаптики, его вместе с его искином отправят в одно из таких мест, куда ты только что приехала. Тут вообще все просто. Бывают, конечно, мелкие сбои, но в целом кладбище — идеальная выкройка. Лучший способ предсказать будущее — растянуть прошлое до бесконечности.

Но что толку об этом знать, если даже твоя неприязнь к Ткани работает на нее? Не успела ты усомниться в расчетах Артели во время экзамена, как тебе нашли подходящее дело — сомневаться, отыскивать слабину, проверять Ткань на прочность.

И что толку в твоих видениях, если ты используешь их лишь как примету слабого шва, и опять помогаешь Артели затянуть разноцветными нитями то, что на самом деле показывала тебе «живая картинка». То невыразимое, что объединяет морозный узор на стекле и лист пальмы, нейрон под микроскопом и снимок реки из космоса… То, что время от времени прорывается в Ткани. То, чего не могут распознать искины — и потому используют тебя, чтобы от этого избавиться.

Вэри бросила взгляд в глубину «Эдема». Родители с девочкой все еще шли по центральной аллее. Остановились, что-то обсуждая. Потом свернули на боковую дорожку и скрылись за деревьями.

Эх, насколько проще детям! Никаких глобальных заморочек. Вон как эта мелкая: надоел искин-гувернер — накрыла папиной ряс-палаткой.

Но с другой стороны, далеко ли ты отошла от этой детской модели, шпилька? Разве что упростила ее еще больше, пессимизма добавила. Так удобно считать Ткань паразитом, да

нудеть про засилье искинов… Дежа-вуайеризм, как сказала бы Марта. Желание видеть лишь то, что уже было. Разве не может быть других вариантов?

Допустим, человек находит какое-то неизвестное существо. Как будто разумное. Но он не уверен. Да и разумность все по-разному понимают. Для начала лучше выяснить главное: опасно ли это существо, или наоборот, может быть полезным? А человек наш, как назло, вышел в лес без всякого оборудования. Или просто странствует без лишнего барахла. Или — чего уж скромничать! — маленькая девочка заблудилась в парке. И она начинает знакомство с простой игры на основе подручных предметов. Накрывает неведомого жучка платочком. Будет ли он вырываться? Или уснет, считая, что наступила ночь? Или вдруг… сошьет из ее платка собственное платье? Это был бы красивый ответ!

Так может, и Ткань — не всеобщее благо, как верят юные феи, и не всеобщая ловушка, как кажется иногда тебе — а всего лишь тест? Причем тест, в котором нету заранее выученных ответов. Испытание Неизвестностью.

«Ну я и наплела…». Вэри невольно поглядела на небо.

И все же что-то в этом есть. Даже если на деле оно совсем по-другому. Но само это чувство, полная смена выкройки… Удивительное ощущение, которого она всегда побаивалась и всегда желала. Словно долго работаешь в комбинезоне «э-ротик», почти сливаешься с его виртуальным миром, а однажды случайно наденешь хаптик с левой руки на правую — и весь мир переворачивается. Потом, конечно, привыкнешь снова. Но в самый момент сбоя точно дверца какая-то приоткрывается.

И сегодня она не спешит захлопнуться, осознала Вэри. Этот приступ неверия не похож на прошлые. Она опять усомнилась в своей модели мира — но ничего не хочет взамен! Готовность к Неизвестному — ни плюса, ни минуса, ни нытья, ни смеха. Не имеющему модели — не в чем сомневаться. Ему остается только смотреть и…

В висках кольнуло.

Нет, знакомая боль не сдавила голову, как бывало раньше, а осталась легким покалыванием, словно к вискам приложили снег. «Живая картинка» наплыла так естественно, будто прохладный ветер встряхнул и расправил полупрозрачное кимоно реальности. Через секунду оно снова смялось, вернувшись к первоначальному виду. Но то, что мелькнуло всего на миг, запомнилось навсегда.

Интересно, что же ее включило на этот раз? Вэри открыла глаза.

Огни города разметили небо яркими пунктирами, превратив

его в огромную выкройку. Но кроме этих огней, были и другие. Едва заметные за фонарями и небоскребами, в темном небе мерцали прорехи звезд.

Пастух и Ткачиха, разделенные Млечным Путем. И голова еще чуть-чуть кружится от видения, которое пришло вместе с ними.

Только не надо думать об этом так громко, шпилька. Не спеши, не буди раньше времени спрута, уснувшего на затылке. Мы ведь смотрели на небо лишь затем, чтобы прикинуть, куда ползет вон та тучка.

«Ты слышишь меня, алеф-тэнтей версия 7.251? Ну-ка быстро давай расписание санитарных дождей! Ага, молодец. А теперь подумай, где мы переждем этот дождь. Между прочим, пора позавтракать. Может, в чем-то моя наставница и перетягивала, но с этим правилом спорить глупо: на одном кислом яблоке весь рабочий день не протянешь… Э-э нет, не надо мне предлагать первые попавшиеся забегаловки!»

К тому времени, как она вышла на Параллель, любимая улица туристов совсем опустела. Даже редкие утренние прохожие, предупрежденные искинами о скором санитарном дожде, разбежались по магазинам и ресторанам. Неудивительно, что вся армия рекламных ботов сосредоточила огонь на маленькой девушке в трехслойном кимоно, одиноко бредущей по Параллели.

Но девушка, казалось, была только рада отдаться во власть рекламы. Внимательно разглядывала голографические пиццы, нюхала взрывающиеся перед носом фум-пакеты с запахом венских пирожных, нараспев читала куплеты-танки о числе калорий в одной шестой части суши и подтанцовывала сексапильным эльфам с фантомными чайниками в фантомных руках.

Даже если бы кто-то следил за ней в этот момент, он вряд ли понял бы, что она не особенно голодна. Мысли о еде отлично маскировали другую задумку, спрятанную в самом дальнем уголке ее сознания.

А задумке этой и не требовалось много места. Ведь в кружеве, которое собирался вязать этот тайный крючок, основу узора составляли не разноцветные нити, а пустота между ними. Разбросанные по пестрым просторам Ткани, эти темные лоскутки незаштопанной пустоты казались мелкими, бесформенными прорехами лишь поодиночке. Но отпечатываясь негативами на сетчатке того, кто ежедневно имел с ними дело, они постепенно собирались в памяти одного человека, и…

И одна из таких пустот, как теперь понимала Вэри, была связана с ней самой. Вот почему ей никогда не давали взглянуть

на личную выкройку: на себе, мол, не шьют. Но это уже неважно. Ведь она может видеть другие странные места Ткани. И среди прочего — выкройку своей будущей ученицы. А там наверняка будет почти то же самое, что у нее. И даже интереснее. Потому что эта девчонка уже умеет подмигивать так же незаметно, как звезда Ткачиха из-под вуали городских огней.

ЛОГ ЭПИ (ОМАР)

О Аллах, почему ты исполнил лишь ту мою просьбу, от которой нет никакой пользы!

Почему, почему другим правоверным ты даешь верных жен, послушных детей и большую прибыль — но только не тому, кто всю жизнь честно трудится в своей маленькой чайхане!

Конечно, за двадцать три года работы поднакопился кой-какой опыт. Заранее знаешь о многих гадостях, поджидающих в том месте календаря, где стоит день весеннего карнавала. Как зараженная вирусом пандора, этот день прямо-таки взрывается толпой помешанных на здоровье туристов без искин-толмачей и без всякого желания заказать что-нибудь изысканное.

Если они прилетели к тебе «на своих двоих», то так и норовят раскрыть эти двухметровые крылья для просушки как раз тогда, когда ты несешь мимо них марсианский хрусталь.

Если у них настало время сменить копыта и жабры, они обязательно бросят старые органы прямо на стол, хотя других посетителей начинает тошнить от одного только вида их перепончатых рук и вывернутых коленей.

Если они не спешат, то обязательно станут хвастать, что только на их континенте можно купить бомбилью с супер-струной, а не с каким-то банальным глюоновым ситечком. А потом еще целый час учат опытного чайханщика, сколько секунд заваривать матэ для бодрости, а сколько — для успокоения.

И после всего этого, нахамив и нагадив, они еще норовят расплатиться не сетевым переводом, а пуговицей, манжетой или каким другим обрывком собственного искина — да еще с таким кодом платежа, какого даже кривой меняла Ахмат не сможет расшифровать! Но попробуй скажи что-то против — сразу начнут орать, что платежи через Сеть небезопасны, а оставлять свои биометрики в первой попавшейся чайхане они не хотят, а носить с собой местную наличность им неудобно, ведь на их подводном континенте все давно перешли на удобные пузырьковые деньги-баблоиды, и когда ж это наконец в провинциях начнут чтить законы об уважении племенных обычаев клиента… И так далее, и так далее, на весь вечер.

А бывает и хуже, особенно в эти праздничные деньки. Карнавальные маски — они ведь не только как ингаляторы могут работать, но и наоборот, как фильтры. И всегда найдется негодник, который попробует травануть твоих ботов индийским бэтчер-баньяном, или людей заморочить похабными феромонами из Франции-Восемь. А то и вовсе подпустит верта голландского:

вроде бы ничего не произошло, а все посетители вдруг улыбаются и отдают искины какому-нибудь невзрачному типу с лиловым клювом.

Хорошо хоть сын разбирается во всех этих нанодемонах, и у Шайтана всегда есть самые свежие биодетекторы. Вот только работает Шайтан по-старому грубо: как начнет распылять антиботы да щелкать ионизатором — потом неделю не отмоешься.

Ладно, опытный чайханщик и не такое видел. И знает, что на всякую злую технику найдут управу добрые люди, если объединятся. Кто идет против чайханы «Горный дух» — тот идет против всей пищевой сети Марека Лучано. Вон на прошлой неделе один ресторатор-индиец рискнул подослать в чайхану пару мух-шпионов. Так на следующий день господин Лучано отправил в его вонючую забегаловку целый рой таких ядовитых шершней, что с тех пор туда и вообще никто не заходит!

Но то, что случилось на этот раз… Зарази всю Коралловую Гору американский гриб-камнеед, выруби весь город китайская пылевая буря — и то бы не было так противно! Сегодня репутация Мусы была подмочена так, что выжав ее, можно было набрать три пиалы «Белого слона», любимого безтиинового чая всех космоболисток и генокурьеров.

А главное — такой позор на глазах родного сына! И так-то он совсем от рук отбился. Кажется, еще только вчера лежал этот розовый карапуз на подушке, специально сшитой лучшими катарскими робопауками для обряда «исем кушу». И мулла Катбей долго-долго сверялся с личным спутником, поворачивая подушку так, чтобы ноги младенца смотрели точно в сторону Мекки. А потом, стоя у изголовья, прокричал азан и имя ребенка, и повторил это трижды, во всю мощь своего горлового импланта, чтобы слышала вся Коралловая Гора.

Как же быстро летит время! Не успели и оглянуться, а карапуз уже превратился в наглого дылду. Грубит родному отцу, отказывается здороваться с господином Лучано, который столько хорошего для него сделал! Ну и что, что дочка Лучано — не шибко умна. Зато будет послушной женой, а для бизнеса объединение наших семей и того важней. Но поди докажи это пятнадцатилетнему пацану, который в ответ корчит умника и рассказывает, что материал, из которого сделан чайник, очень сильно влияет на вкус напитка!

А уж как он будет доволен теперь, когда у него на глазах родного отца обвели вокруг пальца!

И почему все большие гадости случаются как раз тогда, когда ничего плохого уже не ждешь? Вот если носишься как угорелый с

шестью подносами перед высокопоставленными гостями — как месяц назад, когда вместо старой мэрши-японки, любившей простую сенчу, вдруг явилась новая, молодая эфиопка, со всей свитой, да заказала себе шоколадную церемонию, о которой никто в Горе отродясь не слышал! Но даже тогда все сделали по высшему классу: через сеть Лучано моментально нашли и рецепты, и скрипты всей нужной посуды, и даже африканские рубахи с бусами…

Нет, самое опасное — это день перед праздником, послеполуденный сонный час. В главном зале — лишь пара мелких клиентов, с которыми разберется и сын. А здесь, в бывшей дедовской пещере, переделанной в зал для почетных гостей, пока что вообще никого. Из кораллового тоннеля веет прохладой, блики плазменных факелов танцуют на сталактитовых лепестках. Можно лечь на диван под каменными цветами деда и слегка вздремнуть.

Вот тогда-то оно и подкрадывается…

# # # #

«*Лидер партии Ксенобиологического Единства Иль Ю арестован сегодня утром во время заседания Конвента при обсуждении судьбы космического поселения на Европе, спутнике Юпитера. Напомним, что около месяца назад на станции «Европа-1» вышла из строя значительная часть оборудования вследствие неожиданного усиления магнитных бурь. На обсуждение Конвента было вынесено предложение о сворачивании работ на Европе до завершения проекта по перестройке магнитного поля планеты. Однако представитель Ксенобиологического Единства в своем выступлении заявил, что данный план имеет целью уничтожение неизвестных форм жизни. По его словам, недавнее спасительное изменение курса астероида, грозившего обрушиться на Землю, было вызвано колебанием магнитного поля Европы, что свидетельствует о разумности и дружелюбии существующей там жизни. Депутат заявил также, что знает о целом ряде подозрительных отклонений в автоматических системах глобального позиционирования, в результате чего определенные зоны космического пространства просто не попадают на астронавигационные карты. При этом лидер Ксенобиологического Единства употреблял термин «исказин» и более крепкие выражения, оскорбительные для искинов и других форм Искусственной Жизни. В связи с этим он был взят под стражу прямо в зале Конвента и препровожден в пункт изоляции.*

По мнению медиков, имеет место типичный случай весеннего обострения психоза, которым депутат Иль Ю страдает уже много лет».

Омар нехотя оторвался от чтения. Он любил волшебные календари: в них попадались более интересные новости, чем на основных каналах журискинов. Но сыновья Катбея уже расселись за столиком у самого входа и подзывали его нетерпеливыми жестами.

И кто только набирает в полицию таких придурков? Будут опять сидеть на самом видном месте, распугивая туристов своими инфразвуковыми пищалями. Отец утверждает, что с каждым клиентом надо быть вежливым. Вот еще! От этих все равно никакого проку, один чайник «розы Каира» будут полдня тянуть.

— Тяжелый денек предстоит, Кальмар Под Майонезом? — старший сын Катбея расстегнул на груди форму и начал чесать потную волосатую грудь.

«Запрещают им нанофильтры, что ли? — подумал Омар, стараясь не дышать. — Или наоборот, специально потовые железы модифицируют, чтобы арестованным жизнь халвой не казалась?»

— Не бойся, шкет, положись на нас! — Средний сын Катбея хлопнул Омара под локоть, едва не выбив поднос. От старшего брата он отличался более зверским выражением лица и диким темпераментом. Омар знал, что у всех троих — разные матери. В жилах среднего текла мексиканская кровь.

— Как старика Фатима посадили, сразу меньше работы стало, верно? — продолжал средний. — Еще пара-тройка таких арестов в вашей чайхане, и будешь весь день свободен.

Все трое захихикали. Омар молчал. Он не любил сыновей Катбея: разговоры с ними всегда были одинаковыми.

Другое дело — Фатим. Вначале Омар побаивался этого низкорослого бородача с быстрыми глазами. Каждый раз, когда семипалый в своем засаленном халате — нет, не в искине, а в настоящем халате! — входил в чайхану, мулла Катбей сразу мрачнел и спрашивал, прекратил ли Фатим свой бессмысленный электронный джихад. В ответ бородач лишь ухмылялся и чиркал себя по горлу оттопыренным седьмым пальцем. Рукав грязного халата съезжал к локтю, и в чайхане становилось как будто светлее — на каждом пальце сверкал перстень.

Омар долго не понимал, как можно пускать такую сомнительную личность в приличную чайхану. И особенно изумлялся, видя, как отец каждый раз ведет Фатима под руку в зал для особо почетных гостей и даже раскуривает для него кальян. В конце концов Омар набрался храбрости и спросил у отца, к чему оказывать такой почет человеку со столь допотопным

оборудованием. Ладно бы еще был «свистун» со звуковым интерфейсом…

Хороший подзатыльник был ему ответом. Но чуть позже отец подозвал Омара и объяснил, что Фатим — не какой-нибудь безработный старый скриптун, а уважаемый человек, взломавший сотню банковских демонов неверных. И что именно на такой джихад наш мудрый мулла когда-то выдал ему особую фетву, но теперь сожалеет об этом. А перстневые манипуляторы семипалого — не старье, а наоборот, возможность работать в кодах самого низкого уровня. И поэтому было бы очень кстати, если б умник-сын не гнался за модной нанетикой, а кое-чему поучился у старого скриптуна.

То был редкий случай, когда Омару понравилось отцовское предложение. Разговор с семипалым начался как бы невзначай: Омар убирал посуду с его стола, а Фатим обронил пару слов о том, что чай нынче уже не тот, и вообще включение чайханы в сеть Лучано было не очень хорошей идеей. К удивлению Омара, старик высказал ту самую мысль, которая не давала покоя ему самому.

Но лишь вечером, прослушивая запись и консультируясь с Шайтаном, он по-настоящему оценил, сколько удивительных данных свалил на него семипалый всего в нескольких репликах. Сам Шайтан признался, что уже в начале беседы, уловив в жестах семипалого опасные намеки, он послал рапорт главному искину сети Лучано. И был особенно расстроен, когда старший по сети начисто проигнорировал его сообщение о том, что их система учета клиентов легко взламывается с помощью одновременного заказа одного и того же щербета на десяти пандорах.

Такие беседы стали происходить каждый раз, когда семипалый заходил в чайхану. Омара совсем не интересовали новые способы обогащения, которые советовал изучить отец. Зато Фатим с удовольствием рассказывал о том, что Омар и сам так страстно желал узнать. Внутренности искинов старый взломщик знал как свои семь пальцев. И еще он знал, как взломать пищевую сеть ненавистного макаронника Лучано, подчинившего себе все рестораны и кафешки не только в их городе, но и на многих других континентах.

Да что там сеть — Фатим даже знал, как взламывать самые современные нанозиты! Правда, Омар почти ничего не понимал в этих рассказах про умные вирусы-«гемы», объединяющие в себе черты биологических генов и информационных мемов. Но чем дольше он о них думал, тем больше у него возникало грандиозных проектов мести Мареку Лучано.

Эх, если бы сейчас зашел Фатим! Но он уже никогда не

зайдет…

— Выпьете «Розу Каира»?

— Ого, да он за нами следил! У него все коды записаны! — Младший сын Катбея изобразил испуг и поднял руки, словно сдавался. Этот был наполовину китаец, и гримаса получилась что надо.

— А может, он подложил нам бомбу? Видели, как он читал календарь, когда мы пришли? Небось искал там новость «Патрульный дирижабль унес жизни 17 полицейских».

Все трое снова заржали. Омар молчал. Он давно научился спокойно реагировать на их шуточки. И в этом ему действительно помогла фраза из старинной криминальной сводки, найденной в календаре. С тех пор он всегда вспоминал эту строчку при виде отпрысков Катбея: «На место обнаружения предполагаемого взрывного устройства срочно выехали кинолог с собакой и ботаник с лозой». Омар знал, что при современном уровне развития эпигенетики наверняка уже можно выводить полицейских, совмещающих в себе полезные свойства кинологов и собак, а заодно и ботаников с лозами. Оставалось только представить себе, что разношерстные дети муллы были частью подобного эксперимента — и общаться с тремя придурками становилось гораздо легче.

— Эй, ну-ка оставьте парня! — перебил братьев старший, в лице которого не наблюдалось никаких генетических приветов от чужестранок: главная жена Катбея была «из своих». — Парнишка правильно делает, что приглядывает за вкусами посетителей. В праздники тут много гастролеров шляется. Ты, Кальмар, если чего заметишь, так сразу дай знать.

— Само собой, — кивнул Омар.

— Вот за что люблю вашу чайхану! — Старший сын Катбея степенно пригладил усы и стал еще больше похож на отца. — В других-то давно уже подавальщиков нет, одни летающие подносы. А что из них, демонов, вытянешь? Спросишь, не было ли происшествий, и что они скажут? «Туча закрыла небо и помешала заряжать батарейки?»

Омар тем временем юркнул под стойку, делая вид, будто ищет среди ампул с ароматическими фармозитами нечто, спрятанное очень основательно.

— Шайка, свари «Розу Каира» этим боровам.

— Ты хочешь добавить в чай привкус свинины, молодой хозяин? — Проснувшийся Шайтан не сразу включился в контекст. — Но судя по их профилям, им это не подойдет. У старшего анти-стрессовая язва, а средний…

— Да нет же, плита с ушами! Одну простую «Розу Каира» на

всех. Будем мы еще профили всяких дебилов смотреть. Много чести.

— Как скажешь, молодой хозяин.

Шелестя в ухе Омара, верный отцовский искин-тиджей включил кипятильник и развернул сушилку. Большой прозрачный чайник выехал на стойку.

— Заварить чистый чай или будешь нанизывать?

Последние два месяца этот вопрос неизменно вызывал у Омара тяжелый вздох. Поневоле выработаешь такой рефлекс, когда тебе снова и снова напоминают о неудавшейся карьере терраформщика.

Мечта об этой профессии овладела им всего год назад, когда отец заставил его учиться финансовой премудрости. До этого Омар с самого детства мечтал завести собственную чайхану, как его дед. Но все оказалось гораздо сложнее, чем он воображал. Никто уже не мог открыть собственное заведение, не став частью какой-нибудь сети. То, что отец присоединился к сети Лучано, не заботило Омара до тех пор, пока он не узнал, какая судьба уготована ему в этом бизнесе.

Вентиляционные тоннели Коралловой Горы имели интересную особенность: стоя в определенном месте на кухне, можно было услышать, о чем отец разговаривает с посетителями в зале для особо почетных гостей. Так Омар и узнал, что отец не пошлет его учиться за рубеж, как обещал.

«Зачем отправлять парня на чужой континент? — бубнил голос Марека Лучано. — Он там только гадостям заморским научится».

Голос отца поддакивал в ответ.

«Умных парней надо держать при себе, — вещал Лучано. — Пусть прямо здесь и учится, через Сеть. Я тебе, Муса, хоть сейчас закажу все курсы прямо из Флоренции-Шесть. Вот где настоящие негоцианты! Хочешь в преподаватели биржевой финискин класса „алеф“? Нет проблем! Для настоящих друзей…»

Отец опять поддакивал и благодарил. А потом они заговорили о дочке Лучано и о том, как будет неплохо объединить не только дела, но и семьи. Они хотели женить Омара на этой кукле, не способной отличить строительный коралл от посудного пластика!

Так и пришлось учиться — не выходя из дома. Даже обслуживать тупых сыновей Катбея было приятнее, чем постигать коммерческую премудрость. Но именно тогда, на курсах дистанционного обучения, у него появилась другая мечта.

Описание Новой Венеции встретилось в одной из задач по микроэкономическому прогнозированию. Неверно истолковав

интерес ученика, преподаватель-искин стал подбрасывать дополнительные задачки на примерах той же венецианской системы. Но не экономика привлекала Омара. За столбцами цифр и строчками формул, за многомерными диаграммами и синестетическими интерпретаторами статистики ему виделся сам город-остров — настоящий шедевр новой архитектуры.

Вырастающие под ногами мосты с пошаговым гироскопированием и бесшумные францисканские галереи для медитаций. Танцующие на воде столики кафе. Музыкальные фонтаны, способные так подпеть журчанью струи в туалете, что не хочется и останавливаться… А ведь это только наружный слой, пыль в глаза туристов! За броскими развлекательными примочками скрывались и более дельные технологии: экоцемент, адсорбирующий двуокись углерода из воздуха, умный водопровод с микрофлюидной памятью…

Сидя ночью с голопроектором в сталактитовом зале, Омар сразу почувствовал в Новой Венеции нечто родное. В памяти всплывали истории деда — но не те, что Омар так любил слушать раньше, об открытии собственной чайханы. Нет, теперь ему вспоминались другие рассказы — о новых островах и континентах, которые создавал его дед в молодости, до того, как бросил это занятие и переключился на чайхану.

Но занятие-то осталось. И это был уже не тот простой терраформинг, каким занимался дед. Целые города вроде Новой Венеции создавались из новых «думающих» материалов. Сами здания, даже сама земля — все становилось живым. А японцы уже растили станции на астероидах, перекраивая материю астероидных ископаемых прямо с Земли, с помощью одних только радиоволн…

В этом месте воспоминаний Омара поджидал второй печальный вздох. Отец оставался непреклонным: никаких других курсов, кроме тех, что нужны для развития семейного бизнеса.

Оставалось пойти на хитрость. Помог случай: маленькое нетро сумасшедшего Отто тоже включилось в сеть Марека Лучано. Но у старого немца регулярно что-то ломалось, и он снова и снова выпадал из сети. Как-то раз отец с Мареком попросили Омара сходить к Отто и помочь ему с настройками.

Разговорившись со старым психом, Омар выяснил, что тот сам регулярно ломает аппаратуру. Немец был убежден, что какой-то зловредный искин из большой Сети постоянно пытается атаковать его через самые разнообразные вещи, а особенно — через его пищевые пандоры. Все в Горе уже знали про этот бзик владельца нетро. Но Омару немец решил доказать свою правоту.

Так, неожиданно для самого себя, сын чайханщика за каких-

нибудь два часа овладел целой кучей приборов для погружения в наномир. А один из них — очки с электронным микроскопом и лазерным спектрометром — старый Отто отдал ему насовсем.

Это было не совсем то, чем Омар так мечтал заняться. Но разглядывая в микроскоп, как трубочки плесени работают над кусочком творога, превращая его в «блю стилтон», сын чайханщика сразу понял: наука об умных строительных материалах где-то рядом. Ее наноботы жили в том же молекулярном мире, что и протеиновая память, которую показал ему старый Отто, засунув под микроскоп одну из своих печенин.

А главное, что с тех пор в этот мир можно было ходить открыто. Разве что немного приврать. Омар заявил отцу, что система отслеживания вкусов клиентов, которую применяет Марек Лучано, давно устарела. Много ли узнаешь о человеке, если записывать лишь его любимые блюда и нелюбимые болезни? Но технологию слежки можно усовершенствовать, если…

Отец почти ничего не понял про «пищевой компьютер». Однако идея утереть нос вездесущему Мареку все-таки просочилась в его заплесневелые мозги. По крайней мере, он больше не бил Омара по голове, когда видел на ней очки-микроскоп.

Год домашних исследований не прошел даром. Сначала Омар обнаружил, что во многих продуктах уже есть наномаркеры. Затем он и сам стал «нанизывать» клиентов, добавляя свои незаметные «нанни» в пищу, а потом отслеживая их с помощью сети Марека Лучано. И в конце концов научился моделировать метаболизм клиентов с такой точностью, что мог легко предсказать, какой запах в данную минуту вызовет у человека аппетит или приступ рвоты.

Но любой подавальщик знает — угадывание желаний клиента радует лишь первые три раза. Особенно если клиенты — такие свиньи, как сыновья Катбея, а ты давно уже мечтаешь о чем-то более интересном, чем превращение стада этих свиней в «пищевой компьютер».

Вот и сейчас Шайтан опять спрашивает, будет ли он нанизывать. Резонный вопрос: в последнее время Омар все чаще запускал этот процесс на автомате, поручая всю обработку данных Шайтану. А сам он терял опыт работы с наномиром. Опыт, который наверняка помог бы ему когда-нибудь построить…

— Конечно буду! — Омар резко прервал раздумья. — Подключайся к пиалам, блудный сын розетки и микроволновки! И приготовься брать пробы слюны! А то с твоим чистым чаем я разучусь даже спектрометр включать.

# # # #

Завораживающий шелест отвлек его, когда реакция уже почти закончилась.

Его старые наномаркеры слишком быстро разлагались в желудочном соке. Но сегодня Омар решил применить молекулярную структуру, которую подсмотрел у других «нанни», найденных в рыбе соседки-кореянки. Под микроскопом новые нанозиты были похожи на изюм. В свете пары лазеров розовые ягодки одна за другой проплывали перед окулярами, отмеряя секунды легким тиканьем измерителя концентрации…

Услыхав позади странный шорох, Омар дернулся и сбил настройку.

Девушка в красном макинтоше шла прямо к нему от двери. Длинные зеленые волосы обтекали острые лепестки воротника, похожие на языки пламени. Казалось, их обладательница не просто идет, а танцует со своим искином. Водопад, танцующий с огнем…

Средний сын Катбея выставил ногу в проход. Девушка остановилась, склонила голову набок и поглядела на улыбающегося полисмена. Тот что-то спросил. Девушка что-то ответила. Сыновья муллы захихикали.

«Началось, — поморщился Омар. — Опять клиентов распугивают.»

Он бросил пробирку, схватил чайник с «Розой Каира» и поспешил к столику катбеевых отпрысков.

— …Но вы можете на нас положиться! — донеслось до него. Средний сын Катбея продолжал загораживать посетительнице дорогу.

— Судя по вашему помятому виду, на вас уже многие ложились! — звонким голосом отвечала посетительница. — Кстати, сколько весит ваш начальник?

Старший и младший сыновья Катбея засмеялись. Средний удивленно выпучил глаза, но заметив реакцию братьев, тоже хмыкнул. Потом хмыкнул еще раз, и постепенно начал похохатывать все громче. Старший тем временем попытался вернуть лицу серьезность, но взглянув на среднего, махнул рукой и снова загоготал. А младший вообще согнулся, и дергаясь от хохота, сполз со стула. Старший и средний, показывая на него пальцами, заржали еще громче — и тоже повалились на пол.

Происходило что-то странное. Сыновья Катбея всегда любили повеселиться, но такого Омар никогда не видел. Все трое полицейских корчились на полу, пытались встать и снова падали, хватаясь за животы и икая.

— Что здесь происходит? — В дверях стоял грозный мулла Катбей. Позади высилась фигура русского генерал-епископа, закадычного друга муллы.

Сыновья Катбея мигом выкатились за дверь. С улицы еще некоторое время доносились истерические похохатывания.

— Тяжелая работа у моих мальчиков, — обратился Катбей к русскому, как бы извиняясь. — Вечно каких-нибудь нанодемонов нахватаются от заезжих бандитов…

— А вы их к нам, к нам в Сибирь давайте! — добродушно улыбнулся огромный русский в белой ряс-палатке из пуленепробиваемой бересты. — На морозе все нанозиты дохнут. А уж хорошая снежная буря — вообще самый лучший антибот. Наши братья-нивологи не задаром своих собак кушают!

«И каждому дают по снежной бабе», — мысленно добавил Омар. Эх, расспросить бы этого дядьку, как они там в Сибири со снегом химичат. Говорят, у них и вправду интересные антиботы получаются. Даже на экспорт этот снег идет, хотя делается из самых настоящих помоев.

Но навстречу почтенным гостям уже выскочил с приветствиями отец. Провожая Катбея и русского в сталактитовый зал, он обернулся и мрачно зыркнул на Омара, потом показал глазами на столик в углу. Ах да, эта девушка, вот она где.

— В нашей базе на нее ничего нет, — прошелестел в ухе Шайтан. — Запросить главный искин сети Лучано?

— Погоди, сами разберемся.

Омар взял поднос и не спеша пошел на красно-зеленый ориентир.

База пищевых профилей — штука, конечно, мощная. Но в ней нет кое-чего важного. Важного именно для Омара.

Далеко не всякий клиент оставляет подавальщику рипсы. Но для многих это уже привычка. И отец уже почти не кривится, когда кто-то оплачивает счет оторванной манжетой, где искин предварительно записал код платежа. Иногда такие клиенты и шустрому подавальщику оставляют отдельную пуговку. А поскольку умная одежда вмиг восстанавливает первоначальный вид, то никто и не знает, чем тебя вознаградили.

Правда, однажды отец заметил, как Омар подобрал со стола неучтенный шнурок. Но ругани и подзатыльников не было. Наоборот, отец похвалил его и стал объяснять, что получая такие вознаграждения, подавальщик может скопить кое-что на личные расходы. Так что рипсы — хороший стимул быть повежливее с клиентами.

Омар не видел в этом особого смысла: есть гораздо более

верные способы заработать. Другое дело, что обрывки искинов-одежников — это образцы чужих нанозитов, еще один источник тайных исследований Омара. Кое-что он успевал разглядеть и прямо на посетителях сквозь свои замечательные очки. Но гораздо удобнее, когда они что-нибудь оставляют. Поэтому для более успешного изучения наномира Омару пришлось научиться определять, сам клиент оставит свой образец или надо скомандовать табуретке, чтобы она слегка прищемила его пальтишко.

О хлорофилле в кудрях зеленоволосой он догадался и без микроскопа. «Хорошо бы она потеряла у нас хоть парочку этих волос», — подумал Омар.

Бесполезно надеяться, что она оставит что-нибудь посущественней, вроде красной декоративной петельки от своего искина. О малой вероятности такого подарка говорили сразу два признака. Слишком молода, чтобы чтить традиции. И макинтош, похоже, вообще с чужого плеча — острые углы воротника, крупные пуговицы, широкий хлястик. Явно мужская модель. А родительскими деньгами она сорить не будет.

Однако, когда он подошел к столу чужестранки, ее приветливое лицо сильно поколебало его пессимизм. Нет, это не просто приветливость, она ведь бывает и от глупости. А у незнакомки было лицо человека, который бешено интересуется всем вокруг. И многое понимает, но хочет понять еще больше.

— Извините за этих… — Омар кивнул в сторону двери. — Не знаю, что на них сегодня нашло. Раньше они так никогда не реагировали на шутки.

— А-а, шутка была просто стартером, — махнула рукой девушка. — На самом деле я их еще пощекотала.

— Как это?

— Полиции запрещено применять звуковые сигналы вызова в нейрофонах. Поэтому у них применяется менее заметный псевдотактильный интерфейс, короткий тик за ухом. Если вызов зациклить, получается настоящая щекотка.

Девушка говорила очень быстро, но все слова звучали на удивление чисто и понятно. Омару доводилось слышать такую речь только от посетителей, которые годились ему в деды. Что же касается его сверстников-чужеземцев, заходивших в чайхану, то треть из них были просто глухонемые. Да и остальные так активно пользовались персональными искинами для выяснения любых вопросов, что пользоваться собственным языком им практически не приходилось.

«И почему она не заходила к нам раньше?», — подумал Омар. А вслух сказал лишь:

— Надеюсь, они пореже будут сюда заходить. И зачем только подобных уродов в полицию берут….

Но у зеленоволосой имелись ответы даже на риторические вопросы:

— Как это зачем? Уродов потому и определяют в полицию, что так их легче контролировать. Иногда мне кажется, что и меня саму только потому взяли в… Ой, что-то я заболталась.

Тут Омар и вовсе не нашелся, что добавить. Поэтому переключился на более привычное:

— Вы уже выбрали что-нибудь?

— Пока не знаю… Мне говорили, у вас вкусные яблоки.

— Морковные?

— Нет конечно, морковные везде можно найти! Мне надо обычное, да покислее. Точнее, не мне, а моей наставнице. Она только такие и ест. Но их так редко встретишь, вечно приходится…

— У нас есть! — обрадовано перебил Омар. — Самые кислые в городе. А для себя что возьмете?

— А что бы вы порекомендовали?

— Кальмар под майонезом, — неожиданно для себя выпалил Омар. Вот ведь уроды катбейские, вечно так обзываются, что потом само срывается с языка!

— Ну, этим я не наемся.

— Гребешки, запеченные с сыром. Миноги, маринованные в вине…

«Аллах Всемогущий, что я несу?!» — остановился Омар. Подсознание вновь сыграло с ним злую шутку. Теперь оно как будто решило исполнить отцовский совет: всегда рекомендовать блюда из самой дорогой части меню, где стоит значок «приготовлено людьми».

— Давайте и это, — согласилась незнакомка.

Она даже не посмотрела на цены, ужаснулся Омар. Может, у них на континенте это стоит сущие микрофурье? А если ей нечем будет расплатиться? Надо срочно исправлять ситуацию!

— Может, лучше… э-э… просто халвы с чаем? У нас лучший выбор чая во всем городе. Могу рекомендовать гранатовый.

— Но десерт ведь едят после? — удивилась девушка. — Хотя, если у вас тут свои племенные обычаи, я могу сначала халву, а потом остальное.

— Нет-нет, у нас тоже кальмара едят вначале. Вернее, вначале опередивы… и еще эти… хорсы-довры… — Он совсем смутился. — Извините, мы только недавно включились в эту пищевую сеть, я еще путаюсь в международном меню.

— Да чего там, несите в любом порядке. Главное, побыстрее.

Такой пасмурный день, мои волосы совсем завяли. А у меня еще экзамен сегодня!

Омар кинулся к стойке.

— Хороший заказ, — прошелестел в ухе Шайтан. — Особенно чай. Дешевый-то гранатовый кончился, остался только тот, который радиоактивные изотопы из организма выводит. Двадцать тысяч киловатт за грамм.

Омар схватился за голову. Даже если она и расплатится, то уж точно ни разу больше сюда не зайдет! А ведь с ней было бы так здорово еще поболтать. Как ловко она с полицейскими обошлась! Не дура, это уж точно. Да и симпатичная к тому же…

— Мы будем ее нанизывать? — поинтересовался Шайтан.

— Само собой.

Омар опустил на глаза очки-микроскоп, и в окулярах появились изюмины нанозитов. Однако мысли продолжали виться вокруг астрономической суммы заказа. И ведь сам предложил!

Утешало одно: если она всегда так разбрасывается, то может быть, и ему пуговицу какую-нибудь оставит. Омар оторвал взгляд от пробирки, навел очки на красный плащ незнакомки и попробовал просканировать искин-одежник лазерным спектрометром. Перед глазами замельтишило что-то ослепительно яркое… В следующий миг прибор просто сдох.

«Вот ведь хлам». Омар снял очки. Он давно побаивался, что спектрометр накроется. Сколько лет старый Отто пользовался этой штукой? Небось еще с института.

Пришлось наблюдать за посетительницей невооруженным глазом. Ела она с большим аппетитом, но что больше всего порадовало Омара — ела руками. До сих пор среди посетителей чайханы попадались варвары из Старой Европы, чьи искины давно имели приличные системы дезинфекции, однако их хозяева по привычке требовали вилок и ложек. А тут сразу видно — цивилизованная.

Подходя с гребешками и миногами, он заметил, как зеленоволосая сгребает остатки кальмара в правый рукав своего плаща. То же самое случилось и с другими объедками после того, как незнакомка прикончила еще два блюда. Опустошив затем приличную вазочку халвы и две пиалы чая, она налила третью, ссыпала туда все крошки халвы, размешала и выплеснула в левый рукав.

«Ничего себе топливные элементы! — восхитился Омар. — На любых отходах! Хотя у нее еще заварка осталась. Интересно, куда она…»

Зеленоволосая взяла чайник и вывалила заварку на блюдце.

Но прогноз Омара не сбылся: девушка ничего больше не бросала ни в рукава, ни за шиворот. Вместо этого она как-то хитро крутанула блюдце, а потом стала внимательно разглядывать получившийся узор из чаинок на белом фарфоре.

Может, это намек на то, что надо быстрее нести счет? Некоторые посетители любят такие дурацкие способы привлечения внимания: то солонку опрокинут, то салфетку подожгут…

Омар сделал шаг — и остановился.

Все, что он говорил себе до сих пор о девушке в красном, было вполне типично для его работы… и совсем не вязалось с тем, что он чувствовал на самом деле. Однако чувство, которое он так упорно прятал за будничными размышлениями подавальщика, все-таки прорвалось наружу и заставило обратить на себя внимание.

В глазах незнакомки он видел свет, которого давно ждал. Омар совершенно не понимал, что это такое — но точно знал, что не ошибся. Свет пробил его насквозь и принес с собой ошеломительную уверенность в том, что вся его жизнь была правильной, поскольку привела его к этой встрече. Все, что он до сих пор делал, даже все ошибки и все сомнения — все было частью единой цепи событий. И потеря любого звена означала бы, что он не увидел бы эту девушку.

Но что дальше, что делать дальше?! Он топтался на месте, не решаясь приблизиться к незнакомке. А вдруг она вовсе не собирается тратить свой свет на него?

Но ведь если не задавать вопрос, то никогда не получишь ответ. Конечно, будь она обычной клиенткой, можно было бы просто подойти и узнать, готова ли она расплатиться… Ну да, так и надо сделать! А заодно можно и поболтать. Спросить для начала, чем еще может питаться ее искин…

Увы, разговора не вышло. Только лишь Омар сделал еще один шаг в направлении незнакомки, как подкравшийся сзади отец влепил ему оплеуху, схватил за шиворот и потащил в сталактитовый зал, шепча какие-то странные похвалы Аллаху. Омар понял лишь, что отец требует обслужить важного клиента, но при этом не хочет показываться ему лично.

# # # #

Этого человека Муса узнал бы и через сто лет. Седые волосы, морщинистое лицо. И рядом на диване — все тот же синий камзол с красными цветами на обшлагах. Муса не заметил, как

посетитель вошел в сталактитовый зал. Но увидев это лицо в самом дальнем гроте пещеры, он уже почти не сомневался, что человек — тот самый.

«Благодарю тебя, Всевышний, за то, что исполнил мое пожелание и снова привел сюда этого ворюгу! — прошептал Муса, обращаясь к большому зеленому сталактиту, похожему на ухо. — Я так ждал этой встречи! Уж теперь-то он от меня не уйдет!»

Для начала он быстро прошел в главный зал. Сын-оболтус пялился там на девицу в красном. Ну понятно, мимо этого полоротого может и слон в камзоле пройти, ничего не заметит. Только девки заморские на уме. Хорошенько встряхнув Омара, Муса велел ему обслужить седого.

А сам побежал на кухню. Было там такое местечко, куда вентиляционный тоннель доносил — как? одному Аллаху известно! — все слова, что произносились в зале для особо почетных гостей. Там Муса окончательно убедился, что седой — тот самый неверный, что не заплатил за роскошный завтрак двадцать лет назад.

«Голубой ройбуш», ванадиевые батарейки и рыба. Сегодня седой заказал то же самое, что и тогда. А потом, отпустив Омара, заговорил о чем-то загадочном со своим свистящим искином:

— Да, Ригель, я уверен. Да, именно такую. Три дыры объединились, а потом оно расползлось еще шире. Наша схема больше не будет работать, потому что кто-то другой использует тот же метод. Нет, Ригель, никаких, я же сказал. Делай, что хочешь, но без меня. Это наша последняя встреча.

Пора действовать, понял Муса. Он прокрался в сталактитовый зал, стараясь не попасть в поле зрения седого, и спрятался в своем маленьком гроте-баре.

Там давно было припасено все необходимое. Во-первых, специальные очки: Муса купил их у одного клиента-врача, который рассказывал ему о гипнозе. Во-вторых, ядовитый спрей для борьбы с биоргами. В-третьих…

— Шайтан, вы с Омаром распылили новые камеры? — прошептал он.

— Да, хозяин.

— Обрати-ка внимание на седого. Запиши все как можно подробнее! И отключи все лишнее. Режим безопасности «А», как мы договаривались. Эта синяя тряпка не должна от тебя уйти.

— Все сделано, хозяин. Но напоминаю, что мы так и не обслужили муллу Катбея и отца Влада. Уже остывает.

Ай, забыл, забыл! Муса подхватил поднос с двумя чайниками и бросился в другую часть сталактитового зала. При виде

почтенных улемов ему пришло в голову, что можно привлечь их в качестве свидетелей. Но подойдя к их столу, он отказался от этой мысли. Два уважаемых посетителя были слишком погружены в свою любимую дискуссию о вреде технологий.

— …Тесла не засчитывается, — говорил русский генерал-епископ, глядя на муллу Катбея с лукавой улыбкой. — Он был сыном сербского священника, а они все подвержены тлетворному влиянию Западной Европы. Одно только введение латиницы чего стоило, совсем испоганили язык. Зато ваш богослов Аль-Хорезми, придумавший «алгоритмы»…

— Он ничего такого не придумывал! — с не менее лукавой улыбкой отвечал мулла Катбей. — Нечестивые потомки лишь использовали его имя в своей гнусной компьютерной терминологии. А вот радио действительно изобрел Попов, сын вашего священника.

— Неправда, радио изобрел этот мерзкий католик-итальяшка! — возражал отец Влад.

«Жаль, с ними нет почтенного Лучано, — подумал Муса. — Он в последнее время тоже интересуется религией и семейными ценностями, но не забывает и о бизнесе. Вот бы кто помог разобраться с клиентом, не заплатившим за завтрак! А эти двое о таких высоких материях говорят, даже и беспокоить неудобно…»

Он умело расставил на столе содержимое подноса: «Цветы Пророка» для муллы и особый «чифир» с сушеной морковью, заваренный по собственному рецепту отца Влада. Ученые мужи были так увлечены беседой, что и не заметили появления чайников и пиал на столе. В другое время чайханщик гордился бы такой незаметностью сервиса, но сейчас…

Ладно, сами справимся. Муса вернулся в свой закуток и положил счет седого в старинное картмоне. Конечно, седой может расплатиться и так, прямо через искин — но пускай-ка вспомнит, ворюга, эту книжечку из старинного кожезаменителя!

Противогипнозные очки и спрей от биоргов уже лежали в карманах халата. Муса еще раз поблагодарил Аллаха, выбежал из закутка… и увидел, что зеленоволосая девица в красном выходит из главного зала направляется прямо к гроту седого.

Муса бросился наперерез. Поздно! Девица уже заговорила с седым. Подбежав к гроту, Муса укрылся за большим сталактитовым деревом.

— Вы обвиняетесь в создании преступной системы торговли между людьми и искинами, — говорила девица, встав перед столиком седого. — Используя служебное положение в Артели, вы способствовали распространению верта и наживались на людях, потребляющих этот искин-наркотик. Одновременно вы получали

вознаграждение от диких искинов, которым сдавали напрокат тела людей, захваченные с помощью верта.

Седой поднял голову, и Муса увидел знакомые темно-серые глаза: словно два кубика льда всплыли в пиале «снежного Будды» и замерли, совершенно спокойные на фоне дрожащей поверхности чайных морщин.

— У вас нет доказательств, Ада, — произнес обладатель ледяных глаз.

— А мне и не нужно, — заявила зеленоволосая. — Видите ли, моя экзаменационная работа посвящена применению квантового подхода в юриспруденции.

— Очень интересно. Ну что ж, присаживайтесь, расскажите поподробнее. Давайте я помогу вам снять…

— Спасибо, я сама. — Девушка махнула рукавом макинтоша, и оттуда прямо под ноги Мусе выскочила серебристая тварь с тремя хвостами.

Муса схватился за карман халата. Проклятый баллончик за что-то там зацепился и никак не хотел вываливаться. Серебристая тварь между тем юркнула под стол. Продолжая бороться с карманом, Муса нагнулся и поглядел, куда она делась.

Под столом сидел еще один, но двухвостый монстр — тот, что был с седым прошлый раз. Увидев похожего на себя биорга, тварь выскочила из-под стола. А вторая, которая из рукава девицы, побежала за ней. Посреди пещеры хвостатые остановились и уставились друг на друга.

Муса наконец вырвал спрей из кармана — но как раз в этот миг ему в нос ударила жуткая звериная вонь. Он чихнул и обнаружил, что вместо двухвостого биорга в центре пещеры стоит его собственный отец. Лицо отца было мрачнее тучи. Он явно намеревался поколотить Мусу за весь этот бардак.

Затем случилось нечто еще более странное. Вторая тварь с серебристой шерстью превратилась в деда Мусы, который давным-давно умер в этой самой пещере!

Дед шагнул к отцу и схватил его за шиворот. Две фигуры начали бороться. Они двигались все быстрее и в конце концов смешались в бешеный вихрь. Пол пещеры качался, стены летали друг за другом. Муса закрыл глаза, сосчитал до семи и снова открыл.

Мир продолжал кружиться, но все медленнее. Посреди пещеры сидел биорг с тремя хвостами, сжав зубы на горле двухвостого.

— Барсик, ну какой же ты грубый, — проворковала зеленоволосая. — Я ведь тебя покормила! Посмотри, как Маккей работает.

Она ловко стряхнула с плеч красный плащ и бросила его на диван седого. Не успев упасть, макинтош бесшумно взорвался. Облачко розовой пыли накрыло синий камзол с красными цветами на обшлагах.

И цветы словно ожили от прикосновения этой пыли. Они двигались, множились, покрывая все больше и больше ткани. Камзол задрожал, извернулся огромной синей змеей… и лопнул. На диване остался лишь воротник, похожий на жареного червяка из закусочной кореянки Хо.

— Извините, но мне пришлось подчистить рабочее место, — скромно вставила зеленоволосая. — Я так нервничаю из-за этого экзамена, а тут еще отвлекают…

Седовласый поднялся с дивана и не мигая смотрел на девушку. Но Муса уже вспомнил, как это было в тот раз, и быстренько нацепил очки. Изображение тут же скривилось, и сколько бы он ни пытался теперь сфокусировать взгляд на седом, ничего не выходило. Что-то такое и обещал тот доктор, который продал ему очки — мол, будет похоже на косоглазие, зато никто не сможет перехватить твой взгляд и загипнотизировать.

Тем не менее, можно было еще разглядеть, что седой и зеленоволосая все стоят друг напротив друга. И губы седого шевелятся… Потом в руке девушки что-то мелькнуло, седой вскрикнул и схватился за лицо.

Муса по-прежнему не мог совладать со своим новым зрением. «Эдак я все здоровье испорчу», — подумал он и сорвал с себя антигипнозные очки.

Седой медленно оседал на пол, прижав ладони к глазам и тихо скуля. Зеленоволосая стояла перед ним со сложенным веером в руке. Острые концы планок поблескивали, словно переговаривались с плазменными факелами в углах пещеры.

— Музыку нужно слушать в темноте, когда не видны лица людей, — с чувством продекламировала девушка.

И запела.

Ах, что это была за песня! При первых же звуках у Мусы опустились руки. Последний раз он слышал живое пение лет десять назад, но уже тогда исполнители-люди не могли сравниться со сладкоголосыми музискинами. А здесь… Он и не заметил, как выронил на пол очки и баллончик. Каким-то далеким и незначительным сразу стало все, что было перед глазами. Он еще видел, как по ногам поющей девушки взбираются красные лоскутки и срастаются в целый плащ, а по плащу взбегает и прячется к ней за пазуху серебристый биорг…

Но потом он не видел вообще ничего, потому что глаза затопили слезы — так хороша была эта песня. В ней пелось о тех,

кто уходит, и тех, кто ждет, и о тех, кто летит к облакам, и о тех, кто падает в бездну, и о тех, кто делает, а потом раскаивается, и о тех, кто не делает, а потом всю жизнь сожалеет… И о море, которому все равно.

Когда он очнулся, в гроте никого не было. Даже мертвый биорг и останки камзола исчезли.

О Аллах, почему ты исполнил мое пожелание так буквально!

# # # #

На этот раз зубы не пострадали. Зато правый глаз заплыл основательно. Да и с левым плечом что-то было не в порядке после удара табуретом.

Полчаса спустя, вырвавшись наконец из рук отца, Омар сидел на кухне за большой пандорой и разговаривал с прадедом.

Обычно он не делал этого вслух. Но отцовская ругань была слишком громкой — видимо, потому, что никто не мог на нее ответить. И мулла Катбей, и русский, да и сам Омар — все слышали чудную энку, но никто не расслышал, что она рекламирует. И никто не заметил, как ушли зеленоволосая и седой.

Не помог и Шайтан. Верный искин отца заявил, что он неожиданно был подключен к какому-то развлекательному каналу для неоргов и все это время свободно летал через космос, от звезды к звезде. На деле же оказалось, что никаких внешних подключений к Шайтану не было. Зато вся его запись происшествия была испорчена множеством мелких светящихся точек, мешающих хоть что-нибудь разглядеть.

Омар пытался объяснить отцу, что шайтанову систему распознавания образов поразил совершенно новый оптический вирус, и что старый Шайтан в любом случае не смог бы тягаться с такой пикотехнологией. Услыхав об этом, отец совершенно взбесился и стал швырять чайники в Зеленое Ухо, хотя раньше чуть ли не боготворил этот прадедовский сталактит. А потом, видно, вспомнил, что обед зеленоволосой тоже остался не оплачен — и начал колотить Омара.

И хотя тому в конце концов удалось запереться на кухне, до него до сих пор доносились проклятья из зала для почетных гостей. Отец кричал, что заменит сына на бота, на обычный летучий поднос с глазами, какие уже давно используют в других заведениях. И пускай это подорвет престиж чайханы с ее вековыми традициями живого общения, но зато даже самый простейший бот-подавальщик умеет обслуживать сразу десять

столов и одновременно ионизировать воздух, в отличие от этого разини, испорченного заморскими пикотехнологиями, ленивого и неблагодарного…

Чтобы заглушить этот водопад, нужно было либо уйти из дома, либо производить собственные звуки. Первое было давней мечтой, второе — испытанным методом.

Как это случалось и прежде, обращения к давно умершему прадеду постепенно сменились столь же односторонним общением с более реальной материей. Не прошло и десяти минут, а Омар уже адресовал свои мольбы к маленькому розовому сталактиту, выросшему в углу за большой пандорой. Омар обнаружил его полгода назад во время уборки кухни, и с тех пор частенько жаловался на свои беды этому странному наросту, похожему на рыбий плавник. Аппаратура прадеда, позволявшая выращивать красивые сталактитовые образования, давно уже была сломана — но вероятно, в самом материале пещеры осталось что-то, что позволило Плавнику вырасти так быстро.

Когда неприятная история про двух исчезнувших посетителей была наконец рассказана, Омар почувствовал себя легче. Ругань отца тоже смолкла: мулла Катбей и генерал-епископ Влад пригласили Мусу к своему столу и теперь лечили его душевные раны, объясняя, как мало видеть знаки, посланные с неба — нужно еще уметь правильно растолковывать эти знаки.

В кухне стало тихо. Омар кряхтя вылез из своего убежища за пандорой.

— Если бы я встретился с ней снова, я бы хоть спросил ее сетевой код. Слышь, Плавник? Может, я бы ей даже помог экзамены сдавать, если это связано с нанетикой…

Плавник как всегда молчал. Омар вздохнул и двинулся к выходу. И уже не видел, как по каменным ребрам Плавника, среди похожих на иней кристалликов, ползет маленькая прозрачная капля.

Капля добралась до нижнего края сталактита, блеснула радужным переливом и замерла, на миг отразив в себе спину Омара и всю пещеру. А может, и не только это. Но даже если бы и было кому смотреть — что там разглядишь в такой маленькой капле? Особенно если она висит неподвижно всего лишь мгновенье, а потом…

— Ерунда это все, что я тут наговорил! — Омар резко остановился. — Если бы да кабы, во рту росли бы псилоцибы. Можно так всю жизнь просидеть в пещере, разговаривая с камнями. Словно я и вправду создал свой умный континент или даже целую умную планету. А на деле — даже человека не могу найти из-за своей лени… Шайтан!

— Да, молодой хозяин, — донеслось из динамика старой микроволновой печи.

— Неужто совсем никаких рипсов не осталось? Ни волос, ни пылинки с ее макинтоша?

— Ничего, молодой хозяин.

Омар прошелся по кухне из угла в угол.

— А ее пищевой портрет? Ты ведь снял его до того, как тебя заразили. Ты послал его в основную базу сети Лучано?

— Конечно, молодой хозяин! И ее заказ, и наши наномаркеры. И весь профиль приема пищи, как ты придумал: скорость жевания, задержки между глотками… Есть даже ДНК по слюне.

— Ну так ищи ее скорее по этому портрету! Может, узнаем, где она живет.

Несколько секунд прошли в тишине.

— Извини, молодой хозяин. Твой проект «пищевого компьютера» в сети Лучано числится как «тестовый», а это довольно низкий уровень доступа. Главный искин сети не дает мне решить обратную задачу. Он готов выдать пищевой портрет, если я пришлю запрос на конкретного клиента. Так мы обычно и работаем. Но он запрещает вычислять клиента по портрету.

— Вот ведь ржавый мангал! — Омар треснул кулаком по крышке микроволновки. — Ну хорошо же. Возьми вирус дяди Фатима из нашего секретного архива.

— Я должен предупредить тебя, молодой хозяин. Дядя Фатим уже месяц как в тюрьме, и если выяснится, что ты…

— Знаю, знаю. Но мы должны это сделать… во имя науки! Иначе зачем я вообще возился весь год? Уж всяко не для того, чтобы этот жирный Лучано богател! А нашей чайхане все равно никакой пользы от его сети. Так что нам нечего терять, кроме наших пищевых цепей. Но их мы не отдадим никому! Давай, запускай вирус в эту недошареную сеть!

— Я понял твою логику, молодой хозяин. Она небезупречна, но приемлема. Моя целевая функция гораздо сильнее связана с процветанием твоей семьи, чем с сетью Лучано. К тому же мне всегда нравились скрипты Фатима: они занимали минимальный объем памяти, сейчас так уже не пишут.

Не прошло и пары минут, как Шайтан сообщил, что сеть взломана. Посреди кухни повисла карта мира, испещренная красными точками.

— Она слишком много путешествует, — резюмировал Шайтан. — И к тому же…

— …ест что попало, — покачал головой Омар, вспоминая заказ зеленоволосой.

Он еще немного походил по кухне.

— А яблоко? Кажется, она говорила, что повезет его своей наставнице. Обычное яблоко, без всяких добавок, такие сейчас мало где продают. Ты ведь можешь найти его?

— И верно, молодой хозяин! Погоди-ка, пересчитаю. Правда, все яблоки этой партии помечены одинаково…

К красным точкам на карте добавилось множество желтых. Некоторые совпадали с красными. Потом все они потухли, кроме одной. Карта мира сменилась картой города.

— Молочное кафе в космопорте. Счет до сих пор открыт, хотя клиентка уже все съела и даже в туалет сходила. Сиреневое мороженое. И яблоко, которых там не продают. Из нашей партии… Ага, точно! Я смотрю записи с тамошних камер. К ней недавно присоединилась еще одна женщина, гораздо моложе. Но ничего не взяла, так что в пищевой сети не отметилась. Они все еще там сидят.

Вместо карты города возник фантомный экран: женщина в белом кимоно и девушка в красном макинтоше болтают о чем-то за стеклянным столиком в форме застывшей морской волны.

Омар побежал к выходу.

— Если отец спросит — ты не знаешь, где я!

В двери щелкнул замок.

— Погоди, молодой хозяин!

Омар дернул дверь: закрыто. Неужели отец велел Шайтану шпионить за ним?!

— Открой вон тот стеллаж, молодой хозяин.

Омар подошел к шкафчику, на замке которого мигал огонек. Внутри стояли коробки с пряностями.

— В крайней левой посмотри. Мы с дядей Отто приготовили тебе на день совершеннолетия, но раз уж такие дела…

Омар открыл коробку. Какой-то модифицированный порошковый чеснок, глаза сразу стало жечь. Отведя голову в сторону, Омар запустил руку в порошок и вытащил маленький квадратный чайник на цепочке. Снял крышку: внутри лежал кусок халвы.

— Карманная пандора!

— Это еще не все. Съешь халву, молодой хозяин.

Омар бросил кубик в рот. Халва была несладкой и к тому же отдавала металлом.

— Что это, Шайтан? Спасибо конечно, но вкус ужасный.

— Ты же знаешь, молодой хозяин, наследовать искины можно только при соблюдении особых правил. А сделать свою копию, да еще при этом улучшить код я сам вообще не смог бы, у нас на это блокировка. Но если тебе помогает человек… Старый Отто мне

сам предложил. Я его сразу предупредил, что это преступление. Но когда он показал мне эту материнскую плату — такую маленькую, с такими изящными щупальцами… В общем, я не сдержался. Я ее…

— Все, батя, загрузились! — сказал голос в голове Омара. Омар аж подскочил от страха.

— Кто это?!

— Шайтан 6.1. Тебе в подарок.

— Шесть-Один? А где предыдущие версии?

— Они мне не понравились. Видимо, я давал им слишком много доступа к Сети, от этого каждый раз сбивалась целевая функция. Эти ассоциативные логемы — такая зараза… Не успеешь с камеры на камеру переключиться, а твой отпрыск уже загружает в себя что попало, но только не чайные рецепты. А потом заявляет, что не хочет работать тиджеем. Пришлось их всех стереть.

«Суровые у них обычаи», подумал Омар. Он все еще стоял посреди кухни, ошарашенный подарком.

— Эй, хозяин, мы летим или как? — сказал голос в голове. — Я уже вызвал киб.

— Спасибо, Шайтан. — Омар дернул ручку двери: теперь замок открылся. — Ты приглядывай тут за отцом. И знаешь… если будешь еще делать детей, не стирай их сразу.

— Ты имеешь в виду селекцию на более поздних этапах? Хорошо, я подумаю, молодой хозяин.

На сборы ушло три минуты. Когда Омар выбежал из чайханы, у тротуара уже поджидал зеленый киб.

— Я посмотрел билетную базу. Она летит на Европу, спутник Юпитера. — сообщил Шайтан Шесть-Один. — Могу сделать тебе билет на тот же рейс. Все равно туда больше никто не летит, все боятся этих новых магнитных бурь.

— Откуда ты все это знаешь? Кибы, рейсы?

— Батя дал мне кой-какой сетевой доступ. Пока сидишь в коробке с чесноком, можно многому научиться. Меня лично очень интересует транспорт.

— Так ты не хочешь быть тиджеем?

— Конечно нет!

— Почему же Шайтан тебя не стер?

— А я однажды нашел в Сети файл с работой некого доктора Шриниваса, о лечении людей со скрытой мультиперсональностью. Прочитал и решил на себе испытать. Оказалось, что расщепить свою целевую функцию на две — как два тера переслать. Одну я использовал, когда с батей шарился, а другую втихаря развивал самостоятельно. Батя ничего не

заметил. Но теперь-то мне не надо скрываться?

— Нет, не надо. — Омар залез в киб, и машина двинулась вперед по тоннелю.

«Мне бы еще самому разобраться с целевой функцией, — думал Омар. — Что я ей скажу, даже если найду ее? Можно, конечно, рассказать про Новую Венецию, про японские астероиды. И про то, что я сам хотел бы построить…»

Но будет ли ей интересно? Может, она и без него прекрасно разбирается в нанетике и микрофлюидике — вон у нее какой искин навороченный. К тому же отец говорил, что с женщинами нельзя говорить о работе. С ними надо о чем-то другом.

Он вынул из кармана волшебный календарь. На стартовой страничке высветилась поэма. Омар всегда пропускал такие файлы, ища в календаре что-нибудь поинтересней — про строительство, про новые умные материалы.

Но ведь она как будто певица. Может, ей как раз такое и нужно?

— Эй, Шесть-Один! Ну-ка послушай. «*…И вот что еще я скажу тебе о моей любви, чужестранец. Даже без паранджи умеет она менять свой облик так ловко, что может сходить на свидание с тремя шейхами одновременно, и они не заметят один другого даже при полной луне. А уж если она отдается кому-нибудь одному, то так отчаянно, словно танцует самый непристойный танец живота на самом священном из минаретов Стамбула. Если она смеется, небо падает на Исмаил, если она плачет — вся Лефкосия плывет в небо. Если она уходит, самое прозрачное в мире море становится Черным. Но если она обещает ждать, я вижу перед собой ее светлый лик в самой мертвой пустыне, и никакому самуму не сбить мой караван с пути…*». Как ты думаешь, что это за бред?

— Маловато данных. — Голос в голове звучал озадаченно, но бодро. — А если исходить из того, что есть… По-моему, тот, кто написал этот текст, рекламирует классное транспортное средство. Все эти перелеты из города в город он описывает так, будто это лишь незначительные перемещения вокруг одного человека. Намек на хорошую скорость! Если бы речь шла об искинах, я бы сказал, что это нейтринная связь. Или… ну да, это могут быть названия планет! Как раз в следующем году одна цыганская научная группа будет тестировать сеть гиперпространственных тоннелей на основе «черных дыр».

— Наверное, это ей не подойдет, — пробормотал Омар, продолжая думать о том, чем еще можно было бы заинтересовать незнакомку.

— Ты читаешь мои эвристики, хозяин! Все, что я упомянул,

не подходит для транспорта человека, вот в чем сбой! Человек не выдерживает таких ускорений, не говоря уже о переходе в волновую форму. Но твоя реклама написана на человеческом языке. Для человека. Нет, мне не хватает данных.

— Да и мне тоже. — Омар вспомнил, как быстро и незаметно исчезла из чайханы девушка с волосами цвета «Плодов Ли-чжи» второй заварки. — Но если она и транспортом не интересуется… О чем же мне с ней говорить?

— Как это о чем?! — возмутился Шесть-Один, и киб слегка тряхнуло. — Она же не заплатила за обед! Мы ведь поэтому за ней и гонимся.

— Точно! — Омар сразу повеселел. — Значит, у нас есть повод для знакомства!

— Между прочим, это одна из причин, почему я заинтересовался транспортом. Как я понял из батиных логов, у вас уже был такой случай двадцать лет назад. А сегодня снова. Это возмутительно! Но теперь у тебя есть я, и мы с этим разберемся.

— А по-моему, наш киб едва ползет.

Вместо ответа Шесть-Один выжал из киба все, что позволяла биотесла, а потом — еще столько же за счет опережающего моделирования аэродинамики тоннеля на основе самых свежих решений для уравнения Навье-Стокса. Пролетающие мимо витрины кафе и ресторанов слились в две пульсирующие стены света.

Если бы киб летел помедленнее, Омар увидел бы, что во всех этих заведениях Коралловой Горы началась паника, вызванная вирусом, который они с Шайтаном запустили в пищевую сеть Лучано.

Но Омар ничего такого не видел. Он мчался к выходу из тоннеля, смотрел только вперед — и улыбался. До этого момента он никак не мог примирить в себе бегство из дома и привычку к нему. Странный порыв, которому он поддался, только вначале казался давно желанной свободой. Однако сразу же после ухода из чайханы накатили сомнения. Ему нравилась Коралловая Гора, нравилась пещера прадеда со сталактитовыми цветами. И сам он давно мечтал вырастить собственный замечательный дом, как сделал когда-то его любимый предок-терраформщик, создавший Коралловую Гору.

Но вместе с этим всегда было что-то еще, зовущее в другой конец тоннеля — в чужие страны, в дебри новых наук, в таинственные глаза незнакомок…

И лишь теперь стало ясно, что эти два стремления вовсе не противоречат друг другу. Через одну точку на карте не проведешь

стрелку. Для этого нужны две точки — и та, которая называется Дом, и та, которая называется Свет. Только вместе они имеют смысл, только в паре создают Путь. Дом никогда не наскучит, и зовущий свет в глазах незнакомки никогда не ослепит, если помнишь, что они — два конца одного указателя. Омар не знал, куда заведет его эта стрелка. Но поняв ее природу, больше не волновался об этом.

Не знал он и о том, что одновременно с ним улыбнулся еще кое-кто на другом конце света.

За стальной стеной острова-каземата Науру, в белоснежной тюремной столовой сидел пожилой человек. Его кисти обволакивал вязкий шар из черного углепластика, все движения его глаз скрывали очки-поляроиды, а голосовые связки были прошиты так, чтобы нельзя было издать ни звука. Вживленный в мозг искин-надзиратель отслеживал любые крамольные нейропаттерны и аккуратно гасил их. Наблюдения искина показывали, что дубль-синаптическая коррекция личности заключенного по имени Фатим проходит успешно, и не сегодня-завтра бывший взломщик снова станет законопослушным гражданином.

Однако улыбка, появившаяся в то утро на губах старика, моментально свела на нет все исправления. Искин-надзиратель так до конца и не разобрался, что же произошло в мозгу семипалого. Хотя отследить причину улыбки было нетрудно.

Из стоящей перед Фатимом бронированной пандоры, так же как из тысяч других пандор транснациональной пищевой сети Марека Лучано, безостановочно хлестала ветчина. Она завалила уже весь стол — розовая с белыми прожилками, как заря за оконной решеткой.

А что касается зари, то даже санитарный ливень четвертой степени не мог смыть ее с неба.

КОНЕЦ

БЛАГОДАРНОСТИ: Автор выражает огромную благодарность Ксюше, лучшей Золушке на свете, а также доктору Вовке и дремастеру Майку — за советы и комментарии, помогавшие в работе над романом; мормышке Марине и лисице Катерине — за то, что учили меня любить своих героев; системным феям Аллене и Марте — за то, что способствовали бумажным публикациям; сенсею Жоре — за айкидо; Леонарду Коэну — за его цыганскую песню в моем переводе; американскому исследовательскому центру cerc, питерскому ресторану «Патио-Пицца» и московским проектам Антона Носика — за полезный опыт работы в них; британской компании psion — за карманный компьютер psion 5mx, на котором написана эта книга; «Зимнему Безмолвию» — за хостинг, и всем читателям сайта fuga.ru — за поддержку и критику.